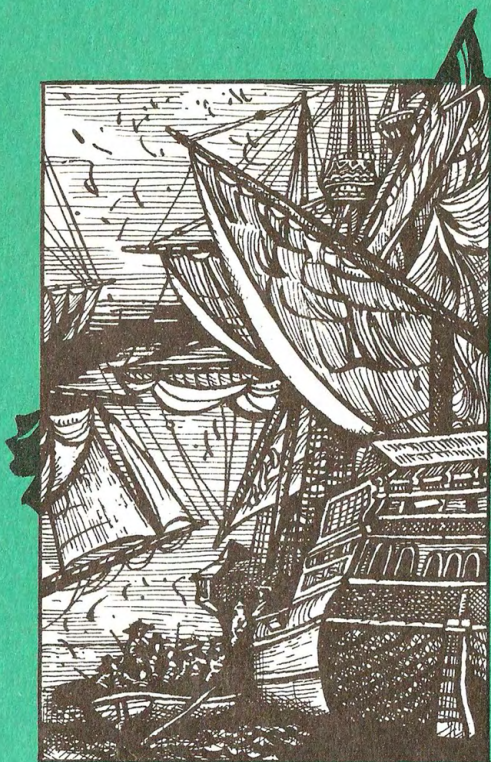

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 09.01.2018 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1994

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том девятнадцатый

Миссурийские
разбойники

Меткая Пуля

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»

1994

Составитель *М. Секай*
Иллюстрации художника *С. Цилова*

Редактирование текста и подготовка оригинал-макета
осуществлены МП ТОО «Астра».

- Эмар Гюстав.
Э54 Собрание сочинений. В 25-ти т. Т. 19. Миссурийские
разбойники; Меткая Пуля: Романы / Пер. с франц. — М.:
ТЕРРА, 1994. — 544 с.: ил.
ISBN 5-85255-403-0 (т. 19)
ISBN 5-85255-092-2

В девятнадцатый том Собрания сочинений известного французско-
го писателя Гюстава Эмара (1818—1883) вошли вестерны «Миссурий-
ские разбойники» и «Меткая Пуля».

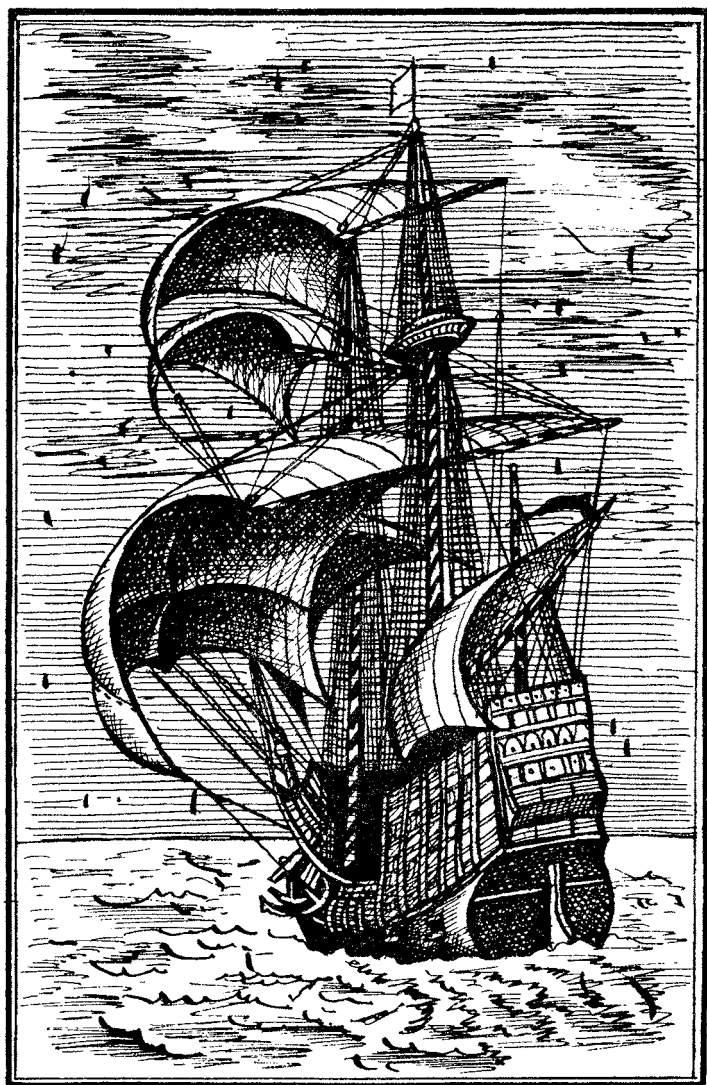
Э 4703010100-043 Подписное
А30(03)-94

ББК 84.4 Фр

ISBN 5-85255-403-0 (т. 19)
ISBN 5-85255-092-2

©Издательский центр «ТЕРРА», 1994

Миссурийские разбойники

ГЛАВА I

Читатель знакомится с героем этой истории

ятнадцатого термидора X года, или 4 августа 1801 года, угодно ли читателю будет принять республиканский календарь, введенный в то время во Франции, или григорианский, которого не переставали держаться другие цивилизованные народы на земном шаре, вскоре после восьми часов вечера, в ту минуту, когда последние лучи заходящего солнца исчезали за крутыми горами Дорчестера, золотя мимолетным блеском зеленеющие вершины островов, причудливо разбросанных при входе в Бостонскую бухту, праздношатавшиеся мужчины и женщины, собравшись на конической вершине Маяковой горы, у самого подножия маяка, зажженного несколько минут назад, увидели на море большое судно, паруса которого надувал сильный ветер.

Судно это после нескольких маневров, которые зрители на Маяковой горе с трудом могли различить, вдруг решительно вошло в бухту, не замедляя хода, несмотря на возрастающую темноту, при которой труднее было идти и опаснее приставать. Но либо капитана этого корабля побуждали какие-то причины скорее бросить якорь, либо, что вероятнее, у него был опытный лоцман, прекрасно знавший берег, корабль скоро дошел до скалистого входа в гавань, подобрал нижние паруса и брамсели, оставив только стеньгу, кливер и контр-бизань, и при последних усилиях затихающего ветра осторожно встал возле судов, находившихся в гавани.

Через несколько минут паруса были подобраны и на палубе виднелся только матрос, закутанный в толстую шинель, который ходил взад и вперед по баку, с беспечностью, свойственной морякам, когда они войдут в гавань.

Оставим празднующихся, собравшихся на Маяковой горе, медленно спускаться оттуда и продолжать свои ошибочные толки о неожиданном прибытии этого таинственного судна и, попросив читателя следовать за нами, поведем его на корабль, возбудивший любопытство добрых жителей Бостона и Салема, его брата-близнеца, от которого он отделен только четырнадцатью милями, не более.

Трехмачтовым судном, в такое позднее время искавшим убежища в Бостонской гавани, флаг которого в темноте любопытные различить не могли, был французский корабль «Патриот» из Бреста, откуда он вышел шестьдесят три дня тому назад с грузом пороха, военного снаряжения — то есть ружей, сабель, пистолетов — и тех мелких вещиц, которые известны в торговле под названием *парижских изделий*.

Мы прибавим, что «Патриот», несмотря на свою мирную наружность, вовсе не желал попасться в руки англичан, с которыми Франция вела тогда войну, и кроме груза имел шестнадцать двадцатичетырехфунтовых карронад, двадцатифунтовую пушку на носу и сто десять человек команды, все бретонцев и нормандцев, превосходных матросов, людей решительных и искренно ненавидевших англичан.

Следовательно, «Патриот» имел возможность в случае надобности храбро защищаться против неприятельских крейсеров, которым вздумалось бы на него напасть. Впрочем, он доказал при отъезде из Бреста, что способен сделать.

Гавань эта была тогда плотно блокирована громадной английской эскадрой, бриги и фрегаты которой, взяв лоцманами бретонских рыбаков, изменявших своему отечеству, отваживались лавировать даже в Ируазе и герметически замыкали вход в канал.

В одну темную ночь, во время страшной грозы, когда сверкала молния и гремел гром, «Патриот» снялся с якоря, распустил паруса и, рискуя раз двадцать пойти ко дну, решительно вошел в канал и отважно миновал всю английскую эскадру, испуганную этой безумной смелостью до такой степени, что ни одно судно не решилось погнаться за ним.

За четыре или пять миль в море погода сделалась сноснее, волнение почти утихло; капитан Пьер Дюран, командир

«Патриота», велел поставить фонарь и, рискуя возбудить тревогу в неприятельских крейсерах, приказал выстрелить из пушки.

Сигнал этот, вероятно ожидаемый с нетерпением, тотчас заметила рыбацья лодка с тремя гребцами, вышла из прибрежных скал, и через час, совершая чудеса храбрости, лодка эта подъехала к кораблю; с легкостью и искусством опытного моряка один человек перескочил из лодки на корабль, и пока лодка наскоро убиралась к берегу, «Патриот» распустил паруса и отправился в дорогу с пассажиром, которого, по морскому выражению, он принял к себе через борт.

Вот каким образом корабль, который вошел в Бостон, оставил берега Франции.

В ту минуту, когда мы входим в кают-компанию «Патриота», два человека, сидя друг против друга с каждой стороны стола, на котором находились стаканы, бутылки, табак, разговаривали, куря превосходные сигары, синеватый дым которых составлял туманный ореол над их головами.

Два человека эти были капитан Пьер Дюран, двадцативосьмилетний мужчина, правильные, может быть, даже несколько женственные черты которого имели выражение чистосердечия, и которым яркий блеск черных глаз, широкий матовый лоб и шелковистые локоны длинных темных волос, обрамлявших его лицо, придавали отпечаток энергии. Он был высокого роста, строен, изящен, и хотя обращение его было довольно резким, оно все-таки показывало человека, хорошо воспитанного, что было в то время редкостью среди моряков.

Собеседником капитана был красивый и гордый молодой человек лет двадцати двух; он был, по крайней мере, пяти футов и шести дюймов росту; плечи его были широкие, руки и ноги с крепкими мускулами показывали необыкновенную силу; чувствовалось, что под его чрезвычайно тонкой оболочкой скрывались железные нервы.

Цвет лица его был бледен, волосы черные, длинные и кудрявые; большие, широко открытые глаза выражали непримиримую волю; никогда его твердый взгляд не терялся в неопределенном пространстве, а когда он размышлял и сосредоточивался в самом себе, взгляд его принимал выражение более мрачное и глубокое; нос, слегка загнутый вниз, переходил в лоб почти по прямой линии, вдруг прерванной морщиной, неизгладимым знаком, проведенным мыслью

или, может быть, несмотря на его молодость, горем; рот его был несколько велик, зубы великолепные, губы презрительные, с прекрасными темно-каштановыми усами.

Странная смесь пренебрежения, гордости, чистосердечия, решимости и кротости придавала физиономии этого молодого человека какое-то неопределенное, но поразительное выражение.

Уже несколько минут разговор, сначала живой, вдруг был прерван немногим резким выражением капитана; оба собеседника молча курили, каждую секунду взглядывая друг на друга украдкой, хотя, по-видимому, были совершенно поглощены занятием, которому предавались с каким-то бешенством, судя, по крайней мере, по громадному количеству дыма, который они выпускали не только ртом, но и ноздрями.

Вдруг капитан встал, с волнением прошелся два-три раза по каюте, потом, остановившись перед собеседником и протянув ему руку через стол, сказал с чувством:

— Я виноват, не сердись на меня, Оливье.

— Я на тебя не сержусь, — напротив, мой добрый Пьер, — ответил молодой человек, взяв его за руку, которую пожал несколько раз.

— Если так, зачем же ты на меня дуешься?

— Я на тебя дуюсь? Право, ты сошел с ума! Нет, не думай этого, нет! Я печален, вот и все. Ты невольно разбередил рану, вечно кровоточащую в моем сердце.

— Если так, я не желаю совершать других подобных промахов, что очень может случиться, если мы будем продолжать этот проклятый разговор. Поэтому мне кажется, что мы хорошо сделаем, если раз и навсегда бросим это и станем говорить о другом. В предметах к разговору недостатка нет, черт побери!

— Как ты хочешь, — ответил Оливье, улыбаясь.

Капитан, облегченный от тяжести, камнем давившей на его грудь, сел, схватил бутылку и наполнил стакан своего друга.

— Выпей-ка глоток этого старого рома, — сказал он, — это принесет тебе пользу; ром отлично прогоняет мрачные мысли. Твое здоровье!

— Твое здоровье!

Стаканы чокнулись, друзья выпили.

— Теперь, любезный Оливье, — продолжал капитан, ставя стакан на стол, — вот мы и в Бостоне. Завтра, после

обычных формальностей, мы отправимся на берег. Что намерен ты делать?

— Ты знаешь мои намерения так же хорошо, как и я, мой друг, если не забыл нашего разговора в гостинице накануне твоего отъезда.

— Полно, ты шутишь; то, что ты говорил мне тогда, не может быть серьезно! Я помню, что мы оба пообедали очень хорошо, и, натурально, на нашем разговоре должна была отразиться наша попойка, чересчур уж обильная.

— Нет, друг мой, напротив, ты знаешь, что мы пили очень мало, следовательно, сохранили все наше хладнокровие, так что даже ты подсмеивался надо мной, с жалобным видом указывая мне на две бутылки, из которых одна была пуста, а другая едва почата; больше этих двух бутылок мы не требовали. Впрочем, вот буквально мои слова: «Любезный Пьер, — сказал я тебе, — по причинам очень важным, которые я не имею права сообщить тебе, вернувшись во Францию только три месяца тому назад, после отсутствия, продолжавшегося более десяти лет — я не называю приездом короткие стоянки в гаванях, где я никогда не сходил на берег, — я вынужден уехать как можно скорее; сверх того, отъезд мой не должен быть известен никому. Мне надо исчезнуть, не оставив за собой ни малейшего следа. Могу ли я рассчитывать на твою дружбу так же, как и ты в подобных обстоятельствах мог бы рассчитывать на мою?»

— Я на это ответил: «Любезный Оливье, завтра во что бы то ни стало я прорвусь сквозь блокаду; если погода сделается так дурна, как обещает, я в полночь пушусь в канал на всех парусах. Держись в море. Если мне удастся, я возьму тебя через борт. Твои дела меня не касаются, ты мой друг, я никогда не стану расспрашивать тебя об этом»... Сдержал ли я свое обещание?

— Честно, я должен в этом признаться, и искренно благодарю тебя. Кроме того, я прибавил, что намерен поселиться в Америке.

— Да, это-то и огорчает меня.

— Почему же? Разве не всякая страна хороша для человека с мужественным сердцем?

— Но почему бы тебе не продолжать плавать по морям? Ты будешь моим помощником, мы будем плавать вместе. Ты такой же хороший моряк, как и я; дела как будто принимают

во Франции новый оборот. Кто знает? У тебя есть сердце, дарование, может быть в будущем...

— Нет, — перебил Оливье с печальной улыбкой, — не говори об этом больше, друг мой. В будущем меня ожидают только неудачи и новые горести в этой Франции, где случай заставил меня родиться, а я даже не смею назваться одним из ее сынов.

— О! Друг мой, как ты должен страдать, чтобы говорить подобные вещи!

— Да, я страшно страдаю, друг мой. Поскольку завтра мы должны расстаться, и, быть может, навсегда, а ты единственный человек, называющий меня другом, я не хочу оставить тебя, не сообщив тебе из моей жизни всего, что мне позволено открыть.

— Оливье, прошу тебя...

— Выслушай меня; притом я не стану долго испытывать твоего терпения: если моя история печальна, по крайней мере, она имеет ту выгоду, что очень коротка, — прибавил Оливье с мрачной ироничной улыбкой.

Он налил себе стакан рома, залпом опорожнил его, закурил сигару и, облокотившись о стол, наклонился вперед и продолжал:

— Что такое отечество? Как сказал один философ, это та страна, где нам хорошо. А для меня это значит такая страна, где для человека сосредоточиваются семейные узы, выгоды, дружбы, любовь, честолюбие — словом, все, что составляет счастье, и все, что свет называет счастьем. С этой точки зрения у меня отечества нет — или, лучше сказать, мое отечество повсюду... О! Не бойся, я не собираюсь теоретизировать; ты знаешь, что я не льщу себя пустыми надеждами. Теперь выслушай меня. Я родился в Париже.

— Стало быть, ты француз?

— О! Я представлю тебе доказательство, что могу быть англичанином и немцем, и даже русским. Я родился в Париже, в доме доктора, жившего в предместье Сент-Оноре. Перед родами мою мать перенесли к этому доктору. Как только я родился, меня отдали в воспитательный дом. Это было большим счастьем для меня, безродного сироты; почтенный доктор мог бросить меня у какой-нибудь тумбы, и все было бы кончено. Кто имел право упрекнуть его в этом? Он не имел относительно меня никаких обязательств... Четыре года я оставался в воспитательном доме. Потом молодые суп-

руги, обожавшие друг друга и потерявшие обожаемого сына, взяли меня к себе. Это было странное супружество. В первое время я был очень счастлив; каким-то чудом казалась мне жизнь в этой семье, занимавшей пятый этаж старого и грязного дома на улице Плюмэ и питавшейся чаще черствым хлебом, чем цыплятами с трюфелями. Вдруг все изменилось. Богатство явилось неизвестно откуда. Мне было тогда восемь лет; жизнь, которую мне приходилось вести, сделала меня довольно болезненным; я был хил и бледен, перенес все детские болезни, чахнул — словом, был чуть жив. Между тем муж моей приемной матери получил место в министерстве иностранных дел с хорошим жалованьем. Жена его была одной из первых парижских красавиц и «случайно» встретила армейского интенданта, бывшего друга ее семейства. Этот «великодушный» человек принял участие в бедных супругах и сделался их покровителем. Квартира на улице Плюмэ сменилась великолепным особняком в предместье Рюэй, роскошно меблированным за счет интенданта, который сам жил в нескольких шагах от особняка и проводил там все вечера, без сомнения для того, чтобы свободнее наслаждаться счастьем своих любимцев. По странной случайности каждый вечер, за несколько минут до прихода интенданта, муж покидал дом и возвращался в полночь, через четверть часа после его ухода, так что достойный интендант в отсутствие мужа вынужден был беседовать лишь с очаровательной Ариадной, которая, впрочем, довольно терпеливо переносила скуку.

— Да, — сказал капитан, смеясь, — покровитель утешал ее.

— Вероятно, — продолжал Оливье с иронией. — Тем временем я рос, становился любопытен, шаловлив, болтлив, задавал много вопросов, входил туда, куда меня не звали — словом, стал мешать. Долго так продолжаться не могло, и этому решили положить конец. Решили единогласно, что я неисправимый негодяй и что от меня следует избавиться. Мне только что исполнилось девять лет. Моя приемная мать, уроженка Дюнкерка, имела в родне моряков; меня решили определить в юнги, что и было сделано немедленно. Тогда же я узнал, что этот мужчина и эта женщина, которых я считал отцом и матерью, вовсе не были мне родней. Хозяйка обняла меня, смеясь, как делала это каждый день, советовала мне вести себя благоразумно и подарила десять су; муж,

всегда выказывавший ко мне некоторое участие, сам довел меня до ветхого дилижанса, который в то время возил пассажиров из Парижа в Кале. Прежде чем поручить меня кондуктору, он счел своим долгом дать мне последний совет. «Малыш, — сказал он мне, — теперь ты остаешься так же одинок, как и в день твоего рождения. Помни, что общество ничего для тебя не сделает; никогда не делай ничего для него. Жизнь — это непрерывная борьба, в которой маленькие всегда будут поеданы большими. Успех оправдывает все. Две единственные добродетели, которые помогут тебе добиться успеха, — это эгоизм и неблагодарность; не забывай этого... А теперь прощай, больше мы не увидимся». Он в последний раз кивнул мне головой, повернулся и ушел. Вот какова была моя первая горесть; она была ужасна и разбила мое сердце безвозвратно.

— Мой бедный друг, — сказал капитан, дружески пожимая руку Оливье, — я понимаю тебя и сожалею о тебе, потому что твоя история похожа на мою.

— Достойные супруги, — продолжал Оливье, — зная о моем слабом здоровье, надеялись, как я узнал впоследствии, что я не перенесу тяжелых трудов грубого ремесла, на которое они осудили меня, и что скоро я изнемогу. Но они обманулись в своем ожидании, как ты видишь, — с гордостью прибавил Оливье.

— Действительно, — заметил капитан.

— Я поступил юнгой к ловцу сельдей. До тех пор я привык к вниманию и вежливости людей, окружавших меня, но отныне меня каждую минуту преследовали грубости и дурное обращение пьяницы, имевшего надо мной неограниченную власть и говорившего со мной с ругательствами на губах и с линьком в руках; ты это знаешь, мы долго плавали вместе. Время моего учения было ужасно. Служа то на китоловном судне, то у ловца трески, то у торговца неграми, я раз шесть ходил вокруг света, был брошен на американском берегу, попал в руки к дикарям и несколько лет оставался у них в плену. Потом, во время кораблекрушения, меня выбросило на пустой остров Тихого океана... Не знаю, каким образом я не умер раз двадцать от голода и отчаяния... Ну, друг мой, все это еще ничего не значит; во всех странах, куда приводил меня случай, я встречал иногда людей сострадательных; даже дикари имели ко мне сострадание, они любили меня — меня, которого не любил никто. Во Франции,

в моем отечестве, как ты называешь страну, где я родился, — продолжал Оливье с невыразимой горечью, — в том отечестве, из которого меня гнусно прогнали девяти лет отроду, я нашел двух неумолимых врагов, которые постоянно стоят на часах возле меня — клевету и ненависть. К несчастью, меня не могли отдать на руки постороннему человеку, не сказав несколько неосторожных слов; я сам, во время своего детства, слышал много разговоров, отрывочных, однако довольно ясных, чтобы навести меня на след истины. Мне удалось открыть тайну моего рождения, узнать даже, кто мои родители, их имена, положение в свете. Однажды, в минуту гнева — ты знаешь мой запальчивый характер — я сделал ошибку и дал понять, что мне известно все. С этого дня моя гибель была предreshена; клевета стала ожесточенно преследовать меня, самые ужасные оскорбления были втайне распространяемы врагами. Наконец... говорить ли тебе? Несколько раз я попадал в ловушку и был оставлен лежать на месте замертво; даже убийство не останавливало моих врагов. Это ужасно — не правда ли? Тогда пошли еще дальше: подкупили капитана корабля, на котором я плыл, чтобы он бросил меня на берегу Новой Мексики, среди индейских племен, самых свирепых во всей Америке.

— И капитан согласился на это гнусное дело?

— Еще бы! — с горечью сказал Оливье. — Ему предложили огромную сумму; это был отец семейства, он хотел обеспечить будущее своих детей. Я был выброшен на берег, усыпанный обломками скал. Когда я проснулся, корабль виднелся в море, как крыло чайки. Следовательно, мне предстояло одно из двух: быть убитым индейцами или умереть с голоду. Ни то ни другое не случилось. Каким образом? Может быть, это выяснится когда-нибудь... Вот моя история, друг мой. Понимаешь ли ты теперь, почему я осуждаю себя на изгнание в Америку, между тем как мои гонители живут богато, счастливо и почетно во Франции?

— Ты поселишься в тот дом?

— Нет, мне наскучила цивилизованная жизнь; я хочу испробовать жизнь варварскую. Может быть, она окажется не так сурова для меня. Я намерен уйти далеко, все прямо — до тех пор, пока не наткнусь на какое-нибудь индейское племя. Я попрошу у него гостеприимства и останусь там жить... Моя прошлая жизнь познакомила меня с нравами американских туземцев, я не совсем новичок в этом отноше-

нии и уверен, что мне удастся заслужить расположение людей, которых так презрительно называют дикарями.

— Хорошо, с этим я, пожалуй, согласен. Ты здоров, молод, храбр, ловок и умен; этого даже слишком достаточно для успеха твоего безумного предприятия. Ты проживешь с индейцами лет пять, а может быть, и десять, но тебе наконец надоест такая жизнь. Что же ты будешь делать тогда?

— Что я буду делать? Почему я знаю? Опыт даст созреть моему рассудку, время убьет мое горе, погасит ненависть в моем сердце, и тогда, без сомнения, я прощу тех, кто заставил меня так страдать. Разве это мщение хуже всякого другого?

— Да, Оливье, но это мщение не удовлетворит тебя никогда; ты не обманешь меня.

Молодой человек отвернулся, ничего не ответив, встал и вышел на палубу, оставив капитана одного в каюте.

ГЛАВА II

Как капитан Пьер Дюран расстался со своим другом

а другой день, как только все формальности для получения разрешения сойти на берег были выполнены, капитан приказал спустить шлюпку, в которую сел со своим другом, и оба отправились в город.

Переезд был безмолвен — или потому, что оба друга не хотели разговаривать о своих делах при матросах, или потому, что предпочли предаваться своим мыслям.

Скоро они вышли на набережную, заваленную товарами всякого сорта. Бостон еще не достиг того великолепия, которого он должен был достигнуть впоследствии, но уже в то время торговля была там достаточно хорошо развита и можно было найти некоторые удобства для жизни, которых напрасно стали бы искать в любой французской гавани.

Американцы с характерным для них энтузиазмом поспешили изгладить следы, оставленные войной за независимость; город, так сказать, помолодев, совершенно изменил свою наружность и принял веселый и счастливый облик, который придает такое замечательное очарование большим торговым центрам, где каждый легко зарабатывает себе про-

питание трудом и, следовательно, доволен своей участью. Высадившись на берег, капитан отвел своего друга в сторону.

— Одно слово, — сказал он ему.

— Говори.

— Когда ты намерен оставить город?

— Сегодня вечером, за два часа до заката солнца.

— Так скоро!

— Да, я спешу подышать чистым воздухом обширных равнин и сбросить с себя цепи цивилизации.

— Обещай мне одно.

— Все, что хочешь.

— Я вынужден оставить тебя; мне надо отправиться к получателю товаров. Я пробуду там не более часа. Жди меня к завтраку.

— Я сам хотел тебе это предложить.

— Прекрасно; кроме того, обещай мне не заниматься приготовлениями к твоему отъезду, пока не увидишься со мной.

— Это еще зачем? За один час можно сделать многое; я повторяю тебе, что не хочу здесь ночевать.

— Будь спокоен; я помогу тебе наверстать потерянное время.

— Пожалуй, если хочешь.

— Ты сделаешь мне удовольствие.

— Коли так, я согласен.

— Благодарю. Итак, это решено?

— Еще бы!

— А где же мы будем завтракать?

— Здесь, если тебя все равно, — ответил Оливье, указывая на гостиницу, находившуюся у самой гавани.

— Прекрасно; за завтраком у нас будет замечательный вид на море... Я побежал. До скорого свидания!

— До скорого свидания!

Они расстались.

— За коим чертом Пьер хочет, чтобы я ничем не занимался, пока я не увижусь с ним? Или он думает, что сегодня ему посчастливится больше, чем вчера, и удастся переменить мое намерение, — бормотал Оливье, смотря, как его друг удалялся большими шагами. — Но он должен знать, что я никогда не переменю раз принятого намерения... Ну, посмотрим! Бедный друг! — прибавил он с подавленным вздохом. — Это единственный человек, искренне любящий меня, и с ним одним сожалею я, расставаясь со светом.

Разговаривая таким образом сам с собой, Оливье, связанный своим обещанием, добросовестно употребил час, которого потребовал у него друг, на прогулку по городу. Он осматривал магазины и примечал те, в которых обещал себе побывать, когда настанет время сделать покупки, необходимые для замышляемого им продолжительного путешествия.

Ровно через час оба друга встретились у дверей гостиницы; трудно было выказать большую аккуратность. Они вошли, заказали завтрак и велели подать его в отдельную комнату.

Кушанья были вкусны, они очень проголодались и весело позавтракали.

— Теперь поговорим, — сказал капитан, опуская в кофе ложку сахара.

— Поговорим, — ответил с улыбкой Оливье. — По-моему, ничего не может быть лучше, как после хорошего завтрака разговаривать с истинным другом, — добавил он, облокотившись о стол с сигарой в зубах.

— Это правда, однако через несколько часов ты по своей собственной воле лишишь себя, быть может навсегда, этого высокого наслаждения.

— Что же делать? Человек ненасытен; неизвестность невольно влечет его, и он бросает все, чтобы гнаться за тенью. Басня Лафонтена вечно будет справедлива... Но поговорим о другом; по-моему, ничего не может быть глупее, чем философствовать после вина.

— Ты прав. Твое здоровье!

— Твое здоровье. Этот ром превосходен, он лучше водки с кофе; а ты как находишь?

— Я люблю и то и другое. Знаешь, что я делал с тех пор, как расстался с тобой?

— Нет. Откуда мне это знать?

— Подожди, я тебе скажу.

Капитан встал, наклонился к окну, посмотрел направо и налево, сделал знак, после чего опять спокойно уселся на свое прежнее место напротив друга.

Оливье, хотя и не понял этих странных проделок и хотя любопытство его было сильно возбуждено, не сделал ни малейшего замечания и продолжал спокойно прихлебывать свой кофе, как будто ничего не заметил.

Пять минут спустя вошли несколько человек; они молча поклонились, положили на стол несколько свертков и ушли, заперев за собой дверь.

— Это что такое? — спросил Оливье, смотря на своего друга с комическим беспокойством.

— Ха-ха-ха! Любопытный! — вскричал капитан. — Поймал же я тебя! Стало быть, некоторые вещи имеют способность волновать тебя?

— Ты ошибаешься, это просто из участия...

— Хорошо, хорошо, мы вернемся к этому; еще пора не настала. Скажи мне, ты ведь едешь сегодня вечером?

— Непременно и даже, — прибавил Оливье, приподнимаясь с места, — я попрошу у тебя позволения...

— Успеем, — перебил капитан, положив руку на плечо друга, — черт побери, точно будто отсрочка будет для тебя гибельна!

— Нет, но...

— Подожди минуту.

— Хорошо.

— Будем говорить откровенно; хочешь?

— Я ничего лучшего не желаю.

— Мы старые друзья. Между нами щепетильность неуместна.

— Конечно, но куда ты клонишь?

— А вот куда; есть у тебя деньги?

— Уж не хочешь ли ты дать мне взаймы?

— Может быть; отвечай мне напрямик, как я спрашиваю тебя.

— Деньги у меня есть.

— Но под словом «деньги» я подразумеваю кругленькую сумму.

— Суди сам, у меня сто тридцать испанских унций¹, зашитых в пояс. Кроме того, в сумочке из кожи мускусной крысы, висящей на моей шее, лежит двенадцать бриллиантов, стоящих по меньшей мере сто двадцать тысяч франков. Ты успокоился?

— Почти, однако я недоверчив, как тебе известно.

— Ты хочешь видеть? Смотри.

---

¹ 11,050 франков на французские деньги. — *Примеч. автора.*

Оливье достал сумочку, раскрыл ее и выкатил на стол двенадцать прекрасных бриллиантов.

— Как ты их находишь? — поинтересовался он.

— Великолепными, и если унциии...

— О! Это уж чересчур. Какой же ты упрямец! Вот мой пояс; помимо того у меня в жилете зашито золотом почти две тысячи франков. Довольно этого — или, быть может, надо быть миллионером, чтобы путешествовать в стране, где богатство бесполезно.

Говоря таким образом, Оливье бросил на стол возле бриллиантов золото и пояс.

— Объявляю, что я остался доволен. Спрячь всю эту мелочь, — сказал капитан со смехом, — теперь моя очередь.

— Кажется, дело еще не кончено, — весело сказал Оливье, припрятывая свое богатство.

— Как ты нетерпелив! Я еще не успел и начать. Очень скоро я тебя заинтересую.

— Я жду, — ответил Оливье тоном человека, решившегося рискнуть.

— Теперь будем говорить серьезно.

— Да, это будет недурно.

— Ты все шутишь?

— Нет, напротив, я буду серьезен, как факир.

— Предупреждаю тебя, что ты не заставишь меня сбиться с мысли.

— Еще бы! Я знаю это, потому и покоряюсь. Продолжай; я буду нем, как рыба.

— Я прошу у тебя только пять минут; экий ты сумасброд!

— Я великодушен и даю тебе десять.

— Больше мне не нужно.

— Хвала Всевышнему! Ты болтливее адвоката. Продолжай.

— Полно, Оливье. Я напрасно стараюсь притворяться веселым; у меня слезы навертываются на глаза при мысли о нашей разлуке, у меня сердце обливается кровью. Когда я подумаю, что, может, никогда уж не стану пожимать ту дружескую руку, которую жму в эту минуту...

— Прогони эти мысли, друг мой! Кто знает, может быть мы встретимся раньше, чем думаем.

— Дай Бог, чтобы ты оказался пророком. Но я трепещу при мысли, что ты отправишься один в неизвестные области,

будешь жить среди народа, даже язык которого тебе неизвестен.

— В этом ты ошибаешься, друг мой; я говорю почти так же хорошо, как и на родном языке, по-английски, по-испански, по-голландски, не считая четырех или пяти индейских наречий, которым я научился за свою жизнь.

— Меня в высшей степени удивляет, как ты мог научиться такому множеству предметов среди такой трудной жизни, какую вел с детства.

— Но это очень просто! Когда я поступил на корабль, я умел немного читать и писать; я прилежен по природе и стал учиться, а так как я до страсти люблю чтение, то и читал много.

— Это правда. Я помню, что постоянно встречал тебя во всех закоулках корабля с книгой в руке, как только у тебя находилась свободная минута. Но теперь как же ты будешь читать?

— А какую чудную книгу написал сам Господь на равнинах, на горах, даже на малейшей травинке! — вскричал Оливье с энтузиазмом. — Поверь мне, друг, никто не утомится перелистывать интересные страницы священной книги природы, потому что он всегда найдет там утешение, надежду или одобрение... Но успокойся, — продолжал он более спокойным тоном, — я взял с собой две книги, в которых, по моему мнению, сосредоточиваются все великие человеческие мысли; книги эти делают человека добрее и возвращают ему мужество, когда он ослабевает под тяжестью несчастий. Эти книги я знаю наизусть, а все-таки постоянно перечитываю их. — Он вынул из кармана два тома в черном шагреновом переплете и положил их на стол. Капитан с любопытством схватил их и раскрыл.

— Как! — вскричал он, взглянув на своего друга с невыразимым удивлением. — «Подражание Иисусу Христу» и Монтень!

— Да, «Подражание Иисусу Христу» и Монтень, то есть самое искреннее выражение сомнения и верования; отречение и подтверждение, не есть ли это история всей человеческой философии, с тех пор как Господь создал мир Своей могучей рукой? С этими двумя книгами и имея перед глазами великолепное зрелище природы, разве у меня не будет самой роскошной библиотеки?

— Не знаю, что тебе и ответить, друг мой. Я поработен и увлечен против воли, не смею согласиться с тобой и не чувствую в себе мужество сказать тебе, что ты не прав. Я нахожу, что ты вырос на сто локтей, когда говоришь таким образом. Ступай, ищи неизвестное, оно одно может тебя понять. Иди своим путем. Ты один из тех борцов, душу которых очищает несчастье и которые становятся великими от страдания. Ты, без сомнения, часто будешь терять силы в гигантской борьбе, которую собираешься вести, но ты никогда не падешь, даже смерть тебя не победит, когда настанет твой последний час.

— Тем более, что смерть не что иное, как необходимое преобразование, очищение грубой материи, побежденной божественным разумом. Но, — прибавил Оливье, улыбаясь, — мне кажется, друг мой, что мы увлеклись мыслями чересчур серьезными и далеко отошли от предмета нашего разговора; вернемся к нему, пожалуйста, тем более, что время уходит и час нашей разлуки быстро приближается.

На дворе послышался лошадиный топот. Капитан встал и быстро подошел к окну.

— Вот опять ты начинаешь свои таинственные прогулки! — вскричал, смеясь, молодой человек. — Объяснись, пожалуйста, раз и навсегда.

— Ты прав, — ответил капитан, садясь, — преданные друзья могут понять друг друга без лишних слов. Вот вкратце в чем дело...

— Ну и прекрасно!

— Если ты будешь меня перебивать, я ничего не скажу.

— Говори.

— Мне хотелось ссудить тебя деньгами; ты не отказал бы мне, если б деньги были тебе нужны?

— Конечно, нет, друг мой, это значило бы оскорбить тебя.

— Благодарю. Но ты богаче меня; следовательно, я беру назад свое предложение.

— Ты знаешь, что все мое имущество в твоем распоряжении.

— Еще бы! Но и мне также ничего не нужно; но поскольку я знал, что ты не переменишь принятого намерения и, следовательно, наша разлука может быть вечной, я хотел оставить тебе на память подарок, который постоянно напоминал бы тебе о нашей дружбе.

— Какое у тебя славное сердце! — с волнением произнес молодой человек.

— Знаешь ли ты, что я сделал? Я взял на себя твою экипировку.

— Как, мою экипировку?! Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что тебе ничего не нужно покупать для дороги; все куплено, смотри.

Они встали. Капитан тотчас начал раскрывать свертки, принесенные час тому назад молчаливыми людьми, которые так удивили молодого человека.

— Смотри, — продолжал капитан, — вот настоящая кентуккийская винтовка, единственное оружие, употребляемое охотниками; я ее пробовал. Вот мешок с пулями, с литейными формами, чтобы делать другие пули, когда эти кончатся, вот пороховница, она полна; сверх того, ты найдешь два свертка с порохом отдельно. Это дорожный несессер, с ложкой, вилок, стаканом, ножом; вот это кожаный пояс; вот охотничья сумка, кожаные ботинки, мягкие сапоги, плащ, четыре одеяла.

— Да ты разорился, мой бедный друг!

— Оставь меня в покое, я еще не кончил; если ты хочешь вести жизнь дикарей, то и снарядиться должен как следует, — ответил капитан, смеясь. — Вот еще охотничий нож и топорик с молотком; это затыкается за пояс; я разузнал... Ах! Вот еще пистолеты, вот твоя сабля — я выбрал прямую, это лучше, лезвие превосходное; американская кавалерия приняла этот образец. Еще что? Да! Чемодан средней величины; ты найдешь там рубашки, вообще белье, наконец трубки, табак, огниво с кремнем, дюжину ящичков с консервами — охотник не всегда убивает дичь, в которую стреляет... Кажется, это все... Нет, я забыл, ты найдешь бумагу, перья, чернила и карандаши в чемодане. Теперь главное: вот мои часы, превосходный хронометр; неплохо узнавать время от времени, который час.

— В этом позволь мне тебе отказать, друг мой, эти часы для тебя гораздо полезнее, чем для меня, и...

— Каждый раз, как ты посмотришь на них, вспоминай обо мне; меня уже не будет с тобой, чтобы говорить тебе: надейся!

Оба, рыдая, бросились в объятия друг друга и долго оставались обнявшись. Оливье был побежден.

— Принимаю, — сказал он со слезами в голосе.

— Благодарю, ты мой истинный друг! — радостно вскричал капитан. — Теперь одевайся, пока я все это уберу; мне хотелось бы посмотреть на тебя в дорожном костюме.

— Я очень рад доставить тебе удовольствие, но нам остается сделать еще одну последнюю покупку, прежде чем я займусь своим туалетом.

— Какую же? Я, кажется, ничего не забывал, — сказал капитан с лукавым видом.

— Ты понимаешь, друг мой, что я не стану нести все это на спине, не говоря уже о том, что я буду походить на Робинзона Крузо на острове; как я ни крепок и ни силен, я не вынесу этой тяжести больше двух часов.

— Это правда. Так как же быть?

— Пойдем купим лошадь.

Капитан расхохотался и потер руки.

— Подойди-ка сюда, любезный друг, — сказал он.

— Куда?

— Да вот к окну.

— Для чего?

— Смотри.

Молодой человек высунулся из окна; две лошади совершенно оседланные и взнузданные, которых держал под уздцы слуга гостиницы, стояли у дверей.

— Что ты думаешь об этих животных? — спросил капитан.

— Они очень хороши; особенно великолепна вороная, это лошадь луговая, называемая охотниками мустангом.

— Ты, кажется, знаешь в этом толк?

— Я видел таких лошадей достаточно и должен знать, любезный друг. Этот мустанг кажется мне очень ретивым; он, должно быть, еще молод. Счастлив человек, которому он принадлежит. Хотелось бы мне найти такую же!

— Это легко.

— Не так легко, как ты думаешь: эти лошади очень редки на берегу, да и вообще хозяева не любят расставаться с ними.

— Я очень рад, что он тебе нравится. Он принадлежит тебе.

— Как?! Неужели?

— Да, я купил его для тебя; представился случай, и я поспешил воспользоваться им.

— О! Это уж слишком, Пьер, это уж слишком! Ты же разорился.

— Какое безумство говорить таким образом... Да! Предупреждаю тебя, что в седло я велел вделать двойной карман, в котором ты найдешь несколько мелких вещей.

— Ах! Это ужасно, друг мой, — ты, должно быть, хочешь заставить меня сожалеть.

— Нет, друг, я оставляю тебе вещи на память; таким образом я уверен, что ты не забудешь меня.

— Разве мне нужны подарки, чтобы сохранять, как драгоценность, нашу дружбу в моем сердце?

— Ты знаешь, что дела остаются делами, как говорят здесь; я занимался твоими делами сегодня утром, теперь пора подумать о моих.

— Это ты за один час наделал такие чудеса?

— Я спешил. Ну, одевайся же.

— Я скоро буду готов... Но там стояли две лошади...

— Да, вторая для меня.

— Как для тебя?

— Я хочу проводить тебя. Пусть получатель товара делает сегодня что захочет, я умываю руки.

Молодой человек молча пожал руку своему другу. Крупные слезы потекли из его глаз, радость душила его, он не мог говорить.

С лихорадочным волнением начал он надевать дорожный костюм; друг помогал ему. Через несколько минут он оделся. Эта одежда чрезвычайно к нему шла и совершенно изменила его внешность.

— Ты просто великолепен, — смеясь, сказал капитан, — ты похож на калабрийского разбойника.

Они вышли. Капитан заплатил за завтрак, и оба друга сели на лошадей.

— В какую сторону мы повернем? — спросил капитан.

— Пойдем прямо, — ответил молодой человек, улыбаясь, — всякая дорога ведет к тому месту, куда я еду, потому что я не еду никуда.

— Это правда, — прошептал капитан со вздохом, — это прямо-таки кругосветное путешествие по суше.

Они отпустили поводья и тронулись в путь.

Тихо ехали они рядом, разговаривая между собой откровенно, припоминая прошлую жизнь, но не говоря о настоящем.

Через два часа молодой человек остановился.

— Расстанемся здесь, — сказал он, — если мы должны расстаться, лучше теперь, чем после; притом солнце скоро зайдет.

— Прощай! — сказал капитан, задыхаясь от волнения.

— Прощай! — ответил Оливье.

Они обнялись.

Молодой человек пришпорил лошадь, проехал несколько шагов, потом резко остановился и галопом вернулся обратно.

— Обними меня опять, — сказал он своему другу.

— Я ждал этого, — ответил капитан.

После последних объятий Оливье поехал дальше; на том месте, где дорога делает изгиб, он обернулся.

— Прощай! — закричал он, размахивая шляпой.

— Прощай! — ответил капитан.

Молодой человек исчез за поворотом дороги.

— Увижу ли я его когда-нибудь? — прошептал Пьер Дюран, отирая слезу.

Задумчиво и шагом вернулся он на дорогу, ведущую к гавани, куда приехал с наступлением ночи.

ГЛАВА III

Сэмюэль Диксон дает прекрасные советы своему брату

тот день, когда «Патриот» бросал якорь в массачусетской бухте, довольно странная сцена происходила в восьмом часу утра в очаровательной деревеньке Нортамитон.

Деревня эта, вероятно сделавшаяся теперь цветущим городом, была выстроена в восхитительной местности на берегу Коннектикута, в тридцати шести милях от Бостона, с которым она имела постоянные торговые сношения.

В тот день, о котором идет речь, какое-то воодушевление, впрочем, весьма мирное, царило в этом предместье, обычно столь спокойном.

Множество мужчин, женщин и детей, число которых увеличивалось, как подступающий прилив, толпились с тревожным любопытством около телег и повозок, запряженных в пять и даже шесть сильных лошадей, остановившихся у дверей кирпичного дома единственной, а следовательно, и главной гостиницы в деревне, и четырех великолепных вер-

ховых лошадей, полностью оседланных, которых держал двадцатипятилетний негр, неглупый по наружности, который, прислонившись к стене и забрав все поводья в одну руку, беззаботно курил коротенькую трубку, такую же черную, как и он сам, и с лукавым видом смотрел на окруживших его людей, отвечая на их непрерывные расспросы пожатием плеч и временами бросая реплики, совершенно непонятные для нескромных допросчиков.

Толпа, однако, все оживлялась, кричала, ругалась, разглагольствовала, размахивала руками с чрезвычайной живостью и никак не могла успокоиться, по той простой причине, что каждый задавал вопросы и никто не думал отвечать на них.

Между тем шум все усиливался, собрание на свежем воздухе принимало громадные размеры и, благодаря постоянно увеличивавшемуся числу пребывающих, угрожало не только загромоздить единственную узкую улицу, но и совершенно перегородить проход.

В эту минуту послышался лошадиный топот; в толпе тотчас произошло движение, и со способностью сжиматься, какой обладают человеческие массы, толпа подалась направо и налево, свободно пропустив всадника, которого приветствовала дружескими восклицаниями.

— Эй! Сэмюэль Диксон! Вот он! Это он, достойный человек. Наконец-то он приехал! — кричали со всех сторон. — К счастью, они еще здесь; вы их увидите! Дай Бог, чтобы вы их уговорили.

Человек, к которому относились эти возгласы, был средних лет, приятной наружности, с тонкими и умными чертами лица, одетый, как одевались в то время богатые фермеры, и казавшийся всем этим добрым людям довольно важным господином.

Он ехал шагом, осторожно, сдерживая лошадь, чтобы никого не раздавить, и по возможности отвечал, кланяясь и улыбаясь, на восклицания толпы; он казался очень смущенным и не понимал причин столь торжественного приема, оказанного ему.

У ворот гостиницы он остановился и сошел с лошади. К нему тотчас подбежал негр.

— О! Это вы, хозяин? — воскликнул он с веселым смехом.

Диксон узнал негра и бросил ему поводья своей лошади.

— Ага! Ты здесь, Сэнди, — сказал он. — Стало быть, и другие тут.

— Да, хозяин, они все здесь.

— Хорошо, я увижу их; я нарочно для этого и приехал. Присмотри за моей лошадью, она немного разгорячилась.

Потом, в последний раз поклонившись толпе, Сэмюэль Диксон вошел в гостиницу и запер за собой дверь, оставив любопытных в тревожном ожидании.

В зале, довольно большой и неплохо меблированной, шесть человек — две женщины и четверо мужчин — сидели около стола, на котором был поставлен сытный завтрак, которому собеседники оказывали честь с замечательным аппетитом и увлечением.

На скамьях у стен залы человек двадцать, среди которых находились две мулатки, еще довольно молодые, сидели и ели из деревянных чашек, стоявших у них на коленях.

Шесть человек, сидевших вокруг стола, были члены одной семьи: отец, мать, дочь и три сына.

Люди, смиренно сидевшие на скамьях, были их слуги и работники.

Джонатан Диксон, глава семьи, был человеком лет пятидесяти, по меньшей мере, хотя на вид ему казалось не более сорока; его суровые и энергичные черты дышали чистосердечием и веселостью; шести футов роста, сложенный, как Геркулес, он представлял по своей наружности землекопов, которые разработали девственные леса Нового Света, прогнали индейцев и основали в прериях поселения, впоследствии сделавшиеся центрами американской цивилизации.

Сыновей его звали Гарри, Сэм — уменьшительное от Сэмюэля — и Джек.

Гарри было около тридцати лет, Сэму двадцать восемь, а Джеку двадцать шесть; вследствие странной случайности каждый был двумя годами моложе другого.

Эти три юных Геркулеса, созданные по образцу отца, с прекрасно развитой мускулатурой, с умными чертами лица и с неустрашимостью во взоре, дышали, так сказать, силой, беззаботностью и отвагой.

Это были чистокровные американцы, не заботившиеся о настоящем, не сожалевшие о прошлом и имевшие безусловную веру в будущее.

Сюзанна Диксон, мать этих великолепных гигантов, была женщина лет пятидесяти, маленькая, живая, проворная,

хлопотунья, с тонкими кроткими и нежными чертами; она казалась гораздо моложе своих лет из-за удивительной свежести своего лица и необыкновенного блеска глаз. В молодости она, вероятно, обладала редкой красотой.

Диана Диксон, дитя ее старости, как она часто любила называть ее, едва достигла шестнадцати лет и была кумиром своей семьи, ангелом-хранителем домашнего очага. Отец и братья испытывали к ней восторг, доходивший до обожания.

Удивительно было видеть, как эти суровые натуры подчинялись малейшим прихотям слабого ребенка и повиновались, не позволяя себе ни малейшего ропота, самым причудливым ее желаниям.

Диана была очаровательной брюнеткой с голубыми и задумчивыми глазами, стройной и гибкой, как тростинка. Она была бледна; глубокая меланхолия омрачала ее облик и придавала лицу то ангельское выражение, которое присуще мадоннам Тициана.

Эта грусть, которую Диана упорно отказывалась объяснить, овладела ею всего несколько дней назад и сильно тревожила ее родных. На все расспросы, даже матери, которая несколько раз пыталась заставить ее признаться в причине этого внезапного горя, она постоянно отвечала, стараясь улыбаться:

— Это ничего, мне просто немного нездоровится; все пройдет.

При виде этого упорства Диану перестали расспрашивать, хотя каждый втайне обижался на такое недоверие с ее стороны. Но так как Диана была крайне избалованным ребенком, ни у кого не доставало мужества сердиться на нее за упрямство; теперь было уже слишком поздно заставлять ее слушаться. Родные были вынуждены склонить голову и ждать, когда она сама захочет объясниться.

Появление незнакомца в зале, где переселенцы завтракали, как люди, знающие цену времени, возбудило некоторое волнение среди них. Они перестали есть и заговорили шепотом, бросая украдкой взгляды на вошедшего, который, небрежно опираясь на свой кнут, смотрел на них, улыбаясь со слегка насмешливым видом.

— Ей-Богу! Брат Сэмюэль, какой замечательный сюрприз! Признаюсь, я не надеялся видеть тебя. Я полагаю, что ты не завтракал. Не угодно ли тебе последовать нашему примеру? Садись возле миссис Диксон.

— Благодарю, — ответил незнакомец, — я не голоден.

— Как хочешь; но ты позволишь нам продолжать завтрак?

— Сделай одолжение.

Переселенец опять сел на свое место за столом.

— Знаешь ли, брат, — начал Сэмюэль через минуту, — знаешь ли, что для человека твоих лет ты принял очень странное намерение.

— Почему же так, брат? — ответил Джонатан, набив рот. — Я этого не нахожу.

— Может быть, ты и не находишь... А позволь спросить, куда это ты отправляешься?

— На север, к Великим озерам.

— Как! К Великим озерам?! — с удивлением вскричал Сэмюэль.

— Да. Говорят, что там много хороших земель, никому не принадлежащих; мы с детьми станем их разрабатывать.

— Какой черт вбил тебе в голову эту глупую мысль и уговорил отправиться туда?

— Никто. Повторяю тебе, это прекраснейшая страна: леса там великолепны, воды вдоволь, климат немного холодный, это правда, но восхитительный, почва плодородная и, повторю, земли в изобилии.

— А! Ты уже был в этой восхитительной стране?

— Нет, еще не был, но это все равно, повторяю тебе, брат, я это знаю.

— Ты знаешь, Джонатан, но все же я советую тебе остерегаться бухт.

— Опасности нет, — ответил переселенец, слегка пожимая плечами и принимая замечание Сэмюэля буквально.

— Прекрасно! — вскричал, смеясь, Сэмюэль. — Поступай как желаешь, брат, но, пожалуйста, скажи мне, что ты сделал с твоим южным имением. В последний раз, когда я имел от тебя известие, ты еще жил там; это было пять лет тому назад, не так ли?

— Ба-а! Я продал это имение, брат.

— Все?

— Да. Не осталось ничего; я продал своих невольников, оставив у себя в качестве свободных слуг только тех, кто согласился следовать за мной, и взяв с собой всех и все, что может сопровождать меня в путешествии: как ты видишь, жену, сыновей, дочь, мебель, лошадей — словом, мы в полном комплекте.

— Если ты не рассердишься, я попрошу тебя, брат, ответить на один вопрос.

— Я к твоим услугам, брат.

— Разве тебе было плохо там, где ты жил?

— Мне было там очень хорошо, брат.

— Или земля была плохая?

— Плохая? Напротив, она была превосходной.

— Стало быть, ты невыгодно продавал твои продукты.

— Ты смеешься, Сэмюэль, я продавал их очень выгодно.

— Чего же тебе не доставало?

— Ничего.

— Но раз так, — вскричал Сэмюэль Диксон с изумлением, — черт побери, брат! Какой злой гений побуждает тебя искать новые страны, где ты можешь встретить только свирепых животных, еще более свирепых диких индейцев и ужасный климат?

Отважный искатель приключений, поставленный в тупик этим сильным доводом, почесывал голову, по-видимому подыскивая сколько-нибудь логичный ответ, до которого никак не мог докопаться в своем мозгу, когда на его счастье жена подоспела к нему на помощь.

— Боже мой, брат! — сказала она тоном полусерьезным, полушутливым. — К чему искать несуществующие причины? Это просто любовь к переменам и больше ничего. Разве вы не знаете этого так же хорошо, как и мы? Мы всю жизнь переходили с одного места на другое и нигде не поселялись окончательно. Стоит нам пристроиться где-нибудь поудобнее, как мы тут же находим, что именно теперь и настала пора убираться.

— Да, да, — ответил Сэмюэль Диксон, — я знаю скитальческий нрав моего брата; но вы, сестра, почему молчите, раз уж им овладевает такая причуда?

— Ах! Брат, — с улыбкой возразила миссис Диксон, — вы не знаете, что значит быть замужем за таким вечным странником, как Джонатан.

— Хорошо, — сказал, смеясь, переселенец, — прекрасный ответ, миссис Сюзанна.

— Но что же вы будете делать, если не найдете у Великих озер очаровательного, по вашим словам, края, который ищите?

— Ба-а! Это меня не тревожит; я поплыву по одной из многочисленных рек той страны.

— Но где вы высадитесь?

— Понятия не имею. Я никогда не был в тех краях, но мне это все равно; я знаю наверняка, что везде сумею устроиться.

Сэмюэль Диксон посмотрел на своего брата с удивлением, переходящим в остолбенение.

— Итак, ты твердо решился?

— Твердо, брат.

— Стало быть, бесполезно тебя отговаривать?

— Кажется.

— Только обещай мне одно.

— Что такое, брат?

— Ты знаешь, что я живу всего в нескольких милях отсюда.

— Знаю, брат.

— Так как, вероятно, мы уже более не увидимся, по крайней мере на этом свете, обещай мне провести у меня дня четыре или пять.

— Это невозможно, брат, несмотря на то, что мне было бы приятно провести некоторое время с тобой; мне пришлось бы вернуться назад, а я не могу этого сделать. Такие изменения в моем маршруте принесли бы не только значительную потерю времени, но и денег.

— Это почему же?

— Ты сейчас поймешь: я хочу поспеть к посеву.

Сэмюэль Диксон сделал несколько шагов по зале с сердитым видом; иногда он украдкой взглядывал на племянницу, которая не спускала с него глаз со странным выражением.

Фермер бормотал сквозь зубы невнятные слова и при каждом шаге сильно хлопал хлыстом по полу. Молодая девушка сложила руки, глаза ее наполнились слезами. Вдруг Сэмюэль Диксон как бы окончательно решился, вернулся к брату и сильно хлопнул его по плечу.

— Послушай, Джонатан, — сказал он, — для меня очевидно, что вы все помешаны, а я один в семье в здравом уме. Да благословит тебя Господь! Никогда такая нелепая идея не залезала в голову честного человека. Ты не хочешь приехать ко мне — хорошо; теперь я попрошу тебя о другом, но предупреждаю: если ты мне откажешь, то я никогда этого тебе не прощу!

— Говори, брат; ты знаешь, как я тебя люблю.

— По крайней мере, ты так говоришь... Но вернемся к нашему делу; я не хочу, чтобы ты уехал, не повидавшись со мной еще раз.

— Как, брат, не повидавшись с тобой еще раз?

— Меня ждут дела, и теперь я должен возвращаться домой. Отсюда до меня всего шесть или семь миль; верно, я быстро доберусь.

— Но когда ты вернешься?

— Я рассчитываю, что буду здесь завтра или послезавтра, никак не позже.

— Это очень долго, брат.

— Я не спорю, но так как, вероятно, тот край, куда ты едешь, с места не сдвинется, надо полагать, что найдешь ли ты его немного раньше, немного позже — разницы никакой; притом, повторяю, тебе необходимо подождать. Ну что, решено?

— Делать нечего, если ты требуешь, брат, поезжай. Даю тебе слово ждать до семи часов утра послезавтрашнего дня, но никак не позже.

— Большого мне и не нужно, чтобы закончить дела. Итак, до свидания.

Обменявшись улыбками с племянницей, лицо которой внезапно просияло, фермер без церемоний простился и вышел из залы.

Как только он появился на улице, толпа, еще увеличившаяся после его приезда, приветствовала его со всех сторон радостными восклицаниями.

Сэмюэль Диксон с угрюмым видом прокладывал себе путь сквозь толпу, отвечая сердитыми междометиями на вопросы, с которыми к нему приставали. Взяв поводья своей лошади у негра, он сел верхом и ускакал прочь.

— Мы не могли отказать ему, не так ли, миссис Сюзанна? — заметил переселенец своей жене после ухода фермера.

— Это было бы неприлично, — ответила она, — Сэмюэль ведь ваш брат.

— И наш единственный родственник, — прибавила девушка робким голосом.

— Диана права, это наш единственный родственник... Ну, дети, — прибавил переселенец, — распряжем лошадей, уберем повозки. Мы здесь переночуем.

К великому удивлению толпы, остававшейся на улице с упорством, свойственным праздным массам, лошади пересе-

ленцев были расседланы, повозки поставлены в сарай, а любопытные, несмотря на свои усилия, никак не могли добиться сведений о причинах, побудивших переселенцев поступить подобным образом.

Через день, незадолго до восхода солнца, Джонатан Диксон, вставший с рассветом, наблюдал в конюшне за тем, как его сыновья и слуги кормили лошадей; внезапно на улице поднялся необычный шум, похожий на стук колес нескольких экипажей, и в ворота той гостиницы, где поселился переселенец, раздались три или четыре громких удара.

Любопытный, как вообще все американцы, Джонатан поспешил из конюшни в большую залу. Каково же было его удивление, когда он вдруг очутился лицом к лицу с Сэмюэлем Диксоном, своим братом. Именно честный фермер был причиной такого шума. Хозяин гостиницы, еще сонный, отворил ему ворота.

— Как! Это ты, брат?! — воскликнул Джонатан, увидев его.

— А кто же еще, позволь спросить? — ответил фермер, смеясь. — Или тебе неприятно меня видеть?

— Напротив, но я не ожидал тебя так скоро.

— Полагаю; но я рассчитал, что если не потороплюсь, то, пожалуй, не увижусь с тобой, и предпочел приехать немного пораньше.

— Как вы прекрасно придумали, брат, — сказала миссис Диксон, появившаяся в эту минуту.

— Не правда ли, сестра? Кроме того, я знал, — прибавил Сэмюэль с насмешливой улыбкой, — как мой брат торопится прибыть на знаменитую плантацию, которую он ищет, и не хотел заставлять его ждать.

— Прекрасно рассудил, — сказал Джонатан, — ты умеешь держать слово, брат.

— Это мне всегда говорили, — ответил Сэмюэль.

— Теперь я слушаю тебя. О каком это важном деле ты хотел поговорить со мной?

— Это правда, — сказал Сэмюэль, потащив брата к двери. — Поди-ка сюда.

Джонатан пошел за братом, и скоро они вышли на улицу, заставленную пятью нагруженными повозками, запряженными сильными лошадьми и окруженными двенадцатью слугами.

— Ну что? — спросил Джонатан, повернувшись к брату.

— Смотри; что ты видишь?

— То, что ты видишь сам: повозки, лошадей, работников.

— Прекрасно. Знаешь ли ты, что это значит?

— Я тебя не понимаю.

— Это значит, — бесстрастно продолжал фермер, — что так как мои замечания были бесполезны и ты упорствовал в твоём безумстве, то, как твой старший брат, я счел своим долгом не бросать тебя на том нелепом пути, на который ты вступил. Я продал все и приехал. Я еду с тобой.

— Ты это сделал, брат? — вскричал Джонатан, глаза которого наполнились слезами.

— Ты моя единственная родня; куда ты поедешь, туда поеду и я. Но, повторяю тебе, мы с тобой два безумца, и я, быть может, еще больше тебя! Как всегда, я рассудил верно, а поступил, как ребенок.

Вся семья обожала дядю Осмоэля; великабыла всеобщая радость, когда его намерение стало известно. В особенности радовалась Диана.

— О, добрый дядюшка! — вскричала она в слезах, бросившись к нему на шею. — Вы сделали это для меня?

Фермер поцеловал ее и, наклонившись к ее уху, шепнул:

— Тс-с! Неужели ты думаешь, что я бросил бы тебя, племянница?

Через два часа караван, увеличившийся вдвое, отправился в путь, взяв направление на север.

ГЛАВА IV

О человеке, который макал сухари в воду и припеваючи ел сардинки

Наступили первые дни октября; довольно сильный мороз освободил ту страну, куда мы переносим наше действие, от комаров, которые в жаркое время года кишат бесчисленными мириадами у воды и под густыми ветвями девственных лесов, составляя страшный бич тех краев.

Через несколько минут после восхода солнца путешественник на великолепной вороной лошади, в костюмелесного охотника, что с первого взгляда показывало его белое происхождение, выехал шагом из высокой дубравы к обширному лугу, тогда почти неизвестному самим охотникам, этим смелым исследователям прерий. Луг этот находился недалеко

от Скалистых гор, на землях, принадлежащих индейцам, по крайней мере в восьмистах милях от самых близких поселений переселенцев и американских плантаторов.

Путешественником этим был Оливье. Как видит читатель, наш герой проехал значительное расстояние с того дня, как прибыл в Америку и высадился в Бостоне.

Только два месяца прошло с тех пор, а он, как и намеревался, все ехал вперед, упорно направляясь к северу, и постепенно проехал все провинции молодой американской республики, останавливаясь только для того, чтобы подкрепить свои силы и силы своей лошади, после чего миновал границу поселений и углубился в прерию.

Он был счастлив, потому что впервые в жизни чувствовал себя свободным и избавленным навсегда — по крайней мере, он так думал — от тяжелых оков, которые цивилизация в своем узком и деспотическом эгоизме налагает на своих детей.

Оливье также начал учиться ремеслу охотника — сложному ремеслу, перед затруднениями которого часто отступают даже самые энергичные натуры. Но Оливье не был человеком обыкновенным. Он был молод, обладал необычайной силой и ловкостью; сверх того, он имел железную волю, которой ничто не может препятствовать и которая совершает великие дела, львиное мужество, не пугающееся никакой опасности, и неукротимую гордость: надменный молодой человек отрезал себе путь к отступлению и скорее умер бы, чем вернулся в общество, не исполнив добросовестно трудной задачи, добровольно возложенной им на себя.

За эти два месяца с ним произошло много приключений; много раз он выдерживал трудную борьбу, преодолел немало опасностей, самая ничтожная из которых заставила бы задрожать от страха даже самого храброго человека, опасностей всякого рода, исходящих от людей, от животных и от самой природы.

Он вышел победителем из всех этих битв, и смелость его только увеличилась, а энергия удвоилась. Его обучение жизни в прерии кончилось, и теперь он с полным на то основанием считал себя настоящим лесным охотником, то есть человеком, которого даже самые необычайные перемены, самые страшные катастрофы не могут удивить, не заставят отступить ни на шаг и которого могут взволновать только величественные картины дикой природы.

Мы сказали, что молодой человек остановился, выехав из высокой дубравы, чтобы вдоволь налюбоваться великолепным ландшафтом, неожиданно представившимся его глазам.

Перед ним расстилалась обширная долина, пересекаемая двумя реками, довольно широкими, которые, протекая параллельно на протяжении нескольких миль, в конце концов сливались и впадали в Миссури, чья широкая серебристая скатерть составляла белую туманную линию на краю горизонта. На мысе, выдававшемся посреди первой реки, находился чудный боскет из пальм, лавров и магнолий, пирамидальная вершина которых составляла правильный конус и которые блестящей зеленью своих листьев оттеняли ослепительную белизну цветов, их покрывавших, несмотря на время года; эти цветы были так велики, что Оливье, хотя и находился на расстоянии более мили от них, легко их различал.

Эти магнолии безукоризненной формы имели в высоту по большей части около ста футов, а некоторые даже больше.

Направо находился лес тополей, вокруг стволов которых вились дикие виноградные лозы огромной величины; они доходили до вершины, потом спускались вдоль реки, переходя от одного дерева к другому, смешиваясь и переплетаясь с *испанской бородкой* — родом лиан, свисающих с деревьев, соединяя их гирляндами и составляя восхитительный контраст с листьями виноградной лозы.

Молодой человек не мог налюбоваться этим очаровательным зрелищем, к которому он далеко еще не привык, как вдруг заметил легкий столб почти не приметного дыма, который из боскета магнолий спиралями поднимался к небу.

«Что значит этот дым?» — вот какой вопрос предложил он себе прежде всего.

Вид огня всегда выдает присутствие человеческих существ. А девять из десяти встреч такого рода сулят встречу с врагом.

Стыдно сказать (а между тем это совершенно справедливо), но самый жестокий враг человека в прерии, самый страшный его противник — это подобный ему человек. По какой причине? Это трудно объяснить. Мы только приводим факт и не стараемся исследовать его.

Вид дыма не вызвал ни малейшего волнения в душе нашего искателя приключений; он только удостоверился из предосторожности, что его оружие в порядке, после чего въехал

в долину и направился прямо к боскету. Впрочем, прямо туда вела узкая тропинка, проложенная в высокой траве. Оливье стоило только держаться ее, что он и сделал с полной беззаботностью.

Он был не прочь увидеть людей, друзей или врагов; уже больше недели он не встречал никого — ни белых, ни метисов, ни индейцев, — и невольно полное одиночество, в котором он находился, начало тяготить его, хоть он и не желал в этом сознаваться.

Он проехал почти две трети расстояния, отделявшего его от боскета, который находился от него не далее пистолетного выстрела, как вдруг остановился со странным волнением.

Сильный и мелодичный голос раздавался среди деревьев, распевая песню на французском языке с безукоризненным произношением. Скоро слова этой песни внятно достигли ушей Оливье. Удивление молодого человека перешло в оцепенение; прекрасная песня, распеваемая в прерии невидимым существом, приобретала, по контрасту с грандиозной природой, среди которой она исполнялась, эффект сверхъестественного торжества и, многократно повторяемая отголосками прерии, составляла концерт поразительно гармонический.

Невольно глаза Оливье наполнились слезами; он приложил руку к груди, чтобы сдержать быстрое биение сердца. В одну секунду ему вспомнилась вся его прошлая жизнь; он вернулся во Францию, которую, быть может, оставил навсегда, и понял, как сильна, даже в его сердце скептика, любовь к отчизне.

Увлекаемый волнением, которого он не старался преодолеть — столько прелести и очарования находил он в этом, — Оливье продолжал тихо продвигаться вперед и наконец достиг боскета в ту самую минуту, когда певец начинал новый куплет.

Он раздвинул ветви, преграждавшие ему путь, и очутился лицом к лицу с молодым человеком, который, сидя на берегу реки возле довольно большого костра, с философским видом макал в воду сухарь одной рукой, а другой, держа нож, вынимал сардинки из жестяного ящика, стоявшего перед ним.

Заметив охотника, незнакомец перестал петь и, приветствуя его дружеским поклоном, произнес по-французски с веселой улыбкой:

— Добро пожаловать к моему очагу, приятель! Если вы голодны — ешьте, если озябли — согрейтесь.

— С радостью принимаю ваше гостеприимное предложение, — веселым тоном ответил Оливье, слезая с лошади.

Он разнуздал ее, спутал ей ноги и пустил пастись возле лошади незнакомца. Потом он сел возле огня и, раскрыв свои альфорхасы¹, по-братски разделил провизию со своим новым знакомым, который чистосердечно, не заставляя себя просить, принял это прибавление к своей скромной трапезе.

Незнакомец был высоким мужчиной шести футов роста, статным и прекрасно сложенным человеком; несколько смуглый цвет его кожи выдавал в нем метиса.

Черты лица этого молодого человека — он был почти одних лет с нашим героем, и даже, может быть, несколько моложе его — были умны и симпатичны: очень живые серые глаза юноши выражали полное чистосердечие; открытый лоб, осененный густыми светло-каштановыми волосами, немного толстый нос, большой рот с красивыми тонкими губами, светло-русая борода составляли физиономию, не имевшую ничего пошлого.

На нем был костюм лесного охотника: замшевые панталоны, такой же жилет, блуза из синего полотна с белыми и красными аграмантами, бобровая шапка, индейские мокасины, шнуровка которых доходила ему почти до колен; за пояс из шкуры гремучей змеи были заткнуты длинный нож, называемый *бычьим языком*, топор, пороховница из рога бизона, мешочек с пулями и глиняная трубка с чубуком из вишневого дерева — таков был костюм странного человека, с которым при таких неожиданных обстоятельствах встретился Оливье. Под рукой молодого человека на траве лежали кентуккийская винтовка и сумка из пергамента, предназначенная, вероятно, для хранения провизии.

— Благословляю случай, который свел меня с вами так неожиданно, дружище, — сказал искатель приключений, немного утолив свой аппетит.

— И я также благословляю от всего сердца; такие случаи редко выпадают в прерии.

— Да, к несчастью.

---

¹ Двойные холщовые карманы, привешенные к седлу. — *Примеч. автора.*

— Позвольте вы мне задать вам один вопрос?

— Еще бы! Хотя сто вопросов, если вам угодно, с условием отплатить тем же.

— Буду очень рад.

— Ну, спрашивайте.

— Каким образом, увидев меня, вы тотчас заговорили со мной по-французски?

— Это вас удивляет?

— Да, признаюсь.

— Но это очень просто: во-первых, все лесные охотники, странствующие по прериям, французы — или, по крайней мере, их девяносто пять из ста.

— Стало быть, вы француз?

— Да еще нормандец — мой дед уроженец Домфронта. Вы знаете поговорку: Домфронт город бедовый; приедешь в полдень, повесят в час, — сказал незнакомец, смеясь.

— Я также француз.

— Да, вы француз европейский.

— Я вас не понимаю.

— Я вам сказал, что дед мой был нормандец.

— Да, из Домфронта.

— Так. Мой отец и я родились в Канаде; следовательно, я француз американский — вот единственная разница. Но это все равно; мы и за морем любим нашу отчизну. Все являющееся отсюда принимается с распростертыми объятиями нами, бедными изгнанниками. И в Канаде живут люди с сердцем. Если бы старая Франция знала нас, она не пренебрегала бы так нами; мы не сделали ничего такого, за что нас можно было бы бросить столь неблагодарно.

— Это правда, — сказал Оливье, задумавшись. — Франция очень виновата перед вами: вы честно проливали за нее кровь.

— Ба-а! — смеясь, ответил канадец. — Не говоря о том, что мы готовы опять приняться за это, если она захочет, — разве Франция теперь наша? А дети никогда не бывают злопамятны по отношению к матери. Англичане крепко попались, когда им отдали страну: три четверти населения дало тягу и оставило их с носом; те же, которые были вынуждены остаться в городах, упорно говорят только по-французски, заставляя своих гонителей кривить себе рот, чтобы выучиться их языку. Они всегда управлялись старинными французскими законами, и англичане волей-неволей с бешенством при-

нуждены были согласиться на это. Ведь это значит честно жертвовать своими интересами, не так ли? Это ведь, приятель, месть побежденных победителям; они называются нашими повелителями, но в действительности мы свободны и остались французами, несмотря ни на что.

— Браво! С удовольствием слышу эти слова, дружище; великой может назваться та нация, которая оставляет такие глубокие воспоминания в сердце своих детей, которых она забыла и которых бросила.

— Прибавьте, что канадский народ храбр, и вы скажете все.

— Скажу от всего сердца, потому что действительно это думаю, любезный соотечественник.

— Благодарю, — ответил канадец, горячо пожимая руку охотнику, — вы несказанно радуете меня, говоря таким образом.

— Теперь, когда мы узнали, что являемся соотечественниками, почему бы нам не познакомиться поближе?

— Очень очень рад. Если вы хотите, я расскажу вам свою историю; она коротка.

— После хорошего обеда ничего не может быть лучше трубки и интересного рассказа.

— Тогда слушайте, я начинаю.

— Слушаю со вниманием.

— Мой отец, Франсуа Бержэ, был еще ребенком в то время, когда французы окончательно отдали Канаду в 1758 году; разумеется, при этом не спрашивали согласия населения Новой Франции, а то, я смело могу сказать, оно не согласилось бы ни за что на свете. Мой отец не мог знать, что тогда происходило, но его отец так часто рассказывал ему об этом с величайшими подробностями, что он мог передать их мне, не упуская ничего; но так как вам, вероятно, известно все это дело, и, может быть, даже лучше чем мне, я расскажу вам только то, что относится к моему семейству.

— Да, так будет лучше, тем более, что я недолюбливаю политику; а вы?

— Я? Терпеть не могу. Итак, однажды мой дед Бержэ, находившийся в отсутствии с неделю, вернулся домой — он жил в Квебеке в Нижнем городе. Он вернулся домой с индейцем надменной наружности и в военном наряде. Когда мой дед отворил дверь, первое, что бросилось ему в глаза, была моя бабушка, стоявшая перед колыбелью своего страшно

кричавшего ребенка, подняв руки над головой и угрожая английскому солдату тяжелым железным таганом; моя бабушка была храброй и мужественной женщиной, запугать ее было нелегко. Красивая, привлекательная, добрая, она была обожаема мужем и уважаема всеми знакомыми как праведница; должно быть, этот англичанин, проходя мимо приотворенной двери, увидел мою бабушку, кормившую грудью своего ребенка. Англичане считали себя нашими победителями; этому англичанину пришлось в голову войти в дом и полюбезничать с хорошенькой женщиной, которую он заметил случайно. Дорого поплатился он за эту мимолетную прихоть, как вы увидите; мой дед был старый солдат, служивший под начальством Дюкена, Контрекера, Жумонвиля и Вилье. Он был нетерпеливого и вспыльчивого характера. Не спрашивая объяснений, он схватил англичанина на руки, приподнял и, раскачав над головой, выбросил его в окно, так удачно — или неудачно, это уж как вы хотите, — чтобы бедняга более не встал; он разбился насмерть. После этой быстрой казни мой дед обнял жену и спросил о ее здоровье, как будто ничего особенного не случилось.

— Черт побери! Знаете ли, что ваш дед был просто молодец!

— Да еще самый благонадежный, и неудивительно: в его жилах текла индейская кровь.

— Индейская? А вы мне сказали, что он уроженец Домфронта.

— Дело в том, что его отец приехал в Америку с родственником Кулона де Вилье, у которого он был арендатором. Женившись в Канаде, мой прадед, после смерти или исчезновения, не знаю, право, хорошенько, своего хозяина, вернулся в Нормандию с женой, которая там умерла, бедняжка; она не могла привыкнуть к жизни европейских городов. Я прекрасно ее понимаю, а вы?..

— Еще бы! И я также.

— Перед смертью она взяла обещание с мужа послать сына в Канаду, как только он вырастет. Вот каким образом у нас в жилах течет индейская кровь... С тех пор ее стало еще больше.

— Хорошо. Теперь посмотрим продолжение вашей истории.

— Она вас интересует?

— Да! Так приятно говорить откровенно на родном языке с соотечественником в прерии за три тысячи миль от своей родины.

— Вы правы. Ну, слушайте.

— О! Не торопитесь, у нас есть время.

— Мне почти нечего больше рассказывать.

— Тем хуже, дружище.

— Вы очень учтивы, благодарю... Поцеловав жену и попросив индейца садиться, мой дед закурил трубку. «Послушай, — сказал он моей бабушке, — все, что происходит здесь, мне не по нутру; после смерти великого маркиза (так он называл Монкальма) мне тяжело жить в Квебеке. Хотя король Людовик XV и отдал Канаду англичанам, он не может запретить нам оставаться французами; это название стоило нам так дорого, что мы не можем допустить отнять его у нас одним росчерком пера. Я не хочу оставаться здесь более ни одного часа. Вот Куга-гандэ, брат моей матери; он верховный вождь своего народа. Я просил у него приюта для нас. Он сам приехал со своими воинами проводить нас к своему племени и помочь нам перенести наше небольшое имущество. Хочешь оставаться француженкой и следовать за мною, жена, или предпочитаешь остаться здесь и сделаться англичанкой?» — «Охота говорить тебе такие неприличные речи, муженек, — ответила моя бабушка. — Я твоя жена и люблю тебя. Не беспокойся, куда бы ты ни пошел, я сумею последовать за тобой с нашим мальчуганом». — «Моя сестра будет любима и уважаема в моем племени, как она этого заслуживает», — сказал тогда индеец, который до сих пор оставался неподвижен и безмолвен и курил с задумчивым видом. — «Знаю, дядя, и благодарю вас», — ответила бабушка, протягивая ему руку.

Другого разговора не было и все было решено в двух словах. Бабушка принялась тогда с лихорадочной деятельностью укладывать свои вещи. Два часа спустя дом был пуст. Дед мой и бабушка оставили его, не потрудившись даже запереть дверь. Незадолго до заката солнца они плыли в пирогах Куга-гандэ по реке Св. Лаврентия к прериям. По реке двигалось в том же направлении еще много лодок, и все дороги были наполнены путешественниками, увозившими на телегах свою жалкую поклажу. Переселение было всеобщим; среднее и бедное сословия переселялись массами. Англичане бесились, но что они могли поделать? По условиям

передаточного акта французы, не желавшие подчиниться английскому владычеству, имели право покинуть страну. Корабли были наполнены пассажирами, возвращавшимися во Францию; это были богачи, счастливыцы. Менее чем в два дня в Квебеке осталось только несколько французских семейств, не более трехсот человек. После четырехдневного переезда, во время которого не произошло ничего примечательного, мой дед приехал в поселение гуронов племени Бизонов, где верховным вождем был наш родственник Кугагандэ. Несколько канадцев уже приютились у этих добрых индейцев, которые радушно приняли их... Я не стану рассказывать вам о том, какой прием был оказан моему деду; достаточно вам будет знать, что с тех пор мои родители там живут.

— А ваш дед?

— Он еще жив, слава Богу! Жив и мой отец. Я имел несчастье лишиться два года назад моей бабушки и матери почти в одно время. У меня есть сестра гораздо моложе меня; она остается в деревне ухаживать за моим дедом, а отец мой теперь охотится у Гудзонова залива. Мы остались французами, — вот почему я пел французскую арию. Один охотник, наш приятель, слышал ее в Квебеке и привез к нам.

Вдруг неподалеку в кустах послышался легкий шум.

— Позвольте, — прошептал канадец на ухо искателю приключений и, прежде чем тот успел вскрикнуть, схватил ружье и исчез в высокой траве.

Почти тотчас раздался выстрел.

ГЛАВА V

Как канадец и Оливье, рассказав друг другу историю своей жизни, заключили наступательный и оборонительный союз против всех

ри звуке выстрела Оливье поспешил вскочить и уже хотел бежать на помощь канадцу, предполагая, что на него напал какой-то враг, когда в нескольких шагах от него раздался веселый голос канадца.

— Не беспокойтесь, приятель! — вскричал он. — Я только выстрелил в наш обед!

Он показался почти в ту же минуту, неся на плечах лань, которую тотчас повесил на ветви магнолии и начал свежевать.

— Славный зверь! — сказал он весело. — Вероятно, он нас подслушивал. Что ж, любопытство стоило ему дорого, мы им поужинаем; это будет лучше сардинок.

— Действительно, красивый зверь и так ловко убитый, — ответил Оливье, помогая охотнику сдирать шкуру с животного.

— Я старался не испортить шкуру; она довольно дорогая.

— Вы кажетесь мне ловким стрелком.

— Действительно, я неплохо стреляю. Но надо бы вам видеть, как стреляет мой отец. Он может всадить пулю в глаз тигра.

— Черт побери! Но это просто невероятно!

— Я это видел по крайней мере раз двадцать; он делает вещи еще гораздо более трудные. Впрочем, во всем этом нет ничего необыкновенного: канадцы славятся умением управляться с ружьем.

— Но это такая ловкость...

— Она естественна, потому что этим они живут... Вот и кончено. Готов поспорить с кем угодно, что никто не сумеет лучше снять шкуру с лани.

— Действительно, — отвистил Оливье, садясь на свое место у огня, — но ведь вы не закончили вашей истории, а должен вам признаться, что мне было бы любопытно узнать конец.

— За мной дело не станет, конец не долго рассказать. Я вам говорил, что отец мой был еще ребенком во время нашего переселения в Квебек, то есть ему было лет пять — немного больше или меньше. Теперь он во всей своей силе, ему не более сорока восьми лет. Дед мой натурально сделал его охотником и, чтобы удержать его в племени индейцев, женил в молодом возрасте на прелестной индианке, родственнице Куга-гандэ. Кажется, я вам уже говорил, что нас у моего отца двое: я, его двадцатилетний сын, и моя сестра, пятнадцатилетняя дочь, хорошенькая, как дева первой любви. Зовут ее Анжела. Мой отец непременно так захотел ее назвать, но индейцы иначе не называют ее, как Вечерняя Роса. Вот и все. Я такой же охотник, как мой отец и мой дед, ненавижу англичан и северных американцев, которые, по моему, еще хуже англичан, и обожаю французов, горжусь

своим происхождением от них и считаю себя их соотечественником.

— Вы правы, у немногих французов, родившихся в Европе, любовь к отечеству так развита, как у вас.

— Может ли быть иначе? Любовь к отечеству — единственное благо, которое не могли у нас отнять, поэтому мы благоговейно сохраняем его в наших сердцах.

— Теперь скажите мне, кто вы?

— Я?

— Да, я ничего о вас не знаю. Мне даже не известно ваше имя.

— Это правда; как же это не пришло мне в голову! Меня зовут Пьер Бержэ, но индейцы, у которых страсть к прозвищам, называли меня Меткой Пулей, даже не знаю почему.

— А я знаю! Потому что вы так ловко стреляете.

— Вы думаете? Впрочем, может быть, потому что, без хвастовства сказать, я довольно порядочно управляюсь с ружьем.

— Я имею на это доказательство.

— Я страстный охотник, обожаю прерию, в которой жизнь моя проходит спокойно, без горестей и забот; характер у меня веселый; я считаю себя добрым и слышу храбрым. Я приехал сюда вчера на закате солнца. У меня здесь назначено свидание с одним другом, который должен приехать через час или через два; вот и все, что я могу рассказать вам о себе... Теперь вы меня знаете, как будто мы не расставались никогда.

Теперь вы в свою очередь должны рассказать мне вашу историю, если только у вас нет причин молчать. В таком случае я настаивать не стану; тайны человека принадлежат ему одному, никто не имеет права стараться узнать их против его воли.

— У меня нет тайн, особенно для вас, любезный друг Меткая Пуля; доказательством будет то, что, если вы хотите выслушать меня, я вам скажу, кто я и какие причины привели меня в эту страну.

— Прекрасно! Говорите, дружище, я слушаю вас, — ответил канадец с веселой улыбкой.

С первой минуты Оливье почувствовал к охотнику ту непреодолимую симпатию, которая возникает от тайного влечения сердца и вследствие которой с первой минуты незнакомец, случайно встретившийся нам, тотчас становится

другом или врагом. Молодой человек, впечатлительный, как все решительные натуры, предался чувству симпатии к канадцу, и разговор, который у них состоялся, побудил его раскрыть свое сердце и, если возможно, сделаться его другом.

Оливье не скрыл из своей истории ничего, рассказав ее в малейших деталях. Канадец слушал с глубоким и неотрывным вниманием, не прервав рассказчика ни разу, по-видимому искренно интересуясь трогательными подробностями этой жизни, несчастной с первого часа, которую молодой человек рассказал ему откровенно и просто, без горечи, беспристрастно, что лишний раз доказывало величие и благородство его характера.

Когда наконец Оливье кончил рассказ, охотник несколько раз покачал головой с глубоко озабоченным видом.

— Печальна ваша история, — сказал он задумчиво. — Как вы должны были страдать от несправедливой ненависти, невинной жертвой которой вы сделались, мой бедный товарищ! Быть одиноким на свете, не иметь ни одного существа, которое принимало бы в вас участие, быть окруженным неприязненными или равнодушными существами — словом, постоянно встречать, не будучи виновным ни в чем, систематическое и всеобщее отвращение, подчиняться, не имея возможности защитить себя, тайной и неумолимой вражде тех самых людей, от которых имеешь права требовать помощи и покровительства, чувствовать себя твердым, разумным, способным, может быть, к великим делам, и при этом видеть себя гибельно осужденным на бессилие, потому что те, которые произвели вас на свет, не желали этого и не прощают вам своего проступка — о, это ужасно! Как вы достойны сожаления! Простите, что мое жестокое любопытство заставило вас беречь рану, постоянно обливающуюся кровью в вашем сердце.

Он замолчал на минуту, потом порывистым движением протянул руку молодому человеку.

— Хотите быть моим другом? — спросил он с чувством. — Я чувствую, что уже люблю вас и что если бы нам пришлось расстаться, я страдал бы от вашего отсутствия.

— Благодарю! — вскричал Оливье с чувством, энергично отвечая на пожатие руки канадца. — Я тоже вас люблю и с радостью принимаю ваше предложение.

— Итак, решено; с этой минуты мы такие друзья, какие бывают только в прерии. Радость и печаль, богатство и нищета, опасность и удовольствие — все будет общим между нами.

— Это решено — и навсегда, клянусь!

— Теперь нас будет двое, чтобы преодолевать жизненные препятствия, и мы будем сильны, потому что станем помогать друг другу.

— Да будет благословен случай, который свел меня с вами, Меткая Пуля!

— Не случай, а провидение, друг мой; случай существует только для гордецов. Простодушные люди с сердцем усматривают в этом промысл Божий — он виден во всем.

— Это правда, — ответил Оливье, вдруг задумавшись, — ничего не может случиться без всемогущей воли Божьей. Нас свел Господь.

— Для того, чтобы мы не расставались более, Оливье. У вас нет семьи; я доставлю ее вам, брат, и эта семья будет вас любить. Вы увидите, дружище, как хорошо быть любимым простыми и искренними сердцами.

— О! Я в этом не сомневаюсь. Но, Меткая Пуля, разве братья говорят друг другу «вы»?

— Ты прав, друг, они говорят друг другу «ты», потому что обращаются к половине самого себя.

— Вот это прекрасно, Меткая Пуля, — ей-Богу! — вскричал Оливье с радостным убеждением. — Жизнь видится мне теперь совсем в ином свете — сдается мне, что и я также могу иметь свою долю счастья на этой земле.

— Не сомневайся в этом, друг; впрочем, это будет зависеть от тебя одного: забудь о прошлом, которое должно существовать только как мечта, смотри вперед и думай только о будущем.

— Я так и сделаю, — сказал молодой человек с подавленным вздохом.

— Теперь, когда между нами все решено, — продолжал Меткая Пуля, — кажется, нам не худо бы поговорить о наших делах.

— Очень рад.

— Жизнь в прерии трудна, ее надо серьезно изучить, чтобы оценить как следует.

— Я это уже заметил, — сказал Оливье с улыбкой.

— Ты еще ничего не видел; позволь подать тебе несколько советов и посвятить в жизнь, которая кажется тебе знакомой, но в которой ты не понимаешь ровным счетом ничего. А я, так сказать, воспитан в прерии и обладаю той опытно-стью, которая может быть тебе очень полезной.

— Я слушаю тебя, друг мой.

— Человек в гордости своей вообразил, что, удалившись в прерию, он избавится таким образом от стесняющих законов, которыми общество связывает своих членов. Это ошибка, которую необходимо исправить. Человек не создан жить один; предоставленный самому себе, он становится слаб, неспособен жить и защищаться от врагов. Он родился для того, чтобы жить с себе подобными; только при этом условии жизнь становится для него возможной. Все люди связаны между собой, поскольку по своему эгоизму вынуждены помогать друг другу бороться против бесчисленных врагов, окружающих их со всех сторон. Следовательно, общество — ничего более как наступательный и оборонительный союз, чрезвычайно эгоистичный, повторяю, но без которого люди не могли бы жить, а должны были бы исчезнуть с лица земли.

— Да, все это справедливо, — прошептал Оливье с задумчивым видом.

— Общественные законы существуют и в городах, и в прерии. Правда, здесь они основаны на других принципах, потому что остались такими, каковы были в первобытные времена, то есть крайне грубыми и самоличными; но тем не менее они тверды. В прерии, любезный Оливье, один человек, каковы бы ни были его решимость, ловкость, сила и разум, непременно погибнет.

— Но как же быть? Мне кажется, однако, что все эти смелые охотники и первопроходцы живут одни.

— Ты ошибаешься, друг, они живут одни только с первого взгляда. У всех заключен более или менее крепкий союз или с другими охотниками, или с индейскими племенами, усыновившими их, которые в случае надобности не задумаются прийти им на помощь. Следовательно, им очень легко странствовать по прериям. Они чувствуют внутреннее убеждение, что их поддерживают отсутствующие друзья, а их враги или противники, зная их положение, остерегаются ссориться с ними и решаются на это не иначе, как приняв меры предосторожности, чтобы глубочайшая тайна покрыла измену или преступление, в которых они окажутся виновны-

ми. Неизвестный охотник, без друзей, без союзников, будет легко убит тем, кто хочет отнять у него лошадь, капкан, ружье, а часто и того меньшую добычу. Кого это огорчит? Никого. Он для всех чужой и некому за него отомстить. Совсем другое дело, когда человек какими-нибудь узами связан с другими обитателями пустыни; закон прерий, страшный закон Линча гласит: *око за око, зуб за зуб*. Этот закон становится если не охраной его, то, по крайней мере, мстью в случае несчастья; друзья его объединяются, отыскивают убийцу, непременно его находят и, когда захватят в свои руки, становятся безжалостны к нему.

— Признаюсь, любезный друг, — ответил Оливье с печальным видом, — я не только не смотрел на вопрос с этой точки зрения, которая, должен признаться, кажется мне очень справедливой, но даже не имел ни малейшего понятия обо всех этих вещах. Признаюсь тебе, все это погружает меня в чрезвычайное недоумение, и я не знаю, на что мне решиться для того, чтобы выйти из того опасного положения, в котором я нахожусь.

— Ничего не может быть проще, друг, и твое положение не должно, по-моему мнению, возбуждать в тебе ни малейших опасений. Во-первых, позволь мне заметить тебе, что твое положение совершенно переменялось час тому назад: ты теперь уже не один, у тебя есть друг.

— Извини меня, Меткая Пуля, я не так выразился.

— Мне не за что извинять тебя, Оливье, я отлично знаю, что ты не думал оскорблять меня.

— Благодарю, ты справедливо судишь обо мне.

— Продолжу. Как я ни ничтожен, ты скоро заметишь, что я пользуюсь некоторой известностью среди наших товарищей-охотников и среди краснокожих. Немногие на Дальнем Западе вздумали бы на меня напасть. Кроме того, я воспитан среди индейского племени, которое усыновило меня и считает своим воином. Я сказал тебе, что у меня назначено здесь свидание с одним молодым индейцем, моим другом, даже родственником. Индейца этого я жду с минуты на минуту. Я представлю тебя ему и не сомневаюсь, что для меня он согласится сделаться твоим другом. Таким образом у тебя будут два преданных товарища. Жалей же себя после этого, — прибавил Меткая Пуля, смеясь.

— Действительно, — ответил Оливье тем же тоном, — я был безумен, что сомневался в тебе, но будь спокоен, впредь этого не случится со мной.

— Запомни свое обещание. Когда я кончу с краснокожим воином дело, которое привело нас в эти места, — а мимоходом сказать, что ты для этого дела можешь оказаться полезен индейцу, — мы отправимся в селение, и по моей просьбе ты будешь усыновлен племенем.

— Ты так прекрасно все устроил, Меткая Пуля, что я, право, не знаю, что и сказать тебе.

— Не говори ничего, это удобнее. Право, не за что меня благодарить; сегодня я оказываю тебе услугу, завтра, может быть, ты послужишь мне, и мы будем квиты.

— Если так, я настаивать не стану; но скажи мне, о каком деле ты говорил сейчас?

— Признаюсь тебе, мне это дело неизвестно — или, говоря откровенно, я должен делать вид, будто не знаю его, потому что мой друг до сих пор не заблагорассудил сообщить мне о своих планах; он только назначил мне здесь свидание, сказав, что я нужен ему. Этого для меня достаточно, вот и все. Следовательно, я поступлю нескромно, если сообщу тебе то, чего не сообщили мне, тем более, что я могу ошибаться и сказать тебе совсем другое.

— Это правда. Итак, мы будем ждать прибытия твоего друга.

— А пока я приготовлю ужин. Мой друг скоро приедет; ему же надо объясниться.

— Кто он? Это-то ты можешь мне сказать?

— Конечно. Это молодой человек наших лет, внук Куга-гандэ, одного из главных вождей народа, и сам он вождь и первый храбрлец племени. Хотя он еще очень молод, однако уже успел совершить необыкновенные подвиги и дал доказательства ума, тонкости и необыкновенного мужества; при этом он скромен, любезен, услужлив и надежен. Его репутация безупречна, его опасаются и враждебные индейцы, и охотники. Он высокого роста, строен, походка его изящна, черты лица красивые, немножко даже женственные, взгляд, обычно чрезвычайно спокойный, принимает в гневе такое страшное выражение, что немногие могут вынести блеск его глаз; сила у него громадная, ловкость и проворство беспримерные. Вот каков общий портрет моего друга. Впрочем, когда ты его увидишь, сам будешь судить и, я уверен, созна-

ешься, что я ему не польстил и сказал тебе сущую правду. По обычаю западных равнин он имеет два имени. Враги его, которым он внушает большой ужас, дали ему очень выразительное прозвище: *Кристикум-Сикси́нам*, то есть Черный Гром. Когда он вернулся из своей первой кампании против черноногих, кампании, продолжавшейся три месяца, во время которой мой друг совершал чудеса храбрости, превосходящей всякое вероятие, главные вожди, собравшиеся на совет, единогласно присудили ему почетное прозвище *Нуман-Чараке*, что значит Храбрец. Мы все его так называем, и теперь имя, которое он носил прежде, совершенно забыто племенем; я не знаю даже, помнит ли он его сам.

— Знаешь ли, Меткая Пуля, — улыбаясь сказал Оливье, — что портрет, о котором ты так распространялся и который, я не сомневаюсь, похож на оригинал, просто-таки портрет героя?

— Храбрец действительно герой; притом, повторяю тебе, ты сам сможешь судить о нем.

— Право, ты внушил мне горячее желание познакомиться с ним.

— Это скоро произойдет, — ответил, улыбаясь, Меткая Пуля.

Он поднял глаза к небу, несколько минут смотрел на заходящее солнце, потом прибавил:

— Теперь пять часов вечера, а наше свидание назначено именно на пять часов. Через несколько минут он будет здесь.

— Как! Через несколько минут свидание, назначенное так давно? Такая точность была бы чудом! Вероятно, после вашего уговора произошло много событий?

— Это ничего не значит, друг мой; только одна причина может заставить вождя изменить данному слову.

— Какая причина?

— Смерть.

— Черт побери! Причина жестокая, но непреодолимая.

— Слушай, — внезапно произнес Меткая Пуля.

Оливье прислушался. Послышался шум, похожий на раскаты отдаленного грома; он быстро приближался.

— Это что еще такое? — спросил молодой человек.

— Галоп лошади вождя.

Вдруг шум прекратился. В тишине слышался крик ястреба.

Меткая Пуля тотчас испустил такой же крик с таким совершенством, что француз не понял и машинально поднял глаза, отыскивая птицу в воздухе.

Почти тотчас опять послышался стук копыт лошади. Вдруг кусты быстро раздвинулись, и всадник влетел на прогалину, посреди которой внезапно остановился и остался неподвижен, точно ноги его лошади приросли к земле.

Всадник этот был точно таков, каким его описывал Меткая Пуля. Кроме того, во всей его наружности было какое-то величие, внушавшее уважение, не отталкивая, однако, сочувствия; видя его, чувствовалось, что находишься в присутствии неординарной и яркой натуры.

После своего прибытия в прерию француз первый раз видел индейца так близко и при таких благоприятных обстоятельствах, поэтому он искренно любовался им и с первой минуты почувствовал к нему большое расположение и, следовательно, желание видеть его своим другом.

Тем временем молодой вождь, бросив взгляд по сторонам, любезно поклонился обоим охотникам, после чего протянул руку к солнцу, уже почти касавшемуся вершин деревьев.

— Пять часов, — сказал он звучным и чрезвычайно мелодичным голосом, — Храбрец здесь. Что скажет мой брат, бледнолицый охотник?

— Я скажу: добро пожаловать, вождь! Я вас ждал; ваша точность давно мне известна. Ужин готов, сходите с лошади.

— Хорошо, — ответил вождь.

Одним прыжком он соскочил на землю. Его лошадь сама присоединилась к двум другим лошадям.

Меткая Пуля подошел к вождю и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Пусть брат мой слушает.

Индеец, улыбаясь, опустил голову.

— Этот охотник мой друг.

— Храбрец угадал это по глазам Меткой Пули. Вот моя рука вместе с моим сердцем, — прибавил он, обращаясь к Оливье. — Что даст мне взамен мой брат?

— Мою руку и мое сердце, брат! — ответил молодой человек с чувством. — Кроме той половины, которая уже принадлежит Меткой Пуле.

— И хорошая половина. Я принимаю это условие. Теперь нас трое в одном и один в троих... Храбрец назывался прежде

Прыгающей Пантерой, теперь это имя должно принадлежать моему брату.

Молодые люди крепко обнялись, поцеловали друг друга в глаза, по индейскому обычаю, и все было кончено: они сделались братьями. Впредь все должно было сделаться у них общим.

При первом вступлении в пустыню Оливье необыкновенно посчастливилось. Он вдруг сделался другом двух человек, которые весьма основательно слыли самыми честными и самыми храбрыми бойцами в прерии.

ГЛАВА VI

Каким образом Храбрец и его друг держали большой совет и что из этого вышло

ти три человека, столь различного происхождения и столь различных нравов — один из них даже не знал о существовании другого, — очутились связаны узами, которых не могла разорвать даже смерть, и это случилось скорее по внезапному порыву сердца, чем по клятве, так торжественно ими произнесенной.

Как случай бывает иногда странен, или, справедливее будет сказать, как таинственны и невероятны пути Провидения! Как громадна и непонятна сила, чье око, постоянно открытое, наблюдает равно с нежностью и с неутомимой бдительностью и над большими, и над малыми существами и, где бы они ни были, непрерывно следит за ними своим благосклонным взглядом, чтобы поощрить их, помочь им и вести шаг за шагом по суровым стезям жизни!

Таковы были мысли, роившиеся в голове молодого француза в то время, как, подпирая рукой подбородок и опираясь локтем о колено, он рассеянно следил за Меткой Пулей, готовящим ужин, и за индейским вождем, задававшим корм лошадям.

В эту минуту канадец прервал его размышления.

— Стол накрыт, — сказал он, смеясь и указывая пальцем на большие листья, заменявшие тарелки, — сядем за стол.

Молодые люди сели на траве около великолепного куска лани, зажаренного по-буканьерски.

Прежде чем пойдем дальше, мы заметим читателю, чтобы предупредить упреки, которые он, быть может, будет счи-

тать себя вправе сделать нам, что почти все индейские племена в Канаде понимают и говорят по-французски. Может быть, это изменилось впоследствии, но в то время, когда происходит наша история, Канада была только что оставлена французами, и много католических миссионеров проповедовало Евангелие индейским племенам. Храбрец, один из главных вождей своего народа, очень бегло говорил на французском языке, который сделался для него легок по милости постоянных общений с канадцами, жившими в его селении. Впрочем, краснокожие имеют удивительную способность к иностранным языкам, и если почти всегда они выражаются на родном наречии, то просто из презрения к тем, с кем они имеют дело. Разговор троих приятелей, следовательно, происходил по-французски, тем более что Оливье, находившийся в Америке только два месяца, не понимал ни слова по-индейски.

Три собеседника ели с волчьим аппетитом лесных охотников — кусок лани был уничтожен до костей.

Ужин, приправленный несколькими глотками старой французской водки, был пересыпан остротами и шуточками, которые несколько раз заставляли молодых людей громко хохотать.

Краснокожие вообще прекрасные собеседники и даже весельчаки; они прекрасно понимают шутки и не хуже умеют смеяться, петь и рассказывать забавные анекдоты. Но при этом они должны чувствовать абсолютное доверие к собеседнику; с посторонними, особенно с белыми, которых индейцы ненавидят, они серьезны, важны, даже угрюмы и, несмотря на все усилия развеселить их, никогда не улыбнутся, если не пьяны — но тогда эта веселость притворная, служащая маской белой горячке и помешательству.

Водка — это яд, употребляемый северными американцами для уничтожения краснокожих на своей земле. Не пройдет и столетия, как это им удастся.

По окончании ужина молодые люди стали курить и говорить о посторонних предметах. Ни Меткая Пуля, ни Оливье не позволили бы себе расспрашивать вождя, прежде чем тот сам не изъявит желание объясниться. Индейский этикет чрезвычайно строг в этом отношении; позволить себе задать вопрос вождю и даже простому воину, когда тот, по-видимому, решил молчать, значит серьезно нарушить закон племени.

Тем временем солнце уже давно исчезло с горизонта; ночь спустилась в прерии, совершенно покрыв своей черной пеленой окружающий пейзаж. Темно-синее небо было покрыто бесчисленным множеством звезд; луна показалась над деревьями, плавая в эфире и обильно проливая серебристые лучи, освещавшие равнину своим фантастическим светом; ночной ветерок таинственно дрожал в ветвях. Мрачные обитатели прерии, проснувшись на закате солнца, настороженно расхаживали в темноте, нарушая по временам тишину своим хриплым, отрывистым и глубоким ревом. Под каждой травинкой бесчисленный мир крошечных существ продолжал свое непрерывное дело с тем таинственным шепотом, который не умолкает никогда.

Пустыня в этот час ночи являлась во всем своем диком и грандиозном величии.

Погода была холодная; наступило время больших осенних охот. Земля уже остыла от утренних морозов. Через несколько дней, может быть, температура упадет ниже нуля, реки замерзнут и снег своим белым покровом устелет поверхность прерии.

Охотники, подкинув в огонь несколько охапок хвороста, тщательно закутались в одеяла и устроились, как могли, под окружающими их деревьями, продолжая молча курить, греться и прислушиваясь к неясным звукам прерии.

— Настал час второго бдения, — сказал наконец Храбрец, вынимая из-за пояса трубку, которую индейские вожди курят во время совета. — Пилюк пропел два раза. Всюду вокруг тишина и покой. Хотят ли мои бледнолицые братья предаться сну или предпочитают услышать слова индейского вождя и друга?

— Сон хорош для женщин и для детей, — ответил Меткая Пуля, — мужчины не ложатся спать, когда друг желает говорить о вещах серьезных. Говорите, вождь, наши уши открыты.

— Мы слушаем, — прибавил Оливье, поклонившись.

— Я буду говорить, если мои братья согласны; но так как слова, которые я произнесу, очень серьезны и я жду совета от своих братьев, то это будет не простой разговор охотников, а большое совещание.

— Пусть будет так, — ответил Меткая Пуля.

Храбрец встал, потом, произнеся несколько слов шепотом, поклонился на все четыре стороны. Исполнив эту фор-

мальность, вождь сел на корточки, набил свою трубку священным табаком, употребляемым только в больших церемониях, и бросил в огонь несколько щепоток табаку. Взяв тогда священную палочку, чтобы огонь не коснулся его руки, он положил ею горячий уголь в трубку.

Потом индейский вождь два или три раза затянулся дымом и, оставив в левой руке трубку, правой подал чубук Меткой Пуле. Охотник затянулся дымом в свою очередь, и трубка перешла к Оливье, после чего вернулась к вождю. Это продолжалось до тех пор, пока не сгорел весь табак, и за это время три друга не обменялись ни одним словом.

Когда в трубке остался один только пепел, Храбрец встал, снова поклонился на все четыре стороны, после чего вытряс пепел в огонь, бормоча:

— Ваконда! Повелитель Жизни! Ты видишь и знаешь все. Сними кожу с наших сердец и сделай так, чтобы слова, которые выйдут из моей груди, были внушены тобой.

По окончании последней формальности вождь заткнул трубку за пояс и сел перед огнем. Прошло еще несколько минут, во время которых он, по-видимому, собирался с мыслями; наконец он приподнял голову, которая до сих пор была опущена на грудь, и, любезно поклонившись своим слушателям, заговорил тихим и спокойным голосом.

— Восемь лун тому назад, — сказал он, — я вернулся из большой экспедиции против пиеганов. Представив совету вождей моего народа скальпы, снятые мною и моими молодыми воинами с черноногих, и получив поздравления вождей, я направился в свою хижину поклониться своему отцу, который остался дома, страдая от старых ран, когда, проходя по площади, увидел при последних лучах заходящего солнца молодую девушку, прислонившуюся к *ковчегу первого человека*. Этой девушке, имя которой я знаю, было четырнадцать лет; она была высока, стройна и прекрасна, как дева первой любви. Эту молодую девушку я любил уже давно, но уста мои никогда не открывали ей тайны, заключавшейся в моем сердце. Она, по-видимому, ждала меня и смотрела с грустным видом, как я подходил. Когда я поравнялся с ней, девушка протянула руку и сделала шаг ко мне. Я остановился и, поклонившись ей, ждал.

«Храбрец великий воин, — сказала она, робко потупив глаза, — скальпы, снятые им с врагов, покрывают стены его хижины. Он имеет очень много звериных шкур. Пуля его

ружья никогда не уклонится от цели, которой он хочет достигнуть. Счастлива женщина, которая будет любима им».

Эти слова взволновали меня и, схватив руку, которую девушка позволила мне взять без сопротивления, я сказал, наклонившись к ее уху:

«Онура, прелестное дитя, у меня в сердце маленькая пташка поет и беспрерывно повторяет мне твое имя! Неужели эта очаровательная пташка поет также и в твоём сердце?»

Она улыбнулась и, бросив на меня долгий взгляд из-под своих полузакрытых век, прошептала:

«День и ночь она щебечет мне на ухо нежные слова и повторяет имя воина, любящего меня. Разве Храбрец не находит свою хижину пустой во время длинных зимних ночей, когда ветер глухо шумит сквозь деревья леса, а землю покрывает ослепительный свет?»

«Сердце мое порхнуло к тебе, Онура, — продолжал я с жаром. — С того самого дня, как я в первый раз увидел тебя среди твоих подруг. Ты любишь меня?»

«Буду любить вечно», — ответила она, краснея и потупив глаза.

«Хорошо, — сказал я ей, — я предприму новую экспедицию, чтобы достать свадебные подарки, потом сделаю предложение твоему отцу. Ты будешь ждать меня, Онура?»

«Я буду ждать тебя, Храбрец, я твоя раба на всю жизнь!»

Рука ее нежно пожала мою руку. Сняв вампум со своей шеи, я надел его на ее шею. Она поцеловала его с глазами, полными слез, и, сняв с большого пальца левой руки золотое кольцо, надела его мне на палец; улыбаясь я позволил ей сделать это.

«Ты меня любишь, — сказала она, — ничто не может нас разлучить».

Прежде чем я успел удержать ее, она прыгнула и убежала с быстротой антилопы, преследуемой охотниками. Я следил за ней глазами, пока мог; потом, когда она наконец исчезла, я задумчиво продолжил путь к хижине своего отца.

Индийский вождь остановился. Через минуту канадец, видя, что он не продолжает, слегка дотронулся до его руки. Молодой человек вздрогнул.

— Почему Храбрец не оказал доверия своему брату? — сказал тогда охотник с легким упреком.

— Что хочет сказать Меткая Пуля? — спросил вождь с замешательством, которое, несмотря на всю его власть над собой, он не успел полностью скрыть.

— Мой брат очень хорошо понимает то, что я хочу сказать, — с воодушевлением продолжал канадец. — Родившись почти в один день, мы были вместе воспитаны, вместе предпринимали первые экспедиции против сиу и пиеганов. Наши сердца давно слились в одно; никто из нас не может иметь тайн от другого. Я знаю, какую женщину любит мой брат. Зачем же, вместо того чтобы заставляя меня угадывать, он не сказал мне этого? Разве я потерял его уважение, разве я уже не друг ему?

— О, Меткая Пуля, не думай этого! — вскричал молодой человек с порывом и крепко пожал ему руку. — Ведь любовь любит тайну.

— Но она также любит поверять свои радости и горести сердцу друга. Вечером того самого дня, когда она имела свидание с вождем, Вечерняя Роза, вернувшись в свою хижину, во всем призналась брату. Сердце ее переполнилось радостью, она чувствовала потребность выговориться. Кто лучше меня мог ее понять?

— Итак, Вечерняя Роза призналась в своей любви Меткой Пуле?

— Разве я не брат ее и не лучший друг ваш, вождь?

— Это правда. Пусть мой брат простит меня. Я был неправ в том, что не оказал ему доверия. Я знаю почему, но я боялся, что он не одобрит этой любви.

— Я? Напротив, эта любовь удовлетворяет все мои желания, связывая нас еще теснее.

— Мой брат лучше меня. Его сердце великодушно, и он забудет слабость, в которой его друг оказался виновен.

— Да, — сулыбкой ответил охотник, — но с условием, что Храбрец не будет больше иметь тайн от своего друга.

— Клянусь!

— Хорошо. Теперь пусть мой брат продолжит свой рассказ.

Индийский вождь покачал головой.

— То, что мне остается рассказать, очень печально, но друзья Храбреца должны знать все. Я продолжаю. Две луны прошло с тех пор, как мы с Вечерней Росой признались друг другу в любви. До сих пор у меня не было возможности

выполнить свои намерения. Однажды я снова встретился с Вечерней Росой у *ковчега первого человека*.

«Вождь забыл о своем обещании», — сказала она мне.

«Нет, — ответил я, — завтра, никак не позже, я это намерение исполню».

Обменявшись этими словами, мы расстались. На другой день я действительно принял меры к тому, чтобы сдержать слово, данное той, которую люблю. Я велел приготовить все, то есть расчистить место, где должны были совершиться гадательные обряды, при помощи которых можно было узнать позицию врага, с которым я хочу сразиться, — вы знаете эти обряды.

— Извините, вождь, — перебил Оливье. — Меткая Пуля, воспитанный среди вашего народа, без сомнения, знает их, но относительно себя я должен признаться вам, что не имею ни малейшего понятия об этих обрядах, и так как я намерен жить с вами, то для меня важно познакомиться и с вашими обрядами. Вы чрезвычайно меня обяжете — если только это не беспокоит вас, — рассказав подробно, каким образом вы готовитесь к войне.

— Брат мой прав, — ответил вождь, кивнув головой, — я расскажу вам во всех подробностях все, что касается наших войн. Для того чтобы приготовить место, снимают траву на значительном пространстве в виде удлинённого четырехугольника, а затем растирают землю руками, для того чтобы сделать ее мягкой и рыхлой. Эта местность обносится изгородью из прутьев и ветвей, чтобы никто не мог войти туда. Когда меня известили, что все готово, я пришел и сел на краю, противоположном неприятельской земле. Когда мы пропели и помолились, я положил перед собой два небольших круглых камня. После этого я стал молиться и в продолжение получаса умолял Ваконду указать мне путь, по которому следует вести молодых воинов, а в это время из селения вышел глашатай и приблизился ко мне. Я отдал ему приказания и он, вернувшись на полдороги назад, стал вызывать по именам старших воинов и сказал им: «Идите курить!» — после чего те принялись внимательно рассматривать результаты расчистки; осмотр производился с помощью огня, потому что эти обряды совершаются по ночам. Камни, брошенные мною на вершину бугорка, покатались вниз, и по следам, обозначенным ими, надо было решать направление, по которому следовало двигаться нашему войску.

— И каково было следствие этого опыта? — спросил Меткая Пуля с любопытством.

— На этот раз Ваконда был милостив к своим возлюбленным детям. Нам была указана дорога к земле наших смертельных врагов — племени сиу на западе.

— Хорошо, — сказал охотник, потирая руки от удовольствия.

— Наш военный отряд состоял из ста пятидесяти воинов, выбранных из знаменитейших народных храбрецов, вооруженных ружьями. Каждый из нас запасся дарами для того, чтобы разбрасывать их по полю битвы или, при возможном случае, чтобы скрывать их в растерзанные внутренности врагов, павших в битве, благодаря чему можно заручиться победой.

— Это религиозный обычай, — заметил Меткая Пуля.

Оливье взглянул на канадца, желая убедиться, говорил ли он в шутку или серьезно; но охотник произнес эти слова с таким убеждением, что сомневаться не приходилось: он вполне верил тому, что говорил.

— Через двое суток после этого наш отряд выступил в поход. Вскоре к нам присоединилось подкрепление под командой Занозы. Брат мой знаком с этим вождем — это натура беспокойная и честолюбивая; ему нестерпима была мысль, что не он, а другой командует отрядом в войне против сиу. Зная это, я хотел передать ему командование, но мои воины не согласились на такой шаг. Разлад не замедлил поселиться среди нас. Уже несколько дней шли мы по необъятной равнине; воды нигде не было; мы страдали от жестокой жажды, и Заноза, несмотря на мои возражения против дурного примера, первым нарушил военный закон. Я знал эти края и был убежден, что вода находится в нескольких милях от нас. Но большая часть старых воинов совершенно изнурились от жары и томительного перехода пешком. Заноза отправил своих всадников отыскивать воду. Были назначены призывные сигналы для сбора в случае открытия воды. Поиски продолжались несколько часов, пока не была найдена речка. Первые воины, достигшие речки, сделали несколько ружейных выстрелов; но прежде чем отряд и отставшие успели дойти до реки, страдания большинства воинов достигли крайней степени. У некоторых началась рвота кровью, другие впали в сильнейший бред. Поход потерпел неудачу. Да и что прикажете делать с воинами, потерявшими бодрость

духа, изнуренными от страданий, лишений, способными испытывать только одно желание — как бы поскорее вернуться домой?! На другой же день начались побег из отряда Занозы, да и он сам в числе первых обратился в бегство. Скоро около меня осталось не более двадцати пяти воинов. Они клялись, что всюду последуют за мной. Но что я мог сделать с такой горсткой людей? С отчаянием в душе я повернул в обратный путь к нашему селению. На полдороги наши разведчики дали нам знать о присутствии поблизости сильного неприятельского отряда. Отступление было отрезано; надо было идти вперед во что бы то ни стало. Я держал совет со своими воинами. Все мы сошлись в одном мнении. Не более чем через час времени у нас произошла схватка с воинами сиу. Их отряд, в шесть раз сильнее нашего, состоял — отчасти и к нашему счастью — из молодых воинов, в первый раз выступивших на поле битвы. У нас были приняты все меры, предписываемые благоразумием и мужеством. Мы дрались так упорно, что у неприятеля отпала охота нападать на нас. Лишившись надежды победить нас, он отказался от бесполезной и невыгодной для него борьбы с людьми, предпочитавшими смерть на поле битвы постыдному плесу. Он повернул назад и вскоре скрылся за холмами. Мы вышли победителями, но из двадцати пяти воинов в живых остались только десять, да и те большей частью покрытые ранами. Мы продолжали путь. Наши страдания во время этого перехода были ужасны. Я и сам не мог бы объяснить, каким образом мы смогли достигнуть нашего селения. Там уже было известно все, что произошло в этом походе. Не упреками встретили меня — напротив, старейшины, после общих совещаний, воздали должную справедливость нашему мужеству и настойчивости и утешали меня, насколько это было возможно. Они говорили, что причина неудачи никак не должна пасть на меня, тем более, что я доставил им восемнадцать скальпов, снятых с черепов воинов сиу, убитых в бою, трупы которых при спешном отступлении мои воины не успели захватить с собой. Но если моя честь как вождя и воина была спасена, то счастье моей жизни было потеряно: Вечерней Росы уже не было в деревне.

— Что это значит? — воскликнул канадец. — Кто похитил мою сестру?!

— Никто, — ответил вождь печально, — моему брату ничего не известно об этом приключении, потому что он

давно покинул свое племя. Вечерняя Роса не похищена; она добровольно оставила родной дом.

— Добровольно? — повторил канадец, ошеломленный.

— Во время отсутствия Меткой Пули и нашего похода в деревню прибыл бледнолицый. Я узнал, что он приходится родственником моему брату, но узнал от посторонних, потому что твой отец и дед отказались дать мне какое-либо объяснение по этому поводу, и с той поры хранят враждебное молчание, причину которого я не могу понять. Две недели бледнолицый провел в селении и однажды утром уехал. Отец моего брата провожал его; Вечерняя Роса была с ними. Покидая наше племя, она плакала, но не обнаружила ни малейшего сопротивления и добровольно — как казалось, по крайней мере, — повиновалась приказаниям отца. Три дня спустя вернулся отец, но он был один. Куда девалась Вечерняя Роса? Никто не мог или не хотел объяснить мне этого. Самые тщательные поиски, предпринятые мною, остались безуспешны. Только тогда, почти вне себя от отчаяния, не зная, на что решиться, я задумал отправить воина к моему брату с приглашением явиться на свидание... Я все сказал. Теперь прошу моего брата высказать свое мнение. Что я должен предпринять? Каков бы ни был твой совет, я последую ему.

— Вождь, необыкновенное известие, которое ты мне передал, ошеломило меня, и я должен признаться, что ничего не понимаю в этом деле и поистине не придумаю, что тут можно сделать.

— Не позволите ли вы мне высказать свое мнение по этому поводу? — вмешался тут Оливье. — В этом деле я не участник и потому могу хладнокровно обсудить его, чего никто из вас в вашем положении сделать не может.

— Пожалуйста, говорите! — воскликнули в один голос молодые охотники.

— По-моему, необходимо вернуться в селение, и как можно скорее, вот хотябы завтра с восходом солнца. Мне до некоторой степени понятно, почему отец Меткой Пули отказал вождю в желаемом объяснении: в семейные дела, касающиеся лично членов семейства, никто не вправе вмешиваться; но эта причина, основательная в отношении вождя, теряет всякое значение в отношении Меткой Пули. Как родной брат он имеет полное право спросить, куда девалась его сестра и почему ее судьбой распорядились, не сказав ему ни слова. Я

убежден, что Меткой Пуле не будет отказа, если он потребует этих объяснений с должной почтительностью, потому что отец не имеет причин скрывать от сына семейные дела. Итак, прежде всего нам надо вернуться в селение; получим ли мы это объяснение или услышим отказ, все равно, тогда мы уже увидим, на что нам следует решаться. Во всяком случае, прошу вас, любезные друзья мои, рассчитывать на мое содействие, чтобы вы ни предприняли.

— Что скажет на это вождь? — спросил Меткая Пуля.

— Храбрец благодарит Прыгающую Пантеру, — ответил молодой вождь с чувством, — сердце у него благородное и душа великая. Его совет мудр, и вождь думает, что ему надо последовать. С такими друзьями, как Меткая Пуля и Прыгающая Пантера, краснокожий воин не боится неудачи. С восходом солнца мы пустимся втроем в путь к Большим озерам...

Долго еще продолжался разговор об этом предмете неистощимого интереса для брата и жениха, когда они беседуют о дорогой для обеих женщине. Потом они подбросили несколько охапок хвороста в костер, и все трое, завернувшись в одеяла, растянулись на земле около огня.

Индейские охотники легли лицом к своей родной земле, следуя старому индейскому обычаю, предписывающему своим воинам непременно ложиться и всегда спать лицом к родной стране, хотя бы это положение было очень неудобно и каким бы сильным ни было их утомление.

Оливье же лег по-своему, ногами к огню.

При первом крике филина, прежде всех птиц возвещающего восход солнца, вождь разбудил товарищей, и через десять минут все они покинули свой ночлег.

ГЛАВА VII

Каким образом Сэмюэль Диксон застрелил оленя и что из этого вышло

Оставим на некоторое время трех охотников и перенесемся на расстояние в сто миль к Скалистым горам, где должны произойти важные события. Путешественник, в первый раз очутившийся неподалеку от Скалистых гор, не может без удивления и восторга смотреть на горную гряду, получившую от первых исследователей многозначительное название *Горы Ветряной реки*. Это необъятное водохранилище, содержа-

щее воду из источников, озер и растаявших снегов, из которого берут начало несколько могучих рек, протекающих на протяжении сотен миль по живописным и холмистым местностям, чтобы принести свою дань в Атлантический и Тихий океан.

Из всей цепи Скалистых гор, конечно, самые замечательные — горы Ветряной реки; они образуют, так сказать, гряду гор около восьмидесяти миль длины, двадцати или тридцати миль средней ширины, с высокими вершинами, покрытыми вечными снегами, и тесными долинами, изобилующими ручьями, водными потоками, озерами и окаймленными высокими скалами.

Из этого громадного водохранилища вытекают прозрачные реки, которые беспрерывно увеличиваются благодаря присоединению к ним источников при их извилистом течении, становятся главными притоками Миссури с одной стороны и Колумбии с другой; от них же происходит Зеленая река, низвергающая свои воды в Калифорнийский залив.

Мы остановимся на крутом мысе, образуемом довольно широкой рекой, которая низвергается с Ветряных гор в том месте, где она впадает в Миссури; мы остановимся в самом центре восхитительной долины протяженностью в двадцать миль. Она разделяется почти на две равные половины рекой Миссури и ее притоком и со всех сторон обрамлена зелеными вершинами гор, покрытых лесом на две трети и скрывающих свои снежные вершины в облаках.

Это поистине очаровательная долина с самым живописным ландшафтом покрыта вековыми лесами, молодыми рощами и роскошными пастбищами, которые орошаются бесчисленными ручьями, быстринами, водопадами, стремящимися массой вод с одной скалы на другую и после бесчисленных фантастических извилин исчезающими в Миссури.

Этот невсedomый Эдем, зарытый в самом сердце Скалистых гор, недавно был открыт отважным исследователем. Человеческая рука уже наложила видимый след на первобытную картину и лишила ее дикого величия, приспособив к своим нуждам и потребностям; словом сказать, здесь полным ходом шла расчистка лесов руками новых переселенцев.

Прежде всего необходимо объяснить, кто такие эти переселенцы, эти люди особого сорта, со столь любопытными нравами, странными обычаями и таким необыкновенным

духом, что воистину подобных им не сыщешь во всем мире; такие люди рождаются только в Северной Америке.

Переселенцы — это люди беспокойные, жаждущие движения в любом смысле этого слова, неподатливые, не выносящие никакого ига и, следовательно, заклятые враги сидячей мирной жизни и благоустроенного порядка, какими славятся великие центры народонаселения. Одаренные львиным мужеством, силой воли или, скорее, неукротимым упорством, люди с неистощимой энергией, в груди которых вечно клокочут самые бурные страсти — вот настоящие пионеры прерий, истые передовые цивилизации в Новом Свете. Конечно, они вполне заслуживают названия просветителей и искателей новых путей, потому что никогда не стоят на одном месте и с каждым шагом вперед увлекают по своим следам земледельцев, людей более мирных и цивилизованных нравов. Несмотря ни на голод, ни на холод, ни на опасности, неустрашимые охотники проникают в густые девственные леса, живут с краснокожими и таким образом расчищают дорогу тем, кто имеет потребность за ними следовать.

Имея привычку ставить свою волю превыше людского закона, они без сожаления покидают дома, земли и все свое имущество, лишь только, с приливом населения, их настигают общественные порядки. Захватив с собой топор да ружье, они беззаботно углубляются в прерии, а когда случается, что местность пришлась им по вкусу, они по праву первого овладевают ею, не спрашивая ни у кого позволения, не требуя ни у кого документов. Тут нет никого, кто мог бы оспаривать их права или уличать в захвате собственности, а если бы кто и нашелся, так, во всяком случае, не совсем осторожно было бы с его стороны схватываться с отчаянным смельчаком: без лишних сомнений он схватит ружье, выстрелит и положит конец всем прениям.

Вот каковы американские переселенцы, или искатели следов, охотники протоптывать тропинки в диких дубравах — эта смесь хороших и дурных инстинктов, добродетелей и пороков. В сущности, не дикари, но и не образованные люди, они как бы стоят у крайней черты, разделяющей тех и других, применяя законы к своим потребностям и произвольно устанавливая и снова уничтожая свои правила, и в конце концов выходит, что они повинуются только тому, что им выгодно.

Но как бы там ни было, а эти люди приносят много пользы той местности, где они поселяются; поэтому правительство не беспокоит, а, скорее, поощряет их, за исключением тех случаев, когда они позволяют себе неудоботерпимые выходки, что нередко с ними бывает: например, встретят ружейными выстрелами прежнего владельца местности, разорвут у него под носом все его документы и отпустят полумертвым от страха искать защиты у закона. Да и хорошо еще, если отпустят, а бывает и так, что сами учинят расправу, вздернув несчастного на дереве, чтобы тот послужил пищей для хищных птиц.

Со временем большая часть этих переселенцев становится полезными членами сплотившегося вокруг них общества; остальные же, неисправимые охотники диких прерий, продолжают свой путь дальше и движение их окончательно прекращается только тогда, когда смерть врасплох застигнет их и уложит часто в кровавую могилу.

Джонатан Диксон был переселенец чистой породы; вся его жизнь была не что иное, как долгое странствование по всем пространствам Соединенных Штатов. Наконец ему надоело странствовать по цивилизованным странам — и неловки, и неудобны казались все эти общественные порядки его врожденной непоседливости. И вот в один прекрасный день, как уже известно, он принял отчаянное решение и, без всякого сожаления покинув свои владения, смело пустился в путь с женой, детьми и прислугой, чтобы отыскать клочок земли, на который еще не ступала нога человека.

Именно он и открыл долину, описанную в начале этой главы.

Мы не станем передавать все подробности его путешествия по неведомым странам, без путеводителя и без всякого знания местности, — подобные описания только займут время; сказать короче, Диксоны перенесли множество приключений, не раз подвергались страшным опасностям, терпели лишения и страдания, которые превосходят всякое вероятие, но все это не останавливало их на пути, и, не унывая, они шли все вперед и вперед, хладнокровно преодолевая любые преграды.

Как-то раз вечером они расположились на ночлег неподалеку от довольно узкого ущелья, до такой степени покрытого лесом, что переселенцы не решились вечером переходить его, а так как никто их не торопил и определенной цели у

них не было, то они и расположились преспокойно на берегу небольшого ручья на зеленом лугу, представлявшем отличное пастбище для их лошадей и волов.

На другой день, когда солнышко еще не взошло и все спутники спали крепким сном, Сэмюэль Диксон встал, взял свою винтовку и направился к ущелью с двоякой целью: осмотреть его и подстрелить, если подвернется удобный случай, пару-тройку птиц на завтрак, потому что за последнее время запас продовольствия оскудел, и накануне вечером наши путешественники легли спать почти без ужина.

Гарри Диксон, стоящий в карауле по очереди с другими переселенцами для охранения всеобщей безопасности, один видел, как дядя уходил в лес, но так как дядя не считал нужным заговорить с ним, то и племянник не отважился расспрашивать его.

Сэмюэль Диксон с ружьем на плече и руками в карманах, насвистывая американскую песенку «Янки дудл», вскоре скрылся в волнах высокой травы, так что племянник не смог бы в точности определить, куда дядя направил свои шаги.

При солнечном свете ущелье было совсем не так загромождено деревьями и кустарниками, как это казалось при вечерних сумерках; только самый вход в ущелье скрывался за молодыми деревцами, которые помощью топора нетрудно было и расчистить.

Американец продвигался вперед, прокладывая себе дорогу с ножом в руках, решившись во чтобы то ни стало добратсья до конца ущелья и исследовать настоящее положение дел, чтобы доставить точные сведения своему брату.

Вдруг в кустарнике раздался сильный шум, вслед за тем оттуда выскочил олень и стрелой помчался вдаль.

— Можно побожиться, что этот чертенок не страдает ревматизмом! Вот улепetyвает! Только уж я непременно догоню его, провалиться мне сквозь землю! Я не позволю, чтобы завтрак проскользнул мимо моего носа.

Произнося про себя эти слова, Сэмюэль Диксон пустился вслед за оленем, которого хоть и видел мелькающим между кустами и деревьями, но все же на таком далеком расстоянии, что не мог надеяться попасть в него наверняка.

Минут двадцать он продолжал свое быстрое преследование, держа ружье наготове, не оглядываясь ни направо, ни налево, как вдруг увидел, что олень остановился, запыхав-

шись и дрожа, выказывая сильную тревогу, как будто открыл нового врага на том пути, где искал спасения.

Упрямому американцу не хотелось уступать другому желанную добычу; он проворно прицелился и выстрелил.

Олень подскочил, взревел и бросился вперед, будто ошалевший.

Сэмюэль Диксон не давал ему спуска, а олень, не унимаясь, бежал вперед. Теперь охотник заботился лишь о том, как бы не упустить его из вида.

К несчастью, ему было не до того, чтобы посмотреть себе под ноги; он не спускал глаз с оленя, удиравшего во все лопатки. Увлечшись охотничьим пылом, Сэмюэль забыл обо всем на свете и только видел, что олень начинает ослабевать. Тогда он удвоил свою прыть, но в ту самую минуту нога его подвернулась, он перекувыркнулся и полетел вниз головой с двадцатифутовой высоты на твердые камни.

Падение было настолько жестоким, что американец, оглушенный, разбитый, с помятыми боками, лишился чувств.

Очнуться его заставило сильное ощущение прохлады.

Он с испугом огляделся вокруг.

Молодой человек лет двадцати восьми в простом костюме лесного охотника, склонив над ним свое прекрасное, мужественное лицо с выражением сердечного участия, смачивал его виски и грудь холодной водой.

— Лучше ли вам, мистер Сэмюэль? — осведомился он тихим приветливым голосом, как только тот открыл глаза.

— Это еще что такое? — воскликнул американец, совершенно ошеломленный, не веря своим глазам. — Что это значит? Не с ума ли я сошел?

— Нимало. Вы, мистер Сэмюэль, в здравом рассудке, так, по крайней мере, мне кажется со всей очевидностью.

— Да что же такое со мной случилось? — спросил Сэмюэль, стараясь приподняться, скорчив при этом от боли страшную гримасу.

— Все очень просто, — ответил молодой человек, улыбаясь. — Вы подстрелили оленя и, спеша догнать его, не обратили внимания на то, что находитесь на вершине холма; поэтому, поскользнувшись, вы полетели вниз — и ничего более.

— Ничего более! — проворчал Сэмюэль. — Хорошо вам так говорить. Ничего более! Сразу видно, что не вы запла-

тились своими боками в этом проклятом полете... Не сломал ли я себе чего?

— Нет, слава Богу, ничего! Пока вы лежали без чувств, я внимательно вас осмотрел. Все обстоит благополучно, вы отделались только ушибами и помятыми боками.

— Гм! Проклятый олень! Если бы он, по крайней мере, не ускользнул из моих рук, все было бы легче, но беда в том, что ему удалось-таки убежать.

— Ничуть не бывало, мистер Сэмюэль! Такой искусный стрелок, как вы, не может дать промаха. Бедный олень испустил дух. Смотрите сами, вот он лежит справа от вас.

— А ведь и правда! Ну, тем лучше!.. Однако это не помогает, и я чувствую такую боль во всем теле, как будто меня отколотили во всю мочь. А что, Джордж, не поможете ли вы мне подняться?

— Лучшего не желаю, но, мне кажется, было бы лучше вам еще полежать, пока не соберетесь с силами.

— Провались я сквозь землю, если хоть одну лишнюю минуту проваляюсь здесь! Ведь я не какая-нибудь неженка-девочка, например, как моя племянница... А кстати, любезный приятель, расскажите-ка мне, в чем дело? — спросил он, внезапно меняя тон и подозрительно взглянув на молодого человека.

— Что прикажете рассказывать, мистер Сэмюэль?.. Обопритесь-ка на мою руку и попробуйте подняться. Опирайтесь покрепче и не беспокойтесь: в силах у меня недостатка нет. Ну еще... Вот так! Теперь вы на ногах. Вот ваша винтовка; она послужит вам вместо палки.

С помощью молодого человека американец встал на ноги, хотя порядком охал, стонал и корчил гримасы.

— Лучше бы провалился сквозь землю мой родимый братец, помешавшийся на вечном бродяжничестве, — ворчал он, становясь на ноги. — Впрочем, дело не в том... Не угодно ли будет вам ответить на мой вопрос?

— Ничего лучшего я и не желаю, мистер Сэмюэль; вы только спрашивайте... Что вы думаете делать с оленем? Вы не в состоянии тащить его с собой, так не прикажете ли повесить его на дерево, пока за ним не придут?

— О Господи! В последний раз я повторяю свое требование, Джордж, — отвечайте же на мой вопрос! — закричал Сэмюэль, раздраженно топнув ногой.

— На какой прикажете отвечать? Вы ни одного вопроса мне не задали, мистер Сэмюэль, — возразил молодой человек кротко.

Американец с минуту смотрел на него; на лице его появилась лукавая улыбка, потом он добродушно расхохотался и подал ему руку.

— Простите меня, Джордж, простите старого дурака, который ищет причины поссориться с вами, тогда как следовало бы благодарить вас за оказанную услугу; ведь вы спасли мне жизнь!

— О! Мистер Сэмюэль, вы преувеличиваете.

— Это вы так думаете, любезный друг, а я уверен совсем в противном. Что со мной могло бы случиться, когда я лишился чувств в этой пустынной местности, если бы вы так вовремя не подоспели мне на помощь?

— Всему причиной случай.

— Случай, так случай; если вы так этого хотите, то я, пожалуй, буду с тем согласен. В самом деле, у случая здоровые плечи, отчего же не сваливать на него все беды? Ничего — вынесет.

Молодой человек покраснел и опустил глаза.

— Довольно, Джордж, я не стану больше дразнить вас, — сказал американец, — у вас золотое сердце, да и мужества вам не занимать. Мы с вашим отцом старые друзья, и вас я искренно люблю.

— И я сердечно благодарен вам, мистер Сэмюэль, за доброе участие ко мне.

— Разумеется. Ну, теперь, когда мы объяснились, потолкуем же откровенно. Согласны?

— Ничего лучшего не желаю.

— Что это у вас ныне все один припев: «Ничего лучшего не желаю», да и все тут? Да я-то желаю другого... Конечно, я не имею никакого права разузнавать ваши тайны; однако, надеюсь, не нарушу правила приличий, если задам вам один вопрос.

— Спрашивайте, мистер Сэмюэль, и будьте уверены, что при малейшей возможности я отвечу вам с полной откровенностью.

— Гм! Вот уже и условие к отступлению... Но я не смею настаивать... Однако лучше сядем. Я действительно чувствую себя немного разбитым.

Молодой человек поспешил исполнить его желание, помог ему сесть на бугорок, покрытой зеленой травой, и сам сел рядом.

— Ну, так-то будет поудобнее! Час времени у меня свободный, потолкуем.

— И прекрасно, натолкуемся вдоволь, мой старый друг.

— Как же это случилось, мистер Джордж Клинтон, — сказал он, лукаво подмигнув ему, — что три месяца назад я оставил вас в Бостоне, во главе значительного торгового дома, которого вы были полновластным хозяином как законный наследник вашего отца, и вдруг такая неожиданность — вы очутились в охотничьем костюме за сто миль от ближайшего населенного пункта и как раз в ту самую минуту, чтобы спасти мне жизнь, за что, конечно, я вам искренно благодарен.

— Если бы мое путешествие имело только одну цель, то и за это я был бы вполне признателен судьбе, — ответил Клинтон с улыбкой, — но так как я не мог предвидеть будущего, то и должен откровенно признаться вам, что меня увлекла другая причина.

— Без труда верю вам, мой милый, и вот именно эту-то причину я и желаю знать, если, конечно, вы не находите для себя неудобным объяснить ее мне.

— Я-то? Нимало, мистер Сэмюэль. Видите ли, я молод, здоров, сил у меня немало, да и ловкости достаточно; я набил себе руку в стрельбе; природа одарила меня предприимчивым характером. Много раз в жизни случай сводил меня с людьми, совершившими трудные и великие подвиги по исследованию внутренних земель материка, так мало известных. От них я слышал о грозных, чудесных приключениях, которые они испытали во время своих странствий. Мое любопытство разгорелось, и я, в свою очередь, почувствовал страстное желание попытаться счастья и протоптать свою тропинку в стране чудес в поисках неведомого...

— Или идеала? — прервал американец лукаво.

— Или идеала, пускай и так. При жизни отца я тщательно скрывал от него свои бродяжнические мечты, зная, что это наверняка ему не понравится. Но теперь, когда я совершенно свободен, мои желания пробудились с еще большей пылкостью. Охота пуще неволи — у меня не хватило сил противиться страстному влечению; представился удобный случай, и я поспешил схватиться за него. Устроив свои дела, поручив

управление торговым домом своему компаньону, честность и способности которого мне давно известны, я увидел, что ничто не препятствует осуществлению моих планов, и пустился в путь.

— Но у вас, конечно, была определенная цель?

— Нет, я иду вперед, куда глаза глядят, как положит случай, и руководствуюсь только...

— Все тем же идеалом, — прервал его американец со смехом. — Однако, любезный друг, в вашем деле случай играет важную роль. Извините, если я выскажу откровенно свое мнение: ваша история — просто восторг! Она так замечательно изложена, что делает честь вашему воображению. Но провались я сквозь землю, если верю хоть единому слову из вашего рассказа!

— Ах, мистер Сэмюэль! В вас нет великодушия.

— При чем тут мое великодушие?

— Очень просто; вы не желаете верить, что молодой человек поддался внутреннему голосу, зову отваги и предприимчивости, тогда как вы сами — уж на что человек степенный, рассудительный, гораздо старше меня, занимающий значительное положение в обществе, и вдруг я встречаю вас точно в таком же положении! И, кроме того, в оправдание своей несколько легкомысленной предприимчивости вы не можете даже придумать сколь-нибудь достойной причины в свою пользу.

— Меткое возражение, Джордж; не ожидал я этого. Клянусь честью, приятель, вы с первого удара опрокинули меня... Но я, ведь вам это известно, я — старый дурак!

— Как же можно так говорить?!

— А для чего бы я стал это скрывать? Вы абсолютно правы, мой юный друг, надо быть безумцем, чтобы предпринимать такие глупости. Короче говоря, ясно как божий день, что вы не хотите открыть мне настоящей причины вашего путешествия.

— Уверю вас...

— Что вы хотите скрыть ее от меня? — прервал Сэмюэль Диксон с живостью. — Понимаю, понимаю, Джордж. Но как бы вы ни старались, а рано или поздно дело кончится тем, что вы меня же первого изберете своим поверенным. А пока что я подожду и тогда — будьте уверены, таинственный удалец, я постараюсь отплатить вам той же монетой.

— Мистер Сэмюэль, вы сердитесь на меня за умолчание...

— Вот уж несколько, мой милый, — ответил Диксон, крепко пожимая руку молодому человеку. — Помните же, Джордж, что я ваш верный друг. Храните до поры до времени ваши секреты, пока они принадлежат вам лично. Но когда придет время и вам понадобится друг, не сомневайтесь во мне; вы всегда найдете друга, готового служить вам.

— Не знаю, какими словами выразить вам свою благодарность.

— Ну-ну! Все это пустые слова. Вы ничем мне не обязаны; напротив, я ваш должник и не забуду этого... Но время уходит, и мне пора возвращаться в лагерь. Мое отсутствие может встревожить брата. Теперь я порядком отдохнул и настолько собрался с силами, что могу не только сам добраться до места, но и дотащить этого окаянного оленя.

— Напрасно, вы можете навредить своему здоровью.

— Полноте, я совсем не так слаб, как вы воображаете. Вот посмотрите.

— Подождите еще несколько минут.

— А что вы хотите делать?

— Сдрать с оленя шкуру и выпотрошить его; шкуру я повешу на это дерево, и вы захватите ее в следующий раз.

— Ей-Богу, отличная мысль! Ну хорошо, потрудитесь, тем более, что мы испытываем недостаток в съестных припасах.

— Эта местность богата дичью, и посмотрите, какой великолепный ландшафт!

— А ведь и вправду! Я и не заметил этого.

Молодой человек принялся за дело; в несколько минут шкура с оленя была снята, а мясо разрезано на части и переброшено через плечо Сэмюэля, уверявшего, что вполне надеется на свои силы и доберется до лагеря, не останавливаясь.

— Позвольте мне, по крайней мере, довести вас до ущелья, а вы обопритесь на мою руку, — сказал Джордж Клинтон.

— Согласен, но каким образом вы узнали, что мне надо проходить через ущелье?

— Да ведь это единственная дорога для выхода из долины, а не то надо делать большой обход.

— Хорошо, у нас уже решено, что я ничего не знаю, — сказал американец со смехом. — Итак, в путь!

Они пошли.

И в самом деле, от того ли, что он собрался с силами, или, что еще вероятнее, сила воли помогала ему сопротивляться боли, только Сэмюэль выступал довольно бодро.

— Смею ли вас просить об оказании мне одной милости? — внезапно сказал Джордж, останавливаясь при выходе из ущелья.

— Какой милости, друг мой?

— Никому не говорите о нашей встрече. Я не желаю, чтобы мое присутствие здесь было кому-нибудь известно.

— Вы серьезно этого хотите?

— Совершенно серьезно.

— В таком случае будьте спокойны. Никто ни слова не услышит о нашей встрече. Никто не узнает о том, что произошло. Э-э! Да чего лучше, я придумаю хорошенькую историю, как это удастся некоторым скрытным людям, да обморочу всех. Ведь это, должно быть, не сложная штука, как вы думаете, Джордж?

— Благодарствуйте и прощайте, старый друг! — сказал молодой человек, несколько смущенный.

— Не прощайте, а до свидания! — возразил американец, дружески протягивая ему руку.

Крепко пожав друг другу руки, они расстались.

Сэмюэль Диксон углубился вглубь ущелья, а Джордж Клинтон медленно повернул в долину.

ГЛАВА VIII

Каким образом Джордж Диксон стал неожиданным хозяином Оленьей долины

Сэмюэль Диксон продолжал свой путь довольно бодрой поступью, опираясь на ружье, но вскоре ему пришлось убедиться, что он чересчур понадеялся на свои силы; он был вынужден сознаться самому себе, что если мужество и энергия в некоторых случаях всемогущие помощники, то бывают и такие обстоятельства, когда и этого недостаточно, когда эти качества не столько полезны, сколько вредны. В сущности, опыт доказал ему, что эта задача весьма трудна: на протяжении двух миль тащиться с ношей в восемьдесят фунтов по непроходимым дорогам человеку с помятыми в буквальном смысле слова костями после жестокого падения с двенадцатифутовой высоты.

Но как же ему не хотелось бросать свою ношу, которая далась ему такой дорогой ценой, тем более, что его спутники испытывают острый недостаток в провизии и теперь ждут с нетерпением его возвращения, предугадывая, вероятно, что он отправился поохотиться.

Честный американец отер лоб, с которого струились ручьи пота, несколько минут постоял на месте, чтобы отдохнуть, и опять отважно пустился в путь.

Невозможно и рассказать, сколько усилий и страданий стоило ему пробраться по ущелью; последнюю четверть дороги он протаскился почти ползком, останавливаясь на каждом шагу, при этом ощущая себя так, будто вся кровь бросилась ему в голову; из глаз его сыпались искры, голова кружилась, горло пересохло, дыхание замирало в груди, виски словно хотели лопнуть, а в ушах стоял зловеющий звон. Он шатался как пьяный, страшился лишиться чувств, сознавая, что если придется упасть, то вновь ему уже не встать.

Так бился он больше часа в безумной борьбе силы воли с сопротивлявшимся телом, пока наконец не оказался у выхода из ущелья.

Оставалось пройти еще несколько шагов, и он будет со своими; две-три сотни ярдов отделяли его от лагеря, но сил не хватило, энергия, поддерживавшая его, истощилась, ноги под ним подкосились, и он упал на траву. Минут пятнадцать лежал он неподвижно, без чувства и мысли. На его счастье едва заметный ручеек протекал почти у самых его ног с тихим журчанием. Ползком добрался он до ручья и несколько раз погрузил лицо и руки в холодную воду. Мысли его освежились, лихорадочный жар унялся; теперь он мог обдумать свое положение.

Новая попытка пробраться дальше была бы довершением безумия, да и просто невозможна при таком упадке сил. Он и не думал об этом, но рассчитывал, что его могут услышать, а услышав, тотчас поспешат на помощь. По всей вероятности, вся семья уже встревожилась, и все ищет его.

Оставалось решить, каким образом может быть подан сигнал. Кричать — бесполезно: у него не хватит голоса и на десять шагов. Он мог надеяться только на свое ружье. С большим трудом он зарядил его и, приставив к земле, выстрелил. Так он заряжал и стрелял несколько раз, но на свой призыв не получал никакого ответа.

Он уже начал приходить в недоумение, что могло бы значить это упорное молчание, которого никак не мог себе объяснить, как вдруг со всех сторон вокруг него раздались крики и вслед за тем к нему подбежали брат и племянники с несомненными знаками сильной тревоги.

Помощь подоспела как раз вовремя: истощенный последними усилиями, Сэмюэль Диксон совершенно лишился чувств и словно мертвый лежал на траве, вытянувшись во весь рост. Первой заботой родных было освободить его от оленины, после чего племянники взвалили его на свои дюжие плечи и поспешили к своему стану, где миссис Диксон и мисс Диана с нетерпением и сильной тревогой ожидали результатов охоты.

При виде печального возвращения охотника мать и дочь вообразили, что он убит, и разразились страшными воплями.

Много трудов стоило Джонатану Диксону успокоить их, уверяя, что с братом случился всего лишь обморок и что по милости Божией жизнь его в данный момент не подвергается смертельной опасности.

Благодаря страннической жизни американцы — а в особенности переселенцы и лесные охотники — имеют довольно основательные познания в медицине и хорошо знакомы с искусством врачевания.

Джонатан Диксон, изъездив вдоль и поперек всю Америку, приобрел некоторый опыт, который заменял ему науку и давал возможность обходиться без докторов и в случае надобности самому себе помогать.

Больного положили в крытую повозку на тюфяке, подушках и сняли с него лишнюю одежду.

Увидев большие синяки, испещрявшие его тело, Джонатан не замедлил понять причину недомогания брата.

— Ей-Богу! — сказал он своему старшему сыну, помогавшему ему ухаживать за братом. — Как видно, наш бедный Сэмюэль жестоко ушибся, полетев с высоты вниз головой. Просто чудо, что он не расшибся до смерти.

— Да и то чудо, что он отделался только ушибами и не переломал себе костей, — ответил молодой человек.

— И то правда, Гарри; Бог, видимо, хранил его. Правда, ушибы очень сильные, но мы этому скоро поможем, пока твоя мать приготовит на завтрак оленью ногу. Бедный Сэмюэль! Ведь это он ради нас подвергал опасности свою жизнь. Поди-

ка, Гарри, принеси камфарного спирта и попроси у матери кусок сукна, да мимоходом убеди ее приглядеть получше за жареньем оленьей ноги, а то у нее есть несчастная привычка вечно пережаривать дичь, что придает ей отвратительный вкус. Захвати еще бутылку рома. Надо пропустить несколько капель в горло бедному Сэму, это будет ему полезно. Иди же, да поторопись вернуться!

Проводив сына с этими многочисленными поручениями, Джонатан Диксон деятельно занялся смачиванием висков своего брата холодной водой и поднесением к его носу жженных перьев. Но эти столь целительные средства в разных обстоятельствах жизни в данном случае не имели ни малейшего успеха; больной лежал неподвижный и бездыханный, не подавая ни малейших признаков жизни.

Но вот вернулся Гарри с камфарным спиртом, кусками сукна и бутылкой рома.

— Прежде всего нальем ему в горло глоточек рома, — сказал Джонатан.

С этими словами он ножом разжал больному зубы и влил в рот несколько капель рома.

Вдруг Сэмюэль Диксон пошевелился и судорожно заморгал глазами.

— Прекрасно! Одно лекарство действует, — сказал обрадованный переселенец. — Теперь, Гарри, примемся за дело!

Вооружившись сукном, смоченным в камфарном спирте, мужчины начали что было силы растирать тело и руки больного.

Результат применения такого сильного лекарства, да еще при таких ожесточенных условиях, сказался почти мгновенно.

Больной извивался на своем ложе так, что его «палачи» с трудом могли его удержать; в этой борьбе несчастный Сэм выпускал страшные вопли.

Но он имел дело с людьми, убежденными в превосходстве употребляемого ими средства, и волей-неволей их жертва, видя бесполезность своих молений, воплей и проклятий, должна была покориться этой операции, продолжавшейся около получаса без перерыва.

— Вот и кончено дело! — сказал наконец Джонатан, весело потирая руки. — Теперь постарайся заснуть.

— Провалитесь вы сквозь землю, окаянные! Палачи! Вы с меня живьем содрали шкуру! — закричал Сэмюэль в сердцах.

— Ух! Какой ты неженка, словно старая баба! Мы едва до тебя дотрагивались, так нежно растирали. А на ночь мы тебя еще разок потрем, и тогда, поверь, все как рукой снимет и завтра ты будешь бодр и свеж, словно ничего и не приключилось.

Сэмюэль вздрогнул всем телом, услышав обещание брата, но ничего не ответил и даже закрыл глаза, чтобы прекратить всякие разговоры, а через пять минут он спал богатырским сном.

Вечером, следуя своему обещанию, Джонатан Диксон пришел опять и с помощью старшего сына, несмотря на просьбы и отчаянное сопротивление брата, опять растер его, только на этот раз операция производилась еще сильнее и продолжительнее.

Ни нежные мольбы, ни грозные проклятия, ничто не тронуло их; они продолжали натирать его с безмятежным спокойствием людей, убежденных в исполнении своего долга.

По окончании этих мучений Джонатан опять посоветовал брату заснуть, заверяя его, что с утра он будет совсем здоров и что, во всяком случае, он может быть спокоен: если и завтра он почувствует боль от ушибов, то в натираниях недостатка не будет.

Такое неприятное обещание произвело целебное действие и окончательно вылечило больного.

На другой день Сэмюэль встал с восходом солнца и давно уже гулял по стану, насвистывая «Янки дудл», когда наконец проснулся его брат.

Уж как же обрадовался Джонатан, видя брата здоровым и невредимым! Он поздравил его с выздоровлением и не замедлил восхвалять до небес целебное средство, с помощью которого они излечили его болезнь.

При одном воспоминании об этом Сэмюэль вздрогнул, удивляясь про себя, как это он смог два раза вынести такую пытку.

Как только родные удостоверились, что Сэмюэль совершенно выздоровел, все подступили к нему с расспросами относительно его исследований, интересуясь также, что явилось причиной его падения.

Переселенец не заставил себя долго просить и рассказал все подробности случившегося с ним, но, конечно, умолчал о своей встрече с Джорджем Клинтоном.

Рассказ его происходил за завтраком; все присутствующие слушали его с жадным любопытством. Мать и дочь с особенным участием внимали описанию живописной долины, куда Сэмюэль попал так внезапно и стремительно — и не мудрено, обе бедняжки страшно утомились от безостановочных переездов с места на место.

— Я уверен, — сказал Сэмюэль, окончив свой рассказ, — что трудно было бы выбрать лучшее место для поселения.

— Это еще надо посмотреть, — ответил Джонатан.

Сэмюэль хорошо знал своего брата и понимал, как надо браться за дело, чтобы заставить его делать то, чего другие не могли от него добиться.

— Что касается меня лично, — продолжал Сэмюэль равнодушно, — то меня ничто не привязывает ни здесь, ни там. Мы протащились по этим прериям столько сотен миль, что, право, на мой взгляд лишние пятьдесят миль ничего не значат. Мы можем пойти дальше, — надо же оставлять хорошие места и другим переселенцам, нашим последователям, которые потянутся по нашим следам. А уж земли и воды найдется вдоволь, хотя бы и у Гудзонова залива.

— Вот тебе и раз! — закричал Джонатан запальчиво. — Я вовсе не желаю забираться туда! А вот посмотрим: коли эта долина так хороша, как ты рассказываешь, так мы и тут можем поселиться.

— Ну, не думаю, брат, чтобы тебе понравилась эта местность.

— Это почему? Прошу мне ответить!

— Да как знать? Бывает так, что одному нравится, а другому не нравится. Да я и сам, как подумаю хорошенько, право, ничего особенно хорошего в этой местности не вижу.

— Гм! Надо посмотреть, — процедил Джонатан сквозь зубы.

Сэмюэль не стал настаивать, видя, что попал в цель, и сменил тему разговора.

— Если мы здесь проведем еще день, — сказал он, — то мы с Гарри пойдем в ущелье за оленьей шкурой, которую я повесил на дерево.

— Отчего же не со мной, прошу ответить? — спросил Джонатан угрюмо.

— И с тобой, брат, если тебе это приятно. Я очень рад с тобой пройтись.

— В таком случае, — вскричал Джонатан, — лучше всего отправимся туда все вместе! Вот будет приятная прогулка! Гарри, Сэм, Джек, прикажите Сэнди собрать прислугу. Сейчас же снимемся с лагеря и отправимся на ночлег в ту долину. Тогда мы вдоволь успеем наглядеться и исследовать ее.

— Но как же это, друг мой? — спросила миссис Диксон. — Неужели надо сниматься с лагеря ради такого короткого перехода?

— А чем же вам этот план не нравится? — спросил ее муж сухо.

— Не то чтобы план мне не нравился, но, на мой взгляд, какой смысл утомлять понапрасну людей и лошадей.

— Полагаю, любезный друг, что я гораздо лучше понимаю, что для нас лучше, — ответил глава семейства со значением в голосе и, встав с места, пошел лично отдать распоряжения, чтобы поторопить людей.

Дамы и Сэмюэль Диксон обменялись взглядами и улыбнулись; они понимали друг друга и теперь были уверены, что странствование кончилось и они навсегда поселятся в этой долине.

Не прошло и часа после этого, как все было убрано и длинный караван потянулся по направлению к ущелью. Впереди шли слуги с топорами, чтобы рубить лес и пролагать дорогу.

Сэмюэль Диксон, несмотря на свои уверения, что здоровье его поправилось, тем не менее не поехал верхом на лошади, а сел с невесткой и племянницей в просторную повозку и в веселых разговорах коротал время и скуку продолжительного путешествия.

Иногда дядя поглядывал на бледное лицо племянницы и с лукавой усмешкой потирал руки, продолжительно и звучно испуская свои обычные восклицания: «Гм! Гм!»

Ни мать, ни дочь ничего не могли понять в его многозначительных пантомимах, но напрасно они приставали к нему с расспросами; он ограничивался тем, что таинственно кивал головой и ловко обращал разговор на другие предметы.

Мимоходом сказать, рассказы Сэмюэля произвели глубокое впечатление на его брата Джонатана, и потому он ехал не рядом с повозками, как обычно это делал, заставляя свою лошадь соразмерять свой ход с шагом вьючных животных, но на этот раз скакал впереди повозки.

Вскоре и этого было мало; увлекаемый пылким любопытством, он махнул своим сыновьям, и когда те подъехали к нему, они вчетвером пустили своих лошадей вскачь и скоро скрылись в чаще кустарника.

— Вот и попались рыбки на удочку, — сказал Сэмюэль Диксон шутливо, указывая своей невестке на подвиги ее мужа.

— Но точно ли эта долина так прекрасна, как вы говорите? — спросила она с участием.

— И даже гораздо лучше. Это настоящий земной рай. Скоро сами увидите. Я думаю, на сто миль в округе не найти места более приятного и удобного. И всех благ земных тут в изобилии: леса, воды, пастбища, дичи, и не знаю чего еще тут нет.

— Только бы мистер Джонатан согласился поселиться здесь.

— Ну, милая сестрица, это зависит немножко и от вас.

— Увы! Вы, верно, полагаете, что я имею какое-то влияние на мужа? Нет, вы сильно ошибаетесь. Вы знаете, что им овладел дух непоседливости; он никогда не бывает счастлив, сидя на одном месте, и нигде ничем не удовлетворяется.

— Ну, здесь-то он вполне будет доволен, ручаюсь вам за это — конечно, в том случае, если вы сами этого хотите.

— Дай-то Бог! — ответила она, вздохнув про себя.

— Тише! Вот и он сам. Внимание! Настала решительная минута.

И действительно, Джонатан летел с быстротой стрелы и остановился точно у повозки.

— Слушайте! — закричал Джонатан, запыхавшись. — Я прямо из долины.

— Вот как! — отвечал Сэмюэль равнодушно. — А нашли ли вы оленью шкуру, которую я там повесил?

— До шкуры ли тут! — закричал Джонатан с досадой. — Дело совсем в другом.

— А в чем же дело? — спросил Сэмюэль.

— Будто ты не понимаешь меня, брат! Разумеется, речь идет об этой волшебной долине! Клянусь честью, за всю свою жизнь я нигде не встречал ничего подобного. Какая величественная и живописная природа!

— Ну вот, теперь ты преувеличиваешь, Джонатан. Правда, местность не дурна, но далеко не заслуживает тех восторженных похвал, которыми ты достаиваешь ее.

— Какой ты странный человек! — возразил Джонатан с досадой. — Достаточно, чтобы какая-нибудь вещь мне нравилась, так ты сейчас же принимаешь противоположное мнение. Раз мне нравится — значит, тебе непременно не нравится!

— Как же быть?.. Ну что же, Джонатан, ты прикажешь расчистить удобное место в долине?

— Расчистить! Что вы там толкуете, ничего не понимая! — крикнул Джонатан резко. — Я намерен не расчистку делать, а завладеть всей долиной. Она никому еще не принадлежит, следовательно, будет наша; мы разделим ее с братом поровну.

— О! — заметил Сэмюэль. — Мне надо так мало земли!

— У вас будет столько земли, сколько вам принадлежит по праву — вот как, любезный брат! Неужели вы думаете, что я захочу воспользоваться вашими интересами?

— Избави меня Бог от таких мыслей!

— Милый Джонатан, надо все получше обсудить, прежде чем принять такое важное решение, — заметила жена.

— Я уже все обсудил и рассудил, и решение принято мною раз и навсегда. Повторяю вам, в этой самой долине мы останемся и расположимся на житье, и это так же верно, как и то, что я уже оставил там сыновей с приказанием приниматься за дело.

— За дело?

— Да, брат, они уже занялись рубкой леса и расчисткой местности. Дела нельзя откладывать; пора уже поздняя. Нельзя терять ни минуты, если мы хотим покончить с нашими приготовлениями к зиме.

Разговор продолжался в том же духе, а повозки все тянулись вперед, так что к этому времени прошли уже половину ущелья.

— Посмотрите-ка! — воскликнул Джонатан. — Нет ничего легче, как укрепиться в этом ущелье в случае надобности.

— Правда; должно быть, в этих местах много краснокожих.

— Какая же тут беда? У нас немало вооруженных людей.

— И это правда, но в случае нападения с их стороны мы не можем рассчитывать на постороннюю помощь и должны ограничиваться собственными силами.

— Позвольте вас уверить, что и этого вполне достаточно.

— Надеюсь, но боюсь, что индейцы не дадут нам спокойно завладеть этой местностью, особенно если она так богата дичью, как это тебе показалось.

— Ба-а! Стоит ли об этом задумываться? Пускай индейцы пожалуют — не беда! Мы устроим им такую встречу, что они потеряют всякую охоту ссориться с нами.

— Что тут спорить! Поживем — увидим.

— Послушай, брат, ты просто нестерпим со своими грозными предсказаниями.

— О! Нет, Джонатан, это не так, я только осторожен, вот и все.

Переселенец обиделся, что его брат постоянно возражает ему, и, внезапно прекратив с ним разговор, пришпорил лошадь и ускакал вперед.

Сэмюэль весело смотрел ему вслед.

— Теперь вы можете быть спокойны, — со смехом обратился он к своей невестке. — Джонатан убедился, что мне досадно его твердое намерение поселиться здесь, и теперь уж ни за что на свете не откажется от своего намерения, хоть бы для того только, чтобы досадить мне.

— Боюсь, не слишком ли далеко вы зашли в споре с ним?

— Ничуть, напротив, я только подстегнул его решимость.

— Признаюсь вам, меня сильно встревожили ваши слова об индейцах; вы серьезно думаете, что их тут много?

— Полагаю, что мы попали в их владения, но не думаю, чтобы они напали на нас, если мы сами не подадим к тому повода.

— А если эта долина и в самом деле принадлежит им?

— Ну так что же? Мы заключим соглашение с племенем, которому она принадлежит, и купим ее у краснокожих, как это теперь часто делается.

— Но ведь вы знаете нашего Джонатана — он ни за что не согласится вести переговоры с кем бы то ни было. Разве вы забыли его правило: земля принадлежит тому, кто первый ее занял?

— И то правда. Ну и что? В случае надобности мы постараемся заставить его изменить мнение, и я надеюсь на успех... Но смотрите: мы въезжаем в эдем, который отныне будет нам принадлежать.

— Ах, какая великолепная местность! — воскликнула миссис Диксон, всплеснув руками с выражением восторга.

Мисс Диана, несмотря на свою обычную печаль и молчаливость, тоже не могла скрыть своего восхищения при виде величественной природы, внезапно открывшейся перед ее глазами.

— Будьте осторожнее, умерьте свои восторги, — внезапно сказал Сэмюэль. — Приближается мой брат, и если он услышит вас, то пиши все пропало!

Шагах в ста от них стоял Джонатан Диксон, а позади него три сына на лошадях и с ружьями в руках.

В правой руке переселенец держал американский флаг. Когда все повозки въехали в долину, Джонатан махнул рукой, и караван остановился.

Вся прислуга и работники выстроились в двадцати шагах от своего командира. Сэмюэль Диксон с невесткой и племянницей оставались в повозке.

Переселенец размахивал флагом над своей головой, а в это время лошадь под ним выделявала разные штуки и не стояла на месте. Помахав флагом еще некоторое время, он воткнул древко в высокую кучу земли и произнес твердым и громким голосом:

— По праву первого поселенца я принимаю во владение эту неизвестную землю, объявляя себя единственным хозяином и властелином этой долины, и если белому или краснокожему вздумается отнять у меня мою собственность, то я сумею ее защитить. Да здравствует Америка!

— Ура! Да здравствует Америка! — провозгласили присутствующие восторженно.

— Друзья мои, теперь мы находимся на нашей собственной земле. Мы расчистим эту долину, которая со временем будет преуспевать в благосостоянии и просвещении, и отныне мы назовем ее Оленьей долиной.

— Ура! Да здравствует Оленья долина! Да здравствует Джонатан Диксон! — кричали присутствующие.

Переселенец с тремя сыновьями выехал вперед каравана и провел его к месту, где следовало основать главное жилище нового поселения.

Был полдень, когда Джонатан Диксон заявил о своих правах на владение этой местностью, а уже в два часа после обеда вековые деревья потрясались и падали под неумолимыми топорами переселенцев.

Здесь Диана терпит нападение врага, с которым, несмотря на его свирепость, ладит ее собака Дардар

еятельность северных американцев непостижима; среди многочисленных талантов они обладают действительно замечательной способностью действовать топором. Их способ производить рубку и расчистку имеет нечто необъяснимое, превышающее все, что может придумать воображение.

Пятидесяти американских дровосеков достаточно, чтобы за какой-нибудь месяц сложить на землю всех великанов могучего леса.

Способ их действия действительно замечателен по своей оригинальности. Они всегда действуют, исходя из логичной, хотя и несколько горделивой мысли, что со временем из их маленького поселения выйдет важный город, и потому они принимают серьезные меры предосторожности.

Расчищаемую местность они прежде всего разделяют на участки; наскоро прорубленные тропинки называются у них улицами; большие пространства составляют площади; столбы, расставленные на определенном расстоянии один от другого, или деревья, нарочно для этого оставленные, указывают направление поперечных улиц и положение будущих домов, магазинов, мастерских, конюшен.

Покончив с первой обязанностью, американцы принимают за дело с лихорадочною страстностью, и вековые деревья гигантских размеров и толщины летят с невообразимой быстротой.

Прежде всего устраивают конюшни, хлева, потом мастерские, кузницы, речные мельницы, и мастера, не теряя времени, принимаются за дело. После первой расчистки пни не выкапывают, поскольку это потребовало бы много времени и хлопот, но начинают пахать и сеять, так что плуг обходит пни. Без удобрения почва дает здесь чрезвычайно обильные жатвы. За все дела принимаются разом, и все идет в удивительном порядке; общее усердие и трудолюбие не знает ни усталости, ни перерыва.

За короткое время общий вид картины совершенно меняется. Там, где царствовал девственный лес со своими таинственными и непроходимыми чащами, вдруг, как бы по мановению

волшебного жезла, возникает зародыш города, который лет за десять быстро разрастается и становится богатым, обширным и цветущим городом с народонаселением в пятьдесят или шестьдесят тысяч человек, сошедшихся с разных краев мира.

Но переселенец, первый основатель нового округа, исчезает, не оставляя после себя и следа; никто его не знает, даже имя его неизвестно. Кончив дело, он печально смотрит на его быстрое развитие и, сам пугаясь бурного разрастания цивилизации, от которой он в свое время бежал и которая ныне неотступно следует по его пятам, он снова бежит и углубляется в чащу лесов, отыскивая девственную землю, которую он опять обогатит за счет своего труда и опять не в свою пользу, а уйдет он навстречу смерти и умрет в неизвестности в какой-нибудь засаде краснокожих или в схватке с белым медведем, или от голода и лишений в какой-нибудь глуши, невидимой миру.

Но его странствование по земле не прошло бесследно и принесло свою пользу человечеству; он совершил великое дело, которым воспользуются тысячи тысяч людей. Благодаря его энергичным усилиям прогресс шел вслед за ним, цивилизация заступила место варварства, и, сам того не сознавая, даже не думая об этом, он становится одним из тех неизвестных благодетелей человечества, славное жизнеописание которых невозможно ввиду огромного числа великодушных и смиренных жертв.

Джонатан Диксон приступил к делу, не отступая от традиций своих предшественников-переселенцев. Он начал с того, что разделил долину на две равные половины: одну для брата, другую для себя. Свою резиденцию он основал на самом мысу, образовавшемся при слиянии двух рек. Сэмюэль Диксон водворился на противоположном краю долины, на берегу реки, которой дали название Оленьей реки — в память первой охоты храброго Сэма.

Потом все принялись за работу и трудились каждый для себя. Работы производились с такой быстротой, что не прошло и трех недель, а уже главные постройки были окончены.

Дома из цельных деревьев — только кора с них снималась — скреплялись железными скобами и доставляли видимые удобства для жизни: в них имелись окна со стеклами и крепкими ставнями и высокие трубы, из которых уже вырывались клубы голубоватого дыма.

Работники и всякого рода ремесленники и прислуга тоже строили себе дома, только попроще, и даже простые хижины, которые со временем исчезнут и сменятся более надежными постройками.

Средства к защите, столь необходимые в местах близкого поселения индейцев, также были предусмотрены надлежащим образом: все поселение, окруженное двумя рядами валов, обносилось крепкими палисадами; между валами тянулся большой ров в десять метров шириной и пятнадцать глубиной.

Подъемные мосты, возведенные на определенных расстояниях друг от друга и поднимающиеся на ночь, — вот один из способов вступить внутрь поселения. У каждого моста устроены земляные редуты с кольями наверху для защиты прохода в случае нападения. Даже дома сделаны с зубцами и бойницами.

Для большей безопасности переселенцы привели с собой свору собак, числом до двадцати, свирепой породы, завезенной испанцами в Америку, с которыми они охотились на индейцев. Эти собаки спускались во внутренних дворах и около хлевов и конюшен.

Сверх того, на главных зданиях — домах Сэмюэля и Джонатана — были подняты огромные фляги с американскими цветами; их широкие складки развевались ветром и красноречиво говорили каждому проходящему о смелом вступлении отважных переселенцев во владение долиной.

Однажды утром, едва взошло солнышко, мисс Диана в сопровождении громадной собаки, ее любимца Дардара, вышла из поселения Мыс, как называли дом ее отца, и направилась прямо к дому дяди Сэмюэля.

Оба брата, занятые каждый своим делом, не виделись иногда по два, а то и по три дня, тем более что расстояние между их поселениями было мили в полторы.

Джонатан Диксон, пожираемый вечной страстью к деятельности, изумлялся картине великолепной реки, на берегу которой построил свой дом, не зная, что этой есть могучий Миссури; с изумлением задавался он вопросами, в какие страны несет свою дань эта величественная река и не проходит ли она в своем прихотливом течении какие-нибудь области американской республики, прежде чем исчезнет в море. Джонатан не сомневался, что такая могучая река непременно должна быть данницей моря.

Придя к такому заключению, он понял, сколько выгоды сулит ему сбыт продукции и хлебных растений и подвоз припасов посредством водного сообщения. Известно, что всем северным американцам присущ дух коммерческих оборотов, который и заставляет их совершать великие подвиги предприимчивости.

Итак, Джонатан решился провести исследования этой реки, намереваясь спуститься до первого поселения, которое встретится ему по дороге, и свое намерение он хотел привести в действие, как только окончатся работы первостепенной важности.

Но известно, что стоит только плану зародиться в голове переселенца, как он тотчас же приводится в исполнение; в то же время, как закончились работы, необходимые для защиты поселения, хозяин уже устраивал легкую пирогу, вполне просторную для четырех человек, с достаточным количеством съестных и других припасов на борту для продолжительного путешествия и такую надежную, на которой можно бы проплыть не одну сотню миль, не подвергаясь большим опасностям от повреждений.

Вечером накануне этого дня пирога была окончена, и Джонатан Диксон, торопясь начать свое плавание, послал дочь за братом Сэмюэлем с просьбой поскорее прийти для переговоров об окончательных мерах, необходимых для этого случая. Мимоходом сказать, Сэмюэль Диксон находился в полном неведении на счет новых планов своего брата, да и родная дочь знала не более того.

Джонатан Диксон отнюдь не был скрытного характера, просто он не имел привычки сообщать о своих намерениях кому бы то ни было раньше времени.

Мисс Диана, как настоящая героиня романа, проходила легкой поступью едва заметные тропинки; за поясом у нее был охотничий нож, в руках короткое ружье. Кроме того, в избытке осторожности миссис Диксон потребовала, чтобы ее непременно сопровождал Дардар — великолепный пес, черный с белым, помесь волка и ньюфаундлендской собаки, необычайной силы, беспримерной свирепости, ростом с осла, не знавший страха, не побоявшийся сразиться один на один даже с медведем и вместе с тем безгранично преданный своей молодой хозяйке, которой повиновался беспрекословно, как покорное дитя.

С таким телохранителем мисс Диана ничего и никого не боялась — ни людей, ни зверей. Местность же эта была еще так мало изучена, что переселенцы не считали благоразумным позволять молодой девушке гулять одной без сопровождения защитника.

В тот день, сама не зная причины, девушка была против своего обыкновения очень весела. Относительная свобода, которой она могла пользоваться в прерии, давала ей возможность предаваться своим мыслям; быть может, именно это и явилось причиной, заставившей исчезнуть облако грусти, обычно омрачавшее ее прекрасное лицо.

Беспечно задумавшись, она шла по тропинкам, лаская иногда Дардара, который, как бы гордясь драгоценным залогом, вверенным его верности, только и делал, что вертелся около своей хозяйки, заглядывая во все кустарники и чащобы и посматривая на нее своими умными блестящими глазами почти с человеческим выражением.

Вскоре мисс Диана дошла до Оленьей реки.

Как раз против дома дяди Сэмюэля стоял паром для удобнейшего сообщения; впрочем, река в этом месте была узка и, главное, не глубока.

Мисс Диана прыгнула на паром и скоро перенеслась на другую сторону; оставалось еще пройти шагов пятьдесят до дома, очень хорошо устроенного по тому же образцу, что и дом Джонатана.

В то время как Диана Диксон направлялась к дяде, в гостиной этого дома заседали два человека. Они весело беседовали, время от времени прикладываясь к стаканам, наполненным отличным вином. Это были Сэмюэль Диксон и Джордж Клинтон.

Пара оседланных лошадей стояла на дворе; от лошадей столбом валил пар, из чего можно было заключить, что поездка была нешуточная.

— Провалитесь вы сквозь землю, милый Джордж! — воскликнул Сэмюэль с дружеской ворчливостью. — И как вам не стыдно заставлять меня, старика, скакать целую милю по ужасным дорогам за тем, чтобы догнать вас. Клянусь честью, правда, я не красавец, однако и не такое уж пугало, чтобы пугать добрых людей и обращать их в бегство.

— Как это можно, мистер Сэмюэль? Я не бежал, но не видел вас, — отвечал Джордж, улыбаясь.

— Довольно, Джордж, перестаньте вилять! Неужели вы думаете, что я не понимаю причины, потянувшей вас в эту глушь?

Молодой человек покраснел и, чтобы скрыть свое смущение, поднес стакан с вином ко рту.

— Знаете ли вы моего брата? — продолжал Сэмюэль.

— Я?

— Да кто же еще? Ведь нас только двое в гостиной.

— Я видел его в Бостоне, но, как мне кажется, он меня не заметил, — ответил Джордж с видимым замешательством.

— Хотите ли вы, чтобы я представил вас ему? Это скоро можно будет сделать. Джонатан, несмотря на свои недостатки, превосходный человек, и я уверен, что он примет вас радушно.

— Благодарю вас, но я нахожу, что время еще не пришло.

— Но я убежден, что вы не имели ни в ком нужды, чтобы представиться моей племяннице, — заметил Сэмюэль насмешливо.

— О! — воскликнул молодой человек, до того испуганный неожиданным выпадом, что выронил из рук стакан, который, упав на пол, разбился вдребезги.

Переселенец расхохотался.

— Ну вот, теперь принялся колотить мою посуду! Да провалятся сквозь землю все влюбленные! Как ни хлопочи, а угодить им не надейся... Ну-ну! Успокойтесь, — продолжал он, сжалившись над видимым замешательством молодого человека, — такого старого людоеда, как я, трудно провести, да и тайны от меня не скроешь. Вы любите мою племянницу — что же тут мудреного? Эта девочка такая хорошенькая, что ваша страсть к ней вполне понятна. Вы же, Джордж, славный человек, и я наверняка знаю, что из вас двоих выйдет отличная парочка.

— К несчастью, этой мечте не суждено сбыться, — сказал молодой человек, печально опустив голову.

— Что такое? Почему вы так говорите?

— Боже мой! Вы открываете тайны моего сердца и вместе с тем так любезны ко мне, что у меня нет сил скрывать от вас чего бы то ни было.

— Так исповедуйтесь же мне и будьте спокойны; я люблю вас и хочу видеть вас счастливым.

— Вы внушаете мне мужество, и потому я вам все открою... Рассказ мой будет короток. Я встретил мисс Диану в

Бостоне у миссис Маршалл, вашей родственницы. В прошлом году ваша племянница гостила у нее несколько месяцев, а я был принят в ее доме, как родной.

— Да, я помню, что племянница гостила у миссис Маршалл, которая приходится нам дальней родственницей. Продолжайте.

— Что же я вам должен сказать? С первого раза, как я увидел мисс Диану, я полюбил ее. С тех пор я стал так часто посещать миссис Маршалл, что она не могла не заметить моей страсти к ее племяннице. Как-то раз она отвела меня в сторону и с искренним участием ко мне, отдавая полную справедливость честности моих намерений, стала убеждать меня не настаивать и отказаться от счастья видеть мисс Диану, потому что ее отец никогда не согласится иметь меня зятем. Я умолял ее объяснить и открыть причину отказа, но она уклонялась от прямого ответа. Наконец, тронутая моим отчаянием, она в двух словах рассказала мне, что мой отец с отцом мисс Дианы имели некоторые неприятные столкновения, что это было очень давно, но тем не менее всякая связь между этими двумя семействами невозможна.

Во время этого рассказа веселое лицо Сэмюэля мало-помалу омрачилось, лоб нахмурился и печаль отразилась на его лице.

— Вот видите, — заметил Джордж, — вы сами разделяете это мнение.

— Не совсем, мой молодой друг, — возразил Сэмюэль, крепко пожимая ему руку, — дело не шуточное, но оно было так давно, что я совсем и забыл о нем. Не спрашивайте меня; я не могу вам отвечать. Но не теряйте мужества, обстоятельства могут перемениться, положение улучшится, а я стану вам помогать, насколько хватит сил. Только не надо отчаиваться.

— Но это не так! Я прекрасно понимаю, что для меня нет надежды.

— Вы с ума сошли! Говорят вам, будьте спокойны; со временем я надеюсь на успех.

— О, если бы я мог иметь эту уверенность!

— Если уж я даю вам слово, значит, это не так уж мудро... Ну, провались сквозь землю всякая печаль, и давайте позавтракаем вместе — это дело решенное... Кстати, каким образом вы узнали, что мой брат отправляется на запад?

— Сама мисс Диана известила меня об этом.

— После этого я не удивляюсь, что вижу вас здесь; ваше присутствие совсем извинительно. Идемте же завтракать.

— Извините, мистер Сэмюэль, — сказал Джордж и, взяв шляпу, хотел было удалиться.

— К черту эти церемонии! — закричал Сэмюэль весело. — Говорят вам, вы будете завтракать вместе со мной. Небось, была бы здесь моя племянница, вы бы не стали так церемониться; напротив, и меня не спросили бы, чтобы остаться.

В эту минуту дверь приоткрылась, и нежный голос, от которого храбрый охотник вздрогнул, произнес:

— Можно мне войти, милый дядя?

При таком неожиданном стечении обстоятельств Сэмюэль Диксон упал на стул и покатился со смеху. Диана оставалась в недоумении у дверей, а Джордж Клинтон точно остолбенел, стоя посреди комнаты; он вертел шляпу в руках, бросал полоумные взгляды и, не помня себя, не мог сообразить, что ему делать и что говорить, так он был ошеломлен.

Храбрый Дардар положил конец всеобщему смятению, невыносимому для всех.

Умный пес немного поотстал, чтобы поздороваться со знакомыми, и, когда увидел открытые двери, смело бросился в комнату, даже не залавав. При виде Джорджа Клинтона он кинулся прямо к нему, радостно виляя хвостом, и, став на задние лапы, положил передние на его плечи и с радостным лаем принялся лизать его лицо.

— Ей-Богу! — воскликнул Сэмюэль вне себя от удивления. — Этот молодец прямо-таки родился в рубашке: все его любят, и даже лютый зверь Дардар радостно приветствует его, — а он еще смеет отчаиваться!

Потом, обратившись к племяннице, все еще неподвижно стоявшей у двери, он сказал с веселым смехом:

— Да иди же сюда, маленькая плутовка, поцелуй меня.

Молодая девушка не заставила повторить приглашения дважды и мигом повисла на шее дяди.

— Милости просим, — продолжал дядя шутливо, — вы тоже будете завтракать с нами. Полагаю, что мне не надо представлять вам этого молодца, которого ваш вид обратил, кажется, в каменную статую.

— Нет, милый дядя, я давно уже имею честь знать этого господина, — сказала девушка с очаровательной улыбкой, и с этими словами она протянула Джорджу руку, на которой он запечатлел почтительный поцелуй.

— В добрый час! — воскликнул Сэмюэль Диксон, весело потирая руки. — Дело идет на лад; скорее сядем за стол, а не то я умру с голоду. За завтраком мы потолкуем, и племянница расскажет, чему я обязан столь ранним посещением, потому что я никак не могу полагать, чтобы она так рано прошла полторы мили и замочила свои хорошенькие ножки утренней росой нарочно затем, чтобы обнять старого ворчуна-дядю.

— А почему же бы и нет? — возразила она с плутовской улыбкой.

— Пожалуй, что и так, — заметил дядя, — во всяком случае, ты никак не могла знать, какой сюрприз ожидает тебя здесь, не так ли?

Она улыбнулась, покраснела и опустила глаза.

Сэмюэль Диксон, не желая увеличивать смущение молодых людей, повел их в столовую и усадил за стол.

Понятно, что Джордж и не думал уходить, но напротив, с очевидным удовольствием занял место за столом.

В начале завтрака все были несколько стеснены неожиданностью, но мало-помалу замешательство проходило; хозяин обнаружил столько тонкого такта и добродушия и с такой ловкостью избегал всего, что могло возбудить смущение молодых людей, что неловкость вскоре была преодолена и за завтраком воцарилась самая непринужденная веселость, позволявшая общему разговору принять искренний и открытый характер.

Сэмюэль Диксон, узнав от Дианы причины ее посещения и уверив ее, что вечером по окончании работ непременно придет к брату, обратился к Джорджу Клинтону с просьбой рассказать о своих приключениях по дороге в прерии.

Молодой человек, полностью оправившись от своего замешательства, с удовольствием принял его приглашение и выполнил свою задачу так умно и непринужденно, что мисс Диана и дядя Сэмюэль заслушались его.

— Теперь слушайте меня, милые дети, — сказал дядя по окончании завтрака, — слушайте внимательно. Оба вы прелесть какие дети, и я люблю вас от всего сердца и искренне желаю вам счастья. Предоставьте мне ваше дело; никто лучше меня не может знать моего брата и не сумеет добиться от него чего бы то ни было. Положитесь же на меня, как на верного союзника. Но смотрите, будьте осторожны. Малейшее недоразумение испортит все дело... Вот вы, мистер

Джордж, должны остаться со мной, несмотря на ваше крайнее желание проводить мою племянницу до половины дороги. Она и одна найдет дорогу к отцу; так будет гораздо лучше, потому что чужие глаза могут увидеть вас вместе, а это даст повод к предположениям и подозрениям, которых очень важно избежать. Не правда ли, дети мои, мне не надо говорить вам, что мой дом открыт для вас, и чем чаще вы будете заходить ко мне, тем мне будет приятнее. Мужество и благоразумие — вот мой вам совет. Теперь, мисс Диана, поцелуйте меня скорее, наскоро проститесь с вашим женихом — отныне вы должны считать его своим женихом — да и марш в дорогу!

— О! Дядюшка, как вы добры! — воскликнула девушка, бросаясь к нему и нежно прижимаясь к его груди.

— Я добр, потому что делаю то, чего ты желаешь, — не так ли, моя маленькая мисс?

Молодая девушка радостно улыбнулась и подала руку Джорджу.

— До свидания, Джордж, — сказала она.

— До свидания, Диана, — отвечал он, сильно взволнованный. — Когда же я опять увижу вас? Чем скорее, тем лучше, не правда ли? Вдали от вас время тянется так долго.

— Неблагодарный! Неблагодарный! — сказал Сэмюэль Диксон. — И он еще смеет жаловаться в то время, как все ему улыбается!

— Совершенно верно, виноват! Но если бы вы знали, как я люблю ее!

— А я-то разве не люблю вас? — отвечала она с укоризною. — Неужели вы думаете, что я мало страдаю в разлуке с вами?

— Я совсем обезумел, Диана; вы сами это видите. Я должен благодарить Бога, соединившего нас, а смею еще роптать!

Джордж еще раз поцеловал ее руку, и она ушла в сопровождении верного Дардара, ни на минуту не покидавшего ее.

— Теперь, — сказал Сэмюэль Диксон, оставшись наедине с молодым человеком, — теперь вы должны закончить ваш рассказ, объяснив мне, где вы разбили свою палатку и какого рода жизнь ведете. Вы должны понимать, что я не желал бы видеть вас подвергающимся опасностям.

— Успокойтесь, старый друг, в трех или четырех милях от вас у меня есть хижина, расположенная в самом очарова-

тельном месте, которую я сам обустроил и снабдил всевозможными удобствами. Милости прошу посетить меня, когда вам будет угодно.

— Ничего лучшего я не желаю и загляну к вам сегодня же, если можно.

— Буду очень рад. Впрочем, я живу не один, со мной еще двое преданных слуг и канадский охотник, помощью которого я заручился в Бостоне. Кроме того, книг, оружия, собак, лошадей у меня не только довольно, но и много лишнего. Как видите, с точки зрения материальной меня нечего жалеть.

— Вот и прекрасно, теперь я совсем спокоен на ваш счет и очень рад, что недостатков вы не терпите. Итак, поедем.

— Когда угодно.

— На коней!

Минут через пять два всадника галопом неслись по лесу.

ГЛАВА X

Какая неожиданная встреча состоялась у Сэмюэля Диксона и Джорджа Клинтона и что из этого вышло

Та часть долины, к которой направлялись всадники, не претерпела пока что никаких изменений: переселенцы не успели произвести тут своих разрушительных действий, и потому картина природы все еще сохраняла свою дикую красоту и первобытное величие.

По-видимому, Джордж Клинтон был хорошо знаком с этим краем и без малейшего сомнения, не задерживая лошадь, пускался по незаметным тропинкам в самой дикой чаще. По его пятам следовал Сэмюэль Диксон. Развеселившись от утренних приключений, он находился в самом лучшем расположении духа и находил величайшее удовольствие в исследовании своих владений, потому что вся эта часть долины была великодушно предоставлена ему братом Джона-таном, как он шутя объявил своему собеседнику.

— Вы скачете по этой местности, как будто лет десять прожили здесь, — заметил он Джорджу.

— А между тем я только месяцем раньше вас поселился здесь, отвечал он, смеясь, — но за это время я изъездил ее вдоль и поперек с Шарбоно, так что у нее нет уже тайн от меня.

— А кто этот Шарбоно?

— Это мой охотник; канадец, славный малый, длинный, как придорожный столб, худой, как гвоздь, и преданный, как ньюфаундлендская собака. Я имел случай оказать ему большую услугу в Бостоне, где он попался было шайке мошенников, вот он и привязался ко мне.

— Вот как! Да это для вас просто находка.

— Даже больше, чем вы предполагаете, старый друг. Представьте себе, что этот молодец почти вырос в одном племени индейцев; вся его жизнь прошла в прериях; нет тропинки, которая не была бы ему знакома. Среди лесных охотников и краснокожих у него много друзей. Он говорит на различных языках и самых трудных наречиях краснокожих дикарей. Несмотря на его крайнюю молодость — не думаю, чтобы ему было более двадцати двух лет от роду, судя по его внешности — он пользуется хорошей славой в прерии; приятели прозвали его Верной Опорой за действительно изумительную ловкость и верность его действий.

— Прозвище предвещает много хорошего. Шарбоно, видно, молодец.

— Да, и славный товарищ: всегда весел и доволен, и какой бы ни вышел случай, хороший или дурной, он всегда сумеет найти добрую сторону обстоятельства, следуя такой философии, которой я невольно восхищаюсь. Да, могу вас заверить, что это прелюбопытный тип для исследования. А чтобы дать вам понятие о нем, надо сказать, что ведь это он убедил меня поселиться здесь, уверяя, что истинный переселенец не может проехать мимо этой долины и не пожелать поселиться в ней. Как видите, он не ошибся.

— Да, и это доказывает, что ваш охотник имеет глубокие познания человеческого сердца.

— И тонкую наблюдательность; впрочем, вы скоро сами увидите его.

— Чего лучше! Ведь это предрагоценное знакомство. Вероятно, он ознакомил вас со всеми случайностями этого края.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ну то, что, вероятно, он сообщил вам положение этой долины и ее расстояние от ближайших поселений.

— Разумеется. Разве вы сами этого не знаете?

— Сказать по правде, ничего не знаю; все время я пробирался вперед, как слепец. Если вы сообщите мне некоторые сведения, то многим меня обяжете.

— Очень рад, тем более, что мне это очень легко.

— Так начинайте, я вас слушаю.

— Через долину проходят две реки; река, на берегу которой вы поселились, спускается с Ветряных гор, которые составляют часть Скалистых гор; другая река, в которую впадает первая, ни более, ни менее как Миссури.

— Миссури! — воскликнул переселенец в изумлении. — Не ошибаетесь ли вы?

— Нимало. Напротив, я очень хорошо знаю, что говорю.

— Ей-Богу! Да ведь Миссури протекает по Соединенным Штатам, и, стало быть, мы у себя дома!

— Почти — и даже ближе, чем вы предполагаете, хотя мы теперь находимся во владениях краснокожих.

— Вот как! А какие же племена являются нашими ближайшими соседями?

— Племена самые воинственные.

— Вот беда!

— Но вообще-то они довольно дружелюбны к белым.

— Это несколько приятнее слышать.

— Впрочем, вы знакомы с краснокожими: слишком доверять их дружелюбию не следует.

— К несчастью, это сущая истина. А как называются эти племена?

— Сиу или дакота, пиеганы, вороны, гуроны Великих Озер, вот это главные, а также ассинибойны и мандан. Остальных нечего бояться.

— Гм! Сдается мне, что и этого довольно в таком уединении, вдали от всякой помощи, как мы живем. Поддержки ожидать неоткуда.

— В случае надобности в помощи недостатка не будет. В пятидесяти милях от верховья Миссури находится торговая контора на самом берегу реки; эта контора, нечто вроде форта, принадлежит компании, занимающейся торговлей мехами, и там проживают до шестидесяти белых американцев и канадцев, солдат и охотников.

— Очень приятно слышать! Пятьдесят миль — не Бог знает какое расстояние.

— Да, в цивилизованном краю, но в прерии, при полном отсутствии дорог, это дело совсем другого рода и расстояния чуть не удваиваются.

— Верно, об этом я не подумал, — сказал Сэмюэль, и его веселое лицо несколько омрачилось. — Ну, а вниз по реке какие у нас ближайшие соседи?

— Такие же переселенцы, как и вы, вот уже два года как поселившиеся на Миссури. Вы находитесь на полдороги между фортом и поселением.

— Это довольно странно; а поселение велико?

— Да; вот уже несколько месяцев, как оно так сильно увеличилось, что теперь уже образовалась целая деревня, и если так будет продолжаться, то года через два из него выйдет город. Только от поселения, как и от форта, васотделяют различные племена краснокожих. Предупреждаю вас, что очень опасно проходить через их земли, если вы не будете в значительном числе. Так что, в сущности говоря, вы совершенно уединены от людей вашего племени, и вам остается один свободный путь — это Миссури.

— Совершенно согласен с вами, это имеет некоторое значение, однако не особо важное, поскольку, надо полагать, спускаться вниз по реке очень легко, но подниматься вверх крайне трудно.

— Не говоря уже о том, что все берега усеяны индейскими поселениями.

— Ну, милый Джордж, это портит все дело. Провались сквозь землю проклятая мысль, засевшая в голове моего родного брата, по милости которого мы очутились здесь. Ей-Богу, он совсем помешался, а я и того пуще; и зачем я, старый дурак, полез вслед за ним!

Эти слова были сказаны с выражением такого забавного отчаяния, что Джордж не мог удержаться от смеха.

— И вы еще можете смеяться, злодей, когда всем нам предстоит такая печальная будущность сложить свои кости в этой проклятой долине!

— О! Надеюсь, что до этого дело не дойдет.

— И я тоже, ей-Богу! Но все равно, хотя ваши сведения не утешительны, тем не менее я от души благодарен вам. Всегда приятнее выйти из неизвестности и знать, по крайней мере, чего ожидать и за что приняться, чтобы не попасть впросак.

Продолжая путь с максимально возможной скоростью по нехоженным тропинкам, они ни на минуту не прекращали разговора.

Наконец лес кончился, и они уже хотели выехать на зеленый луг, как вдруг раздался ружейный выстрел.

— Это еще что такое? — спросил Сэмюэль.

— Шарбоно выстрелил, — был ответ, — я узнаю звуки его винтовки. Вероятно, он ищет меня. Погодите.

Не ожидая ответа Сэмюэля, молодой человек зарядил винтовку и выстрелил в воздух.

В ту же минуту заколыхались густые ветви кустарника, и оттуда вынырнули две великолепные собаки той же породы, что и Дардар, и бросились с обеих сторон на молодого хозяина, как бы вымаливая его ласку, и в то же время, не совсем дружелюбно поглядывая на Сэмюэля Диксона, сердито зарычали.

— Молчать, собаки! — закричал Джордж, одновременно лаская своих свирепых красавцев. — Полно, не ворчи, Надежа! Замолчи, Драк! Не злитесь, звери! Этот господин мой друг. Ступайте же и поздоровайтесь с ним, покажите ему, какие вы замечательные и честные псы.

Умные звери, точно понимая слова своего хозяина, тотчас же обратились к Сэмюэлю Диксону с ласковым ворчанием. Сэмюэль, страстный любитель собак, видя их необычайную красоту, стал гладить их с ласковыми словами, что явно обрадовало их, особенно Надежу, великолепную, почти всю белую с редкими черными пятнами; казалось, она в особенности полюбила дядю Сэмюэля и не уставала ластиться к нему.

Вслед за собаками появился человек в костюме охотника, с угловатыми, но тонкими, умными и открытыми чертами лица; в его руках была винтовка, из которой тянулись еще струйки дыма. Он поклонился всадникам и отозвал собак, которые в ту же минуту стали позади него.

— Как раз вовремя! — произнес он весело. — Очень рад, что встретил вас, мистер Джордж. Я послал вам выстрел наугад, и мне сопутствовала удача.

— Разве вы были на охоте, Верная Опора? — спросил молодой человек, дружески пожимая охотнику руку.

— Надо быть безумцем, чтобы охотиться в такую пору, а я еще пока что с ума не сходил. Нет, охота хороша утром или вечером, — не так ли, мистер? — обратился он к Сэмюэлю.

— По-моему, так.

— Мистер Сэмюэль Диксон, мой лучший друг; надеюсь, будет и вашим, — сказал Джордж.

— И я также, — сказал Шарбоно весело, — у него такая честная наружность.

— Благодарю, — сказал переселенец, добродушно рассмеявшись.

— Не за что; впрочем, я так говорю вовсе не о всех, и вы, может быть, имеете причину благодарить меня. Но я вас знаю и видел вас и всех остальных, прибывших с вами в долину месяц тому назад.

— Но если вы не ходили на охоту, Верная Опора, так как же вы сюда попали?

— Причина тому — новости в нашем вигваме.

— Какие новости?

— Да трое путников — два белых охотника и один индейский вождь — прибыли в ваше отсутствие и просили гостеприимства.

— Надеюсь, вы поступили как должно.

— Еще бы! Это право, в котором я не мог им отказать, тем более, что из трех путешественников двое — мои друзья, да и третий не замедлит им быть.

— И прекрасно сделали! Впрочем, вы знаете, что в мое отсутствие вы у меня хозяин. Так вот почему вы искали меня!

— Не совсем так; я направлялся прямо к вам, чтобы предупредить вас. Зачем мне вас искать, когда я знал, где вы находитесь?

Молодой человек покраснел при этом ясном намеке на его любовь, а дядя Сэмюэль посмотрел на него, посмеиваясь про себя.

— Ну вот, мы и пришли, пойдемте же в нашу хижину.

— Погодите, это еще не все.

— Что же еще такое?

— В пятидесяти шагах отсюда наши собаки кое-что разнюхали. Я пошел по следам и — как вы думаете, что же я открыл? Нет, никогда вам не угадать.

— Что же такое... — медведя? — спросил Сэмюэль Диксон.

— Я предпочел бы медведя, клянусь честью охотника, но это был не медведь. Я нашел человека, и белого; он лежал на земле без чувств со страшно пробитым черепом — эту рану

он, как видно, получил при падении; на его левой руке была царапина от пули. Его лошадь спокойно щипала траву близ него. Вероятно, на этого путешественника напал исподтишка индейский разбойник. Мне даже показалось, что я слышал выстрел; близость собак заставила мошенника бежать, потому что по беспорядку в одежде путешественника можно предположить, что его хотели ограбить, но не успели.

— Вы оказали ему помощь?

— Надо было, не мог же я оставить его умирать над рвом, как лютого зверя, хотя, может быть, это и лучше было бы сделать, — закончил он, покачивая головой.

— И это вы, Шарбоно, так говорите? — воскликнул Клинтон с упреком.

— Но мне кажется, что вы хорошо меня знаете, мистер Джордж. Ну так слушайте же: лицо этого человека мне не нравится; хоть оно и очень красиво, но от его выражения я невольно вздрогнул, а уж вам-то известно, что меня не легко выбить из колеи. Невольно я чувствую неодолимое отвращение к человеку, которого никогда прежде не видел. Ну вот, и эти собаки — ведь, кажется, немудреный зверь, а и они тоже, как и я. Мне стоило большого труда, чтобы они не растерзали его. А уж Надежа из себя выходила, точно бешеная, так и бросалась загрызть его. Ну, а у собак верный нюх, он никогда не обманывает их, это Бог наградил их инстинктом, чтобы они умели отличать добро от зла.

— Все это очень хорошо, Шарбоно, но этот несчастный с мучительной раной близок к смерти, это наш ближний, которому мы должны оказать искреннее милосердие. Закон человеколюбия повелевает помочь страждущему.

— Я это знаю и потому обмыл его раны, сделал перевязку и заботился о нем, как о самом себе или о своих собаках. Но это все равно, помяните мое слово, мистер Джордж, мы укрыли у себя будущего врага.

— Господь милостив! А когда бы и так, Шарбоно, мы все равно обязаны исполнить свой долг.

— Воля ваша, мистер Джордж, но я все равно не буду спускать с него глаз.

— А где лежит этот несчастный?

— Вон там, в зарослях дуба. Перевязав его раны, я выстрелил наудачу, в надежде, что вы меня услышите.

— Он ничего вам не говорил?

— Как можно! Он и в чувство еще не приходил. Ведь он потерял много крови из двух ран.

— Так поспешим к нему, и если собаки настолько враждебно к нему относятся, так прошу поддержать их, чтобы они не натворили бед.

— Будьте спокойны, мистер Джордж, я отвечаю за их благоразумие. Ну, пойдем, красotka моя, да полно ворчать, а не то и мы рассердимся.

Охотник отправился в путь, сопровождаемый с обеих сторон огромными собаками; всадники следовали за ним.

Через несколько минут они достигли дубовой рощи. Раненый лежал без движения; собаки зарычали, увидев его, но по знаку Верной Опоры они замолчали и улеглись в стороне.

Джордж Клинтон и Сэмюэль Диксон сошли с лошадей и приблизились к раненому незнакомцу.

Это был человек лет тридцати пяти, высокого роста, стройный и изящный; лицо его покрывала смертельная бледность, его тонкие и правильные черты были редкой красоты, как заметил охотник; черные, как смоль, волосы, длинные и волнистые, обрамляли лицо и в беспорядке ниспадали на плечи, густая черная борода скрывала нижнюю часть его лица, крупный чуть приоткрытый рот с тонкими губами выказывал великолепные ослепительной белизны зубы, большой с горбинкой нос придавал его физиономии выражение жестокости, его глубоко посаженные глаза были сомкнуты длинными ресницами, а над глазами выделялись густые черные брови, сросшиеся на переносице.

Наружность этого человека внушала невольное отвращение, чувство, похожее на холод, страх и омерзение при виде ядовитого гада, а между тем этот человек был и красив и изящен; покрой его платья был безукоризнен, его оружие крайне дорогой цены, конь породист — словом, все в нем обличало человека высшего общества, и — странная вещь — все эти подробности усиливали отвращение к нему. Невольно возникал вопрос: зачем этот человек появился в диком краю? Какая могущественная причина могла увлечь его в такую глушь, далеко от образованного и изящного мира, в котором ему, по богатству и по положению, предназначено было играть значительную роль.

Все эти размышления разом промелькнули в голове американцев, стоявших над ним.

— Гм! — проворчал Сэмюэль сквозь зубы. — Не знаю почему, но лицо этого человека мне не по вкусу.

— Да и мне не больше того, — также проворчал Джордж, — но разве это причина оставить его без помощи умирать?

— Разумеется, нет, — возразил Сэмюэль с живостью, — и если Бог бросил его на нашей дороге, следовательно, Его воля, чтобы мы ему помогли.

— И я так думаю. Итак, примемся за дело, и будет на все воля Божия!

— А далеко ли мы находимся от вашего жилища?

— Да еще с милю будет. Не так ли, Шарбоно?

— Да, около того.

— Как же нам его перенести? Ведь это довольно трудно, если нет носилок.

— Изготовление носилок займет много времени, — отвечал охотник, — а вы предоставьте эту заботу мне.

— Очень рад, но хотелось бы наперед знать, какие меры вы собираетесь принять.

— А вот увидите, мистер Джордж: я сяду на лошадь этого незнакомца, а вы поднимите его и положите передо мной; я стану поддерживать его и потихоньку доберусь с ним до вигвама. Что вы на это скажете?

— Отлично.

— Ну, так поднимите же его.

Шарбоно вскочил на лошадь, которую привязал к дереву, чтобы она не ушла, потом взял повод в руку и принялся ждать.

Джордж с Сэмюэлем Диксоном осторожно подняли раненого, все еще не приходившего в сознание, и тихо положили его на шею лошади.

Шарбоно положил его голову себе на грудь и тихим шагом направился к хижине.

Более часа потребовалось для такого переезда.

Хижина, или вигвам, как называл ее канадец, была очаровательным домом на вершине холма, у подножия которого протекал быстрый ручей, окружавший его как бы серебряной лентой. Вокруг дома возвышался высокий частокол.

— Но ваша хижина просто очарование! — воскликнул Сэмюэль Диксон, едва заметив хорошенький домик, выглядывавший из-за группы деревьев. — Вам тут, должно быть, очень удобно.

— Да ведь я уже говорил вам, старый друг, что у меня все есть — недостает только счастья.

— Ну, потерпите немножко, мы пополним и этот недостаток.

— Да услышит вас Господь!

— Неужто вы и теперь станете хныкать и унывать?

— Но я не смею надеяться.

— Напрасно. Кто богат, молод и любим, тому только и надо надеяться.

— Какая жестокость с вашей стороны шутить над моей печалью!

— Я не шучу, а стараюсь внушить вам мужество. Но посмотрите, гости идут к вам навстречу, а ваши слуги, словно испуганные, стоят у дверей; кажется, эти бедняги не возьмут в толк, что тут происходит.

— Вероятно. Сознайтесь, они имеют право переполошиться. Со времени нашего переселения они не видели здесь ни единой живой души.

— Ну, так сегодня им нельзя пожаловаться, — сказал Сэмюэль со смехом. — Сегодня у вас прямо-таки большой съезд.

В это время три человека подходили к ним навстречу.

Читатель уже знаком с ними: это Меткая Пуля, Храбрец и Оливье.

Они почтительно поклонились Джорджу Клинтону, который отвечал им тем же, возобновляя радушное приглашение, сделанное Шарбоно. Потом он слез с лошади, а раненый был осторожно снят Меткой Пулей и Оливье, перенесен в спальню молодого хозяина и предоставлен на попечение слуг, имевших медицинские познания.

— Что за лицо! Точно у висельника! — проворчал Оливье, выходя из спальни.

— У него не очнь нежный вид, — согласился Меткая Пуля, — а что скажет вождь?

— Этот бледнолицый — злодей, — произнес приговор индеец, — его следовало бы оставить в прерии умирать.

— Ну вот! — сказал Верная Опора весело, ставя чемодан путешественника в угол. — Стало быть, не я один придерживаюсь такого мнения. Очень этому рад.

— Брат мой не должен дремать, — продолжал Храбрец, указывая на раненого.

— Глаз не спущу, уж будьте уверены.

— Если не ошибаюсь, — заметил Меткая Пуля, — так этот человек, должно быть, лесной разбойник — что-то его лицо мне знакомо. Надо только припомнить, где я его видел. Необходимо предупредить хозяина.

Разговаривая таким образом, молодые люди перешли из спальни в столовую, где Джордж Клинтон уже приказал приготовить угощение и ожидал их вместе с Сэмюэлем Диксоном.

Через несколько минут пришел слуга и доложил, что раненый открыл глаза, но от слабости говорить не может; кроме того, у него началась горячка.

ГЛАВА XI

Что за человек тот раненый, которому Джордж Клинтон предложил убежище

Сэмюэль Диксон был очень доволен всем, что увидел в хижине Джорджа Клинтона, к которому чувствовал искреннюю привязанность. Убедившись в удобствах его положения, он скоро простился с молодым хозяином. Время летело быстро, а ему не хотелось заставлять брата ждать себя, хорошо зная, что брат за пустяками не прислал бы за ним, а, верно, есть какие-нибудь важные новости.

Прощаясь с Джорджем, он наклонился к нему и сказал вполголоса:

— Берегитесь, любезный друг, раненый путешественник, которого вы выбрали на дороге, чтобы так радушно укрыть его в своем доме, кажется мне негодяем последней руки. Если хотите последовать моему совету, постарайтесь как можно скорее отделаться от него.

— Я последую вашему совету, — отвечал Джордж. — Этот человек и мне также не внушает ни малейшего доверия. Даю вам слово, как только он оправится настолько, чтобы пуститься в путь, я не стану его задерживать.

— И будете совершенно правы. Итак, до свидания!

— И до скорого, надеюсь.

— Разумеется. Надеюсь, по крайней мере, что теперь вы не станете отказываться посещать меня.

— Простите мне эту робость — впрочем, очень извинительную в моем положении.

— Довольно об этом; знайте только, что теперь я то и дело буду ждать вас.

— Дело решенное.

— Ловлю вас на слове. До свидания!

В последний раз пожав друг другу руки, они простились. Сэмюэль Диксон сел на лошадь и уехал.

Джордж следил за ним глазами, пока всадник не скрылся за группой деревьев.

Молодой человек вздохнул; отъезд Сэмюэля Диксона разорвал последнюю нить утренних приключений, полных очарования для влюбленного со времени появления Дианы и отрадной беседы за завтраком. Увы! Минуты счастья так кратки и так быстро уходят, и кто знает, когда-то удастся ему повторить то, что давало радость!

Печально возвращался он в свой дом, но едва успел сделать несколько шагов, как увидел своих гостей, в сопровождении Верной Опоры выходивших к нему навстречу и с живостью разговаривавших между собой.

— Надеюсь, однако, что вы не покидаете нас так скоро, — сказал он вежливо.

— Нет, у нас нет такого намерения, — отвечал Меткая Пуля. — Напротив, мы рассчитываем воспользоваться на несколько дней вашим гостеприимством, если только это вас не беспокоит.

— Наоборот, это доставит мне большое удовольствие. Мой дом и все, что в нем есть, готово к вашим услугам. Расповайтесь тут как вам будет удобно.

С вежливым поклоном охотники поблагодарили молодого хозяина.

— Мы вышли к вам навстречу, — сказал Оливье, — поскольку желаем поговорить с вами и думаем, что на открытом воздухе это будет безопаснее, чем в доме.

— Действительно, это так, — подхватил Меткая Пуля. — Раненый, которому вы оказываете такое великодушное гостеприимство, лежит, по-видимому, без сознания, однако мы считаем, что будет еще безопаснее, если наши слова будут произнесены подальше от его ушей. Что же касается ваших слуг...

— Эти люди вполне достойны доверия, скромные и преданные, — с живостью прервал его Джордж.

— Мы знаем это, и потому, повторяю вам, не в отношении ваших слуг мы принимаем меры предосторожности.

— И это очень благоразумно, я вполне согласен с вами... Но Морис и Стефен видели мое появление на свет и любят меня, как своего сына. У меня нет тайн от них. Теперь вы понимаете, как мне неприятно делать вид, будто я что-то скрываю. Как ни важны дела, но прятаться от них я не могу...

— Я предвидел это возражение, — заметил Верная Опора, — и потому предупредил их. Они вполне согласны с общим мнением.

— Вы хорошо сделали, Шарбоно, что предупредили этих честных людей, которым я никак не желал бы давать повод к огорчению... Попрошу вас, господа, последовать за мной; я поведу вас в такое место, где никто нас не услышит, если можно предполагать, что и здесь какой-нибудь неведомый шпион вздумает подслушивать нас.

Джордж повернул в сторону от дома и в сопровождении охотников направился к небольшой открытой возвышенности над рекой, откуда открывался отличный вид во все стороны.

— Вот моя обсерватория, — сказал он, улыбаясь.

— Отличный выбор местности.

— Теперь не угодно ли расположиться на траве; я к вашим услугам.

По приглашению Джорджа Клинтона все расположились на траве, как кому было удобнее; а когда трубки были набиты, Меткая Пуля, по желанию своих друзей, приступил к разговору.

— От Верной Опоры мы узнали, что вы не так давно покинули Соединенные Штаты, чтобы на время переселиться в прерии Дальнего Запада.

— Это совершенная истина, которую я не имею причины скрывать.

— Каждый человек волен распоряжаться своими действиями и имеет полное право жить, как ему угодно — до тех пор, пока его действия не причиняют вреда ближнему. Мы ни в коем случае не позволили бы себе вмешиваться в ваши личные дела. Если я заговорил об этом, так только для того, чтобы объяснить и указать вам, что, будучи чужеземцем в прерии, вы не можете знать принятых здесь правил и обычаев.

— Признаюсь, что в этом предмете я совершеннейший невежда; вот почему я вполне доверяю моему другу Верной Опоре, который, будучи старым лесным охотником — ста-

рым, несмотря на свою молодость, — изучил до основания все правила и обычаи, о которых вы упоминаете. Но чтобы не терять времени напрасно, позвольте мне прямо сказать вам, что я не понимаю цели всех этих предисловий и буду искренне благодарен, если вы приступите прямо к делу.

— Позвольте один вопрос.

— Сделайте одолжение.

— Временно поселившись в прериях, намерены ли вы покориться ее законам и обычаям?

— Конечно, каковы бы они ни были, я покорюсь им, если только эти требования будут сообразны со справедливостью.

— Поклянитесь.

— Даю вам честное слово.

— Мы вполне полагаемся на вашу честь. Мне приятно убедиться, что Верная Опора не обманул нас, говоря о вас с похвалой.

— Благодарю моего друга и теперь жду ваших разъяснений.

— Двух слов достаточно; по поручению моих друзей я прошу вас выдать в наши руки раненого, лежащего под вашим кровом.

— Выдать его в ваши руки? — воскликнул Джордж с удивлением. — А что вы намерены с ним делать?

— Применить к нему закон Линча, — отвечал охотник хладнокровно.

Молодой человек вздрогнул, лицо его покрылось смертельной бледностью; с ужасом посмотрел он на охотников, которые молча кивнули головой в знак подтверждения слов Меткой Пули.

— Что это значит? — вдруг воскликнул Джордж с запальчивостью. — Неужели вы хотите применить бесполезную казнь к несчастному, жизнь которого и без того висит на волоске?

— Это наше право и наш долг — то есть не в том, чтобы, как вы говорите, применить к нему бесполезную казнь, но чтобы судить его и вынести над ним приговор, который должно выполнить на месте, какого бы рода этот приговор ни был.

— Но это ужасно! — воскликнул Джордж, в отчаянии закрыв лицо руками.

— Вы не знаете этого человека. Если в первую минуту, по причинам, касающимся лично нас, мы притворились, что не

знаем его, то теперь, по удалении вашего гостя, мы должны открыть вам, какого рода этот злодей.

— А какое мне дело до этого? — возразил Джордж с живостью. — Я вижу в нем только несчастного, израненного, умирающего и сознаю свою обязанность помочь ему, не требуя отчета в его поступках.

— Такие гуманные чувства приносят честь вашему веколюбию, — отвечал Меткай Пуля с насмешливой улыбкой. — Подобные чувства очень похвальны в цивилизованном обществе, где законы ограждают и защищают людей, так что сами люди не имеют нужды вмешиваться в дела и защищать свою личность, в прериях же такие чувства никуда не годятся; тут каждому приходится защищать самого себя и заботиться о своей безопасности, если нет охоты умирать под ударами врагов, беспрерывно злоумышляющих против его жизни.

— Лучше быть жертвой, чем палачом!

— Ваша воля так думать и добровольно подставлять свое горло под ножи убийц; но вы позволите нам не разделять вашего мнения и придерживаться своего, совершенно противоположного.

— Однако, бывают условия...

— Оставим лучше этот разговор. Вы дали нам честное слово; угодно вам сдержать его или уклониться?

— Так вот как вы признаете права гостеприимства! — сказал хозяин с укором.

— Вы несправедливы и не хотите понять, что в эту минуту мы есть просто орудие общественного правосудия и исполняем тяжелую обязанность.

— Кто принуждает вас браться за эту обязанность?

— Наша совесть и забота о нашей безопасности. Выдаете ли вы нам этого человека? Да или нет?

— Берите, раз вы этого требуете, — ответил Клинтон с горечью, — но если вы по собственному произволу делаете себя судьями этого несчастного, то я хочу быть его защитником.

— Очень хорошо. Ваше желание радует нас. Прежде всего мы желаем справедливости.

— Когда же вы расположены производить суд над умирающим?

— Приступим сию же минуту, — ответил Меткая Пуля холодно и тотчас встал; его примеру последовали остальные охотники.

— Но это невозможно! Этот человек даже не в состоянии отвечать вам.

— Он совсем не так болен, как вы воображаете. Впрочем, если вам будет угодно провести нас к нему, то вы сами убедитесь в этом, — сказал канадец с насмешкой.

— Так пойдемте! — воскликнул Джордж со сдержанным раздражением. — В любом случае лучше как-нибудь покончить с этим делом.

— Именно этого мы и желаем.

Все пятеро пошли к хижине.

Оливье и Храбрец молча и бесстрастно присутствовали при разговоре охотника с Джорджем Клинтоном; по их суровому виду и грозным взглядам было очевидно, что они разделяют мнение Меткой Пули и готовы ему помогать насколько хватит сил в исполнении его предприятия.

Когда лесные охотники вошли в комнату, где лежал раненый, то они увидели, что сознание вполне к нему возвратилось; на его лице, покрытом мертвенной бледностью, горели лихорадочные пятна, пот выступил на лбу, глаза его были закрыты, но он не спал и внимательно вглядывался сквозь полужакрытые ресницы — словом, он походил на настороженного тигра, предчувствующего близкую опасность, но не знающего, с какой стороны она грозит.

Меткая Пуля смотрел на лежащего с такой настойчивостью, что тот, почувствовав пронизательный взгляд, тяготивший его, невольно открыл глаза и тотчас же опять закрыл их; дрожь пробежала по его телу.

Канадец улыбнулся и, наклонившись к Верной Опоре, прошептал ему на ухо несколько слов. Тот утвердительно кивнул головой и вышел.

— Господа, — сказал Меткая Пуля громко. — Согласно принятому обычаю мы приступим к выбору судьи по закону Линча. Кого вы избираете председателем?

— Вас, — ответили индеец и француз в один голос.

— Согласен. Вы будете моими помощниками. Заседание открывается немедленно... Вам известно, что мы собрались здесь, чтобы судить этого человека.

— Вы забываете, — прервал его Джордж Клинтон, — я вызвался быть защитником этого несчастного.

— Справедливо, — тут же согласился Меткая Пуля. — Прошу вас внимательно выслушать обвинение, которое я должен произнести для того, чтобы потом вы могли производить защиту в его пользу, если только вы найдете это возможным.

Раненый лежал неподвижно и, по-видимому, не понимал происходившего вокруг него; но при великодушном предложении молодого человека он вздрогнул; невольно глаза его открылись и со странным выражением устремились на Джорджа.

В продолжение нескольких минут Меткая Пуля собирался с мыслями, потом скрестил руки на груди, выпрямился и медленным, но отчетливым голосом произнес:

— Обвиняемый, вы стоите перед лицом грозного суда. Судья по закону Линча обязан приговорить вас к казни, если вы виновны, и оправдать вас, если невиновность ваша будет доказана. Соберитесь с мыслями, просите Бога даровать вам силы ответить на обвинение, которое будет выдвинуто против вас.

— Я не признаю суда по закону Линча, — ответил обвиняемый слабым, но ясным голосом, — вы не судьи, а разбойники. Я не стану отвечать вам.

— Как вам будет угодно, — возразил канадец хладнокровно, — но предупреждаю вас, что ваше молчание будет приниматься за знак согласия и что приговор будет вынесен на основании этого условия.

Раненый содрогнулся.

— Почему вы не дали мне умереть в лесу? Зачем перенесли меня в это убежище? — спросил он с укором. — Разве гостеприимство в прериях скрывает разбой и засаду?

— Он говорит справедливо! — воскликнул Джордж пылко. — Я не потерплю, чтобы под моим кровом происходили подобные несправедливости. Я протестую во имя человеколюбия против подобных поступков, которые, исходя в моем присутствии, налагают на меня пятно вечного позора.

— Правосудие по закону Линча пользуется всемогущей властью в прериях, — возразил канадец спокойно, — никто не имеет права восставать против него. Этот человек — разбойник, чья совесть запятнана кровью и преступлениями. Луи Керчар, Поль Самбрен, Том Митчелл — на какое из этих имен угодно вам отвечать? Как видите, вас хорошо знают, и сознайтесь, что нам все прекрасно известно. Один-

надцать дней прошло с тех пор, как вы заманили в засаду старика, сопровождавшего молодую девушку; старика вы злодейски застрелили, подкравшись сзади. Что вы сделали с девушкой?

— Клевета! — воскликнул раненый, приподнявшись с постели с такой живостью, какой нельзя было ожидать при его слабости. — Клевета! Я не убивал старика! Не знаю, о чем вы говорите.

— Повторяю, вы убили старика и похитили девушку. Доказательства в моих руках.

Раненый опустил голову в замешательстве и до крови закусил губы.

Меткая Пуля продолжал:

— Сегодня утром вы поссорились с товарищем при проезде через эту долину и, в свою очередь, пали жертвой вероломства; этот товарищ пустил в вас пулю сзади, когда вы этого не ожидали.

— Ложь! — проворчал раненый сквозь зубы.

— Вы уверяете, что это ложь, но сейчас мы увидим.

Канадец приложил руку к губам и издал пронзительный свист.

Почти в ту же минуту слышались шаги, дверь отворилась, и несколько человек вошли в комнату.

То были Верная Опора и двое слуг Клинтон; они привели с собой крепко связанного человека невзрачного вида.

— Вот ваш злоумышленник, — сказал Меткая Пуля.

— Я не знаю этого человека, — ответил раненый хриплым голосом.

— Как! Вы не признаете меня, благородный господин? — произнес пленник с насмешливой кротостью. — Неужели за столь короткое время вы позабыли бедного Камота?

— Так вы упорно подтверждаете свои слова, будто не знаете этого человека?

— Подтверждаю, — ответил тот с усилием.

— Очень хорошо, — и обратившись к связанному разбойнику, Меткая Пуля спросил его: --- Хочешь ли ты быть освобожден или повешен? Исходя из этого, подумай хорошенько, намерен ли ты говорить правду или не желаешь сознаваться.

— Еще бы! — воскликнул пленник, мексиканский бродяга. --- Я готов сознаться во всем, как вы прикажете.

— Говори же!

— Злодей! Неужели ты намерен изменить мне? — воскликнул раненый с усилием.

— Но послушайте, — ответил его соумышленник тем же приторным тоном, — у меня вовсе нет охоты болтаться на виселице, а судьи Линча не любят шутить.

Раненый бросил на него презрительный взгляд и обратился к Меткой Пуле:

— Нет надобности расспрашивать этого бездельника, я расскажу вам все, что вы желаете знать.

— Хорошо. Говорите, мы слушаем.

— Я буду говорить, но с одним условием.

— Условий не принимаем.

— Берегитесь; я один знаю, где находится девушка, которую вы ищете. Если вы откажетесь от моих условий, тогда и я буду молчать. Вы можете меня убить, но я унесу тайну в могилу, и вы никогда не увидите этой девушки.

Меткая Пуля вопросительно посмотрел на мексиканца.

— Это правда, — нехотя подтвердил бродяга, пожимая плечами.

Храбрец, Оливье и Верная Опора сделали знак судье.

— Чего же вы желаете? — спросил тот пленника.

— Жизни, свободы и трех часов времени, необходимых для безопасности.

— И больше ничего? — спросил Меткая Пуля.

— Нет, еще я желаю, чтобы мой друг Камот был отпущен со мной.

— Да я-то этого не желаю! — закричал разбойник.

— Я требую этого, и еще, разумеется, мне надо возвратить мою лошадь, оружие и чемодан.

— Что еще?

— Больше ничего.

— Где же молодая девушка?

— Принимаете ли вы мои условия?

— Принимаем.

— Поклянитесь.

— Клянусь.

— Еще минуту, — вмешался Джордж Клинтон.

— Что там еще? — осведомился Меткая Пуля с досадой.

— Я настаиваю, чтобы этому человеку была дана неделя для выздоровления — или, по крайней мере, пока он не соберется с силами. Эту неделю он проведет под моим и вашим присмотром.

— Согласен... Где же девушка?

— Она заключена в шести милях отсюда в пещере Элка. Я ехал туда, когда этот бездельник уложил меня выстрелом. Поспешите, а не то она умрет с голоду.

Едва эти слова были произнесены, как индейский вождь и Оливье уже бросились вон из дома.

— Берегитесь, — с угрозой произнес Меткая Пуля, — если вы сказали неправду, ничто уже не спасет вас от моего мщения.

— Клянусь Богом, я сказал истину! — прошептал раненый и снова лишился чувств.

Камот по приказанию Меткой Пули, несмотря на бурные возражения, был оставлен в крепком заключении.

ГЛАВА XII

*Каким образом Оливье прибыл в селение гу-
ронов племени Бизонов и какой прием встре-
тил его в доме отца и деда его друга
Меткой Пули*

Н адо сделать маленькое отступление, чтобы объяснить читателю, вследствие каких обстоятельств наши охотники явились к Джорджу Клинтону с просьбой о гостеприимстве, каковы были настоящие причины их ненависти к раненому, которого подобрал в пустыне Верная Опора, и почему они так настойчиво требовали применения закона Линча к несчастному раненому, хотя ему, по-видимому, оставалось жить всего несколько минут.

В описываемую эпоху почти вся необъятная американская область была в руках испанского правительства, которое держало под железным гнетом свои обширные колонии и с неумолимой ревностью препятствовало международной торговле; испанские колонии, подобно Китаю, оставались неведомой страной для остального мира.

Только тринадцать североамериканских колоний провозгласили свою независимость в 1776 году и после отчаянной борьбы завоевали себе свободу и вынудили Англию подписать в Версале договор 3 сентября 1783 года, по которому она отказалась от всех прав над своими прежними колониями и признала наконец их независимость.

Покончив войну и навсегда изгнав англичан из пределов новой республики, победители ни на минуту не ослеплялись своим успехом, понимая со свойственной им отличительной чертой американского характера, что, пока остальная часть Америки находится в рабстве, общей свободе постоянно будет угрожать чужое властолюбие и что их внутренний разлад неизбежно приведет к гибели.

Кроме того, граждане, мужественно сражавшиеся во время продолжительной войны за независимость, лишившись всего — имущество их было разграблено или уничтожено, семья перебита или рассеяна, — поневоле сплотились вокруг своего геройского знамени и не знали другой семьи, кроме армии, не имели другого очага, кроме бивака. С прекращением неприятельских нападений их генералы, офицеры и солдаты поневоле были доведены до праздности и сделались грозой для внутреннего спокойствия страны. Необходимость заставила изыскивать быстрое и целительное средство, чтобы прекратить общественное зло. Правительство не теряя времени принялось за дело.

Область новой республики была необъятного пространства, но население немногочисленно, земля не исследована и почти нигде не возделана и не расчищена; кроме того, повсюду были рассеяны индейские, большей частью независимые, враждебные белым племена, промышляющие грабежом. Тогда были образованы военные отряды, чтобы отбросить дикарей в обширные прерии Дальнего Запада, установить сообщение между большими центрами народонаселения и правильно обозначить границы.

Кому не известна кипучая деятельность и смелая предприимчивость, свойственные американцам? Все устраивалось с непостижимой быстротой; всюду были построены форты, чтобы сдерживать краснокожих в границах их владений. Отважные пионеры прокладывали дороги сквозь девственные леса и распространяли цивилизацию до крайних пределов своих владений, где они закладывали свои колонии, которые быстро превращались в цветущие и богатые города.

Американские порты были открыты для всех народов; со всех сторон сюда стекались переселенцы, находя благосклонный прием в Соединенных Штатах. Флоты новой республики пересекали волны океанов и всюду налаживали торговые связи, которые за короткое время увеличились до гигантских размеров.

Прошло едва десять лет после заключения Версальского договора, как уже изгладились все следы грозных войн за независимость.

Правду сказать, правительству Соединенных Штатов чрезвычайно помогали обстоятельства: могучий дух свободы волновался в груди его народов; старый мир, подрывный в своем основании, с грохотом рушился под ногами юной республики; Франция призывала все народы к независимости; Испания замирала, бессильная защитить даже себя; она уже не заботилась о своих колониях и только о том и думала, как бы вырвать из них последние сокровища.

Соединенные Штаты искали точку опоры и справедливо решили, что она найдена ими: с одной стороны они вступили с Францией в переговоры о покупке Луизианы, обладание которой доставляло им господство в Мексиканском заливе; с другой же стороны они образовали роты волонтеров с целью опустошать границы испанских колоний и распространять революционный дух в этих странах, так давно страдавших под гнетом рабства и всеми силами жаждавших освобождения от испанского ига. Тайнственные агенты проскальзывали во все испанские владения и сеяли смуту среди людей, в чем им сильно помогала Франция; она тоже высылала своих агентов на все берега Атлантического и Тихого океанов, и ее новые миссионеры всюду проповедовали свободу и независимость всем народам Нового Света.

Но известно, когда правительство, с какой бы то ни было почтенной целью, увлекается по пути не совсем честному, то в конце концов получают печальные последствия. Соединенные Штаты на себе испытали справедливость этой теории.

Роты волонтеров, уединенные, предоставленные самим себе, не имея над собой контроля, вскоре стали пополняться разбойниками и мошенниками всякого рода, которые занялись грабежом пограничных владений и развязали войну для собственной выгоды, собирая дань с друзей и недругов; они разоряли колонии, сжигали форты, грабили путешественников, взяли себе в помощники краснокожих дикарей и часто переодевались в их платье, чтобы ввести в заблуждение тех, кого они грабили. Словом, они совершали всевозможные преступления и так ловко, что ни американское, ни испанское правительства не могли успешно действовать про-

тив них. Они стали грозой этих бесплодных пустынь, где находили убежище, как в неприступных крепостях.

Среди этих разбойничьих шаяк, обесславленных прозвищем «разбойники прерий», одна шайка в особенности приобрела жалкую и чудовищную известность. Она состояла из двухсот человек, преступных, отчаявшихся членов просвещенных государств, невольных изгнанников из родной земли, искавших убежища и безнаказанности на необъятных просторах Америки.

Эти людисами называли себя шайкой разбойников; никто не знал точно, где они основали главное место своего вертепа, но поговаривали, что для этого они избрали остров в верховьях Миссури и оттуда распространяли ужасы своих походов более чем на сто миль в округности.

Хорошо организованная и подчиненная строгой дисциплине шайка имела во всех городах и поселениях своих шпионов, которые доставляли верные сведения не только о числе и значительности отправляемых караванов через пустыню, но и об экспедициях, направляемых самим правительством против их шайки; вот почему разбойников нельзя было застигнуть врасплох и вот почему они неведомо отклоняли попытки уничтожить их.

Предводитель этих страшных разбойников, нечто вроде неуловимого Протея, изменявший с непостижимой ловкостью свои имя, внешность и национальность, пробыл, как говорили, не более пяти или шести лет в Америке, а между тем для него не было тайн в прериях. Ловкостью и хитростью он превосходил всех самых искусных лесных охотников и самых опытных краснокожих. Никто не знал, сколько ему могло быть лет, с таким совершенством он умел принимать всевозможные возрасты и виды; его считали французом, хотя он говорил с одинаковым совершенством как по-французски, так и по-английски, по-испански и даже на многих индейских наречиях. Его называли Луи Керчар, Поль Самбрен, Франсуа Маньо, Том Митчелл, Педро Лопес, и еще у него было до пятидесяти имен.

А может быть, из всех этих имен он не назывался только настоящим.

Рассказывали, только втихомолку, что этот человек был в тесных сношениях с головорезом Журданом Фурье и другими подобными злодеями, и что во времена террора он играл в Париже грозную и кровавую роль, но вследствие

какого-то таинственного приключения он исчез, и несколько лет о нем не было слухов; даже прошла молва, что он умер, как вдруг он снова появился в верховьях Миссури, во главе шайки разбойников, ознаменовавших свое присутствие зверскими и кровавыми делами.

Но были и такие люди, которые втихомолку заявляли, что этот человек гораздо лучше своей репутации, что он далеко не поощряет своих разбойников в их зверских делах; напротив, он удерживает их по возможности от жестокого обращения с несчастными, попавшимися им в руки; что в особенности он был жалостлив к детям и женщинам; рассказывали о некоторых его благодеяниях и даже геройских подвигах — словом, у этого атамана разбойников было столько же друзей, сколько и врагов.

Вследствие всех этих противоположных рассказов Том Митчелл, как называло его большинство, был окружен фантастической аурой и, несмотря на все попытки испанского и американского правительств, даже оценивших его голову, никто не выдавал его, никто не увлекался желанием получить дорогую награду за его голову — оттого ли, что чересчур боялись его, или по другой какой причине, но только он продолжал спокойно совершать свои нападения на караваны, грабить путешественников, разрушать форты, жечь колонии.

После давно уже описанного семейного совета Храбрец и его белые друзья с восходом солнца отправились в селение гуронов племени Бизонов; дорога была не близкая, тропинки, едва проложенные дикими зверями, расходились по всем направлениям, но охотники имели надежных коней, и двое из них знали прерии в совершенстве; следовательно, заблудиться было нельзя. На седьмой день путешествия, еще до солнечного заката, они увидели деревню, расположенную в месте слияния двух значительных рек. Деревня была обнесена высоким палисадом, укрепленным надежными железными полосами; внизу проходил глубокий ров, наполненный водой, проведенной из больших рек. Миновать ров при входе в селение можно было при помощи подъемных мостов, убравшихся на ночь. С трех сторон в палисаде имелись ворота.

Утомленные продолжительной дорогой, лошади подъехали ко рву при закате солнца, когда мосты уже поднимались. Известие об их приезде быстро распространилось, и вскоре

толпа жителей окружила вновь прибывших с радостными и шумными приветствиями.

Оливье в первый раз со времени своего прибытия в Америку попал в селение краснокожих и потому, несмотря на все беспристрастие, предписываемое индейским этикетом, не мог воздержаться, чтобы не посматривать во все стороны с большим любопытством.

И действительно, необыкновенный вид деревни возбуждал невольное любопытство посторонних.

Вместо кучки первобытных шалашей из древесных ветвей, покрытых шкурами бизонов, все селение было застроено красивыми и удобными хижинами, поразительно напоминавшими жилища крестьян в Нижней Нормандии.

Хижины тянулись правильными рядами; каждая имела сад и была обнесена забором. Правда, кое-где торчали индейские вигвамы, но только в стороне, не обезображивая прямых улиц, ведущих на главную площадь, в центре которой стоял *ковчег первого человека*, а в стороне — большой двор, где обычно собирались члены главного народного совета.

Канадцы после уступки Канады англичанам удалились со своими семействами и поселились у гуронов племени Бизонов. С течением времени они породнились с индейцами и перенесли к ним европейскую промышленность, продолжая следовать обычаям своих предков.

По этой причине внешний вид селения принял странные и необычные формы, где на каждом шагу сочетались цивилизация и варварство, поскольку краснокожие, выказывая полное уважение к нравам и преданиям своих гостей, продолжали упорно держаться своих обычаев.

Подъехав к площади, Храбрец расстался с друзьями.

Меткая Пуля, положив руку на плечо Оливье и указывая на красивую хижину, стоявшую напротив них, сказал:

— Вот мое жилище.

Оливье посмотрел. У дверей хижины неподвижно стояли два человека, опираясь на винтовку.

Один из них был почти столетний старик, но бодрый и здоровенного роста, с длинной белой бородой; его живые глаза, казалось, метали молнии; лицо его сильно обветрилось и было красноватого цвета; на коже, матовой, словно пергамент, резко выделялись мускулы, обличавшие необы-

чайную силу для старика его лет. Его лицо выражало добродушие, ум и мужество. Одет он был в костюм охотника.

Это был дед Меткой Пули, суровый воин времен последних войн Франции с Англией, сподвижник Монкальма.

Другой же был его сыном и отцом Меткой Пули, немного пониже ростом столетнего богатыря. Подобно своему отцу, он был худощав, строен и крепко сложен; ему было за шестьдесят лет, но в его длинной светло-русой бороде не было ни одного седого волоса. Его энергичное лицо, голубые, полные огня глаза придавали ему выражение силы и воли, которое в данную минуту смягчалось удивительно светлой улыбкой.

— Клянусь честью! — невольно воскликнул Оливье. — Тебя можно поздравить, любезный друг, с такими чудесными родственниками. Что за мощная порода! Такие люди созданы прямо-таки из гранита.

— Да, — тихо ответил охотник. — Это славные люди, а сердце у них просто золотое.

— Не сомневаюсь и желаю поскорее познакомиться с ними.

— Поедем, — промолвил Меткая Пуля коротко.

Они переехали через площадь.

За несколько шагов до хижины Меткая Пуля и его товарищ остановились и спустились с лошадей.

Потом Меткая Пуля передал поводья своей лошади Оливье и неторопливо подошел к двум старикам, все еще неподвижно стоявшим у дверей; тут он снял свою меховую шапку и, став на одно колено перед стариками, склонил голову со словами:

— Вот я и вернулся. Во время отсутствия я всегда поступал согласно вашим наставлениям. Благословите же вашего сына, прежде чем он переступит порог вашего дома.

— Бог да благословит тебя! — был ответ обоих стариков, разом протянувших руки над головой молодого человека.

— Встань, Пьер, — сказал отец, — я доволен тобой.

Охотник повиновался и тотчас был заключен в объятия деда и отца.

Сцена первобытной простоты, но сколько величия в этой простоте! Оливье был глубоко тронут и, заглушая вздох, прошептал:

— Кто не позавидовал бы его счастью иметь таких родителей!

А он, покинутый сын, от которого все отреклись!

В эту минуту к нему приблизился Меткая Пуля.

— Следуй за мной, — сказал он.

Бледный и печальный, Оливье подошел к хижине.

— Дедушка, вот Оливье; отец, это мой друг Оливье, которого я встретил в прерии восемь дней назад; с тех пор мы не расставались. Он полюбил меня, а я полюбил его. Он славный охотник и честный человек. Наши друзья краснокожие дали ему прозвище Прыгающая Пантера.

— Милости просим, — ответил дед. — Французы — наши братья. Пока у нас есть кров и кусок дичи — французы наши дорогие гости.

— Справедливо сказано! — воскликнул Франсуа Бержэ, крепко пожимая руку молодому гостю. — Разве мы сами не французы? Мой сын любит вас; значит, вы и нам родной.

— Господа, — промолвил Оливье с радостной улыбкой на лице, почтительно раскланиваясь, — нельзя выразить словами мою благодарность за такой радушный прием, но когда окажется удобный случай, я докажу беспредельную преданность к вам.

— Bravo! Вместо одного, у нас теперь два сына! — воскликнул старый охотник. — Войдите под наш кров и будьте как дома.

Они вошли в хижину, и дверь за ними затворилась.

По знаку Меткой Пули молодой индеец увел их лошадей.

Хижина, выстроенная из цельных стволов деревьев, была отштукатурена внутри и снаружи и имела четыре окна спереди и по два по бокам.

Оливье сперва был проведен в большую залу в два окна, с деревянным полом; большой камин в глубине, стол, несколько скамеек и стульев, две полки, нагруженные глиняной посудой, и огромные часы с кукушкой в деревянном футляре составляли мебель парадной залы.

С каждой стороны от камина были двери; одна вела в кухню, другая в спальню, отведенную для гостей, где теперь должен был поселиться Оливье.

По правую и по левую стороны от большой залы находилось по две комнаты: направо спальни деда и отца, налево комнаты брата и сестры, которая в данный момент отсутствовала.

Все комнаты были одинаково меблированы: большая кровать с зеленой занавесью, над кроватью маленькое распятие, сундуки с медными гвоздями для хранения одежды,

столик, два-три стула, зеркало и несколько уродливых картин, привезенных из Эниналя, множество разнообразных трубок, французское старинное ружье, теперь замененное американской винтовкой, пороховница, мешок с пулями, охотничья сумка, нож, топор, пояс из оленьей кожи — вот и все нехитрое убранство.

Кто хоть раз видел внутреннее убранство хижины канадца, тот может смело утверждать, что знает, как обустроены и другие хижины, потому что все они похожи одна на другую.

Хижина была одноэтажная, а наверху располагался большой чердак.

На заднем дворе находились конюшня на шесть лошадей, птичий двор с курами и довольно большой сад, огороженный и содержащийся в большом порядке, снабжавший хозяйство огородной зеленью. О саде заботился дедушка и, несмотря на свои преклонные годы, выполнял довольно тяжелые работы по садоводству как бы припеваючи, с трубкой в зубах.

Устроившись и переодевшись, Оливье вышел в залу и увидел, что стол уже накрыт и хозяйева ждут только его, чтобы сесть обедать.

Каждый занял свое место, дедушка прочел молитву, которой все внимали с благоговением, и обед начался.

— Хорошо ли вы поохотились, отец? — спросил Меткая Пуля, утолив первый аппетит.

— Так себе, не очень; дичь уменьшается, однако за последние две недели я заработал триста семьдесят долларов.

— Гм! Не дурно. На кого вы охотились?

— На голубую лисицу восточнее Гудзонова залива.

— А давно вы вернулись?

— Три недели назад... А что ты не спросишь меня о сестре?

— Могу ли я задавать вам вопросы, отец?

— Он прав, — вмешался дед, — ведь ты сам должен рассказать о нашей девочке.

— Ну что же, песня не долга, — сказал молодой охотник, засмеявшись. — Анжела, вероятно, пошла в гости к какой-нибудь подруге.

— Ошибаешься! Ее нет в деревне; она уехала.

— Уехала! — воскликнул Меткая Пуля с притворным удивлением.

— Да, — ответил дед добродушно, — и меня это очень огорчает; девушка была радостью и весельем всего нашего дома.

— И куда же она отправилась?

— Недалеко, к дяде Лагрэнэ, дней на пять пути, не больше.

— К переселенцу у Ветряной реки?

— Да. Жена у него заболела; он совсем один, вот он и приехал ко мне и стал просить к себе Анжелу погостить на несколько дней да походить за его женой. Ну, как-то совестно было отказать. Разве плохо я поступил?

— Отец, — ответил охотник почтительно, — не мне следует делать вам замечания.

— И все же говори прямо; я даю тебе на то позволение.

— Кажется, лучше было бы отказать; поселение дяди Лангрэнэ так уединенно, да и расположено оно на индейской земле.

— Да, да, ты прав, я поступил необдуманно. И сам не знаю, почему меня это тревожит. Завтра же я отправлюсь туда.

— Возьмите и меня с собой, отец.

— Нет. Зачем? Довольно и меня одного... Ваше здоровье, дорогой гость. Давно ли вы из Франции?

— Пью за ваше! — отвечал Оливье, чокаясь с ним стаканом. — Только два месяца здесь.

— О! Так недавно? Тогда расскажите же нам новости о нашей родине.

— С величайшим удовольствием.

— Вот видите ли, — заметил дед, — хоть правительство и продало нас англичанам, однако мы остались французами. Говорите же, мы слушаем. Что поделявает наш король?

— Во Франции нет больше короля.

— Возможно ли?! Нет короля! — воскликнули канадцы, ошеломленные. — Кто же управляет Францией?

— Республика.

— Республика! — повторили охотники, покачав головой. Все замолчали.

В эту минуту кто-то постучал в дверь. Меткая Пуля встал и отворил дверь.

Вошел Храбрец.

— Милости просим, вождь, садитесь с нами за стол, — пригласил его дед.

Индеец отрицательно покачал головой.

— Я пришел к вам не затем, чтобы пить и есть, — сказал он печально.

— Тогда зачем же вы пришли? — спросил старик, нахмурившись.

— Затем, чтобы сообщить вам, что ваша дочь Вечерняя Роса похищена Томом Митчеллом, разбойником, и что надо ее спасти, если она еще жива, или отомстить за нее, если она убита!

ГЛАВА XIII

Здесь объясняется причина присутствия трех охотников в хижине Джорджа Клинтона

страшное известие как громом поразило всех присутствующих.

Молчание продолжалось несколько минут.

Наконец дед прервал его.

— Вождь, вы печальный вестник, — сказал он с горечью. — И кто вам сообщил такую ужасную весть?

— Может быть, вас обманули, — заметил отец.

— Дай Бог, чтобы это был обман! — прошептал Оливье.

Вождь печально покачал головой и начал было:

— Вот как было дело...

Но дед прервал его слова.

— Не стану слушать, пока вы не займете место у нашего очага и не отведаете нашего хлеба-соли. Мы друзья и родственники; это ужасное несчастье трогает всех нас.

— Это правда, — сказал индеец тихо.

С почтительным поклоном он сел между Оливье и Меткой Пулей.

— Ешьте и пейте, а после обеда мы будем держать общий совет.

Оливье с любопытством наблюдал за необыкновенными нравами; не понимал он хладнокровия и спокойствия этих людей, узнавших об ужасном несчастье, разразившемся над ними, и в глубине души обвинял их в черствости сердца.

Он не знал еще, что строгий индейский этикет предписывает в любой ситуации непременно сохранять внешнее спокойствие и выдержку. Только впоследствии он смог

убедиться, что эти благородные сердца были жестоко уязвлены печалью.

Обед проходил в печальном молчании; собеседники не обменялись ни единым словом; они ели, как бы исполняя необходимую обязанность, от которой не могли и не хотели уклониться.

Недолго продолжался их обед, всего несколько минут. Вставая из-за стола, дедушка наклонился к Оливье и сказал с грустной улыбкой:

— Вы не в добрый час переступили порог нашего дома. Простите, если наше гостеприимство не кажется вам вполне радушным: неожиданное несчастье поразило нас.

— Вы удостоили меня чести, сказав, что принимаете меня за члена вашей семьи, — отвечал молодой человек поспешно, — позвольте же мне принять участие в вашем горе, которое гораздо ближе моему сердцу, чем вы думаете. Прошу вас, смотрите на меня как на брата Меткой Пули, моего искреннего друга.

— Благодарю, — отвечал старик, — я был неправ, обращаясь с вами, как с посторонним, тогда как вы действительно член нашей семьи.

— Вы мой второй сын, — подхватил отец Меткой Пули, — от вас у нас нет тайн.

— Теперь моя очередь благодарить вас, — ответил Оливье, чрезвычайно тронутый, — надеюсь доказать вам, что я достоин чести, которую вы мне оказываете.

Молчание длилось несколько минут, пока каждый не набил свою трубку и не раскурил ее; тогда по знаку деда все уселись вокруг стола перед камином, который теперь ярко горел.

— Вождь, — произнес дед, — настала минута объяснения. Наши уши открыты; с сердечным вниманием мы слушаем вас. Начинайте.

Вождь встал и с почтительным поклоном обвел глазами всех присутствующих. Лицо его было печально, но он собрался с духом, поднял голову и заговорил.

Но, несмотря на усилия казаться спокойным и говорить отчетливо, молодой индеец явно выказывал внутреннее волнение и говорил приглушенным и дрожащим голосом.

— Ваша родственница Лагрена: никогда не была опасно больна; ваша дочь Вечерняя Роза силой похищена разбойником Томом Митчеллом с фермы старика Лагрена.

— Верны ли эти сведения? — спросил дед, сильно взволнованный.

— И сомнения никакого быть не может, поскольку это известие мне сообщил лесной охотник, на мнение которого я вполне могу положиться. Не прошло и часа, как он вернулся сюда.

— Он сам видел, как это происходило?

— Да, он видел, но другие его не видели.

Воцарилось печальное молчание.

Никто из присутствующих не смел вмешиваться в разговор из чувства уважения к старику.

Несколько раз покачав головой, дед опять заговорил:

— Простите, если буду говорить с вами откровенно; вы нам родня, я видел, как вы родились на свет и всегда любил вас как друга.

— Отец мой очень милостив и знает мою преданность к нему, — ответил вождь почтительно.

— А между тем, повторяю, простите мне, что я прямо выскажу чувство, которое вы заставляете меня испытывать в эту минуту: в ваших словах слышится какая-то скрытность, что еще более тревожит меня, чем даже сама печальная весть, которую вы мне сообщили. Словом, я убежден, что вы не договариваете всего, что у вас на душе.

Вождь молча опустил голову.

— Вот видите ли, я попал прямо в цель: вы явно знаете больше, нежели говорите.

— Сердце мое открыто перед вами, красная и чистая кровь течет в моих жилах, Ваконда видит и слышит меня. Отец мой должен прямо объясниться, я же могу говорить только после него. Отец мой стар, и волосы его убелены снегом многих зим. Мудрость руководит им.

— Вот это очень хорошо, Храбрец; несмотря на вашу молодость, вы отличный человек и скоробудете знаменитым вождем у огня совета. Я уважаю причины, замыкающие ваши уста; вы любите мою внучку Вечернюю Росу.

На лице молодого человека отразилось крайнее волнение.

— Не оправдывайтесь, — продолжал старик с живостью.

— Я это знаю, и мы с сыном с радостью замечали вашу любовь, потому что девочка будет счастлива с человеком прямодушным и мужественным. Будучи поставлены в такое положение, не зная наших намерений или толкуя их в неблагоприятную для себя сторону, вы полагаете, что вам не

следует обвинять наших родственников и что, может быть, мы не поверим этому обвинению; как честный человек, вы сдерживаете себя. Повторяю вам — это благородно; но опасность велика и не допускает промедления. Нашего родственника Лагрэнэ мы знаем хорошо и даже, может быть, лучше, чем вас. Мы знаем, что ложь никогда не оскверняла вашего языка. Но теперь скрывать что-нибудь было бы преступлением; вы сделаетесь как бы соумышленником злодеев. Говорите же прямо, вождь, мои дети просят вас об этом вместе со мной.

— Повинуюсь, — ответил вождь почтительно.

— И главное, не скрывайте ничего, — сказал Франсуа Бержэ, дружески пожимая ему руку, причем Меткая Пуля улыбкой, а Оливье взглядом как бы приглашали его не медлить.

— Расскажу вам все по порядку, — начал индеец после короткого молчания. — Вы верно угадали — мое сердце летело к Вечерней Росе. Я люблю ее, ее любовь — мое счастье, ее голос — моя радость.

Старики обменялись радостной улыбкой.

— По возвращении в селение после неудачного похода я узнал, что Вечерней Росы нет в доме ее отца. Я осведомлялся у всех и даже осмелился у вас спросить, где она. Ваш ответ преисполнил меня печали и безнадёжности. С разбитым сердцем удалился я в свою хижину. Отец моего отца сжалился надо мной. Куга-гандэ любит меня, он утешал и увещевал меня, как мудрец: «Поезжай, — говорил он, — отыщи Меткую Пулю, ожидающего тебя в назначенном тобой месте. Расскажи ему о случившемся. Он брат Вечерней Росы и будет плакать вместе с тобой или даст тебе добрый совет. В твоё отсутствие я не стану дремать и, если понадобится, сам отправлюсь в поселение белого человека на Ветряной реке. Ступай, сын мой, и да благословит тебя Ваконда!» Я повиновался отцу моего отца, надел дорожное платье, взял оружие, провизию и уехал. Печалью была преисполнена моя душа, мрачное предчувствие о возможности ужасного несчастья грызло мою душу. Сам Ваконда послал мне это предчувствие, потому что оно не обмануло меня...

— Мужайтесь, дитя мое, — сказал старик ласково. — Ваконда милостив и всемогущ, он посылает испытания своим избранникам.

— Два часа тому назад я возвратился в наше селение, тревожный и печальный. Даже забыв проститься с друзьями, я поспешил в свою хижину. Отец моего отца ожидал меня. Мрачный и печальный сидел он на пороге нашей хижины и встал, увидев меня. По грустному взгляду, который он устремил на меня, я понял, что у него печальные вести. Куга-гандэ старейшина, в его словах нельзя сомневаться. Вот что я узнал от него. Два дня, скрываясь в чаще кустарников, он не спускал глаз с хижины поселенца на Ветряной реке. Вечером другого дня, когда еще луна не взошла, слышался тихий свист неподалеку от его дома и показался бледнолицый в одежде лесного охотника с винтовкой в руках. За дальностью расстояния различить черты его лица было невозможно. Почти в ту же минуту отворилась дверь хижины и оттуда выскользнул человек. Это был сам Лагрэнэ.

— Уверены ли вы в том, что говорите? — спросил дед с живостью.

— Куга-гандэ узнал его, — ответил вождь просто.

— Продолжайте.

— Он подошел к неизвестному человеку, и долго они о чем-то шептались, потом они расстались, обменявшись словами, которые были произнесены так громко, что старейшина Куга-гандэ ясно их расслышал. Эти слова, заключавшие, вероятно, суть их переговоров, заключались в следующем: «Так вы даете мне честное слово, что она будет в целости и невредимости?» — «Клянусь, что она будет пользоваться у меня полным уважением, как будто моя сестра или дочь», — ответил охотник.

Поселенец одобрительно кивнул головой и, возвратясь в хижину, запер за собой дверь. Охотник скрылся в лесу.

Прошло два часа. Почти в ту самую минуту, когда раздался первый крик филина, старейшина, неподвижно остававшийся в чаще, наострив уши и глаза, вдруг услышал далекий шум, который быстро приближался, потому что люди, не боясь нападения, не принимали никаких мер предосторожности. Вскоре они появились. Их было по крайней мере тридцать человек, и все бледнолицые, вооруженные винтовками. Молча окружили они хижину и, по данному одним из них сигналу, бросились на штурм с обеих сторон.

Лагрэнэ со своими работниками защищались, как люди, захваченные врасплох во время сна, то есть плохо, без всякого порядка и единодушия.

Нападающие вскоре вошли в хижину; отец моего отца ясно слышал возню и суматоху, но не счел благоразумным покидать свое убежище. Он был один и не мог оказать никакой действительной помощи, да и, помимо всего прочего, это дело его не касалось, поскольку происходило между бледнолицыми, и вмешательство индейца было бы всеми принято с недоброжелательством. Менее чем через час охотники вышли из хижины, унося с собой женщину, лишившуюся чувств и закутанную в одеяло. Вполне довольные успехом своего предприятия, они удалились, даже не заперев за собой двери. Куга-гандэ оставался неподвижным в своем убежище еще около двух часов. Убедившись за это время, что похитители, кто бы они ни были, совсем ушли и больше не возвратятся, он решил войти в хижину.

Внутри царил страшный беспорядок: повсюду валялись разбитая посуда, сломанная мебель; хозяин, его жена и прислуга были крепко связаны и с заткнутыми ртами лежали на полу. Старейшина поспешил развести огонь, чтобы действовать при его свете, потом освободил жителей хижины; все они были так крепко связаны веревками из лиан, что прошло более двадцати минут, прежде чем они смогли пошевелиться.

Жена поселенца плакала и ломала себе руки, осыпая упреками своего мужа, вероломство которого было причиной гибели его племянницы. Не могу повторить ее слов, но, вероятно, вы и сами догадываетесь.

— Что же отвечал на это ее муж? — спросил Франсуа Бержэ.

— Ничего; он был ошеломлен и оставался неподвижен, как громом пораженный. Наконец он, по-видимому, собрался с силами. Куга-гандэ предложил преследовать похитителей, но поселенец отказался под тем предлогом, что, вероятно, они так хитро скрыли свои следы, что все труды пропадут напрасну, и уверял, что Бог поможет и никакое преступление не останется безнаказанным. Куга-гандэ понял, что его присутствие неприятно и, холодно простившись с хозяином, ушел. Но все же он хотел узнать последнее слово этого темного дела. Он не вернулся домой, а смело отправился по следам разбойников. Не опасаясь погони, они оставляли за собой широкие следы; пренебрегая всякими мерами предосторожности, они шли прямой дорогой и вышли из леса прямо к берегу Миссури. Для старейшины это служило яс-

ным доказательством того, что похитителями были те самые страшные разбойники во главе со своим неуловимым вожаком, перед которым дрожат все воины, бледнолицые или краснокожие, живущие в прериях.

— Том Митчелл? — прошептал дед.

— Он самый. Старейшина продолжал свои исследования по обеим сторонам реки на протяжении многих миль, но безуспешно, и потому он вернулся назад в свое селение в ожидании моего приезда. Вот и все. Так ли я говорил, товарищи и братья?

Наступило молчание. Вдруг Бержэ Франсуа воскликнул:

— Надо положить этому конец! Я первый и единственный виновник этого несчастья. Ни под каким предлогом мне не следовало расставаться с дочерью. Моя обязанность отыскать ее. Клянусь, я найду ее — или погибну! Не теряя ни минуты я отправлюсь в путь. Благодарю, вождь, за точные сведения, я воспользуюсь ими.

Он было двинулся с места, но Оливье тихо удержал его и сказал:

— Простите, что я осмеливаюсь вмешаться в такое важное семейное дело, касающееся вас лично. Дружба, соединяющая меня с вашим сыном, ваш родственный прием дают мне право считать себя как бы членом вашего семейного совета и, если вам угодно выслушать меня, подать вам добрый совет.

— Говорите, — ответил старый охотник. — Ваш совет будет принят в соображение моим отцом и мной.

С почтительным поклоном молодой человек сказал:

— С величайшим вниманием я выслушал факты, сообщенные вождем, и со своей стороны совершенно уверен в их достоверности. Но из всего услышанного я вывел заключение, что нападение разбойников, задуманное ими с участием переселенца, его нежелание или, скорее, положительный отказ преследовать их скрывают не только измену, но и какую-то тайну, которую прежде всего следует разъяснить.

— К сожалению, мы разделяем ваше мнение, — сказал дед с горестью, — измена до такой степени поразительна, что и сомневаться нельзя.

— Так и вы признаете здесь измену?

— Недостойную, подлую измену! — воскликнул Франсуа, ударив кулаком по столу.

— Вы позволите мне продолжать?

— Пожалуйста!

— В таком случае вы лучше всякого другого можете понять справедливость моего мнения, что кто бы ни были ваши враги, но их шпионы окружают вас, следят за вашими действиями и немедленно дают о том отчет. И десяти минут не пройдет после того, как вы пуститесь в погоню за хищником, а его шпионы или товарищи будут преследовать вас.

— Это правда, — прошептал дед.

— Но что же нам делать?! — воскликнул Франсуа с отчаянием.

— Дело очень просто — так просто, что я даже удивляюсь, почему никому из вас не пришла в голову эта мысль. Не прошло и двух часов, как мы вернулись в деревню; меня, чужеземца в вашем краю, никто не знает, мои действия никого не могут заинтересовать. Если вы согласны, то нынешней же ночью мы отправимся на поиски вместе с вождем и Меткой Пулей. Если наш скорый отъезд и заметят, то вам будет не трудно придумать какой-либо вероятный предлог. Шпионы следят за вами, а не за другими. Никак нельзя допустить предположения, чтобы кто-нибудь подумал, что вы предоставляете другим разыскивать вашу дочь, тогда как всем известна непреклонная энергия вашего характера. Нас будет троесмелых охотников, двое из которых основательно изучили эти места. По следам одного не мудрено гоняться, но следы трех опытных и осторожных охотников не так-то легко открыть, поскольку они легко обнаруживают шпионов и тут же на месте их убивают. Вот каково мое мнение, и на мой взгляд оно верно. Кроме того, вы не можете поручить это важное дело людям более преданным вам. Подумайте и объявите ваше окончательное решение.

— Справедливо сказано и хорошо обдуманно, — ответил старик. — Мы счастливы, что нашли такого друга, и мы благодарим вас. Не требуется долгих размышлений для того, чтобы признать абсолютную справедливость ваших слов. Мы с сыном с радостью поручаем вам отыскать нашу бедную девочку. Вы отправитесь, как сами говорите, сегодня же вечером, когда луна скроется. Вождь и мой внук поедут с вами.

— И вы будете вознаграждены успехом! — добавил Франсуа, крепко пожимая Оливье руку.

— Надеюсь, и я буду прилагать все старания, зависящие от меня, потому что ваша дочь, хоть я никогда ее и не видел, теперь мне будто сестра.

— Клянусь честью, судьба благоприятствовала моему сыну, устроив встречу с вами. Счастливого успеха, дети мои! Бог не оставит вас.

Молодые люди поблагодарили Оливье таким выразительным взглядом, в значении которого сомневаться не приходилось.

В двенадцатом часу ночи трое молодых друзей покинули селение, да так тихо, что никто этого не заметил, и тотчас пустились в погоню за разбойниками, похитившими девушку.

Читатель уже знает, каким образом и при каких обстоятельствах случай свел их с вожаком разбойников.

ГЛАВА XIV

Капитан Том Митчелл высказывается

Авно уже зашло солнце; стояла туманная и темная ночь; на небе не было ни одной звездочки. Джордж Клинтон сидел на своей обсервационной возвышенности напротив хижины, где он жил, и поджидал возвращения Верной Опоры, который в сопровождении громадных собак, Надежи и Драка, пошел проводить трех охотников по довольно опасной дороге, где немудрено было заблудиться в такую темную ночь.

Слуги уже спали.

Джордж Клинтон за полчаса перед тем удостоверился, что человек, которого он так горячо защищал, укрыв его в своем убежище, тоже спал спокойным и крепким сном.

Глаза Клинтона бесцельно устремились в пространство; вечерние сумерки сгущались, а мечты юности текли тихим и грустным потоком; его душа далеко унеслась на крыльях фантазии и блуждала по следам любимой особы, для которой он все бросил, всем пожертвовал и едва осмеливался произнести ее имя, полное волшебного для него очарования.

Подстегиваемый прихотливым воображением, он пролетал пространства, погружаясь в восторженное состояние, которое нельзя назвать ни бдением, ни сном, когда душа, сбросив земные узы, возносится в родную ей область эфира... как вдруг пронзительный, почти нечеловеческий вопль за-

ставил его содрогнуться и, резко бросив с неба на землю, внезапно напомнил ему о действительности.

Молодой человек вскочил, словно от электрического удара. Он побледнел, судорожно схватил винтовку, наклонился вперед и принялся внимательно прислушиваться, напрасно пытаясь острым взором пронизать ночную тьму, окружавшую его могильным саваном.

Прошло несколько минут; повсюду царила тишина, ни малейший шорох не нарушал глубокого безмолвия прерии.

Джордж Клинтон вздохнул с облегчением, отер пот, выступивший холодными каплями на его лбу, и еще раз окинул взором местность.

— Слава Богу! Я ошибся, — прошептал он.

Не успел он произнести этих слов, которым и сам едва ли верил, как другой вопль, еще пронзительнее, еще отчаяннее, пронизал пространство и замер в угрюмых отголосках дали.

— Помогите Господи! — воскликнул отважный юноша. — Это предвестник Неба, возвещающий страшное преступление, готовое свершиться. Выбора нет, я должен спешить на помощь вызывающему ко мне брату.

Не раздумывая ни секунды, великодушный юноша бросился в том направлении, откуда раздался вопль отчаяния.

Едва Джордж Клинтон скрылся во мраке, как дважды раздался тихий свист, и вслед за тем появилась черная тень, ползком крадущаяся к хижине, изредка приостанавливаясь и потом снова продолжая свой путь; за этой необъяснимой тенью следовала другая, за ней третья, и так далее до десяти.

Через несколько минут все тени залегли у входа в хижину.

Опять раздался свист, вероятно служивший сигналом, потому что все тени разом поднялись, и, несмотря на темноту ночи, можно было разглядеть, что все десятеро хорошо вооружены, в костюмах лесных охотников, с грозным видом и свирепыми лицами.

— Теперь мы здесь хозяева, — сказал один из них — видимо, их предводитель. — Слуги спят, хозяин далеко — надо торопиться.

— Ты знаешь, куда его запрятали? — спросил другой.

— Без сомнения. Случай мне благоприятствовал, я уже заглядывал в эту хижину и знаю все ее углы и закоулки.

— Так войдем туда.

— Погодите минуту. Расставлены ли часовые? У меня нет охоты быть захваченным врасплох в этой лачуге.

— Не беспокойся, Версанкор, поверь, что Птичья Голова и Джонатан не покинули своего поста, да и Подди не прозеывает и малейшего шороха. Нечего бояться, старик, часовые надежны.

— Я уже доказал, кажется, что не ведаю страха не хуже тебя, Лентяй, но я люблю, чтобы все дела были в порядке.

— Хорошо, хорошо, приятель, но мне кажется, что на болтовню потрачено слишком много времени, лучше бы дело делать.

— На этот раз ты прав, Лентяй... но мне удивительно, что капитан, вероятно, слышал наш сигнал, а между тем не подает и признака жизни. Это меня беспокоит.

— Уж не ранен ли он? Как ты думаешь?

— Ранен-то он ранен, это я знаю, но мне также хорошо известно, что наш капитан не баба и что самая большая рана не свалит его с ног... Но делать нечего, пойдем сами на его розыски.

— Напрасно, вот я и сам, — ответил суровый голос.

В дверях обрисовалась мужская фигура.

Этот человек подвигался с большим трудом, опираясь на винтовку; лицо его было покрыто смертельной бледностью.

— Атаман! — радостно воскликнули неизвестные люди, столпившиеся вокруг него.

— Тише, ребята, тише! — остановил он их, повелительно махнув рукой. — Я рад видеть, что вы не покинули меня.

— Чтобы мы вас покинули! — воскликнул Версанкор с угрюмым удивлением. — Вот странная мысль! Разве мы давали когда-нибудь повод так думать? Но вы, верно, шутите, атаман, кому же известно, как не вам, что мы душой и телом преданы вашей особе. Да и куда же мы денемся и что сделается с нами без вас?

— Правда, — угрюмо процедил атаман сквозь зубы. — Довольно об этом. Вот я и опять с вами, и теперь все пойдет как по маслу.

— Мы ждем ваших приказаний. За чем дело стало?

— Какое дело?

— Какое вашей милости угодно. Все зависит от вас.

— Правда, я и забыл... Сколько вас тут?

— Здесь десять человек, готовых на все, чтобы защищать вас, и еще трое оставлены на часах.

— А есть ли у вас лошади?

— Пятнадцать, и все самые отборные, стоят справа в кустах.

— И прекрасно! Слушайте, ребята, здесь нам делать нечего, поехали отсюда.

— Как это «поехали»? — заворчал Лентяй. — И с пустыми-то карманами? Это что за новости?

— А что же ты намерен делать, Лентяй? — спросил атаман, улыбаясь.

— Что делать? Кажется, не мудрено угадать, — ответил разбойник, пожимая плечами. — В хижине добра немало, хозяин-то богат...

— Ну, а потом что? — спросил Том Митчелл, видя, что он запнулся.

— Как, что потом? Дело понятное.

— Ну, а я тебе скажу, что ты ошибаешься, приятель, — ответил атаман резко, — дело совсем не понятное для тебя.

— Вот оно что! — проворчал разбойник и, тотчас оправившись, продолжал почтительно: — Впрочем, атаман, ваша воля прежде всего. Приказывайте.

— Да, тут моя воля, приятель, — заметил Том Митчелл сурово, — хозяин этого дома поднял меня, лежавшего без чувств в прерии, перенес под свой кров и оказал великодушное гостеприимство.

— Ну, мы знали это и прежде, но что же из этого? — прервал его Лентяй.

— А то, что Джордж Клинтон не только приютил меня под своим кровом, но и защищал меня против людей, которые два часа тому назад хотели во что бы то ни стало повесить меня по закону Линча. Короче говоря, он спас мне жизнь. Ясно вам это? Довольно ли этого для вас?

— Совершенно ясно, — ответил Версанкор, — теперь, когда вы объяснились, я не жалею, что хитростью отозвал его подальше от дома.

— Надеюсь, без насилия? — воскликнул атаман.

— Без малейшего. Он бросился по ложному следу, ничего более.

— Ну что же, друзья, согласны ли вы с моим мнением или не намерены уходить отсюда с пустыми карманами, как сказал Лентяй?

— Только не я, не я! — в один голос воскликнули разбойники.

— Спасибо, ребята! Теперь скорее на коней — и в путь-дорогу!

Разбойники, не переступив порога дома, повернули с намерением удалиться, покорно повинувшись приказанию своего атамана. Но в эту минуту появился Джордж Клинтон.

Он едва переводил дыхание, но, отважно встав поперек дороги, сказал:

— Позвольте, господа, прежде, чем удалиться, не угодно ли вам ответить мне, зачем вы пожаловали сюда во время моего отсутствия.

— Вот принесла его нелегкая! — закричал Версанкор. — А эти дуралеи даже сигнала не подали!

— Вы не так далеко заманили меня, как воображаете, — возразил Джордж насмешливо, — я слышал почти все, о чем вы тут беседовали.

— Да послужит это вам на пользу! — воскликнул Версанкор. — А так как вы уже знаете, в чем дело, то не мешайте нам идти своей дорогой.

— Вот уж этому не бывать! Напротив, я помешаю вам, насколько это зависит от меня.

— Ну и прекрасно, — вмешался Лентяй, — и выйдет у нас ломка костей. Я так и думал, что дело кончится именно этим.

— Может быть, — ответил Джордж, прицеливаясь из ружья.

— Оно и лучше, смеха будет больше, — подхватил разбойник.

— Молчать! — крикнул атаман грозно. — Молчать и отступить! Все разом!

Разбойники смутились и отступили.

Атаман медленно подошел к Джорджу Клинтону и, кланяясь ему с изящной вежливостью, сказал:

— Если вы слышали наш разговор, то позвольте спросить, по какой же причине вы сопротивляетесь нашему отъезду? Прошу вас объяснить.

— Причина очень простая, — ответил молодой человек тоже вежливо.

— А не позволите ли узнать?

— Извольте; я ручался своей головой за вашу голову, я дал честное слово, что вы не оставите моего дома, пока вполне не оправитесь от ран.

— Такая забота о моем здоровье очень трогает меня, — произнес атаман с насмешкой, — даже не знаю, как и благодарить вас за такое живое участие к незнакомому человеку.

— Не смейтесь, а поймите, что мое участие к вам очень посредственно, но за вас порукой моя честь, и потому во что бы то ни стало честь моя останется незапятнанной.

— Ваши слова жестоки, тогда как мои вежливы. Но я не желаю спорить с вами относительно этого вопроса и только ограничусь замечанием, что сила на моей стороне, по крайней мере, в настоящую минуту.

— Может быть, зато на моей стороне право.

— Я буду в отчаянии, если вы вынудите меня прибегнуть к крайним мерам.

— Пожалуйста, без угроз! Угодно вам возвратиться в мой дом или нет?

— Однако, это требование довольно странно.

— Почему же? — воскликнул насмешливый голос из ближайшей чащи.

В ту же минуту из кустов выскочили две громадные собаки и с глухим рычанием встали по обеим сторонам от Клинтона, показывая страшные ряды зубов разбойникам.

Последовало минутное молчание; неожиданная помощь, подоспевшая к отважному юноше, ошеломила разбойников.

Дело принимало иной оборот, силы сторон уравнивались.

Том Митчелл наклонился к Лентяю и что-то прошептал ему на ухо.

Разбойник кивнул головой и отполз в сторону, никем не замеченный.

Атаман, уверенный в хорошем исполнении своих приказаний, выпрямился и, обратившись к невидимому неприятелю, сказал:

— Поостерегитесь, я не хотел нападать на одного человека, но ваше присутствие дает мне право считать это законным случаем самосохранения и действовать сообразно с этим, возлагая на вас ответственность за пролитую кровь.

— Ваша воля, капитан Том Митчелл, — отвечал Верная Опора тем же насмешливым тоном, — вас десятеро против нас пятерых, не считая еще двух славных собак, которые неплохо будут помогать нам. Итак, если дело дойдет до рукопашной, то борьба будет равная; что вы об этом думаете?

— Ничего, — возразил атаман со зловещей улыбкой, — только, как мне кажется, вы забыли одно обстоятельство, которое, однако, довольно важно в настоящем случае.

— И какое же это обстоятельство, позвольте вас спросить?

— А такое, господин Верная Опора — или не знаю, как там вас звать, — что за нами благоприятная позиция, мы можем запереться в этом доме, и тогда нас трудно будет выжить вон.

— Не считая еще того, что хозяин дома в наших руках и мы выдадим его не иначе, как под верный залог! — вдруг крикнул Версанкор.

И действительно, разбойник с помощью трех часовых, приведенных им по приказанию атамана, неожиданно бросился на Джорджа Клинтона, и, прежде, чем тот успел опомниться, они сбили его с ног, обезоружили и захватили в свои руки.

Вслед за тем его перенесли в дом, где слуги уже проснулись от громкого шума, но находились под строгим присмотром двух разбойников, не позволявших им присоединиться к их господину.

Дерзкое насилие, совершенное над молодым хозяином, не прошло, однако, безнаказанно: благородные животные, охранявшие его, бросились на разбойников, схватили двоих за горло, повалили их и непременно бы задушили, но, повинуясь свисту Верной Опоры, бросили их и тотчас скрылись в чаще кустарников, откуда раздались меткие выстрелы охотников, ранившие нескольких разбойников.

Началась битва, исхода которой никто не мог предугадать. Разбойники поспешно отступили в хижину, решившись на отчаянный бой.

— Остановитесь! — закричал Оливье пронзительным голосом. — Остановитесь! Во имя человеколюбия прошу вас!

Произошло минутное колебание.

Оливье воспользовался этой минутой, чтобы броситься между неприятелями, и, приставив винтовку прикладом к земле, сказал:

— Капитан Том Митчелл, я требую от вас слова, ручающегося за безопасность жизни моих товарищей, и ручаюсь вам таким же словом за безопасность вашу и ваших друзей до тех пор, пока мы сообща не уладим этот вопрос миролюбиво. Согласны ли вы?

— Тем более согласен, что ответственность за все, что бы ни случилось, никак не падает на меня. Отступите и опустите ружья, — закричал он разбойникам, — и ни с места до моего приказа!

Разбойники отступили и опустили ружья.

— Пусть все останутся на своих местах, — продолжал Том Митчелл, — а вас попрошу ко мне подойти. Не опасайтесь ничего, за вас порукой моя честь.

— Славная порука, нечего сказать! — проворчал Верная Опора.

— Молчите, Верная Опора, время ли на такие слова?

— Пускай себе говорит, — засмеялся Том Митчелл, — он лучше всех других знает, что я никогда не изменял своему слову. Не медлите же, ступайте за мной.

— Я здесь, — ответил молодой француз, подходя к нему.

Оба вошли в хижину; огонь запылал в камине, и со двора можно было видеть, как они сидели друг против друга за столом у окна, нарочно ими открытого.

— Я готов выслушать вас, — начал атаман, — вероятно, вы намерены упрекать меня, что я обманул вас и что молодая девушка не найдена там, куда я вас направил?

— Это правда.

— Но пускай это не тревожит вас, — продолжал атаман с улыбкой, — молодая девушка находится в безопасности и скоро будет освобождена и возвращена своим родителям; подтверждаю вам преждеданное слово. Я похитил ее только ради того, чтобы иметь верный залог.

— Залог? — с удивлением переспросил Оливье.

— Да, залог для успешного окончания важного дела, о котором я долго вел переговоры с племенем, которому она принадлежит. Но оставим пока этот вопрос в стороне и займемся другим, лично касающимся вас и меня.

— Я не понимаю вас, какая между нами может быть связь?

— Сейчас объясню, не люблю действовать загадками; все, что произошло здесь сегодня, произошло из-за вас одного.

— Из-за меня? — воскликнул Оливье, ошеломленный. — Но теперь я еще меньше понимаю вас.

— Понятно, что это должно вас удивить. Вот вам объяснение в двух словах; вы такой умный человек, что с вами не надо терять времени на околичности, господин Оливье.

— Вам известно мое имя?

— И еще многое другое, как вы скоро сами увидите, — продолжал капитан холодно. — Но скорее к делу. По некоторым причинам, известным мне одному, мне было крайне необходимо узнать как можно лучше двух господ, недавно прибывших в эти края: вас и Джорджа Клинтона. Для этого я прибегнул к средству немного рискованному, но довольно удачному; сам того не подозревая, я разом убил двух зайцев; рана, которую я сам себе нанес, обманула всех вас, хотя, в сущности, на эту рану я смотрю, как на царапину. Теперь я разом узнал вас обоих и очень рад этому. Больше мне нечего желать. Но нелепая случайность чуть было не сгубила меня, но теперь бесполезно об этом толковать. К чему нам драться? Никому пользы не принесет, если мы перережем друг другу горло. Я вовсе этого не желаю. Мне предстоят важнейшие дела, и я непременно должен покончить со всем прежде, чем дам отчет в своих действиях тому, по чьей милости я очутился здесь. Мне крайне нужно выйти отсюда с товарищами в полной безопасности, и в этом случае я полагаюсь на вас.

— На меня? А на каком же основании?

— На каком хотите, мне все равно. Я обещал возвратить Вечернюю Росу и возвращу ее непременно, в настоящее время она содержится у меня, как драгоценный залог, в абсолютной целости и сохранности. Придумайте какой хотите предлог, только отпустите нас поскорее.

— Но как же я могу... — нерешительно начал Оливье.

— Спасти преступника, разбойника, злодея, голова которого оценена правительством? — прервал его Том Митчелл с горечью. — Но как знать? Быть может, со временем вы убедитесь, что этот поступок принесет вам пользу. Послушайте, господин Оливье, в сущности, мы оба с вами не то, чем кажемся. Когда-нибудь наступит время... — Внезапно он переменял свой тон и спросил отрывисто: — Итак, вы исполните то, о чем я вас прошу?

Молодой француз устремил на капитана долгий и выразительный взгляд, который тот вынес с бесстрастным спокойствием.

— Да будет по-вашему!

— Ступайте же. Благодарю, мы еще увидимся. Уведите с собой Джорджа Клинтона, он поможет вам убедить ваших друзей.

Оливье молча вышел, за ним последовал Клинтон.

Их отсутствие продолжалось несколько минут.

Наконец они вернулись.

— Вам предоставлена свобода удалиться, — сказал Оливье у дверей капитану, нетерпеливо расхаживавшему по комнате. — Никто вас не побеспокоит. Я поручился за вас своим честным словом.

— Благодарю и до свидания, господин Оливье, — ответил Митчелл с ударением, потом, повернувшись к Джорджу Клинтону, неподвижно стоявшему у дверей, добавил: — Надеюсь, мы расстаемся с вами друзьями.

— По крайней мере, я не испытываю к вам ненависти, — ответил Клинтон сухо, — я только не желал бы встретиться с вами в другой раз.

— Уж это как Богу будет угодно, — произнес капитан, нахмурились.

Он раскланялся с молодыми людьми. По его приказанию подвели лошадей, и через пять минут разбойники скрылись в темноте.

— Что это за человек? — прошептал Оливье, которым внезапно овладела невыразимая тоска. — Неужели и тут меня преследуют неизвестные враги?

Но радостное появление охотников и их любопытные расспросы придали другой оборот его мыслям. Если он и не забыл странного разговора с загадочной личностью, так хорошо его знавшей, то все-таки первое беспокойство рассеялось, и он в душе упрекал себя, что поддался обаянию атамана разбойников.

ГЛАВА XV

О чем шла речь у переселенца с братом и что из этого вышло

Простившись с Джорджем Клинтонем, Сэмюэль Диксон, не заезжая домой, повернул прямо к брату, сильно любопытствуя узнать, что за экстренные причины потребовали его немедленного присутствия в колонии.

Солнце стояло высоко, когда Сэмюэль подъехал к его дому, и первый, кого он встретил, был его брат, который ехал ему навстречу на своем любимом коне и с винтовкой в руках.

— Поторопись же, любезный брат, — сказал Джонатан в веселом расположении духа, крепко пожимая ему руку, — мне так хотелось тебя видеть, что у меня не хватило терпе-

ния, и если бы я не встретил тебя по дороге, то проехался бы к тебе домой.

— Надеюсь, что у тебя нет никаких неприятностей? — спросил Сэмюэль.

— Совершенно никаких, Сэм; климат здесь такой чудесный, что, как ты сам видишь, и люди, и скот наслаждаются цветущим здоровьем.

— Тем лучше, а то твое неожиданное приглашение порядком меня напугало. Теперь же я совсем успокоился.

— И прекрасно. Неужели же ты не на шутку встревожился? Видно, шалунья Диана что-нибудь наговорила тебе? Но отчего ты так запоздал?

— Оттого, что надо было кончить одно довольно серьезное дело, и, кроме того, я никак не думал, что мое присутствие будет столь желательно.

— А вот ты и ошибся. Но, словом, ты здесь, и все хорошо, хотя, признаюсь, мне было бы приятно увидеться с тобой пораньше; тогда мы оба не потеряли бы понапрасну времени, а, как тебе известно, время — деньги.

— Ты совершенно прав, Джонатан. Ну вот, наконец я здесь и слушаю тебя. В чем дело?

— Дело важное, и мне хотелось бы знать о нем твое мнение. Ведь ты мудрец в нашем семействе.

— Нечего сказать, славный мудрец, который кончает всегда тем, что тащится следам глупостей, которые взбредут в голову старшего брата, — возразил Сэмюэль, смеясь.

— В твоих словах есть доля правды, но, несмотря на это, из десяти раз по крайней мере девять ты бываешь прав.

— Вот как! Ты сам сознаешься в этом, значит, все идет хорошо.

— А отчего бы и не сознаться, если это справедливо? Разве я не сознаю, что рассуждаешь ты, как мудрец, а если действуюешь часто, как глупец, то это происходит только от твоей глубокой привязанности ко мне. Поздно, брат, неблагодарным я никогда не был, а люблю тебя искренно и сильно, в чем ты сомневаться не можешь.

— Я никогда и не сомневался в твоей любви, Джонатан, только теперь, признаюсь, ты навел на меня неописуемый страх.

— Это отчего, Сэм? — спросил Джонатан, покотившись со смеху.

— А оттого, что каждый раз, как ты заговариваешь таким языком, как теперь, это служит мне предвестником чего-то неладного; уж, наверно, какая-нибудь ахинея или дьявольское наваждение взбрели тебе на ум.

— Ну, Сэм, тебя трудно провести; признаюсь, ты мастер пронюхать дело.

— А что, брат, видно, я метко попал в цель?

— Не отрицаю, однако тут много можно было бы сказать и за и против.

— В таком случае не скрывайся и высказывай скорее новую дурь, которая залезла тебе в голову; скорее облегчи душу.

— Только не сейчас. Вот мы и дома. Теперь настала пора обедать, а как отобедаем, тогда и потолкуем.

— Наедине, с глазу на глаз?

— Нет, брат, в этом деле общий интерес; мы потолкуем за бутылкой вина по окончании обеда.

— Воля твоя, только опять не скрою, что ты наводишь на меня ужасный страх.

— Какой же ты трус, Сэм! Я и не знал этого греха за тобой.

— Трус или мудрец, на каком же прозвище ты остановишься, Джонатан? — возразил Сэмюэль, покачивая головой с озабоченным видом.

— Да ведь это все равно, — ответил старший брат со смехом.

Подъехав к дому, оба брата сошли с лошадей и, передав их на попечение слуг, вошли в приемную в сопровождении Дардара, встретившего их с радостным лаем.

Миссис Диксон с дочерью сидели у камина, но, увидев братьев, подошли к ним с дружескими приветствиями.

— Вот я и притащил его наконец! — воскликнул Джонатан, кладя на решетку камина то одну, то другую ногу. — А каких трудов мне это стоило! Побрани-ка его, Сюзанна.

— Что же вы так замешкались, братец? Мой муж ждал вас с таким нетерпением.

— Гм! Видно, у него в голове опять забурило, так ему хочется поскорее через меня дать законную силу новой чепухе.

— Ну, с чего вы это вздумали, Сэмюэль?

— Да сами увидите... Здравствуй, милая крошка, — продолжал он, целуя свою племянницу, нежно ластившуюся к нему. — Ну, вот я и с вами!

— Так сядем же за стол! — воскликнул Джонатан. — Впрочем, готов ли обед?

— Давно; только вас и ждем. Мы будем обедать, когда ты прикажешь.

Все перешли в столовую; тут стоял огромный стол, вокруг которого расположились хозяева и слуги, всего около тридцати человек, мужчин, женщин и детей, собиравшихся каждый день в эту пору за общий стол.

Джонатан Диксон, занимая первое место между братом и страшим сыном, хозяйничал. Около них сидела миссис Диксон с дочерью и другими сыновьями. Затем следовали слуги, рассевшись по старшинству своих обязанностей и длительности пребывания на службе у переселенца.

Джонатан пил и ел в колоссальных размерах, как человек сильно проголодавшийся после усиленной работы. Огромные груды мяса и овощей, которые он накладывал в свою тарелку, поглощались им с неимоверной быстротой.

Предаваясь жевательной, весьма важной для него деятельности, он ни на минуту не выпускал нити разговора, плотно ел, славно пил, без умолку болтал и хохотал так весело, что брат Сэмюэль, слишком хорошо знакомый со всеми его повадками, невольно думал про себя, что такая веселость ненатуральна и скрывает что-то неладное.

Нехорошо стало у него на душе; притворная веселость брата всегда предвещала нешуточное дело, и потому ему не елось и не пилось. На все вопросы брата он давал односложные ответы.

Обед прошел без особенных приключений. В известную пору слуги встали из-за стола и разошлись; в столовой осталась только семья Диксонов.

Мать с дочерью также хотели уйти, но хозяин жестом удержал их на месте и, подавая бутылку брату, сказал:

— Нам надо потолковать о деле, и потому прошу всех остаться; ваше присутствие, мои дорогие женщины, тоже необходимо.

Слова эти были произнесены таким резким тоном, совершенно противоположным тому шутливому, какой он употреблял за обедом, что мать и дочь обменялись испуганными взглядами и молча сели.

— Ну, начинается, — проворчал Сэмюэль Диксон. — Чувствую, нам готовится какой-то сюрприз.

Старший брат недолго держал его в неизвестности. Одним залпом выпив стакан вина и вытерев рукой рот, он произнес свое обычное «гм!» — звучное и выразительное восклицание, как бы для того, чтобы прочистить горло, и, откинувшись на спинку стула, окинул всех самодовольным взглядом.

— Благодарение Богу! — воскликнул он громогласно. — Вот мы и крепко обосновались на новом месте. Мы смело встретим зимнюю стужу, ничего не боясь, потому что в нашем новом хозяйстве все в полном порядке. Наши слуги свыклись со своими новыми обязанностями; мое присутствие уже не является крайней необходимостью для надзора за работами; следовательно, наступило время серьезно потолковать о наших делах.

— Очень хорошо, но мы еще успеем натолкнуться, — прервал его Сэмюэль резко, — а теперь поздно, мне пора возвращаться домой. Позвольте пожелать вам спокойной ночи. Если твои дела, как ты говоришь, такие важные, то мы и завтра успеем наговориться.

С этими словами он хотел было встать.

— Как, Сэмюэль, неужели ты хочешь расстроить приятную компанию?

— Извини меня, брат, — ответил Сэмюэль с новой попыткой уйти, — извини, но сегодня я страшно устал и хочу пораньше лечь спать.

— Прошу прощения, но я вынужден задержать тебя еще немного; ты, видно, забыл, что я нарочно просил тебя пожаловать сегодня вечером, имея крайнюю необходимость поговорить с тобой.

— Правда, я совсем и забыл об этом, — сказал Сэмюэль, опускаясь на стул с видом человека, невольно покоряющегося неизбежной судьбе.

— Гарри, — обратился хозяин к старшему сыну, — исполнено ли мое приказание?

— Исполнено, — ответил сын.

— Хорошо, — произнес Джонатан и, снова наполняя свой стакан, продолжал: — Короче говоря, чтобы не мучить долее вашего любопытства, через час времени, то есть когда появится луна, я от вас уеду.

— Уедешь! — воскликнули мать и дочь с испугом.

— Что такое? — сказал Сэмюэль. — Что значит эта новая прихоть? Неужели мы опять начнем странствование по пре-

риям? Так знай же заранее: с меня довольно таскаться! Мне и здесь хорошо. Говорю тебе, я с места не сдвинусь.

— Вольному воля, брат, я и не зову тебя с собой. Впрочем, вероятнее всего, мое отсутствие будет весьма непродолжительным. Я хочу предпринять маленькое путешествие из любопытства — и ничего более.

— Опять путешествие! — воскликнули обе женщины, в отчаянии всплеснув руками.

— Пожалуй, маленькую поездку для исследования, если вам это больше нравится.

— Уверю вас, что он совсем обезумел, не хуже зайца в марте! — закричал Сэмюэль в сердцах. — Извини, пожалуйста, любезный брат, но скажи мне, кто тебя гонит вон из дома, от родной семьи, чтобы гоняться за опасностями, сам не зная, куда и зачем?

— У меня есть причина, которую ты сам одобришь, я в этом уверен, — ответил хозяин, опорожня еще один стакан.

— Сомневаюсь, — промолвил Сэмюэль, покачав головой.

— Видите ли, я желаю ознакомиться с окрестностями, для того чтобы узнать, куда мы попали, что за люди наши соседи и, наконец, нет ли возможности войти с ними в сношения или, лучше сказать, завязать с ними торговые дела. Кажется, во всем этом нет ничего безумного.

— Напротив, много разумного. Так у тебя нет других оснований для предприняемого исследования?

— Мне кажется, что довольно и этих причин.

— Вот и прекрасно, — прервал его Сэмюэль, вздохнув свободнее. — Итак, если других причин у тебя нет, то ты сделаешь хорошо, если будешь спокойно сидеть дома.

— Это почему же, прошу ответить?

— Да потому, что это путешествие бесполезно: все сведения, за которыми ты намерен отправиться в такую даль, я могу тебе сообщить без всякого труда, не делая ни шага с места и не вставая со стула.

— Как! — воскликнул переселенец, ошеломленный этой неожиданностью. — Может ли это быть?

— Абсолютно точно, да еще сведения-то самые верные и положительные, уж за это я тебе ручаюсь.

Все головы обратились к Сэмюэлю с выражением крайнего любопытства.

— Ага! Вы никак не ожидали этого? Так слушайте же! — произнес он громко, наслаждаясь своим торжеством.

— Ничего лучшего не желаю, хотя в толк не возьму, как ты мог...

— Нечего и понимать, однако не трудно догадаться, что все эти сведения я собрал от охотников и краснокожих.

— Охотники! Краснокожие!

— Да разве вы не знаете, что они кишмя кишат в окрестностях? Я не могу и шагу ступить из дому, чтобы не наткнуться на кого-нибудь из них, что, мимоходом сказать, представляет еще одну важную причину для того, чтобы ты, брат, оставался дома да заботился о безопасности своего семейства и собственности.

— А вот посмотрим, что у тебя за сведения, — сказал Джонатан, явно раздосадованный.

— Слушайте. Вы воображаете, что уединились очень далеко от своих земляков — не правда ли? А на деле выходит совсем иначе. Знайте же, что хоть мы и находимся на земле индейцев и окружены самыми воинственными племенами, однако у нас есть близкие соседи справа и слева, такие же землепашцы, как и мы с вами, не говоря уже о форте, который существует поблизости уже около двух лет для охраны главного склада всей меховой торговли с краснокожими.

— Возможно ли? — воскликнул Джонатан, как громом пораженный.

— Тем возможнее, что это сущая истина и действительность, — ответил Сэмюэль шутливо. — А знаете ли вы, как называется величественная река, на берегу которой вы основали свои дома? Это ни больше ни меньше, как наша старинная приятельница, короче говоря, не что иное, как Миссури.

— Миссури!

— Точно так. Как тебе это нравится, любезный брат?

Джонатан молча понурил голову.

Наступило короткое молчание.

Сэмюэль, потирая руки, лукаво посматривал на брата, погруженного в раздумье, и вдруг ему захотелось окончательно восторжествовать свою победу.

— Что же ты скажешь, Джонатан, относительно этих сведений?

Переселенец выпрямился и сказал:

— Ты удостоверился в их точности?

— Совершенно.

— В таком случае я нахожу их превосходными.

— В добрый час! — воскликнул Сэмюэль весело. — По крайней мере, ты искренно сознаешься в этом.

— Разве было время, когда у меня не хватало искренности?

— Никогда! Следовательно, теперь ты признаешь бесполезность путешествия?

— Я? Ничуть не бывало; напротив.

— Как напротив? — воскликнул Сэмюэль, подпрыгнув от удивления.

— Разумеется. А вот потолкуем, и ты сам увидишь, — возразил хозяин невозмутимо. — Допустим, что все твои сведения верны — хотя со своей стороны признаюсь, я крепко сомневаюсь в том, — в таком случае я должен немедленно отправиться в форт и посетить всех соседей вверх и вниз по течению реки. Необходимо установить с ними сношения — и чем скорее, тем лучше во избежание конкуренции.

— Какой там еще конкуренции! — воскликнул Сэмюэль, ошеломленный.

— А той, которой они вздумали мне мешать. Неужели же ты воображаешь, что эти соседи, о которых ты говоришь, не знают о нашем новом поселении? Неужели ты предполагаешь, что они будут так глупы, что не станут мне мешать в коммерческих делах, которые явно должны столкнуться с их выгодами и, следовательно, причинить им ущерб?

— Раз уж что задумано сумасшедшим, так пиши пропало, его ничем не переубедишь, — проворчал Сэмюэль, бросая отчаянный взгляд на невестку и племянницу, которые сидели как воду опущенные, не смея рта раскрыть.

— Ха-ха-ха! — разразился переселенец веселым хохотом. — Ты не отвечаешь мне, значит, убежден в моей правоте.

— Убежден? Конечно: убежден, что ты с ума сошел, так что тебя следует связать по рукам и ногам.

— Вот что, брат, всякий разумный человек понимает, что оскорблять — не значит отвечать.

— Правда; виноват! Так ты не хочешь отказаться от своего предприятия?

— Менее чем когда-нибудь.

— И когда отправляешься?

— В назначенный час.

— В таком случае одна надежда на милосердие Бога. Кажется, в поврежденную голову никогда еще не залезало более вздорной мысли.

— Послушай, милый Джонатан, — сказала Сюзанна дрожащим голосом, — не поразмыслишь ли ты еще немного, прежде чем приведешь свой план в исполнение?

— Миссис Диксон, я довольно уже размышлял, — ответил хозяин сухо, — мною принято твердое намерение, а вам всем хорошо известно, что раз я что задумал, то уж от этого не отступлюсь.

— К несчастью! — прошептала миссис Диксон, с глазами, полными слез, но не смея возражать.

Однако Диана не так легко сдавалась.

— Позвольте вас спросить, мистер Диксон, — сказала она с горячностью, — а нас-то вы на кого покидаете? Кому вы поручаете защищать нас в случае нападения этих свирепых дикарей, которыми кишат прерии? Отец, неужели вы решитесь покинуть нас без всякой защиты в прерии, так далеко от любой помощи?

— Та-та-та! Любезная дочка, — возразил отец со смехом, — пожалуйста, не делай из всего трагедию. Мое отсутствие будет непродолжительным, кроме того, я не покидаю вас без всякой защиты, как ты вздумала уверять.

— Но сами посудите, отец...

— Послушайте, мисс Диана, в своем деле, кажется, я один судья... Дядя Сэмюэль останется вашим защитником.

— Волей-неволей, — проворчал Сэмюэль.

Джонатан улыбнулся и крепко пожал брату руку.

— В мое отсутствие Гарри будет управлять хозяйством; наш дом — что твоя крепость, слуг много, все хорошо вооружены и искренно нам преданы. Какая же опасность может грозить тут? Да и повторяю, что я скоро вернусь.

— Но каким же образом вы думаете путешествовать? — спросила Сюзанна робко.

— Самым удобным и наименее утомительным: в большой пироге, которая уже сегодня была спущена на воду. Со мной поедут младшие сыновья Сэм и Джек, да еще один слуга — Сэнди. Из этого вы можете видеть, что в защитниках у вас недостатка не будет.

— Но, друг мой, тебя-то не будет с нами, не будет хозяина, чтобы руководить ими и поддерживать их.

— Довольно толковать! — прервал Джонатан резко. — Кажется, вас не должна бы удивлять эта поездка. Неужто вы и в самом деле воображали, что я буду торчать на одном

месте и даже не попытаюсь осмотреть окрестности своих владений?

Упорный и деспотичный характер Джонатана Диксона не допускал споров; его семейство давно извело всю невозможность переубедить его. Мать и дочь замолчали.

Хозяин отправился на берег; за ним толпой вышли все переселенцы, провожая его.

Он простился с семьей и слугами, нежно обнял жену и дочь, пожал руку брату и отдал последние приказания старшему сыну, затем спустился в свою пирогу, насвистывая «Янки дудл» — кажется, больше для того, чтобы скрыть свое волнение от внезапной разлуки. По его приказанию Джек отчалил от берега, течение подхватило пирогу, и вскоре отважные путешественники скрылись из вида за поворотом реки.

Печально возвратились домой мать и дочь в сопровождении Сэмюэля, видимо, сильно расстроенного неожиданным отъездом брата.

ГЛАВА XVI

Неожиданное появление новых личностей

Перенесемся теперь в широкие степи, покрытые мелким и желтым, как золото, песком, расстилающимся на необъятное пространство на правом берегу Миссури, на сто миль ниже нового поселения, основанного за несколько недель перед тем в Оленьей долине, и почти на таком же расстоянии от форта, возвышающегося на противоположном берегу, основанного обществом меховых торговцев для безопасности своей меновой торговли мехами с краснокожими.

На тот берег можно было попасть только через узкое ущелье между двумя остроконечными утесами, грозно возвышающимися как раз напротив острова, величину которого трудно было определить ночью, хотя в темноте размеры его казались значительными.

Сквозь туман, как звезды, сверкали многочисленные огни. Остров, покрытый сплошным лесом, имел одно сообщение с берегом — посредством узкого, но опасного брода, исполненного водоворотами и безднами, так что человеку мало знакомому с этой местностью безумно было бы пускаться на видимую опасность, тем более, что два высоких

мыса, недоступных со стороны берега, вполне защищали вход, и в случае нападения какого бы то ни было неприятеля жители острова немедленно могли занять эти грозные вооруженные высоты; с другой же стороны реки остров был недоступен.

Впрочем, его жители не скупились на средства к обороне, так что остров совершенно господствовал в этом месте над рекой, и без дозволения его жителей никто не мог совершать плавание по реке в этих местах.

Остров этот — надежная крепость, убежище страшных разбойников, которые в ту эпоху опустошали пустыни Дальнего Запада под предводительством ужасного атамана, самовластного управителя острова.

В первое время формирования рот волонтеров американское правительство признало эту позицию за благоприятный стратегический пункт, и по приказанию начальства были возведены надежные укрепления, которые были заняты сильным отрядом.

К несчастью, волонтеры, сделавшие своей целью грабеж и разбой, мало заботившиеся о политических вопросах, тоже поняли, что местность эта превосходна, и так крепко утвердились на недоступных высотах, что все усилия правительства выжить их оттуда оказались безуспешными.

Но так как эти разбойники сохраняли некоторое приличие в своих грабежах и очень редко нападали на американских подданных, большей частью малоимущих, то и правительство, сознавая свое бессилие овладеть неприступной твердой этих бесстрашных пиратов, смотрела сквозь пальцы на все их проделки и поддерживало с ними дружелюбные отношения, разумеется, до первой возможности осудить их на примерную казнь.

Разбойников нельзя было провести этим ложным миролюбием, вызванным крайней неизбежностью; они очень хорошо понимали, на чем основаны действительные намерения правительства по отношению к их шайке, и потому не зевали, а всегда были настороже.

Но в ту эпоху Северная Америка была очень малолюдная: только берега Атлантического океана были заселены настоящим образом; даже американцы, за исключением некоторых отважных охотников до приключений, совсем не знали размеров своего необъятного отечества и потому не реша-

лись пускаться в путешествие по непроходимым дремучим дубравам, покрывавшим большую часть страны.

Вот почему разбойники хотя и принимали меры предосторожности, однако имели довольно основательную причину полагаться на безнаказанность своих действий, по крайней мере, говоря о настоящей минуте; что же касается будущего, так они, по правде сказать, и не заботились о том: что значит будущее для подобных людей?

Сотни всадников расположились в степи, которая была описана нами в начале этой главы. Лошади, привязанные к деревьям, ели свой корм; вокруг ярко пылавших костров группировались кучки людей: кто спал, кто разговаривал. Бдительные часовые бодрствовали, наблюдая за общей безопасностью.

В шалаше, устроенном из древесных ветвей, сидел человек на черепе бизона и внимательно просматривал какие-то бумаги при свете горевшей ветви окоты¹, воткнутой в песок; через некоторое время он тщательно спрятал бумаги в портфель и запер его на замок.

Другой человек стоял в почтительном ожидании его приказаний.

Читавший был Том Митчелл, ожидавший — Камот.

Часовой у шалаша охранял вход, прикрытый вместо двери одеялом.

Было около четырех часов утра; звезды на небосклоне померкли; восток окрасился беловатыми полосами света, предвещавшими незамедлительное появление утренней зари; густой туман поднимался над рекой, окутывая стан зловещим саваном; промозглая стужа давала себя чувствовать.

Том Митчелл поднял голову и сказал:

— А ведь здесь и промерзнуть можно. Ты спишь, Камот?

— Никак нет, ваша милость.

— Тогда подбрось дров в костер; разве ты не видишь, что он гаснет?

Камот развел яркий огонь, так что в шалаше стало совсем светло.

— Вот так-то лучше! Хоть жизнь в жилах чувствуешь, — сказал Том Митчелл, потирая озябшие руки. — Сядь-ка, Камот.

---

¹ Гвианское лавровишневое дерево. — *Примеч. перев.*

Тот молча повиновался.

— Ты что, устал?

— Я не знаю устали, когда служу вашей милости, — ответил тот с красноречивым выражением преданности.

— Ну, я так и знал, что другого ответа не дождусь.

— Не вам ли я всем обязан?

— Ничем ты мне не обязан; один раз я спас тебе жизнь, а ты два раза спасал меня; стало быть, мы давно по квитались.

— Я не так думаю, но...

— Но? Что значит это но?

— Мне хотелось бы просить вашу милость об одной услуге, — ответил тот с запинкой.

— Только не позволения расстаться со мной!

— О, этому никогда не бывать! — воскликнул Камот с жаром.

— В таком случае говори без страха. Денег тебе надо, что ли?

— По вашей милости денег у меня больше, чем надо. Нет, мне нужно совсем другое.

— Хорошо, послушаем.

— Вот видите ли, мне хотелось бы, чтоб в другой раз вы мне не давали таких поручений, как было намерении.

— Когда это?

— А вот четыре дня назад; помните?

— Отлично помню, — ответил Том Митчелл, смеясь. — А почему так, приятель?

— Да потому, что мне совсем не весело играть роль изменника. Вот оно что, ваша милость.

— Напрасно, мой старый друг. Заверяю тебя, что ты отлично выполнил свою роль.

— Может быть, только мое доброе имя от этого страдает.

— Ты старый дурак! Мне требовался надежный человек; на одного только тебя я могу вполне положиться. Это поручение принадлежало тебе по праву.

— Ну, раз так, дело другое.

— Перестал сердиться? — спросил атаман, протягивая ему руку.

— Как можно мне на вас сердиться! — воскликнул Камот, почтительно целуя руку, в то время как слеза катилась по его лицу.

— Полно, полно, ведь ты знаешь, как я тебя люблю... Ну, что новенького на острове?

- Ничего; только молодая индианка тоскует.
- Вечерняя Роса?
- Да. Она только и знает, что проливает горькие слезы; следовало бы ее отправить к родным.
- Будь спокоен, мы скоро это сделаем.
- Тем более, что это развязало языки...
- Что такое? — прервал его атаман, нахмурившись. — Кто там осмеливается...
- О, теперь уж не осмелится!
- Кто болтал?
- Стюарт. Но теперь кончено, болтать он больше не будет.
- Ты заставил его замолчать?
- Да, посадил ему пулю в лоб.
- Хорошо сделал, хоть средство чересчур сильно.
- Может быть, ваша милость, только оно произвело превосходное действие: теперь никто и языком не пошевелит.
- Я думаю. Ну, а что там на реке?
- Пирога спустилась вниз по реке, в ней сидят четверо.
- Их не остановили?
- Нет.
- Очень хорошо. Вероятно, их рассмотрели как следует, — кто они? Белые?
- Точно так. Это переселенец из Оленьей долины; с ним сын и слуга-негр.
- И куда же его понесло?
- Можно узнать.
- Нет, после, когда поплывет назад.
- Остановить его?
- Тогда скажу. А как за время моего отсутствия складывались ваши отношения с соседями, жителями форта?
- Так себе, ни худо, ни хорошо. Я передал вам письмо от майора Арденуора.
- Я его прочел. Он просит назначить ему свидание сегодня на рассвете. Не знаю, какая могла бы быть тому причина.
- В форт прибыли гости.
- Ага! Что за люди?
- Не могу сказать; кажется, французы. Один-то из них наверняка француз.
- Сколько же их всего?
- Трое.

— А-а! — произнес Том Митчелл задумчиво. — Кто был на разведке?

— Птичья Голова — ведь он француз. Хотел было я послать Версанкора, да он пьян, как сапожник.

— Камот, а ведь ты недолюбливаешь Версанкора.

— А что делать? Терпеть не могу пьяниц! На них никогда нельзя полагаться.

— Это правда. Смотри в оба за Версанкором; я и сам-то не очень полагаюсь на него.

— Уж не прозеваю, будьте спокойны.

— А теперь слушай меня хорошенько.

Камот наклонился к атаману, и тот минуты три что-то шептал ему на ухо.

— Понял? — наконец спросил атаман обычным голосом.

— Вполне, ваша милость.

— Так поторопись же: минут через двадцать рассветет, нельзя терять ни минуты.

Камот вышел из шалаша.

Честный мексиканец был правой рукой и поверенным Тома Митчелла, вполне на него полагававшегося.

Несмотря на роль изменника, в которой он появился в первый раз, Камот, однако, был вполне достоин безграничной доверенности своего господина.

Атаман разбойников занялся приведением в порядок своего туалета; не более двух часов прошло с тех пор, как он возвратился из далекой экспедиции, вся добыча была немедленно перенесена на остров, а разбойники расположились на берегу для ночлега.

Когда атаман мог наконец предстать перед посторонними в приличном виде, тогда он отдернул занавесь.

Вид лагеря совершенно изменился.

Огни погасли. Обе высоты справа и слева были заняты стрелками. Ущелье охранялось отрядом, состоящим из двадцати человек. Лошади стояли оседланными на берегу реки, люди держали их в поводу, готовые вскочить в седло при первом же сигнале.

Том Митчелл обвел всех довольным взглядом.

Следуя привычке, Камот исполнил приказание своего атамана с замечательной быстротой и сметливостью.

В эту самую минуту восток загорелся и появилось солнце; вся декорация, точно в театре, быстро изменилась: со всех сторон полились потоки света; ландшафт, мрачный и пус-

тынный во тьме ночной, вдруг принял вид величественной красоты.

В ту же минуту из ущелья раздался барабанный бой, призывающий к сбору.

— Пора! — прошептал атаман.

Он остановился у входа в шалаш и, опершись на саблю, остановился в ожидании.

После коротких переговоров из ущелья вышли четверо незнакомых господ, на одном из которых был надет мундир майора американской армии; впереди всех шел Камот, почтительно указывая господам дорогу к своему атаману, который, со своей стороны, сделал несколько шагов им навстречу.

— Доброе утро, капитан Митчелл, — произнес майор дружеским тоном, — вы уже ждали меня?

— Я имел честь получить ваше письмо, майор, — ответил капитан вежливо.

— Кхе! Кхе! — откашлялся майор. — Мне действительно понадобилось переговорить с вами о важных делах.

— Я к вашим услугам.

— Прежде всего позвольте мне представить вам двух господ. Они французы и, как все их соотечественники, имеют неудобопроизносимые фамилии; но люди они отличные, и я ручаюсь за них как за самого себя.

При этих словах он натянуто рассмеялся.

Капитан молча поклонился французам, незаметно окинул их быстрым и проницательным взглядом; те, по-видимому, держались настороже, и их бесстрастные лица ничего не выражали.

Первому из них казалось около пятидесяти лет; он был свеж, бодр, красив и имел самую изящную наружность. Вторым выглядел гораздо моложе; его загорелое лицо дышало энергией; он был высокого роста, богатырского сложения, простого обращения и в небрежном костюме.

Майор продолжал:

— А вот этот господин наш земляк.

— Мистер Стонуэлд из Бостона, — сказал капитан с усмешкой.

— Разве вы меня знаете? — спросил толстый американец.

— Имею эту честь, да и кто не знает мистера Стонуэлда из дома Стонуэлда, Эвра и К°, самого богатого арматора в Бостоне — или, лучше сказать, в целом мире?

Толстяк самодовольно огляделся по сторонам и отвесил церемонный поклон.

— Вот как! — сказал майор с удивлением. — Стало быть, вы уже знакомы? Тем лучше, тогда дело уладится скорее.

— Я не понимаю, о чем идет речь, — возразил Том Митчелл.

— Любезный капитан, эти господа крайне нуждаются в вашей помощи и пожаловали ко мне собственно за тем, чтобы увидеться с вами. Должно быть, их дело очень важно, если они не уstraшились путешествия по ужасным дорогам в продолжение целого месяца.

— Должно быть, не иначе, — повторил Том Митчелл рассеянно.

— Кроме того, господа французы рекомендованы мне очень усердно самим министром иностранных дел.

— Вот как! — произнес Митчелл, смотря на них с удивлением.

— Что касается мистера Стонуэлда, хотя я давно уже знаком с ним, однако он счел за необходимое представить мне рекомендательное письмо, собственноручно написанное генералом Джексоном. Итак, любезный капитан, если вам угодно сделать мне приятное, покорнейше прошу принять в соображение эти рекомендации, подкрепляющие просьбы этих господ, и по возможности исполнить эти просьбы.

— Можете ли вы в этом сомневаться, майор?

— Никак, никак не сомневаюсь, но — кхе! — вы сами знаете, иногда на вас находит и вы становитесь чересчур торопливы. Кхе! кхе!.. Не обращайтесь на меня внимания — этот окаянный туман лезет мне в горло, да так, что я никак не могу откашляться; кроме того, я же ведь еще и натошак... Но, признаюсь вам, кроме того, что я вам уже сказал, я не знаю ни одного слова, в чем заключаются их дела.

— Я весь к услугам этих господ точно так же, как и к вашим, майор, — отвечал капитан холодно, — и буду считать себя счастливым, если смогу сделать им одолжение при тех слабых средствах, которыми располагаю.

— Кхе! — возразил майор. — Вот что значит умно говорить... Кхе!.. Клянусь честью, умный человек не может обещать больше. Кхе!.. Теперь надо бы перейти к разговору посерьезнее, а как мне сдается, кхе!.. место тут не совсем удобное... кхе! виноват, капитан... для такого разговора.

— Я в отчаянии, — проговорил Том Митчелл с неизменно холодным высокомерием. — К несчастью, я не был заранее предупрежден, а потому могу предложить только то, что есть у меня под рукой.

— А почему бы, кхе!.. нам не переправиться на остров? Что вы скажете на это, капитан? Мне сдается, что там место поудобнее для переговоров... кхе!.. Впрочем, это простое замечание с моей стороны.

— Я в отчаянии, майор, — повторил Митчелл, — но эта переправа потребовала бы значительной потери времени; впрочем, если вы позволите, то я прикажу приготовить в моем шалаше закуску и буду счастлив, если вы согласитесь оказать мне эту честь.

— С величайшим удовольствием, капитан, отчего же нет! Кхе! кхе! — ответил майор, совсем заходясь от кашля. — Впрочем, я должен предупредить вас, любезный капитан, что у каждого из этих господ свое особенное дело, о котором каждый желает переговорить с вами отдельно.

— Что же за беда, майор? Сначала позавтракаем, а потом порассудим.

— Да, я и сам думаю, что так будет лучше, а там увидим.

— Вот и отлично!

По приглашению капитана гости вошли в шалаш.

Заботами Камота и, вероятно, по прежде отданному приказанию атамана стол был накрыт и уставлен роскошным завтраком, состоявшим, правда, большей частью из дичи; но значительное количество бутылок с длинными горлышками, обозначавшими их бордоское или бургундское происхождение, не говоря уже о шампанском, столь любезном всем американцам — как севера, так и юга, — придавало завтраку самый отрадный вид для голодных желудков, возбужденных продолжительным переездом под покровом густого тумана Миссури.

Майор пришел в такое восторженное состояние, что тщательно откашлялся и, дружески пожимая капитану руку, сказал с умилением:

— Капитан Том Митчелл, пускай о вас говорят что хотят, но я всегда буду считать вас самым замечательным человеком.

— Благодарю, — ответил тот, смеясь, и, обратившись к гостям, продолжал с изящной вежливостью: — Господа, милости прошу откусать хлеба-соли.

До настоящей минуты все гости сохраняли строгое молчание, за исключением немногих слов, произнесенных арматором из Бостона. После же приглашения, сделанного капитаном, старший француз улыбнулся и с вежливым поклоном сказал:

— Прежде всего позвольте вам заметить, что вы предлагаете нам хлеб-соль, как это делается у арабов.

— Вы мои гости, господа, — ответил капитан серьезно, — а нигде не почитается так искренно святыня гостеприимства, как в прериях. Вы находитесь в безопасности под охраной моей чести. Кажется, этого довольно.

— Совершенно вам верим; но майор Арденуорд передавал уже вам, что каждый из нас желает переговорить с вами наедине о делах, касающихся лично одного.

— Что же это значит?

— А то, что эти переговоры будут очень продолжительны, и лично я желаю переговорить с вами в таком месте, где не будет никого, кроме нас двоих.

— Прошу вас садиться и как следует поесть; после этой скромной закуски вы и ваши спутники переправитесь со мной на остров. Я уже сказал вам, что вы находитесь под защитой моей чести. Если вам этого не довольно, то прошу высказаться.

— Вы оскорбляете нас, капитан, — прервал его майор с живостью, — за недостатком лучшей поруки я предлагаю себя в заложники. Чего вы еще желаете?

— Ничего, благодарю вас, майор. Милости прошу, господа, после закуски мы все немедленно переправимся на остров.

— Кроме меня, — возразил майор. — Я хочу, чтобы вы поняли, насколько я вам доверяю. Я возвращусь в крепость и буду ожидать этих господ, там или здесь, как вам и им будет угодно.

— Мы не сомневаемся в слове нашего хозяина, — заметил француз, улыбаясь.

Он сел за стол, спутники последовали его примеру, и все принялись за еду.

*Каким образом Том Митчелл стал
заступником обиженных*

атянутость в обращении скоро рассеялась благодаря бургундскому, бордоскому и шампанскому; угощение было радушным, беседа веселой и почти дружеской.

Майор Арденнуорд, единственный из всех не задавшийся задней мыслью и от природы созданный добрым малым, явно старался развеселить и перезнакомить ближе все общество, составленное, как видно, из разнородных элементов; в этом ему усердно помогал сам капитан, который был одарен качествами истого амфитриона и обращался со своими гостями с такой подкупающей любезностью, которая всех очаровала, как ни велико было всеобщее предубеждение против него.

Разумеется, никто ни словом не намекнул на причины, собравшие это общество, и оживленный разговор постоянно обращался на посторонние предметы.

Майор первый встал из-за стола.

— Нет таких милых друзей, с которыми не пришлось бы когда-нибудь расстаться, — сказал он весело. — Мое присутствие необходимо в форте, и потому я прощаюсь с вами, господа.

При самом начале завтрака все следы его кашля исчезли.

— А я думал, что вы здесь будете ожидать этих господ, — заметил капитан.

— О нет! — возразил майор, смеясь. — Не желаю ни быть помехой, ни иметь помехи. Мне лучше вернуться на место, а им лучше приехать ко мне.

— Я сам их доставлю, — сказал капитан решительно.

— Вот видите, все к лучшему... Господа, честь имею откланяться вам. Капитан, вы самый очаровательный хозяин, и — клянусь честью! — у вас отличное бургундское и бордоское.

— Тем лучше. Вы позволите мне удовольствие доставить вам несколько ящиков с этими винами.

— Неужели вы это сделаете? — воскликнул майор, обрадованный. — Впрочем, и сомнения быть не может. Я всегда говорил, что вы самый прямодушный человек.

Он пожал руку капитану, простился с гостями и вышел в сопровождении Камота, который проводил его до конца ущелья, где ждал его конвой. Майор сел на лошадь и уехал.

— Господа, — сказал капитан, — все готово; мы переправимся на остров когда вам будет угодно.

Приезжие вежливо поклонились.

— Пешком, верхом или вплавь? — спросил молодой француз шутливым тоном.

— А вот увидите, — отвечал капитан, незаметно переглянувшись с ним.

Они вышли из шалаша.

Пирога ожидала их; по приглашению капитана все сели.

— Теперь, господа, нам осталось исполнить последнюю формальность, — сказал Том Митчелл с улыбкой. — Никто из посторонних не может погасть на остров, если глаза у него не завязаны.

Приезжие переглянулись в недоумении, почти с ужасом.

— Повторяю, господа, вам нечего бояться, — повторил капитан, — это простая формальность, от которой, однако, вы можете отказаться.

— И что же будет в таком случае? — спросил старый француз.

— Тогда я, к сожалению, должен оставить вас здесь, — ответил капитан холодно.

Гости молчали.

Капитан подал знак, и глаза неизвестных гостей были тотчас завязаны мокрыми платками.

Пирога быстро скользила по реке. Через четверть часа приезжие по скрипу киля почувствовали, что пирога причалила к песчаному берегу.

— Господа, — опять возвысился голос капитана, — не касайтесь ваших платков, пока не получите на то позволения. Вас перенесут на берег.

В тот же миг несколько сильных рук с осторожностью подхватили пассажиров и через несколько минут поставили их на землю; в ту же минуту платки были с них сняты.

Первым, невольным движением они огляделись по сторонам.

Они очутились в обширной гостиной, роскошно и изящно меблированной.

Капитан стоял перед ними и улыбался, позади его толпились несколько человек, вероятно из тех, кто нес их на руках. По знаку своего предводителя они тотчас вышли.

— Добро пожаловать, — произнес капитан вежливо. — Надеюсь, что радушное гостеприимство, которое вы найдете в нашем доме, заставит вас забыть те мелочные предосторожности, которые принимаются мной по крайней необходимости.

Приезжие молча поклонились.

— Не думаю, что надо повторять, что вы у меня дорогие гости и я прошу вас чувствовать себя как дома. Но чтобы не задержать вас и лишней минуты на месте, которое, по всей вероятности, вам желательно как можно скорее оставить, я сию же минуту предлагаю вам свои услуги. Не угодно ли вам начать? — спросил он, обращаясь к молодому французу.

Подняв при этих словах портьеру, он отворил дверь, пропустил своего гостя вперед, и сам последовал за ним. Дверь затворилась, занавесь опустилась.

Двое приезжих, оставшись наедине, угрюмо посмотрели друг на друга; потом француз стал расхаживать взад и вперед по гостиной и погрузился в глубокое раздумье, а американец тяжело опустился на диван и отдувался, тяжело дыша. Оба в нетерпении ожидали, когда настанет их очередь.

Том Митчелл затворил за собой дверь, опустил двойную портьеру, остановился и, смотря прямо в глаза молодому французу, сказал:

— Извините, но прежде всего я прошу вас разрешить мое недоумение, которое мучает меня с первой минуты вашего появления.

— Ну, мне очень приятно видеть, — сказал француз, смеясь, — что у вас действительно хорошая память, как вы уверяли. А между тем мы давненько не виделись с вами.

— Так я не ошибся, это вы!

— Да, мсье Мальяр, это я, капитан Пьер Дюран, тот самый, который...

— Который спас жизнь мне и моему отцу, — перебил атаман разбойников, подавая правую руку, которую капитан дружески пожал. — В то время как все было нам враждебно, вы один, не раздумывая о страшной опасности, грозившей вам, поскольку знали...

— Да, я знал, что ваш отец председательствовал за час перед тем в роковом трибунале, собравшемся в аббатстве; я

знал, какая ненависть против вас скрывается во мраке, и когда на вас двоих напали врасплох несколько человек, имевших, может быть, право мстить вам за смерть своих близких, я не задумываясь нырнул в мрачные и зловещие волны Сены, чтобы вынести вас умирающих на берег.

— Вы сделали еще больше: вы укрыли нас, вылечили и окончательно перевезли в Америку.

— Правда, все это было сделано мною, — ответил Пьер Дюран добродушно, — но ваш отец спас моего отца во время революционной бури, а я только уплатил долг.

— С лихвой, как человек с благородным сердцем. Позвольте же мне повторить сегодня то, что я сказал вам в ту минуту, когда мы расставались с вами на нью-йоркской пристани. Тогда я был очень молод — мне только что минуло шестнадцать лет, — но я ничего не забыл; я сказал вам тогда: что бы ни случилось, моя жизнь, состояние и честь принадлежат вам; сказать короче, по одному вашему знаку я с радостью пожертвую всем. Говорите же теперь, мой друг и спаситель, я готов!

— Благодарю и принимаю, — звучно отчеканил капитан Дюран, — я знал, что вы так поступите, и потому прямо явился к вам.

— Говорите, я вас слушаю.

— Прежде всего, где ваш отец?

— Он живет среди индейцев, которые дали ему гражданство в своем племени. Он порвал всякие отношения с цивилизованным миром, до него не доходит никаких слухов.

— Счастлив ли он?

— Кажется; мой отец — человек с убеждениями. Его недостатки или преступления — или как бы ни были названы его действия в эпоху общего хаоса, когда все страсти были в брожении, когда всякая вражда и ненависть были доведены до крайности — не возбуждают в нем ни сожаления, ни раскаяния. Он убежден, что выполнил свой долг без страха и упрека.

— Я не могу да и не желаю быть его судьей; я, как и все люди, также подвержен слабостям и недостаткам. Одному Богу принадлежит суд в назначенный для каждого час. Он воздаст каждому по делам его, и тогда произнесется суд над вашим отцом, как и над другими низвергнутыми титанами той эпохи. Но мне надо видеть его. Как вы думаете, примет ли он меня?

— Вне всякого сомнения... Однако я поспешу предупредить его.

— Большого мне не надо.

— Через час к отцу будет отправлен нарочный, а завтра вечером или послезавтра утром, не позже, мы получим ответ.

— Благодарю. Получали ли вы письма за подписью: *Друг несчастных дней*?

— Получал; и этот неизвестный друг...

— Я.

— Почему вы в первую же минуту не дали о себе знать?

— Не мог.

— И все это истина, о чем говорилось в письмах?

— К несчастью.

— Недостойное, гнусное дело!

— Увы! Надеюсь на вас и на вашего отца, чтобы правосудие свершилось.

— Положитесь на меня; я видел вашего друга и полюбил его, хотя он, может быть, и не питает ко мне такого чувства, — ответил капитан с натянутой улыбкой.

— Весной замерзает, а на летнем солнышке тает.

— Но что может сделать мой отец в этом деле?

— Все и ничего; это зависит от него.

— В таком случае успокойтесь, все будет сделано.

— Надеюсь.

— Не надо ли вам еще чего передать мне?

— Да. Вы понимаете, любезный друг, что потребовались очень важные причины для того, чтобы я оставил в Нью-Йорке свой корабль на своего помощника, чтобы я, закаленный моряк, ненавидящий прежде всего сушу, совершил такое продолжительное путешествие по дремучим дебрям Америки?

— Понятно. И каковы эти причины?

— Вот они: самый неумолимый и свирепый враг моего друга находится здесь.

— Здесь?

— Да, здесь, на вашем острове, в вашей гостиной, рядом с нами.

— Вы уверены в истинности ваших слов?

— Вот уже пять лет как я преследую его шаг за шагом, наблюдая за всеми его действиями и попытками, хотя он и не подозревает об этом.

— Так он никогда вас не видел?

— Напротив, очень часто, — ответил Дюран, смеясь, — только никогда не видел в настоящем виде.

— Ага! Понимаю.

— Я сам перевез его в Америку; мы с ним лучшие друзья в мире. Он даже пробовал подкупить меня.

— Вот как!

— Клянусь честью! Да, я сдался ему, так что теперь я его преданнейший слуга, и он рассчитывают на мое содействие, чтобы покончить с известным человеком.

— Нечего сказать, он мастер выбирать себе соумышленников.

— Не правда ли?

Молодые люди расхохотались.

— Так вы вместе из Нью-Йорка пожаловали ко мне?

— Как можно! Мы встретились с ним в форте два дня назад, а так как я теперь нахожусь в своем настоящем виде, то он и не узнал меня, несмотря на все лукавство — надо отдать ему справедливость, это демон хитрости.

— Какая же тут беда? Дело очень просто: этот человек находится у нас на острове, и не надо, чтобы он уходил отсюда; он улетучится — вот и вся штука.

— Нет! Напротив, мы ни в коем случае не должны браться за эту роль: он как угорь проскользнет между пальцами.

— Ну, я этого не думаю, — возразил атаман со зловещей улыбкой, которую капитан Дюран тотчас понял.

— На это всегда будет время, — сказал он, — сначала надо выведать все его планы, обличить его. Это будет тем удобнее сделать, что все преимущества в этом деле на нашей стороне: мы знаем его, а он нас нет.

— Я-то давненько его знаю и готовлю ему сюрприз; только не мешайте мне.

— Но будьте осторожны, одно слово может погубить нас.

— Вся моя жизнь не есть ли борьба с хитростью, окружающей меня?

— Правда. В таком случае я даю вам все полномочия.

— Кстати, вы должны знать, что в моих владениях вы можете быть свободны, как воздух и самовластный хозяин, — заметил Митчелл с улыбкой, потом взял цветок из вазы и прибавил: — Заткните его в петлицу. Это талисман, который откроет вам все двери... Теперь надо заняться вашими спутниками. Прошу за мной.

Он отворил двери с противоположной стороны и, пройдя через несколько комнат, впустил Дюрана в прекрасную залу, выходящую в обширный сад.

— Вот ваши покои; гуляйте, распоряжайтесь здесь как хотите. В конце сада вы увидите калитку, которая выведет вас в открытое поле. Мы обедаем в шесть часов. Если вы отправитесь погулять, то постарайтесь к этому времени вернуться. Стол будет накрыт в ваших покоях, и я буду ждать вас. До свидания!

С этими словами он еще раз пожал капитану Дюрану руку и ушел, предоставив ему полную свободу пораздумать.

Вернувшись в кабинет, Том Митчелл, или Мальяр, если так приятнее будет называть его читателю, сел за стол, написал несколько строк, торопливо запечатал печатью на большом перстне, который всегда носил на мизинце правой руки, и ударил в гонг¹.

В ту же минуту явился Камот. Атаман отдал ему письмо.

— Пошли с нарочным к моему отцу. Да пускай не жалеет лошади; падет — не беда, дело спешное, я срочно жду ответа.

— Через пять минут будет отправлено, — ответил Камот.

— Кстати, мимоходом впусти ко мне толстяка-американца, который ждет в гостиной.

Камот кивнул головой, вышел, и почти в ту же минуту в дверях появился американец, пыхтя и отдуваясь, как кашалот, и красный, как рак; двери за ним тотчас затворились.

Капитан молча указал ему на стул.

Толстяк, садясь, проворчал:

— Странное дело, что такого человека, как я...

— Извините меня, — перебил его капитан холодно, — не я, а вы нуждаетесь в моих услугах; вы желали видеть меня и потому пожаловали с другими товарищами. У каждого из вас были, вероятно, важные причины для совершения такого действия, которое, по правде сказать, совсем не лестно для моей чести. По вашей же просьбе я должен каждого выслушать отдельно; теперь настала ваша очередь. Не угодно ли вам объясниться?

Резко и холодно отчеканенная речь с оттенком насмешки уладила, как бы по волшебству, лютый гнев толстяка — или, может быть, он сумел ловко притвориться. Несколько

---

¹ Металлический бубен. — *Примеч. перев.*

секунд он отирал платком капли пота, струившиеся по его лицу, и откашливался, чтобы прочистить горло.

— Виноват, сознаюсь, виноват, — пробормотал он наконец.

— Прошу вас приступить скорее к делу, чтобы не заставить ждать другого господина.

— Вы знаете меня, конечно? — начал американец.

— Давно знаю.

— У меня есть племянник, сын брата моей жены — уж на что, кажется, близкое родство...

— Продолжайте.

— Мой племянник прелестный юноша во всех отношениях, но, к несчастью, сошел с ума, совсем обезумел.

— Я не понимаю, чем я-то могу помочь в его болезни? — заметил капитан с улыбкой.

— Позвольте, я, может быть, преувеличил, назвав племянника сумасшедшим; это не помешательство, а просто какая-то мания. Этот очаровательный, как я имел честь докладывать вам, юноша влюблен...

— Это очень даже прилично в его лета, и я, право, не понимаю, что тут такого...

— Извините, извините, — перебил его толстяк, — он влюблен в молодую девочку, совсем ему не подходящую ни в каких отношениях.

— Этоголичное мнение?

— Нет, не его, а мое; мнение человека положительного, принимающего в нем искреннее участие и который по смерти его отца был бы его опекуном, если бы он не достиг уже совершеннолетия. Представьте же себе, что мы с женой устроили для него самую лучшую партию с молодой девушкой... да что уж скрывать! — с моей родной племянницей.

— А он не захотел?

— Нет. Теперь вы меня понимаете?

— Абсолютно. Но одного я в толк не возьму: я-то тут при чем?

— А вот я вам растолкую.

— Поторопитесь сделать мне это одолжение.

— Слушайте же. Отказавшись наотрез от партии, заключавшей в себе все условия счастья — богатство, молодость и общественное положение, — как вы думаете, что закрутил мой негодяй?.. Извините, что я так называю своего любимого племянника... В одно прекрасное утро, не сказав никому

ни слова, он бросил все дела на попечение компаньона и отправился по следам этой ничтожной девчонки, у которой ни копейки за душой; ее родители поселились по соседству с индейцами.

— Неужели?! — воскликнул капитан, нахмутив брови с удивленным любопытством.

— Вот именно, — подтвердил толстяк, ничего не замечавший, кроме своей беды. — Из этого выходит, что мой племянник бродяжничает в этих краях, высматривает свою красавицу, а между тем забросил все дела и губит свое будущее ради какой-то глупой девочки, на которой никогда не женится.

— А вы почему так думаете?

— По крайней мере, я со своей стороны ничего не пожелаю, чтобы помешать ему. Меня заверили, что только вы можете задержать этого бродягу. У меня есть некоторый должок за его отцом... но не стоит об этом... Задержите этого юношу и доставьте его ко мне в Бостон, и я мигом отсчитаю вам тысячу фунтов — да, капитан, тысячу фунтов!

С этими словами он вынул из кармана огромный бумажник и открыл его.

Капитан остановил его движением руки и сказал:

— Не торопитесь, пожалуйста, вы забыли сказать мне имя вашего обожаемого племянника.

— Джордж Клинтон, совсем юноша и такой красавец!

— Я знаю его, — заметил капитан холодно.

— Так вы уже знаете его, следовательно, вы возвратите его мне?

— Может быть, но надо хорошенько подумать. Это дело совсем не так просто, как вы думаете. Джордж Клинтон не одинок; он приобрел здесь могущественных друзей. Но виноват; я прикажу доставить вас в форт; через два или три дня вы получите мой ответ.

— Но у меня деньги с собой.

— Поберегите их пока у себя, — ответил Том Митчелл и опять ударил в гонг.

Вошел Камот.

— Но... — хотел было возразить американец.

— Ни слова, пока не получите моего ответа. Прощайте; идите за этим человеком.

Толстяк ушел, как и пришел, ворча, пыхтя, отдуваясь и обливаясь потом.

— Теперь очередь за последним, — прошептал капитан, — посмотрим, что ему надо.

Он отворил дверь и с легким поклоном и любезной улыбкой сказал пожилому французу, расхаживавшему по гостиной:

— Господин Эбрар, не угодно ли?

Француз посмотрел на него с удивлением, но по вторичному приглашению хозяина отважно вошел в его кабинет.

ГЛАВА XVIII

Один крайне скучный разговор между заслуженными мошенниками

аступила долгая минута молчания, пока два человека рассматривали друг друга, как два искусных бойца, готовые вступить в битву. Лица у обоих были точно мрамор.

По безмолвному приглашению разбойника посетитель сел и решился наконец вступить в разговор со странным хозяином.

— Вы назвали меня именем...

— Вашим или которое было вашим, — ответил атаман с холодной любезностью.

— Очень может быть. Путешествуя по чужим краям, часто случается сохранять инкогнито по причинам вполне основательным.

— Но вообще инкогнито обманывает только недалководных и простодушных. Я помню некоего графа Маса д'Азира, знатного дворянина в Лангедоке, который тоже имел эту невинную страсть.

Посетитель чуть заметно вздрогнул; в глазах его сверкнула молния.

— Но что же из этого вышло? — продолжал Том Митчелл с невозмутимым хладнокровием. — Его аристократические манеры так выдавали его, что, несмотря ни на какие самые престонародные имена, которыми он себя прозывал, не проходило и четверти часа, как необходимость заставляла его отказываться от инкогнито, насквозь фальшивого.

— Не могу понять цели этого намека.

— Я не позволю себе ни малейшего намека, Боже меня сохрани! Да и какое мне дело до того, называется ли вы Эбраром, графом Масом д'Азиром, Филиппом де Салиамом

или Жаном Феру, или еще другим именем, каким вам угодно назвать себя? В вашей личности я вижу только человека, которого так хорошо рекомендуют, который нуждается во мне, к услугам которого я готов, если только смогу служить ему, — и ничего более. Теперь я попрошу вас объяснить мне, в чем мое содействие может быть вам полезно.

— С удовольствием вижу, что у вас тонкий, развитый и очаровательный ум, — ответил посетитель с улыбкой, — что вы именно такой человек, каким мне вас представляли.

— Тысячу раз благодарю вас, но это совершенно не объясняет мне...

— Что я за человек? — перебил его француз с притворным добродушием. — Но вы сами хорошо это знаете, потому что только сейчас перечислили по порядку все имена, какими я по необходимости называл себя...

— Стало быть, я был прав, когда...

— Абсолютно, — перебил француз поспешно, — и я вполне оправдываю вас; но во всем этом только одно обстоятельство тревожит меня — должен вам сознаться.

— Не будет ли с моей стороны нескромностью спросить вас, какого рода это обстоятельство?

— Нимало; напротив, мне будет приятно знать, на что я могу рассчитывать.

— Если только это зависит от меня...

— Целиком и полностью от вас. Я считаю, что у меня хорошая память, меня считают за хорошего физиономиста, а между тем я не помню, чтобы где-нибудь встречал вас.

Атаман разбойников расхохотался.

— Это только доказывает, что я лучше вас умею сохранить свое инкогнито, когда обстоятельство принуждает меня к тому.

— Что же это значит?

— А то, что мы не только виделись с вами, но и поддерживали довольно близкие отношения в ту эпоху...

— Давно прошедшую, вероятно?

— Напротив, очень даже современную, хотя наше знакомство очень давнишнее.

— Я совсем теряюсь.

— А ведь все очень просто. Мы поддерживали с вами отношения в разные времена и под разными именами. Я назвал вам ваши имена, а вот мои: помните ли вы Луи Керчара, Франсуа Маньо, Поля Самбрена и Педро Лопеса?

— Очень хорошо помню.

— Все эти личности воплощаются в Томе Митчелле, вашем покорнейшем слуге, хотя, признаюсь, у него есть про запас еще много подобных имен, — сказал атаман с изящной, несколько иронической вежливостью.

— Сказать по чести, вы отлично исполняете вашу роль, и я ужасный дурак, что не узнал вас.

— Как можно...

— Ах, Боже мой! Гораздо лучше называть вещи своими именами. Мне много более непростительно, чем какому-либо новичку в деле, что я так попал впросак. После этого я заслуживаю, чтобы правительство, у которого я служу агентом, выгнало меня со службы за неспособность справляться со своими обязанностями, тогда как оно осыпает меня незаслуженными милостями, как человека, славящегося тонкостью своего ума. Но что делать! Надо сознаться, что я нашел наконец своего учителя. Вот вам моя рука, — продолжал он, подавая капитану руку. — Не будем поминать старое.

— Мне хотелось только доказать вам...

— Что я глупец, и вы имели полный успех, — перебил француз с добродушным смехом. — Впрочем, хоть это и могло бы уколоть мое самолюбие, однако я в восторге, что так вышло. Преграда разбита между нами, и теперь, надеюсь, мы хорошо пойдем друг друга, тем более, что дела, приведшие меня к вам, совершенно в том же роде, как и первые, потребовавшие наших тесных отношений.

— В таком случае нам действительно легко будет понять друг друга.

— Не правда ли? Вот вам все дело в двух словах: революция во Франции окончилась под мощной рукой гениального человека, который силой своих способностей и патриотизма возвысился до вершин власти. Правительство опять входит в силу. Общество вздохнуло свободно, и французская нация снова заняла почетное место среди других народов, ниже которых она стоять не должна никогда. Кроме того, она имеет полное доверие к гению, который каждый свой шаг знаменует победой; она добровольно отдалась ему.

— Вероятно, вы изволите говорить о генерале Бонапарте.

— Конечно, о нем. Этот великий человек своей мощной рукой заставил якобинцев и монтаньяров скрыться во мраке и навеки сковал гидру революции... Так и до диких прерий донеслась слава нашего героя, и вы тоже слышали о нем?

— Разумеется.

— И прекрасно. Этот великий человек, такой же глубокий политик, как и искусный полководец, последовал, только с легким изменением, предначертаниям национального гнусной памяти конвента по отношению к испанским колониям.

— Вы очень жестоки к побежденному неприятелю, который, однако, как вы сами должны согласиться, если и делал ошибки и даже преступления, однако совершал и великие дела, а главное, подал сигнал к великому общественному возрождению.

— Я не стану спорить с вами на эту тему, мое убеждение непоколебимо.

— Очень хорошо; вернемся к генералу Бонапарту. Соблаговолите же объяснить мне его новые планы относительно испанских владений в Америке.

— Эти планы не новость, но несколько изменены.

— А в чем состоят эти изменения?

— Они относятся к двум главным пунктам: во-первых, к сердечному союзу с президентом Соединенных Штатов, который искренно разделяет мысли французского правительства, понимая все значение их в близком будущем, и во-вторых, относительно широкой власти, даваемой в руки надежных и многочисленных агентов, уполномоченных правительством, но пока не явных, по причине франко-испанского союза; наконец, значительные фонды, предлагаемые в распоряжение этих агентов, для того, чтобы они сами могли опрокинуть Китайскую стену, которой испанское правительство обнесло границы своих владений, так что никто не может переступить через них, не лишившись при этом жизни.

— Как вам известно, я много раз переступал их и, как видите, все еще жив и здоров.

— Вот по этой-то причине я и желаю сойтись с вами.

-- Ха-ха-ха! — расхохотался Том Митчелл. — Следовательно, несмотря на ваши отрицания, вы, однако, открыли мое инкогнито, как и я ваше?

— Да, признаюсь. Я давно уже знал, что вы человек с головой и сердцем; кроме того, мне известно, что по причине ваших многочисленных связей никто лучше вас не сумеет помочь нам, чтобы поднять революцию в колониях; вот почему я нарочно приехал сюда для свидания с вами. Впрочем, по всему я заключаю, что вы француз.

— Вы ошибаетесь, я не принадлежу ни к какой национальности, все мне враждебно либо безразлично.

— Но что же вы за человек?

— Только разбойник и больше ничего, — ответил капитан сухо.

— Да будет по-вашему! Слушайте же: именно такого человека я и ищу. Для выполнения моих планов или моих соображений мне нужен человек, который бы не был связан никакими узами, никакими общественными условиями — словом, мне нужен разбойник. Хотите ли вы быть этим человеком?

— Прежде я должен знать, какого рода ваши предложения, а там я подумаю и скажу, удобно ли мне принять их.

— Хорошо. Если вы согласитесь, то мы оставим в стороне дипломатию и будем вести открытую игру.

Разбойник съехался, словно настороженный тигр, и ответил многозначительной улыбкой:

— Я только что хотел предложить вам то же самое.

— Очень хорошо. Это доказывает только, что мы с вами отлично понимаем друг друга, чему я в свою очередь очень рад.

Капитан поклонился, но ничего не ответил.

— Испанские колонии, — продолжал посетитель, — уже испытали, сами того не подозревая, влияние революционных идей, которые за несколько лет несколько раз были посеяны на их границах. Несколько самоотверженных и предприимчивых людей, в числе которых я считаю и вас, не устали проникнуть в города и деревни Мексики и завязать тесные отношения с некоторыми усердными патриотами этой страны, к сожалению так плохо подготовленной для революции возрождения, дух которой мы стараемся разбудить в них. В числе этих патриотов есть один человек, который имеет громадное влияние на окружающие его индейские племена. Вы знаете этого человека, потому что я несколько раз давал вам поручения к нему, которые и были вами выполнены на славу.

— Вот как! Речь идет об аббате в Долоресе, Идальго.

— Да, о нем. Это единственный человек, на которого мы можем положиться. Нам необходимо привязать его к себе положительными узами, так, чтобы в любую минуту он был готов поднять знамя революции против испанского правительства, увлечь за собой народ и ниспровергнуть тиранов, так долго угнетавших эту несчастную страну...

— Все это очень хорошо, только до Долореса-то очень далеко; дорога усеяна засадами и всякого рода опасностями. Сомневаюсь, чтобы самый отважный агент успел добраться до Долореса, местопребывания аббата Идальго. Было бы гораздо лучше, если только вы позволите мне выразить смиренное мнение в столь важном вопросе...

— Говорите, пожалуйста, говорите!

— Всего лучше отправить бриг или любое легкое судно в Тихий океан; это судно пойдет около мексиканских берегов, и, улучив удобную минуту, можно будет высадить агента на берег как можно ближе к желаемой цели.

— Да, вы совершенно правы; это средство было уже раз испробовано.

— Тогда за чем же дело стало?

— Дело в том, что данная идея была выдана властям неким изменником, и теперь испанское правительство принимает меры предосторожности, так что подобное средство непременно потерпит неудачу.

— Вы так думаете?

— Я думаю, что всего лучше следовать тем предначертаниям, которые я уже объяснил вам.

— Гм! — произнес разбойник и замолчал.

Молчание длилось несколько минут.

Настоящая цель этой беседы, и без того продолжительной, еще не была затронута; капитан догадывался об этом и держался настороже. Господин Эббар тоже интуитивно отдалял минуту настоящего объяснения.

Однако всему на свете бывает конец; собеседники вполне это понимали.

Капитан первым решил поднести огня к пороху — а что делать? — хотя бы пришлось взлететь на воздух вместе с ним.

— Следовательно, надо выбирать сухопутную дорогу?

— Таковое мое убеждение.

— Так, по-вашему убеждению, необходимо пробраться в Долорес, и, исполняя ваше желание, я должен принять на себя обязанность выполнить такое трудное поручение?

— Другого человека у нас нет.

— Каковы ваши условия?

— Сто тысяч франков на дорожные расходы.

— Бумагами? — спросил капитан с насмешкой.

— Чистым золотом с портретами его королевского величества, короля испанского.

— Неплохо!

— Кроме того, сто тысяч франков для ведения переговоров.

— Этого мало.

— На первый случай можно прибавить пятьдесят тысяч франков.

— Уже лучше, но к чему это добавление «на первый случай»?

— Потому что ваше поручение разделяется на две отдельные части.

— Вот как! Рассмотрим же скорее первую, а потом перейдем ко второй.

— Сто тысяч франков по возвращении за доставленные депеши.

— Вот это еще лучше. Итак, что далее?

— Триста пятьдесят тысяч франков за первую половину вашей миссии.

— Очень хорошо. Конечно, все золотом?

— Разумеется. Вы согласны?

— А вот увидим, какого рода вторая половина, тогда можно и ответ дать.

— Воля ваша.

Дипломат замолчал, что-то обдумывая.

Том Митчелл незаметно изучал его, догадываясь, что настала минута настоящего дела и что ему надо крепко держаться против такого ловкого противника.

— Гм! — произнес Эбрар. — Триста пятьдесят тысяч франков — кругленькая цифра!

— За первую половину миссии достаточно, и в этом я с вами согласен. Задача-то очень трудная, но кто не любит рисковать, тот не может и выигрывать. Приступим ко второй половине; прошу вас, не медлите.

Дипломат принял вид добродушия, на который поддался бы всякий другой, только не хитрый атаман; он чувствовал опасность и держался настороже.

— Испанцы, как я уже объяснял вам, приняли теперь все меры предосторожности и с крайним вниманием наблюдают за своими колониями; никто не может ни войти туда, ни оттуда выйти.

— Вот как! Согласитесь, однако, что в ваших объяснениях мало утешительного для меня, — заметил атаман, расхохотавшись.

— Позвольте, я говорю откровенно; ведь мы ведем открытую игру, и я ни в коем случае не желаю скрывать от вас предстоящие опасности и делаю общий обзор в уверенности, что именно вы преодолеете все преграды.

Все это было видимым пустословием; очевидно, Эббар искал какой-нибудь связи для того, чтобы выразить наконец свою мысль.

Атаман улыбнулся и не прерывал его.

— К несчастью, — продолжал дипломат, доведенный до крайности, — не вся опасность заключена по ту сторону границы; и на этой стороне существует опасность не менее грозная.

Он поднял голову в самодовольном убеждении, что наконец нашел эту счастливую комбинацию.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул атаман.

— Постараюсь объяснить.

— Сделайте одолжение.

— Испанцы не глупее нас.

— Я никогда и не сомневался в этом, — ответил Митчелл с улыбкой.

— Они устроили контрмину.

— Контрмину? Как же это?

— А вот увидите. Они не долго ломали голову над этим и поспешили напичкать шпионами все пограничные владения Америки.

— Смотри, пожалуйста! Как ловко!

— Очень ловко, — ответил дипломат, явно чувствуя себя не в своей тарелке, — но на их несчастье все подробности их системы шпионства попались к нам в руки.

— Ну вот еще!

— Да и кроме того, мы знаем главного руководителя их шпионской сети.

— Ого! Дело становится серьезным.

— Не правда ли?

— Клянусь честью! И вы говорите, что вам известен даже руководитель?

— Вполне известен. Это негодяй, очень ловкий и хитрый, как лисица — в этом надо отдать ему справедливость; но, к счастью, мы овладели всеми его секретами.

— Важная вещь! И теперь, по всей вероятности, вы желали бы овладеть его персоной?

— Вот именно. Вы понимаете всю важность этого заключения прежде вашего вступления в Мексику.

— Еще бы! Это само собой разумеется; однако довольно трудно напасть на след подобного бездельника в прериях, где подобных людей кишмя кишит и где, кроме того, так легко спрятаться от преследования.

— О! Это не должно вас беспокоить. Я могу сообщить вам необходимые сведения о нем и о тех местах, где он скрывается.

— Вот и прекрасно! Значит, только приди да возьми?

— Именно так.

— Хорошо. За такого пленника, вероятно, будет плата?

— Очень дорогая.

— Ага! Видно, вам очень понадобилось захватить его в свои руки?

— Живого или мертвого — нам все равно; а чтобы развязать вам руки, добавлю: скорее мертвого, чем живого.

— Прекрасно! Видно, он очень вам насолил?

— Чрезвычайно.

— А какая плата за опасного пленника?

— За живого — двадцать пять тысяч франков.

— А за мертвого?

— Пятьдесят тысяч.

— Видимо, мертвого вам приятнее видеть, чем живого.

— Вот именно.

— Хорошо. Теперь остается только узнать имя этого человека и место, где можно его найти.

— Он француз.

— Как! Француз?

— Увы, француз! Он назвался именем Оливье. По наружности он лесной охотник — или как его там еще назвать? Для большей безопасности он присоединился к индейскому племени и в настоящее время часто посещает пустынные места в верховьях Миссури.

— Однако он забрался очень далеко от мексиканских границ.

— Это правда, но в интересах его безопасности это необходимо.

— Довольно; я все понял.

— Согласны ли вы?

— Клянусь честью, даже не раздумывая... но с условием.

— Какого рода условие?

— Я передам его в ваши руки только мертвого.

— Не беда, только бы он оказался в наших руках.

— Решено. Как вы говорили, четыреста тысяч франков; половина выдается вместо задатка.

— За этим дело не станет; вся сумма в моих чемоданах. Сегодня же вечером я рассчитаюсь с вами.

— Очень хорошо... Но вы не торопитесь?

— Нисколько.

— Я почти знаю, где находится этот человек. Признаюсь вам, я даже не догадывался о той гнусной роли, которую он взял на себя; я чувствую к нему какое-то отвращение. Мы с ним уже встречались случайно несколько раз.

— Неужели?

— Известное дело, в прериях все люди поневоле перезнакомятся между собой. Но я боюсь, как бы недопустить ошибки в таком важном деле, и потому желаю, чтобы вы сами присутствовали при том, когда мы захватим его в свои руки. Притом, по правилам именно так и следует поступать.

— Гм! Опять странствовать по прериям. Я и так устал, — возразил дипломат, явно смущенный.

— Об этом не беспокойтесь; оставайтесь здесь отдыхать, а я даю слово доставить его вам живым. Но вы понимаете, что я не желаю ошибиться в таком деле.

— Хорошо, я согласен. Когда же вы вручите его мне?

— Не пройдет и недели, как он будет ваш.

— Можно надеяться на ваше слово?

— Клянусь честью, что в указанное время вы будете с ним лицом к лицу.

— Решено; заранее благодарю.

— Не за что, — ответил атаман с насмешливой улыбкой, к счастью незамеченной его собеседником.

ГЛАВА XIX

Том Митчелл является в необыкновенном виде

Вечером того же дня, около половины десятого, атаман сидел напротив капитана Пьера Дюрана за столом, уставленном блюдами, тарелками и пустыми бутылками, доказывавшими аппетит собеседников и их мощное нападение на предложенные яства для утоления голода.

Оба курили отличные сигары, прихлебывая, как истые гастрономы, горячий кофе из японских чашек; перед ними

было расставлено несколько бутылок с отборнейшими ликерами.

Они достигли того предела, который так высоко и справедливо ценится всеми первоклассными знатоками по желудочной части: когда дух на лету и мозг на раздолье от питательных соков и благородных возлияний витают в области чарующей мечты как ни попало, но с упоительным наслаждением.

Прошло около четверти часа, а собственники все молчали, не обмолвившись ни единым словом.

Наконец атаман первым прервал молчание:

— Итак, любезный капитан, вам уже известно, что через полчаса я вам изменю: мне придется встать из-за стола и отправиться по своим делам.

— И верить не хочу, — отвечал тот рассеянно.

— Однако это непреложная истина, к моему крайнему сожалению; но, вероятно, вы знаете лучше всякого другого, что дело превышает безделья.

— Конечно; но я не имею намерения мешать вам в деле.

— Так о чем же тогда вы говорите?

— А о том, что вы не измените мне и не расстанетесь со мной.

— Но, как мне кажется...

— Вы ошибаетесь.

— Однако, если я уезжаю отсюда...

— Так что же? Вы уезжаете, а я с вами — понятно ли?

— Но скакать ночью сломя голову...

— Ночью или днем, какая разница! Я моряк; как не передвигайся, мне все равно, только бы двигаться. Кроме того, мы с вами старые знакомые — не так ли? Ведь я знаю, какого рода коммерцией вы занимаетесь, следовательно, меня ничем удивить нельзя. Признаюсь вам, я страшно скучаю здесь, не зная, за какое дело взяться; кроме того, мне будет очень приятно посмотреть, каким образом совершаются флибустьерские экспедиции.

Все это было сказано с такой добродушной шутливостью, что обижаться было никак нельзя. Атаман улыбнулся.

— Только ваше предвидение обманет вас на этот раз.

— Каким образом?

— Я отправляюсь не похищать, а возвращать.

— Вы?

— Да. Один раз -- не вечный указ.

— Правда, но этот раз, по-моему, еще забавнее, и вы возбуждаете во мне неумеренное желание присутствовать при таком благочестивом деянии.

— Но...

— Нет, пожалуйста, без «но». Помните, что я бретонец, следовательно, упрям за трех ослов. Раз я что забрал себе в голову, так уж нипочем не отстану, если только вы не откажете мне наотрез, сказав, что мое желание вам неприятно.

— Мне и в голову этого не приходило.

— Так за чем же дело стало? Вы согласны принять меня спутником?

— Делать нечего. Как прикажете сопротивляться такому упрямцу?

— Что за очаровательный человек! Итак, решено, я ни на шаг от вас.

— Только с одним условием.

— Посмотрим, что за условие?

— Воспользуйтесь оставшимися минутами, чтобы загримироваться и совершенно преобразиться — так, чтобы никто не мог вас узнать.

— К чему это условие в такой глуши, где никто кроме вас меня не знает?

— А уж это мой секрет. Согласны вы или нет?

— Еще бы!

— Ну, вон там вы найдете все необходимое.

— Благодарю, — сказал капитан, вставая.

— Еще одно.

— Как! И второе условие?

— Да.

— Ну, продолжайте, я не пропущу ни одного слова, — ответил капитан с удивительным хладнокровием и, не теряя ни минуты, принялся за свое преобразование.

— На случай, если судьба сведет вас со знакомыми, вы должны сохранять свое инкогнито даже и тогда, если бы среди них увидели вашего любезного друга, за которым и погнались сюда.

Капитан, окрасивший себе брови черной, как смола, краской, принялся было и за бороду, но при последних словах отшатнулся.

— Как! И он там будет? — спросил он с волнением.

— Я не говорю, что это будет наверняка; вероятнее даже, что его не будет, но я хочу сам руководить этим делом.

— Гм!

— Что же, вы согласны?

— Скажу по-вашему: делать нечего.

— Даете слово?

— Клянусь честью, я верю вам.

— Благодарю и не обману вашего доверия... Поторопитесь, я жду вас.

— Еще несколько минут, и все кончено.

Переделав свое лицо, так что оно сделалось неузнаваемым, капитан снял свою одежду и надел другую, которая придала ему вид колониста на мексиканских границах.

— На каких языках вы говорите?

— Почти на всех с одинаковой беглостью, как на французском, особенно же по-английски и по-испански.

— Очень хорошо. Во время нашей экспедиции вас будут звать дон Хосе Ромеро.

— Дон Хосе Ромеро — не забуду.

— Вы — капитан испанского флота и удалились в эти края вследствие несчастной дуэли.

— Прекрасно!

— Не забудьте прилично вооружиться. Рекомендую вам это оружие — отличная рапира. Захватите также длинный нож и спрячьте его в правый сапог. Верхом ездить умеете?

— Как кентавр.

— Вот и отлично! Не забудьте этих пистолетов и ружья.

— О! Да у вас тут настоящий арсенал.

— Действительно, но здесь нельзя иначе путешествовать.

— На войну, так на войну! Ну, вот я и готов.

— Покончили?

— Как вы находите меня?

— Невозможно узнать; любой обманется. Вы обладаете настоящим талантом! Преобразились во всем, даже голос иной.

— Да ведь это и есть главное. Теперь позвольте еще одно слово.

— Говорите.

— В чем состоит совершаемый нами возврат?

— Мы возвращаем молодую девушку, — ответил атаман, улыбаясь.

— Молодую девушку?

— Да, очаровательную девушку, которую я захватил несколько дней тому назад, но не мог устоять против ее тоски.

— Что это вы рассказываете? — спросил капитан насмешливо.

— Клянусь честью! С тех пор, как она в моих руках, я обращался с ней с глубочайшим уважением и окружал ее самым почтительным вниманием.

— Это доказывает, что у вас благородное сердце, с чем я от души поздравляю вас, — заметил молодой капитан с жаром, — но с какой же целью вы ее похитили?

— Боюсь, что цель мне не удалась... Но, любезный капитан, пользы не будет от пустых вопросов; скоро вы сами все узнаете. Присядьте-ка, девушка сама к нам придет.

— Сюда?

— Да, перед отъездом мне надо поговорить с ней.

— Сколько угодно.

Том Митчелл ударил в гонг. Явился Камот.

— Исполнены ли мои приказания?

— Так точно, капитан; за приезжим установлен надзор, которого он не может заметить.

— Где он?

— В своей комнате.

— Если завтра он захочет видеть меня, ты ответишь, как мы договорились.

— Слушаю, капитан.

— Что отряды?

— Уже с час как отправлены три отряда; я поеду с последним, когда взойдет луна.

— Завтра на рассвете, даже и раньше, если можно, ты должен вернуться.

— Будьте спокойны, капитан, я и сам не желаю, чтобы остров оставался без надежного присмотра, особенно в такую минуту.

— Гм! Разве произошло что-то новенькое?

— Ничего с виду, но много по существу.

— Говори, — сказал капитан, видя его нерешительность, — что случилось?

— Час тому назад я встретил Версанкора на берегу, вон там у рогатки. Вода с него текла, словно он только что вышел из ручья. Увидев меня, он смутился; короче говоря, он давал преглупые объяснения, которым не поверил бы и пятилетний ребенок.

Капитан на минуту задумался.

— Усиль надзор за ним; при первой улике я покончу счеты с ним по возвращении.

— Для большей безопасности он назначен в мой отряд, так что я глаз с него не спущу.

— Смотри, чтобы он не проскользнул между пальцами, как опоссум.

— Добро! Партии-то равные.

— Смотри сам. Прикажи оседлать вороного Атоля и Голиафа для меня и для этого господина, да и Мисс Лэр для пленницы — ведь она, кажется, смиренная?

— Как ягненок; настоящая дамская лошадка.

— Прикажи оседлать лошадей по-походному, со всей амуницией, заряженными пистолетами и арканом.

— Я так и думал. Уж если седлать Вороного и Голиафа, так, значит, езда предстоит не на шутку. Надолго ли уезжаете?

— Дня на три. До моего возвращения ты с острова ни ногой.

Камот покачал головой.

— И вы едете один?

— Говорят тебе: с этим господином.

— Надо бы еще взять Птичью Голову.

— Это зачем?

— Да не равен час, а два все-таки больше одного.

— Но мы вдвоем и поедem.

— Может быть, только тогда вы будете втроем; все лучше.

— Упрямец! Делай как знаешь.

— Благодарю покорно, капитан, — ответил Камот, весело улыбаясь.

— Но, главное, смотри, чтобы никто не проведал о моем отсутствии.

— Само собой разумеется.

— Ступай же и пришли сюда пленницу. Кстати, не говорил ли ты ей чего?

— Ничего, капитан; вам известно, что я не болтун.

— Правда; ступай же.

Камот поклонился и ушел.

— Видно, молодец не имеет ко мне доверия, — заметил Дюран, смеясь.

— Камот по своей верности и преданности — истая собака; но как и любая собака, он подозрителен и ревнив. За меня он пойдет на смерть.

— Я не помяну злом его недоверия. Впрочем, я люблю людей такой породы.

— Да, они драгоценны. Одна беда, иногда приходится чересчур покоряться их воле.

— Ну вот! Когда покоряет самоотвержение, жаловаться не на что.

Тут дверь отворилась, и в комнату вошла девушка.

Это была Анжела, или Вечерняя Роса, — предоставляем читателю называть ее как угодно.

Она поклонилась и остановилась, печальная, взволнованная, робко опустив глаза перед атаманом.

Мужчины встали и вежливым поклоном приветствовали ее.

— Милости просим садиться, — сказал ей атаман по-индейски, — вот стул для моей сестры.

— Вечерняя Роса невольница и не может сидеть перед своим господином, — ответила она мелодичным голосом, точно пташка пропела, но с ясным и твердым выражением лица.

Вечерняя Роса была восхитительная семнадцатилетняя красавица; в ее личности соединялись красное и белое племена, и казалось, превзошли себя, произведя совершенство красоты.

Ее стройный, гибкий, грациозно выгнутый стан имел волнообразное движение американок; ее длинные, черные, как вороново крыло, волосы ниспадали почти до крошечных ног, а когда они были распущены, то она была ими окутана, как покрывалом. Цвет ее лица имел золотистый оттенок дочерей солнца, большие голубые глаза были оттенены длиннейшими ресницами, алые губы с грациозным изгибом на концах и два ряда ослепительной белизны зубов придавали ее лицу выражение, которое можно видеть только на некоторых изображениях мадонн Тициана.

Капитан Дюран был ослеплен дивной красотой индианки; ему и в голову не приходило, что американское племя могло произвести на свет такое чудо красоты.

Выслушав ее ответ, атаман кротко улыбнулся.

— Вечерняя Роса не имеет здесь господина; у нее есть только друзья.

— Друзья! Могу ли я этому верить, — прошептала она в то время, как две алмазные капли задрожали на ее ресницах.

— Клянусь честью, я просил мою сестру прийти сюда за тем, чтобы выслушать мои извинения за похищение, жертвой которого она стала.

— Могу ли я верить вашим словам? — спросила она по-французски.

— Сомневаться значило бы незаслуженно оскорблять меня, — ответил атаман на том же языке. — Завтра же я возвращу вас вашим друзьям.

— О, благодарю вас! — воскликнула девушка рыдая, и, прежде чем он успел предвидеть, она упала перед ним на колени и, схватив его руку, покрыла ее поцелуями и слезами.

Том Митчелл поднял ее почтительно и опять усадил на стул.

— Так вы были здесь очень несчастны? — спросил он кротко.

— О, да! — ответила она прерывающимся от рыданий голосом.

— Однако я отдал самые строгие приказания относительно вас.

— Мне приятно засвидетельствовать перед вами, что со мной обращались самым почтительным образом и окружали меня нежнейшим вниманием, но я была в плену, вдали от тех, кого люблю и кого мое отсутствие повергло в жестокое отчаяние.

— Простите же меня и верьте, что я надеюсь скоро загладить свою вину. Повторяю вам, что завтра вы будете возвращены вашей семье.

— О, сделайте это, и я буду век любить вас, любить как друга, как брата!

— Постараюсь заслужить эти лестные названия, мисс Анжела. Так вы не проклинали меня?

— О! Нет, всеми силами души я благословляю вас, и поверьте, Бог наградит вас.

— Я и сам в том уверен. Бог внимает молитвам своих чистых ангелов.

Молодая девушка при столь неожиданном комплименте робко опустила голову.

Атаман улыбнулся в смущении и поспешил переменить тему разговора.

— А вы очень сильны, мисс Анжела?

— Почему вы обращаетесь ко мне с таким странным вопросом?

— Потому что нам надо совершить трудный переезд для того, чтобы попасть к вашим друзьям.

— Какая же тут может быть речь об усталости? Теперь я очень сильна, потому что вы внушили мне уверенность, что я скоро их увижу.

— Нам надо ехать всю ночь по прериям и по почти непроходимым дорогам.

Она весело всплеснула руками и с очаровательной и плутовской улыбкой воскликнула:

— В моих жилах течет индейская кровь; я дочь отважного охотника — канадца! Не бойтесь за меня. Я не похожа на городских дам, которые не умеют ни ходить, ни бегать. Попробуйте только, и вы сами убедитесь, на что я способна, чтобы скорее присоединиться к тем, кто теперь в отчаянии от моего долгого отсутствия.

— Хорошо, мисс Анжела, я вижу, что вы мужественная и благородная женщина. Пойдемте же, мы сейчас едем.

— Сию же минуту?

— Да.

— Подождите один миг; прошу вас, один только миг стойте...

— Что вы хотите делать?

— Поблагодарить Бога, тронувшего ваше сердце, и помолиться за вас.

— Я подожду, мисс, — ответил атаман почтительно.

Девушка сложила руки на груди и с вдохновенным видом подняла глаза к небу; видно было, что она усердно молилась; лицо ее сияло, глаза увлажнились слезами; вся она как бы преобразилась.

Увлеченные, укрощенные, они оба стояли с благоговением и обнажив головы; искреннее чувство смягчает самые закаленные, зачерствелые натуры.

Окончив короткую и благоговейную молитву, молодая девушка обратилась к ним с невыразимо сладостной улыбкой и ласково сказала своим чистым, музыкальным голосом:

— Едем, господа.

Господа, с этой минуты ее покорные рабы, послушно пошли за ней вслед.

Камот ожидал их; Птичья Голова держал лошадей в поводу.

Том Митчелл подвел Анжелу к приготовленной для нее лошадке и почтительно придержал ей стремя.

— Покорно прошу садиться, — сказал он вежливо.

Они поехали.

Атаман, сказав еще несколько слов Камоту, выехал вперед.

Через брод они переправились без всякой помехи; луна светила, как днем.

Вскоре всадники выехали на твердую землю.

— Теперь прошу вас, мисс Анжела, поместиться между мной и этим господином. Вот так. А ты, Птичья Голова, ступай позади, да смотри, не зевай. Вперед!

Четыре всадника поскакали во весь опор и вскоре исчезли в излучинах ущелья.

ГЛАВА XX

Том Митчелл признает, что нет лучшей затеи, чем быть честным человеком

то происходило в самой дикой и непроходимой местности, в невозделанной лесной глуши, утром, вскоре после восхода солнца.

Всадники в числе пяти человек переезжали узкий проход между двумя утесами, вечноснежные вершины которых полускрывались в густом тумане, поднявшемся над землей при солнечных лучах.

Всадники выезжали с прибрежных холмов на равнину, перерезанную на две части могучим потоком Миссури, скрывавшим свои мрачные воды под высокой травой, хлопчатником и ветлами.

Всадники медленно продвигались по булыжникам ущелья, высохшему руслу некогда могучего потока, исчезнувшего вследствие природных потрясений, столь часто слушающихся в этих краях.

Выехав из ущелья, они остановились и вздохнули свободнее.

Они справились с трудной задачей: вот уже три часа как они спотыкались на каждом шагу по изрытой булыжниками тропинке, на каждом шагу ускользавшей из-под ног их лошадей.

Из пяти всадников только один был индеец, все остальные были белые, в костюмах лесных охотников. Все они наши

старые знакомые: Джордж Клинтон, Оливье, Меткая Пуля, Верная Опора и Храбрец.

Теперь интересно узнать, каким образом эти пятеро очутились вместе в такую раннюю пору и так далеко — более чем за сто миль — от обычного места своей деятельности и каким образом Джордж Клинтон и Верная Опора сделались членами этого странного общества.

Читатель не замедлит это узнать.

— Послушайте, друзья, — сказал Верная Опора, — по моему мнению, хорошо будет, если мы здесь приостановимся.

— Останавливаться? Это для чего? — спросил Меткая Пуля с досадой.

— А по доброй сотне причин, одна другой лучше, — отвечал Верная Опора.

— Какая же первая? — спросил канадец сухо.

— А та, что если вы, вождь и я свыклись с этими окаянными дорогами, то совсем иное дело двое остальных спутников, что давненько вам следовало бы заметить.

Оливье и Джордж Клинтон хотели было защищаться.

— Нет, нет, — сказал Меткая Пуля простодушно, — я осел и сознаюсь в том. Довольно об этом, Верная Опора. Где нам лучше расположиться?

— Вот здесь — или там, если хотите.

Охотники остановились в лесу исполинских камедных деревьев, развели костер, около которого расположились кругом, после чего немедленно приступили к завтраку.

— По чести! — воскликнул весело Оливье. — Теперь охотно сознаюсь, что давно уже чувствовал потребность в отдыхе. Я чуть не падал от усталости.

— Да и я еле волочил ноги, — подтвердил Джордж Клинтон, потягиваясь на траве.

— Ну не прав ли я был? — прошептал Верная Опора.

— Ведь я уже обругал себя скотиной, и, кажется, достаточно, — проворчал Меткая Пуля.

— Совершенно достаточно.

Храбрец вызвался поработать поваром и задачу свою исполнил к всеобщему удовольствию.

Минуты через две приятели запустили свои зубы в куски отличной дичи, поджаренной на углях.

Затем были откупорены фляжки с вином, и все по очереди приложились к ним; добрые молодцы целую ночь пробира-

лись по невозможным дорогам — мудрено ли, что они чувствовали свирепый аппетит. Они ели и пили с таким увлечением, что скоро ничего не осталось.

Покончив с этим, они испустили глубокий вздох удовольствия; их аппетит был удовлетворен.

— Теперь не хотите ли побеседовать, — произнес Меткая Пуля, искоса поглядывая на товарищей.

— Чего лучше! — ответил Верная Опора весело. — Наелись, напились, трубки в зубы — и откровенная беседа с товарищами.

Каждый из них признал справедливость и удобство этого заявления; мигом из-за пояса были вынуты глиняные трубки с черешневым чубуком, набиты табаком и закурены; над их головами за клубились струйки синеватого дыма.

— Ну что же, Меткая Пуля, речь за вами, — проговорил Оливье весело.

— Господа и друзья мои, — начал Меткая Пуля, — сердце мое исполнено печали; невольно во мне возбуждается предчувствие, что этот человек обманывает нас.

Храбрец поднял голову и сказал своим гортанным голосом, сурово покачивая головой, как бы придавая больший вес своим словам:

— Я знаю бледнолицего вождя. У этого человека язык не раздвоен, слово его чистое золото. Меткая Пуля ошибается.

— Вождь, васли я слышу? — воскликнул молодой охотник с удивлением. — Как! Вы, принимающий такое участие...

— Храбрец вождь своего племени, — возразил краснокожий с жаром, — слова, сходящие с его языка, вытекают прямо из сердца. Не храбр тот воин, кто презирает своих противников; тогда он сам подвергает себя опасности нареkania, что он победитель только низких трусов. Белый Медведь, бледнолицый вождь, свиреп, жесток и хищен, но прежде всего он честен и справедлив. Что им сказано, то и сделано; что он обещал, то он возвратит. Однажды мы встретили его лицом к лицу. Мы преследовали его, как дикого зверя. Раненного и умирающего, мы хотели его добить. Он увернулся от нас не по хитрости, а благодаря своей смелости. Это великий вождь! Ему ничего не было легче, чем посмеяться над нашими угрозами и укрыться от наших преследований, но что же он сделал? Он прислал нам письмо, которым приглашает нас на свидание с той целью, как он говорит, чтобы полюбовно покончить наш спор. Разве так действуют измен-

ники и вероломные люди? Нет, так может действовать только храбрый и честный воин. Вот мое мнение: чтобы ни случилось здесь через несколько часов, я уверен, что если мы окажем ему такое же доверие, как он нам, то будущее подтвердит мои слова. Я все сказал.

Вождь опять закурил трубку, которая потухла во время его длинной речи, после чего уже не принимал участия в общем разговоре, хотя внимательно прислушивался ко всем словам беседовавших товарищей.

— Со своей стороны я нахожу, что вождь совершенно прав, — сказал Оливье, — я разделяю его мнение во всех отношениях. По всему, как я могу судить, этот пират или разбойник не похож на других людей; в нем есть что-то необыкновенное — словом, может быть, он и разбойник, только совершенно точно это избранная натура и до положительной улики в противном я верю его слову.

— Может быть, — проговорил Меткая Пуля, покачивая головой, — однако никто не сможет возразить, что он атаман самой отчаянной шайки разбойников, опустошающей страну.

— Что же это доказывает? — спросил Оливье.

— Ничего, я сам это знаю, а только повторяю, что нельзя полагаться на его слово.

— Так зачем же мы сюда приехали? — спросил Джордж Клинтон.

— А! Зачем, зачем... За тем, что человек хочет надеяться во что бы то ни стало. Еще бы! Ведь дело известное.

Не вполне разделяя мнение Меткой Пули, в разговор вмешался Верная Опора:

— Однако я нахожу, что нам не следует с завязанными глазами предавать себя в руки разбойника. Осторожность никогда не помешает.

— Хорошо, будем осторожны, — согласился Джордж Клинтон, — со своей стороны я ничего лучшего не желаю; примем все меры предосторожности, какие вы сочтете нужными. Я на все согласен. Но будем действовать так, чтобы нельзя было сомневаться в нашей искренности и доверии к честному слову, которое добровольно дал нам этот человек.

— Все это очень легко устроить, — проговорил Верная Опора с тонкой усмешкой, — друзья мои, предоставьте только мне это дело, и вы сами увидите, как все хорошо уладится.

— Чего же лучше! Действуйте по своему разумению, дружище. Лучше вас никто не изведал тайн прерии. Мы никак не станем вам мешать принимать все меры предосторожности.

— Лучшая предосторожность в отношении честного врага — это довериться его слову без всякой задней мысли, — изрек свой приговор индейский вождь.

— Очень хорошо, — согласился Верная Опора, — может быть, вы и правы. Я не стану оспаривать вашего мнения, хотя, признаюсь, не могу надивиться, что вы так говорите. Прошу вас об одном, оставайтесь беспристрастным в этом деле до тех пор, пока не придет время действовать.

— Храбрец любит Меткую Пулю, он его брат, и потому он исполнит все, чего его брат желает, но он жалеет, что принужден к тому.

— Я беру всю ответственность на себя и, поверьте, первым признаю свою вину в случае ошибки. Более того нельзя обещать и отцу.

Вождь ничего не ответил, только кивнул головой в знак согласия и улыбнулся так насмешливо, что Меткая Пуля невольно смутился и даже покраснел.

— За себя лично я совершенно не боюсь, — сказал он.

— Э! Что это там такое? — внезапно воскликнул Верная Опора, указывая на реку.

Глаза всех устремились в указанном охотником направлении.

— Пирога! — вскричал Джордж Клинтон.

— И в ней два человека, как мне кажется, — заметил Верная Опора.

— И оба бледнолицые, — сказал вождь через минуту, — и братья мои хорошо их знают: один старый охотник по прозванию Чуткое Ухо, другой же прозван людьми моего племени Бесследным.

— Мой отец и дед! — воскликнул Меткая Пуля вне себя от удивления. — Не ошибаетесь ли вы, вождь? Что за причина привела их сюда?

— По всей вероятности, та же, что и нас привела, — ответил Оливье тихо.

Между тем пирога под ударами мощной руки быстро неслась по волнам и, поравнявшись с лагерем охотников, внезапно повернула и вскоре въехала носом в песок. Из пироги вышли два человека.

Храбрец не ошибся: это были дед и отец Меткой Пули. Оба направились прямо к охотникам.

Пятеро друзей радостно бросились к ним навстречу.

Обменявшись дружескими приветствиями, канадцы также расположились у костра и не отказались от предложенного им угощения, состоявшего из той же жареной дичи и вина.

— Мы отправляемся к нашему родственнику Лагрэнэ, переселенцу у Ветряной реки, — так начал дед. — Он, кажется, получил известие от Тома Митчелла.

— Да, он получил письмо при нас, когда мы были у него в доме, но я боюсь...

— Чего ты боишься, сын? — спросил Франсуа Бержэ немного резко.

— Как бы эта сговорчивость атамана пиратов не была притворной и за ней не скрывалась западня.

Старики переглянулись и улыбнулись.

— Ты ошибаешься, дитя мое, — сказал дед, — Том Митчелл не притворщик и не желает завлекать тебя в западню; его цели прямые и искренние.

— Мы имеем все доказательства и уверены в нем, — подтвердил Франсуа Бержэ.

Меткая Пуля не посмел возражать и молча опустил голову.

— Мы поторопились прибыть сюда, зная, что встретим здесь вас, — продолжал Франсуа Бержэ, — и как же мы рады, что вовремя подоспели!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Оливье.

— Когда подъедет Том Митчелл, мы с отцом встретим его.

— Но ведь это к нам было... — воскликнул было Меткая Пуля.

— Отправлено письмо? Знаю, — возразил отец, — но приличнее будет нам кончить это дело. Впрочем, мы, старики, так решили, а вы, пожалуйста, держитесь в стороне, пока все не будет кончено.

— Но если тут будет измена? — спросил Меткая Пуля.

— Сын мой, — внушительно произнес дед, — осторожность — добрая вещь, но недоверчивость часто незаслуженно оскорбляет; подумай об этом хорошенько. Мы с твоим отцом лучше тебя знаем, что надо делать.

— Мы все будем повиноваться вам, — ответил Оливье от имени всех друзей, — только издали мы будем свидетелями

этого свидания и когда получим ваше приказание, только тогда пойдем к вам.

— Благодарю, — сказал, улыбаясь, старик, — повторяю вам, все будет хорошо.

Он махнул рукой, как бы приказывая им отойти подальше.

Молодые люди встали, почтительно поклонились старикам и отошли к берегу.

Неподалеку от их лагеря был довольно густой лесок; охотники вошли в этот лес и вскоре исчезли в его чаще.

Старики, оставшись наедине, закурили свои индейские трубки и принялись молча ждать.

Около трех четвертей часа они курили в непрерывном молчании, как вдруг Франсуа Бержэ опустил трубку и приложил ухо к земле.

— Приближаются, — сказал он, поднимаясь.

— Я слышу их уже несколько минут, — ответил старик, — а сколько их там?

— Не более четырех.

— Я так и думал. Он добросовестен.

— Вы все стойте на своем?

— Да; индейцам это не нужно, а янки и англичанам не следует этим воспользоваться.

— Вы полный властелин и можете распоряжаться по своей воле, потому что это, так сказать, ваша собственность.

— Действительно, сегодня это моя собственность, которая должна послужить для поддержания великого дела. Том Митчелл совсем не то, чем кажется.

— Я это знаю.

— Кроме того, у меня есть важная причина для такого распоряжения; поселение того янки находится как раз на этой земле.

— Да, а у янки чутье тонкое, он мигом обо всем пронюхает.

— Вот видишь, сын, пускай уж лучше француз воспользуется.

В эту минуту издали послышался пистолетный выстрел.

— Вот и они! — сказал Франсуа Бержэ.

Он встал, приложил воронкой руки к губам и испустил пронзительный крик морской птицы.

Немедленно раздался ответный крик, и четыре всадника на добрых конях понеслись по высокой траве прямо к ним.

Старики встали в ожидании.

Неподалеку от них всадники сошли наземь, бросили поводья четвертому и втроем подошли к старикам.

Канадцы держали в руках винтовки; у всадников оружия не видно было: пистолеты они оставили в чехлах, сабли в седлах, винтовки на земле.

В ста шагах от стариков двое из приехавших тихо поговорили между собой и замедлили шаг, тогда как третья особа среди них бросилась бежать с быстротой лани и мигом очутилась в объятиях стариков, отвечая радостными восклицаниями и слезами счастья на нежные ласки своих родных — то была Анжела.

Том Митчелл со своим спутником держались на почтительном расстоянии и подошли только тогда, когда увидели, что первые восторги стали утихать.

— Добро пожаловать, — произнес старик с выражением высокого достоинства и подал им руку.

Атаман и его спутник пожали с жаром эту честную руку.

— Сдержал ли я свое слово? — спросил Том Митчелл, улыбаясь.

— Добросовестно, подтверждаю это и благодарю, — ответил Бержэ с чувством. — Вы благородным образом вознаградили сделанное нам зло. Не станем о том поминать. Чего же вы теперь желаете от нас?

— Ничего! — отрезал Митчелл.

— Разве вы не требуете выкупа?

— А для чего мне выкуп? Слушайте, престарелый охотник, подстрекательством одного человека, имени которого я не желаю выдавать, я позволил увлечь себя и совершил нечестивый поступок. Хотя я и разбойник, — продолжал он с тонкой улыбкой, — однако, в сущности, я не так черен, как кажусь. Теперь мне понятно, что я не могу достичь желанной цели и что мой соумышленник заведомо меня обманывал. Насколько это зависит от меня, я постарался загладить причиненное мной зло и не имею нужды в другой награде, кроме той радости, которой я только что был свидетелем.

— Прекрасно, капитан, еще раз благодарим вас, — ответил Франсуа Бержэ и, еще раз поцеловав дочь, обратился к ней: — Дитя мое, вон там, под теми деревьями, находится твой брат; ступай к нему.

— Сейчас, отец, но прежде позвольте мне принести капитану Митчеллу самую искреннюю и сердечную благодар-

ность за внимание и попечения, которыми я была окружена во все время, которое провела у него в плену.

— Надеюсь, что вы не помянете меня злом?

— Нет, я сохраню к вам вечную благодарность. Я и сама теперь знаю, какой вы добрый.

Она грациозно наклонила голову и, своей крошечной ручкой послав ему поцелуй, сама побежала к лесу и скоро скрылась там.

Взоры всех последовали за ней.

— Засим позвольте мне с вами проститься, — сказал атаман.

— Прошу вас подождать еще одну минуту, — возразил дед, — вы отказываетесь от награды, но я должен заставить вас принять ее.

Он открыл свою сумку и вынул пергамент, сложенный вчетверо.

— Вот выкуп за нашу девочку, — сказал он, подавая пергамент атаману.

— Что это значит?

— Принимайте, — проговорил старик, приветливо улыбаясь, — это документ на право владения Оленьей долиной.

— И что же? — воскликнул Том Митчелл с глубоким волнением.

На плане красной точкой отмечено место, где скрыто нечто известное вам. Я передаю вам право на владение землей и всем, что в ней заключается. Не отказывайтесь, капитан, я и слышать не хочу об отказе. Как видите, самый лучший путь всегда честный.

— Принимайте без всякого зазрения совести, — подтвердил Франсуа Бержэ, — мы отдаем нашу собственность, на которую никто не имеет права, кроме нас.

— Если вы этого требуете, то нечестно было бы с моей стороны отказываться от дара, который я высоко ценю по важным причинам.

— Понимаю, капитан, — сказал старик, — но об одном прошу вас.

— Говорите и поверьте, чего бы вы ни пожелали...

— Дайте слово, что мой дар будет служить только для честных целей.

— Клянусь!

— Принимаю ваше слово и верю ему. Вашу руку, капитан, и расстанемся друзьями.

— О, да! — сказал атаман с глубоким чувством, которое странно было наблюдать в таком человеке. — Конечно, друзьями. У меня остается еще одно желание: я был бы очень счастлив, если бы вы доставили мне случай доказать вам свою преданность.

— Как знать! — ответил старик задумчиво. — Может быть, эта минута не так далека, как вы воображаете.

— Я всегда буду готов, если понадобится, пролить последнюю каплю крови, чтобы защитить вас и ваших друзей или отомстить за вас.

ГЛАВА XXI

Славная охота

Прошло более двух недель после вышеописанных происшествий в Оленьей долине.

Несмотря на исчерпывающие сведения и разумные возражения брата, Джонатан Диксон настоял на своем намерении войти в личные сношения с соседями вниз и вверх по реке, и во вновь устроенной пироге он отправился в путь с младшими сыновьями, Сэмом и Джеком, и с одним черным слугой, Сэнди, с хорошим вооружением и достаточным запасом провизии; надзор же за домашним хозяйством он поручил Гарри, старшему сыну, разумеется, под руководством дяди Сэмюэля Диксона.

Гарри был высоким, красивым, смуглым и мощным, как Геркулес; отец справедливо имел полное доверие к его уму и сметливости. Деятельный, трудолюбивый, он всегда был первым на работе и последним уходил на отдых. Он поспевал повсюду, где требовалось его присутствие, поощрял рабочих, искусно внушая им неутомимое усердие, которое воодушевляло его самого.

Гарри был типичным американским переселенцем и земледельцем; он был мастер отыскивать следы, ездил верхом, как кентавр, изучил в совершенстве индейские хитрости и в случае нужды мог за сто ярдов всадить пулю в глаз тигру или пантере. Подобно своему отцу, он чувствовал невыразимое отвращение ко всему, что могло служить представителем казенного суда и правосудия; чтобы только избежать встречи с каким-нибудь присяжным, он готов был проскакать сто миль без отдыха. Жизнь на вольном воздухе и на свободе в пограничных владениях до страсти увлекала его; всякая уз-

да, даже самая легкая, была невыносима для его здоровенных плеч. Он не понимал другой удобной жизни, кроме жизни на пустынном раздолье, и с невыразимым чувством ужаса думал о горадах.

Несмотря на не совсем тщательное воспитание, несмотря на угрюмый, молчаливый и даже свирепый характер, Гарри обожал свою мать, братьев, сестру и обнаруживал глубочайшее благоговение к отцу, восторгаясь его неукротимой энергией; но выше всех он ставил своего дядю Сэмюэля. По одному его знаку, он не задумавшись пошел бы на самое опасное и даже позорное дело; сказать короче, к своему дяде он питал страстное обожание, был его подручным, принимая беспспорно, как закон, всякое его слово или дело.

Раз утром, вскоре после восхода солнца, Гарри скакал по лесу, уже довольно расчищенному. Он направлялся мили за три от своего поселения, чтобы присмотреть за рубкой значительного участка леса, начатой со вчерашнего дня с целью возделывать землю для хлебных злаков и в то же время для очищения берегов Миссури, где следовало устроить водяные мельницы и разные заводы, необходимые для будущего процветания поселения. Молодой хозяин был неподалеку от того места, где происходила рубка, когда вдруг ему послышался тихий, какой-то особенный свист, вероятно, хорошо ему известный, потому что он разом осадил своего коня и наострил уши, зорко оглядываясь по сторонам.

Почти в ту же минуту показался всадник. Ему было лет за пятьдесят; он был высокого роста, худощав, лицо его было желтое и морщинистое, глаза косые, вообще наружность невзрачная. Лошадь под ним была малорослая, чахлая, кожа да кости; она шла понутив голову и поджав хвост, голый и тонкий, как у крысы.

Странный всадник был скудно одет, как все фермеры на американских границах: большой жилет, длинный кафтан, огромные плюшевые штаны, высокие кожаные ботинки и шляпа с отвислыми полями составляли его костюм.

Оружия при нем не было, а если и было, то он его не обнародовал.

При первом взгляде на подобных людей говоришь: «Должно быть, добрый малый», — но хорошенько поосмотревшись, невольно чувствуешь отвращение и думаешь: «Старый бездельник».

— Эге! Молодой хозяин, — сказал всадник с притворной улыбкой, — что так рано и почему так далеко вы заехали? Уж не меня ли вы ищите?

— Вот уж нет, господин Лагрэнэ, — ответил молодой переселенец смело. — Бог свидетель, что я даже не думал о вас.

— Смотри, пожалуйста! — беззвучно рассмеялся всадник. — Однако, молодой хозяин, нельзя сказать, чтобы вы были оченьлюбезны. Но если вы не за мной ехали, так зачем же вы остановились, услышав мой свист?

— Я думал, что это змея зашипела, — ответил Гарри насмешливо. — Ну слушайте же, старый хозяин, я не умею лгать и действительно ехал к вам...

— Ну, я так и думал, — заметил Лагрэнэ, весело потирая руки.

— Погодите же, дайте мне закончить; я искал вас за тем, чтобы сказать...

— Что, что такое вы хотели мне сказать?

— Желаю, чтобы мои слова принесли вам удовольствие; слушайте же хорошенько.

— Говорите, ни словечка не пропущу.

— Вот что: я встретился с вами сам не знаю как и познакомился с вами сам не понимаю для чего. Однако, сдается мне, что это знакомство пользы мне не принесет; вы говорите такие вещи, которые мне не нравятся, и стараетесь внушить мне вещи, которые я не считаю честными. По этим причинам покорнейше прошу вас не попадаться мне впредь на дороге, а если случай опять сведет нас, не обращайтесь ко мне со своими речами.

— Смотри, пожалуйста! — повторил всадник. — Вы очень запальчивы, молодой хозяин, а позвольте узнать, что за причина странной решимости, так неожиданно завладевшей вами? Кажется, я имею право задать вам этот вопрос.

— Вы имеете полное право спрашивать, как я имею право не отвечать. Поверьте мне, лучше на том покончим и расстанемся по-приятельски. Ссориться вам со мной не приходится. Пустынные степи обширны, есть довольно места для вас и для меня, можно разойтись, не мешая друг другу. Вам лежит один путь, мне другой.

— Вот это прямая речь! Из ваших слов я должен вывести заключение, что вы, молодой человек, не желаете принять мои предложения и отвергаете мой совет.

— Выводите заключения какие хотите, какое мне дело? Об одном прошу: избавьте меня от вашего присутствия.

— Признаюсь, это уж чересчур! Как, юноша, вы и золота не любите? Ха-ха-ха!

Гарри с презрением пожал плечами.

— Вы, кажется, считаете меня за дурака, старый хозяин: золото не грибы и не может расти под деревьями. Кроме того, если так нужно, лучше будет высказать прямо мою мысль: я не верю сокровищам, зарытым под землей в этих необъятных пустынях; если бы так было в действительности, вы давно бы захватили их себе.

— К моему несчастью, я не помню настоящего места, — отвечал тот со вздохом, — я говорил вам. Если бы не это, поверьте, я никак не выбрал бы вас в компаньоны.

— Верю безусловно; но отчего же вы никак не можете представить мне доказательства, что этот клад — если он не в шутку существует — действительно принадлежит вам?

— Я уже говорил вам, что эти доказательства были у меня похищены в то время, как эти бессовестные разбойнички разграбили мой дом.

— Гм! Извините, но тут что-то нечисто. Вы никогда не уверите меня, что, будучи собственником такого сокровища, вы предпочли закопать его в землю на многие годы, вместо того чтобы пользоваться им для собственного удовольствия; что при этом вы не приняли надлежащих мер для того, чтобы отметить место, куда зарыта ваша собственность, и что только теперь вам пришла в голову мысль вступить во владение своей собственностью, да и то с помощью постороннего.

— Вот вам мой ответ на все эти возражения: я никак не ожидал, что в этой долине вздумают селиться люди, а как только это сведение дошло до меня, я поспешил заявить право на свою собственность.

— У вас не было никакой необходимости делать подобные заявления, и вы сами это хорошо понимаете. Правда, я молод, но у меня достаточно опыта и здравого смысла, чтобы не позволять первому встречному водить себя за нос. Убирайтесь к черту!

— Да, да, теперь я понимаю, — возразил Лагренэ, оскалив зубы, — выведав мою тайну, вы не прочь воспользоваться выгодой и намерены ограбить меня.

Гнев, как молния, блеснул в глазах юноши, однако он сдержался.

— Вы старик, и я не стану с вами драться, — сказал он спокойно, — я не хочу, чтобы мои руки были обагрены вашей кровью; но берегитесь, я могу забыть, что у вас седые волосы!

— А вы взбалмошный ребенок и больше ничего, — сказал старый переселенец добродушно. — Только подумайте хорошенько и тогда сами увидите.

— Замолчите ли вы? — крикнул Гарри. — Довольно я наслушался ваших вздоров! И почему вы не обратились к моему отцу с этим предложением? Он сумел бы вам ответить.

— К вашему отцу я не обращался, потому что...

— Почему же? — спросил Гарри грозно.

Старый переселенец испугался не на шутку и решил увильнуть от ответа.

— Да так, лучше перестанем толковать об этом. Вы не хотите — ну и довольно. Только запомните хорошенько: раскаетесь вы, да будет поздно. Да, да, тогда сами увидите, молодой хозяин.

— Пускай по-вашему! Я ничего не хочу ни от вас, ни через вас.

— До свидания, господин Гарри, честная душа!

— Прощайте, господин Лагрэнз, старый мошенник!

Оба пренебрежительно раскланялись. Старый переселенец поехал своей дорогой.

Молодой человек следил за ним глазами, пока тот не скрылся за поворотом дороги.

— Хорошо я сделал, что отбоярился от него, — сказал он про себя, — это бездельник; его предложения явно скрывают какую-то западню.

В эту минуту послышался глухой и продолжительный рев неподалеку от него.

— Эге! Что тут такое? — воскликнул американец с невольным содроганием.

Еще более громкий рев прорезал пространство и пресек его слова.

«Господи помилуй! Как раз на дороге старика!» — подумал юноша.

Как бы в ответ на его мысль в ту же минуту раздался страшный вопль, призывом отчаяния зазвучавший в его ушах.

«Старик безоружен! Подло было бы с моей стороны оставить его одного в схватке с тигром!» — блеснула мысль в голове юноши.

Не раздумывая дольше, он сильно пришпорил лошадь, и она как бешеная помчалась во весь опор.

За несколько секунд разъяренное и оскорбленное животное пронеслось через большое пространство равнины, и молодой человек очутился в лесу.

Необыкновенное зрелище представилось тогда его удивленным глазам.

Среди довольно большой прогалины, перерезанной серебристой лентой ручейка, между высокой травой, испещренной цветами, стоял на коленях старик, в ужасе спрятавшись за свою лошадь и подняв руки и слезящиеся глаза к небу.

Как раз напротив этой группы, изображавшей ужас, на толстом суку исполинской камеди, съежившись, как настороженная кошка, сидел громадный ягуар, устремив на эту группу раскаленные, как уголь, глаза и облизывал красным языком вытянутую лапу.

— Спасите! Спасите! — закричал старик со смертельным испугом на лице, увидев молодого переселенца.

— Постараюсь, — ответил тот сухо.

Хладнокровно сошел он с лошади, которая, дрожа от ужаса, помчалась оттуда как обезумевшая, потом с ружьем на плече он смело вышел и стал впереди старика, который дрожал так, что зуб на зуб не попадал.

А тигр даже не пошевелился. Он не сводил алчных глаз со своих жертв и, с наслаждением облизываясь, как бы ухмылялся, выказывая два ряда страшных зубов.

Молодой переселенец также улыбался.

— Вот благородный зверь! — прошептал он. — Как бы не испортить его шкуры.

Странная забота в такую минуту, но она вполне обрисовывает характер американского охотника, для которого опасность не существует, а деньги значат много.

Вдруг из чащи немного подальше раздался новый рев.

Тигр, не меняя положения и не оглядываясь, ответил таким же ревом.

— Ей-Богу! — воскликнул американец. — Да ведь их двое! Какая жалость расстроить такую прекрасную парочку!

Не успел он закончить, как тигр бросился на них. Но американец зорко сторожил его; прогремел выстрел, дикий

зверь перекувырнулся в воздухе и как чурбан повалился на землю.

Он лежал неподвижно; пуля попала ему в правый глаз и тотчас покончила с ним.

— Одного нет! — воскликнул юноша и, бросив ружье и выхватив из-за пояса охотничий нож, прикрыл руку своей одеждой.

Почти в ту же минуту послышался страшный треск, захрустели сучья, и второй ягуар прыгнул на лошадь старого переселенца, запустив свои мощные когти в бока задыхающегося от страха животного.

Гарри стремглав бросился на зверя. Произошла невообразимая схватка, продолжавшаяся не одну минуту. Ягуар и человек, свившись в тесный клубок, катались по земле. Наконец человек встал.

Тигр лежал бездыханный на траве, обагренный кровью, хлеставшей из его распоротых внутренностей.

— Кончено! — сказал юноша весело. — Ну что за славная охота удалась мне! Какое это удовольствие повозиться с такими благородными животными! Ну-ка, старый хозяин, подымайтесь на ноги. Всею конец.

Но тот не отвечал, потому что лежал без чувств.

— Экий пострел! — продолжал американец. — И всего-то он боится и лежит, как баба, в обмороке от страха!

Он поднял старика своими мощными руками и перенес ближе к ручью; тут он, не жалея воды, облил его голову и грудь.

Сильное средство произвело быстрое действие; старик глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Вы спасли мне жизнь, — прошептал он.

— Кажется, — отвечал, смеясь, молодой человек, — а дело нелегкое! Без меня вам трудно пришлось бы, старина. Вот вам и урок: как можно выходить из дома без оружия?

— В другой раз этого не будет.

— И хорошо сделаете. Ну, а теперь что вы намерены делать? — спросил он, указывая на лошадь, судорожно бившуюся при последнем издыхании.

— Сам не знаю, — ответил старик, растерявшись и с видимым отчаянием осматриваясь по сторонам.

— Как же не знаете? Вы должны как можно скорее вернуться домой и лечь в постель — вы совсем расхворались.

— Правда, я чувствую себя не совсем хорошо. Но что же мне делать? Моя бедная лошадь околела, а в настоящем положении я не в силах добраться до дома пешком.

Молодой человек пожал плечами.

— И за каким чертом вы переселились в прерии, если храбрости у вас не больше, чем у мокрой курицы? — проворчал юноша с презрением. — Ну, делать нечего, подождите немного; я схожу за своей лошадью и провожу вас до дома.

— И вы сделаете это? — воскликнул обрадованный старик.

— А почему бы и нет? — отвечал молодой переселенец рассеянно. — Правда, вы старый бездельник, но все же человек, и я не признаю за собой права бросить вас без помощи.

— У вас золотое сердце.

— Хорошо, об этом после, а теперь подождите; минут через пять я вернусь.

Не слушая более разглагольствований старика, молодой человек ушел скорым шагом. Ему удалось без труда отыскать свою лошадь; благородное животное, все еще дрожа от ужаса, откликнулось на его свист. Гарри вскочил на нее и немедленно выехал на прогалину.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил он у старика. — Собрались ли с силами?

— Да, теперь мне немного лучше.

— Ну, так садитесь за мной и отправимся в путь.

Старик молча повиновался.

— Крепче держитесь. Марш!

Лошадь понеслась вперед.

За все время переезда, длившегося по крайней мере с час времени, они не перемолвились ни одним словом. Гарри насвистывал свою любимую песню «Янки дудл», старик о чем-то раздумывал. Наконец они доехали до поселения в прекраснейшей местности, на самом берегу реки.

— Ну вот вы и дома, — сказал Гарри весело, — спускайтесь же.

Лагрэнэ сошел с лошади.

— Не зайдете ли вы в мою хижину? — спросил он вкрадчиво.

— Я-то? — возразил Гарри. — За каким чертом понесет меня туда?

— Зачем вы отказываетесь? Вы спасли мне жизнь!

— Слушайте, старый хозяин, это правда, я спас вам жизнь; не будь меня, вы лежали бы теперь бездыханным трупом; может быть, это было бы лучше для всех ваших ближних. Но пускай на этом и закончится все дело. Я доставил вас домой целым и невредимым. Желаю вам всяческого благополучия. Но отныне мы не знаем друг друга.

— Погодите, погодите!

— Нечего ждать, прощайте.

— Только одно слово!

— Говорите скорее — и покончим с этим.

— Я не хочу угрожать вам, а только спешу предупредить вас.

— Говорите скорее.

— Берегитесь.

— Что такое?

— Берегитесь и караульте ночью.

— Объяснитесь.

— Не стоит, ведь вы не поверите моим словам.

— Совершенно справедливо.

— Помните же мое предостережение. Прощайте и еще раз благодарю вас!

Старик повернулся и поспешно направился к своему дому.

Молодой человек призадумался.

— Тут какая-то тайна; я буду настороже, — прошептал он и поскакал своей дорогой.

Странное приключение имело странные последствия.

ГЛАВА XXII

Каким образом капитан Том Митчелл становится вершителем судеб своих врагов и друзей

Вот уже несколько недель как тучи раздора собирались между племенами верхнего Миссури. Разлад начался со дня свадьбы Вечерней Росы, дочери Франсуа Бержэ и сестры Меткой Пули, канадских охотников, и индейского вождя по прозвищу Храбрец.

Передадим в последовательном порядке все обстоятельства, предшествовавшие этим смутам, которые, по всей вероятности, не замедлят превратиться в общую войну.

Свадьба молодых индейцев из почетных семейств должна была происходить с великолепием, не совсем обыкновенным в индейских племенах: гости были приглашены со всех сторон.

За два дня до свадьбы стали съезжаться выборные от разных соседних племен: черноногих, ассинибойнов, мандан, даже сиу; они приехали в богатейших военных костюмах и были приняты гурунами племени Бизонов со всевозможными почестями, чего так строго требует индейский этикет.

Воины в числе по меньшей мере пятисот человек расположились лагерем по племенам напротив селения, и только их главные вожди поселились в хижинах гурунских старейшин.

Через несколько часов после прибытия выборных от краснокожих вдали показался еще один отряд, также направлявшийся к селению, но отряд этот ничем не походил на предшествовавшие ему.

Отряд был весьма многочислен, поскольку состоял более чем из трехсот всадников. Все всадники из белого племени были одеты в живописные костюмы независимых мексиканцев, вооружены с головы до ног и грациозно красовались на великолепных мустангах в богатой сбруе.

Четыре всадника ехали впереди грозного отряда.

Эти всадники были Том Митчелл, Пьер Дюран, Камот и Птичья Голова.

В то же время к селению подъезжали еще два всадника; они держались особняком, на два ружейных выстрела от отряда.

То были Джордж Клинтон и Шарбоно, по прозвищу Верная Опора, — канадский охотник, состоящий на службе у молодого американца.

Не было забыто ничего, что могло бы придать необыкновенное великолепие свадебной церемонии.

Однако прибытие Тома Митчелла во главе многочисленного отряда встревожило краснокожих воинов, которые преисполнялись ужасом при рассказах о страшных подвигах знаменитого разбойника.

Именитейшие старейшины гурунского племени в сопровождении Меткой Пули и Оливье поспешили навстречу вновь прибывшим и приветствовали их самыми радушными словами.

Капитан Дюран явился на этот раз в своем обычном виде, но держался позади товарищей, прикрывая нижнюю часть лица плащом.

Обменявшись положенными приветствиями, Митчелл приказал своему отряду расположиться станом на том месте, где они остановились, сам же отправился в селение только с капитаном Дюраном, Джорджем Клинтоном и его охотником.

Все вошли в дом старика Луи Бержэ, передав своих лошадей на попечение индейских мальчиков.

— Господа, — сказал Том Митчелл, лишь только все уселись за столом, который был уставлен разнообразными яствами, — прежде всего считаю своим долгом объяснить перед вами.

— Как объяснить? Я не понимаю вас, капитан, — сказал престарелый хозяин.

— А вот как: я обязан объяснить не мое присутствие здесь, потому что вы сами удостоили меня приглашением, но мое прибытие во главе такого многочисленного отряда и столь грозно вооруженного.

— Вот что! Действительно, капитан, надо сознаться, что мы все были порядком удивлены, увидев вас с такой грозной свитой.

— Вот именно по этому случаю я и желаю объяснить с вами и прошу вас без малейшей перемены повторить мои слова вождям ваших племен.

— Вождям племен? В такой-то праздник? Что вы, капитан!

— Точно так. Очень важно, чтобы они немедленно узнали о происходящем. Дело так важно, что вы даже и не подозреваете.

— Нет ничего легче, как предупредить их; все они в эту минуту собрались в большой хижине совета. Если хотите, я сам пойду туда!

— Ни в коем случае не делайте этого! Все глаза открыты, шпионы подкарауливают вас. Немедленно возбудится подозрение, если вы сделаете что-нибудь не принятое обычаем. Во что бы то ни стало постарайтесь избежать этого. Измена окружает вас. Малейшая неосторожность может произвести взрыв, чего необходимо избежать всеми силами до того, по крайней мере, времени, пока вы не будете в состоянии про-

тивостоять ему. Но было бы еще лучше потушить пожар, не дав огню разгореться.

— Так тут измена?

— Измена и заговор!.. Но успокойтесь: мне все известно, и я надеюсь, что вы скоро обнаружите заговор и уличите двух негодяев, затеявших все это гнусное дело. Одного из них можно простить, потому что он ослеплен страстью; но другой, к сожалению, ваш родственник.

— Лагрэнэ! — воскликнули канадские охотники в один голос.

— Вот почему, — заметил Луи Бержэ, — наш родственник отказался присутствовать на свадьбе.

— И под таким пустым предлогом, что мы даже удивились, — подтвердил Франсуа Бержэ.

— А между тем мы предлагали ему удобный случай, чтобы помириться с ним, — проговорил старик со вздохом. — Но да будет во всем воля Божия! Говорите, капитан, мы вас слушаем.

Пьер Дюран под предлогом сильной усталости удалился в комнату Меткой Пули, который поспешил провести его туда. В данный момент канадец вышел в залу и, прислонившись к стене, внимательно слушал разговор и наконец сказал:

— Да простит меня Бог за то, что я обвиняю нашего родственника. Мне было дано поручение пригласить его к нам на свадьбу, но он не оказал мне радушного приема; мой приезд явно стеснял его; он едва отвечал на мои слова, и его глаза все время бегали по сторонам, ни разу не остановившись на мне. При малейшем шуме он вздрагивал и торопился спровадить меня, не предложив даже стакана вина. Кроме того, я заметил множество странных следов вокруг его хижины, и до того перепутанных, что не было никакой возможности различить их.

— Все, что говорит мой сын, к несчастью, слишком справедливо, — прошептал Франсуа Бержэ.

— Но вы говорили о двух заговорщиках. Кто же другой? — спросил престарелый хозяин.

— Другой — индеец, сын этого племени, прославившийся, несмотря на свою молодость; словом, всем знакомый вождь.

— Заноза? — воскликнул Меткая Пуля.

— Вы назвали его.

— Ну, так и есть, — подтвердил молодой охотник, — с некоторого времени он совершенно переменился, так что его просто нельзя узнать. Он ненавидит моего брата Храбреца. Впрочем, он доказал свое недоброжелательство к нему во время последнего похода, который не удался по милости Занозы.

— Положим, что Заноза ненавидит Храбреца, — сказал Луи Бержэ, — но в этом я вижу только недостаток, свойственный характеру индейцев; эта ненависть — личное чувство и происходит от неукротимой зависти к сопернику, более счастливому на войне.

— И в любви, — отчеканил капитан.

— Как?! Неужели он любит...

— Вашу внучку? Точно так, и очень давно. Похищение Вечерней Росы и ее выдача в мои руки было исполнено им при содействии Лагрэнэ, в надежде, как я узнал впоследствии от самого Лагрэнэ, что после я выдам вашу внучку в руки Занозы.

— Но благодаря вам этот замысел расстроился; моя дочь будет женой Храбреца, а Заноза лишился всякой надежды, — возразил Франсуа Бержэ.

— Он имеет надежду, во-первых, отомстить, убив своего соперника, потом овладеть его женой, которую он до страсти любит, и, наконец, благодаря хорошо принятым мерам — надо в этом отдать ему справедливость — завладеть известным сокровищем и заставить провозгласить себя главным вождем племени. Вот вам в нескольких словах план Занозы. Для его осуществления он объединился с Лагрэнэ и почти со всеми индейскими вождями, собравшимися по вашему зову.

— О, какая ужасная измена! Но как же вы смогли все это узнать, капитан?

— Какое дело до того, как я открыл этот заговор, если все его нити в моих руках? Разве вы не знаете, что ввиду личных интересов я должен содержать шпионов во всех индейских племенах в верховье Миссури? Ну вот мои лазутчики и доставляют мне все сведения. Теперь вы предупреждены; от вас зависит как можно скорее принять меры предосторожности.

— Известен ли вам план заговорщиков?

— Да, и в отношении вас лично я имею возможность разрушить их замысел; вот по какой причине я прибыл сюда во главе многочисленного отряда и разбил свой лагерь у

вашего селения. Кроме того, я оставил в арьергарде пятьдесят бесстрашных воинов. Вам остается только позаботиться о безопасности старейшин вашего племени и в особенности о жителях вашего селения.

— Но что же можно сделать, капитан?

— Предупредите своих старейшин и сами будьте настороже, остальному предоставьте идти своим чередом; этих бездельников надо захватить с поличным.

— Вы правы, и я пойду...

— Главное, действуйте как можно осторожнее. Вы имеете дело с хитрым неприятелем.

— Не беспокойтесь. Благодарю за предупреждение.

— Я только расплачиваюсь за свой долг.

— Кстати, когда назначено похищение?

— На завтрашний вечер.

— Хорошо, у нас будет время подготовиться.

Луи Бержэ встал и вышел в сопровождении сына.

— Ну, а вы, молодой охотник, — обратился Том Митчелл к Меткой Пуле, — как полагаете, не лучше ли вам переговорить с Храбрецом о том, что вы намерены тут делать?

— Признаюсь, капитан, я оставался здесь из вежливости, тогда как меня так и подмывало бежать к моему брату Храбрецу, чтобы и его предупредить; но теперь с вашего позволения я ухожу.

— Но смотрите, действуйте осторожнее, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Не беспокойтесь, — ответил он, смеясь, — тут канадцы против индейцев, одни стоят других; один Бог разберет, кто из них хитрее другого. Капитан, прошу вас, чувствуйте себя как дома и распоряжайтесь как знаете... Впрочем, мое отсутствие не будет долгим.

С этими словами он ушел.

В зале остались Джордж Клинтон, Шарбоно, Оливье, капитан Дюран и Том Митчелл.

— Теперь очередь за вами, господин Клинтон, — сказал атаман разбойников с приятной улыбкой. — Хотя наше знакомство с вами началось при не совсем благоприятных условиях, однако мне хочется доказать вам, что я не злопамятен и гораздо больше друг вам, чем вы это предполагаете.

— Я считаю вас своим другом, капитан, — отвечал молодой американец, — между нами не произошло ничего такого, что могло бы сделать нас врагами.

— Напротив того, я в этом убежден, но прежде всего позвольте мне сказать несколько слов этому юному французу.

— Мне? — спросил Оливье с удивлением.

— Именно вам, и я вполне уверен, что скоро вы лучше узнаете меня и сами убедитесь, что я питаю к вам самое искреннее участие.

— Благодарю вас за это участие, — ответил Оливье довольно холодно, — но я никак не могу понять причины того...

— Прошу вас войти в ту комнату, и вы поймете меня.

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что вы найдете там старого друга.

— Старого друга? Вероятно, вы ошибаетесь. Вы не знаете, что я только несколько месяцев как прибыл в эту страну, что здесь я всем чужой и никто не знает меня, кроме тех людей, которые только что были здесь. В этих краях у меня нет ни одного друга.

— Может быть, — возразил Митчелл, улыбаясь, — но на всякий случай проверьте и войдите в ту комнату. Если я ошибся и человек, ожидающий вас в той комнате, не окажется вашим лучшим другом, тогда извините, беда не велика.

— Правда, и признаюсь вам, что ваша настойчивость возбуждает во мне любопытство против моей воли. Что бы ни случилось, я не вижу причин упорствовать. Почему бы и в самом деле не удовлетворить ваше желание?

— Идите, идите, а там уж наверняка придете благодарить меня.

Оливье отворил дверь и вошел в комнату Меткой Пули.

— Теперь, господин Клинтон, опять вернемся к нашему делу, — сказал атаман, обращаясь к американцу.

— К вашим услугам, капитан.

— Я не все объяснил этим господам, когда открывал им злые замыслы переселенца Лагрэнэ и его сообщника Занозы; я обошел некоторые обстоятельства, касающиеся лично вас.

— Меня?

— А вот сами судите о справедливости моих слов — только прошу вас заранее извинить меня, если, говоря откровенно с целью оказать вам настоящую услугу, я вынужден буду коснуться самой тайной струны вашего сердца.

— Капитан!

— На одну минуту! — перебил его атаман с живостью. — Вы нежно и страстно любите молодую девушку, имени ко-

торой нет надобности произносить. Для нее вы все бросили и без расчета, без умысла, вы, богатый и уважаемый член цивилизованного общества, поселились в глуши диких прерий среди свирепых дикарей. Вас не утратили ни долгий путь по непроходимым дорогам, ни разнообразные опасности, пугающие даже авантюристов, увлекаемых могущественной силой — страстью к золоту.

— Капитан, право, я не понимаю! — воскликнул Клинтон, теряя терпение.

— Еще несколько слов... Прелестная, чистая, невинная девушка, еще не забывшая ангельские крылья, оставленные ею на небесах, это милое существо, тоже вас любящее, несмотря на упорство отца... Вы опять увиделись с ней. Вы надеетесь победить упорство Джонатана Диксона — зачем скрывать его имя? — отца, мешающего вашему счастью. Но берегитесь, господин Клинтон: страшная опасность нависла над вашей головой и грозит вашему счастью вечной гибелью.

— Договаривайте ради самого Бога! — воскликнул Клинтон в мучительной тревоге. — Джонатан Диксон...

— Он не знает о вашем присутствии — или, скорее, соседстве, потому что вы поселились на самых границах его владений; он ничего не знает и ничего не подозревает; вам грозит опасность не с этой стороны.

— Откуда же?

— Как, однако, все вы удивительно простодушны! Неужели вы думаете, что у краснокожих нет глаз и что они не так же хорошо видят, как и все мы? Все люди, какого бы они ни были цвета или образования, имеют одни и те же страсти, те же пороки; природа создала их из одной и той же глины. Стой лишь разницей, что образованные люди присоединили к общим порокам и лицемерие, тогда как краснокожий дикарь идет прямо к цели. Вот и вся разница между нами и ими.

— Так вы предполагаете?..

— Не предполагаю, а уверен. Ищите, выводывайте, смотрите в оба — уж это ваше дело. Берегите свое сокровище; это касается вас одного. Вам не известны хитрые уловки диких прерий. Но тут не беда. При вас находится самый опытный охотник в неизмеримых степях. Только прислушивайтесь к его советам. Он честнейший, умнейший и преданнейший человек; уж он-то не обманет вас. Поверьте мне, если вы хотите спасти любимую вами особу от непоправимого несча-

стъя, страшнее смерти — торопитесь, нельзя терять ни минуты... Что вы думаете об этом, Верная Опора?

— Я думаю, что вы, капитан, совершенно правы, — отвечал канадец простодушно, — и что вы очень дальновидный человек.

— Благодарю за доброе мнение и за прямые слова. В моих руках находится один конец нити, — сказал он с тонкой улыбкой, — а скоро попадет и другой.

— Это дело по вас и наверняка будет удачным. Господин Клинтон, когда же мы на охоту?

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Джордж Клинтон.

— Так едем сегодня же вечером после заката солнца.

— Вдобрый час! Так-то будет лучше, — заключил атаман.

— Капитан, — растроганно произнес Джордж Клинтон, — что бы ни случилось, вы можете рассчитывать на мою дружбу.

Он подал разбойнику руку, которую тот пожал, сказав при этом:

— Я не забуду этого и припомню при случае.

— Надеюсь, — ответил молодой американец.

В эту минуту дверь из комнаты Меткой Пули отворилась и оттуда вышли Оливье и капитан Пьер Дюран.

ГЛАВА XXIII

Описание обрядов индейской свадьбы

 ту же минуту, когда с одной стороны в залу входили Пьер Дюран и Оливье, из другой двери показались канадцы, так что Оливье, на открытом и прекрасном лице которого сияла радость, вынужден был отложить до другой, более удобной минуты засвидетельствование своей благодарности атаману разбойников.

Однако молодой человек не удержался; поспешно приблизившись к Митчеллу, он схватил его за руку и, крепко пожав ее, сказал дрожащим от волнения голосом:

— Капитан, словами нельзя выразить моей благодарности за те безмерные одолжения, какие вы мне оказали. Я все знаю, располагайте мною; я вам принадлежу.

— Ловлю вас на слове, — ответил Митчелл весело, — и при необходимости напому вам.

— Непременно. Я готов за вами следовать и повиноваться вам как другу и начальнику, но вы должны мне выдать этого гнусного злодея, который и здесь не оставляет меня в покое.

— Не только обещаю, но еще и выдам вам драгоценные документы, доказывающие самым неопровержимым образом, что вы имеете полное право носить имя и титул, которых вас хотят лишить.

— Благодарю, капитан, благодарю.

— Но оставим это на время и поговорим скорее о средствах высвободить живыми и невредимыми наших друзей из того опасного положения, в котором они теперь находятся.

Разговор сделался общим.

Старые канадские охотники действовали с обычным благоразумием.

Старейшины племени были предупреждены и, следовательно, приняли свои меры.

Храбрейшие из храбрейших воинов были поодиночке предупреждены и были готовы действовать по данному сигналу.

Некоторые важнейшие пункты обороны были незаметно заняты и украдкой от всех приняты важнейшие меры безопасности.

Все было проделано с такой ловкостью, что никто из многочисленных гостей, наполнивших селение, ни о чем не подозревал.

Индейцы и канадские охотники, поселившиеся в их племени, выказывали безмятежное спокойствие и полное доверие и с такой безукоризненной вежливостью чествовали своих гостей, что неприятельские вожди, несмотря на врожденную хитрость и умение чутко выслеживать чужие намерения, ничего не могли заметить, не могли уличить ни взгляда, ни улыбки, ни неосторожного движения, которые могли бы возбудить в них подозрение.

Казалось, все были довольны, веселы и беззаботны, в сущности же у каждого рука была готова выхватить оружие в преддверии неизбежной и близкой схватки.

Перед самым закатом солнца начались подготовительные обряды к свадьбе.

На улице раздался страшный шум и гам, производимый музыкальными инструментами и военными свистками, сделанными из человеческой берцовой кости, какие каждый краснокожий воин носит на шее. Многочисленный конный отряд, состоящий из главных вождей того племени, а также

соседних племен, приглашенных на свадебное торжество, остановился перед домом канадских охотников, и Храбрец, ехавший во главе отряда, тихо постучался в дверь древком своего копья.

Дверь немедленно отворилась, и у порога появился дед, с сыном по правую руку и внуком по левую.

— Кто вы и чего желаете? — спросил дед величественно.

— Мы воины и отправляемся на совет племени, — отвечал Храбрец. — Мы просим у вас гостеприимства на один час, чтобы оправиться от усталости и явиться в приличном виде перед старейшинами, потребовавшими нас к себе.

— Во имя Ваконды войдите и будьте дорогими гостями под кровом нашей хижины.

— Отец мой, — возразил вождь, — наш отряд многочислен, и ему у вас не поместиться. С вашего позволения, мы войдем только с двумя товарищами, остальные же останутся вне дома, где им будет предложено угощение.

— Ваша воля прежде всего; вы здесь хозяин во все время, пока вам угодно быть моим дорогим гостем.

Храбрец сошел с лошади, а кроме него Заноза и еще один вождь из племени сиу. Втроем они вошли в дом.

Приготовленное угощение было вынесено оставшимся на улице гостям.

По знаку деда все сели за стол.

— Еще раз скажу: добро пожаловать, дорогие гости, во имя Великого Духа! — произнес Луи Бержэ, усаживая Храбреца по правую руку.

Один из остальных вождей сел подле Франсуа Бержэ, другой — рядом с Меткой Пулей.

Затем последовало угощение.

Пиво, водка и другие разнообразные напитки предлагались в изобилии. Стаканы переходили из рук в руки, и через десять минут были набиты трубки.

Луи Бержэ стукнул по столу, и появилась Вечерняя Роса с жаровней в одной руке; в другой она держала несколько благовонных палочек для закуривания трубок, для того, чтобы курильщики не трогали пальцами раскаленных углей.

Краснея и робко опустив глаза, молодая девушка подошла, легкая, как лань. В эту минуту она была необыкновенно хороша.

Храбрец повернулся к ней и с минуту рассматривал ее с холодным видом, хотя пламенный взгляд выдавал его; потом он спросил у деда:

— Эта прекрасная девушка, вероятно, ваша невольница?

— Нет, — отвечал старик, — она дочь моего сына; ей минула семнадцатая весна.

— Она прекрасна, как дева первой любви, — проговорил Заноза невольно дрожащим голосом.

— Не согласитесь ли вы, — произнес другой вождь, — отдать ее замуж за славного воина, которому она будет готовить пищу, чистить оружие и держать в порядке его дом?

— Вечерняя Роса еще очень молода, и я не знаю, раздавалось ли в ее сердце пение птички с лазоревыми крыльями, которое солнечным лучом освещает девичье сердце. Впрочем, мы с ее отцом предоставляем ей полную свободу соединиться с воином, который сумеет ей полюбиться.

— Клянусь! — возразил вождь из племени сиу. — В руке Ваконды сердца его творений; но часто алые губки молодых девушек отказываются обнаружить тайны своих сердец.

— Мудро говорит брат мой, — сказал дед.

— Вот мы все, вожди и известные воины своих племен, собрались за вашим столом, — заговорил Заноза. — Никто из нас не считается недостойным сделаться мужем дочери вашего сына. Почему бы нам не попробовать счастья?

— Все ли гости желают этой попытки? — спросил старик.

— Все просим о том, — ответили они в один голос.

— Да будет по-вашему. Дитя мое, слышишь ли ты?

Красавица поклонилась и ушла.

Вслед за этим в залу вошла пожилая индианка, жена самого почетного старейшины, и поставила на стол жаровню и благовонные палочки.

Каждый протянул руку за палочкой.

Но в тот же миг появилась Вечерняя Роса и, подавая Храбрецу закуренную трубку, сказала своим тихим мелодичным голосом:

— Вождь, примите эту трубку мира, которую подносит вам раба ваша.

Храбрец взял трубку, минуты две затягивался ее дымом, потом встал, положил руку на трепещущее плечо красавицы и, гордо окинув взглядом присутствующих, сказал громким и твердым голосом:

— Вожди, воины и охотники, окружающие меня! Теперь Вечерняя Роса жена Храбреца, вождя племени.

И, подавая ей стакан, сказал повелительно:

— Налей!

Вечерняя Роса налила в стакан вина.

Вождь прихлебнул и подал стакан девушке; она также прихлебнула, после чего стакан был пущен по кругу и наконец возвращен пустым в руки Храбреца.

— Теперь эта женщина моя жена. Признаете ли вы это? — спросил он.

— Признаем.

— Завтра я возьму ее в свою хижину.

— Мы желаем оставить ее у себя еще на несколько дней, — сказал дед.

— Ни на один час, ни на одну минуту более того, как я решил.

— В таком случае вы желаете ее похитить? — спросил старик.

— Непременно, если это неизбежно, — ответил индеец гордо.

При этих словах все встали. Вечерняя Роса удалилась прочь.

— Через час выкуп за Вечернюю Росу будет внесен, — сказал Храбрец.

Он ушел в сопровождении двух индейцев и всех присутствующих.

Вожди вскочили на коней. Храбрец величественно отклонился и произнес:

— До завтра.

Он встал впереди отряда, и все ускакали, а канадцы вернулись домой.

Ровно через час, как и было обещано молодым вождем, в дом родителей были доставлены богатые дары от жениха: лошади, оружие и меха, что, в сущности, составляло не то чтобы выкуп, но приданное для Вечерней Росы. Индейские воины, доставившие эти подарки, возвратились к жениху с драгоценными дарами от ее родителей.

Все подготовительные обряды были выполнены до мельчайших подробностей, как того строго требовал индейский этикет.

Нам, европейцам, не следует насмехаться над обычаями дикарей, да и удивляться тут нечему. Разве этикет времен

Генриха III или Людовика XIV не менее строго выполнялся до мельчайших, не менее пошлых подробностей? Везде люди остаются людьми; будь их кожа бела, черна или красна — все равно те же страсти волнуют их грудь, везде бывает низость, лицемерие. Дикие или цивилизованные, все равно люди увлекаются титулом, ленточкой, орденом, красивой игрушкой, знаком отличия, над чем смеются даже те, которые их жалуют... Увы! В человеческом болоте бывают всякие гадости, и честному человеку не следует копаться в нем, чтобы не задохнуться. Слишком понятная истина, что из всех животных, существующих на земле, человек едва ли не самая гнусная тварь, потому что он сам хвастается своей низостью, которую использует, как ступеньку, чтобы захватить себе побольше земных почестей, и из своей цели делает жалкого кумира, которому поклоняется из честолюбия. Помоему, краснокожие поступают честнее. Грубо, свирепо, напролом они идут к своей цели, но, по крайней мере, прямо, не придумывая при этом громких фраз. Так вернемся же к ним.

Не существовало ни малейших признаков, по которым можно было бы предвидеть тайную борьбу между Храбрецом и Занозой, а между тем борьба эта не замедлила обнаружиться.

Весь следующий день прошел в пирах и веселье.

Атаман простился с канадцами и удалился в свой лагерь вместе с капитаном Дюраном, Клинтоном, Оливье и Шарбоно.

Вскоре после солнечного заката Том Митчелл отрядил сотню самых отважных воинов; оставив остальных под командой Камота, он сам в сопровождении четырех друзей стал во главе конного отряда и удалился из лагеря, но с такими предосторожностями, что никто даже не догадывался о его отъезде.

Следуя индейскому обычаю, муж берет себе жену в полном смысле слова, то есть берет ее силой и бежит с ней в прерию. Через два дня он возвращается в селение с женой, посадив ее за собой на лошадь. Перед хижиной своего тестя он приносит в жертву молодую кобылу, вырывает у нее сердце и делает им крестообразный знак на своем лбу и на лбу своей жены, и этим все сказано: брак заключен, союз совершен.

Таково требование индейского этикета.

Храбрец старался все исполнить как следует; канадцы со своей стороны очень хорошо выучили роли, принадлежавшие им в этом случае.

К десяти часам вечера, в то время как шум и всякие звуки замирают в селении, на хижину Луи Бержэ напали со всех сторон; то были индейские воины под предводительством Храбреца.

Трое канадцев смело выступили против нападающих.

— Чего вы требуете? — спросил дед.

— Мою жену, которую вы задерживаете незаконным образом, — ответил Храбрец.

И без дальних переговоров они вступили в бой — впрочем, ни для кого не опасный.

Три защитника сделали несколько выстрелов в воздух для очистки совести и для доказательства сильной схватки — воображаемой, как всем было известно; молодая красавица была похищена, словно легкое перышко, и усажена на лошадь Храбреца, и в ту же минуту отряд умчался во весь опор, оглушительными криками торжествуя победу.

Отряд состоял из сотни воинов из всех племен, приглашенных на свадьбу; только десять или двенадцать воинов того селения и среди них Заноза были товарищами жениха.

Едва хищники с прелестной добычей скрылись из глаз, как из-за дома вышел Меткая Пуля и свистнул особенным образом.

Тотчас, как по мановению волшебной палочки, явились воины в полном вооружении и на отличных мустангах; все они выстроились позади Меткой Пули, успевшего вскочить на своего коня.

— Вперед! — закричал он звучным голосом, и воины, припав к гривам своих лошадей, помчались стрелой.

Около часа продолжалась эта бешеная скачка, которую невозможно описать никаким пером.

Лошади, как бы понимая мысли своих седоков, мчались в ночной темноте с фантастической быстротой, преодолевая преграды, перескакивая через рвы; ничто не могло замедлить их хода.

После такой скачки, продолжавшейся около часа, лошади точно взбесились и, не слушая ни узды, ни повода, мчались все прямо, как бы увлекаемые роком.

— Вперед! Вперед! — только покрикивал Меткая Пуля.

Скачка становилась все невероятнее; того, кто падал, некому было поднять, и всадники мчались по телам, даже не замечая этого. Существовала лишь одна цель — поспеть вовремя.

Вдруг послышалась ружейная перестрелка, и яркие огоньки рассекли ночной мрак; неподалеку разгорелся ожесточенный бой.

Меткая Пуля кинжалом прищпорил свою лошадь и еще раз прокричал:

— Вперед!

Лошади сделали последнее усилие и ураганом влетели в самую гущу свалки. Воины испустили воинственный клич и тотчас приняли участие в битве.

В ответ им раздались такие же крики со стороны противника.

Помощь подоспела вовремя.

На Храбреца внезапно напали его провожатые, но, предупрежденный заранее, он держался настороже и в минуту нападения быстро соскочил с лошади, крепко прижав к груди свою жену.

Молодой вождь, прислонившись спиной к огромному дереву и окруженный десятью воинами, остававшимися ему преданными, вступил в неравную борьбу; десять человек решились лучше умереть героями, чем сдаться в плен, и вступили в отчаянный бой с сотней свирепых дикарей, жаждущих принести их в жертву своей ненависти.

Вечерняя Роса была скрыта в густе листьев у подножия того же дерева, и бой разгорелся ожесточенный, беспощадный.

Из всех верных товарищей только двое теперь оставались на ногах, но Храбрец все еще не давал спуска. Он и два его товарища едва переводили дух от усталости; кровь лилась ручьями из многочисленных, правда, не тяжелых ран, но силы оставляли воинов. Еще несколько минут — и они должны погибнуть; они это чувствовали и, напрягая силы, совершали чудеса храбрости. Неприятели понимали это; они сознавали цену оставшихся минут и с бешеной яростью напирали на трех героев, которых все их усилия не могли сразить.

В эту самую минуту подоспела помощь с двух сторон. В продолжение первых последовавших за тем минут происходила неслыханная резня. После этого наступило молчание.

Роковое, могильное молчание, которое не нарушалось ни единым возгласом торжества победителей.

Все изменники полегли на месте, за исключением одного, главного, именно которого более всего хотелось иметь в руках.

Занозы нигде небыло. Он убежал, и каким образом, никто не мог бы сказать.

Он дрался как демон, с бешенством отчаяния; но в ту минуту, когда Меткая Пуля ударом приклада по голове сбил его с ног и вскочил на него, чтобы овладеть им, Заноза буквально проскользнул между его рук и скрылся, так что никто не мог отыскать его.

Отыскать Храбреца — вот была первая забота Меткой Пули и Тома Митчелла, командовавшего вторым отрядом. Зажгли факелы. Страшную картину представляло собой поле битвы: трупы вповалку лежали вокруг дерева, где произошло главное сражение.

Надо было пролагать дорогу между трупами, чтобы достигнуть Храбреца и двух его храбрых товарищей, прикрывавших его своими телами. Они шатались как пьяные. Страшное напряжение сил поддерживало их во время битвы, но по окончании сражения силы оставили их; все их существо было потрясено; они ничего не видели и не слышали. Они лежали неподвижно на неприятельских трупах и были не в силах пошевелить языком.

Их друзьям стоило больших трудов, чтобы привести их в чувство. Человеческие силы имеют пределы, и нельзя переходить эти пределы безнаказанно; геройство, каким бы прекрасным оно ни было, часто бывает гибельным. На этот раз, кажется, так и произошло.

К счастью, нежные и заботливые ласки Вечерней Росы, попечения умных и внимательных друзей — охотников и Тома Митчелла — совершили чудесное, можно сказать, исцеление.

Мало-помалу воины очнулись, подкрепленные разными целительными средствами своих друзей и в особенности гордой мыслью, что они одержали невозможную победу. Вскоре они почувствовали в себе достаточно сил не только для того, чтобы подняться на ноги, но и чтобы сесть на лошадей и возвратиться в селение.

Храбрец настаивал было, чтобы довершить все обряды, предписанные свадебным этикетом, но его друзья толком

объяснили ему, что было бы безумием оставаться одному в безлюдных прериях, куда не замедлят подоспеть враги, чтобы отомстить за смерть своих единоплеменников.

На рассвете соединенные отряды, сопровождавшие в торжественной процессии молодого вождя с женой, въехали в селение.

Приглашенные на свадьбу племени исчезли, и каждое из них оставило на месте своей стоянки пук стрел с окровавленными кончиками, связанных змеиной кожей.

Это означало объявление войны по всем правилам.

ГЛАВА XXIV

Каким образом Лагрэнэ принял неожиданных гостей и что из этого вышло

 было около восьми часов вечера. Ветер свистел, буря завывала и грозно ревела между деревьями; отрывистый вой волков сливался с хриплым ревом ягуаров в чаще леса; шумно вздымались мрачные воды Миссури и огромными волнами разбивались о скалистые берега. Все спали или притворялись спящими в поселении Лагрэнэ.

Один хозяин еще не спал. Сидя в камышовом кресле, облокотившись обеими руками на стол, переселенец читал, или, скорее, неподвижными глазами смотрел на Библию, лежавшую перед ним и слабо освещенную закоптелой лампой.

Его огромная собака с торчащими ушами, красными глазами, самого свирепого вида, лежала у его ног, положив морду на вытянутые передние лапы и, чутко насторожив ухо, при малейшем шорохе тихо рычала.

Читал ли Лагрэнэ? Вряд ли, потому что его глаза вот уже с час как остановились на одной странице; книга служила предлогом, скрывавшим его беспокойство, и не мешала работать мысли, которая была не очень отрадна, судя по его мрачному виду и смотря по тому, как он все более и более хмурился.

Вот уже несколько раз переселенец с видимым нетерпением посматривал на часы с кукушкой, стоявшие в углу комнаты, которая, мимоходом сказать, была парадной комнатой в его хижине, после чего глаза его снова устремлялись

на ветхие листы Библии. Вдруг раздался тихий свист, чрезвычайно походивший на свист гремучей змеи.

В один миг человек и собака подскочили к двери.

Человек захватил с собой ружье, собака ощерилась, оскалила два ряда страшных зубов и, глухо зарывчав, посмотрела умными глазами на хозяина.

— Молчать, Рок, молчать! — сказал Лагрэнэ вполголоса, ласково поглаживая пса. — Молчать! Это друг.

Собака перестала рычать и встала позади хозяина.

Лагрэнэ подошел к двери и приложил к ней ухо.

— Кто там? — спросил он, стараясь говорить как можно тише.

— Друг, — был немедленный ответ.

— Мало ли друзей бродяжничают по прериям с честными намерениями в такой поздний час ночи.

— Знаю, но меня ждут. Девять часов пробило, луна поднялась, вот и я тут! Отворите!

Вероятно, эта фраза была паролем, потому что дверь тотчас отворилась.

Но вместо одного в комнату вошли разом двое.

— Что это значит? — закричал Лагрэнэ, занимая оборонительное положение, тогда как собака смело бросилась вперед.

— Опустите ружье и придержите собаку, старый охотник, — сказал один из прибывших, — зла мы вам не желаем и явились с дружелюбными намерениями.

— А где доказательства? — возразил старик, не переменяя воинственной позы. — Я не ждал никого из вас.

— Справедливо. Но положим, что мы просим у вас гостеприимства; откажете ли вы нам?

Старик с сомнением покачал головой.

— Но как вышло, что вы произнесли именно те слова, которые должен был произнести тот, кого я ждал?

— Может быть, случайно, а может, и нет. Во всяком случае подтверждаю вам, что в настоящую минуту вам нечего бояться с нашей стороны; если же впоследствии обстоятельства переменятся, то на нас не пеняйте — вся вина будет с вашей стороны.

— Пускай будет по-вашему! — сказал Лагрэнэ, опуская ружье. — Я полагаюсь на ваше слово. Лежать, Рок!.. Входите, дорогие гости!

— Благодарим.

Они вошли. Лагрэнэ подбросил две охапки хвороста в огонь, поправил лампу, вынул из шкафа кусок жареной дичи, ковригу хлеба, кувшин крепкого эля и графин французской водки, все поставил на стол и, подвинув стулья, обратился к гостям, вежливо поклонившись:

— Прошу покорно; ешьте и пейте, ничего не боясь. Вы мои гости и находитесь в безопасности под ответственностью моей чести.

Он сам сел, гости последовали его примеру, и все втроем принялись закусывать, как будто век были друзьями.

Тем не менее каждый из собеседников держал оружие под рукой, как это было в обычае у всех пограничных жителей.

Когда они насытились и закурили трубки, Лагрэнэ обратился к гостям с расспросами, считая, что наступила подходящая минута начать разговор, чтобы узнать, хорошее или дурное он может ожидать от этих людей, так неожиданно и почти насильно вошедших к нему в дом.

— Господа, — сказал он с принужденной улыбкой, — не угодно ли вам теперь объяснить мне, кто вы и что за важная причина привела вас в глухую ночь в мою жалкую хижину?

— Неужели вы нас не знаете? — спросил тот посетитель, который все время говорил с ним. — Это довольно странно: мы с вами самые близкие соседи по граничным понятиям.

— Не говорю, чтобы я вас не знал, только мне сдается, что я в первый раз имею честь видеть вас.

— Я тоже так полагаю, тем более, что со времени моего водворения в здешних местах я мало посещал окрестности; кроме того, я совершил довольно большое путешествие и только сегодня к вечеру возвратился домой. Посему спешу нанести вам свой первый визит. Как видите, я не люблю терять времени даром.

— Действительно, это так. Но понятно, что такой любезный шаг с вашей стороны усиливает мое желание познакомиться с вами.

— За этим дело не станет, господин Лагрэнэ. Меня зовут Джонатан Диксон, а это мой брат Сэмюэль. Мы новые владельцы Оленьей долины. К этому надо добавить, что мы всегда к вашим услугам. Теперь, надеюсь, наше знакомство состоялось.

— Совершенно так, совершенно, — ответил Лагрэнэ весело и с прояснившимся лицом. — Несколько дней тому

назад я даже имел счастье видеть здесь вашего сына Гарри; должен прямо сказать, он спас мне жизнь.

— Да, он мимоходом намекнул мне об этом деле. Но не стоит говорить об этом: такими одолжениями пограничные соседи обмениваются ежедневно. Могу вас заверить, что молодой человек о том и не думает.

— Может быть, господин Диксон, но я-то думаю, что он спас меня от мучительной смерти.

— Ну, так и что же?

— А то, что я не забуду этого никогда.

— Воля ваша... Теперь потолкуем о деле.

— Не имеет ли оно какого-нибудь отношения к свиданию, которое вы назначили здесь моему племяннику? — спросил наконец Сэмюэль.

— Именно так, господин Сэмюэль: я желаю, насколько это от меня зависит, выказать ему свою благодарность за оказанное мне благодеяние, точно так же, как я не люблю оставаться в долгу за нанесенное мне оскорбление.

— Это свойственно всякому честному человеку. Впрочем, у пограничных жителей принят закон: око за око, зуб за зуб.

— Верно, и надо сказать, что этот закон справедлив, — заметил Лагрэнз.

— Трудно сказать... Но если вам это все равно, обратимся опять к моему племяннику. Если нет особых препятствий, то не угодно ли будет вам объяснить причины, заставившие вас назначить ему свидание нынешней ночью?

— Я не вижу смысла уклоняться от объяснения, и вы сами увидите, что причины, заставившие меня вызывать его, очень уважительны. Но прежде позвольте просить вас удовлетворить мое справедливое любопытство: почему вы, а не он явились на мое приглашение?

— Дело очень просто, — ответил Джонатан Диксон. — Я вам уже сказал, что только сегодня вернулся домой, совершив путешествие вниз по реке, продолжавшееся более месяца. Перед отъездом я поручил старшему сыну управление домом; понятно, что по моему возвращению он дал мне отчет обо всем, что произошло в долине во время моего отсутствия. Вот вам и весь секрет.

— Поверьте, господа, я не имел нужды в этом объяснении, однако я очень рад, что вы откровенно высказались; наше обоюдное положение теперь совершенно понятно и ясно.

— Полагаю, господин Лагрэнз, тем более, что если ваше дело действительно важное, то, как мне кажется, вам лучше потолковать с такими людьми, как мы с братом, чем с мальчиком, у которого едва только пушок показался.

— Вот это вы сказали верно; так как дело касается лично вас, то будет лучше всего, если мы потолкуем без всяких обиняков.

— Хорошо сказано. Вот мы вас и слушаем.

Старый переселенец задумался на минуту, но вскоре окончательно решил и сказал с добродушным видом и вкрадчивым голосом:

— Прежде всего поверьте, господа, что во всем этом я руководствуюсь искренним участием к вам. Не говоря уже о добросовестности, я считаю это своим священным долгом. В этом деле у меня нет другого интереса, кроме вашего.

— Нам угрожает опасность? — спросил Сэмюэль.

— Именно так! Вам угрожает опасность — и, к несчастью, со стороны страшного врага.

— Объяснитесь! — вскричали оба брата.

— Может быть, я плохо делаю, говоря с вами с такой откровенностью, но видит Бог, что благодарность увлекает меня и что я никак не могу противостоять этому чувству.

— Ради Бога, говорите скорее!

— Сейчас в двух словах я все объясню. Я не люблю длинных речей и прямо скажу вам, в чем дело, чтобы не мучить вас.

— Черт побери! — вскричал Сэмюэль. — Лучше вы разом объявили бы, в чем дело, чем держать нас будто на раскаленных углях.

— Потерпите, господа, сейчас скажу. Каждый говорит как может и по своему умению. Зачем вы только прерываете мою речь!

Американцы, судорожно сжав кулаки, прилагали нечеловеческие усилия, чтобы сдержать свое желание поколотить этого старого бездельника, который явно наслаждался их мучениями и насмехался над ними с той холодной иронией, от которой содрогаются все нервы и бушует гнев в сердцах самых терпеливых и миролюбивых людей.

— Да начнете ли вы когда-нибудь? — закричал Джонатан Диксон, стукнув кулаком по столу так, что все заходило ходуном.

— О, как вы нетерпеливы! — возразил Лагренэ равнодушно.

Но решив, вероятно, что довольно шутить и что тянуть с ответом дольше опасно, он наконец решился и сказал:

— В двух словах, господа, вот вам все дело: вы поселились в Оленьей долине и основали, если не ошибаюсь, великолепную колонию.

— Ну, так что же? — спросил Джонатан.

— Не горячитесь. Эта долина принадлежит самому сильному племени на берегах Миссури.

— А мне какое дело? Девственная земля принадлежит тому, кто первый водворился на ней.

— Может быть, но беда не в том, потому что этот народ владеет огромными территориями и мало обращает на них внимания, так что, по всей вероятности, он и не подумал бы предъявлять вам своих прав на этот клочок земли, если бы слишком значительный интерес не вынуждал его к этому.

— А позвольте узнать, какого рода этот интерес?

— В этой самой долине зарыто народное сокровище.

— Сокровище? Что называете вы сокровищем, старый охотник? Какое сокровище может быть богаче девственной почвы?

— Нестану с вами спорить по этому поводу, но говорю вам то, что есть. Этот клад существует на самом деле, это я знаю наверняка. Его стоимость исчисляется многими миллионами долларов золотыми слитками и золотым песком.

— Тем лучше. Так вы сказали, что клад находится на моей земле?

— Точно так.

— Ну, следовательно, он мне принадлежит, и я воспользуюсь им, — произнес Джонатан решительно.

— Будьте осторожнее! Борьба предстоит жестокая. Ваши противники многочисленны и мужественны; они соединились с шайкой разбойников и, кроме того, выбрали своим вождем молодого человека — такого же американца, как и вы, — который решился во что бы то ни стало покорить вас, и я боюсь, что он добьется успеха. Впрочем, поступайте как знаете. Теперь вы предупреждены.

— Думаете ли вы, что надо ожидать скорого нападения?

— С минуты на минуту; все уже готово.

— Вы не назвали имени того человека, который должен руководить или, вернее, командовать нашим врагом, — заметил Сэмюэль.

— Действительно, это так, — подтвердил Джонатан, — а для нас очень важно знать, с кем из наших земляков нам придется драться.

— Разве я не назвал его? Ну извините, это все из-за рассеянности. Его имя — Джордж Клинтон.

— Ложь! Ты солгал, старый бездельник! — закричал Сэмюэль, вскочив с места.

— Я сказал истину, — ответил старик благодушно.

Вдруг дверь с шумом отворилась, и появились двое людей, тащивших за руки сильно упиравшегося третьего, подталкивая его прикладами.

— Бездельник, — закричал один из них, — ты солгал!

Это был сам Джордж Клинтон.

Рок, хозяйская собака, хотела было броситься на вновь пришедших, но Шарбоно сильным ударом приклада заставил ее замолчать.

Лагрэнэ встал и прицелился, но американцы мигом обезоружили его и заставили сесть на стул.

Человек, которого таким необычным средством доставили Клинтон и Шарбоно, был не кто иной, как Заноза, вождь индейцев.

Позади трех посетителей следовали Надежа и Драк; но они почтительно остановились у порога.

— Господа, — произнес Джордж Клинтон, — кажется, я подросел вовремя; но — благодарение Богу! — нам удалось захватить и этого мошенника, который шатался около здешнего дома. Надеюсь, что он не заставит себя долго просить и скажет нам всю правду.

Он посмотрел на индейца, который невольно почувствовал, как дрожь ужаса пробежала по всем его жилам, однако с виду оставался холодным и спокойным, как будто дело его не касалось.

Оба американца мучились неизвестностью, а Лагрэнэ напрасно ломал себе голову, чтобы выдумать средство, каким образом выпутаться из критического положения, в какое поставило его неожиданное появление Джорджа Клинтона.

От шума, произведенного вторжением новых гостей, проснулась жена Лагрэнэ. Впопыхах она вскочила с постели,

оделась как попало и вбежала в комнату, дрожа от страха и любопытства, что такое могло случиться.

Картина, представшая перед ее глазами, была не совсем успокоительной для старика Лагрэнэ — тем более, что хотя вне дома ничего и не было видно, зато ясно слышались звуки, выдававшие самым недвусмысленным образом присутствие многих людей.

Наступила минута молчания, когда легко было слышать хриплое дыхание в груди присутствующих при этом зрелище.

Наконец Лагрэнэ, увлекаемый ужасом, от которого кровь стыла в его жилах, решил, во что бы то ни стало покончить с этим нестерпимым положением и узнать, на что он может надеяться и чего страшиться.

— Во всяком случае, господа... — начал было он.

Но Джордж Клинтон не дал ему договорить.

— Молчать! — крикнул он. — Вы будете говорить только для того, чтобы защищаться, и дай Бог, чтобы вам это удалось — не то чтобы оправдаться или доказать свою невиновность в этом деле, но чтобы возбудить участие и заслужить помилование тех, кто сейчас будет судить вас.

— Меня? Судить?! — вскричал старик, делая напрасное усилие подняться.

— Да, Лагрэнэ, вас судить. Разве вы забыли, что мы живем в пограничных владениях и признаем один закон — закон Линча?

— Закон Линча! — повторил старик, цепенея от ужаса.

— В чем дело? — поинтересовался Джонатан Диксон. — Вы же очень хорошо знаете этот закон. Не сами ли вы несколько минут назад подтверждали справедливость этих слов: око за око, зуб за зуб? Ну вот и выходит, что в этих шести словах заключается весь закон Линча.

В эту минуту послышался шум шагов.

— А вот и судьи, — холодно произнес Джордж Клинтон.

Смертельным ударом упали эти слова на голову старого переселенца.

Полусломанная дверь с шумом распахнулась, и несколько человек один за другим молча вошли в хижину.

Как вершится правосудие в прериях

агрэнэ сознавал свою гибель. Он попал в руки неумолимых врагов, от которых нельзя было ожидать пощады.

Заноза стоял, прислонившись к стене, как раз против двери; сложив руки на груди и понунив голову, он, по-видимому, ни на что не обращал внимания.

Однако хитрый индеец не отчаивался. Напротив того, он сосредоточивал все свои способности на одной мысли — как бы бежать.

Итак, несмотря на притворное равнодушие и неподвижность подкарауливающей кошки, он готовился воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы улизнуть от своих врагов.

Неожиданное появление Джорджа Клинтона сильно озадачило Джонатана Диксона; вся его злоба против молодого американца забушевала в эту минуту в его сердце, и, предавшись своей ненависти, он невольно допускал мысль о его вероломстве.

Между тем вновь пришедшие люди подхватили старого хозяина и, несмотря на его сопротивление и отчаянные крики его жены, старались вытащить его вон из дома, что, вероятно, им вполне бы удалось, потому что старик, полупомешанный от страха, не мог долго сопротивляться таким силачам. Но вдруг дверь опять отворилась, и на пороге показались Луи и Франсуа Бержэ.

— Помогите, друзья и братья! — закричал хозяин, задев их.

— Добрые родные, неужели вы допустите, чтобы на ваших глазах зарезали моего бедного мужа? — завопила его жена с душераздирающими воплями.

— Спасите, ради самого Бога, спасите!

— Смилуйтесь над нами!

Луи Бержэ поднял руку и сказал:

— Друзья и братья, этот человек мне родня; выдайте его мне. Клянусь, правосудие будет удовлетворено.

Люди тотчас повиновались и выпустили из рук Лагрэнэ, который, дрожа и задыхаясь, спрятался за стариков-канадцев.

Луи Бержэ повернулся к двум американцам, которые пришли в сильное замешательство, увидев себя в многолюдной толпе, внушавшей им нешуточные опасения.

— Господа, — сказал старик, — кажется, вы — те самые переселенцы, недавно водворившиеся в Оленьей долине?

— Точно так, — согласился Сэмюэль.

— Я как раз направлялся к вам.

— К нам? — с удивлением воскликнул Джонатан. — Это по какой такой причине? Мы вас не знаем, да и — насколько мне кажется — дела с вами никакого не имеем; нам и спорить не о чем.

— Вы ошибаетесь. Напротив того, у нас с вами есть важные дела, и речь идет о значительных интересах.

— Вероятно, вам угодно шутить, — сказал Джонатан.

— Тут не до шуток, как вы сами изволите видеть. Прежде всего позвольте вас спросить, по какому праву вы устроили расчистку в Оленьей долине?

— Вот странный вопрос! Клянусь честью, престранный!

— Может быть, но не угодно ли вам на него ответить?

— А если не угодно, что же из этого выйдет? — спросил переселенец с упрямым видом.

— А то, что я вынужден буду заставить вас отвечать мне, — спокойно произнес старый охотник. — Не угодно ли вам оглянуться вокруг; тогда вы поймете, что мне не трудно будет заставить вас сделать это. Поверьте мне, лучше будет, если вы добровольно дадите ответ.

— Пускай будет по-вашему; сила на вашей стороне, и глупо было бы с моей стороны сопротивляться. Обосновавшись в Оленьей долине, я поступал по праву.

— О каком праве вам угодно говорить?

— О праве первого основателя: земля принадлежит тому, кто первый займет ее.

— Послушайте, мне очень досадно за вас, но заявленное вами право не имеет никакого значения.

— Смотри пожалуйста! Это почему же, позвольте вас спросить? — проговорил Джонатан Диксон со своей обычной насмешкой.

— Во-первых, потому, что не вы первый завладели ею.

— Не я первый! Ну, уж это чересчур нелепо!

— Может быть, но это так. Во-вторых, эта земля принадлежит мне.

— Вам?

— Вот именно; она принадлежит мне уже более тридцати лет.

— Ого! Но я думаю, что вам будет очень трудно доказать свои права на эту собственность.

— Напротив, очень легко. Эта земля была передана мне на общем совете старейшин того племени, с которым я сроднился, и предоставлена мне в дар за услуги, оказанные мною этому племени. Если вы желаете видеть дарственный акт, я вам покажу его. Он составлен по установленному законом порядку.

— А что мне за дело до всей этой тарабарщины?

— Кроме того, — продолжал старый охотник все так же бесстрастно, — хотя и я удалился в прерии, однако хорошо знаком с порядками просвещенных государств и потому поспешил, во избежание возможных споров, заверить эту дарственную в канцелярии вашего собственного отечества. Во всем этом вы можете удостовериться, если только пожелаете — все сделано в законном порядке.

— Черт возьми! — вскричал Джонатан Диксон, разъярившись. — Неужели я в целом мире не найду уголка земли, который никому бы не принадлежал?

— Это очень трудно, даже в прериях.

— Так вы требуете назад эту долину?

— Именно так, требую.

Наступило короткое молчание.

Все присутствующие были до того заинтересованы этими необыкновенными переговорами, что все внимание их переключилось на споривших противников.

Заноза, улучив удобную минуту, незаметно проскользнул к выходу и вдруг бросился в дверь, опрокинув по пути двух зазевавшихся караульных; издав воинственный крик, индеец мгновенно исчез в чаще.

Поднялась страшная суматоха; каждому хотелось кинуться в погоню. Раздались беспорядочные выстрелы.

— Остановитесь и ни с места! — закричал престарелый охотник. — Пускай эта трусливая лань бежит; скоро она опять попадется к нам в руки.

Никто не стал заботиться о беглеце, который успел нырнуть в реку.

— Окончим наши переговоры, — вновь обратился канадец к Диксону.

— Довольно; теперь я начинаю все понимать.

— Вот как! И что же вы поняли?

— Дело очень просто: рассказанная мне история о кладе должна быть истинна.

— Сущая истина. Клад существует и принадлежит мне, а я подарил его капитану Тому Митчеллу.

— Атаману разбойников?

— Ему самому.

Джонатан и Сэмюэль посмотрели друг на друга с унынием.

— Довольно, — сказал Джонатан, — я вижу, что наше дело потеряно, и потому лучше сам уберусь отсюда подобру-поздорову.

При этих словах он глубоко вздохнул.

— Может быть, и так, а может быть, и нет.

— Что это значит? Уж не согласитесь ли вы продать мне эту землю?

— Это полностью зависит от вас.

— Я ничего тут не понимаю.

— Молодой человек, достоинств которого вы не хотели признавать, не зная ни его благородного сердца, ни его прямодушных намерений...

— О ком вы говорите?

— О Джордже Клинтоне.

— О Клинтоне! — повторил переселенец.

— Господа, — сказал молодой американец, подходя к ним, — благодарю за доброе намерение, но не хлопчите понапрасну, пытаюсь разуверить Джонатана Диксона на мой счет — он не поверит вам.

— А вот посмотрим! — воскликнул Сэмюэль. — Клянусь честью! Вы, Джордж Клинтон, храбрый и достойный юноша, которого я очень люблю. Тем хуже, если это оскорбляет моего брата.

— И ты, Сэмюэль, против меня?

— А что делать, если ты не хочешь ничего взять в толк. С самого первого дня нашего поселения на этой земле я встретил Джорджа Клинтона и после того ни на минуту не терял его из вида. Он искренно любит нашу Диану, и его поведение до настоящей минуты безукоризненно.

— И по всей вероятности, ты способствовал его свиданиям с моей дочерью?

— Еще бы! Такая чистая, такая прямодушная любовь этих милых детей напоминает мне лучшие дни молодости.

Послушай, брат, давай женим их да на том и покончим. Почему ты налагаешь на сына ответственность за отца, с которым у тебя вышли неприятности? Во всем этом нет искорки здравого смысла. Разве ты не понимаешь, что делаешь свою дочь несчастной?

— Да как же это... — начал было Джонатан.

— А будешь упрячиться и не отдашь ее любимому человеку, так она зачахнет и умрет с горя. Да и за чем делостало? Джордж богат, даже очень...

— Тем более, — подхватил Луи Бержэ, — что он вам уступит право на владение Оленьей долиной, которая, по-видимому, вам очень нравится, и в этом вы правы, потому что земля здесь превосходная.

— Как уступит? Что это значит?

— Это значит, что Джордж Клинтон купил у меня эту землю, так что теперь она составляет его собственность.

— О, теперь я понимаю!

— И принимаешь, не так ли, брат? — спросил Сэмюэль. Джонатан колебался.

— Однако я полагаю... — начал было он.

— К оружию! — вдруг огласили воздух пронзительные крики.

И в ту же минуту появился Том Митчелл.

— Вы здесь, о несчастные! — закричал он, увидев двух братьев. — Вы все-таки попались в западню, которую вам подставил Лагрэнэ и его сообщники.

— Что?! Что такое происходит? — закричали оба брата.

— А то, что пока вы тут теряете время, на вашу колонию напали индейцы и жгут и грабят все подряд. Скоро у вас останутся одни развалины да обломки!

При этом страшном известии, поразившем как громовым ударом всех присутствующих, наступила минута общего оцепенения.

Все повернулись к человеку, принесшему такую ужасную весть.

Страшная, леденящая душу картина предстала перед ними в образе Тома Митчелла; он был страшен — в порванной одежде, с лицом, запачканным порохом и кровью, с сильно изнуренным видом, грозным взором, метавшим молнии, и с еще дымящимся ружьем в руке.

Джордж Клинтон не теряя времени бросился вон из дома; Верная Опора не отставал от него.

Они понимали, что главное — надо спасти любимую женщину от страшной опасности, не дать краснокожим захватить ее в свои руки.

— Что же теперь делать! — воскликнул Джонатан Диксон, совершенно растерявшись.

— Не приходить в отчаяние, — резко сказала атаман разбойников. — Ваши сыновья и слуги дерутся как львы; две атаки были храбро отбиты. Все еще можно поправить, но не надо медлить.

— Поспешим! — воскликнул Сэмюэль.

— И горе этим воплощенным дьяволам! — проревел Джонатан, потрясая ружьем.

— Торопитесь же, ради самого Бога! У меня тут отряд молодцов, которые не прочь схватиться с краснокожими.

— Какая бы ни была причина ваших действий, от всей души благодарю вас! — сказал Джонатан.

— Скорее! Скорее! Теперь не до слов, надо дело делать.

— Вперед — и да поможет нам Бог! — воскликнул Джонатан.

Они выбежали из хижины и, быстро вскочив на коней, помчались во весь опор во тьме ночной, точно легион фантастических призраков.

В хижине остались четыре человека: два старых охотника и Лагрэнэ с женой.

Старик Лагрэнэ успел опомниться за время этой суматохи и важных происшествий, следовавших одно за другим с головокружительной быстротой. О нем забыли, и он ожил, считая себя спасенным.

Оставшись наедине с родственниками, он кивнул головой жене, и оба поспешили накрывать стол и подавать угощения.

Старые канадцы оставались все время на ногах и, опершись на ружья, понуриив головы, казалось, не замечали этих приготовлений.

Лагрэнэ подошел к ним и произнес вкрадчивым голосом:

— Любезные гости, не угодно ли вам откусать у нас хлеба-соли?

Франсуа Бержэ быстро выпрямился и сказал:

— Что это он говорит?

— Вы изволили проделать длинный путь, так не угодно ли...

— К чему это? — перебил его охотник сурово.

— Неужто вы не хотите выпить у нас и стакана вина? — спросила жена ласково.

— Молчать! — крикнул Франсуа, стукнув по полу прикладом ружья.

Тут Луи Бержэ поднял голову и, устремив на Лагрэнэ странный взгляд, проговорил едва слышным голосом:

— Лагрэнэ, я вырвал тебя из рук врагов, потому что не хотел, чтобы мой родственник был повешен по закону Линча, но я дал клятву, что правосудие восторжествует. Ты опозорил не только свое имя, но и семейство, с которым находишься в родстве; это семейство, несмотря на свою бедность, сохранило в неприкосновенности лучшее свое благо — свою честь. Эту честь ты опозорил самым гнусным, самым бесчеловечным образом из-за горсти золотого песка, из жалкой корысти. Подтверждаю, правосудие свершится! Готовься к смерти!

— К смерти?.. — повторил старик с ужасом.

— О, мои милые братцы, дорогие мои друзья! — завопила его жена, заливаясь слезами и протягивая к ним с мольбой руки. — Неужели у вас хватит духа убить моего бедного мужа? Вот уже тридцать лет живем мы с ним душа в душу и никогда не знали разлуки. Куда же мне деваться, если его не будет на свете? Кто прокормит меня и позаботится о моей старости? Ради самого Господа, не убивайте его! Его не будет — и я вслед за ним уйду в могилу.

— Зачем тебе умирать, сестра? — сказал Франсуа Бержэ. — Мы позаботимся о тебе, и ты ни в чем не будешь иметь нужды.

— Как?! — воскликнула она с непритворным отвращением. — Чтобы я приняла милость от убийц моего мужа! Чтобы я приняла пищу из рук, проливших его кровь! Нет, вы же этому сами не верите! Нет, это так бесчеловечно, что я подавилась бы первым куском! Нет, нет, дорогие мои братцы, — продолжала она с лихорадочным увлечением, — лучше не делайте вашего дела вполсилы, а исполняя должность палачей, убейте уж и меня заодно с ним. Сжальтесь надо мной! По крайней мере, мы с мужем не узнаем разлуки и умрем, как и жили, вместе.

Луи Бержэ отвернулся, ничего не отвсая; искреннее горе жены невольно тронуло сердце этого стойкого, бесстрастного старика.

Молча он дал знак сыну.

Франсуа Бержэ принялся заряжать ружье.

— Остановитесь! — вдруг сказал Лагрэнэ твердым и решительным голосом. — Слишком давно и слишком хорошо мне известна беспощадная воля, управляющая вашими действиями, и потому я не стану торговаться с вами за жизнь, не стану унижаться до напрасных просьб. Вы решили, что я должен умереть, — да будет по-вашему! Я умру, но только не от вашей руки. Вы говорите, что честь нашей фамилии требует удовлетворения правосудия... Клянусь, я сам своей рукой удовлетворю это правосудие... Но я не хочу умирать как собака. Я христианин и прошу у вас десять минут, чтобы покаяться и примириться с Богом. Откажете ли вы мне в этой последней милости?

— Сохрани Бог! — воскликнул старый охотник. — Молю Бога, да пошлет тебе мирный конец, да простит Он твои преступления и да помилует тебя!

— Благодарю, братья и друзья! — сказал Лагрэнэ и потом, обращаясь к жене, воскликнул: — Жена, на колени! Братья, молитесь за меня и простите мне все зло, какое я когда-либо причинил вам и моим ближним!

Старые охотники не выдержали и со слезами бросились обнимать своего двоюродного брата. Несколько минут они вместе плакали, потом с усилием вырвались из его объятий и бросились вон из хижины.

Не прошло и пяти минут, как раздались два выстрела, за которыми послышался жалобный вой собаки.

Канадцы вернулись в хижину.

Свершилось!

Лагрэнэ и его жена лежали на полу, держась за руки; одежда их была в крови, на лицах выражалось спокойствие смерти.

Охотники опустили на колени и долго молились над их трупами.

Потом они встали, вырыли могилу в той же комнате и похоронили мертвецов.

Исполнив свою обязанность, они заперли двери, подложили хворост и сухие ветви под дом и зажгли его со всех сторон. Собаку они с трудом вытащили из дома, но она с воим убежала от них в лесную чащу.

Пламя быстро разгоралось и скоро охватило весь дом.

Когда дом сгорел дотла и на его месте осталась только груда золы и мусора, охотники отерли влажные глаза, осе-

нили себя крестным знаменем и, произнеся последнюю молитву, с тяжкими вздохами вернулись в свое селение. Медленными шагами, ни разу не оглянувшись и не обменявшись ни одним словом, они пришли домой после двухчасового пути.

В деревне было тихо, только женщины и старики стояли у порогов своих хижин и караулили. Нет, не видать ни одного воина.

Не замечая, что творится вокруг, старые охотники тихо вошли в свою хижину и заперли за собой дверь.

ГЛАВА XXVI

Последняя битва

ом Митчелл сказал правду.

Многочисленные отряды индейцев напали на поселение Джонатана Диксона.

Расскажем по порядку, как происходило дело.

Заноза и переселенец Лагрэнэ, увлекаемые общей ненавистью, не замедлили свести тесную дружбу и, следовательно, поняли друг друга.

У старого переселенца было одно желание — как бы захватить в свои руки сокровища, зарытые в Оленьей долине. Для этого он убедил Занозу, что за его содействие он не только разделит с ним сокровища, что, по правде сказать, мало трогало индейца, но и поможет ему украсть белую девушку, которая по красоте своей не уступит Вечерней Росе, и что, кроме того, Храбрец по своему выздоровлению, вероятно, не замедлит примчаться на помощь к своим друзьям американцам, и тогда Заноза легко сможет убить своего врага в рукопашной схватке; отомстив врагу, ему уже легко будет завладеть его молодой женой, чем довершатся все желания влюбленного дикаря.

Лучезарная надежда обольстила индейца, а хитрый Лагрэнэ не жалел красноречия, чтобы живо представлять следующие вслед за тем наслаждения. Следствием всего было заключение военного союза между ними.

Вождь Заноза соединился с неприятельскими племенами, горевшими желанием отомстить за поражение. Кроме того, нападение на белых, заклятых врагов, и надежда на богатую добычу имели вполне достаточную силу, чтобы заставить их соединиться с молодым вождем, обещавшим им и то и другое.

Нападение на новое поселение было задумано и разработано с той хитростью и ловкостью, какими отличаются грабежи и злодейские набеги пограничных индейцев.

В условленный день племени собрались в различных пунктах и разом двинулись на назначенное место.

Оба брата были обманом выманены из своих домов. Заноза шатался с некоторыми избранными воинами около хижины Лагрэнэ и только ждал сигнала, чтобы напасть и покончить с белыми. Но когда он меньше всего этого ожидал, на него самого напали врасплох и притащили его в хижину.

Весь план был под угрозой срыва, но хитрый Заноза после короткого плена улучил благоприятную минуту, улизнул и подоспел как раз вовремя, чтобы подать сигнал своим союзникам к нападению на неприятельскую колонию.

Поселение было окружено индейцами, которые напали разом со всех сторон.

Но американцы были настороже и сумели отразить нападение с таким мужеством, что индейцы, обманувшись в надежде застать их врасплох, отступили.

Том Митчелл был обо всем предуведомлен через многочисленных шпионов, которых содержал во всех племенах; он тотчас принял меры, желая не только разрушить планы своих врагов, но и дать им хороший урок, чтобы надолго отбить у них охоту нападать на белых.

Полторы сотни разбойников, под командой Птичьей Головы, были незаметно проведены в поселение. Всем руководил Джордж Клинтон, уже сообщивший Гарри Диксону об угрозе нападения.

После этого Клинтон вместе с Шарбоно засели в засаде неподалеку от хижины Лагрэнэ.

Камот был отправлен в селение гуронов племени Бизонов к Храбрецу и Меткой Пуле, чтобы позвать на помощь всех воинов племени.

В свою очередь Том Митчелл во главе храбрейших из храбрых товарищей расположился так удобно, что мог в назначенное время действовать на свободе и всюду поспевать на помощь.

Но если оборона была достойна удивления, то и нападение производилось со свирепой отвагой. Краснокожие дрались как демоны. Храбрые, хорошо вооруженные и, главное, уверенные в превосходстве своих сил, индейцы с неслыханной

отвагой бросались на укрепления, которые были наскоро воздвигнуты и не могли долго выдерживать натиска врагов.

Заноза, все время впереди своих воинов, совершал чудеса храбрости.

Битва принимала такие размеры, что была минута, когда даже Том Митчелл почти усомнился в победе; тогда только он помчался во весь опор к хижине Лагрэнэ и призвал на помощь всех присутствовавших там.

Все помчались, словно подхваченные вихрем.

Бой продолжался с неслыханной яростью.

Воинственный клич индейцев сливался с оглушительными «ура» американцев и с треском ружейной пальбы.

Вдруг послышался быстрый топот лошадиных копыт: триста воинов-гуронов под предводительством Храбреца, Меткой Пули и Камота прибыли на выручку.

Том Митчелл вскрикнул от радости.

Он разделил всех всадников на три отряда; командование над первым он поручил Храбрецу и Меткой Пуле, над половиной своих товарищей он передал начальство Оливье, а вторую половину возглавил сам.

По данному сигналу все три отряда с оглушительными криками с трех сторон разом бросились на нападающих.

Неожиданная атака удивила индейских воинов, но не смутила; они развернулись и смело вступили в бой с новыми врагами.

Сэмюэль Диксон и его брат воспользовались этой минутой, чтобы пробраться к своим, и были встречены радостными криками.

Они явились как раз вовремя, чтобы подкрепить личным присутствием мужество своих верных слуг: пули и длинные стрелы индейцев успели произвести в их рядах сильное опустошение, и люди были доведены до отчаяния.

Кроме того, во многих местах укрепления были уже разрушены, и индейцы толпами прорывались в поселение.

Положение становилось угрожающим. Пока Джонатан пытался восстановить порядок в защите, Сэмюэль спешил предупредить Тома Митчелла о трудном положении дел.

А между тем капитан Митчелл так успешно окружил краснокожих огненной преградой, что доведенные до крайности дикари решились на последнее усилие, чтобы добиться поражения американцев и опустошить их поселение; у них

оставалась одна надежда на спасение — победа над американцами.

Сражение приняло поистине гигантские размеры. Противники вступили в рукопашный бой грудь с грудью, рука с рукой, не давая никому пощады; кто падал, тот был уже мертв.

Заноза с двадцатью храбрейшими воинами клином врезался в толпы, где битва была наиболее жаркой; опрокидывая все, что преграждало ему дорогу, он каким-то невероятным прыжком перескочил через укрепление и, не замедляя бешеной скачки мустанга, сопровождаемый своими удалцами, помчался прямо к главному дому, где были собраны все женщины и дети.

С пронзительным криком Заноза подскочил к двери дома; там среди женщин и детей он увидел Диану.

При виде этого черного демона, потрясающего окровавленным мечом над головой и заставляющего своего мустанга безжалостно топтать женщин и детей, Диана испустила страшный вопль и бросилась от него в сторону, закрыв лицо руками.

— Ага! Вот она! — закричал Заноза, заранее торжествуя свою победу. — Уж на этот раз ты не убежишь от меня, бледнолицая красавица!

Он понукал свою лошадь переступить через порог залы. Вдруг лошадь стала на дыбы, опрокинулась, и всадник свалился на землю. Дардар, верная собака, вцепилась в морду лошади, которая от боли поднялась на задние ноги, упала и сбросила своего хозяина.

Тогда умная собака выпустила лошадь и, вцепившись в горло индейца, не позволила ему тронуться с места.

— Держи его, Дардар, держи крепче! — кричал Джордж Клинтон, прибегая на выручку в сопровождении Верной Опоры и своих славных богатырей — Драка и Надежи.

Но Дардар не нуждался в поощрении; он не только крепко держал, но и буквально грыз несчастного индейца, когда тот делал отчаянные, но безуспешные усилия отделаться от него.

Краснокожие дрогнули при виде такого ужасного зрелища.

Джордж Клинтон и Верная Опора смело бросились на них с помощью своих богатырей.

Бой был ужасный, и, вероятно, молодые люди погибли бы под натиском неприятеля, гораздо более многочисленного, но на выручку к ним подоспели человек сорок разбойников под командой Оливье и Джонатана.

На этом битва была окончена.

Несколько краснокожих, сумевших избежать смерти, бежали врассыпную; за ними гнались неумолимые враги и добивали их без всякой жалости.

Едва ли шестая часть осаждавших нашла спасение в бегстве.

На этот раз поражение индейцев было еще ужаснее предыдущего.

— Дочь моя! Диана! — кричал Джонатан хриплым от ужаса голосом.

— Она спасена! — проговорил Джордж, подводя к нему Диану.

— А ее похититель?

— Посмотрите! — ответил молодой человек, показывая на неузнаваемый труп Занозы, над которым все еще возился Дардар с неслыханной яростью.

— Сын мой! Благодарю! — воскликнул Джонатан, прижимая молодого человека к своей груди.

Они помирились...

Прошло четыре дня после этих событий. Шесть хорошо вооруженных всадников, сидя на отличных мустангах, выехали с острова разбойников, временно остававшегося под началом Камота.

Переправившись через брод на сушу, всадники сошли с лошадей в двадцати шагах от отряда американских солдат.

— Вот здесь мы и расстанемся, — обратился Оливье к пожилому французу, который гонялся за ним по прериям. — Я представлял вам документы, возвращенные мне старым деятелем времен террора, имя которого вам знать бесполезно; из них вы могли убедиться, что я имею право на имя и титул. Но успокойте тех, кто нанял вас агентом. Я отрекаюсь от этого имени и титула; на что они мне в этих пустынных краях, где я отныне намерен поселиться? Если же, против моего желания, судьба опять занесет меня во Францию, скажите моему отцу и родственникам, что тогда бесполезно будет искать моей смерти; отныне я умер для всех и внесу во

Францию имя, которое сам заслужу. Истинное благородство — в сердце, а не в титуле, более или менее звонком.

— Позвольте... — пролепетал Эббар.

— Довольно! Отныне мы с вами незнакомы. Дай Бог, чтобы мы никогда больше не встретились! В другой раз вам не удастся так легко отделаться от меня, как сегодня; я не буду иметь жалости к вам. Прощайте и помните, что я умер для вас, как и для моих родных. Бог вам судья!

Оливье отвернулся. Смущенный Эббар поклонился и ушел вместе с бостонским арматором, с которого пот лил ручьями; Джордж и его также отделал без пощады.

Скоро оба скрылись со своими провожатыми.

— Теперь и мне надо с вами проститься, — произнес Том Митчелл, обращаясь к трем товарищам: капитану Дюрану, Оливье и Меткой Пуле.

— Нет-нет! — перебил его Оливье с живостью. — Напротив, мы отправляемся с вами.

— Вы?! — радостно вскричал атаман разбойников.

— Я и мои товарищи.

— Благодарю, — сказал капитан в раздумье, — но честь запрещает мне принять ваше великодушное содействие.

— Это почему? — спросил Оливье.

— А потому, что я принимаюсь за отчаянное предприятие, где, вероятно, сложу голову.

— Мы это знаем и именно потому не желаем разлучаться с вами.

— Обдумайте все получше, друзья мои.

— Довольно уж мы думали и давно все решили.

— Сестра моя счастлива с любимым мужем; дед и отец не нуждаются во мне, — сказал Меткая Пуля. — Куда мой друг пойдет, туда и я за ним.

— Аминь! — заключил, улыбаясь, капитан Митчелл.

— А я-то? Вы, кажется, забыли обо мне, — сказал Дюран. — Признаюсь, мне больно это слышать.

— Нет, мы не забыли о вас, милый друг, но вам не по дороге с нами: мы отправляемся в Мексику.

— Знаю, но вы выбираете плохую дорогу, тогда как я знаю гораздо лучшую.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мой бриг «Патриот» стоит на якоре в Нью-Йорке. По-едем со мной, и я обещаю высадить вас на какой хотите

берег... Что прикажете делать? Ведь я эгоист в дружбе, и мне совсем не хочется расставаться с вами.

И четверо друзей соединили свои руки в крепком пожатии.

Договор был заключен и скреплен печатью дружбы.

Может быть, со временем мы расскажем, какие последствия имело то опасное предприятие, в которое так смело бросились трое отважных охотников до приключений; расскажем и о дальнейшей судьбе людей, с которыми нас свела эта книга.

Меткая Пуля

ГЛАВА I

Лагерь охотников

Северная Америка — земля чудес. Все здесь принимает необычайные, исполинские размеры, пугающие воображение, смущающие ум.

Горы, реки, озера — все скроено по величественному образцу.

Вот река Северной Америки — она не походит на Рону, Дунай или Рейн с их берегами, где на каждом шагу встречаются города, сады или развалины древних замков, постепенно разрушающиеся под действием времени, не походит на европейские реки, говорим мы, с их незначительными, мелкими притоками, с их узким руслом, где они, сжатые, kloчут в нетерпении, стремясь влиться в лоно моря; она глубока и безмолвна, она широка, как залив океана; спокойно, сурово и величественно катит она свои волны, мягко омывая берега тысячи островов, образовавшихся из нанесенного ила.

Эти острова, поросшие высоким лесом, издают острый пряный запах, и ветер разносит его далеко вокруг. Ничто не нарушает их уединения, кроме тихого жалобного призыва горлицы или громкого рева ягуара, отдыхающего в тени.

Местами деревья, рухнувшие от старости или вырванные ураганом, скапливаются на поверхности воды; связанные лианами и скрепленные илом, они образуют плавучие островки, где вырастает молодой кустарник, стелятся водные растения, раскидывают свои желтые цветы кувшинчики; змеи, птицы и кайманы отдыхают и резвятся на этих зеленющих плотках и вместе с ними движутся в сторону океана.

Другие реки в том же поясе называются Небраска, Платт, Миссури.

Эта река — *Меша-Шебе* (Прародительница Вод), река из рек — словом, Миссисипи!

Обширная и непостижимая, как бесконечность, полная загадок и ужасных тайн, как Иравади и Ганг, она для многочисленных индейских племен, населяющих ее берега, является первообразом беспредельного плодородия и вечности.

В одиннадцатом часу утра 10-го июня 1834 года три человека сидели на берегу этой реки, немного выше ее слияния с Миссури, и завтракали куском жареной лосятины, весело разговаривая между собой.

Окрестности вокруг них были чрезвычайно живописны: в этих местах отмель, состоящая из холмов, усеянных цветами, вдавалась в реку грациозными изгибами.

Незнакомцы выбрали для привала вершину самого высокого холма, откуда открывалась великолепная панорама.

Сперва глазу путешественника представлялась густая зелень, по которой ветерок пробегал легкой рябью, далее были видны острова, разбросанные по реке, где бесчисленные стаи фламинго с розовыми крыльями стояли на своих длинных ногах, зуйки и щуры перелетали с ветви на ветвь, а чудовищные кайманы лениво валялись в иле.

Серебристая водная гладь между островами отражала яркие лучи солнца. Посреди этих ослепительных отблесков играли самые разнообразные рыбы и пролагали на поверхности воды сверкающие борозды.

И наконец, так далеко, как только мог простираться взгляд, угадывались верхушки деревьев, окаймлявших луга; их темная зелень едва заметной чертой обозначалась над горизонтом.

Но три человека, о которых мы упоминали, казались равнодушны к окружающей их красоте; они, по-видимому, были озабочены только тем, чтобы удовлетворить волчий голод.

Впрочем, их трапеза длилась недолго, всего несколько минут. Когда последние куски были проглочены, один из этих людей раскурил индейскую трубку, которую достал из-за пояса, другой вынул из кармана сигару, и оба растянулись на траве, отдыхая после сытного обеда и с наслаждением, свойственным курильщикам, наблюдая томным взором за клубами голубоватого дыма, который поднимался вверх длинными тонкими спиралями. Что же касается третьего, то

он прислонился спиной к стволу дерева, скрестил руки на груди и моментально заснул.

Мы воспользуемся этой минутой отдыха, чтобы представить наших действующих лиц читателю и познакомить его с ними поближе.

Первый, канадец смешанной крови, лет пятидесяти, носил прозвище Меткая Пуля.

Он провел всю жизнь в прериях, среди индейцев, и до тонкости изучил все их уловки.

Подобно большинству своих соотечественников, Меткая Пуля отличался высоким ростом — в нем было свыше шести английских футов — и сухощавым телосложением; его узловатые мышцы были крепкими, как веревки, лицо, очерченное в виде удлинненного треугольника, также худощавое, дышало необыкновенной прямоотой и веселостью, а его маленькие, словно буравчики, серые глазки блистали умом; выдающиеся скулы, орлиный нос, большой рот с длинными белыми зубами и острый подбородок составляли весьма оригинальную и вместе с тем чрезвычайно симпатичную наружность, какую только можно вообразить.

Одет он был, как все лесные охотники: его костюм представлял собой весьма характерное смешение индейских и европейских стилей.

Его вооружение состояло из ножа, пары пистолетов и американской винтовки, брошенной в данный момент на траву, однако так, чтобы быть под рукой.

Его товарищ, лет тридцати с небольшим, казался не старше двадцати пяти; он был высокого роста и прекрасно сложен.

Его голубые глаза с женственно-кротким и томным взглядом, густые белокурые волосы, которые падали большими локонами из-под широких полей шляпы и в беспорядке рассыпались по плечам, белизна его кожи, резко отличавшейся от смуглого с оливковым оттенком цвета кожи охотника, доказывали вне всякого сомнения, что он не родился под знойным небом Америки.

Действительно, этот человек был француз по имени Шарль-Эдуард де Болье, потомок одного из древнейших родов Бретани. Графы де Болье участвовали в двух крестовых походах.

Под своей отчасти женственной внешностью Шарль де Болье скрывал львиную храбрость, которую ничто не могло

поколебать. Гибкий и ловкий, он был одарен чудовищной физической силой, и нежная белая кожа его скрывала стальные мускулы.

Кто дал бы себе время рассмотреть его костюм, тот нашел бы его странным в краях, отдаленных от цивилизованных стран.

Одежда его состояла из обшитого позументами зеленого суконного охотничьего кафтана французского покроя, застегнутого на груди, замшевых штанов шафранного цвета и ботфортов выше колен; к туго затянутому поясу из лакированной кожи были прицеплены отличные пистолеты, патронташ и охотничий нож в стальных с чернью ножнах и с рукояткой богатой чеканки.

Так же, как и его товарищ, он положил рядом с собой на траву свою винтовку с клеймом знаменитого оружейного мастера Лепаж и богатой чеканкой — это оружие, должно быть, стоило баснословных денег.

Граф де Болье, отец которого последовал в изгнание за королевской фамилией и усердно служил принцам сперва в армии принца Конде, а потом во всех роялистских заговорах, неустанно составляемых во времена Империи, само собой разумеется, был рьяным роялистом. Рано лишившись родителей, он в очень молодые годы уже располагал громадным состоянием и был принят поручиком сперва в мушкетеры, а потом в королевскую лейб-гвардию.

После падения Карла X молодой граф, карьера которого погибла, впал в глубокое уныние и почувствовал непреодолимое отвращение к жизни. Он возненавидел Европу и принял решение покинуть ее навсегда.

Поручив управление своим имением верному человеку, граф де Болье отправился в Америку.

Но американская жизнь, мелкая и эгоистичная, была не по нему, молодой граф не понимал американцев, точно так же как они не понимали его. Жажда сильных впечатлений, с сердцем, уязвленным мелочной низостью и гнусностью, доказательства которым он ежедневно видел со стороны потомков плимутских пилигримов, он решился уйти от печального зрелища, которое имел перед глазами, и углубиться внутрь материка, чтобы посетить бескрайние равнины и прерии, откуда первые владельцы этой земли были вытеснены коварными грабителями посредством обмана и измены.

Граф привез с собой из Франции старого слугу их семейства, предки которого в течение многих веков постоянно служили графам де Болье.

Передотплытием в Америку граф сообщил о своих планах Ивону Керголе — так звали слугу, — предоставляя ему на выбор ехать с ним или остаться. Не раздумывая долго, тот ответил просто, что господин имеет право ехать, куда ему заблагорассудится, не спрашивая его согласия, а что его обязанность слуги — следовать за господином повсюду, и этой обязанности он не изменит. Однако все же, когда граф вознамерился посетить прерии, он счел своим долгом предупредить слугу об этом намерении и получил от него тот же ответ, что и в первый раз.

Ивону было около сорока пяти лет, он олицетворял собой тип смелого, простодушного и вместе с тем хитрого крестьянина-бретонца; приземистый и коренастый, он был хорошо сложен, и его широкая грудь выдавала большую силу. Лицо его, кирпичного цвета, освещалось хитрыми серыми глазками, которые так и блестели.

Ивон Керголе провел свой век мирно и спокойно в раззолоченных хоромах особняка де Болье и усвоил себе упорядоченный и удобный образ жизни слуг в больших домах. Он никогда не имел случая выказывать храбрость и потому вовсе не знал, наделен ли этим качеством. Хотя он в течение последних месяцев, сопровождая своего хозяина, уже несколько раз находился в большой опасности, он тем не менее не выходил из своего неведения, то есть он не имел к себе ни малейшего доверия и, напротив, был убежден, что труслив как заяц. Прелюбопытно было видеть Ивона после стычки с индейцами, где он дрался как лев и совершил чудеса храбрости, смиренно извинявшегося перед господином в своем постыдном поведении, которое оправдывал непривычкой сражаться.

Само собой, граф извинял его, умирая со смеху и говоря ему в утешение, так как бедняга действительно мучился мыслью о своей мнимой трусости, что впредь он, вероятно, будет смелее и мало-помалу привыкнет к жизни столь отличной от той, которую вел до сих пор.

При этих утешениях достойный слуга грустно качал головой и отвечал самым искренним тоном:

— Нет, нет, ваше сиятельство, я никогда не буду храбр, это выше моих сил, я чувствую и прекрасно сознаю, что век останусь трусом.

Ивон Керголе носил ливрею, только, сообразуясь с обстановкой, он, подобно своим спутникам, был вооружен с ног до головы.

В настоящую минуту, как и у других двух путешественников, карабин лежал на земле подле его руки.

Три великолепные породистые лошади, полные огня, стреноженные в нескольких шагах от путешественников, с которыми мы познакомили читателя, спокойно жевали, набрав полный рот, побеги гороха и молодые побеги деревьев.

Мы забыли упомянуть о двух довольно странных привычках графа де Болье: во-первых, он никогда не снимал прехорошенькой одноглазки, вставленной в правый глаз и надетой на шею на черной ленточке, во-вторых, он носил постоянно лайковые перчатки, которые, надо сознаться, очень загрязнились и истерлись, к искреннему сожалению графа.

Спрашивается, по какому странному стечению обстоятельств эти люди, составлявшие такую резкую противоположность по происхождению, привычкам и воспитанию, оказались вместе милях в шестистах от всякого цивилизованного жилища, на берегу реки, если не совсем неизвестной, то, по крайней мере, до той поры еще неисследованной, и, дружески расположившись на траве, по-братски делили завтрак, до крайности скромный.

Мы объясним это читателю, изложив в нескольких словах сцену, произошедшую в степи за полгода до того дня, когда начинается наш рассказ.

Меткая Пуля был человек необычайно смелый; кроме того времени, когда он служил в компании пушных промыслов, он всегда охотился один, не опасаясь индейцев, поскольку презирал их, и находя в том, чтобы пренебрегать ими, наслаждение, какое испытывает храбрец, когда перед лицом Всевышнего, полагаясь лишь на свои собственные силы, борется с грозной и неизвестной опасностью.

Краснокожие знали и боялись его с давних пор. Меткая Пуля имел с ними неоднократные стычки, и почти всегда индейцы выходили из них сильно пострадавшими и оставившими немалое число своих воинов на поле битвы.

Разумеется, они поклялись охотнику в настоящей индейской вражде, удовлетворить которую может одна только мучительная смерть того, к кому ее питают.

Но так как они знали, с кем имеют дело, и вовсе не желали увеличивать число жертв, которые уже были принесены, то с выдержкой, свойственной их племени, решились выждать благоприятного случая овладеть врагом, а до той поры только тщательно наблюдать за его малейшими движениями, чтобы не пропустить удобной минуты, когда она представится.

Меткая Пуля охотился в то время на берегах Миссури.

Зная, что за ним наблюдают, и подсознательно ожидая западни, он принимал все меры предосторожности, какие подсказывали ему изобретательный ум и глубокое знание индейских хитростей.

Однажды, когда он осматривал берега реки, ему почудилось едва заметное движение в густом кустарнике немного впереди.

Он мигом остановился, лег на землю и тихо пополз по направлению к кустам.

Вдруг лес как будто содрогнулся до своих самых неведомых чащоб и толпа индейцев — одни точно выросшие из-под земли, другие посыпавшись с деревьев, третьи выскочив из-за скал — буквально подавила охотника своей массой и поставила его в невозможность двинуться с места, прежде чем он даже успел руку поднять для обороны.

Меткая Пуля вмиг оказался обезоружен; затем к нему приблизился вождь индейцев, подал ему руку и сказал холодно:

— Пусть брат мой встанет, краснокожие воины ожидают его.

— Хорошо же, — процедил сквозь зубы охотник. — Еще не все кончено, индеец, я отомщу.

Вождь улыбнулся.

— Мой брат подобен дрозду, — насмешливо заметил индеец, — он много говорит.

Меткая Пуля прикусил губу, чтобы у него не вырвалось ругательство, которое так и напрашивалось на язык. Он встал и пошел вслед за своими победителями.

Он попал в плен к пиеганам, самому воинственному племени черноногих.

Вождь, захвативший его в плен, был его личный враг.

Этого вождя звали *Натах-Отан* (Серый Медведь). Ему было, самое большее, двадцать пять лет, лицо его дышало тонким умом и благородством. Высокий рост, прекрасное сложение, естественная грация в движениях и воинственный вид придавали ему замечательно красивую наружность. Его длинные черные волосы, тщательно ухоженные, падали в беспорядке на плечи. Подобно всем знаменитым воинам своего племени, он носил на затылке горностаевую шкуру, а на шее ожерелье из медвежьих когтей вперемежку с зубами бизона — украшение очень дорогое и высоко ценимое индейцами.

Его рубашка из бизоновой шкуры, с короткими рукавами, обшитая у ворота красным сукном в виде отворота, с бахромой из щетины дикобраза, украшалась по швам вышивкой из волос скальпированных врагов и вся была убрана узкими полосками из горностаевого меха. Его мокасины, каждый разного цвета, были покрыты мелкой вышивкой. Плащ, также из шкуры бизона, с внутренней стороны была испещрена множеством уродливых рисунков, в которых, видимо, пытались отобразить подвиги молодого воина.

Серый Медведь держал в правой руке нечто вроде опахала из цельного орлиного крыла, а на кисти его руки висел на шнурке бич с короткой рукояткой и длинным узким ремнем, который обычно встречается у индейцев прерий, через плечо вождя был переброшен лук вместе со стрелами в колчане из шкуры ягуара, к поясу были прицеплены охотничья сумка, пороховница, длинный нож и палица. У левого бока индейца висел щит. Его ружье лежало впереди него поперек седла, сделанного из великолепной шкуры пантеры.

Необыкновенным величием поражал вид этого дикого сына лесов, плащ и длинные перья которого развевались по ветру, когда он скакал на своем коне, неукротимом, как и он сам.

Серый Медведь был верховным вождем племени.

Он сделал охотнику знак сесть на лошадь, которую один из его воинов держал под уздцы, и вся ватага пустилась вскачь к своему становой.

Серый Медведь охотился в то время за бизонами на равнинах Миссури, уже два месяца назад выехал он из главного селения своего племени, взяв с собой полтора ста лучших воинов.

Скакали молча. Казалось, вождь вовсе не интересовался своим пленником. Несмотря на то, что охотник был свободен и сидел на превосходном бегуне, он, однако, вовсе не помышлял о побеге. Он с первого взгляда оценил свое положение и понял, что индейцы не теряют его из вида, при малейшей попытке к бегству он был бы немедленно снова захвачен.

Пиеганы раскинули свое становье на склоне пригорка, густо поросшего лесом.

В течение двух суток они будто забыли про своего пленника и даже не заговаривали с ним ни разу.

На вторые сутки вечером Меткая Пуля расхаживал взад и вперед, беспечно куря трубку.

К нему подошел Серый Медведь.

— Готов ли мой брат? — осведомился он.

— К чему? — в свою очередь поинтересовался охотник, останавливаясь и выпуская громадный клуб табачного дыма.

— К смерти, — лаконично ответил вождь.

— Вполне готов.

— Хорошо, мой брат умрет завтра.

— Вы так думаете? — возразил охотник с величайшим хладнокровием.

Индеец взглянул на него в изумлении, но тотчас повторил:

— Мой брат умрет завтра.

— Я уже это слышал, вождь, — в свою очередь ответил канадец с улыбкой, — и опять спрашиваю вас: вы так думаете?

— Мой брат посмотрит, — произнес вождь, сопровождая свои слова недвусмысленным жестом.

Охотник пожал плечами.

— Ба-а! — беспечно воскликнул он. — Я вижу, что все приготовления сделаны, и сделаны по совести, надо сказать, но что это доказывает? Ведь я же еще не умер, кажется?

— Нет, однако брат мой умрет завтра.

— Посмотрим, — возразил Меткая Пуля, снова пожимая плечами.

И, повернувшись к изумленному индейцу спиной, он растянулся у подножия дерева и заснул.

Сон охотника был таким крепким, что на рассвете следующего дня индейцам пришлось будить его.

Канадец открыл глаза, зевнул два раза во весь рот и наконец встал.

Краснокожие подвели охотника к столбу пыток и накрепко привязали к нему.

— Ну что? — спросил его, посмеиваясь, Серый Медведь. — Что теперь думает мой брат?

— Не полагаете ли вы, что я уже умер? — вскричал Меткая Пуля со своей неизменной, поразительной самоуверенностью.

— Нет, но через час мой брат будет мертв.

— Ба-а! — хладнокровно заметил канадец. — Малоли что может случиться за час!

Серый Медведь отошел, удивляясь в душе смелости охотника.

Однако, сделав несколько шагов, вождь передумал и вернулся к своему пленнику.

— Пусть брат мой слушает, — сказал он, — с ним говорит друг.

— Говорите, вождь, — ответил Меткая Пуля, — я слушаю вас во все уши.

— Мой брат человек сильный, сердце у него храброе, — продолжал индеец, — он грозный воин.

— Вы знаете про это кое-что, не правда ли, вождь? — усмехаясь, спросил канадец.

Серый Медведь подавил порыв гнева.

— Глаз моего брата верен, рука не дрогнет, — продолжал он.

— Скажите прямо, к чему вы клоните, вождь, и перестаньте нести вашу индейскую околесицу.

Индеец улыбнулся.

— Меткая Пуля живет один, — сказал он тихо, — его хижина пуста. Отчего такой великий воин не берет себе подругу?

Охотник устремил на собеседника проницательный взгляд.

— А вам-то какое дело? — спросил он.

— Племя черноногих могущественно, — продолжал Серый Медведь, — пиеганские девушки прекрасны...

Канадец быстро перебил его.

— Довольно, вождь! — вскричал он. — Несмотря на все окольные пути, которыми вы подбирались к вашему странному предложению, я понял вас. Никогда я не возьму себе в

подруги индианку! Итак, избавьте себя от труда делать мне дальнейшие предложения, которые ни к чему не приведут.

Серый Медведь нахмурил брови.

— Бледнолицая собака! — вскричал он, топнув ногой в гнев. — Сегодня же мои молодые воины сделают из твоих костей боевые свистки, а я буду пить огненную воду из твоего черепа!

С этой страшной угрозой вождь решительно удалился от Меткой Пули, который смотрел ему вслед, пожимая плечами и бормоча вполголоса:

— Еще не все кончено!.. Мне не впервой находиться в отчаянном положении, и всегда мне удавалось спастись... Почему бы мне сегодня не иметь такой же удачи?.. Гм! Это послужит мне уроком, в другой раз я буду осмотрительнее.

Между тем вождь велел приступать к казни; приготовления поспешно заканчивались.

Меткая Пуля с любопытством следил за всеми действиями индейцев, как будто дело касалось не его.

— Да, да, — забормотал он опять, — вижу, ребята, вы готовите все орудия для моей пытки... вот и зеленые ветви, предназначенные закоптить меня, как окорока... теперь вы остриете спицы, которые воткнете мне под ногти. Эге! — прибавил он с очень довольным видом. — Вы начинаете со стрельбы из ружья! Посмотрим, искусны ли вы. У! Какой праздник для вас! Порадуетесь же вы, что подвергаете истязанию храброго белого охотника... Черт знает какие странные идеи могут влезть в вашу индейскую башку, но только поторопитесь, иначе я, пожалуй, улизну от вас.

Во время этого монолога человек двадцать воинов из самых искусных стрелков взялись за ружья и встали в ста шагах от пленника.

Началась стрельба.

Пули пролетали в нескольких дюймах от охотника, который после каждого залпа встряхивал головой, как мокрый пудель, к великой забаве зрителей.

Это увеселение продолжалось уже минут двадцать и грозило продлиться еще долго, так как очень забавляло черноногих, когда вдруг на прогалину примчался всадник, кнутом разогнал индейцев, пытающихся преградить ему путь, и, пользуясь минутным оцепенением, которое причинило его неожиданное появление, подскакал к пленнику, спрыгнул наземь, преспокойно перерезал веревки, которыми тот был

связан, вложил ему в руки пару пистолетов и снова вскочил в седло.

Все это произошло гораздо быстрее, чем можно описать.

— Ей-Богу! — весело вскричал Меткая Пуля. — Я был уверен, что и на этот раз не умру!

Однако индейцы не таковы, чтобы долго оставаться в бездействии. Когда прошла первая минута изумления, они окружили этих двух людей, с криками ярости размахивая своим оружием.

— Ну-ка! Прочь с дороги, каналы! — крикнул повелительным тоном вновь прибывший, изо всех сил стегая кнутом тех, кто имел неосторожность чересчур приблизиться к нему.

— Теперь пойдете, — обратился он к охотнику.

— Очень хотел бы, — ответил тот, — но это не так легко.

— Ба! Все-таки попробуем, — сказал незнакомец, хладнокровно вставляя стеклышко в правый глаз.

— Попробуем! — повторил Меткая Пуля.

Незнакомец, явившийся так счастливо для охотника, был не кто иной, как граф Шарль-Эдуард де Болье, которого читатель, вероятно, уже узнал.

— Эй! — крикнул граф звучным голосом. — Сюда, Ивон!

— Сейчас, ваше сиятельство, — немедленно отозвался голос; из леса выехал второй всадник и хладнокровно встал возле первого.

Это был Ивон Керголе, камердинер графа.

Странное зрелище представляла эта группа из трех человек, которые оставались невозмутимыми посреди сотни индейцев, яростно ревеливших вокруг них.

Граф, со стеклышком в глазу, гордо приосанившись на своей лошади, с надменным взглядом и презрительно оттопырив губу, осматривал замок своего ружья.

Меткая Пуля, с пистолетом в каждой руке, готовился дорого продать свою жизнь, а слуга просто ждал приказа напасть на дикарей.

Взбешенные смелостью белых, индейцы подстрекали друг друга криками и жестами немедленно отомстить безумцам, которые так легкомысленно дались им в руки.

— Очень некрасивы эти индейцы, — сказал граф. — Теперь вы свободны, любезный друг, больше нам тут нечего делать, поехали.

Он взмахнул рукой, чтобы толпа расступилась.

Но черноногие двинулись вперед.

— Берегитесь! — вскричал Меткая Пуля.

— Полноте! — возразил граф, пожимая плечами. — Разве эти негодяи осмелятся остановить меня?

Охотник поглядел на него с таким видом, как будто не знал наверняка, с кем имеет дело, с сумасшедшим или с человеком в здравом уме, до того он был поражен этим странным ответом.

Граф прищипорил лошадь.

— Его убьют, — пробормотал Меткая Пуля, — но какой молодец! Не отстану от него, что бы там ни было.

Действительно, опасность грозила нешуточная, индейцы, сомкнув свои ряды в плотную массу, готовились к ожесточенному нападению на трех смельчаков.

Нападение, вероятно, имело бы роковые последствия, так как европейцы, ничем не защищенные от ударов противников, не могли надеяться на спасение.

Тем не менее граф был убежден в противном; не обращая внимания на враждебные действия и крики краснокожих, он подъехал к ним с моноклем в глазу.

Надо сказать, что со времени появления графа индейский вождь, точно окаменев при взгляде на него, оставался неподвижен и не сводил с него глаз, очевидно, чем-то глубоко взволнованный.

Вдруг, в ту самую минуту, когда индейцы уже прицеливались из своих ружей и вкладывали стрелы в луки, Серым Медведем, по-видимому, овладела внезапная решимость, он бросился вперед, взмахнув бизоновым плащом и крикнул громким голосом:

— Остановитесь!

Покорные воле вождя, черноногие воины тотчас повиновались.

Вождь выступил на три шага вперед, почтительно поклонился графу и сказал ему со смирением:

— Да простит мой отец своим детям, они не знали его, но отец мой велик, его могущество неизмеримо, благость его бесконечна, он забудет то, в чем они могли оскорбить его.

Изумленный этой речью, Меткая Пуля дословно перевел ее графу, простодушно сознавшись при этом, что ничего не понимает.

— Просто трусили, — ответил граф, улыбаясь.

— Гм! — пробормотал охотник. — Что-то неясно, тут кроется другое. Но это все равно, пустимся на хитрость.

Тут он обратился к Серому Медведю:

— Великий вождь бледнолицых доволен покорностью своих краснокожих детей, — сказал он, — и прощает их.

Вождь сделал движение, выражавшее радость.

Три человека прошли между расступившимися индейцами и углубились в чащу леса, ничем не потревоженные в своем отступлении.

— Уф! — воскликнул Меткая Пуля, как только увидел себя в безопасности. — Отделался! Но, — прибавил он, качая головой, — что-то удивительное кроется за всем этим, чего я понять не могу.

— Теперь, любезный друг, — сказал граф, — вы вольны идти куда вам угодно.

Охотник задумался.

— Ведь я вам обязан жизнью, — сказал он минуту спустя, — я вас не знаю, но вы мне кажетесь славным малым.

— Вы льстите мне, — заметил граф, улыбаясь.

— Ей-Богу, нет, говорю, что думаю. Если вы согласны, мы не расстанемся, по крайней мере, пока я не сквитаюсь с вами и в свою очередь не спасу вам жизнь.

Граф протянул ему руку.

— Благодарю, друг мой, — сказал он с чувством, — я принимаю ваше предложение.

— Значит, по рукам! — весело вскричал охотник, пожимая руку графу.

Условие было заключено.

Меткая Пуля сперва привязался к графу из чувства благодарности, но вскоре стал относиться к нему с отеческой любовью. Однако он все-таки не понимал молодого человека, который всегда поступал, точно он находился во Франции, и то и дело своей смелостью и решительными действиями опровергал весь опыт охотника относительно индейцев.

Дошло до того, что канадец, суеверный, как все примитивные натуры, стал подозревать, что жизнь графа как будто заговорена, так часто он выходил целым и невредимым из положения, где всякий другой неминуемо должен был погибнуть.

Разумеется, ему уже ничего не казалось невозможным с подобным товарищем, и самые поразительные предложения

со стороны графа он находил очень простыми и естественными, тем более что всегда по какой-то непостижимой случайности и против всякого ожидания успех венчал все его предприятия.

Индейцы словно сговорились между собой отказаться от борьбы с ними и даже избегать встречи. Если порой они попадались им на глаза, то к какому бы племени не принадлежали, они рассыпались перед графом в изъявлениях уважения и в разговорах с ним обнаруживали страх и вместе с тем любовь, которую охотник тщетно силился уяснить себе, а между тем никто из краснокожих не хотел, а может быть, и не мог ничего объяснить ему.

Такое положение вещей продолжалось уже полгода, когда мы застали трех человек, сидящих за завтраком на берегу Миссисипи.

После этих объяснений, необходимых, чтобы понять дальнейший ход событий, мы вернемся к нашему рассказу.

ГЛАВА II

Найденный след

Трое наших путешественников, вероятно, долго еще оставались бы погружены в тихое наслаждение послеобеденного отдыха, когда со стороны реки внезапно послышался легкий шум, заставивший их вернуться к действительности.

— Что это? — спросил граф, сбивая ногтем пепел со своей сигары.

Меткая Пуля вскочил, скользнул в кусты, посмотрел с минуту и небрежно вернулся на свое место.

— Ничего, — сказал он, — два каймана возятся в иле.

— А! — отозвался граф.

Наступила минута молчания, во время которой охотник прикидывал в уме длину тени, отбрасываемой на землю деревьями.

— Уже за полдень, — наконец сказал он.

— Вы полагаете? — спросил молодой человек.

— Не полагаю, а знаю точно, граф.

Де Болье сел.

— Любезный друг, — обратился он к Меткой Пуле, — сколько раз я просил, чтобы вы не называли меня ни графом, ни господином де Болье, мы здесь не в Париже, черт возьми!

Не в Сен-Жерменском предместье! Какой смысл уединяться среди этой величественной природы, если аристократические титулы преследуют меня даже здесь? Что Ивон величает меня сиятельством, это понятно, он старый слуга и отделаться от укоренившейся привычки ему чересчур трудно. Но вы же совсем другое дело, вы — мой друг, мой товарищ. Называйте меня Шарлем или Эдуардом, как заблагорассудится, но отбросьте, пожалуйста, все титулы, разговаривая со мной.

— Хорошо, — ответил охотник, — я постараюсь, граф.

— Опять, черт возьми! — вскричал молодой человек со смехом. — Вот что надо сделать: если вам так трудно звать меня по имени, то называйте меня тем прозвищем, которое дали мне индейцы.

— О, как можно! — вскричал охотник.

— Какое же прозвище дали они мне, Меткая Пуля? Признаться, что-то я не припомню.

— Я никогда не осмелюсь, граф...

— Что такое?

— Эдуард, я хотел сказать.

— Так-то лучше, — с улыбкой похвалил де Болье, — но я все-таки хочу знать свое прозвище.

— Они называли вас Стеклянным Глазом.

— Стеклянным Глазом? — повторил молодой человек и расхохотался. — Только индейцы способны на такие выдумки.

— О! — возразил охотник. — Индейцы вовсе не таковы, какими вы их считаете. Они хитры как черти.

— Полноте, Меткая Пуля, я всегда подозревал, что краснокожие — ваша слабость.

— Но ведь я их отъявленный враг; я сражаюсь с ними больше сорока лет.

— Потому-то именно, что вы их отъявленный враг и что сражаетесь с ними более сорока лет, вы и отстаиваете их.

— Я? Да как же это? — изумился охотник такому неожиданному выводу.

— По очень простой причине: никто не хочет бороться с недостойным врагом, следовательно, вполне естественно, что вы стараетесь возвысить тех, с кем сражаетесь всю жизнь.

Охотник покачал головой.

— Хорошо узнать краснокожих, — сказал он с задумчивым видом, — можно только по прошествии многих лет; они хитры, как двуутробки из их лесов, осторожны, как змеи, и храбры, как ягуары. Вы не будете презирать их, когда проведете здесь несколько лет.

— Сохрани Бог, дружище! — с живостью воскликнул граф. — Я рассчитываю расстаться с прериями до истечения года. Я предпочитаю цивилизованную жизнь, мне нужен Париж с его бульварами, его оперой, его балами и пирами. Нет, нет, жизнь в пустыне не по мне!

Охотник опять покачал головой и возразил грустным тоном, который невольно тронул молодого человека, тем более что Меткая Пуля скорее как бы рассуждал сам с собой, чем отвечал на слова графа:

— Да, так всегда говорят европейцы, приезжая в эти края, они скучают по цивилизованной жизни, пустыня им не нужна. Но когда вдыхаешь душистый воздух прерий, когда долгие ночи прислушиваешься к шепоту ветра в вековых деревьях и вою диких зверей в девственных лесах, когда бродишь по неизведанным тропинкам бескрайних, когда восхищаешься величественной природой, в которой нет ничего искусственного, где перст Божий запечатлен на каждом шагу неизгладимыми чертами, когда присутствуешь при дивном зрелище, которое ежеминутно представляется взору, — тогда начинаешь мало-помалу привязываться к этому неизвестному миру, полному тайн и загадочных, внезапных перемен; перед твоими глазами раскрывается Истина, ты становишься верующим, отбрасываешь ложь цивилизации и, понемногу преобразованный, вдыхая всей грудью чистый воздух лесов и гор, испытываешь неведомые доселе ощущения душевного блаженства, упоительной неги и, не признавая другого властелина кроме Бога, перед которым сознаешь себя таким ничтожным, забываешь все, чтобы жить до конца своего века жизнью кочевника и навеки оставаться в пустыне, потому что только там чувствуешь себя свободным, счастливым — словом, человеком... О, граф! Говорите что хотите, а прерия вас уже захватила, вы вкусили ее радости и ее страдания, больше она вас не выпустит. Не скоро вы увидите снова вашу Францию и Париж... Прерия удержит вас против вашей воли.

Молодой человек с волнением, в котором не мог дать себе отчета, выслушал страстную речь охотника. В глубине души

он сознавал, что, невзирая на преувеличение, охотник был прав, и пугался мысли, что вынужден признать его суждение верным.

Не зная, что ответить, молча признавая себя побежденным, граф круто переменял тему разговора.

— Гм! Так, по-вашему, теперь первый час, любезный друг? — осведомился он.

— Около четверти первого, — ответил охотник.

Граф поглядел на часы.

— Верно, — заметил он.

— О! — возразил охотник, указывая на солнце. — Вот единственные верные часы, они не бегут и не отстают, так как их ставит Господь.

Молодой человек утвердительно кивнул головой.

— Что же, нам пора в путь? — спросил он.

— С какой стати нам отправляться сейчас? — возразил канадец. — Никто нас не гонит.

— Правда... А вы уверены, что мы не сбились с дороги?

— Сбились с дороги?! — вскричал охотник, подпрыгнув от изумления, почти от гнева. — Нет, нет! Это невозможно! Ручаюсь вам, что уже через неделю мы будем у озера Ита-ска.

— Из этого озера действительно вытекает Миссисипи?

— Да, из этого озера, чтобы там ни говорили, а Миссури — только главный ее приток. Ученые сделали бы лучше, если бы сами удостоверились, прежде чем утверждать, что Миссисипи и Миссури — две разные реки.

— Что прикажете делать, Меткая Пуля, — сказал граф, смеясь, — ученые всех стран одинаковы, они от природы ленивы и полагаются один на другого, оттого и происходит куча нелепостей, которые они распространяют с гордой уверенностью. С этим надо уж как-нибудь мириться.

— Индейцы не ошибаются.

— Правда, зато индейцы — не ученые.

— Конечно, нет, они ограничиваются тем, что видят собственными глазами, и утверждают только то, в чем уверены.

— Именно это я и хотел сказать, — подтвердил граф.

— Послушайте меня, господин Эдуард, давайте переждем здесь несколько часов, пока спадет дневная жара, а когда солнце будет клониться к закату, мы отправимся дальше.

— Вполне согласен с вами, отдохнем; впрочем, Ивон уже заранее решил этот вопрос...

Бретонец крепко спал.

Во время разговора граф встал было на ноги, и прежде чем снова растянуться на траве, он машинально окинул взглядом обширную равнину, которая в величественной тишине расстилалась у его ног.

— Э! — внезапно вскричал он. — Что там такое, Меткая Пуля, посмотрите!

Охотник встал и поглядел в направлении, куда указывал граф.

— Видите? — спросил молодой человек.

Заслонив рукой глаза от солнечного света, Меткая Пуля молча всматривался в даль с глубоким вниманием.

— Ну что? — снова спросил граф минутой спустя.

— Мы больше не одни, — ответил охотник, — там какие-то люди.

— Как люди? Мы же не видели ни малейших следов краснокожих.

— Я и не говорю, что это краснокожие, — возразил Меткая Пуля.

— Гм! На таком расстоянии, я думаю, трудно определить наверняка, кто это.

Меткая Пуля улыбнулся.

— Вы судите обо всем по взглядам, приобретенным в цивилизованном мире, господин Эдуард, — ответил он.

— И следовательно? — спросил молодой человек, немного обидевшись на это замечание.

— И следовательно, почти всегда ошибаетесь.

— Однако позвольте мне возразить вам, любезный друг, при всем доверии к вам, что с такого расстояния нельзя сказать ничего определенного, в особенности когда едва виднеется лишь беловатый дымок.

— Неужели? Разве вы считаете, что дым всегда одного вида?

— Это что-то чересчур уж тонкое различие; признаюсь, на мой взгляд, дым везде и всегда одинаков.

— Ошибаетесь, — возразил канадец с величайшим хладнокровием, — правда, когда вы проведете в прериях много лет, то ошибаться уже не будете.

Де Болье пристально посмотрел на собеседника, подозревая, что тот смеется над ним.

Канадец между тем невозмутимо продолжал:

— Огонь, который мы видим вдалеке, разведен не индейцами, не охотниками, но белыми, еще мало знакомыми с пустыней.

— Вот тебе на! Надеюсь, вы объясните мне этот вывод.

— Охотно, и вы скоросознаетесь, что я прав. Вслушайтесь же в мои слова, это надо знать.

— Я слушаю, приятель.

— Разумеется, для вас не новость, — продолжал с неизменным хладнокровием охотник, — что прерия достаточно населена.

— Это верно, — с улыбкой согласился молодой человек.

— Но самые опасные враги в прерии не дикие звери, а люди, индейцы и охотники знают это и потому стараются по мере возможности уничтожать свои следы и скрывать свое присутствие.

— И с этим согласен.

— Очень хорошо. Когда краснокожие или охотники вынуждены развести огонь, чтобы приготовить себе пищу или отогреться, они тщательно выбирают самые сухие деревья.

— Признаться, я не вижу причины для такой тщательной предосторожности.

— Сейчас вы ее поймете, — сказал охотник. — От сухого дерева бывает голубоватый дым, который легко сливается с синевой неба, он незаметен даже вблизи, тогда как сырое дерево, когда горит, выделяет густой, белый дым, и о присутствии тех, кто развел огонь, становится известно на большое расстояние. Вот почему при одном взгляде на этот дым я тотчас сказал вам, что его развели белые — и белые, не знакомые с прериями, иначе они непременно набрали бы сухого хвороста.

— Это любопытно, черт побери! — заявил молодой человек. — Надо в этом удостовериться.

— Что же вы хотите делать?

— Хочу пойти посмотреть, что за люди развели этот огонь.

— С какой стати вам трудиться, когда я уже сказал, кто они?

— Положим, но я намерен лично удостовериться; с тех пор, как мы живем вместе, дружище, вы наговорили мне столько чудес, что я был бы не прочь хоть раз убедиться на самом деле.

И, не слушая больше возражений канадца, молодой человек разбудил своего слугу.

— Что прикажете, ваше сиятельство? — произнес тот, протирая глаза.

— Живо взнуздай лошадей, Ивон.

Бретонец встал и исполнил приказание.

Граф вскочил на лошадь, охотник, покачивая головой, последовал его примеру, и все трое спустились с пригорка крупной рысью.

— Увидите, что я прав, — сказал Меткая Пуля.

— Верю, но тем не менее мне любопытно удостовериться.

— Так едем, раз уж вы непременно хотите этого, только пропустите меня вперед, нельзя знать заранее, с кем придется иметь дело, всегда надо быть настороже.

Канадец проехал вперед, спутники последовали за ним.

Огонь, замеченный графом с вершины пригорка, находился не так близко, как он полагал. Кроме того, охотник должен был огибать в высокой траве кустарники и густые заросли, которые ежеминутно преграждали дорогу, а это значительно удлиняло расстояние; прошло добрых два часа, прежде чем они достигли места, куда направлялись.

Когда они были наконец на небольшом расстоянии от огня, который так сильно возбудил любопытство графа де Болье, канадец остановился, сделав знак спутникам, чтобы они последовали его примеру.

Те повиновались.

Меткая Пуля сошел с лошади, передал поводья Ивону и, взяв винтовку в руки, сказал:

— Пойду на разведку.

— Идите, — коротко ответил граф.

Он был человек испытанной храбрости, однако с тех пор, как странствовал по прериям, увидел, что отвага без осторожности — безумие, когда имеешь дело с врагами, которые всегда призывают на помощь хитрость и коварство. Итак, отказываясь мало-помалу от своих рыцарских понятий, он стал усваивать правила пустыни, зная очень хорошо, что при засаде преимущество почти всегда на стороне того, кто первый откроет местоположение противника.

Граф терпеливо ждал возвращения охотника, который скользнул в кусты и исчез из вида. Ожидание длилось долго.

Наконец по прошествии часа или около того ветви кустарника заколыхались и со стороны, противоположной той, куда ушел, появился Меткая Пуля.

Старый охотник очень удивился, увидев вдалеке дым, на который указал ему граф с вершины пригорка.

Как только он остался один, то на деле применил старинную охотничью аксиому, утверждающую, что кратчайший путь от одной точки к другой — кривая линия. Он сделал большой крюк, чтобы напасть по возможности на следы людей, которых хотел выследить, и по этим следам угадать приблизительно, с кем его хочет свести случай.

В пустыне самая опасная встреча — это встреча с человеком. Всякий незнакомец считается сперва врагом, и вообще, в переговоры вступают на расстоянии, опустив дуло ружья и держа палец на курке.

Благодаря верному глазу, который он приобрел за время долгого пребывания в прериях, Меткая Пуля завидел издали полосу, где трава была помята и притоптана, эта полоса безошибочно указывала на то место, где прошли незнакомцы.

Все так же не разгибаясь, чтобы его не заметили, охотник вскоре очутился на краю колеи шириной в четыре фута, которая терялась в ближайшем девственном лесу.

Остановившись, чтобы перевести дух, канадец опустил винтовку на землю и принялся внимательно рассматривать глубокие борозды на земле.

Его изыскания длились не более десяти минут. Наконец он поднял голову с улыбкой на лице, положил винтовку на плечо и спокойно вернулся к месту, где оставил товарищей, даже не дав себе труда подойти к огню.

Это краткое наблюдение разъяснило ему все, теперь он знал все, что хотел знать.

— Ну, Меткая Пуля, что нового? — осведомился граф, завидев охотника.

— Люди, огонь которых мы заметили, — ответил канадец, — американские переселенцы, пахари, прибывшие раскинуть свой лагерь в прерии. Это семейство, состоящее из шести человек — четырех мужчин и двух женщин; у них телега с тяжелой кладью и довольно большое число скота.

— Садитесь на лошадь, Меткая Пуля, поедem поприветствуем этих добрых людей с прибытием в прерию, окажем им радушный прием.

Охотник стоял, опираясь на винтовку и не трогаясь с места, погруженный в задумчивость.

— Что же вы, любезный друг, разве не слышали, что я сказал? — с нетерпением сказал граф.

— Нет, господин Эдуард, я все слышал, но среди следов переселенцев я заметил и другие следы, которые мне кажутся подозрительны, и я хотел бы, прежде чем мы рискуем явиться в их лагерь, еще раз осмотреть окрестности.

— О каких следах вы говорите, приятель? — с живостью спросил молодой человек.

— Гм! Вы знаете, — ответил охотник, — что краснокожие, по праву или без права, однако считают себя хозяевами прерий и не желают допускать в них присутствия белых.

— Я нахожу, что они совершенно правы! Со времени открытия Америки белые мало-помалу отняли у них все их земли и вытеснили их в прерию, и теперь они отстаивают это последнее убежище — и правильно делают!

— Я разделяю ваше мнение, прерия должна принадлежать лишь охотникам да индейцам, но американцы, к несчастью, думают иначе и потому ежедневно уезжают из городов, чтобы удалиться в глубь материка; они селятся то на одном месте, то на другом, и постепенно завладевают местностями самыми плодородными и самыми богатыми дичью.

— Но мы-то что можем сделать, любезный друг? — возразил, улыбаясь, граф. — Это зло непоправимое, и мы должны с ним мириться... Тем не менее, я не понимаю, к чему вы ведете речь, выражая мысли бесспорно справедливые, но, как мне кажется, вовсе не идущие к делу; пожалуйста, объяснитесь определеннее.

— Именно это я и намерен сделать. Видите ли, по некоторым следам я понял, что за переселенцами крадутся индейцы, которые, вероятно, только выжидают удобного случая, чтобы напасть на них и перерезать всех до одного.

— Черт возьми! — вскричал граф. — Это не шутки! Вероятно, вы предостерегли этих добрых людей о том, что им грозит опасность?

— Я?.. Ничуть! Я не говорил с ними, даже их не видел.

— Как! Вы их не видели?

— Конечно, нет! Едва я успел подметить следы индейцев, как поторопился вернуться к вам, чтобы решить, что делать.

— Прекрасно... Однако, если вы не доходили до их лагеря, как же вы узнали, что путешественники — американские переселенцы, что их четверо мужчин и две женщины, и наконец, каким способом могли вы добыть о них сведения такие точные и определенные?

— О! Это очень легко, — просто ответил охотник, — прерия есть книга, вся написанная перстом Божиим; для того, кто привык читать ее, в ней нет тайн! Стоило мне взглянуть в следы, чтобы мгновенно понять все.

Де Болье устремил на него изумленный взгляд. Хотя граф уже около полугода странствовал по прериям, он не уяснил себе еще этого дара охотника угадывать факты на основе следов, которые для него оставались мертвой буквой.

— А может быть, эти индейцы, следы которых вы подметили, — возразил он, — просто безобидные охотники?

Меткая Пуля покачал головой.

— Среди индейцев нет безобидных охотников, — сказал он, — особенно, когда они идут по следам белых. Эти индейцы принадлежат к трем воинственным племенам, и мне странно, что они соединились — вероятно, задумали какую-нибудь необычайную экспедицию, в которой побоище переселенцев будет одним из наименее интересных эпизодов.

— Какие это индейцы? Много ли их, по вашему мнению?

Охотник задумался на минуту.

— Отряд, замеченный мной, вероятно, только авангард, полчища должны быть гораздо многочисленнее, — ответил он. — Насколько я мог судить, их не более сорока человек, но краснокожие ходят с быстротой антилопы, их никогда не перечтешь достоверно. Этот отряд состоит из команчей, черноногих и сиу, или дакота, — трех самых воинственных племен прерий.

— Гм!

Граф задумался и после минуты размышления произнес:

— Если эти черти действительно гонятся за переселенцами, как и надо полагать, то бедняги-американцы находятся в неприятном положении.

— Только чудо может спасти их, — невесело согласился охотник.

— Что же делать? Как их предостеречь?

— Берегитесь, господин Эдуард, не действуйте опрометчиво!

— Но не можем же мы позволить индейцам зарезать на наших глазах соплеменников! Ведь это гнусная подлость!

— А присоединиться к ним совершенное безумие — вспомните, ведь нас всего трое.

— Знаю, — задумчиво сказал молодой человек, — однако я не соглашусь ни за что на свете бросить этих бедных людей на произвол судьбы, не попытавшись отстоять их.

— Но одну вещь можно сделать, и кто знает, не поможет ли нам Господь...

— Говорите, дружище, да покороче, время дорого.

— По всей вероятности, индейцы еще не открыли наших следов, хотя должны быть где-нибудь поблизости. Надо вернуться на то место, где мы завтракали, оттуда видна вся степь. Индейцы никогда не нападают раньше четырех часов утра. До тех пор мы притаимся. Как только они приблизятся к лагерю переселенцев, мы ударим по ним с тыла. Озадаченные неожиданной помощью американцам, краснокожие, вероятно, обратятся в бегство, в темноте они не могут нас пересчитать и никогда не подумают, что всего три человека нападают на них очертя голову.

— Ей-Богу, отличная мысль! — вскричал граф, расхохотавшись. — От такого смелого охотника, как вы, Меткая Пуля, я другого и не ожидал. Вернемся скорее к нашей обсерватории и будем наготове.

Канадец вскочил в седло, и трое спутников вернулись к своей прежней стоянке.

По свойственной ему привычке Меткая Пуля, по-видимому ожесточенный враг прямых путей, заставил своих спутников сделать бесчисленное множество обходов с очевидной целью сбить с толку тех, кого случай навел бы на их след.

Они достигли вершины пригорка на мысу в ту минуту, когда солнце уже заходило за горизонт.

Под влиянием последних лучей дневного светила предметы вокруг постепенно окрашивались во все более мрачные цвета. Поднялся свежий вечерний ветерок и с таинственным шелестом заколыхал верхушки громадных деревьев. Рев ягуаров и кугуаров уже примешивался к крикам оленей, мычанию бизонов и порывистому вою красных волков, темные силуэты которых начинали появляться там и здесь на берегах реки.

Становилось все темнее, и вскоре звезды ярко мерцали на ночном небосклоне.

Три охотника расположились на вершине пригорка, на том самом месте, которое оставили несколько часов тому назад с намерением больше туда не возвращаться.

Стали готовиться к ужину.

Приготовление эти длились недолго, осторожность требовала, чтобы они не разводили огня, так как он мгновенно обнаружил бы их присутствие для невидимых глаз, вероятно, осматривавших прерию во всех направлениях.

Пока охотники ужинали несколькими пригоршнями пеммикана¹, они не сводили глаз с лагеря переселенцев, костер которых так и светился в ночной темноте.

— Гм! — вырвалось у Меткой Пули. — Эти люди просто не имеют никакого понятия о жизни в прериях, иначе они остереглись бы разводить огонь, видимый индейцам на десять миль вокруг.

— Не беда! Этот маяк укажет нам дорогу, когда мы поспешим к ним на помощь, — возразил граф.

— Дай Бог, чтобы не напрасно!

Когда ужин закончился, охотник посоветовал графу и его слуге немного поспать.

— Теперь нам опасаться нечего, — сказал он, — предоставьте мне караулить за всех, мои глаза привыкли видеть впотьмах.

Граф не заставил повторять приглашение дважды, он закутался в свой плащ и растянулся на траве.

Через две минуты и граф, и Ивон спали крепким сном.

Меткая Пуля сел у подножия дерева и закурил трубку, чтобы по-своему скрасить часы ночного караула.

Вдруг он наклонился вперед, приложил ухо к земле и с глубоким вниманием принялся вслушиваться в тишину.

Его опытное ухо уловило звук, сперва почти незаметный, но постепенно как будто приближавшийся.

Охотник тихо взвел курок винтовки и приготовился ждать.

Прошло около четверти часа; вдруг в кустарнике послышался легкий треск, ветви раздвинулись, и появился человек.

Это был Серый Медведь, вождь пиеганов.

---

¹ Бизонье мясо, сперва высушенное, а потом превращенное в порошок. — *Примеч. перев.*

Переселенцы

утье и опыт старого охотника не изменили Меткой Пуле; следы, обнаруженные им, действительно принадлежали семейству переселенцев. Так как это семейство будет играть некоторую роль в нашем рассказе, то мы познакомим с ним читателя и в нескольких словах расскажем о том, вследствие какого стечения обстоятельств оно находилось в эту минуту на кочевье в прерии у верховьев Миссисипи, или, говоря языком ученых, на берегах Миссури.

История одного переселенца — история большинства из них.

Все они люди, обремененные многочисленным семейством и не имеющие средств поставить на ноги детей — или потому, что обрабатывают неблагоприятную почву, или потому, что по мере роста населения земля постоянно дорожает и в конце концов достигает бешеной цены.

Миссисипи в последние годы стала оживленным путем сообщения со всеми рынками Старого и Нового света.

Каждое судно, плывущее по ее водам, снабжает новые поселения, посредством обмена или за деньги, всеми необходимыми для жизни товарами.

Само собой разумеется, пионеры селились по обоим берегам реки, так как получали возможность пользоваться в течение многих лет хорошей землей, никому не платя налогов.

Слово «отечество» в том смысле, какой мы придаем ему в Европе, не существует для североамериканца, он не привязан, как наши крестьяне, к тому клочку земли, который из поколения в поколение служил колыбелью его роду.

Он дорожит землей только из-за доходов, которые она приносит; когда же земля истощается и поселенец тщетно силится вернуть ей прежнее плодородие, он тотчас принимает решение: он продает слишком громоздкие и неудобные для перевозки предметы, оставляет только необходимое число слуг, лошадей и домашнюю утварь, прощается с соседями, которые такжимают ему руку, как будто он предпринимает самое обыкновенное путешествие, и на рассвете в одно прекрасное весеннее утро весело пускается в дорогу, окидывая последним равнодушным взглядом ту местность,

где прожил со своей семьей столько лет. Мысли его устремляются вперед, прошлое для него уже не существует, одно лишь будущее улыбается ему и вселяет мужество.

Нет ничего проще, обыденнее и вместе с тем любопытнее зрелища отправления в путь семьи переселенцев: лошади впряжены в телегу, куда сложены постели младших детей, тогда как вокруг со всех сторон прицеплены прялки, ткацкие станки, а сзади болтается ведро с салом и дегтем; топоры сложены на передке телеги, а в мешке, куда лошадям засыпают корм, перекатываются с места на место кастрюли и котелки; палатки и съестные припасы крепко подвязаны под телегой на веревках.

Вот и все движимое имущество переселенца.

Старший сын или слуга садится на переднюю лошадь, жена переселенца на другую.

Сам он и его остальные сыновья идут около телеги, то впереди, то сзади, сопровождаемые собаками, подгоняя скот и наблюдая за общей безопасностью.

Вот они уже в пути; небольшими переходами продвигаются они в глубь неизведанных земель по ужасным дорогам, которые по большей части сами же и пролагают, стойко перенося холод и зной, дождь и солнце, борясь с индейцами и дикими зверями, встречая на каждом шагу почти непреодолимые преграды. Однако ничто не останавливает переселенцев, никакая опасность не может замедлить их путь, никакая невозможность не заставит их впасть в уныние.

Они все идут, неделями, месяцами, сохраняя в глубине сердца непоколебимую веру в свое счастье, пока наконец не достигнут долгожданного места, которое соответствовало бы всем необходимым условиям.

Однако — увы! — сколько семейств, отправившихся из американских городов, полных надежды и бодрости, исчезло с лица земли, не оставив в степи другого следа своего прохода, кроме побелевших костей и разбитой домашней утвари!

Индейцы всегда начеку. Стоит переселенцам вступить в прерии, как краснокожие нападают на караваны, безжалостно убивают мужчин и женщин, уводят в рабство молодых девушек, вымещая на переселенцах те жестокости, жертвой которых были в течение многих веков, продолжая жестокую войну, развязанную белыми, когда они высадились на берег Америки и продолжающуюся с тех пор непрерывно.

Джон Брайт принадлежал к числу описанных нами переселенцев.

Однажды, четыре месяца назад, он бросил свой дом, который стал совсем ветхим, и, сложив в телегу свое небольшое имущество, отправился в путь с семейством, состоящим из жены, дочери, сына и двух слуг, пожелавших разделить их судьбу.

С тех пор путники шли, не останавливаясь.

Они бодро продвигались вперед, топором прорубая себе дорогу в девственных лесах, твердо вознамерившись углубляться в прерию, пока не найдут благоприятную местность для обустройства нового жилья.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, переселения совершались гораздо реже, чем теперь, когда, вследствие недавнего открытия золотых россыпей в Калифорнии, страсть переселения охватила всех, точно повальная болезнь, и Старый свет пустеет все больше и больше, обогащая своим населением Новый.

Золото — магнит, притягивающий с одинаковой силой старых и молодых, мужчин и женщин надеждой — увы, часто обманчивой — приобрести в короткое время, ценой некоторых усилий, богатство, сполна вознаграждающее за вынесенные опасности тех, кто его достигает.

Итак, Джон Брайт отважно пустился в путешествие, не рассчитывая на чью-либо помощь, в глубь земли, совершенно неизведанной до той поры и находившейся во власти индейцев.

Джон Брайт родился в Виргинии. Ему было около пятидесяти лет; среднего роста, но крепкого сложения, он имел необыкновенную силу. Внешность его была достаточно заурядна, но выражение лица носило отпечаток редкой твердости и решительности.

Жена Джона, десятью годами моложе мужа, была кроткая и святая женщина; труды и заботы давно проложили на ее лице глубокие морщины, однако внимательный наблюдатель мог еще заметить на нем остатки былой редкой красоты.

Уильям Брайт, сын переселенца, двадцати двух лет, был почти великан, ростом в добрых шесть английских футов и атлетического сложения; его доброе широкое лицо, обрамленное густыми, скорее рыжими, чем белокурыми волосами, дышало прямою и добросердечием.

Диана Брайт, его сестра, составляла с братом разительную противоположность. Ей едва минуло шестнадцать лет; миниатюрная и нежная, с глазами голубыми, как небесная лазурь, с задумчивым, глубоким взором и улыбающимися губками, она пленяла удивительной красотой с первого взгляда, покоряла с первого слова, произнесенного ее алым ротиком.

Диана была идолом семьи, идолом, боготворимым всеми. Улыбкой или взглядом она подчиняла своей воле могучие натуры, окружавшие ее и, по-видимому, только для того и жившие, чтобы исполнять ее малейшие прихоти.

Сэм и Джеймс, двое слуг, были добрые и честные крестьяне из Кентукки; одаренные редкой ловкостью и необычайной силой, они скрывали весьма тонкий ум под простодушным и даже слегка глуповатым видом.

Эти добрые люди, еще очень молодые — одному было двадцать шесть лет, а другому едва исполнилось тридцать — выросли в доме Брайта, к которому питали безграничную преданность, не раз доказанную на деле во время пути.

Когда Джон Брайт оставил свой дом, отправляясь на поиски более плодотворной земли, он предложил слугам уйти от него, поскольку не хотел подвергать их жизни опасностям, которые ему предстояли, но оба отрицательно покачали головами и ответили решительным отказом на все его увещевания, заявив, что долг велит им следовать за хозяевами, куда бы те ни отправились, и что они готовы идти за ними хоть на край света.

Встретив столь решительный отказ, переселенец вынужден был уступить и ответил, что раз так, то они отправятся вместе с его семьей. Между хозяином и слугами не требовалось лишних слов.

Само собой, эти честные люди уже не считались просто слугами — они были скорее друзьями, с которыми и обращались соответственно.

Впрочем, ничто так не сближает людей, как общие опасности, а за последние четыре месяца семейство Джона Брайта подвергалось бесчисленному множеству опасностей.

Переселенец взял с собой довольно значительное количество скота, поэтому, несмотря на все принимаемые им меры предосторожности, караван оставлял за собой весьма приметный след и ежеминутно мог ожидать нападения индей-

цев. Однако, до той минуты, когда мы встречаем его, эти опасения еще не оправдались.

Порой переселенцы были вынуждены бдительно сторожить свой лагерь, но краснокожие все время держались на расстоянии и ограничивались враждебными демонстрациями, ни разу не имевшими последствий.

Вовремя первых недель странствования переселенцы, мало знакомые с жизнью краснокожих, то и дело сопровождавших караван верхом, испытывали невообразимый страх и ежеминутно ожидали нападения свирепых врагов, о которых слышали истории, заставлявшие даже у самых храбрых людей волосы становиться дыбом; но мало-помалу, как это всегда бывает, они свыклись с постоянной угрозой нападения индейцев, и хотя тщательно принимали меры безопасности, но постепенно охладели к ужасам, сильно пугавшим их вначале, и почти с презрением стали относиться к ним, полагая, что спокойная и твердая осанка — вполне достаточное ограждение от краснокожих и те не осмелятся сразиться с ними.

Тем не менее в тот день, когда мы встретились с ними, переселенцами овладело безотчетное беспокойство, они точно предчувствовали грозившую им опасность.

Индейцы, которые обычно сопровождали их, как уже было сказано, гарцуя на расстоянии ружейного выстрела от их небольшого отряда, вдруг исчезли. Со времени выступления с последнего места стоянки переселенцы не видели ни одного краснокожего, однако инстинктивно подозревали, что, хотя и невидимые, враги тем не менее находятся где-то поблизости и, может быть, в гораздо большем количестве, чем прежде.

Разумеется, для переселенцев день прошел в тревоге и безрадостном молчании; они шли рядом, зорко оглядываясь по сторонам, подмечая малейший шорох и не спуская палец с курка ружья, однако не имея духу поделиться друг с другом своими опасениями, а только, как говорится, держа ухо востро, в ожидании, что с минуты на минуту на них могут напасть.

Тем не менее день прошел, и ничто не подтвердило их опасений.

На заходе солнца караван достиг подножия одного из многочисленных холмов, которыми берега реки в этом месте были усеяны в большом количестве.

Джон Брайт сделал сыну, правившему телегой, знак остановиться и подойти к нему.

Пока женщины оглядывались с беспокойством, четверо мужчин, собравшись в кучку в нескольких шагах позади них, с жаром разговаривали между собой.

— Друзья мои, — сказал Джон Брайт своим спутникам, внимательно слушавших его, — день клонится к вечеру, солнце уже заходит, пора подумать о ночлеге. Скот утомлен, да и мы сами должны собраться с силами для трудов следующего дня. Я полагаю, если не будет возражений, что нам следует воспользоваться последним светом и разбить лагерь.

— Да, — ответил Джеймс, — на вершине этого пригорка укрепиться легко...

— И за несколько часов, — перебил Уильям, — мы сможем превратить его в недоступную крепость.

— Большого труда будет стоять поднять телегу на пригорок, — сказал отец, качая головой.

— Это не так трудно, как вы полагаете, хозяин, — возразил Сэм, — стоит только немного поработать.

— Каким же это образом?

— Сперва мы все вынем из телеги, — ответил слуга.

— И в самом деле! Пустая она легко въедет наверх.

— Гм! — задумался Уильям. — Стоит ли, отец, брать на себя такой труд? Ночь пролетит быстро, и мне кажется, что нам лучше было бы просто остаться там, где мы теперь находимся. Место здесь прекрасное, река, чтобы напоить скот, всего в нескольких шагах отсюда.

— Нет, здесь оставаться нельзя, место слишком открытое, нам негде укрыться в случае нападения индейцев.

— Индейцев! — вскричал молодой человек со смехом. — Но ведь мы не видели ни одного индейца за весь день.

— Это правда, Уильям, краснокожие скрылись, но, сознаюсь вам откровенно, именно это исчезновение мне непонятно и тревожит меня.

— Почему же, отец?

— Я думаю, что они скрывались, потому что приготовили нам засаду и не хотят, чтобы мы догадались, в какой стороне они находятся.

— Вы так полагаете, отец? — беспечно переспросил молодой человек.

— Я уверен в этом, — серьезно сказал переселенец.

Слуги утвердительно закивали головами.

— Извините меня, отец, если я не разделяю вашего мнения, — ответил молодой Брайт. — Я, напротив, убежден, что эти краснокожие дьяволы, так долго следившие за нами, наконец-то поняли, что с нас нечего получить, кроме хорошей трепки, и, как люди осторожные, отказались от дальнейшего преследования.

— Нет, ты ошибаешься, сынок, это не так.

— Позвольте, отец, — с живостью возразил молодой Брайт, — я замечу вам нечто, отчего вы, вероятно, склонитесь к моему мнению.

— Говори, сынок, ведь мы собрались, чтобы свободно высказать свои мысли и принять то решение, которое сочтем наилучшим. Речь идет о наших жизнях, и при таких важных обстоятельствах я никогда не простил бы себе, если бы пренебрег хорошим советом, от кого бы он ни исходил. Говори же без опасения.

— Вам известно, отец, — сказал молодой человек, — что индейцы смотрят на честь иначе, чем мы, а именно: когда успех экспедиции для них не очевиден, они без стыда отказываются от нее; их главная цель — нажива.

— Все это я знаю, но не вижу, к чему ты клонишь.

— Сейчас поймете. Вот уже более двух месяцев, как с самого восхода солнца, когда мы выступаем в путь, и до заката, когда мы обычно останавливаемся, краснокожие следят за нами шаг за шагом; ни на одну минуту нам не удалось избавиться от беспокойных соседей, от которых не укрылось ни одно наше движение.

— Это верно, — согласился Джон Брайт, — но что же из этого, сынок?

— Проще ничего быть не может, ей-Богу! Они убедились, что мы постоянно настороже, а потому, если попробуют напасть на нас, непременно будут побиты. Разумеется, они убрались, вот и все!

— К несчастью, сынок, ты забываешь одно.

— Что же?

— Индейцы, вооруженные хуже, чем белые, боятся нападать на них, особенно когда предполагают, что им предстоит сразиться с противниками такими же многочисленными, как они, и кроме того защищенными телегами и тюками. Но здесь все совсем не так! С тех пор, как краснокожие наблюдают за нами, они тысячу раз имели случай пересчитать нас и, вероятно, не преминули это сделать.

— Правильно, — согласился Сэм.

— Итак, они знают, что нас всего четверо, а их по меньшей мере человек пятьдесят. Что могут сделать четверо, при всей своей храбрости, против такого многочисленного врага? Ничего. Краснокожие это знают и будут действовать соответственно: они не упустят случая, когда он им представится.

— Однако... — начал было молодой человек.

— Ты выпустил из вида еще одно обстоятельство, — с живостью продолжал Джон Брайт, — индейцы, как бы многочислен ни был неприятель, никогда не отказываются от нападения, не попробовав хоть раз захватить его врасплох.

— Действительно, — согласился Уильям, — это меня всегда удивляет в них. Впрочем, я и так разделяю ваше мнение, отец, и считаю, что принять меры предосторожности следует хотя бы для того, чтобы успокоить мать и сестру; уже одно это — достаточная причина, чтобы не пренебрегать ими.

— Хорошо сказано, сын, — похвалил переселенец. — Так возьмем же за дело, не теряя ни минуты!

Мужчины разошлись и, закинув ружье за спину, усердно принялись за устройство лагеря.

Сэм с помощью собак согнал скот и повел его к реке, чтобы напоить.

В это время Брайт подошел к телеге.

— Ну что, Джон? — спросила жена. — Отчего мы стоим? О чем вы говорили так долго? Нет ли чего нового?

— Ничего опасного, Люси, — успокоил ее поселенец, — мы расположимся здесь на ночлег, вот и все.

— Ах, Боже мой! Я сама не знаю, отчего мне вдруг сделалось страшно, точно случилось какое-то несчастье.

— Напротив, все гораздо спокойнее, чем было за это время.

— Почему так, отец? — спросила Диана, высунув свое прелестное личико из-под холщовой занавески.

— Ужасные индейцы, которые так пугали тебя, душечка Диана, наконец-то решили оставить нас в покое; мы не видели ни одного из них в течение всего дня.

— Ах, тем лучше! — с живостью вскричала девушка, от радости захлопав в маленькие ладошки. — Каюсь, я не из храбрых, эти страшные краснокожие люди наводят на меня невообразимый ужас.

— Ну, так больше ты их не увидишь, я надеюсь, — весело произнес Брайт, но, успокаивая дочь, в глубине души думал совсем другое.

— Не угодно ли вам теперь выйти, чтобы мы могли вынуть из телеги все вещи?

— Вынуть все вещи? — повторила жена. — Зачем?

— Очень может быть, — ответил Брайт, не желая открывать настоящую причину, — что мы проведем здесь несколько дней, чтобы дать отдохнуть скоту.

— А-а! Ну хорошо, — согласилась она.

Едва женщины выбрались из телеги, как мужчины принялись вынимать из нее поклажу и складывать ее на землю.

Работа продолжалась около часа. Тем временем Сэм загнал скот, возвратившийся с водопоя, внутрь наскоро сооруженной ограды на вершине холма.

— Так мы расположимся на холме? — заметила миссис Брайт.

— Да, на холме, — ответил муж.

— Пойдем, Диана, — сказала миссис Брайт.

Обе взяли немного кухонной утвари и поднялись на пригорок, где развели огонь и стали готовить ужин.

Как только телега освободилась от поклажи, слуги вместе с Уильямом встали позади, чтобы ее поддерживать, а Джон Брайт взял лошадей под уздцы и хлопнул бичом.

Подъем был крут.

Но благодаря силе лошадей и терпению людей, которые после каждого шага подкладывали под колеса колья и камни, телега наконец достигла вершины.

Остальное не представляло затруднения.

Меньше чем за час был устроен лагерь.

Из тюков и срубленных деревьев переселенцы образовали нечто вроде укрепления в виде широкого круга, в центре которого находился скот, чуть дальше была раскинута палатка для женщин.

Когда все было закончено, Джон Брайт осмотрелся вокруг и остался очень доволен увиденным.

Его семейство было хотя бы на время ограждено от внешнего нападения, тюки и деревья были сложены таким образом, что переселенцы могли стрелять в неприятеля, сами заслоненные укреплением, и с успехом продержаться довольно долго.

Солнце закатилось уже с час, когда все приготовления подошли к концу.

Ужин был готов.

Переселенцы сели около огня и поужинали с аппетитом людей, привыкших к постоянной опасности, а потому не теряющих его даже при величайшем душевном беспокойстве.

После ужина Джон Брайт прочел молитву, как делал это каждый вечер перед сном; присутствующие благоговейно слушали, стоя с непокрытой головой. По окончании молитвы женщины вошли в приготовленную для них палатку.

— Теперь, — сказал Джон Брайт, — надо держать ухо востро. Ночь темна, а месяц всходит поздно. Известное дело, что индейцы обычно нападают ранним утром, когда сон самый крепкий.

Потушили костер, чтобы его свет не выдал местоположения лагеря. Двое слуг растянулись на траве друг возле друга и вскоре заснули, а Джон Брайт с сыном, стоя в противоположных концах лагеря, внимательно наблюдали за окружающей местностью.

ГЛАВА IV

Серый Медведь

се было тихо вокруг, ничто не нарушало безмолвия прерии.

Что бы ни испытывал охотник при внезапном появлении Серого Медведя, он ничем не выдал своих чувств, так что индеец не мог заметить ни тени беспокойства.

Лицо канадца оставалось спокойным, ни один мускул не дрогнул на нем.

— А! — сказал он. — Приветствую вождя пиеганов. Другом или недругом приходит он?

— Натах-Отан пришел сесть у огня своих бледнолицых братьев и выкурить с ними трубку, — ответил вождь, зорко осматриваясь вокруг.

— Если Серый Медведь подождет минуту, я разведу огонь.

— Пусть Меткая Пуля разведет его; вождь подождет, он пришел беседовать с бледнолицыми, и беседа будет продолжительной.

Канадец пристально посмотрел на краснокожего, но индеец в свою очередь был непроницаем, охотник ничего не смог прочесть в чертах его лица.

Охотник принес несколько охапок сухих ветвей, высек огонь, и вскоре вспыхнуло яркое пламя, которое осветило пригорок.

Индеец подошел к огню, сел возле него, достал из-за пояса трубку и преспокойно стал курить.

Не желая оставаться у него в долгу, Меткая Пуля в точности последовал его примеру с отлично разыгранным равнодушием, и несколько минут эти два человека просидели, пуская друг другу в лицо клубы табачного дыма.

Наконец Серый Медведь прервал молчание.

— Охотник — воин, — произнес он, — зачем же он прячется, как водяная крыса?

Меткая Пуля не счел нужным отвечать на этот намек и хладнокровно продолжал курить, по временам искоса взглядывая на собеседника.

— У черноногих орлиный глаз, — продолжал Серый Медведь, — их зоркий взгляд видит все, что происходит в прерии.

Канадец утвердительно кивнул, однако и на этот раз ничего не ответил.

Вождь продолжал:

— Серый Медведь увидел следы своих бледнолицых друзей, его сердце дрогнуло в груди от радости, поэтому он пришел.

Меткая Пуля медленно вынул чубук изо рта и, повернув голову к индейцу, пристально всматривался в него с минуту.

— Повторяю, что мой брат — дорогой гость, — сказал он наконец, — я знаю, что он великий вождь, и рад его видеть.

— О-о-а! — с тонкой улыбкой возразил индеец. — Так ли мой брат доволен моим присутствием, как говорит?

— Почему бы мне не быть довольным, вождь?

— Мой брат не простил черноногим, что они привязали его к столбу пыток.

Канадец презрительно пожал плечами и холодно ответил:

— Полноте, вождь, с какой стати мне не прощать вам или вашему племени? Война есть война. В чем мне упрекать вас? Вы хотели убить меня, я ушел от вас, мы квиты.

— Правду ли говорит Меткая Пуля, действительно ли он забыл про это? — спросил индеец с некоторым оживлением.

— Почему же нет? — спокойно ответил канадец. — Мой язык не раздвоен, мой рот произносит слова, исходящие из сердца; я не забыл тех пыток, каким вы подвергали меня, это было бы ложью, но я простил их.

— О-о-а! Мой брат великодушен.

— Нет, просто я хорошо знаком с индейскими обычаями, вот и все. Вы сделали не больше и не меньше того, что делают в подобном случае другие краснокожие. Могу ли я сердиться на вас за то, что вы поступили, как и должны были поступить?

Воцарилось молчание. Собеседники опять принялись курить.

И снова индеец заговорил первым.

— Так мой брат — друг? — спросил он.

— А вы, вождь? — вопросом на вопрос ответил канадец.

Индеец встал и движением, исполненным величия, распахнул свой бизоновый плащ.

— Приходит ли враг таким образом? — ответил он просто.

Канадец не мог сдержать жеста изумления. Черноногий не имел при себе никакого оружия; пояс его был пуст, даже ножа для скальпирования, этого оружия, с которым краснокожий неразлучен, и того при нем не оказалось.

Меткая Пуля протянул ему руку.

— Вот вам моя рука, вождь, вы человек благородный. Теперь говорите, я вас слушаю. Не хотите ли выпить огненной воды?

— Огненная вода плохая советчица, — заметил вождь с улыбкой, — индейцы теряют от нее разум. Натах-Отан никогда не пьет ее.

— Ну, я вижу, что ошибался на ваш счет, вождь, это меня радует. Говорите же, мои уши открыты.

— То, что я хочу сказать Меткой Пуле, другие уши слышать не должны.

— Мои друзья спят крепко, вы можете говорить без опасения, да и в любом случае они не понимают вашего языка.

Индеец покачал головой.

— Стекланный Глаз знает все, — возразил Серый Медведь, — вождь не раскроет рта в его присутствии.

— Как хотите, вождь, только должен вам заметить, что мне говорить нечего, стало быть, вы вольны говорить или молчать.

Индеец с минуту колебался, но потом продолжал:

— Пусть Меткая Пуля последует за своим другом до берега реки и там выслушает слова вождя черноногих.

— Гм! — задумался охотник. — А кто будет караулить моих друзей во время нашего отсутствия? Нет, нет, вождь, — прибавил он, — я не могу сделать этого. Краснокожие хитры, как двуутробки, пока я буду на берегу реки, моих друзей могут захватить врасплох. Кто мне ответит за их безопасность?

Индеец встал.

— Слово вождя, — сказал он гордо, сопровождая свои слова жестом, полным величия.

Канадец всмотрелся в него внимательно.

— Послушайте, краснокожий, — сказал он, — я не сомневаюсь в вашей честности и потому не обижайтесь на то, что я вам скажу.

— Я слушаю моего брата.

— Я должен охранять своих товарищей. Так как вы непременно хотите говорить со мной тайно, то я согласен идти за вами, но с условием, что останусь при своем оружии; таким образом, если случится нечто неожиданное, чего не может предвидеть человеческий разум, я буду в состоянии бороться с опасностью и смогу дорого продать свою жизнь. Если вы на это согласны, то я готов следовать за вами, в противном же случае — нет.

— Хорошо, — с улыбкой ответил вождь, — мой бледнолицый брат совершенно прав, настоящий охотник никогда не расстаётся со своим оружием. Пусть Меткая Пуля следует за своим другом.

— Пойдемте, — решительно ответил канадец, положив винтовку на плечо.

Серый Медведь стал спускаться с пригорка, неслышно скользя сквозь заросли кустов.

Меткая Пуля шел точно по его следам.

Хотя охотник прикидывался совершенно спокойным, он тем не менее тщательно осматривался вокруг и прислушивался к малейшему звуку.

Но в прерии все было тихо и безмолвно.

Минут через десять ходьбы эти два человека остановились у самой реки.

Миссисипи величественно катила свои волны по золотисто-желтому песку; временами какие-то неясные тени мелькали на ее берегах.

Неподалеку, самое большое в двух милях от них, на вершине холма светились последние отблески догоравшего костра, мелькавшие по временам между деревьями.

Серый Медведь остановился на конце небольшого мыса, который довольно далеко вдавался в реку. На этом месте не было никакой растительности, оттуда открывалась широкая панорама и можно было заметить малейшее движение в прерии.

— Удобно ли это место для охотника? — спросил вождь.

— Вполне удобно, — ответил Меткая Пуля. Он поставил винтовку наземь и оперся на нее руками: — Теперь я готов выслушать моего брата.

Индеец стал ходить взад и вперед по песку, скрестив руки на груди и опустив голову, как человек, погруженный в глубокую думу.

Охотник следил за ним глазами, невозмутимо ожидая, когда он вздумает объясниться.

Легко было угадать, что Серый Медведь взвешивает в уме один из тех смелых замыслов, на которые индейцы отважатся порой, но что он не знает, как приступить к делу.

Охотник решил положить конец его размышлениям.

— Послушайте, вождь, — сказал он, — вы просили меня следовать за вами; я согласился. Теперь мы, как вы того желали, находимся вдали от человеческих ушей, однако вы все еще ничего не говорите. Если вы раздумали, то я вернусь к своим товарищам.

Индеец остановился перед ним.

— Нет, — сказал он, — брат мой не должен уходить. Настал час объяснения между нами... Мой брат любит Стекло-
лянного Глаза?

Охотник с насмешливым видом поглядел на собеседника.

— К чему этот вопрос? — осведомился он. — Люблю я или нет того, кого вы вздумали называть Стекло-
лянным Глазом, вам, я полагаю, это должно быть все равно.

— Вождь не теряет времени в пустых разговорах, — повелительно сказал индеец, — слова, исходящие из его груди, всегда просты и идут прямо к цели. Пусть мой брат ответит так же просто и ясно, как я его спросил.

— Не вижу к этому никаких препятствий. Да, я люблю Стекло-
лянного Глаза, я люблю его не только за то, что он спас мне жизнь, но еще и за то, что он — самая благородная душа, с какой только мне доводилось встречаться.

— Прекрасно! Знает ли мой брат, с какой целью Стекланный Глаз разъезжает по прериям?

— Признаться, нет, вождь, понятия не имею. Я только предполагаю, что, пресытившись жизнью в городах, он прибыл сюда воспрянуть духом от дивного и величественного зрелища дикой природы.

Индеец покачал головой. Метафизические соображения и поэтические обороты речи охотника были для него арабской грамотой; он ничего не понял.

— Серый Медведь — вождь, — сказал он, — у него язык не раздвоенный, слова, исходящие из его груди, ясны, как кровь в его жилах. Почему охотник не говорит с ним таким же языком?

— Я отвечаю на ваш вопрос, вождь, вот и все. Не думаете ли вы, что я расспрашивал своего друга о его намерениях? Они меня не касаются. Я не признаю за собой права отыскивать в сердце человека причины его действий.

— Мой брат говорит хорошо, на его голове седина, он имеет многолетний опыт.

— Может быть, вождь. Во любом случае наши с вами отношения не настолько близки, чтобы поверять друг другу свои мысли с полной откровенностью. А так как вы держите меня здесь уже больше часа, ничего не говоря, то нам лучше разойтись.

— Нет еще.

— Почему нет? Разве вы думаете, что я, подобно вам, вместо того чтобы спать ночью, как подобает всякому доброму христианину, шляюсь по степи, как ягуар в поисках добычи?

Индеец засмеялся.

— О-о-а! — воскликнул он. — Мой брат хитер, от него ничто не укроется.

— Вот тебе на! Велика хитрость угадать, что вы тут делаете.

— Слушайте меня.

— Пожалуйста, но с условием, что на этот раз вы отбросите все ваши индейские штучки, эти намеки, за которыми вы так искусно скрываете настоящую мысль.

— Мой брат откроет уши, и слова его друга дойдут до его сердца.

— Ну, покончим с этим раз и навсегда.

— Раз брат мой любит Стеклянного Глаза, то передаст от Серого Медведя, что ему грозит большая опасность.

— Ага! — отозвался канадец, бросив на собеседника подозрительный взгляд. — Какая же опасность?

— Больше я ничего не могу сказать.

— Очень хорошо, — посмеиваясь, заметил Меткая Пуля, — ваши сведения очень ценны, хоть и не слишком обстоятельны. Но что же мы должны сделать, чтобы уйти от грозной опасности?

— Мой брат разбудит своего друга, вы сядете на лошадей и уедете отсюда как можно скорее. Вы остановитесь только тогда, когда достигнете противоположного берега.

— Гм! А когда это будет сделано, то опасаться нам будет нечего?

— Решительно нечего.

— Замечательно! — насмешливо сказал охотник. — А когда нам надо ехать?

— Сейчас.

— Еще лучше.

Меткая Пуля сделал несколько шагов с задумчивым видом, потом вернулся к вождю и остановился прямо перед ним. Глаза у индейца сверкали во мраке, точно у тигра, когда он следил за всеми движениями охотника.

— Так вы не можете открыть мне причину, по которой нам следует уехать?

— Нет.

— Также невозможно, не правда ли, объяснить мне, какого рода опасность угрожает нам?

— Невозможно.

— Это ваше последнее слово?

Индеец утвердительно кивнул головой.

— Если так, — вскричал Меткая Пуля, стукнув о землю прикладом винтовки, — я сам вам все объясню!

— Вы?

— Да, я! Слушайте же! Речь моя будет не длинной и, надеюсь, весьма любопытной для вас.

Вождь насмешливо улыбнулся.

— Мои уши открыты, — произнес он.

— Тем лучше! Я наполню их вестями, которые, быть может, и не очень вам понравятся.

— Я слушаю, — невозмутимо повторил индеец.

— Как вы совершенно справедливо заметили с минуту назад — хотя, между прочим будет сказано, ваше сообщение было совершенно лишним, поскольку я знаю вас давно, — у краснокожих орлиный глаз, они хищные птицы, от которых ничто не ускользнет.

— Дальше.

— Сейчас. Ваши разведчики заметили, что было совсем не трудно, следы, оставленные семейством переселенцев; по этим следам вы давно уже преследуете путников, дожидаясь благоприятного момента, чтобы напасть на них и одержать верную победу. Предположив, что такая минута теперь настала, вы объединились — команчи, сиу и черноногие, все черти одного племени, — чтобы напасть в эту ночь на людей, которых подкарауливаете уже столько дней, горя желанием овладеть их большим, как вы полагаете, богатством... Не так ли?

На лице вождя не дрогнул ни один мускул, хотя при всем внешнем бесстрастии в душе он был взбешен и встревожен, что его планы так верно разгадали.

— В словах охотника есть доля правды, — холодно ответил он.

— Здесь все правда! — вскричал Меткая Пуля.

— Быть может, но я не вижу причины, зачем мне понадобилось предостерегать моего брата.

— А-а! Вы не видите причины? Ладно, я объясню и это. Вы явились ко мне, прекрасно зная, что Стекланный Глаз, как вы называете его, не позволит вам безнаказанно совершить в его присутствии задуманное вами преступление.

Черноногий пожал плечами.

— Как бы храбр человек ни был, может ли он устоять против полутора сотен воинов? — заметил он.

— Нет, конечно, — согласился Меткая Пуля, — но он может устроить их своим присутствием, воспользоваться своим влиянием на них и вынудить отказаться от их намерений, а именно это Стекланный Глаз и сделает. По неизвестным мне причинам вы испытываете к нему глубокое уважение, непостижимое благоговение; разумеется, вы боитесь, что при первом же выстреле он прискачет, грозный, как ангел-мститель, и стараетесь удалить его под предлогом, благовидным для любого другого, но который его только заставит вмешаться в это дело!.. Ну, все ли я теперь сказал, вполне ли я разоблачил ваши мысли? Отвечайте!

— Мой брат знает все. Повторяю, его мудрость велика.
— Теперь вам нечего добавить, не правда ли? Так прощайте.

— Еще одну минуту.

— Еще?

— Это необходимо.

— По-моему, мы все выяснили.

— Мой брат говорил от своего имени, а не от имени Стеклянного Глаза. Разбудите вашего друга и передайте ему наш разговор; быть может, вы ошибаетесь.

— Не думаю, вождь, — возразил канадец, качая головой.

— Пусть так, — продолжал настаивать краснокожий, — однако сделайте то, о чем я вас прошу.

— Вам этого очень хочется, вождь?

— Очень.

— Не хочу вводить вас в неудовольствие из-за такого пустяка, но вы вскоре убедитесь, насколько я прав.

— Возможно. Я буду ждать ответа моего брата в течение получаса.

— Куда мне прийти с ним?

— Никуда! — с живостью вскричал индеец. — Если я прав, мой брат прокричит по-сорочьи два раза, если ошибаюсь, то он закричит, как сыч.

— Ладно. До свидания, вождь.

Индеец грациозно поклонился.

— Да пребудет Ваконда с моим братом! — сказал он.

После этого обмена любезностями они разошлись.

Канадец небрежно перекинул винтовку через плечо и большим шагом направился к месту их стоянки, в то время как индеец внимательно следил за ним глазами, оставаясь, по-видимому, совершенно равнодушен. Но едва охотник скрылся из виду, как краснокожий лег на песок и пополз, как тень или как змея, в свою очередь скрывшись в кустарнике в том же направлении, что и Меткая Пуля, хоть и на порядочном расстоянии от него.

Не предполагая, что за ним следят, охотник не обращал внимания на то, что делалось вокруг него, и вернулся к товарищам, не заметив ничего необычного.

Если бы его мысли не были заняты другим и его многолетний опыт не усыплен в ту минуту, он, конечно, заметил бы с той проницательностью, какой отличался, что прерия вовсе не погружена в свою обычную тишину; он услышал бы

странный шелест листьев и, быть может, увидел бы даже в тени высокой травы чьи-то ярко блестящие глаза.

Вскоре он дошел до пригорка, где граф и его слуга спали крепким сном.

Меткая Пуля колебался несколько секунд, прежде чем потревожить сладкий сон молодого человека; однако вспомнив, что малейшая неосторожность может повести к страшным последствиям, которые невозможно предвидеть заранее, он наклонился к графу и слегка коснулся его плеча.

Как ни легко было прикосновение, оно мгновенно разбудило спящего.

Граф открыл глаза, сел и внимательно посмотрел на старого охотника.

— Нет ли чего нового, Меткая Пуля? — спросил он.

— Есть, граф, — печально ответил канадец.

— Ого! Какой у вас мрачный вид, любезный друг, — заметил де Болье со смехом. — Что же произошло?

— Пока что ничего, но скоро, пожалуй, нам надо будет посчитаться с краснокожими.

— Тем лучше, мы хоть согреемся... Чертовский холод, — ответил он, дрожа от озноба. — Но как вы узнали об этом?

— Пока вы спали, у меня был посетитель.

— А! И кто же выбрал такой неурочный час, чтобы нанести вам визит?

— Вождь черноногих.

— Серый Медведь?

— Он самый.

— Он что, лунатик разве, что рассказывает ночью по прерии?

— Он не рассказывает, а подстерегает.

— О! Я догадываюсь! Не оставляйте же меня долее в неизвестности, расскажите скорее обо всем, что произошло между вами. Серый Медведь не таков, чтобы беспокоиться без уважительной причины, и я сгораю от нетерпения узнать ее.

— Судите сами.

Без лишних слов охотник передал графу со всеми подробностями свой разговор с вождем.

— Гм! Это не шутка, — сказал граф, когда Меткая Пуля закончил свой рассказ. — Этот Серый Медведь — хитрый мошенник! Вы разоблачили его намерения и прекрасно сделали, что дали ему такой ответ. За кого меня принимает этот

негодяй? Не воображает ли он, чего доброго, что я захочу быть его соучастником?! Пусть только осмелится напасть на бедняг-переселенцев, которые расположились на том пригорке, и клянусь вам, Меткая Пуля, что прольется много крови — если вы, конечно, поможете мне.

— Разве вы сомневаетесь в этом?

— Нет, любезный друг, благодарю вас. С вами и моим трусом Ивоном мы обратим в бегство всех индейцев!

— Ваше сиятельство изволили звать меня? — спросил бретонец, вскочив с места.

— Нет, нет, дружище Ивон, я только говорил, что нам, вероятно, придется драться.

Бретонец вздохнул и пробормотал, снова опускаясь на землю:

— Ах! Если бы я имел столько же отваги, сколько усердия, ваше сиятельство, но — увы! — сами изволите знать, я страшный трус и скорее помешаю вам, чем принесу пользу.

— Ты сделаешь, что можешь, любезный друг, и этого довольно.

Ивон вздохнул и ничего не ответил.

Меткая Пуля с улыбкой слушал этот разговор. Бретонец был наделен даром постоянно приводить его в изумлени; он ровно ничего не понимал в этой странной натуре.

Граф обратился к охотнику.

— Значит, решено? — спросил он.

— Решено, — ответил тот.

— Тогда подавайте сигнал, любезный друг.

— Крик сыча, не так ли?

— Еще бы, черт возьми!

Меткая Пуля поднес к губам два пальца и, согласно уговору с Серым Медведем, издал пару звуков, с редким совершенством подражая крику сыча.

Едва замолк второй крик, как в кустарнике раздался страшный шум; не успели трое друзей занять оборонительную позицию, как человек двадцать индейцев внезапно бросились на них, мигом обезоружили и привели в совершенную невозможность сопротивляться.

Граф де Болье пожал плечами, прислонился к дереву и вставил монокль в правый глаз.

— Очень смешно... — пробормотал он.

— Не слишком-то, — заметил про себя Ивон.

Среди индейцев легко было узнать Серого Медведя.

— Я предупреждал Меткую Пулю, — сказал он.

Охотник презрительно улыбнулся.

— Вы предупреждали меня, как это делают краснокожие.

— Что хочет сказать мой брат?

— Хочу сказать то, что вы предупреждали о грозившей нам опасности, но не говорили, что замышляете измену.

— Это все равно, — невозмутимо сказал индеец.

— Меткая Пуля, друг мой, не стоит разговаривать с этими негодяями, — сказал граф и, надменно обратившись к вождю, спросил:

— Чего же вы хотите от нас?

За время своего странствия по прериям граф, постоянно сталкиваясь с индейцами, незаметно выучил их язык и говорил на нем довольно бегло.

— Мы не собираемся причинять вам вреда, но не допустим, чтобы вы вмешивались в наши дела, — почтительно ответил вождь. — Мы пришли бы в отчаяние, если бы были вынуждены прибегнуть к насильственным мерам.

Молодой человек расхохотался.

— Вы идиоты! Я сумею уйти от вас против вашей воли.

— Пусть мой брат попробует.

— Попробую, когда настанет время, но не теперь.

Говоря таким беспечным тоном, граф достал из кармана сигарочницу, выбрал сигару и, взяв из коробка спичку, наклонился и зажег ее о камень.

Индейцы следили за его движениями с напряженным любопытством и тревогой.

Вдруг они вскрикнули от ужаса и отскочили на несколько шагов.

От трения о камень спичка зажглась, и на конце ее заколебался легкий голубоватый огонек. Граф небрежно вертел спичку в пальцах, чтобы дать сере разгореться.

Он не заметил испуга индейцев.

Между тем краснокожие движением быстрым, как мысль, наклонились все до одного и, взяв первый попавшийся кусок дерева, стали тереть им о камни.

Изумленный граф смотрел, не понимая, что они делают.

Серый Медведь колебался с минуту; странная улыбка мелькнула на его смуглом лице, но он тотчас принял обычный холодный вид, сделал шаг вперед и почтительно поклонился графу.

— Мой отец обладает огнем солнца, — сказал он со всеми признаками мистического ужаса, указывая на горящую спичку.

Молодой человек усмехнулся. Он понял все.

— Кто из вас, — надменно произнес он, — посмеет бороться со мной?

Индейцы оторопело переглянулись.

Эти неустрашимые люди, привыкшие бороться с самыми грозными опасностями, были побеждены непостижимой для них властью, которой обладал их пленник.

Так как граф, говоря с Серым Медведем, не обратил внимания на свою спичку, то она почти догорела, и он не мог уже ею воспользоваться. Он бросил ее.

Индейцы кинулись к ней удостовериться, действительно ли это был огонь.

Не придавая внешне значения этому действию, граф взял другую спичку из своей коробки и повторил опыт.

Его торжество было полным.

Краснокожие, приведенные в ужас, упали на колени и умоляли его простить их. Теперь он мог решиться на все. Эти первобытные натуры, подавленные чудом, совершенным на их глазах, считали его отныне существом высшим и находились целиком в его власти.

Меткая Пуля смеялся про себя над их простодушием.

Молодой человек искусно воспользовался своим торжеством.

— Теперь вы видите, что я в состоянии сделать? — осведомился он.

— Видим, — ответил Серый Медведь.

— Когда вы хотели напасть на переселенцев?

— Когда зайдет луна, воины нашего племени подступят к их лагерю.

— А вы?

— Мы должны стеречь нашего отца.

— И вы продолжаете утверждать, что это возможно? — надменно спросил граф.

Краснокожие содрогнулись от блеска в его глазах.

— Да простит наш отец, — ответил вождь, — мы его плохо знали.

— А теперь?

— Теперь мы знаем, что он наш властелин. Пусть он приказывает, мы будем повиноваться.

— Берегитесь! — сказал граф голосом, от которого индейцев охватил ужас. — Я подвергну вашу покорность тяжело-му испытанию!

— Наши уши открыты, чтобы воспринимать слова отца.

— Подойдите.

Черноногие нерешительно сделали несколько шагов, они еще не вполне пришли в себя.

— Слушайте внимательно, — произнес граф, — а когда получите мое приказание, берегитесь, если не исполните его!

ГЛАВА V

Незнакомка

Теперь мы вынуждены вернуться в лагерь американцев.

Как уже говорилось, его караулили отец и сын. На душе у Джона Брайта было тревожно.

Хотя у него еще не было достаточного опыта, которого требует жизнь в прерии, за четыре месяца трудных странствований и постоянных тревог он все-таки приобрел известный навык к бдительности, который в настоящем случае мог принести ему пользу, по крайней мере, чтобы отразить нападение, если не предотвратить его.

Вообще лагерь занимал положение отличное и тем удачнее выбранное, что с этого места взгляд охватывал большое пространство и легко было видеть приближение неприятеля.

Отец и сын легли возле костра, время от времени вставая поочередно, чтобы осмотреть степь и убедиться, что ничто не угрожает их безопасности.

Джон Брайт был человек железной воли и обладал храбростью льва; до сих пор в жизни ему не очень-то везло, но он поклялся, что добьется успеха во что бы то ни стало.

Он происходил от древнего рода скваттеров.

Скваттер — личность, присущая одному Новому свету, которую тщетно было бы искать в иных странах.

Расскажем в двух словах, что такое скваттер.

По территории, принадлежащей Соединенным Штатам, которая не была еще размежевана, встречается многочисленное население, которое заняло эти земли с целью приобрести их в день, когда североамериканское правительство объявит о их продаже.

Эти жители непроданных земель называются *скваттерами*.

Мы не станем утверждать, что они составляли лучшую часть стремящихся на Запад переселенцев, однако нам известно, что в некоторых местностях они установили у себя самоуправление и избрали из своей среды должностных лиц для соблюдения суровых законов, ими самими выработанных с целью охранять спокойствие на земле, где они поселились.

Однако наряду с этими честными скваттерами, которые, плохо ли, хорошо ли, подставляют шею под ярмо, часто очень тяжелое, существует другой разряд скваттеров, которые владение землей понимают в самом широком смысле, то есть когда в своих бесцельных странствованиях они встречаются — что случается нередко — вспаханную землю, для них подходящую, то поселяются на ней без малейших колебаний и устраивают себе жилище, нисколько не думая о владельце, точно его вовсе не существует. Когда же тот является с нанятыми работниками, чтобы обработать и засеять свое поле, то приходит в немалое изумление, найдя его в чужих руках. Захватчик отказывается возвратить его, опираясь на гибкую аксиому, что владение подтверждается документами, а если настоящий хозяин настаивает на своем требовании, то прогоняет его выстрелами из винтовки и револьверов, этого *ultima ratio*¹ переселенцев.

Нам известен любопытный случай с господином, отправившимся из Нью-Йорка с двумя сотнями работников, нанятых им для корчевки девственного леса, который он приобрел лет десять назад и до той поры еще не удосужился расчистить. Прибыв на место, он нашел целый город в четыре тысячи душ, построенный на месте его девственного леса, от которого не сохранилось ни единого деревца. После бесчисленных переговоров и объяснений вышеупомянутый господин считал себя счастливым, что унес ноги целым и невредимым, не заплатив за понесенные убытки своим грабителям, которых вначале надеялся выгнать сам.

Но скваттера не прогонишь с земли, которой он завладел, точно так же, как не заставишь янки выпустить доллар, попавший ему в руки.

---

¹ Последний довод (лат.).

Приведенный нами случай является одним из многих тысяч подобных и даже еще более странных примеров.

Джон Брайт принадлежал к первому из двух описываемых нами типов скваттеров. Когда ему минуло двадцать лет, отец наделил его топором, винтовкой с порохом на двадцать выстрелов и ножом, говоря:

— Послушай, мой мальчик, теперь ты большой и сильный, тебе стыдно оставаться долее на моем попечении. Я должен кормить шестерых твоих братьев. Америка велика, земли вволю; ступай с Богом, и чтобы больше я о тебе не слышал. Имея в руках оружие, с тем воспитанием, что получил, ты вскоре составишь себе состояние. Избегай ненужных стычек и постарайся не дать себя повесить.

После этой прочувственной речи отец нежно обнял сына, после чего вытолкнул его из дома и захлопнул за ним дверь.

С той поры Джон Брайт так ничего и не слышал об отце — правда, добрый малый и не справлялся о нем.

Вначале ему пришлось очень туго, но благодаря своему покорному нраву и некоторой законопослушности, его единственному родовому наследству, он все-таки кое-как устроился и взрастил детей, не подвергаясь чересчур тяжелым лишениям.

От одиночества ли, в котором он провел свою молодость, или от другой неизвестной нам причины, но только Джон Брайт боготворил жену и детей и ни под каким видом не согласился бы расстаться с ними.

Когда судьба вынудила его бросить землю, на которой он жил, и податься на поиски другой земли, более плодородной, он весело отправился в путь, поддерживаемый любовью к семейству, все члены которого сознавали и глубоко ценили его самопожертвование. Он принял решение зайти на этот раз так далеко, чтобы его уже никто не мог вытеснить из новых владений. Дело в том, что законный владелец земли, на которой к тому времени обосновалось его семейство, вынудил его уступить место, просто предъявив акты на владение; Джон Брайт даже не подумал сопротивляться, хотя его образ действия подвергся большому осуждению со стороны соседей.

Джон Брайт хотел видеть свою семью счастливой. Он охранял ее с ревнивой нежностью насадки к своим цыплятам.

Нынешним вечером его терзало страшное беспокойство, хотя он сам не понимал настоящей причины. Исчезновение индейцев казалось ему неестественным. Тишина вокруг была, по его мнению, чересчур глубокой, безмолвие в прерии каким-то особенно мертвым; он не находил себе места и, несмотря на убеждения сына, то и дело вскакивал, чтобы заглянуть через воздвигнутое ими укрепление.

Уильям горячо любил и уважал отца. Состояние, в котором находился Джон, тем сильнее огорчало молодого человека, что, по-видимому, это необычайное беспокойство ничем не оправдывалось.

— Боже мой! Отец, — сказал он Джону, — не мучайте же себя таким образом; на вас, право, жалко смотреть. Неужели вы думаете, что индейцы посмеют напасть на нас при этом ясном лунном свете? Взгляните-ка, ведь все видно, как средь бела дня. Если бы мы захотели, уверен, мы могли бы читать Библию при этом серебристом свете.

— Ты прав, но только относительно настоящей минуты, Уильям; краснокожие — хитрый народ и при таком ярком свете луны не станут подставляться под пули. Но через час луна зайдет, и тогда они без всякого риска подкрадутся во мраке к нашему укреплению.

— Не думаю, чтобы они попытались это сделать, дорогой отец. С тех пор как они подсматривают за нами, эти краснокожие дьяволы видели нас близко и могли убедиться, что от нас им получить нечего, кроме трепки.

— Гм! Я не разделяю твоего мнения. Наш скот для них богатство; я вовсе не желаю предоставить его в их пользование, тем более что нам пришлось бы возвратиться обратно в населенные места для закупки другого. Согласись, это было бы не очень приятно.

— Разумеется, но мы не будем поставлены в такую необходимость.

— Дай-то Бог, сынок!.. Ты ничего не слышишь?

Молодой человек стал внимательно прислушиваться.

— Нет, — сказал он спустя минуту.

Переселенец вздохнул.

— Сегодня вечером я обошел берега реки, — заговорил он опять, — и должен сказать, что редко мне встречалась местность более удобная для поселения. Девственный лес, простирающийся за нами, снабжал бы нас отличным топливом,

не говоря о великолепном тесе; кроме того, тут поблизости есть большие участки земли, на которых, благодаря соседству с водой, я уверен, можно было бы вырастить прекрасный урожай.

— Вы что же, намерены поселиться здесь, отец?

— А ты против этого?

— Нисколько; мне все равно, где бы ни быть, лишь бы нам жить и работать вместе. Это место мне кажется не хуже любого другого, тем более что оно достаточно отдалено от населенных мест и мы можем не опасаться, что нас вытеснят отсюда — по крайней мере, на много-много лет.

— Я тоже так думаю.

В эту минуту в высокой траве пробежал легкий шелест.

— Теперь я уверен, что не ошибаюсь! — вскричал переселенец. — Я слышал какой-то звук.

— Я тоже слышал, — сказал молодой человек, вскакивая с места и хватая свою винтовку.

Оба бросились к укреплению. Однако им не удалось рассмотреть ничего подозрительного.

Прерия казалась все такой же мирной.

— Верно, это дикий зверь идет на водопой или возвращается с него, — заметил Уильям, чтобы успокоить отца.

— Нет, — возразил тот, покачив головой, — животное издает совсем не такой шум; это звук человеческих шагов, я знаю точно.

— Самое простое — пойти посмотреть.

— Пойдем.

Оба смело перелезли через укрепление и разошлись в разные стороны. Не спуская пальца с курка, они обошли лагерь, тщательно осматривая каждый куст, чтобы убедиться, что враг нигде не скрывается.

— Ну что? — вскричали оба в один голос, столкнувшись на противоположном конце лагеря.

— Ничего, а у тебя?

— Ничего.

— Странно! — пробормотал Джон Брайт. — Звук был так явствен.

— Положим, но поверьте, отец, это просто какое-то животное пробежало поблизости. В такую тихую ночь малейший шорох слышится на большом расстоянии. Впрочем, теперь мы можем быть уверены, что здесь никого нет.

— Вернемся, — сказал переселенец в задумчивости.

Они стали перелезать назад через укрепление, но вдруг оба остановились как вкопанные, едва сдержав крик изумления, почти ужаса.

Они увидели у костра человеческую фигуру, очертания которой трудно было рассмотреть с такого расстояния.

— Теперь я понимаю, в чем дело! — вскричал переселенец и громадным прыжком очутился в черте лагеря.

— Я тоже, — пробормотал сын, следуя примеру отца.

Но, оказавшись перед странной фигурой, они изумились еще больше.

С невольным любопытством принялись они рассматривать это удивительное существо, забыв спросить, кто это, как и по какому праву явилось оно к ним в лагерь.

Насколько можно было судить, перед ними была женщина, но годы, образ жизни и, быть может, горе избородили ее лицо такой мелкой сетью морщин, что никто не сумел бы сказать ни сколько ей лет, ни того, была ли она когда-нибудь хороша собой.

Ее горевшие мрачным огнем большие черные глаза, в глубоких впадинах, над которыми торчали густые брови, сросшиеся над орлиным носом, ее выдающиеся скулы, покрытые багровым румянцем, ее большой рот с ослепительно белыми зубами и тонкими губами и четырехугольный подбородок — все вместе не внушало к ней с первого взгляда ни сочувствия, ни доверия. Длинные черные волосы, в которых запутались сухие листья и трава, в беспорядке падали на ее плечи.

Одежда ее могла бы согдаться как мужчине, так и женщине. Она состояла из длинной рубахи с короткими рукавами, сшитой из бизоновой кожи и перехваченной в талии поясом со стеклянными бусами. Швы на рубахе отсутствовали; она была скреплена волосами на небольшом расстоянии друг от друга. Подол, причудливо вырезанный, окаймлялся перьями; он доходил только до колен. *Митассы*, или штаны, собранные у лодыжек, поднимались чуть выше колена, над которым привязывались подвязками из бизоновой кожи. *Гумпесы*, или башмаки, были гладкие и без украшений.

На руках этой женщины были железные кольца, на шее — два-три ожерелья из бус, в ушах серьги.

На поясе у нее висели содной стороны пороховница, топор и нож, с другой — мешочек с пулями и длинная индейская

трубка. Прекрасное ружье английской работы лежало на ее коленях.

Она сидела, поджав ноги, у костра и пристально смотрела на огонь, подперев рукой подбородок.

При появлении американцев она даже не пошевелилась, точно вовсе не заметила их присутствия.

Джон Брайт долго и внимательно всматривался в нее, наконец подошел и слегка коснулся ее плеча.

— Добро пожаловать, женщина, — сказал он. — Я вижу, вы озябли и не прочь посидеть у огня.

Почувствовав прикосновение, она медленно подняла голову и, устремив на собеседника взгляд, в котором не трудно было подметить некоторое помешательство, ответила ему по-английски глухим, гортанным голосом:

— Бледнолицые — безумцы. Они все воображают, будто находятся в своих городах, они никогда не думают, что в прерии даже деревья имеют уши и даже листья снабжены глазами, чтобы видеть и слышать все, что делается и говорится вокруг... Черноногие очень ловко снимают волосы.

Мужчины переглянулись при этих словах, смысл которых боялись понять, хоть он и не был достаточно ясен.

— Вы голодны? Хотите есть? — продолжал расспрашивать Джон Брайт. — Или, быть может, вы страдаете от жажды? Я могу, если вы пожелаете, дать вам хороший глоток огненной воды, чтобы согреться.

Женщина нахмурила брови.

— Огненная вода годится только для индианок, — возразила она. — К чему мне ее пить? Скоро придут другие — те, которые осушат ее у вас. Знаете ли вы, сколько часов вам осталось жить?

Переселенец невольно содрогнулся при этой неясной угрозе.

— Зачем вы так говорите со мной? — спросил он. — Разве я вас чем-нибудь обидел?

— Мне все равно, — возразила она, — я не живая, мое сердце давно умерло.

Движением медленным и торжественным она повертывала голову вокруг, пристально всматриваясь в окрестности.

— Вот, — продолжала она, указывая исхудалой рукой на зеленый холмик неподалеку, — вот где он пал, там и покойся. Его голову рассекли надвое ударом топора, когда он спал... Бедный Джеймс!.. Это место проклятое, разве вы не

знаете? Одни только коршуны да вороны отдыхают здесь, и то изредка. Зачем же вы пришли сюда? Надоело вам жить, что ли?.. Слышите? Они идут! Скоро они будут здесь!

Отец и сын переглянулись.

— Она помешана, бедняжка! — пробормотал Джон Брайт.

— Да, именно это они все и говорят! — вскричала женщина с некоторым оживлением в голосе. — Они называли меня *Охмаханк-Шике* (Гадина Земли) и боятся, как своего злого гения. Вы также сочли меня сумасшедшей, не правда ли? Ха-ха-ха!

Она разразилась громким хохотом, который перешел в рыдания. Закрыв руками лицо, она залилась слезами.

Мужчины были тронуты. Непонятное горе, бессвязные слова — все вызывало их участие к этому бедному созданию, которое казалось таким несчастным. Жалость закралась в их сердце, они смотрели на женщину и не решались тревожить ее.

Через несколько минут она подняла голову, отерла глаза рукой и снова заговорила. Дикое выражение в ее глазах исчезло, даже голос как будто изменился, и каким-то непостижимым волшебством во всем ее облике произошла разительная перемена.

— Простите меня, — грустно сказала она, — я наговорила много глупостей. Уединение, в котором я живу, жестокое горе, которое давно уже легло на мое сердце тяжким камнем, порой затмевают мой разум, да и место, где мы находимся, напоминает мне о страшных событиях, которые никогда не изгладятся из моей памяти.

— Могу вас уверить, сударыня... — пробормотал Джон Брайт, не зная, что сказать, так он был изумлен.

— Теперь припадок прошел, — перебила она с кроткой и грустной улыбкой, от которой выражение ее лица совершенно изменилось. — Вот уже два дня, как я слежу за вами, желая помочь. Краснокожие собираются напасть на вас.

Мужчины вздрогнули и, забыв обо всем и думая только о предстоящей опасности, осмотрелись вокруг беспокойным взглядом.

— Вы точно это знаете? — спросил Джон Брайт.

— Я знаю все, — ответила она, — но успокойтесь, остается еще добрых два часа до той минуты, когда в ваших ушах раздастся их ужасный боевой клич. Этого времени достато-

но, даже с избытком, чтобы вы достигли безопасного убежища.

— О! У нас хорошая винтовка и верный глаз, — возразил Уильям, взяв ружье в свои сильные руки.

— Что могут сделать четыре винтовки, как бы хороши они ни были, против двух или четырех сотен ягуаров, алчущих крови, с которыми вам предстоит бой? Вы не знаете краснокожих, молодой человек.

— Это правда; — пробормотал он. — Что же нам делать?

— Где искать убежища, где найти помощь в этих бескрайних прериях? — прибавил Джон Брайт, озираясь с отчаянием.

— Разве я не сказала, что хочу вам помочь? — быстро возразила женщина.

— Сказать-то сказали, но я не могу придумать, какую помощь вы нам можете оказать.

Она грустно улыбнулась.

— Ваш ангел-хранитель привел вас сюда. Пока я следила за вами сегодня, я так и дрожала при мысли, что вы остановитесь не на этом месте. Пойдемте.

Они молча последовали за ней, подчиняясь влиянию, которое это странное создание приобрело над ними за несколько прошедших минут.

Пройдя шагов десять, женщина вдруг остановилась и, обернувшись к ним, сказала, указав исхудалой рукой на северо-запад:

— Там, в двух милях отсюда, ваши враги скрываются в высокой траве. Я слышала их замыслы, я присутствовала без их ведома на их советах. Они ожидают только захода луны, чтобы напасть на вас. Нам остается с час времени.

— Моя бедная жена! — прошептал Джон Брайт.

— Мне нельзя спасти вас всех, такая попытка была бы безумием, но я могу, если хотите, попробовать спасти вашу жену и дочь от судьбы, которая им угрожает.

— Говорите! Говорите!

— Это дерево, у подножия которого мы стоим, хотя и кажется на вид свежим и здоровым, однако внутри пусто. Захватив с собой съестные припасы, ваша жена и дочь могут скрыться в его дупле и там в безопасности выждать, пока минует гроза. Что касается вас...

— Мы мужчины, — с живостью перебил ее Джон Брайт, — мы привыкли к опасностям, наша участь в руках Божьих.

— Хорошо, но не отчаивайтесь, еще не все потеряно.

Американец покачал головой.

— Вы же сами сказали, — возразил он. — Что могут сделать четыре человека при всей своей храбрости против легиона демонов?.. Но теперь речь не о том; я не вижу отверствия, через которая жена и дочь должны попасть в дупло.

— Оно скрыто ветвями и листвой и находится на расстоянии двадцати или двадцати пяти футов от земли.

— Слава Богу! Они будут в безопасности!

— Да, но поторопитесь предупредить их, а пока ваш сын и я подготовим тут все необходимое.

Убежденный в необходимости поспешить, Джон Брайт пустился бегом к лагерю.

Тем временем незнакомка и Уильям устроили с быстротой, которую может придать одно лишь приближение грозной опасности, нечто вроде лестницы, довольно удобной, впрочем, чтобы женщины могли подняться до дупла и потом спуститься внутрь дерева.

Джон Брайт между тем разбудил жену, дочь и слуг; в нескольких словах он объяснил им положение дел, потом заставил женщин запастись съестными припасами, шкурами и всем необходимым, после чего повел их к месту, где ожидала незнакомка.

— Вот мои самые драгоценные сокровища, — сказал Джон Брайт. — Если удастся спасти их, я буду обязан этим только вам.

Мать и дочь принялись было благодарить таинственную покровительницу. Однако та прервала их жестом резким и повелительным.

— После, после, — сказала она, — когда мы спасемся, у нас будет довольно времени поздравить друг друга, а пока не время говорить комплименты, необходимо оградить себя от опасности.

Оскорбленные не слишком приветливым тоном, женщины отошли и с любопытством, почти со страхом смотрели на это странное существо.

Но женщина оставалась невозмутима и, по-видимому, ничего не замечала; в двух словах она объяснила им способ, придуманный ею, чтобы скрыть их от краснокожих, и предостерегла, чтобы они не разговаривали в дупле, где им не будет тесно и они даже смогут ходить. Затем она приказала им подняться по лестнице.

Женщина, быть может, сама того не подозревая, имела такое влияние на окружающих ее и переселенцы так ясно видели необходимость немедленного повиновения, что обе американки, обняв Джона Брайта и его сына, стали храбро подниматься по лестнице следом за Джоном и незнакомкой.

В несколько мгновений они достигли громадной ветви, где по совету незнакомки остановились.

Тогда Джон Брайт бросил в дупло через отверстие, ясно видимое на этой высоте, поскольку оно находилось всего на два фута выше ветви, принесенные с собой шкуры и съестные припасы.

Потом лестницу поставили внутрь дерева и две женщины проскользнули в отверстие.

— Мы оставляем вам лестницу, — сказала незнакомка, — нам она не нужна, но берегитесь выходить прежде, чем я приду за вами. Малейшая неосторожность может стоить вам жизни. Впрочем, успокойтесь, ваше заключение не будет продолжительным, оно продлится всего несколько часов. Не унывайте.

Американки опять хотели выразить ей свою признательность, но, не слушая их, она сделала Джону Брайту знак следовать за ней и быстро спустилась с дерева.

С помощью переселенцев она поспешно уничтожила все следы, которые могли бы выдать индейцам местонахождение женщин.

Когда незнакомка окончательно удостоверилась, что все в порядке и ничто не указывает на присутствие тех, кто скрывался в дупле дерева, она вздохнула с облегчением и в сопровождении двух мужчин направилась к укреплению.

— Теперь, — сказала она, — надо зорко смотреть вокруг; эти демоны, вероятно, уже где-то неподалеку. Вы честные и добрые американцы, покажите же проклятым краснокожим, на что вы способны!

— Пусть только подойдут! — глухо проворчал Джон Брайт.

— Не замедлят, — тихо произнесла женщина и указала пальцем на несколько черных точек, едва заметных, но мало-помалу увеличивавшихся в размсрах и явно приближавшихся.

Оборона лагеря

раснокожие сражаются странным способом, который сбивает с толку все расчеты европейской тактики.

Чтобы вполне уяснить себе их систему, надо сперва понять, что индейцы вовсе не считают за честь то, что мы считаем делом чести.

Встав на эту точку зрения, легко понять остальное.

Попробуем объясниться точнее.

Когда индейцы предпринимают экспедицию, их интересует только одно — успех.

В этом для них заключается все. Любое средство хорошо для достижения успеха.

Одаренные неоспоримой храбростью, порой смелые добезумия, они не останавливаются ни перед чем, не унывают ни при каких обстоятельствах. Однако, когда успех экспедиции кажется им сомнительным, они отступают так же быстро, как шли вперед, и не считают постыдным для себя обратиться в бегство с поля битвы, где встретили неприятеля сильнее себя либо заранее подготовленного к их нападению.

Разумеется, их система ведения войны очень проста.

Они стараются захватить неприятеля врасплох.

Краснокожие крадутся по следам врагов целые месяцы, с беспримерным терпением и неусыпной бдительностью подкарауливая их днем и ночью, но тщательно остерегаясь, чтобы самим не попасть впросак. Потом, когда представится наконец удобный случай и они сочтут, что настала минута привести в исполнение тщательно продуманный план, они начинают действовать с необычайной быстротой и яростью и тем нередко озадачивают противников. Если же в первой схватке их опрокинут и они убедятся, что неприятель не трусил и может оказать сопротивление, то, по данному знаку, они исчезают все как по волшебству, несколько не смущаясь, и снова принимаются подстергать минуту, когда им улыбнется удача.

По совету незнакомки Джон Брайт встал сам и расставил сына и слуг таким образом, чтобы они могли наблюдать за степью со всех сторон. Незнакомка стояла рядом с ним в том углу укрепления, который был обращен к реке, и также ждала, опираясь на винтовку.

Прерия представляла собой в эту минуту странное зрелище.

Довольно сильный ветер, который поднялся при заходе солнца, понемногу стихал и теперь лишь слегка касался зеленых крон высоких деревьев.

Месяц, почти совсем скрывшись, проливал на окрестность дрожащий полусвет, который не рассеивал мрака, а наоборот, только сильнее подчеркивал контраст между мглой и бледными лучами заходящего светила.

Порой глухой рык или отрывистый вой нарушали безмолвие ночи и, как грозный призыв, напоминали переселенцам, что вокруг караулят невидимые лютые и ожесточенные враги.

Воздух был так чист, что малейший звук слышался на огромном расстоянии, и легко было отличить вдали черные точки: почва была усеяна громадными гранитными глыбами.

— Вы точно знаете, что на нас нападут сегодня? — тихо спросил американец.

— Я присутствовала на последнем совете старейшин, — отчетливо ответила незнакомка.

Переселенец бросил на нее пытливый взгляд, который она уловила и значение которого тотчас поняла. Она презрительно пожала плечами.

— Берегитесь, — сказала она ему с особенной выразительностью, — не позволяйте сомнению закрасться в вашу душу. Какая мне выгода вас обманывать?

— Не знаю, — ответил Джон задумчиво, — но я спрашиваю себя также, какая вам польза в том, чтобы защищать меня.

— Никакой, если вы так ставите вопрос. Мне все равно, если ваше имущество будет разграблено, если ваша жена, дочь и вы сами будете скальпированы. Я ничего не потеряю от этого... но разве только таким образом смотрят на вещи? Не думаете ли вы, что для меня материальные интересы имеют значение, что я придаю им большой вес? Если таково ваше мнение, то между нами все кончено, я уйду, и выберите как знаете из западни, куда сами залезли.

С этими словами она вскинула ружье на плечо и сделала быстрое движение, чтобы перебраться через укрепление.

Джон Брайт поспешно остановил ее.

— Вы не поняли меня, — сказал он, — каждый на моем месте сделал бы то же, что я. Мое положение отчаянное, вы сами говорите это. Вы пробрались в мой стан способом, которого я понять не могу. Тем не менее до сих пор я оказывал вам, как вы сами признаете, полнейшее доверие, хотя не знаю, кто вы и что движет вашими поступками. Ваши слова мне ничего не объясняют, напротив, они погружают меня еще в большую неизвестность, а ведь речь идет о спасении моего семейства, которое может быть перерезано на моих глазах, наконец, о спасении моего небольшого достояния. Поймите все это, и я посмотрю, как вы станете обвинять меня, даже не знающего, кто вы, в недостатке абсолютного к вам доверия, на которое вы, может быть, имеете право.

— Да, — ответила она после минутного размышления, — вы правы; таков уж свет, что всегда надо во всеуслышание объявлять свои имя и звание. Эгоизм до того преобладает в этом мире, что нужно предъявлять свидетельство честности даже для оказания услуг. Никто не допускает бескорыстия — этой аномалии, свойственной великодушным сердцам, которую обыватели называют сумасшествием. К несчастью, вам приходится волей-неволей принимать меня за то, чем я кажусь, если не хотите, чтобы я ушла; всякое слово с моей стороны было бы лишним. Судите обо мне по моим действиям — это единственное доказательство, какое я могу и хочу дать вам относительно чистоты моих намерений. Вы вольны принять или отвергнуть мою помощь. После вы поблагодарите или проклянете меня, как вам заблагорассудится.

Джон Брайт находился в жестоком недоумении. Объяснения незнакомки только сильнее сгущали окружавший ее таинственный мрак, вместо того чтобы пролить хоть лучик света на эту тайну. Но, сам не зная почему, он безотчетно верил ей против своей воли. После нескольких минут тяжелого раздумья он поднял голову, хлопнул правой рукой по дулу винтовки и, поглядев собеседнице прямо в лицо, сказал твердым и глубоко выразительным голосом:

— Слушайте! Я не буду стараться узнать, от Бога вы или от черта, шпион ли врагов или преданный друг, Этот вопрос, как вы сами говорите, скоро прояснится сам собой. Но помните одно, я буду следить за малейшим вашим движением, за каждым словом. При первом подозрительном действии, первом слове я всажу вам пулю в голову, даже если после этого меня убьют на месте. Согласны?

Незнакомка засмеялась.

— Согласна, — ответила она, — так-то лучше. Я узнаю истинного янки!

На этом разговор между собеседниками прекратился и все их внимание обратилось на степь.

В прерии царила все та же глубокая тишина. Казалось, природа была погружена в глубокий сон.

Однако зоркие глаза незнакомки различили на берегу реки несколько диких животных, которые быстро обратились в бегство, а также других, поспешно переплывающих реку, вместо того чтобы продолжать пить.

Нет действия без причины — это одна из самых непреложных аксиом прерии; все здесь имеет свое обоснование. Лист не упадет с дерева, птица не вспорхнет без того, чтобы не начали допытываться, отчего упал лист, отчего вспорхнула птица.

После нескольких минут пристального наблюдения незнакомка взяла переселенца за руку и, наклонившись к его уху, шепнула голосом тихим, как легкий шелест ветра, одно слово, от которого он содрогнулся.

— Смотрите! — сказала она, указывая рукой на некое место на равнине.

Джон Брайт наклонился вперед.

— О! Что это значит? — пробормотал он через минуту.

Равнина, как уже упоминалось выше, была усеяна упавшими деревьями и гранитными глыбами, которые издали казались черными точками.

Но странно, эти черные точки, сначала довольно отдаленные от лагеря, как будто чуть заметно приблизились и теперь были уже недалеко.

Поскольку было маловероятно, чтобы гранитные глыбы и деревья двигались сами собой, то, следовательно, это приближение имело некую причину, и достойный переселенец, не одаренный очень быстрым соображением, тщетно ломал себе голову, стараясь угадать ее.

Этот новый лес Макбета, который ходил сам собой, тревожил его в высшей степени. Его сын и слуга в свою очередь заметили странное явление, но также не могли понять причины.

Внезапно Джон Брайт обнаружил, что дерево, которое, как он прекрасно помнил, с вечера находилось в ста пятиде-

сяти шагах от пригорка, теперь вдруг приблизилось на расстояние едва ли сорока шагов.

Нисколько не волнуясь, незнакомка тихо произнесла:

— Это индейцы.

— Индейцы?! — вскричал он. — Возможно ли?

— Сейчас я докажу вам это.

Она встала на колени, вскинула на плечо винтовку, тщательно прицелилась и спустила курок.

Молния рассекла мрак.

В то же мгновение мнимое дерево прыгнуло, словно лань.

Раздался страшный крик, и появились краснокожие, мчась к лагерю, как стая волков, размахивая оружием, перекликаясь свистом и ревя, будто злые духи.

Американцы, до крайности суеверные и опасавшиеся колдовства, убедившись, что имеют дело с обыкновенными людьми, храбро встретили неприятеля метко направленным беглым огнем.

Однако индейцы, зная, вероятно, как мало белых, не унывали и настойчиво стремились вперед.

Краснокожие находились уже на расстоянии всего нескольких ярдов от укрепления и готовились взять их приступом, когда очередной выстрел незнакомки уложил индейца, который был впереди остальных, в ту минуту, когда он обернулся к товарищам, призывая их следовать за собой.

Падение этого человека произвело действие, которого никак не могли ожидать американцы, считавшие себя погибшими.

Индейцы исчезли, как будто по волшебству, крики затихли, и вокруг снова воцарилась глубокая тишина.

Можно было вообразить, что все происшедшее приснилось в страшном сне.

Американцы переглядывались с изумлением, не зная, чему приписать это молчание.

— Просто непостижимо, — сказал Джон Брайт, удостоверившись быстрым взглядом, что его маленький отряд на ногах, цел и невредим. — Можете вы объяснить нам это, сударыня? Ведь вы наш ангел-хранитель: именно вашему последнему выстрелу мы обязаны нынешним спокойствием.

— Ага! — с насмешливой улыбкой заметила незнакомка. — Вижу, наконец-то вы начинаете отдавать мне справедливость.

— Не будем говорить об этом, — возразил переселенец с досадой, — я глупец; простите меня и забудьте о моих подозрениях.

— Я забыла о них, — ответила она. — А то, что вас удивляет, на самом деле очень просто. Индеец, которого я убила или, по крайней мере, ранила, — знаменитый вождь. Увидев, что он пал, воины пришли в уныние и бросились к нему, чтобы унести его и не дать вам завладеть его волосами.

— Тьфу! — вскричал Джон Брайт с жестом отвращения. — Не воображают ли эти язычники, что мы похожи на них? Нет! Если только я буду в силах, то убью их всех до последнего, защищая свою жизнь, и никто не поставит мне это в вину. Но сдирать с них шкуру с волосами — это совсем другое дело! Я честный виргинец, в моих жилах нет ни капли смешанной крови, и я не способен на такие гнусности!

— Я согласна с вами, — ответила незнакомка грустным голосом, — скальпирование — ужасная пытка. К сожалению, многие белые в прериях не разделяют ваше мнение, они переняли индейские обычаи и без церемонии скальпируют врагов.

— Они не правы.

— Пожалуй, и я несколько их не оправдываю.

— Стало быть, на этот раз мы избавлены от этих краснокожих дьяволов! — весело вскричал Джон Брайт.

— Рано радуетесь, они скоро вернутся!

— Опять?

— Они прекратили наступление, чтобы унести мертвых и раненых, и, скорее всего, они ищут другой способ одержать над нами верх.

— Увы! Это будет не трудно. Несмотря на все усилия, нам невозможно устоять против толпы хищников, которые бросаются на нас со всех сторон, точно на пададь. Что могут сделать пять винтовок против легиона демонов?

— Много, если вы не будете унывать.

— О! На этот счет будьте спокойны, мы не отступим ни на пядь, мы твердо решили победить или умереть на этом месте.

— Ваша храбрость мне под душе, — ответила незнакомка. — Быть может, все кончится лучше, чем вы полагаете.

— Да услышит вас Бог, достойная женщина!

— Нельзя, однако, больше терять времени — индейцы могут вернуться с минуты на минуту. Надо постараться действовать так же успешно, как при первом приступе.

— Постараюсь.

— Хорошо... Скажите, вы человек решительный?

— По-моему, я уже доказал это.

— Да, правда. На сколько дней хватит ваших съестных припасов?

— На четыре, по меньшей мере.

— То есть при необходимости — дней на восемь, не так ли?

— Примерно.

— Тогда, если хотите, я надолго избавлю вас от врагов.

— Очень хочу!

Внезапно боевой клич краснокожих раздался снова, но на этот раз еще громче, еще ужаснее.

— Ах, теперь уже поздно! — вскричала незнакомка с грустью. — Нам остается одно — мужественно умереть.

— Так умрем с Богом! — вскричал Джон Брайт. — Но сперва надо убить как можно больше проклятых язычников. Ну, ребята, ура в честь дядюшки Сэма!¹

— Ура-а! — подхватили его товарищи, размахивая оружием.

Краснокожие ответили на этот вызов воплем ярости, и завязался бой.

Но на этот раз он грозил быть более ожесточенным.

Вскочив на ноги и испустив свой страшный боевой клич, индейцы немедленно рассыпались по равнине, припали к земле и тихо поползли по направлению к лагерю.

Когда им попадался на дороге ствол дерева или куст, за которым можно было прикрыться, они останавливались, чтобы пустить в неприятеля стрелу или пулю.

Эта новая тактика врагов ставила американцев в тупик, их пули почти не попадали в противников, чьи фигуры, к несчастью, совсем растворялись во мраке. Кроме того, краснокожие со свойственной индейцам хитростью так искусно

---

¹ В Северо-Американских Соединенных Штатах на солдатских сумках и в начале прокламаций всегда стоят буквы U. S. (United States — Соединенные Штаты), которые американцы объясняют словами uncle Sam (дядя Сэм), оттого и происходит смешное прозвище, которое они сами себе дали. — *Примеч. автора.*

колыхали высокую траву, что переселенцы, обманутые этими признаками, не знали, куда целить.

— Мы погибли! — вскричал Джон Брайт в порыве отчаяния.

— Положение действительно опасно, но унывать не следует, — возразила незнакомка. — Нам остается одна надежда — правда, довольно слабая; я попробую это средство, когда настанет время. Постараемся устоять в рукопашной схватке.

— Гм! Вот этот дьявол, по крайней мере, далеко не уйдет, — заметил переселенец, прицеливаясь.

Черноногий воин, голова которого на мгновение высунулась из высокой травы, упал наземь с черепом, пробитым пулей американца.

Внезапно краснокожие вскочили на ноги и с яростным ревом ринулись на укрепление.

Американцы ожидали их без страха.

Залп в упор встретил индейцев, и враги схватились врукопашную.

Стоя за своим укреплением и обороняясь винтовкой, как палицей, американцы разили каждого, кто пытался подойти к ним ближе, чем на расстояние руки. Что-то особенно мрачное было в этом сражении среди ночной тишины, прерываемой только стоном раненых; американцы дрались молча.

Вдруг, в ту минуту, когда переселенцы, подавленные числом врагов, невольно отступили, незнакомка вскочила на укрепление с факелом в руке и испустила такой дикий крик, что сражающиеся оцепенели.

Свет факела отражался на лице женщины и придавал ему страшное выражение; она высоко подняла голову и, повелительно протянув руку, вскричала пронзительным голосом:

— Назад, демоны!

Услышав этот страшный голос, краснокожие с минуту оставались неподвижны, точно окаменели, потом вдруг повернулись и стремглав пустились бежать вниз с холма, толкая друг друга и явно обезумев от страха.

Заинтригованные этой невероятной сценой, американцы с радостью перевели дух. Они были спасены.

Их спасло чудо!

Они бросились к своей спасительнице, чтобы отблагодарить ее, но незнакомки нигде не было.

Она скрылась!

Напрасно американцы искали ее повсюду, они не могли понять, куда женщина пропала; она точно вдруг сделалась невидимой.

Факел, который она держала в руках, лежал на земле и еще дымился. Это был единственный след, оставленный ею в лагере переселенцев.

Джон Брайт и его спутники терялись в догадках на ее счет, перевязывая свои раны как умели, когда жена и дочь переселенца вдруг появились среди лагеря.

Джон Брайт бросился к ним навстречу.

— Какая неосторожность! — вскричал он. — Зачем вы покинули убежище, несмотря на все предостережения?

Жена взглянула на него с удивлением.

— Мы пришли потому, что нас известила незнакомая женщина, которая оказала нам столько услуг, — возразила она.

— Как! — вскричал Джон Брайт. — Стало быть, вы видели ее?

— Конечно, видели. Несколько минут тому назад она приходила к нам. Мы были полумертвые от страха; шум сражения доносился до нас, но мы не знали, что происходит. Успокоив нас, что все кончено и нам нечего больше бояться, она сказала, что мы можем, если хотим, вернуться к вам.

— А что же сделала она?

— Она привела нас сюда и, несмотря на все наши убеждения, тотчас ушла, говоря, что мы не нуждаемся более в ней, ее присутствие бесполезно для нас, а между тем она вынуждена удалиться по очень важным причинам.

Переселенец рассказал жене и дочери со всеми подробностями, что случилось и чем они обязаны этой странной женщине.

Они слушали его рассказ с величайшим вниманием, не зная, чем объяснить поступки этого загадочного существа, в высшей степени возбуждавшего их любопытство.

К несчастью, странное бегство незнакомки отнюдь не указывало на то, что та стремилась завязать с ними дружеские отношения. Когда переселенцы перебрали все возможные догадки по поводу случившегося, они были вынуждены примириться с неизвестностью и предоставить времени снять покров с этой тайны.

Жизнь в прерии оставляет мало времени на размышления и объяснения; дело преобладает надо всем. Приходится по-

стоянно думать о своей безопасности. И так, не теряя больше ни минуты на разгадку тайны, по-видимому непроницаемой, Джон Брайт принялся старательно заделывать бреши в укреплении и еще тщательнее ограждать свой лагерь, насколько было возможно, сваливая у заграждения все предметы, какие находились у него под рукой.

Покончив с этой работой, переселенец занялся скотом, перегнав животных на место, где их не могли достать пули, и окружив изгородью из переплетенных ветвей.

Когда Джон Брайт вошел в этот загон, устроенный на скорую руку, он вскрикнул от изумления, а вслед за тем взвыл от бешенства.

На его крики прибежали слуги и сын.

Лошади и половина быков исчезли.

Индейцы увели их во время боя; шум схватки, разумеется, заглушил топот угнанного скота.

Вероятно, только вмешательство незнакомки, вселившей ужас в индейцев, помешало грабителям увести весь скот.

Потеря, понесенная переселенцами, была громадной. Хоть они и не лишились всего своего скота, однако то, что у них отняли, ставило их в невозможность продолжать путь.

Джон немедленно принял решение.

— Наш скот украден, — сказал он. — Он мне нужен, и я возьму его назад.

— Так и надо, — подтвердил Уильям, — на рассвете мы пойдем по следам.

— Пойду я, Уильям, но не ты, — возразил переселенец. — Сопровождать меня будет Сэм.

— А что буду делать я?

— Ты, парень, останешься в лагере и будешь охранять мать и сестру; я оставлю с тобой Джеймса.

Молодой человек молча кивнул головой.

— Не желаю, чтобы эти язычники хвастались, что съели моих быков! — с гневом вскричал Джон Брайт. — Клянусь памятью отца, я отыщу их — или лишусь своих волос!

Между тем ночь незаметно прошла за работами над укреплением лагеря; солнце хотя еще и не показывалось, однако залило небосклон алым светом.

— Эге! — заметил Джон Брайт. — Вот и заря. Не следует терять времени; надо скорее отправляться в путь. Тебе, Уильям, я поручаю мать и сестру, как и все, что остается здесь.

— Идите спокойно, отец, — ответил сын, — я буду зорко караулить лагерь в ваше отсутствие.

Переселенец пожал сыну руку, закинул винтовку за плечо, сделал Сэму знак следовать за ним и направился к укреплению.

— Не нужно будить мать, — сказал он на ходу, — когда она выйдет из палатки, ты расскажешь ей, что случилось и что я сделал, она наверняка поймет меня. Ну, сын, не унывай, а главное — смотри в оба!

— Желаю вам успеха, отец.

— Дай-то Бог, парень, дай-то Бог! — ответил переселенец с грустью. — Такой отличный был скот!..

— Постойте! — внезапно вскричал молодой человек, удерживая отца в ту минуту, когда тот уже заносил ногу, чтобы перелезть через укрепление. — Что там такое?

Переселенец быстро обернулся.

— Что ты видишь, Уильям? Где?

— Вон там, отец... Да что же это значит? Ни дать ни взять, наш скот!..

Джон Брайт посмотрел в ту сторону, куда указывал сын.

— Какое тут «ни дать ни взять»! — вскричал он в восторге. — Это же просто наш скот. Он и есть! Откуда он взялся, черт возьми? И кто же его сюда гонит?

Действительно, далеко в степи был виден скот американца, который бежал по направлению к лагерю, поднимая густое облако пыли.

ГЛАВА VII

Индийский вождь

граф де Болье даже не подозревал, беспечно готовясь закурить сигару, что зажженная им спичка мгновенно превратит его в предмет ужаса для индейцев.

Но едва граф понял могущество того оружия, которое случай вложил ему в руки, он решил немедленно воспользоваться суеверным невежеством краснокожих.

Наслаждаясь в душе своим торжеством, граф нахмурил брови и, увидев, что краснокожие пришли в себя настолько, чтобы слушать его, заговорил повелительным тоном, который всегда действует на толпу людей, подражая напыщен-

ным оборотам речи и выразительным телодвижениям краснокожих:

— Пусть мои братья откроют уши! Слова, исходящие из моей груди, должны быть услышаны и поняты всеми вами. Мои братья люди простые, способные заблуждаться. Истина должна входить в их сердца, как железный клин. Моя благодать велика, потому что я могуч. Я не покарал моих братьев, когда они осмелились дотронуться до меня руками, я только показал им свое могущество. Я — великий врачеватель бледнолицых. Мне известны все тайны самого искусного врачевания. Стоит мне захотеть, и птицы небесные вместе с рыбами из реки придут воздать мне поклонение, потому что во мне — сам Повелитель Жизни, и это он дал мне свой жезл врачевания... Слушайте, что я скажу, краснокожие, и запоминайте! Когда родился первый человек, он гулял по берегам Меша-Шебе и повстречал Повелителя Жизни. Повелитель Жизни приветствовал его словами: «Ты мой сын». — «Нет, — ответил первый человек, — мой сын — ты, и я докажу это, если ты мне не веришь. Мы сядем рядом и воткнем в землю наши жезлы врачевания; кто первый встанет, тот будет младший и сын другого». Они сели и долго смотрели друг на друга. Наконец Повелитель Жизни побледнел, упал, и его тело отпало от костей. Тут первый человек радостно вскричал: «Наконец-то он действительно умер!» Так они оставались десять раз по десять лун и еще вдесятеро более того, а так как по истечении этого времени даже кости Повелителя Жизни совсем побелели, то первый человек встал со словами: «Теперь нет никаких сомнений — он действительно умер». Он взялся за жезл врачевания Повелителя Жизни и вынул его из земли. Но Повелитель Жизни мгновенно поднялся, отнял у первого человека свой жезл и сказал: «Стой! Я тут, я твой отец, и ты мой сын!» И тогда первый человек признал его за отца. Но Повелитель Жизни тогда прибавил: «Ты мой сын, первый человек, ты умереть не можешь. Возьми мой жезл врачевания. Когда я захочу говорить с моими краснокожими детьми, я пошлю к ним тебя»... Вот этот жезл врачевания. Готовы ли вы исполнять то, что я прикажу?

Эти слова, сказанные тоном глубокого убеждения, при том, что легенда, приведенная графом, считалась непреложной, всем известной истиной, были приняты с полнейшей верой индейцами, которых чудос горящей спичкой уже рас-

положило к легковерию. Они ответили с глубокой почти-тельностью:

— Пусть наш отец говорит. То, чего он хочет, хотим и мы. Не его ли мы дети?

— Отойдите, — сказал граф. — Я буду говорить только с вашим вождем.

Серый Медведь выслушал речь графа с величайшим вниманием. Проницательный наблюдатель порой мог бы уловить на его лице мимолетную тень недоверия, но тотчас опять отгоняемую удовольствием, которое блистало в его глазах с тонким и умным взором. Он рукоплескал не меньше, а даже, скорее, большесвоих воинов, когда граф наконец замолчал. Услышав, что он хочет говорить только с вождем, индеец слегка улыбнулся, движением руки отстранил краснокожих и подошел к графу с непринужденностью и внутренней свободой, которые невольно бросались в глаза.

В молодом вожде сказывалось врожденное благородство, которое нравилось с первого взгляда, влекло к нему и внушало невольное уважение.

Черноногие, почтительно склонив головы, спустились с холма и уселись на землю в ста ярдах от стана охотников.

Импровизированное красноречие графа де Болье изумило его спутников ничуть не меньше, чем индейцев. Меткая Пуля и Ивон Керголе ничего не понимали. Индейская мудрость молодого человека окончательно сбила их с толку. С живейшим нетерпением они ждали развязки сцены, ни цели, ни значения которой не могли угадать.

Оставшись с глазу на глаз — охотник и бретонец также отошли в сторону — француз и индеец с минуту пристально и несколько озабоченно всматривались друг в друга.

Но при всех усилиях белого угадать чувства человека, который находился перед ним, ему пришлось сознаться, что он имел дело с одной из тех сильных натур, которые не дают возможности прочесть что-либо в их наружности и во всех случаях жизни вполне владеют собой; более того, пристальный взгляд и металлический блеск в глазах индейца заставили графа втайне почувствовать некоторую нелозкость, и он поспешил положить ей конец, заговорив, чтобы таким образом противодействовать обаянию, которому поддавался против своей воли.

— Вождь, — сказал он, — теперь ваши воины удалились...

Серый Медведь остановил его движением руки и, изящно поклонившись, сказал по-французски с таким чистым произношением, что уроженец берегов Сены мог бы позавидовать ему:

— Виноват, что перебиваю вас, граф, просто я подумал, что с непривычки вам утомительно говорить на нашем наречии. Не предпочитаете ли вы говорить по-французски? Кажется, я достаточно неплохо владею этим языком, чтобы понять вас вполне.

— Что такое?! — вскричал граф с невольным жестом изумления.

Земля, внезапно разверзшись у его ног, не поразила бы его большим ужасом, чем этот дикарь в костюме черноногих, с лицом, расписанным четырьмя разными красками, который вдруг заговорил на его родном языке без малейшего акцента.

Серый Медведь как будто не замечал остоленения собеседника и хладнокровно продолжал:

— Простите меня, граф; быть может, я употребил выражения, которые произвели на вас неприятное впечатление своей пошлостью, но мне служит извинением то, что в наших краях так редко выпадает случай говорить по-французски.

Изумление графа де Болье все возрастало. Он не знал, наяву все это с ним происходит или ему снится кошмарный сон. То, что он слышал, казалось ему до такой степени невероятным и непостижимым, что он не находил слов, чтобы выразить свои впечатления.

— Да кто же вы, наконец? — вскричал он, когда овладел собой настолько, чтобы отвечать.

— Я? — небрежно переспросил Серый Медведь. — Как видите, граф, я бедный индеец, и ничего больше.

— Но это невозможно! — возразил молодой человек.

— Уверяю вас, я говорю чистую правду... Ну, — прибавил он с пленительной непринужденностью, — если вы находите меня немного менее... как бы это выразиться?.. невежественным, не ставьте же мне это в вину, граф; так уж получилось в связи с некоторыми обстоятельствами, независимыми от моей воли. Когда-нибудь я расскажу вам о них, если вы найдете в том удовольствие.

Граф де Болье, как мы уже говорили, был человек сильной воли; мало находилось вещей, способных его взволновать. Итак, после первого сильного впечатления он вооружился

мужеством и, уже вполне владея собой, принял как должное то положение, в которое случай поставил его таким странным образом.

— Ей-Богу! Встреча прелюбопытная и даже озадачила меня! — воскликнул он со смехом. — Простите мне мое недостойное изумление, когда я услышал, что вы говорите по-французски. Я был далек от мысли, что в шестистах милях от цивилизованных земель встречу человека с такими приятными манерами, и признаться, в первую минуту я совсем растерялся.

— Вы мне льстите, граф, верьте моей признательности за ваше доброе мнение обо мне; но позвольте теперь вернуться к нашему делу.

— Ей-Богу! Я так поражен тем, что со мной случилось, что совсем забыл, на чем мы остановились.

— Не беда, я вам напомню. После прекрасной речи, которую вы держали перед нами, вы изъявили желание переговорить со мной с глазу на глаз.

— Гм! — с улыбкой заметил граф. — Должно быть, я казался вам чрезвычайно смешон со своей легендой, и особенно со своим чудом зажженной спички, но мне даже в голову не приходило, что я имею подобного вам слушателя.

Серый Медведь грустно покачал головой, легкое облако печали на мгновение омрачило его лицо.

— Нет, — сказал он, — вы поступили, как и следовало поступить в подобном случае; но пока вы говорили, граф, я думал о бедных индейцах, погруженных в глубокую невеженность, и спрашивал себя, есть ли надежда поднять их нравственный и культурный уровень, прежде чем белые успеют окончательно истребить их.

Вождь произнес эти слова с такой сердечной скорбью и вместе с тем с такой ненавистью, что граф был невольно тронут при мысли, как жестоко должен страдать этот человек с пламенной душой, видя упадок своего племени.

— Не унывайте! — с участием произнес граф, протягивая вождю руку.

— Не унывать! — с горечью повторил индеец, тем не менее пожимая поданную ему руку. — Эти слова я слышу после каждой своей неудачи из уст того, кто заменил мне отца и, к несчастью, сделал меня тем, кто я есть.

Воцарилось минутное молчание. Каждый из собеседников размышлял про себя.

Наконец индеец поднял голову.

— Послушайте, граф, — сказал он, — между некоторыми людьми иногда возникает некое неуловимое чувство, против воли связывающее их друг с другом. За те шесть месяцев, что вы путешествуете по прериям, я ни на минуту не терял вас из вида. Вы давно уже заплатились бы жизнью, если бы я не взял вас под свое тайное покровительство... О! Не стоит меня благодарить! — вскричал он с живостью, заметив, что граф пытается что-то сказать. — Я делал это скорее для собственной пользы, чем для вашей. Мое признание изумляет вас, не правда ли? Однако это правда. Позвольте сказать еще, что я имею на вас виды, которые открою вам через несколько дней, когда мы ближе узнаем друг друга. Теперь же я буду повиноваться вам во всем, что вы пожелаете; в глазах моих соплеменников я сохраню вам чудесное сияние, которым увенчано ваше чело. Вы хотите, чтобы американских переселенцев оставили в покое? Очень хорошо! Ради вас я пощажу эту породу ехидн, а взамен попрошу вас ободной услуге.

— Говорите.

— Когда вы удостоверитесь, что люди, которых вы хотите спасти, находятся в безопасности, мы с вами отправимся в мое селение — это мое самое горячее желание. И большого труда вам это не будет стоить, так как мое племя раскинуло свой стан на расстоянии суток езды отсюда.

— Согласен, я принимаю ваше предложение, вождь, и поеду с вами куда пожелаете, но только тогда, когда буду уверен, что белые люди больше не нуждаются в моей помощи.

— Решено... Да! Еще одно слово.

— Говорите.

— Для всех, даже для ваших товарищей, я должен быть таким же индейцем, как и все другие.

— Вы требуете этого?

— Для нашей общей пользы. Нечаянно оброненное слово, малейшая неосторожность могут погубить нас обоих. Ах! Вы еще не знаете краснокожих, — прибавил вождь с печальной улыбкой, которая однажды уже заставила графа сильно задуматься.

— Очень хорошо, — ответил он, — будьте спокойны, я не забуду вашего предостережения.

— Теперь я призову назад своих воинов, если вы не имеете ничего против. Слишком продолжительное совещание может возбудить их зависть.

— Распоряжайтесь, как считаете нужным, я предоставляю это вам и сам отдаюсь в вашу власть.

— Вы не расскажете в этом, — любезно ответил индеец.

Пока вождь отправился к индейцам, граф подошел к двум своим товарищам.

— Ну что? — спросил Меткая Пуля. — Удалось вам чего-нибудь добиться от этого человека?

— Стоило мне только сказать несколько слов.

Охотник взглянул на него насмешливо.

— Что-то я не считал его таким уж податливым, — заметил он.

— Почему же, приятель?

— Гм! Он известен в прерии, я-то знаю его очень давно.

— И какая же о нем идет слава? — невзначай спросил граф, который был не прочь услышать отзывы о человеке, в высшей мере возбуждавшем его любопытство.

Меткая Пуля как будто колебался.

— Разве вы боитесь говорить прямо на эту тему?

— С какой стати мне бояться? Напротив, не считая того дня, когда он хотел сжечь меня живьем — а это легкое недоразумение между нами я прощаю ему от всего сердца, — наши отношения всегда были самыми лучшими.

— Тем более, — со смехом вставил граф, — что, кроме того случая, вы никогда и не встречались, насколько мне известно, за исключением нынешней встречи.

— Именно это я и хотел сказать. Видите ли, между нами говоря, Серый Медведь из числа тех индейцев, которым лучше никогда не попадаться на пути; он точно сова: встреча с ним предвещает несчастье.

— Черт возьми! Вы меня пугаете, Меткая Пуля!

— Тогда договоримся, что я вам ничего не говорил, — быстро возразил тот, — я предпочитаю молчать.

— Быть может, но то немногое, что у вас вырвалось, признаться, сильно возбудило мое любопытство, и я не прочь узнать кое-что в придачу.

— К сожалению, больше я ничего не знаю.

— Однако вы сказали, что он известен. Разве о нем идет нехорошая молва?

— Я не говорил этого, — возразил Меткая Пуля с некоторой сдержанностью. — Ведь вы знаете, господин Эдуард, индейские нравы не то, что наши, — что дурно у нас, то индейцы видят совсем в ином свете и...

— Серый Медведь пользуется самой дурной славой, не правда ли? — перебил его граф.

— Да нет же, уверяю вас! Это зависит, впрочем, от точки зрения, на которую становишься, чтобы судить о нем.

— Прекрасно! А ваше личное мнение на его счет?

— О! Ведь я человек маленький и простой... только мне сдается, что этот дьявол-индеец один хитрее всего своего племени, вместе взятого. Между нами будет сказано, он слывет колдуном, и соплеменники ужасно его боятся.

— И только-то?

— Почти.

— Впрочем, — небрежно продолжал граф, — мы еще успеем изучить его как следует, поскольку он просил меня посетить его селение и провести там несколько дней.

Охотник даже подпрыгнул от изумления.

— Разумеется, вы не сделаете этого, граф?!

— Не вижу к тому препятствий.

— Надеюсь, вы сами воспрепятствуете этому и не сунетесь добровольно в волчью пасть.

— Да объяснитесь вы, наконец, или нет? — вскричал граф с некоторым раздражением.

— Боже мой! К чему мне объясняться? Разве вас чем-нибудь удержишь? Я уверен, что все мои слова будут напрасны. Да и поздно теперь, вождь уже возвращается.

Граф не смог сдержать досадливый жест, который не ускользнул от внимания краснокожего, в эту минуту действительно показавшегося на вершине холма.

Граф пошел к нему навстречу.

— Ну что? — с живостью спросил он.

— Мои воины согласны исполнить желание нашего бледнолицего отца. Если он сядет на лошадь и последует за нами, то лично убедится в честности наших намерений.

— Я следую за вами, вождь, — ответил граф, сделав знак Ивону подвести ему лошадь.

Черноногие встретили трех охотников с очевидными изъяснениями радости.

— Вперед! — приказал молодой человек.

Серый Медведь поднял руку.

При этом сигнале индейцы сжали коленями бока лошадей, и те понеслись вихрем. Кто не видел собственными глазами, тот не может вообразить, что такое скачка индейцев. Ничто не может остановить краснокожих, никакое препятствие не заставит их свернуть с пути, они несутся по равнине подобно урагану, минуя рытвины, овраги и скалы с головокружительной быстротой.

Серый Медведь, граф де Болье и два его спутника скакали впереди, краснокожие воины следовали за ними. Вдруг вождь круто осадил своего коня и крикнул:

— Стой!

Все повиновались; точно по волшебству, лошади встали как вкопанные и стояли неподвижно.

— Почему мы остановились? — спросил граф. — Нам надо торопиться!

— Не за чем, — спокойно ответил вождь, — пусть мой бледнолицый брат посмотрит вперед.

Граф наклонился и стал всматриваться вдаль.

— Ничего не вижу... — пробормотал он.

— Правда, я забыл, что у моего брата глаза бледнолицых, — заметил индеец, — через несколько минут он увидит.

Черноногие в тревоге толпились вокруг вождя, кидая на него вопросительные взгляды.

Но Серый Медведь оставался бесстрастен и упорно глядел вдаль, как будто отличал во мраке предметы, невидимые для всех, кроме него.

Ожидание индейцев длилось недолго. Вскоре на равнине показались всадники, мчавшиеся во весь опор.

Доскакав до отряда Серого Медведя, они остановились.

— Что это такое? — спросил вождь строго. — Отчего мои сыновья бегут таким образом? Я вижу не воинов, а трусливых женщин!

При этом упреке индейцы смиренно склонили головы, но не отвечали.

— Разве никто мне не скажет, что случилось? — продолжал Серый Медведь. — Отчего мои лучшие воины спасаются, как перепуганные лани? Где Длинный Рог?

Один воин выступил из тесных рядов товарищей.

— Длинный Рог умер, — сказал он грустным голосом.

— Он был мудрый и знаменитый воин и переселился в блаженные луга Повелителя Жизни охотиться с праведны-

ми воинами. Но когда он пал, почему же Черная Птица не взял в руки знамя вместо него?

— Черная Птица тоже умер, — ответил воин печально.

Серый Медведь нахмурил брови, и лоб его покрылся глубокими морщинами от усилия побороть свои чувства.

— О-о-а! — вскричал он с горечью. — Бледнолицые дрались хорошо, их винтовки целили метко; пали два лучших вождя, но оставался еще Красный Волк, отчего же он не отомстил за товарищей?

— Потому что он также пал, — мрачно произнес воин.

Содрогание гнева пробежало по рядам краснокожих.

— О-о-а! — с прискорбием воскликнул Серый Медведь. — И он тоже умер?

— Нет, но он тяжело ранен.

Наступило долгое молчание.

Вождь осмотрелся вокруг.

— Итак, — сказал он наконец, — четверо бледнолицых одержали верх над двумя сотнями черноногих, убили и ранили их храбрейших вождей, и краснокожие воины даже не подумали им отомстить!.. Что скажет Белый Бизон, когда услышит это? Он даст своим сыновьям юбки и заставит их готовить пищу для храбрых воинов, вместо того чтобы посылать их на поле брани.

— Стан Длинных Ножей был уже в нашей власти, — ответил индеец, говоривший до тех пор от имени своих товарищей. — Мы заставили их отступить и уже хотели поставить им колено на грудь, часть скота была угнана, и волосы бледнолицых были бы теперь прицеплены к нашим поясам, когда злой гений внезапно предстал перед нами и одним своим присутствием изменил весь ход битвы.

Лицо вождя стало еще суровее при этом сообщении, которое его воины выслушали с явными признаками страха.

— Злой гений? — повторил он. — О каком злом гении говорит мой сын?

— О ком я могу говорить моему отцу, если не о Лживой Степной Волчице? — ответил индеец тихим, прерывающимся голосом.

— Вот что! — вскричал Серый Медведь. — Так мои сыновья видели Волчицу?!

— Да, мы видели ее, отец! — вскричали в один голос черноногие, радуясь возможности оправдать себя в глазах вождя.

Серый Медведь задумался.

— Где находится скот, который вы угнали у Длинных Ножей? — спросил он минутой спустя.

— Мы привели его с собой, — ответил индеец, — он здесь.

— Хорошо, — продолжал Серый Медведь, — откройте уши, дети мои, чтобы слышать слова, внушенные мне Великим Духом. Длинные Ножи находятся под покровительством Волчицы; наши усилия будут бесполезны, мои воины не одолеют их. По возвращении в наше селение я совершу великое врачевание, которое уничтожит чары, составляющие могущество Волчицы. Но до тех пор надо поступать хитро, чтобы обмануть Волчицу, иначе она заподозрит о наших намерениях и будет настороже. Хотят ли мои сыновья следовать совету опытного вождя?

— Пусть наш отец объяснит свою мысль, — ответил один воин от имени всех индейцев, — он очень мудр, что он захочет, то мы и сделаем, обмануть Волчицу он сумеет лучше нас.

— Мои сыновья хорошо сказали. Вот что мы сделаем: мы вернемся к стану бледнолицых, чтобы отдать им скот. Обманутые этой дружеской услугой, они больше не станут остерегаться нас. Когда же будет совершено великое врачевание, мы захватим их стан со всем, что в нем находится, и тогда Лживая Волчица уже не защитит их... Я все сказал. Что думают об этом мои воины?

— Наш отец очень хитер, — ответил индеец, — он говорил хорошо, и мы исполним его волю.

Серый Медведь взглянул на графа с торжеством, а тот в душе удивлялся ловкости, с какой вождь, укоряя индейцев в неудаче их предприятия и выказывая сильный гнев на американцев, в несколько мгновений заставил краснокожих исполнить свою тайную волю без малейшего сопротивления с их стороны.

«Ого! — подумал про себя молодой человек. — Этот индеец — человек необыкновенный; его стоит изучить получше».

Вслед за речью вождя черноногие, которые вынуждены были мчаться с быстротой газели, чтобы как можно скорее удалиться от проклятого лагеря, где они понесли такие жестокие потери, спешили и занялись кто перевязкой своих ран жеваными листьями орегано, а кто — сбором разбредшихся лошадей и быков, украденных ими у бледнолицых.

— Кто эта Лживая Степная Волчица, которая внушает такой страх краснокожим? — спросил граф у Меткой Пули.

— Никто этого не знает, — ответил охотник тихо. — Это женщина, о загадочной жизни которой до сих пор никому ничего не известно. Она наносит вред только индейцам и, по-видимому, является их неумолимым врагом. Краснокожие уверяют, будто она неуязвима, что от нее отскакивают пули и стрелы. Я часто видел ее, но не имел случая с ней заговорить. Я думаю, что она помешана. Насколько я мог судить по ее порой странным телодвижениям, она лишена рассудка, но иногда мне казалось, что она в здравом уме. Словом, это существо непостижимое, живущее в прерии и окруженное непроницаемой тайной.

— Она появляется одна?

— Всегда одна.

— Вы до крайности возбудили мое любопытство, — сказал граф. — Думаете, никто не может сообщить мне более подробные сведения об этой женщине?

— Только один человек, пожалуй, если захочет высказаться.

— Кто же?

— Серый Медведь, — ответил охотник, понизив голос.

— Странно, — пробормотал граф, — что общего между ним и этой женщиной?

Меткая Пуля ответил выразительным движением руки.

Разговор прекратился. По приказанию вождя черноногие опять сели на лошадей.

— В путь! — воскликнул Серый Медведь, снова встав вместе с графом и его спутниками во главе отряда.

И опять индейцы пустились вскачь по направлению к лагерю американцев, увлекая за собой скот, который находился в центре отряда.

тобы как следует уяснить дальнейшие события, мы вынуждены прервать на минуту наш рассказ и поведать довольностранной истории, которая случилась в прериях Запада лет за тридцать до того времени, к которому относится наше повествование.

У индейцев, каковых совершенно несправедливо, по нашему мнению, упорно считают дикарями, есть обычаи, свидетельствующие о редком здравом смысле и глубоком знании человеческой природы.

Команчи, по-видимому помнящие, что являются осколками некогда сравнительно высокой цивилизации, сохранили наибольшее число этих обычаев, бесспорно носящих печать оригинальности.

Однажды в феврале, который эти краснокожие называют *Луной прилетающих орлов*, 1795 или 1796 года одно селение племени Красной Коровы находилось в сильном волнении.

Хачесто, или глашатай, сзывал воинов к седьмому часу дня с крыши хижины на большой площади, возле *ковчега первого человека*, где должны были держать совет.

Напрасно воины спрашивали друг друга, пытаясь понять причину неожиданного собрания; никто не знал, о чем пойдет речь, даже сам глашатай находился в неведении. Поневоле пришлось дожидаться часа сбора, хотя догадок и слухов, само собой, было предостаточно.

Краснокожие, которых писатели, введенные в заблуждение, представляют людьми холодными, сдержанными и молчаливыми, напротив, очень веселы и болтливы между собой.

Сие ошибочное мнение бытует, во-первых, из-за того, что общение между белыми и индейцами крайне затруднительно и встречает неодолимые препятствия — обоюдное незнание языка, обычаев и привычек друг друга и так далее, а во-вторых, поскольку каждому коренному обитателю Америки при общении с европейцами, кто бы они ни были, присуще недоверие вследствие закоренелой ненависти, которая разделяет эти две породы людей.

Во время своего продолжительного пребывания среди индейских племен автор этих строк очень часто имел случай

убедиться, как жестоко ошибается общество насчет краснокожих. Присутствуя при их долгих беседах по вечерам в селениях или во время охотничьих экспедиций, он нередко целыми часами слышал беглый и непрерывный обмен шутками и остротами, который вызывал дружный смех индейцев, их добрый и беззаботный хохот, так что рот до ушей, слезы градом из глаз, и звучит он как-то гортанно, как это встречается только у негров, хотя смех индейцев не бессмыслен, тогда как у черных в нем всегда звучит что-то необъяснимо скотское.

К концу дня, в час, назначенный для собрания, большая площадь селения племени Красной Коровы представляла собой весьма оживленное место.

Воины, женщины, дети, а также собаки — неразлучные спутники краснокожих, толпились вокруг широкого пустого круга, посреди которого горел огонь совета, а возле него сидели, поджав ноги и соблюдая надлежащий этикет, главные вожди племени.

По знаку почтенного возраста старейшины, волосы которого, белые, как серебро, густыми волнами ниспадали на плечи, трубконосец принес большую трубку совета и поочередно подал чубук каждому из присутствующих вождей, не выпуская из рук самой трубки.

Когда каждый из вождей выпустил по клубу дыма, трубконосец повернул чубук поочередно к четырем сторонам света, бормоча таинственные слова, которых никто не мог расслышать, потом вытряхнул пепел из трубки в огонь и произнес громким голосом:

— Вожди, воины, жены и дети Красной Коровы, совет собрался, чтобы обсудить важный вопрос. Молите Повелителя Жизни внушить ему мудрость.

— Да внушит Повелитель Жизни совету мудрость! — хором отозвались присутствующие.

Тогда трубконосец почтительно поклонился вождям и ушел, унося с собой трубку.

Совет начался.

По знаку старейшины-долгожителя один из вождей встал, поклонился присутствующим и громко сказал:

— Почтенные старейшины, вожди и воины моего племени! Возложенный на меня долг камнем давит мне на сердце... Выслушайте меня со снисхождением, не давайте гневу овладеть вами, пусть одна только справедливость предпишет

строгий приговор, который вам, может быть, предстоит вынести. Моя обязанность очень тяжела, повторяю, она наполняет грустью мое сердце. Я вынужден обвинять перед вами двух знаменитых вождей самого знатного рода, хотя оба они заслужили нашу признательность, не раз оказав племени большие услуги. Необходимо назвать их имена в присутствии всех. Это Прыгающая Пантера и Ястреб.

При упоминании этих известных и справедливо уважаемых имен ропот изумления и скорби пробежал по рядам зрителей.

Но по знаку старейшины почти мгновенно снова воцарилась тишина, и вождь продолжал:

— Отчего облако вдруг затмило разум двух этих воинов и до того помрачило их согласие, что они стали непримиримыми врагами, тогда как прежде любили друг друга, словно братья, и дружбой своей служили примером для всех нас? Отчего Великий Дух совсем отступился от них, так что едва они завидят друг друга, как в глазах их сверкают молнии, грудь вздымается, и руки ищут оружие, чтобы нанести смертельный удар? Этого никто не может сказать. Сами эти вожди на все вопросы отвечают, опустив глаза, упорным молчанием и ни за что на свете не желают открывать причину жестокости вражды, вносящей в наше племя смятение и печаль. Такому позорному зрелищу надо положить конец, терпеть его дольше — значит, подавать дурной пример нашим детям... Старейшины, вожди и воины! Я требую во имя справедливости, чтобы непримиримые враги навсегда были изгнаны из племени сегодня же при заходе солнца. Я все сказал. Справедливы ли мои слова, люди племени?

Вождь сел среди мрачного безмолвия. В этой тишине, в присутствии почти двух тысяч человек, можно было расслышать биение сердец, удрученных печалью, так глубоко внимал каждый словам, произнесенным на совете.

— Нет ли среди нас вождя, который желал бы возразить против обвинения? — спросил старейшина-долгожитель слабым голосом, тем не менее слышимым во всех концах большой площади.

Один из членов совета встал.

— Я скажу, — начал он, — однако не для того, чтобы опровергнуть слова Тигрового Кота — к несчастью, все, что он сказал, совершенно верно, и он не только не преувеличил, но со свойственными ему добротой и мудростью, напротив,

смягчил гнусность этой ненависти, — я только хочу сделать замечание своим братьям. Вожди виновны; к сожалению, это доказано неоспоримо и дальнейшие рассуждения на эту тему излишни. Но Тигровый Кот сам сказал со свойственной ему честностью, что виновные — храбрые воины, оказавшие своему племени большие услуги. Все мы любим их и дорожим ими. Будем же строги, но не жестоки! Нельзя отвергнуть их, как поганных шакалов. Прежде чем покарать, предпримем последнюю попытку помирить их. Эта последняя мера, быть может, тронет их сердца и нам посчастливится сохранить двух знаменитых вождей для нашего племени. Если же они останутся глухи к нашим просьбам, если наши увещевания не увенчаются желаемым успехом, тогда будем неумолимы; так как нельзя исправить зло и побороть ослепление, то положим предел этому позору и, как того требовал Тигровый Кот, изгоним виновных навсегда из нашего племени. Я все сказал. Справедливы ли мои слова, люди племени?

Поклонившись старейшинам, вождь сел на свое место среди ропота удовольствия, вызванного его пылкой речью.

Хотя обе речи были в программе церемонии и все знали заранее результат совещания, однако обвиняемые вожди пользовались таким сочувствием, что многие в толпе еще надеялись на примирение в последнюю минуту, когда вожди увидят, что им грозит изгнание.

Самое странное во вражде этих двоих было то, что причина ее оставалась неизвестной, никто не знал, отчего она возникла.

Когда снова воцарилось безмолвие, председательствующий старейшина, тихо посоветовавшись с товарищами, сказал вслух:

— Приведите сюда Прыгающую Пантеру и Ястреба.

В то же мгновение в двух противоположных концах площади толпа расступилась и пропустила две группы из пяти или шести вождей, посреди которых шли обвиняемые.

Встретившись, последние оставались бесстрастными, и только слегка нахмуренные брови выдавали их чувства, когда они увидели друг друга.

Высоко роста, красивого телосложения, воинственного вида, молодые — от двадцати пяти до двадцати восьми лет, они были расписаны, как для войны, и облачены в торжественный наряд.

Друзья несли оружие того и другого.

Обвиняемые приблизились к совету с почтительным выражением лица и смиренным видом, который заслужил единодушное одобрение присутствующих.

Старейшина-долгожитель долго глядел на них с грустью и одновременно с любовью, потом с усилием поднялся и, поддерживаемый под руки двумя воинами, наконец заговорил слабым и прерывающимся голосом, исполненным печали:

— Воины, дорогие мои дети!.. С того места, где вы стояли, вы слышали произнесенное против вас обвинение. Что вы скажете на это обвинение? Справедливы ли эти слова? Действительно ли вы питаете друг к другу жестокую и непримиримую вражду?.. Что вы скажете в свою защиту?.. Говорите.

Оба вождя молча опустили головы.

Старейшина продолжал:

— Мои дорогие дети, я был очень стар — а мне теперь около ста зим, — когда ваша мать, тоже дитя, родившаяся на моих глазах, произвела вас на свет... Я первый научил вас владеть оружием, которое позднее в наших сильных руках стало таким грозным. Я близок к моим последним дням... скоромне предстоит заснуть вечным сном, чтобы пробудиться только в блаженных лугах... Доставьте же мне последнее утешение, которое сделает меня счастливейшим из людей и вознаградит за всю причиненную мне вами скорбь. Ну, дети, ищите в ваших сердцах доброе чувство! Вы молоды, отважны, только любовь должна воодушевлять вас. Ненависть — порок зрелого возраста, она не к лицу молодой душе... Протяните друг другу честные руки, обнимитесь, как подобает братьям, и пусть все будет забыто между вами! Прошу вас, дети, нельзя отказывать старику, который так близок к могиле...

Наступила минута напряженного ожидания. Все ждали, что будет, затаив дыхание.

Оба обвиняемых с нежным чувством взглянули на старика, который смотрел на них со слезами на глазах, и повернулись друг к другу; губы их дрогнули, как будто они хотели заговорить, нервная дрожь пробежала по их телу, однако с губ не сорвалось ни одного звука, руки остались неподвижны.

— Отвечайте, — продолжал старец, — да или нет, это необходимо, я хочу, я приказываю вам!

— Нет! — вскричали оба глухим, но твердым голосом.

Старейшина поднял голову.

— Хорошо, — сказал он, — если в вас не сохранилось ни капли великодушия, если ненависть гложет ваше сердце, если вы уже не люди более, а выродки, то слушайте окончательный приговор, какой произносят над вами ваши старейшины, товарищи, родственники и друзья!.. Племя отвергает вас, вы уже не его дети, вам будет отказано в огне и воде на охотничьих землях нашего народа; больше мы вас не знаем! Вожди, которые отвечают за вас головой, проводят вас на расстояние двадцати пяти миль от нашего селения — тебя, Прыгающая Пантера, по направлению к югу, а тебя, Ястреб, по направлению к северу. Под страхом смерти воспрещается вам ступать ногой на земли нашего племени, которые впредь никогда уже не должны попирацца вашими мокасинами. Каждый из вас получит по одной из этих двух стрел, раскрашенных разными цветами; они послужат вам пропуском в тех племенах, с которыми вы встретитесь. Ищите народ, который усыновил бы вас, так как отныне у вас нет ни отчества, ни родни. Идите, проклятые! Эти стрелы — последний подарок от ваших братьев. Уходите от нас и да смягчит Повелитель Жизни ваши львиные сердца; больше мы вас не знаем. Я все сказал. Справедливы ли мои слова, люди племени?

Старец сел среди всеобщего глубокого душевного волнения, закрыл лицо полой своего бизонового плаща и оставался неподвижен. Он плакал.

Шатаясь, как пьяные, и увлекаемые каждый к противоположному концу площади теми же вождями, которые их привели, двое осужденных прошли через толпу, осыпаемые потоком проклятий.

Вдалеке конце селения их ждали лошади. Они вскочили в седло и понеслись во всю прыть, сопровождаемые конвоем, который должен был сопровождать их на протяжении двадцати пяти миль.

Когда они достигли этого рубежа, воины спешили, молча бросили на землю оружие, затем вновь вскочили на лошадей и быстро умчались в обратном направлении.

Ни слова не было произнесено во время переезда, который длился целых четырнадцать часов.

Дальше мы последуем за Ястребом. Что же касается Прыгающей Пантеры, то никто никогда так и не узнал, что с ним случилось, он исчез бесследно и больше его не видели.

Ястреб был человеком с редкой силой воли и неодолимой отвагой, тем не менее, когда он увидел, что находится один, брошенный всеми, кого любил, им овладел порыв отчаяния и холодной ярости, от которого он чуть было не лишился рассудка.

Однако вскоре его гордость возмутилась; он вооружился мужеством против горя и, дав лошади как следует отдохнуть, храбро пустился в дорогу.

Больше месяца ехал он таким образом без определенной цели, добывая себе пропитание охотой, равнодушный к тому, куда он направляется, и к людям, с которыми сведет его судьба.

Однажды, после продолжительной и безрезультатной скачки за ланью, которую по какому-то роковому стечению обстоятельств он никак не мог нагнать, Ястреб вдруг увидел перед собой убитую лошадь. Он осмотрелся вокруг. Неподалеку лежала другая лошадь, а возле нее — труп человека, которого по одежде легко было признать за европейца или, по крайней мере, за белого.

В индейце пробудилось любопытство.

С тщательностью и ловкостью, свойственными краснокожим, он немедленно принялся прочесывать все окрестности.

Вскоре его розыски увенчались полным успехом. У подножия большого дерева он заметил человека, лежащего на земле без движения; волосы неизвестного, черные с проседью, были спутаны, густая борода всклокочена, вся одежда разорвана в клочья.

Индеец поспешно подошел к незнакомцу, чтобы убедиться в том, что тот жив, и, если возможно, оказать ему помощь.

Прежде всего Ястреб положил ему руку на сердце. Оно еще билось, но очень слабо.

Все индейцы имеют понятие о лечении; они знают травы, посредством которых, между прочим будет сказано, часто совершают поистине чудесные излечения.

Стараясь привести неизвестного в чувство, индеец внимательно рассматривал его.

Хотя волосы незнакомца начинали седеть, человек этот был еще не стар, ему казалось не более сорока-сорока пяти

лет; он был высок и хорошо сложен, имел открытый высокий лоб, орлиный нос, большой рот и квадратный подбородок.

Его одежда, хотя и вся в лохмотьях, была красивого покроя и из тонкого сукна, явно доказывавшего, что он, скорее всего, принадлежит к разряду людей обеспеченных. Читатель, конечно, понимает, что эти тонкие отличия ускользнули от индейца, но он видел в незнакомце умирающего человека с выражением лица умным и решительным, и хотя тот принадлежал к белому племени, которое индеец ненавидел, подобно всем своим соплеменникам, — и ненавидел не без причины, — однако, видя такое отчаянное положение, он забыл всякую ненависть и думал только о том, чтобы как можно быстрее оказать помощь.

Возле незнакомца лежали разбросанные на траве футляр с хирургическими инструментами, колесо от шпory, пистолеты, ружье, сабля и открытая книга.

Довольно продолжительное время все попытки Ястреба оставались тщетны. Он уже начал отчаиваться спасти умирающего, когда наконец заметил легкую краску, едва заметной тенью выступившую на щеках, и почувствовал, что сердце белого стало биться немного чаще и сильнее.

При этом неожиданном успехе у Ястреба вырвалось радостное восклицание.

Странное дело! Краснокожий воин, вся жизнь которого проходила в борьбе с бледнолицыми, который только тем и занимался, что расставлял им западни и захватывал их врасплох, совершая с самой утонченной жестокостью неслыханные варварства по отношению к несчастным испанцам, попадавшим ему в руки, тот самый краснокожий радовался, что возвращает к жизни белого человека, своего природного врага.

По прошествии нескольких минут незнакомец медленно открыл глаза, но, вероятно, не смог вынести дневного света и тотчас опять закрыл их.

Ястреб не унывал и твердо вознамерился довести до конца начатое им доброе дело.

Он не обманулся в надежде; через несколько минут незнакомец снова открыл глаза и сделал движение, чтобы встать, но при его слабости силы изменили ему и он упал назад.

Тогда индеец осторожно приподнял его за плечи, посадил у подножия бинионии, где он лежал, и прислонил спиной к стволу.

Незнакомец поблагодарил его движением руки и едва слышно прошептал:

— Пить...

Команчи, вся жизнь которых проходит в периодических вторжениях на испанские территории, немного понимают по-испански. Ястреб говорил на этом языке довольно бегло. Он тотчас отцепил тыквенную бутылку, подвешенную к луке его седла, которую наполнил водой всего два часа назад, и поднес горлышко бутылки к губам незнакомца.

Едва тот почувствовал вкус воды, как принялся жадно пить.

Но индеец, который угадывал, что с ним случилось, позволил ему выпить всего несколько глотков и тотчас отнял бутылку.

Больной хотел пить еще, однако Ястреб не допустил этого.

— Нет, — сказал он, — не надо, мой бледнолицый брат еще слаб, сперва он поест.

Незнакомец улыбнулся и пожал ему руку.

Краснокожий вскочил в восторге, вынул из своего мешка со съестными припасами несколько плодов и подал их тому, кого буквально воскресил.

Благодаря стараниям индейца больной по прошествии часа поправился настолько, что мог встать на ноги.

Тогда он рассказал Ястребу, с трудом объясняясь по-испански, что путешествовал со своим приятелем, что их загнанные лошади пали, что он и его друг нуждались во всем в этих пустынных местах, где не могли добыть ни съестных припасов, ни воды; после жестоких страданий товарищ умер у него на руках около суток тому назад, и сам он уже умирал, когда его счастливая звезда или, вернее, провидение привело к нему спасителя.

— Теперь отец мой силен, — ответил индеец, когда тот кончил рассказ, — я заарканю ему коня и провожу до первого селения людей его племени.

При этом предложении незнакомец нахмурил брови, ненависть и высокомерное презрение отразились в его чертах.

— Нет, — сказал он, — я не хочу возвращаться к людям моего племени! Они отвергли, они изгнали меня, я ненавижу их! Отныне я не хочу жить нигде, кроме прерий.

— О-о-а! — вскричал изумленный индеец. — Мой отец больше не имеет родного народа?

— Нет, — мрачно произнес белый, — я один, без отчизны, без родных, без друзей. Один только вид человека моего племени пробуждает во мне ненависть и презрение. Все они неблагодарны; я хочу жить вдали от них.

— И я отвергнут своим племенем, — сказал индеец, — я также один... Я останусь при моем отце и буду его сыном.

— Как! — вскричал незнакомец, думая, что, возможно, не так понял слова индейца. — Возможно ли? Изгнание существует и в ваших кочующих племенах? И вы, подобно мне, отвергнуты соплеменниками, родными, вы также брошены на произвол судьбы и осуждены скитаться до конца жизни без семьи, один, всегда один?

— Да, это так, — прошептал Ястреб, печально опустив голову.

— О! — воскликнул незнакомец, обратив к небу взор со странным выражением. — О люди! Везде вы равно жестоки, бесчеловечны, бездушны.

Несколько минут он ходил взад и вперед, бормоча слова на языке, непонятном для индейца, потом быстро подошел к нему и крепко сжал ему руки.

— Хорошо, — сказал он с лихорадочной решимостью, — я принимаю ваше предложение, наша судьба одинакова, отныне мы не должны расставаться. Мы оба — жертвы человеческой злобы; мы будем жить вместе. Вы спасли мне жизнь, краснокожий; в первую минуту я сожалел об этом, но теперь благодарю providение, потому что могу еще делать добро. Я еще заставлю людей краснеть за их неблагодарность.

Эта мудреная для индейца речь, пересыпанная философскими мыслями, не была ему вполне понятна, но смысл ее он уловил и остался доволен; он также был рад, что нашел в товарище по несчастью человека, пораженного тем же бедствием, что и он.

— Пусть мой отец откроет уши, — сказал он. — Он должен пока оставаться здесь, а я пойду отыщу для него коня. В окрестностях много больших табунов, скоро я найду то, что нужно. Мой отец будет терпелив в отсутствие своего сына, Ястреба. Впрочем, я оставляю еду и питье.

— Идите, — ответил незнакомец.

Индеец вернулся через два часа с великолепной лошадью.

Несколько дней они провели в бесцельных переездах, держа курс, однако, все далее в глубь прерий. Незнакомец, казалось, точно опасался встречи с белыми, однако, за исключением его рассказа о том, как чуть было не погиб, он хранил упорное молчание насчет обстоятельств своей жизни. Индеец не знал ни кто он, ни что делал прежде, ни зачем удалился в прерию, рискуя погибнуть.

Каждый раз, когда Ястреб расспрашивал незнакомца о подробностях его прошлого, тот отклонял разговор, и так ловко, что индеец не мог уже вернуться к тому, с чего начинал разговор.

Однажды они ехали рядом и беседовали, когда Ястреб, несколько обиженный недостатком доверия к нему, вдруг сказал незнакомцу прямо, без всяких предисловий:

— Мой отец был великий вождь своего народа.

Незнакомец грустно улыбнулся.

— Быть может, — ответил он, — но теперь я даже меньше, чем ничто.

— Мой отец ошибается, — с убеждением возразил краснокожий, — воины его народа могли не отдать ему справедливости, но его доблесть осталась с ним.

— Все один дым, — со вздохом сказал незнакомец.

— Любовь к родной земле — самая великая и благородная страсть, какую Повелитель Жизни вдохнул в человеческое сердце... Имя моего отца высоко чтилось в его племени?

— Мое имя проклято! Отныне его никто не услышит; оно стало клеймом позора, которым заклеили меня приверженцы того, кого я, ничтожный, помог сразить.

Ястреб махнул рукой с невыразимым презрением.

— Вождь племени в ответе перед своими воинами. Если он изменит им, то они властны снять с него волосы, — сказал индеец твердо.

Незнакомец гордо улыбнулся, дивясь в душе, что этот дикарь понял его так верно.

— Требуя его головы, — сказал он с убеждением, — я клал свою на плаху, но хотел спасти отечество. Кто может винить меня в этом?

— Никто! — с живостью вскричал Ястреб. — Изменник, кто бы он ни был, должен умереть.

Воцарилось молчание.

Первый его прервал краснокожий.

— Мы должны жить вместе долгие дни, — начал он. — Мой отец хочет, чтобы его имя оставалось никому не известным, и я не буду настаивать, чтобы услышать его. Однако мы не можем и далее бродить без цели, надо искать племя, которое усыновило бы нас, людей, которые признали бы нас братьями.

— Зачем? — спросил незнакомец.

— Чтобы сделаться сильными и повсюду встречать уважение. Мы должны быть полезны нашим братьям, как они должны быть полезны нам. Жизнь — заем, который дает нам Повелитель Жизни с условием, чтобы эта жизнь была полезна тем, кто нас окружает. Под каким именем мне представить моего отца людям, у которых мы попросим убежища и защиты?

— Под каким хотите, сын мой, раз я не могу носить своего, то мне все равно.

На мгновение Ястреб задумался.

— Мой отец силен, — сказал он, — но его волосы уже начинают белеть зимним снегом; отныне он будет называться Белым Бизоном.

— Пусть я буду Белым Бизоном, — ответил тот, вдохнув, — все равно, как бы ни называться; быть может, таким образом я укроюсь от преследования тех, кто поклялся убить меня.

Очень довольный, что знает теперь, как называть своего друга, индеец сказал ему весело:

— Через несколько дней мы доедем до селения Кровавых индейцев, или кайнахов, где нас примут сыновьями племени. Мой отец мудр, я силен, кайнахи будут рады усыновить нас. Пусть мой старый отец не унывает: наша приемная родина, пожалуй, будет лучше прежней!

— Франция, прости! — взволнованно прошептал незнакомец.

***

По прошествии четырех дней они действительно прибыли в селение кайнахов. Их встретили дружелюбно.

— Ну что? — спросил Ястреб своего товарища, после того как их усыновили со всем церемониалом, предписанным индейскими обычаями. — Что теперь думает мой отец? Разве он не счастлив?

— Я думаю, — печально ответил тот, — что изгнаннику ничто не заменит родину, которой он лишился.

Однако проходили дни, месяцы, годы; Белый Бизон — единственное имя, под которым был известен незнакомец, — казалось, совсем отрекся от своего отечества, куда ему воспрещалось вернуться. Он усвоил все индейские обычаи, сроднился с их странными нравами и, благодаря уму, приобрел такое уважение кайнахов, что считался одним из наиболее чтимых старейшин.

Ястреб, в свою очередь неоднократно доказав свои несомненные воинские таланты и храбрость, также занял в племени высокое и почетное место.

Если для опасной экспедиции был нужен опытный вождь, совет старейшин всегда выбирал Ястреба, так как успех увенчивал все его предприятия.

Ястреб имел здравый смысл; он тотчас оценил по достоинству редкий ум своего друга-европейца. Прислушиваясь к наставлениям старика, он никогда не действовал, не спросив предварительно его совета, и всегда пожинал плоды такого разумного образа действия.

Прожив некоторое время в племени кайнахов, Ястреб по совету своего друга женился на молодой кайнахской девушке. Через два года жена родила ему прелестного мальчика. Индеец взял ребенка на руки и подал старику, говоря взволнованным голосом:

— Мой отец Белый Бизон видит перед собой воина; это сын его, мой отец сделает из него человека.

— Клянусь, — твердым голосом ответил старик.

Когда ребенка отняли от груди, отец сдержал слово, данное своему другу, и отдал ему сына, обязавшись предоставить полную свободу воспитывать мальчика по своему усмотрению.

Старик с радостью принял возложенное на него трудное поручение и даже помолодел от надежды, что воспитание этого маленького создания дает ему возможность со временем вырастить настоящего человека и хорошего воина.

Родители называли ребенка Натах-Отан — имя многозначительное для всех туземцев, так как означает оно *Серый Медведь*, а это самый страшный хищник в Северной Америке.

Белый Бизон поклялся в душе, что мальчик не обманет надежд своего отца, которые тот, по-видимому, возлагал на него.

Белый Бизон, как сын восемнадцатого века, решил испробовать на этом молодом уме, отданном ему в полное распоряжение, систему, восхваляемую Жан-Жаком Руссо в его «Эмилии».

Серый Медведь делал быстрые успехи под наблюдением Белого Бизона.

У старика было с собой несколько книг, посредством которых он дал ученику хорошее всестороннее образование.

Получилась странная вещь: индеец, который соблюдал все обычаи отцов, охотился и сражался, как они, и никогда не оставлял своего племени, был в то же самое время человеком с прекрасным образованием, который с честью мог бы занять место в любой европейской гостинице.

Серый Медведь, достигнув зрелого возраста, не стал презирать своих соплеменников, погруженных в глубочайшее невежество и темноту, напротив, он вдруг почувствовал к ним горячую любовь и возгорелся пламенным желанием возродить их к лучшей жизни.

С этой минуты его собственная жизнь имела высшую цель, одна мысль преследовала его постоянно: восстановить индейцев на ту высоту, с которой они сошли, собрав их в одну большую, сильную и свободную нацию.

Белый Бизон, обычный поверенный всех мыслей молодого вождя, сначала слушал его со скептической улыбкой стариков, которые, разочаровавшись во всем, уже не сохранили в душе веры ни во что. Он думал, что Серый Медведь в пылу молодости, которая восторгается великим, подобно всем великодушным натурам, увлекается необдуманными порывами, и впоследствии сам осознает свое безумие.

Однако, удостоверившись, как глубоко эти мысли пустили корни в сердце юноши, когда тот мужественно принялся за дело, старик почувствовал страх; он испугался своего собственного творения и спрашивал себя, имел ли право поступать так, как поступил, хорошо ли сделал, что позволил так замечательно развиваться этому могучему интеллекту, который один, без посторонней помощи, без всякой опоры, кроме собственной силы воли, предпринимал борьбу, неминуемо для него гибельную.

В молодости Белый Бизон пережил бурю страшной революции; головы людей падали вокруг него, как спелые колосья; чтобы упрочить торжество своих идей, он неустрашимо поднимал святотатственную руку на предметы самые священные, самые чтимые; наконец, под гнетом ненависти многих тысяч людей и всеобщего осуждения, вынужденный скрываться, как преступник, преследуемый могущественной и неумолимой реакцией, он гордо поднимал голову и говорил: «Я исполнил свой долг, совесть ни в чем не может упрекнуть меня, потому что руки мои чисты и сердце мое осталось твердым!» Теперь этот же самый человек пришел в ужас, видя неисчислимые последствия тех идей, которые привил своему воспитаннику как бы шутя.

Он понял, что воспитание, ставившее молодого человека над окружающей его действительностью, неминуемо приведет к его гибели.

Тогда Белый Бизон решил разрушить собственными руками то здание, которое воздвиг с такой любовью. Он силился обратить пыл своего воспитанника на другую стезю, указать ему другую цель жизни, но было уже поздно, зло непоправимо.

Видя, что наставник опровергает свои прежние доводы, Серый Медведь разбивал его в пух и прах его же собственным оружием и заставлял, краснея, склонять голову под ударами неумолимой логики, которую сам развил в юности.

Воспитанник представлял собой странную смесь хорошего и дурного; в нем преобладали крайности: иногда он казался движим самыми возвышенными чувствами, потом вдруг, без всякой видимой причины, выказывал такую свирепую лютость, доходившую до чудовищных размеров, что даже сами индейцы ужасались.

Однако вообще он был добр и кроток со своими соплеменниками, которые, сами не сознавая причины, безотчетно поддавались его несомненному магнетическому влиянию, боялись его и дрожали при каждом его слове или хотя бы движении бровей.

К белым, в особенности испанцам и североамериканцам, Серый Медведь питал неумолимую вражду. Он вел с ними войну без жалости и пощады, нападая на них везде, где мог застигнуть врасплох, и замучивая в жестоких пытках тех, кого несчастная звезда приводила в его руки.

Разумеется, он пользовался громкой славой в прериях и внушал неописуемый страх. Не раз уже Соединенные Штаты старались избавиться от грозного и неумолимого врага, но все эти попытки не удались, и вождь индейцев, больше прежнего лютый и смелый, постепенно приближался к американским границам, пользуясь неограниченной властью, и порой даже появлялся в городах, огнем и мечом исторгая дань, взимаемую им с бледнолицых.

Да не подумает читатель, что мы преувеличиваем. Все, что здесь изложено, строго согласуется с истиной, и если мы слегка изменяем факты, то скорее для того, чтобы немного смягчить их.

Возможно, нам следует приподнять покров, за которым мы скрыли истинную сущность наших героев, чтобы многие могли узнать их с первого взгляда и подтвердить верность наших слов.

Одна страшная сцена убийства, совершенного Серым Медведем, в особенности вызвала всеобщее негодование.

Вот что произошло.

Американское семейство, состоявшее из отца, матери, двух сыновей лет двенадцати, девочки трех-четырёх лет и пяти слуг, выехало из западных штатов, чтобы обработать приобретенную землю у верховьев Миссури.

Во времена, к которым относятся события нашего рассказа, белые редко появлялись в здешних местах; по ним снова-ли индейцы, которые вместе с несколькими охотниками — канадцами и метисами — одни владели этими обширными равнинами.

Когда переселенцы отправлялись в путь, друзья предупреждали их, чтобы они держались настороже. Им даже советовали не углубляться в прерии в таком небольшом числе, а выждать других переселенцев, которые направлялись бы в ту же сторону, и примкнуть к ним. Убеждения подкреплялись доводом, что караван в пятьдесят или шестьдесят человек, способных оказать твердый отпор, внушит индейцам страх и сумеет пройти целым и невредимым.

Глава этого американского семейства был старый солдат войны за независимость, храбрый, как лев, и упрямый, как истый бретонец. Он холодно ответил тем, кто подавал эти советы, что ему достаточно своих слуг для борьбы с индейцами прерий, что он запасся хорошими винтовками, что

мужества им не занимать и что они достигнут уступленной ему земли несмотря ни на какие преграды.

Затем он принялся готовиться к отъезду, как человек, который, приняв решение, не терпит отсрочек, и отправился в путь, провожаемый хором осуждения; друзья пророчили ему всевозможные несчастья.

Первые дни прошли без тревог. Ничто не подтверждало зловещих пророчеств.

Переселенцы мирно путешествовали по восхитительной местности и ни малейший признак не указывал на близость индейцев, которые точно сделались невидимыми.

Американцы очень легко переходят от крайней осторожности к самой безумной, самой отчаянной беспечности. И в этот раз они не изменили себе.

Когда они увидели, что вокруг все тихо, что на их пути нет никаких препятствий, они принялись хохотать над опасениями приятелей. Мало-помалу они сделались менее осмотрительны, стали пренебрегать обычными мерами предосторожности в прерии и под конец дошли даже до того, что желали стычки с краснокожими, чтобы дать им почувствовать силу своего оружия.

Так продолжалось около двух месяцев; переселенцы находились уже менее чем в десяти переходах от своей земли, куда надеялись вскоре прибыть.

Об индейцах они забыли и думать. Если порой им случалось упоминать о них на привале, прежде чем лечь спать, то единственно с тем, чтобы пошутить насчет смешных страхов их друзей, которые воображают, будто в прерии и шагу нельзя ступить, не попав при этом в засаду краснокожих.

Однажды вечером после утомительного дня переселенцы легли спать, расставив в лагере караульных — скорее для очистки совести и для того, чтобы отгонять диких зверей, чем для чего-нибудь другого.

Караульные, привыкнув к тому, что их никогда не тревожили, и утомленные дневным переходом, некоторое время не спали, глядя на звезды, но мало-помалу сон смежил им веки, и они заснули.

Пробуждение их было ужасно.

Среди ночи человек пятьдесят черноногих под предводительством Серого Медведя прокрались в лагерь через укрепления, и прежде чем американцы могли взяться за оружие или подумать об обороне, они были уже связаны.

Тут произошла такая ужасная сцена, что перо не в силах передать ее потрясающую развязку.

Серый Медведь организовал побоище со страшным хладнокровием и беспримерной жестокостью.

Глава каравана и пятеро его слуг были привязаны голые к деревьям, их били и терзали, между тем как двух мальчиков буквально жарили на медленном огне.

Мать, обезумев от ужаса, бросилась бежать с дочерью на руках, и бежала довольно долго, но силы изменили ей, и она упала без чувств.

Индейцы догнали ее; считая мертвой, они пренебрегли ее волосами, но взяли ребенка, которого она все еще прижимала к груди с невообразимой силой. Этого ребенка принесли к Серому Медведю.

— Что с ней делать? — спросил воин, который нес девочку.

— Бросить в огонь, — коротко ответил вождь.

Черноногий бесстрастно приступил к исполнению безжалостного приказания.

— Стойте! — вскричал отец душераздирающим голосом. — Не убивайте таким ужасным образом это невинное создание! Увы! Разве вам не довольно тех мук, которым вы подвергаете меня?

Черноногий остановился в недоумении и вопросительно взглянул на вождя.

Тот задумался.

— Ты хочешь, чтобы твоя дочь осталась жива? — спустя минуту спросил он переселенца, подняв голову.

— Хочу, — ответил отец.

— Хорошо, я продам тебе ее жизнь.

Американец содрогнулся при этом предложении.

— На каком условии? — спросил он.

— Слушай, — ответил вождь, отчетливо произнося каждое слово и устремляя на него взгляд, от которого холод проник до мозга костей несчастного, — вот мои условия; вы все в моей власти, ваша жизнь в моих руках, я могу продлить ее или сократить, и вы не в состоянии этому противиться... Однако — я сам не знаю почему, — прибавил он, насмешливо улыбаясь, — на меня сегодня нашла полоса милосердия. Твоя дочь останется жить. Но помни одно: каким бы мукам я ни подвергал тебя, какие пытки ты ни выносил бы, при первом же твоём крике девочка будет зарезана. Теперь твое дело молчать, если хочешь спасти ее.

— Я принимаю это условие, — ответил пленник. — Меня не страшат ужаснейшие пытки, лишь бы мое дитя осталось живо.

Зловещая улыбка мелькнула на губах вождя.

— Хорошо, — сказал он.

— Еще одно слово, — продолжал переселенец.

— Говори.

— Даруй мне милость. Позволь мне поцеловать бедняжку в последний раз.

— Подайте ему ребенка, — приказал вождь.

Индеец поднес девочку к злополучному отцу.

Девочка точно понимала, что происходит; она обхватила шею отца ручонками и зарыдала.

Крепко привязанный к дереву, тот мог только целовать ее, и целовал так, будто всю душу вкладывал в эти поцелуи.

Зрелище было чудовищным — ни дать ни взять, эпизод из бесовского ночного сборища: пять человек, голыми привязанные к деревьям, двое мальчиков, с пронзительными криками судорожно корчащиеся на раскаленных углях, и бесстрастные индейцы в зловещем свете красноватых отблесков костра — все вместе составляло самую ужасающую картину, какую могла бы создать необузданная фантазия живописца.

— Довольно! — наконец произнес Серый Медведь.

— Последний дар, последнее воспоминание... — прошептал отец.

Вождь пожал плечами.

— К чему? — заметил он.

— Чтобы смягчить жестокость казни, которую ты мне готовишь.

— Пора кончать... Надо ли тебе еще что-нибудь?

— Сделай так, чтобы моя дочь носила на шее золотую серьгу из моего уха и прядь моих волос.

— Это все?

— Все.

— Хорошо.

Вождь подошел, вынул из правого уха переселенца золотую серьгу, отрезал своим ножом прядь его волос и с усмешкой обратился к нему.

— Послушай, — сказал он, — с тебя и твоих товарищей сдерут кожу живьем; из клочка твоей кожи я сделаю мешочек для серьги и пряди волос и ремешок, чтобы надеть его на

шею девочки. Как видишь, я великодушен, я дарую тебе даже больше, чем ты просил, но только не забывай нашего условия.

Переселенец взглянул на него с презрением.

— Сдержи свое слово, как я сумею сдержать свое, палач! Приступай к пытке, и ты увидишь, как умирает храбрый человек.

Все прошло так, как было условлено.

С переселенца и его слуг содрали кожу живьем при двух бедных мальчиках, которые жарились у их ног.

Переселенец вынес пытку с мужеством, перед которым сам вождь вынужден был преклониться. Ни крика, ни вздоха, ни стоны не вырвалось из его окровавленной груди; он был словно изваян из гранита.

Когда с него уже сняли всю кожу, Серый Медведь подошел к нему; несчастный еще дышал.

— Ты храбр, — сказал он, — так умри же довольный — я сдержу свое слово!

И движимый, быть может, минутным состраданием к такому мужеству, он прострелил ему голову.

Чудовищная пытка продолжалась целых четыре часа.¹

Индейцы захватили все имущество американцев. Чего они не могли увезти с собой, то сожгли.

Серый Медведь в точности сдержал клятву, данную своей жертве.

Из лоскута кожи американца, кое-как обчищенной, он сам сделал мешочек, куда положил прядь волос и серьгу, и повесил его на шею ребенка на ремешке, также вырезанном из кожи отца.

На обратном пути в селение Серый Медведь лично заботился о бедной крошке и всячески ухаживал за ней.

Вернувшись в родное селение, вождь объявил, что удочеряет девочку и дает ей имя Цвет Лианы.

В то время, когда начинается наш рассказ, Цвет Лианы была пленительной четырнадцатилетней девушкой, кроткой и невинной, красивой, как Мадонна, с большими голубыми глазами, которые отражали небесную лазурь и

---

¹ Чтобы нас не обвинили в желании произвольно выдумывать ужасы, мы заявляем здесь, что эта сцена происходила на самом деле и передана со строгой точностью. — *Примеч. автора.*

окаймлялись длинными темными ресницами; она порхала веселая и беспечная вслед за племенем по неизведанным тропинкам диких лесов, порой задумываясь под тенистым сводом вековых деревьев, живя, как живут птички, не помня прошлого, не заботясь о будущем и не думая о настоящем, но пользуясь им, чтобы быть счастливой.

Это прелестное дитя, самого того не желая, сделалось кумиром всего племени, в особенности привязался к ней безграничной любовью Белый Бизон, но первый опыт воспитания над Серым Медведем отнял у него охоту приниматься за следующий, он только наблюдал за девочкой с отеческой заботой, с неистощимой добротой и терпением, только изредка останавливая ее в том, что находил достойным порицания.

Этот старик, подобно всем решительным и непреклонным натурам, имел доброе сердце. Окончательно отрекшись от света, который не отдал ему должной справедливости, он возродился духом в прериях и вновь предался мечтам и великодушным порывам молодых лет.

Он был невыразимо счастлив, следя ревнивым взглядом за этим нежным растением, которое, развиваясь на свободе, преисполненное жизненных соков, пускало могучие побеги и подавало хорошие надежды в будущем.

Цвет Лианы не сохранила никакого воспоминания о первых годах своей жизни. Так как при ней никогда не упоминалось о страшной сцене, вследствие которой она попала в племя черноногих, то другие, более свежие впечатления совсем изгладили далекое прошлое.

Любимая и балуемая всеми, Цвет Лианы считала себя дочерью племени.

Длинные белокурые косы золотистого цвета, будто зрелые колосья, и ослепительная белизна ее кожи не могли открыть ей глаза. Во многих племенах краснокожих встречаются подобные аномалии, у мандан¹, между прочим, много женщин и воинов, которым стоит только надеть европейское платье, и их сочтут за белых.

Плененные красотой этой милой девочки, черноногие связывали с ней судьбу племени; они считали ее своим анге-

---

¹ М а н д а н — индейский народ группы сиу.

лом-хранителем, своим святилищем, их вера в нее была глубока, искренна и простодушна.

Цвет Лианы была истинной царицей черноногих: знак, сделанный ее розовыми пальчиками, слово, произнесенное ее алыми губками, исполнялись с невероятной быстротой и безграничной преданностью; она могла все сделать, все сказать, всего требовать без опасения, что кто-то хоть на минуту воспротивится ее воле или ограничит ее свободу действий.

Она пользовалась этой деспотической властью, сама не подозревая о ней. Она одна не знала своего громадного могущества над этими грубыми и жестокими людьми, которые в ее присутствии становились кроткими и мягкими.

Серый Медведь привязался к своей приемной дочери так сильно, насколько его могучая натура позволяла поддаться какому-либо чувству.

Сперва он играл с ребенком, как с игрушкой, но мало-помалу, по мере того как ребенок рос и превращался в женщину, эта игра перестала быть просто игрой, в нее замешалось сердце. Первый раз в своей жизни этот человек с непоколебимой волей почувствовал в себе душевное движение, которому не мог дать определение, а между тем оно пугало его своей глубиной и силой.

Тогда между сердцем и разумом вождя завязалась тайная борьба.

Он пытался сопротивляться влиянию, которое не мог преодолеть. До тех пор он не знал преград и вдруг оказался бессилен против ребенка, который обезоруживал его улыбкой, когда он порой пробовал прибегнуть к суровости.

Эта борьба длилась долго, наконец грозный индеец признал себя побежденным: он поддался сердечному влечению и не пытался больше противиться его неодолимой силе. Он безумно полюбил девушку.

Но эта любовь причиняла ему временами такие жестокие страдания, когда он вспоминал, каким способом Цвет Лианы сделалась его приемной дочерью, что он в ужасе спрашивал себя, не кара ли, посланная на него провидением, эта глубокая страсть, овладевшая всем его существом.

Тогда он предавался порывам безумной ярости, был еще свирепее с несчастными, которые попадались ему в руки, и весь в крови, увешав себя скальпами врагов, возвращался в селение, гордо выставляя перед девушкой на обозрение трофеи своих чудовищных подвигов.

Цвет Лианы, удивленная состоянием, в котором видела того, кого считала не отцом — он был чересчур молод для этого, — но родственником, старалась утешать его всеми невинными ласками, какие подсказывала ей привязанность. К несчастью, ласки девушки только усугубляли страдания вождя, и он убегал от нее, почти обезумев от скорби, оставляя ее в печали, почти в испуге от такого непостижимого для нее поведения.

Дошло до того, что Белый Бизон, бдительный глаз которого постоянно наблюдал за своим воспитанником, счел необходимым во что бы то ни стало поразить зло в самом корне и удалить сына своего друга подальше от губительного обаяния невинной чаровницы.

Как только старик убедился, что вождь любит Цвет Лианы, он выразил желание переговорить с ним наедине. Не подозревая о цели предстоящего разговора, Серый Медведь не замедлил исполнить желание старого наставника.

Однажды утром вождь пришел к своему доброму другу. Белый Бизон читал, полулежа у огня, разведенного посреди хижины.

— Добро пожаловать, сын мой, — приветствовал он молодого человека, — я должен сказать тебе не много, но считаю эти слова настолько важными, что ты должен услышать их немедленно. Садись возле меня.

Серый Медведь повиновался.

Белый Бизон, зная решительный и упрямый характер молодого человека, решил пойти на хитрость и переменить тактику. Он, который так долго противился планам своего друга возвысить индейскую нацию, теперь одобрил все его взгляды и выказал такой жар, такое убеждение, что изумленный молодой человек невольно спросил, отчего в нем произошла такая перемена.

— Причина простая, — ответил старик. — Пока я думал, что эти замыслы были безосновательны и вдохновлялись только пылом молодости, я видел в них, как и подобало, обманчивые мечты великодушного сердца, которое не знает точно, чего хочет, и не может оценить все шансы на успех.

— А теперь? — с живостью спросил молодой человек.

— Теперь я вижу всю основательность, вижу все истинное благородство и величие твоих намерений. Я не только допускаю возможность осуществления этих идей, но еще хочу помочь тебе своим содействием, чтобы упрочить успех.

— Правду ли вы говорите, отец мой? — восторженно вскричал молодой человек.

— Правду, клянусь тебе, но только за дело надо приняться немедленно.

С минуту вождь пристально всматривался в лицо старика, но оно оставалось непроницаемым.

— Я понимаю вас, — медленно сказал наконец индеец глухим голосом, — вы протягиваете мне руку на краю бездны... Благодарю, отец мой, я не останусь недостойным вас, клянусь в этом в свою очередь!

— Хорошо, я узнаю тебя; верь мне, сын мой, — сказал старик, грустно качая головой, — родина бывает иногда неблагодарной повелительницей, однако она единственная, кто вознаграждает сполна, если мы служим ей бескорыстно, только ради нее самой.

Они крепко пожали друг другу руку; условие было заключено.

Вскоре мы увидим, действительно ли Серый Медведь победил свою страсть, как полагал.

ГЛАВА X

Большой совет

Серый Медведь немедленно принялся за дело. С тем пылким рвением, которым отличался, он разослал гонцов к главным вождям племен западных прерий, чтобы созвать их на обширную равнину в долине Миссури, на место, называемое *Деревом Повелителя Жизни*, на четвертый день луны от вердевшего снега.

Миссурийские индейцы глубоко чтили это место и постоянно приносили и оставляли здесь дары.

Это была обширная песчаная равнина, где не росло ни кустика, ни травки; в центре этого бесплодного места возвышалось громадное дерево, дуб футов в двадцать в окружности, ствол которого имел дупло, а кудрявые ветви сплелись и образовали над ним большую шапку.

Дерево это, выросшее тут случайно, высота которого достигала ста двадцати футов, должно было представляться индейцам и в действительности являлось для них неким чудесным растением; они называли его *Деревом Повелителя Жизни*.

В назначенный день индейцы стали стекаться туда со всех сторон, останавливаясь на небольшом расстоянии от места, указанного для проведения совета.

У подножия дуба был разложен громадный костер, и по сигналу барабанов и рожков вожди уселись, поджав под себя ноги, вокруг огня.

В нескольких шагах за спинами вождей стояли воины — черноногие, проткнутые носы, ассинибойны, мандан и прочие, образуя вокруг огня совета грозный кордон, между тем как разведчики обходили окрестности, чтобы при необходимости удалить непрошенных свидетелей и оградить тайну предстоящего совещания.

На востоке сияло солнце, и обнаженная, бесплодная равнина сливалась с беспредельным небосклоном; на юге возвышались Скалистые горы с вершинами, покрытыми вечным снегом, а к северо-западу серебристая черта обозначала течение старого Миссури. Такова была картина местности, где возле священного дерева стояли воины-дикари в самых странных одеяниях.

При этом величественном зрелище невольно вспоминались другие времена и другие страны, когда, при свете пожаров, свирепые полчища Аттилы стремились к покорению и восстановлению Римской империи.

У всех первобытных народов Америки есть божество или, вернее сказать, дух, иногда благодетельный, но чаще всего враждебный. Поклонение дикаря — скорее страх, чем благоговение. Повелитель Жизни скорее злой, чем добрый дух.

Индийские религии — как вообще все первобытные религии — вовсе не принимают в расчет нравственное существо, они останавливаются на одних только случайных явлениях природы, которые превращают в божество.

Различные туземные племена стремятся расположить к себе пустыни, где утомление и жажда несут в себе смерть, и реки, которые грозят поглотить их в своих волнах.

Вожди, как уже было сказано, сидели вокруг костра совершенно неподвижно, погруженные в глубокое созерцание, которое давало повод предполагать, что они готовились к совершению важного религиозного обряда.

Минуту спустя Серый Медведь поднес к губам свисток, сделанный из человеческой голени, который носил на шее, и извлек из него резкий и продолжительный звук.

При этом сигнале вожди встали и длинной вереницей обошли два раза вокруг Дерева Повелителя Жизни, напевая вполголоса символическую песню, которой испрашивалось его содействие успеху их предприятия.

При третьем обходе Серый Медведь снял с себя великолепное ожерелье из медвежьих когтей и повесил его на ветвь, говоря:

— Повелитель Жизни, взгляни на меня благосклонным взором, я предлагаю тебе дар.

Другие вожди по очереди последовали его примеру, потом все вернулись на свои места и опять сели вокруг огня совета.

Появился трубконосец; с обычными церемониями он стал подавать трубку вождям, пока каждый из них не покурил из нее, после чего самый старший из вождей подал знак Серому Медведю, приглашая его говорить.

План молодого вождя был один из самых смелых, когда-либо задуманных им против бледнолицых. Белый Бизон говорил в шутку, что план этот должен иметь успех хотя бы в силу своей невероятности. Кроме того, этот план льстил суеверным понятиям индейцев, которые, подобно всем первобытным народам, легко верили чудесному.

К слову сказать, это свойственно всем угнетенным народам — действительность не представляет им ничего кроме разочарования и страданий, и, разумеется, они ищут в сверхъестественном единственную предоставленную им отраду.

Серый Медведь почерпнул основную мысль своего плана из самого древнего верования своих предков — команчей.

Эта легенда, которую отец неоднократно рассказывал Серому Медведю в дни его детства, была очень близка его отважному духу, и когда настал час привести в исполнение план, так давно созревший в его голове, он созвал все индейские племена и решился посредством этого предания объединить их вокруг себя в одно нераздельное целое.

Когда Моктекусома, неверно называемый испанскими писателями Монтесумой, что ничего не значит, тогда как первое название в буквальном переводе — *строгий повелитель*, увидел себя заключенным в собственном дворце пленником гениального авантюриста по имени Кортес, который несколькими днями позже должен был отнять у него его государство, император, который предпочел отдать себя во власть жадных иноземцев, вместо того чтобы искать убежи-

ща среди своего народа, предчувствуя по какому-то внутреннему убеждению свою судьбу, за несколько дней до смерти собрал вокруг себя главных мексиканских вождей, разделявших его заключение, и сказал им следующее:

— Мой прародитель, Солнце, предупредил меня, что вскоре я возвращусь к нему. Не знаю, как и когда я умру, но убежден, что близок мой последний час.

При этих словах окружавшие его вожди зарыдали. Все они испытывали к нему глубокое благоговение. Он стал утешать их, говоря:

— Близок мой последний час на этой земле, но я не умру, так как вернусь к моему прародителю, Солнцу, где буду вкушать блаженство, неизвестное в этом мире. Не плачьте же, мои верные друзья, напротив, радуйтесь счастьем, которое меня ожидает. Белые бородатые люди изменой овладели большей частью моей империи, скоро они захватят и остальное. Кто воспрепятствует им в этом? Их оружие делает их неуязвимыми, они обладают властью над небесным огнем. Однако и их владычеству придет конец, они также падут жертвой измены, им жестоко воздастся по заслугам!.. Вслушайтесь внимательно в мои слова. Спасение отечества зависит от того, насколько верно вы исполните мои последние приказания. Возьмите каждый понемногу от священного огня, который некогда был зажжен самим Солнцем и на который бледнолицые еще не дерзнули святотатственно поднять руку, чтобы погасить его. Этот огонь перед вами, он горит в золотой курильнице. Унесите его с собой — но так, чтобы наши притеснители не заподозрили, куда он девался, и не завладели им. Разделите огонь между собой таким образом, чтобы у каждого его оказалось достаточно. Храните его тщательно, со всем благоговением и не позволяйте ему угаснуть. Каждое утро сперва поклоняйтесь ему, потом взбирайтесь на крышу вашего дома при восходе солнца и обращайтесь к востоку. Настанет день, когда я явлюсь вам, протягивая правую руку моему прародителю, Солнцу. Тогда возрадуйтесь — минута вашего избавления будет близка. Я и мой прародитель придем, чтобы возвратить вам свободу и навсегда избавить вас от врагов, пришедших из нечестивого мира, что изверг их из своих недр.

Мексиканские вожди немедленно повиновались приказанию своего любимого императора; мешкать было нельзя.

Через несколько дней Моктекусома поднялся на крышу своего дворца, чтобы говорить с взбунтовавшимся народом, когда его поразила стрела, неизвестно кем пущенная, и он упал на руки сопровождавших его испанских солдат.

Собравшись с последними силами, император приподнялся и, воздев руки к небу, проговорил, обращаясь к собравшимся вокруг него друзьям:

— Огонь! Огонь! Не забывайте об огне!..

Это были его последние слова. Через десять минут он испустил дух.

Тщетно испанцы, любопытство которых было сильно возбуждено этим таинственным предостережением, пытались проникнуть в его смысл, они так ничего и не добились от мексиканцев, которых расспрашивали. Все свято сохранили тайну, многие даже умерли в пытках, но не выдали ее.

Команчи и почти все народы Дальнего Запада сохранили это верование в полной неприкосновенности. Во всех селениях есть неугасимый огонь Моктекусома, который два воина стерегут без пищи и питья двадцать четыре часа подряд, после чего их сменяют двое других, и так происходит непрерывно.

В прежние времена огонь караулили вместо двадцати четырех часов целых двое суток подряд, и нередко случалось, что пришедшая смена находила предшественников мертвыми — от газа ли, выделяемого огнем, который тем губительнее действовал на часовых, что они несли караул натошак, или от другой какой причины.

Тела уносили в пещеру, где их, по уверению команчей, поглощала змея.

Это вынудило сократить время караула наполовину. С той поры несчастий больше не случалось.

Огонь помещался в подземелье со сводом, в серебряной курильнице, где он тлел под пеплом.

Это верование до того распространено среди краснокожих, что встречается не только у индейцев *бравос*, или воинственных, но также у индейцев *мансос*, или мирных, цивилизованных. Много людей, которые слынут образованными и получили почти европейское воспитание, хранят где-нибудь в тайнике огонь Моктекусома, тщательно караулят его, ежедневно посещают и никогда не преминут подняться на крышу своего дома на заре и посмотреть на восток, в надежде, что с солнцем появится их возлюбленный импе-

ратор и возвестит им свободу, которой они жаждут уже столько веков и которой мексиканская республика им не дала.

Мысль Серого Медведя заключалась в следующем: необходимо было рассказать индейцам легенду и объявить, что время настало — Моктекусома вскоре появится и станет их вождем. Образовав таким способом ядро сильного полчища, он рассеет своих воинов по всей американской границе, нападёт на неприятеля одновременно со всех сторон и захватит его врасплох, не дав времени прийти в себя.

Этот план, хотя и безумный, в особенности, когда орудием для его исполнения были индейцы — люди, меньше всего способные вступить в союз, отчего их всегда и побеждали — план этот, хоть и безумный, говорим мы, был, однако, смел и благороден, а Серый Медведь являлся единственным индейцем, способным довести его до успешного завершения.

Команчи, сиу, пауни и большая часть индейцев Дальнего Запада могли быть очень полезны вождю черноногих, потому что разделяли верование, на котором он основывал свои планы; их не надо было убеждать, напротив, они могли помочь ему убедить миссурийских краснокожих.

Но в многочисленном собрании племен, разделяемых множеством мелочных интересов, говорящих на разных наречиях, по большей части враждующих между собой, как отыскать связь, достаточно крепкую, чтобы сплотить их в одно неразрывное целое? Как убедить их идти вместе без обоюдной зависти? Разумно ли было предполагать, что среди них не окажется изменника, который продаст своих братьев и откроет их планы американцам?

Однако Серый Медведь не унывал. Он не закрывал глаза на многочисленные трудности, которые ему следовало преодолеть, но его мужество только возрастало от преград, его решимость утверждалась при виде препятствий, которые возникали перед ним на каждом шагу и казались непобедимыми.

Когда старейшина после предварительных церемоний знаком пригласил его встать, Серый Медведь понял, что настала минута приступить к осуществлению задуманного. Он смело заговорил, зная, что успех его планов во многом зависит от того, как он приступит к делу и какое первое впечатление произведет на людей, к помощи которых собирался прибегнуть в будущей экспедиции.

— Вожди команчей, апачей, сиу, пауни, мандан, ассини-бойнов, миссури и все вы, слушающие меня краснокожие мои братья, — начал он твердым и выразительным голосом, — вот уже много лун дух мой печален; я вижу с прискорбием, что наши охотничьи земли, которые все больше и больше отбирают у нас бледнолицые, становятся все меньше и теснее с каждым днем. Всего каких-нибудь четыре века тому назад наши бесчисленные племена покрывали все обширное пространство между обоими морями, теперь же нас только горстка воинов, боязливых, как сайги, которые бегут от грабителей; наши священные города, последнее убежище цивилизации наших праотцев, вскоре сделаются добычей этих чудовищ с человеческим лицом, у которых один Бог — золото; наше разбросанное племя вскоре будет стерто с лица земли, которой оно так долго владело и безраздельно управляло. Загнанные, как стаи животных, утратив разум от огненной воды, этого убийственного яда, изобретенного бледнолицыми на нашу гибель, поражаемые мечом и болезнями бледнолицых, наши кочующие орды — всего лишь тень народа. Наша вера презрена победителем, который хочет подчинить нас закону Распятого. Он подвергает поруганию наших жен, убивает детей, жжет наши селения и под предлогом приобщения к цивилизации превращает нас в домашний или вьючный скот. Все вы, слушающие меня индейцы, — неужели вы окончательно отреклись от независимости, неужели в ваших жилах переродилась кровь ваших праотцев? Ответьте! Хотите вы умереть рабами — или жить свободными?!

При этих словах, произнесенных звучным голосом, сопровождаемых выразительными жестами, трепет пробежал по толпе, головы людей гордо поднялись, глаза засверкали.

— Говорите, говорите еще, вождь черноногих! — восторженно вскричали в один голос все вожди.

Серый Медведь надменно улыбнулся; теперь он почувствовал свою власть над массами.

— Настало время, — продолжал он, — когда после стольких унижений мы можем сбросить наше постыдное иго. За несколько дней, если хотите, мы выгоним бледнолицых за пределы наших земель и оплатим им сполна за причиненное нам зло. Уже давно я наблюдаю за американцами и испанцами, я знаю их тактику, знаю их средства. Что нам нужно, возлюбленные мои братья индейцы, чтобы разбить их в пух и прах? Только две вещи — ловкость и отвага!..

Краснокожие прервали его речь радостными криками.

— Вы будете свободными, — продолжал Серый Медведь — я верну вам богатые долины ваших предков, поля, где погребены их кости, ежедневно разбрасываемые во все стороны святотатственной сохой. Этот замысел гнездится в глубине моего сердца с тех пор, как я стал мужчиной и воином, он сделался смыслом моей жизни. Я далек от мысли предлагать вам себя в вожди, особенно после чуда, свидетелем которого я был, и явления великого императора. Нет, после этого верховного владыки, который один должен вести вас к победе, вы вольны сами выбрать себе вождя, который будет исполнять его приказания и передавать их вам. Когда вы выберете его, то будете ему повиноваться, следовать за ним повсюду и преодолевать вместе с ним любые опасности, потому что он будет избранником солнца, наместником Моктекусомы! Не заблуждайтесь, воины, наш неприятель силен, многочислен, прекрасно выучен военному делу, и главное его преимущество — это привычка всегда нас побеждать. Назначьте же наместника Моктекусомы, и пусть ваш выбор будет свободный. Изберите самого достойного, и я, как и вы все, с радостью подчинюсь ему.

Поклонившись старейшинам, Серый Медведь примкнул к толпе воинов со спокойным лицом, но с сердцем, снедаемым беспокойством и тоской.

Непривычное для индейцев красноречие пленило их, увлекло и повергло в какое-то исступление. Они почти готовы были видеть в отважном вожде черноногих высшее существо и поклоняться ему на коленях, так точно он попал в цель, желая затронуть в их сердцах чувствительную струну.

Довольно долго в совете преобладала восторженность, доходившая до исступления.

Все говорили разом.

Когда же волнение утихло, мудрейшие из старейшин стали обсуждать, своевременно ли браться за оружие и какова вероятность успеха. Тут-то пламенная вера племен Дальнего Запада в легенду о священном огне и принесла ожидаемую пользу. После довольно продолжительных прений все единодушно высказались в пользу общего восстания.

Порядок, на время нарушенный, вновь восстановился, и Белый Бизон, по поручению вождей объявить мнение совета, заговорил следующим образом:

— Вожди команчей, пауни, сиу, мандан, ассинибойнов и миссури, откройте ваши уши и слушайте мои слова. Сегодня, в четвертый день луны затвердевшего снега, после благоговейного исполнения всех обрядов, чтобы расположить к нам злого духа, известными всем нам вождями — Маленькой Пантерой, Могучим Псом, Белым Бизоном, Серым Медведем, Красным Волком, Белой Коровой, Седым Ястребом, Жемчужной Змеей, Прекрасной Женщиной и другими представителями народа или племени, собравшимися вокруг огня большого совета, перед священным Деревом Повелителя Жизни, решено объявить жестокую войну бледнолицым, нашим поработителям. Так как война эта священна и цель ее — свобода всех, то принимать в ней участие должны все: мужчины, женщины, дети, каждый по мере сил. Сегодня же вожди отправят знамена в те индейские племена, которые при всем желании, ввиду отдаленности их земель, не могли присутствовать на этом совете. Я все сказал.

Громкие восторженные возгласы прервали слова Белого Бизона, который через минуту продолжал:

— После тщательного обсуждения старейшины, вняв просьбе Серого Медведя, главного вождя черноногих, желающего, чтобы совет назначил наместника императора Моктекусо-мы, верховного властелина индейских воинов, избрали этим высшим наместником, подвластным одному только императору, который с безграничной властью поведет за собой все племена, воина самого мудрого, разумного и достойного повелевать нами. Этот воин — главный вождь черноногих индейцев из древнего племени кайнахов Серый Медведь, брат Солнца, ослепительного светила, которое озаряет нас своими лучами.

Последние слова были встречены громом рукоплесканий.

Серый Медведь поклонился вождям, вошел в середину круга и гордо произнес:

— Принимаю, вожди, мои братья, ваше решение. Через год я буду мертв или вы свободны!

— Да здравствует Серый Медведь, великий Серый Медведь черноногих! — вскричала толпа.

— Война бледнолицым! — продолжал Серый Медведь. — Война без отдыха и пощады! Это будет настоящая охота за дикими зверями, подобная охоте бледнолицых на нас! Помните закон прерий: око за око, зуб за зуб! Каждый вождь должен послать знамя войны своему народу, потому что уже

к концу этой луны мы разбудим наших врагов громовым ударом.

Сегодня, в седьмой час ночи, мы вновь соберемся, чтобы выбрать моих заместителей, пересчитать наших воинов и назначить день и час атаки. Я все сказал.

Вожди молча наклонили головы и стали расходиться; вскоре они уже скрылись из глаз в облаке пыли.

Серый Медведь и Белый Бизон остались одни.

Отряд черноногих воинов оберегал их, стоя неподвижно на некотором расстоянии.

Скрестив на груди руки, опустил голову и нахмурил брови, Серый Медведь казался погружен в глубокие размышления.

— Ну что? — обратился к нему старик с едва уловимым оттенком иронии в голосе. — Ты имел полный успех, сын мой, теперь ты счастлив и твои планы наконец осуществились.

— Да, война объявлена, — ответил индеец, не замечая насмешливого тона своего приемного отца. — Мой план удался, но теперь я невольно робею перед своей тяжелой задачей. Поймут ли меня эти темные, необразованные люди? Сумеют ли они прочесть в моем сердце любовь и безграничную преданность к ним? Созрели ли они для свободы или, быть может, не достаточно еще пострадали? Отец, отец! Ваше сердце могуче, дух велик, всю свою жизнь вы посвятили великой и бесконечной борьбе, так посоветуйте же мне, помогите мне! Я молод, я слаб, у меня только сильная воля, храбрость и безграничная вера.

Старик грустно улыбнулся и прошептал, отвечая скорее на собственную мысль, чем на слова своего молодого друга:

— Да, положим, я посвятил свою жизнь этой бесконечной борьбе; то дело, ради которого я жертвовал собой, уничтожено, но не совсем — на развалинах дряхлого общества возникло новое, полное жизненных соков, и благодаря нашим усилиям борозда, проложенная нами, так глубока, что уничтожить ее уже нельзя, прогресс идет вперед, несмотря ни на какие преграды. Теперь, сын мой, выходи ты; настало твое время действовать! Свобода жаждет крови. Та кровь, которую ты прольешь в этом никому не известном уголке земного шара, потечет не напрасно: настанет день — и день близкий, надеюсь, — когда свет озарит всех нас. Не унывай, мой мальчик! Новый мир призван переродить старый. Если ты падешь в предстоящей битве, список мучеников вселенной обогатится еще одним именем. Ты падешь, но мысль твоя

переживет тебя; мысли не исчезают, они живут во времени. Иди, не останавливаясь на избранном пути, это прекраснейший и благороднейший путь для настоящего человека.

Говоря таким образом, этот старый солдат идеи увлекся, его охватила восторженность, он поднял голову, лицо его сияло, освещенное заходящим солнцем, которое придавало ему выражение, какого Серый Медведь, пораженный благоговением, никогда еще не видел. Но вскоре старик грустно покачал головой, огонь в его глазах померк.

— Дитя, — спросил он, — но как же ты сдержишь свое слово? Где ты найдешь Моктекусому?

Молодой вождь улыбнулся.

— Вы скоро его увидите, отец мой, — ответил он.

В то же мгновение индеец на взмыленном коне, из ноздрей которого валил пар, каким-то чудом наездничества стал перед двумя вождями как вкопанный, точно он внезапно превратился в гранитную статую. Не сходя с лошади, он наклонился к уху Серого Медведя и шепнул ему два слова.

— Уже! — вскричал тот. — О, небо за меня! Нельзя терять ни минуты! Скорее лошады!

— Что случилось? — спросил Белый Бизон.

— Пока что ничего интересного для вас, отец мой; но вскоре вы все узнаете.

— Ты уезжаешь один?

— Так надо. До свидания! Надейтесь!

Он вскочил на лошадь, которая издала громкое ржание и стрелой понеслась прочь.

Спустя десять минут все индейцы скрылись и вокруг Дерева Повелителя Жизни снова царили тишина и безмолвие.

ГЛАВА XI

Американское гостеприимство

от каково было положение вещей в тот момент, когда начинается наша история. Закончив теперь все необходимые предварительные объяснения, мы приступим к рассказу с того места, на котором прервали его.

Джон Брайтс со своими домочадцами, притаившись за укреплением стана, смотрели с радостью, к которой примешивалось беспокойство, на приближение толпы всадников, мчавшихся как вихрь, поднимая за собой столбы пыли.

— Держать ухо востро, ребята! — сказал американец сыну и слугам. — Не снимать пальца с курка! Вы знаете дьявольскую хитрость этих обезьян здешних прерий, так не дадим же захватить себя врасплох еще раз. При малейшем подозрительном движении — немедленно пулю в лоб! Таким образом мы им докажем, что находимся настороже.

Жена и дочь переселенца, не отрывая глаз от равнины, пристальным взором следили за приближением индейцев.

— Ты, кажется, ошибаешься, мой друг, — возразила мужу миссис Брайт, — эти люди, по-видимому, не имеют враждебных намерений. Индейцы редко нападают днем, а если случайно и решат напасть, то никогда не подходят так открыто.

— К тому же, — прибавила девушка, — если не ошибаюсь, во главе отряда едут европейцы.

— О! Это ни о чем не говорит, дитя, — возразил Джон Брайт. — Прерии кишмя кишат негодяями, которые объединяются с краснокожими, чтобы грабить честных путешественников. Кто знает, не белые ли стали зачинщиками ночного нападения на нас?

— О! Отец, я никогда не поверю этому! — вскричала Диана.

Диана Брайт, о которой мы едва упомянули в нескольких словах, была девушка семнадцати лет, высокая, стройная; ее большие черные глаза, окаймленные бархатистыми ресницами, густые темные волосы, миниатюрный ротик с алыми губками и жемчужными зубками — словом, все в ней пленяло бы и не в этих диких прериях, но тут она буквально приковывала всеобщие взоры.

Религиозно воспитанная матерью, доброй и набожной пресвитерианкой, Диана сочетала в себе всю невинность детства с опытностью повседневной суровой жизни в колониях, где с ранних лет вынуждена была приучаться думать и заботиться о себе самостоятельно.

Между тем всадники быстро приближались; они были уже рядом.

— Это действительно бежит наш скот, — заметил Уильям. — Я узнаю моего доброго коня Султана.

— И Чернушка там, моя бедная корова! — прибавила миссис Брайт со вздохом.

— Утешьтесь, — сказала Диана, — ручаюсь вам, что эти люди гонят их обратно.

Переселенец отрицательно покачал головой.

— Индейцы не отдадут того, чем завладели однажды, — сказал он. — Но — ей-Богу! — я внесу ясность в это дело и не дам ограбить себя без сопротивления.

— Подождите еще, отец, — возразил Уильям, удерживая его, поскольку переселенец уже был готов перемахнуть через укрепление, — мы не замедлим увидеть их намерения.

— Гм! По-моему, они очень даже ясны: эти дьяволы хотят предложить нам какую-нибудь гнусную сделку.

— Но мне кажется, что вы ошибаетесь, отец! — с живостью вскричала девушка. — Вот теперь они остановились и как будто совещаются.

Действительно, на расстояние ружейного выстрела от укрепления индейцы и трое белых остановили лошадей и о чем-то говорили между собой.

— Зачем мы здесь остановились? — спрашивал в это время граф у Меткой Пули.

— Гм! Вы не знаете янки, господин Эдуард, — я уверен, что мы не проехали бы и десяти шагов, как были бы встречены градом пуль.

— Полноте! — воскликнул молодой человек, пожимая плечами. — Не сумасшедшие же эти люди, чтобы действовать таким образом.

— Однако они поступили бы именно так. Вглядитесь внимательнее и вы увидите между кольями их укрепления блестящие на солнце дула винтовок.

— И вправду! Разве они хотят, чтобы их зарезали?

— Они и были бы уже убиты, если бы мой брат не заступился за них, — вмешался в разговор Серый Медведь.

— И благодарю вас за это, вождь. Прерии бескрайни, какой вред могут нанести вам эти бедняги?

— Они — никакого, но после них придут другие и поселятся возле, а там еще и еще; глядишь, через полгода на месте, где была одна только дикая природа, такая, какой вышла из-под всемогущих рук Повелителя Жизни, вырос уже целый город.

— Это правда, — заметил Меткая Пуля, — янки ничего не уважают, страсть строить города делает их опасными сумасшедшими.

— Так зачем же мы остановились, вождь? — спросил граф, возвращаясь к своей первой мысли.

— Чтобы вступить в переговоры с бледнолицыми.

— Сделайте мне удовольствие, предоставьте это мне. Я хочу удостовериться, как эти люди понимают правила войны и каким образом они меня примут.

— Мой брат свободен.

— Хорошо. Подождите меня здесь, а главное — ни шагу в мое отсутствие!

Молодой человек снял с себя оружие и отдал его слуге.

— Вы собираетесь идти безоружным к этим еретикам, ваше сиятельство? — вскричал Ивон.

— Как же ты хочешь, чтобы я шел? Ведь парламентарю опасаться нечего.

— Возможно, — возразил бретонец, нисколько не убежденный, — но, право, ваше сиятельство, лучше бы вам оставить при себе хотя бы пистолеты. Никогда нельзя знать наперед, на каких людей нападешь. Далеко ли до беды?

— Не говори глупостей!

И граф пожал плечами.

— Если вы непременно хотите идти безоружным разговаривать с этими людьми, которые не внушают мне ни малейшего доверия, я прошу позволения идти с вами, ваше сиятельство.

— Ты-то? Полно, брат! — вскричал молодой человек, смеясь. — Ведь ты страшный трус, это всем известно!

— Правда, но я готов на все, чтобы защитить своего хозяина.

— Именно потому я и не согласен. А вдруг на тебя нападет страх и ты с перепугу перебежешь их всех на месте? Нет, нет, я не хочу этого, у меня нет никакого желания ввязаться в скверную историю из-за тебя.

С этими словами он сошел с лошади и направился в сторону укреплений.

Когда граф был уже совсем близко, он вынул из кармана белый платок и помахал им в воздухе.

Не выпуская винтовки из рук, Джон Брайт внимательно следил за движениями графа; когда он увидел его миролюбивое заявление, то поднял голову и сделал ему знак подойти ближе.

Молодой человек спокойно засунул платок обратно в карман, закурил сигару, вставил монокль в глаз и, тщательно натянув перчатки, храбро двинулся вперед.

У самого укрепления он очутился лицом к лицу с Джоном Брайтом, который ожидал его, опираясь на свою винтовку.

— Что вам надо? — грубо спросил американец. — Говорите скорее, мне некогда болтать.

Граф окинул его надменным взглядом с головы до ног, принял самую презрительную позу и пустил ему в лицо клуб дыма.

— Вы неучтивы, любезнейший, — сухо заметил он.

— Послушайте! — крикнул тот. — Вы что, оскорблять меня пришли, что ли?

— Я пришел оказать вам услугу, но если вы не перемените своего тона, то я боюсь, что буду вынужден отказаться от своих намерений.

— Оказать мне услугу, прошу покорно! А какую же услугу вы можете мне оказать? — усмехнувшись, спросил американец.

— Вы грубиян, с которым говорить очень неприятно, — с осуждением заметил граф. — Я предпочитаю уйти.

— Уйти? Нет, подождите, теперь вы наш драгоценный заложник! Я заберу вас, господин, и отпущу только тогда, когда мне будет выгодно, — возразил американец.

— Неужели? Странно же вы понимаете справедливость! Любопытно право! — вскричал граф все так же насмешливо.

— Справедливости нет там, где речь идет о разбойниках.

— Благодарю за комплимент, почтеннейший. Как же вы удержите меня против моей воли?

— А вот как! — сказал американец, грубо схватив его за плечо.

— Кажется, прости Господи, вы подняли на меня руку! — с живостью вскричал граф, высвободившись быстрым движением.

Не успел переселенец опомниться, как граф перехватил его поперек туловища, приподнял и изо всей силы швырнул через укрепление.

Великан грохнулся оземь посреди своего лагеря совсем ошеломленный.

Вместо того, чтобы удалиться, как сделал бы всякий другой на его месте, молодой человек скрестил руки и преспокойно ждал, куря сигару.

Переселенец между тем, едва опомнившись от удара, встал, потирая бока, встряхиваясь, как мокрая собака, и принялся ощупывать себя, проверяя, все ли кости целы.

Женщины вскрикнули от ужаса, увидев его необычный способ возвращения в лагерь.

Сын и слуги глядели на него, готовые стрелять при малейшем знаке.

— Бросьте оружие! — приказал он им и, снова перескочив через укрепление, подошел к графу.

Тот стоял совершенно бесстрастно.

— Ага! Вы вернулись, — заметил он. — Как вам полет?

— Полноте, полноте, — возразил американец, протягивая ему руку, — я был неправ, я грубая скотина, простите меня!

— Так-то лучше, таким вы мне нравитесь больше; всегда стоит прежде понять друг друга. Ну, теперь вы расположены слушать меня, не правда ли?

— Как нельзя более.

Есть люди, с которыми, подобно тому как поступил граф с Джоном Брайтом, надо действовать при помощи крайних мер, чтобы дать им почувствовать свое превосходство. С подобными людьми надо не рассуждать, но отколотить их, после чего всегда окажется, что эти несговорчивые люди становятся кротки, как агнцы, и делают все, чего от них хотят.

Американец, наделенный большой физической силой и полагаясь на нее, считал себя вправе быть дерзким с человеком худощавым и тщедушным, как ему казалось, но едва этот человек, такой слабый по наружности, доказал ему неспоримо, что сильнее его, американец, как бык, спрятал рога и отступил.

— Этой ночью, — заговорил тогда граф, — на вас напали черноногие. Я хотел прискакать на помощь, но это оказалось невозможным, да я и опоздал бы в любом случае. Однако, так как по некоторым причинам люди, напавшие на вас, питают ко мне уважение, то я воспользовался своим влиянием на них, чтобы заставить возвратить вам угнанный у вас скот.

— Благодарю; верьте, я искренне сожалею о том, что произошло между нами, но я был так раздосадован этой потерей...

— Я все понимаю и прощаю вас от всего сердца, тем более, что и я, быть может, встряхнул вас не слишком-то нежно с минуту назад.

— Пожалуйста, не говорите об этом больше.

— Как хотите, мне все равно.

— А мой скот?

— Он в вашем распоряжении. Хотите сейчас же получить его?

— Не скрою, что...

— Очень хорошо, — перебил его граф, — подождите меня минутку, я пойду скажу, чтобы его привели.

— А вы не думаете, что я должен опасаться индейцев?

— Нет, если вы будете поступать правильно.

— Так я ожидаю вас.

— Вам придется подождать всего несколько минут.

Граф сошел с пригорка тем же спокойным шагом, каким пришел.

Когда он вернулся к индейцам, его окружили друзья.

Они видели все, что произошло, и пришли в восторг от способа, которым граф прекратил спор.

— Боже мой, как американцы грубы! — вскричал молодой человек. — Отдайте ему скот, вождь, и покончим с этим, прошу вас. Грубиян чуть было не взбесил меня.

— Вот он сам идет, — произнес Серый Медведь с неуловимой улыбкой.

Действительно, Джон Брайт направлялся к ним. Достойный американец после надлежащей нотации от жены и дочери сам усмотрел всю неловкость своего поведения и от души желал поправить ее.

— Право, господа, — сказал он, приближаясь, — мы не можем так расстаться. Вы оказали мне громадную услугу, и мне хотелось бы доказать вам, что я совсем не так глуп, как, вероятно, кажусь. Будьте же так добры и согласитесь отдохнуть у меня с часок, хотя бы только для того, чтобы доказать, что простили меня.

Это приглашение было сделано так откровенно и вместе с тем дружелюбно, добрый человек так явно стыдился своей неловкости и желал загладить ее, что у графа не хватило духу отказать ему.

Индейцы расположились на том же месте, где стояли, вождь и трое охотников последовали за американцем в лагерь, где скот уже стоял на своем прежнем месте.

Прием был таким, какой обычно бывает в прериях.

Женщины наскоро приготовили закуску в палатке, пока Уильям со слугами разбирал укрепление, чтобы открыть проход для гостей, которых вел за собой отец.

Люси Брайт и Диана ждали посетителей у входа в лагерь.

— Добро пожаловать, господа, — сказала жена американца с любезным поклоном, — мы вам так обязаны, что считаем за счастье принимать вас у себя.

Вожь и граф де Болье вежливо поклонились достойной женщине, которая старалась по мере сил поправить неловкую грубость своего мужа.

При взгляде на девушку граф пришел в странное волнение, так что сперва даже не мог дать себе в нем отчета; сердце его сжалось при виде этого очаровательного создания, жизнь которого постоянно подвергалась опасности в этих диких и безлюдных местах.

Диана опустила глаза, покраснев от пламенного взора молодого человека, и робко отступила ближе к миссис Брайт, движимая, вероятно, врожденным чувством стыдливости, побуждающим девушку искать защиты у матери.

После всех приветствий Серый Медведь, граф де Болье и Меткая Пуля вошли в палатку, где их ожидали Джон Брайт и его сын.

Когда прошла некоторая неловкость первой встречи — а между людьми, знакомыми с жизнью прерий, это оказалось довольно скоро, разговор стал живее и откровеннее.

— Так вы оставили колонию с намерением более не возвращаться? — спросил граф.

— А что прикажете? — ответил переселенец. — У кого семья на руках, тот волей-неволей должен углубляться в прерии, на границе все так дорого.

— Что касается вас, то я все понимаю, вы мужчина и везде сумеете выбраться из беды. Но вот вашу жену и дочь вы осуждаете на очень печальное и бедственное существование.

— Долг жены следовать за мужем, — ответила миссис Брайт с легким укором. — Я счастлива везде, где бы мы ни находились, лишь бы мне быть с ним.

— Это прекрасно, я благоговею перед вашими чувствами, миссис Брайт, но позвольте возразить вам.

— Говорите, сэр.

— Разве необходимо было уходить в такую даль, чтобы найти удобное место для поселения?

— Конечно, нет, но тогда мы подвергались бы опасности, что рано или поздно владельцы вспаханной нами земли выгнали бы нас с нашего нового места и вынудили бы приняться немного дальше за устройство новой плантации...

— Тогда как здесь, — продолжал Джон Брайт, — нам опасаться нечего, земля не принадлежит никому.

— Мой брат ошибается, — ответил вождь, который до той поры не произнес ни слова, — вся земля на десять дней хода во все стороны принадлежит мне и моему племени; бледнолицый находится на охотничьих землях кайнахов.

Джон Брайт посмотрел на индейца в смущении.

— Ну, так мы пойдем еще дальше, жена, — сказал он спустя минуту, словно примирившись с неудачей.

— Куда может идти бледнолицый, где земля не принадлежала бы никому? — строго возразил индейский вождь.

Тут американец не знал, что возразить.

Девушка, никогда еще не видевшая индейца вблизи, рассматривала его с любопытством и страхом.

Граф улыбался.

— Вождь прав, — сказал Меткая Пуля, — прерии принадлежат краснокожим.

Джон Брайт в унынии опустил голову на грудь.

— Что же делать? — пробормотал он.

Серый Медведь положил руку на его плечо и сказал:

— Откройте уши, мой брат, вождь будет говорить.

Американец взглянул на него вопросительно.

— Эта земля нравится моему брату? — спросил индеец.

— Не вижу причины скрывать, что это отличнейшая земля, какую мне приходилось встречать, — в двух шагах река, сзади огромный девственный лес. О! Разумеется, это великолепная местность и — клянусь Богом! — я устроил бы тут великолепную плантацию.

— Я уже говорил моему бледнолицему брату, — продолжал вождь, — что эта страна принадлежит мне.

— Да, говорили, вождь, и я не отрицаю этого.

— Итак, если бледнолицый желает, он может приобрести столько земли, сколько ему понадобится, — решительно сказал Серый Медведь.

При таком предложении, которого американец вовсе не ожидал, он мигом наострил уши, в нем сказалась натура скваттера.

— Как же я могу приобрести землю, когда у меня ничего нет? — спросил он.

— Это все равно, — ответил вождь.

Все изумились и с любопытством взглянули на индейца; разговор вдруг принял серьезный оборот, которого никто не ожидал.

Джон Брайт не поверил такой уступчивости.

— Вероятно, вы не поняли меня, вождь, — сказал он.

Индеец тряхнул головой.

— Бледнолицый не может купить землю, потому что ему нечем заплатить, — ответил он, — ведь он так сказал?

— Так, вождь, и вы мне возразили, что это все равно.

— Да, это мои слова.

Всеобщее любопытство было возбуждено еще сильнее, всякое недоразумение исключалось, эти два человека выразили свою мысль точно и ясно.

«Тут кроется какая-то чертовщина, — пробормотал про себя Меткая Пуля, — индеец не даст и битого яйца, если не рассчитывает взамен получить быка».

— К чему вы клоните, вождь? — откровенно спросил граф Серого Медведя.

— Сейчас я все объясню, — ответил тот. — Мой брат принимает участие в этом семействе, не так ли?

— Ну да, — сказал молодой человек, удивляясь все больше, — вам это известно.

— Если мой брат обязуется сопровождать меня в течение двух лун, не спрашивая отчета в моих действиях, и согласится оказывать мне помощь, когда я попрошу его, то этот человек получит от меня столько земли, сколько пожелает, чтобы поселиться, и впредь ему нечего будет опасаться — ни преследований краснокожих, ни того, что его вытеснят белые, потому что я действительно единственный владелец земли и никто другой не имеет на нее права.

— Позвольте! — вскричал Меткая Пуля, вставая. — Я не допущу, чтобы господин Эдуард принял подобное условие при мне. Кто покупает вещь, не посмотрев на нее хотя бы раз? Просто безумие подчинить свою волю прихоти другого человека!

Серый Медведь нахмурил брови, молния гнева сверкнула в его глазах.

— Собака-бледнолицый! — вскричал он, вскочив со своего места. — Берегись, раз я уже пощадил тебя!

— Я не боюсь твоих угроз, проклятый краснокожий, — твердо возразил канадец. — Ты лжешь, что жизнь моя в

твоей власти! Она зависит только от Бога, и ни один волос не упадет с моей головы без Его воли.

Индеец схватился за нож, охотник мгновенно последовал его примеру, и оба очутились лицом к лицу, сверля друг друга взглядом, готовые вступить в бой.

Женщины вскрикнули, Уильям и его отец стали перед ними, собираясь вмешаться в ссору, если понадобится.

Но граф мгновенно бросился к противникам и крикнул повелительным голосом:

— Остановитесь, я требую это!

Невольно подчинясь ему, черноногий и канадец отступили на шаг, сунули ножи за пояс и ждали.

Граф поглядел на того и на другого и протянул руку охотнику.

— Спасибо, друг, — сказал он с чувством, — спасибо, но ваша помощь мне не нужна.

— Ладно, ладно, — ответил Меткая Пуля, — вы знаете, господин Эдуард, что я вам предан телом и душой; отложу все выяснения до первого же случая.

И честный канадец беспечно сел.

— Что касается вас, вождь, — продолжал молодой человек, — то вашего предложения я принять не могу — надо быть сумасшедшим, чтобы согласиться на него, а я, надеюсь, еще не дошел до этого. Пожалуй, я сообщу вам, что прибыл в прерии с единственной целью поохотиться; предполагаемый мной срок уже на исходе, важные дела требуют моего присутствия в Соединенных Штатах. Несмотря на все мое желание быть полезным этим добрым людям, я только съезжу с вами, как и обещал, в ваше селение и затем буду вынужден распрощаться с вами, я надеюсь, навсегда.

— Что мне будет крайне приятно, — заключил Меткая Пуля.

Индеец оставался неподвижен.

— Однако, — продолжал граф, — нет ли другого средства покончить с этим делом к всеобщему удовольствию? Земля не может быть дорогой в этих местах; назначьте мне цену, и я заплачу вам за нее немедленно долларами или чеками на нью-йорского или бостонского банкира.

— Правда, — подтвердил охотник, — остается еще это средство.

— О, благодарю вас, сэр! — вскричала миссис Брайт. — Но мой муж не может принять подобного предложения.

— Почему же, любезная миссис Брайт, если мне оно удобно и вождь согласен?

Джон Брайт, надо отдать ему справедливость, только знаками подтверждал слова жены; достойный скваттер, как истый американец, остерегся вымолвить слово.

Диана, плененная бескорыстием и очарованная изысканным обращением знатного вельможи, смотрела на графа взором, исполненным горячей благодарности, не осмеливаясь высказать вслух все то, что она думала про себя при виде этого прекрасного молодого человека, такого благородного и великодушного.

Серый Медведь поднял голову.

— Я докажу моему брату, — спокойно промолвил он с вежливым поклоном, — что краснокожие так же великодушны, как и бледнолицые; я продаю ему восемьсот акров земли, где бы он ни вздумал взять их по берегу реки, за один доллар.

— Один доллар! — вскричал молодой человек в изумлении.

— Да. Таким образом я получу плату и мой брат не будет мне ничем обязан; если он останется некоторое время со мной, то только по собственной воле и потому, что сам желает быть вместе со своим искренним другом.

Все остолбенели при этой неожиданной развязке сцены, которая грозила закончиться кровопролитием.

Один только Меткая Пуля не поверил сговорчивости вождя.

«Что-то здесь нечисто, — проворчал он про себя, — но я дремать не буду, и этот дьявол, как ни хитер, а меня не проведет!»

Граф де Болье пришел в восторг от бескорыстия, которого не ожидал.

— Вот, вождь, — сказал он, подавая ему доллар согласно уговору, — теперь мы квиты, но знайте, что я не останусь у вас в долгу.

Индеец вежливо поклонился.

— Теперь я попрошу вас еще об одной услуге, — продолжал граф.

— Мой брат имеет право требовать от меня всего.

— Помириться с моим стариком, Меткой Пулей.

— Очень охотно, если мой брат желает этого, — ответил вождь, — а в знак примирения я прошу его принять этот доллар, который я получил от вас.

Первым движением охотника было отказаться, но он передумал, взял доллар и аккуратно спрятал его в карман на своем поясе.

Джон Брайт не знал, как выразить графу свою признательность. Благодаря ему он наконец сделался настоящим собственником.

В тот же день американец в сопровождении сына отправился выбирать землю для плантации.

Граф де Болье составил на листке своей записной книжки вполне законный акт о продаже, Ивон и Меткая Пуля подписались свидетелями, и Серый Медведь кое-как нарисовал знамя своего племени и животное с претензией на сходство с медведем.

Индийский вождь вполне мог бы подписаться, как остальные, если бы захотел, но он тщательно скрывал свое хорошее образование, которым был обязан Белому Бизону.

Джон Брайт благоговейно положил купчую между листами семейной Библии и сказал графу, стиснув его руку так, что чуть не раздавил ее:

— Помните, граф, что в шкуре Джона Брайта есть человек, который пойдет за вас в огонь и в воду.

Диана ничего не сказала, но бросила на молодого человека взгляд, который вполне вознаграждал его за все, что он сделал для ее семейства.

— Держи ухо востро! — шепнул Ивону охотник, когда они остались наедине. — Теперь ты должен тщательно оберегать своего господина, ему грозит страшная опасность.

ГЛАВА XII

Стенная Волчица

Около четырех или пяти часов после различных событий, о которых мы рассказали в предыдущих главах, всадник на сильной лошади в индейской сбруе — украшенной перьями и расписанной яркими красками — переправился через узкий ручей, неизвестный приток Миссисипи, и поскакал в глубь прерий по направлению к девственному лесу, о котором мы уже упоминали несколько раз.

Однако странно было то, что лошадь, точно фантастический конь из баллады, скорее скользила по земле, чем бежала.

Она мчалась во весь опор — ее длинная грива развевалась по ветру, из ноздрей валил пар; но напрасно стали бы прислушиваться к ее топоту по каменистой почве.

Всадник, в одежде воина черноногих индейцев, в котором по орлиному перу, воткнутому над правым ухом, легко было узнать вождя, то и дело наклонялся к шее лошади, взмахом руки принуждая ее мчаться еще быстрее.

Была ночь — одна из тех американских ночей, полных благоухания и таинственного шепота, когда черное небо усеяно мириадами блестящих звезд, луна заливает серебристыми лучами местность и обманчивым полусветом придает окружающим предметам печать нереальности, даже фантастичности.

По-видимому, все спало в прерии. Огромные деревья стояли тихо, не шелохнувшись; дикие звери, сходя к реке напиться, вернулись в свои скрытые от постороннего глаза логовища.

Один лишь всадник неслышно мчался во мраке.

Порой он поднимал голову, точно сверяя свой путь со звездами, но после минутной остановки снова неся во весь опор.

Так прошло много часов, а всадник все не думал останавливаться.

Наконец он добрался до места, где деревья росли так густо и настолько тесно переплетались между собой непроницаемой сетью лиан, что путь ему вдруг преградила настоящая живая стена.

Он внимательно осмотрелся вокруг в надежде отыскать какую-нибудь щель или отверстие, куда мог бы проскользнуть, но тут же убедился, что всякая попытка с его стороны бесполезна, и после минуты колебания сошел с лошади.

Он понял, что попал в заросли, где только топорили огонь могут проложить дорогу.

Индейцы — философы-реалисты, они не унывают, когда поставлены лицом к лицу с невозможностью; напротив, они покоряются ей без ропота и полагают, что случай либо время позаботятся и выведут их из западни.

Краснокожий вождь привязал лошадь к стволу дерева, положил перед ней охапку травы и побегов гороха и, спокой-

ный насчет того, что его добрый конь не будет терпеть нужды ни в чем в эту длинную ночь, больше им не занимался.

Теперь он должен был подумать о себе. Прежде всего он срезал своим ножом на довольно большое расстояние вокруг места, где находился, кусты и растения, которые мешали ему расположиться так, как он того хотел. Затем, с ловкостью обитателя прерий, он разложил костер из хвороста, чтобы приготовить себе ужин и отпугнуть диких зверей, если случайно кому-нибудь из них вздумалось бы подойти к нему во время его сна. В собранном им хворосте он тщательно отобрал и удалил ветки кустарника, который мексиканцы называют вонючим деревом — его сильный запах выдал бы его присутствие каждому индейцу на десять миль вокруг, а всадник, по-видимому, принимал все меры, чтобы оставаться незамеченным; уже одно то, что он обвязал ноги лошади кожаными мешками с мокрым песком, чтобы заглушить стук копыт, служило тому достаточным доказательством.

Когда огонь, разложенный в таком месте, что его нельзя было бы заметить на расстоянии десяти шагов, взвился кверху ярким пламенем, индеец вынул из сумки, сшитой из шкуры оленя, немного индейского проса и истолченного в порошок мяса и принялся есть с большим аппетитом, по временам пытливо вглядываясь в окружающий его мрак и прислушиваясь к неведомым звукам, которые ночью без видимой причины нарушают величественную тишину прерий.

Завершив скудную трапезу, индеец набил свою трубку табаком, раскурил ее и принялся с наслаждением пускать клубы дыма.

Однако, несмотря на кажущееся хладнокровие, в душе он беспокоился; порой он вынимал изо рта чубук, поднимал глаза и тоскливо созерцал небо через просвет в зеленом своде, который простирался над его головой.

Наконец индеец, по-видимому, пришел к какому-то решению; он приложил пальцы к губам и трижды прокричал, подражая с невообразимым совершенством крику пилюка — ночной птицы.

После этого он наклонился вперед и прислушался.

Ничего не указывало на то, что его сигнал услышан.

— Подождем! — прошептал он тихо и, присев к огню, в очередной раз подбросил несколько охапок хвороста, затем опять принялся спокойно курить.

Так прошло несколько часов. Наконец месяц скрылся, холод стал ощутимее, звезды меркли одна за другой в глубине неба, которое постепенно окрашивалось в опаловый цвет с алым отливом.

Индеец, который как будто дремал, внезапно поднял голову, стряхнул с себя сон, пылливо осмотрелся вокруг и пробормотал про себя:

— Она не может быть далеко!

Он повторил свой сигнал.

Едва замолк третий крик пилюка, как поблизости послышался тихий приглушенный рев.

Нисколько не смущаясь таким грозным призывом, индеец слегка улыбнулся и сказал громким и твердым голосом:

— Добро пожаловать, Волчица, вы знаете, что я вас жду.

— Ага! Ты тут! — ответил голос.

В кустах, против того места, где расположился индеец, раздался довольно сильный шелест листьев, тростник и лианы раздвинулись сильной рукой, и в образовавшемся проеме показалась женщина.

Она осторожна высунула голову и осмотрелась.

— Я один, — сказал индеец, отвечая на безмолвный вопрос, — подходите без опасения.

Улыбка неуловимого выражения мелькнула на губах женщины при этом ответе, которого она, вероятно, не ожидала.

— Я ничего не боюсь, — сказала она и смело подошла к вождю.

Теперь мы прервем на минуту наш рассказ, чтобы сообщить об этой женщине несколько сведений, очень неопределенных, правда, так как можем повторить только то, что говорили о ней индейцы, но тем не менее необходимых читателю, чтобы он мог понять дальнейшие события.

Никто не знал ни кто эта женщина, ни откуда она пришла, ни время, когда она в первый раз появилась в прериях.

Что она делала теперь и где было ее убежище — также никому не было известно.

Все в ней составляло непроницаемую тайну.

Хотя она свободно и чисто говорила на всех наречиях многочисленных обитателей прерий, порой некоторые обороты речи и цвет ее кожи, не такой темный, как у туземцев, заставляли предполагать, что она другого племени, чем они, — но, во всяком случае, все это оставалось одним только

предположением. Ее ненависть к индейцам была хорошо известна, и даже самые храбрые из них не отважились бы взглянуть на нее вблизи, чтобы проверить, так ли это.

Порой она пропадала по неделям, даже по месяцам, и никто не мог напасть на ее след. Потом вдруг видели, что она бродит где-нибудь без цели, говорит сама с собой и проводит на ногах почти всю ночь, часто сопровождаемая уродливым карликом, немым идиотом, который повиновался ей, как собака, и которого суеверные индейцы готовы были считать духом, находившимся в ее подчинении.

Эту женщину, всегда мрачную и печальную, с диким взглядом и резкими движениями, несмотря на страх, который нагоняла на всех, нельзя было обвинить в том, чтобы когда-нибудь она причинила кому-то вред. Однако, вследствие странной жизни, которую она вела без видимой причины, все несчастья, случавшиеся с индейцами на охотах и войнах, всегда приписывали ей.

Краснокожие стали смотреть на нее как на враждебный им дух и дали ей прозвище — *Дух Зла*. Тот, кто прискакал к ней в такую глушь и храбро вызывал ее два раза, должен был иметь необычайную смелость — либо у него имелась на то чрезвычайно важная причина.

Этот человек, вождь черноногих, призван играть видную роль в нашем рассказе, и потому мы опишем его в нескольких словах.

Жизнь его едва перевалила на вторую половину, то есть ему было около сорока пяти лет. Очень высокий и стройный, он был превосходно сложен; его развитые мускулы, твердые, как канаты, изобличали в нем замечательную силу. Его умное лицо носило отпечаток хитрости, глаза, почти всегда опущенные, редко смотрели прямо, а выражение коварства и звериной жестокости во взоре внушило бы непреодолимое отвращение тому, кто всмотрелся бы в него внимательно. Но такого рода наблюдатели редко встречаются в прериях, и вождь, которого мы вкратце описали, пользовался среди индейцев большой славой, его очень любили за неодолимую храбрость и неисчерпаемое красноречие на советах — качества, высоко ценимые краснокожими.

Теперь, познаколив читателя с двумя действующими лицами, которых мы выводим на сцену, предоставим действовать им самим и, быть может, услышим нечто важное, о чем никто не догадывался.

- Ночь темна, моя мать может подойти, — сказал вождь.
- Я иду, — сухо ответила женщина, сделав шаг вперед.
- Я давно жду.
- Знаю. Не беда.
- Дорога сюда длинная.
- Теперь я здесь, говори.

Она прислонилась к стволу дерева и скрестила на груди руки.

— Что я могу сказать, если меня не спрашивают, моя мать?

- Ты прав. Тогда отвечай мне.
- Я готов.

Воцарилось долгое молчание, лишь по временам нарушаемое шелестом листвы от набегавшего ветерка.

Наконец после продолжительного размышления женщина опять заговорила.

- Исполнил ты мое приказание? — спросила она.
- Исполнил.
- Ну, и что же?
- Моя мать угадала.
- Стало быть?..
- Все готовятся к войне.

Она улыбнулась с торжеством.

- Ты в этом уверен?
- Я присутствовал на совете.
- Где была сходка?
- У Дерева Повелителя Жизни.
- Давно?
- После этого солнце закатилось восемь раз.
- Хорошо... Что же решили?
- То, что вы уже знаете.
- Уничтожение белых?
- Да, уничтожение белых.
- Когда дадут сигнал к началу войны?
- День еще не назначен.
- Ах! — воскликнула она с сожалением.
- Но он наступит очень скоро, — быстро возразил индеец.
- Почему ты так думаешь?
- Серый Медведь торопится закончить дело.
- И я тоже, — тихо прошептала женщина.

Разговор опять прервался на время. Опустив голову, женщина ходила по прогалине большими шагами взад и вперед. Вождь пристально следил за ней взглядом.

Спустя несколько минут она остановилась перед ним и посмотрела ему прямо в лицо.

— Ведь вы мне преданы, вождь? — спросила она.

— Разве вы сомневаетесь?

— Кто знает...

— Однако не далее как несколько часов назад я дал неоспоримое доказательство своей преданности.

— Какое?

— Вот это, — ответил он, показав свою левую руку, обернутую полосками древесной коры.

— Не понимаю.

— Как видите, я ранен.

— Вижу, ну и что же?

— Несколько часов назад краснокожие напали на бледнолицых и уже взяли укрепление, которым был защищен их стан, когда при вашем внезапном появлении они не воспользовались своим торжеством и удалились по приказанию вождя, однако раненого и жаждавшего отомстить за себя.

— Это правда.

— Разве моя мать не узнала вождя краснокожих?

— Нет.

— Это был я, Красный Волк. Сомневается ли еще во мне моя мать?

— Избранный мной путь так мрачен, — ответила она с грустью, — мое дело так важно и так близко моему сердцу, что порой я, бедная и одинокая женщина в неравной борьбе с грозными силами, невольно поддаюсь унынию, и сомнение сжимает мое сердце. Много лет я обдумываю план, который хочу исполнить теперь. Я жертвовала всей своей жизнью, чтобы достигнуть цели, к которой стремлюсь, и боюсь встретить неудачу, когда успех, казалось бы, под рукой. Увы! — я не верю даже себе! Так могу ли я верить тому, кого личная выгода ежеминутно может побудить к измене или, по крайней мере, к тому, чтобы бросить меня?

Вождь поднял голову, глаза его сверкнули, величественным движением руки он заставил ее замолчать.

— Ни слова! — воскликнул он голосом оскорбленного достоинства. — Моя мать обижает человека, который желает доказать ей свою любовь. Неблагодарность — порок блед-

нолицых, благодарность — добродетель краснокожих. Моя мать всегда была добра ко мне. Красный Волк потерял счет тому, сколько раз она спасала его жизнь. Сердце ее отравлено несчастьем; одиночество — плохой советчик, ей не следует слушать голос, которому ее уши внимают в тишине ночи; она забывает содеянное ею добро и помнит только неблагодарность, посеянную ею на своем пути. Красный Волк предан ей, любит ее, Степная Волчица может полностью доверять ему, он этого достоин.

— Верить ли мне этим словам? Положиться ли мне на это обещание? — пробормотала она нерешительно.

Вождь с жаром продолжал:

— Если не довольно благодарности, которую я питаю к моей матери, есть связь более крепкая, связь неразрывная между нами; она служит залогом моей искренности.

— Какая? — спросила женщина, устремив на него взгляд.

— Ненависть! — громко воскликнул индеец.

— Правда, — согласилась она и зловеще захохотала. — И вы ненавидите его?

— Да, ненавижу всей своей душой. Я ненавижу его потому, что он отнял у меня две вещи, что были мне дороже всего на свете, — любовь женщины, которую я любил, и власть, которой жаждал.

— Но ведь вы же вождь? — заметила она не без иронии.

— Да, я вождь! — вскричал он с гордостью. — Но мой отец был старейшиной черноногих кайнахов; его сын храбр, хитер, множество скальпов бледнолицых висит перед его хижиной. Отчего же Красный Волк остается всего лишь одним из вождей, вместо того чтобы стоять во главе, как его отец, и вести свой народ на великую битву?!

Женщина как будто находила тайное удовольствие возбуждать гнев индейца, вместо того чтобы умерять его.

— Потому, вероятно, — сказала она со значением, — что другой, тот, кто мудрее Красного Волка, заручился одобрением и поддержкой своих братьев.

— Скажите лучше, что обманом украл все это у меня, и вы не ошибетесь! — с гневом вскричал индеец. — Серый Медведь — собака-команч, сын изгнанника, принятого из жалости в наше племя. Скороскальп его будет висеть у пояса Красного Волка.

— Терпение! — сказала незнакомка глухим голосом. — Месть — это такой плод, который надо есть зрелым. Красный Волк воин, он сумеет ждать.

— Пусть моя мать приказывает, — ответил индеец, мгновенно успокоившись, — ее сын будет повиноваться.

— Завладел ли Красный Волк врачеванием, которое Цвет Лианы носит на шее?

Индеец в смущении опустил голову.

— Нет, — сказал он мрачно, — Цвет Лианы неразлучна с Белым Бизоном, к ней нельзя подступить.

Женщина насмешливо улыбнулась.

— И в самом деле, — заметила она, — когда же Красный Волк умел держать слово?

Черноногий вздрогнул от гнева.

— Я возьму его, — вскричал он, — хотя бы мне пришлось завладеть им силой!

— Нет, — возразила она, — тут надо пустить в ход хитрость.

— Отвечаю, что достану его и через два дня вручу моей матери, Волчице.

— Нет, нет! — вскричала она с живостью. — Через два дня рано; пусть мой сын принесет мне его в пятый день луны, которая начнется через три дня.

— Хорошо. Даю клятву, что большое врачевание Цвета Лианы будет доставлено моей матери.

— Мой сын доставит его мне к дереву Медведей, возле большой хижины бледнолицых, спустя два часа после захода солнца; я буду ждать его, чтобы снабдить наставлениями.

— Красный Волк придет.

— До той поры мой сын будет тщательно наблюдать за всеми действиями Серого Медведя. Если случится что-то важное, Красный Волк должен на этом самом месте сложить пирамиду из семи бизоньих голов и через два часа ждать моего прихода; я пойму его сигнал и явлюсь на зов.

— О! Моя мать могущественна, все будет исполнено по ее желанию.

— Хорошо ли понял меня мой сын?

— Слова моей матери вошли в уши вождя, его ум воспринял их.

— Красные полосы заалели на небосклоне, солнце вскоре взойдет; теперь мой сын вернется в свое племя, он не должен своим отсутствием возбуждать подозрение врага.

— Я уезжаю, но нельзя ли Степной Волчице, могущество которой беспредельно и чья мудрость познала всю науку бледнолицых, сперва совершить врачевание, чтобы узнать, удастся ли наше предприятие и одолеем ли мы нашего врага?

В это время в зарослях послышался страшный шум, пронзительное шипение огласило воздух. Лошадь индейца прижала уши и, задрожав всем телом, делала невероятные усилия, чтобы порвать повод, на котором была привязана.

Незнакомка крепко схватила вождя за руку и мрачно сказала:

— Смотри, мой сын!

Красный Волк подавил вскрик изумления и окаменел от ужаса при странном зрелище, которое разворачивалось перед его взором.

В нескольких шагах от него тигровый кот и гремучая змея готовились сразиться в роковом бою.

Их горящие глаза искрились и как будто извергали пламя. Тигровый кот, присев на сук, съежившись и подняв шерсть, мяукал и глухо ворчал, внимательно следя за всеми движениями грозного противника, чтобы подкараулить выгодную минуту и напасть на него.

Пресмыкающееся, свернувшись в громадную спираль, откинув чудовищную голову назад, шипело, раскачиваясь из стороны в сторону движением, полным грации и гибкости, как будто стараясь подействовать на противника своим обаянием.

Но тот недалеко на это времени. Он вдруг бросился на змею, та уклонилась с необычайной ловкостью, и в ту минуту, когда тигровый кот, промахнувшись с первого раза, бросился на врага вторично, гремучая змея нанесла ему страшный укус в морду.

С яростным мяуканьем кот запустил острые длинные когти в глаза змеи, которая при этом обвилась вокруг него отчаянным усилием.

Противники катались по земле с шипением и ревом, сцепившись намертво и изо всех сил стараясь одолеть один другого.

Долго длилась борьба; животные защищались с необычайной силой. Наконец кольца змеи стали развиваться и тело ее упало без движения на траву.

Тигровый кот с мяуканьем торжества вырвался из грозных объятий чудовища и вспрыгнул на дерево.

Но силы изменили ему, он не смог достигнуть ветви, на которую метил, и грохнулся наземь, весь измолотый.

Тут свирепый зверь, собрав последние силы и не обращая внимания на агонию, от которой уже хрипел, дополз, цепляясь длинными когтями за землю, до трупа убитого врага и влез на него.

Там тигровый кот испустил последнее мяуканье торжества и упал таким же трупом возле побежденного им противника.

Индеец следил едва переводя дух за потрясающими перипетиями жестокой борьбы.

— Ну, — спросил он у женщины, — что скажет моя мать?

Та покачала головой.

— Торжество будет стоять нам жизни, — ответила она печально.

— Это все равно, — сказал Красный Волк, — лишь бы сразить врага.

Он вынул из ножен свой нож и принялся сдирать шкуру с тигрового кота, чтобы воспользоваться его великолепным мехом.

Незнакомка глядела на него с минуту, потом знаком простилась с ним и отступила в заросли, где мгновенно скрылась из вида.

Спустя час индейский вождь быстро мчался обратно в свое селение, увозя с собой пушистую шкуру тигрового кота и кожу пресмыкающегося.

Насмешливая улыбка блуждала на его губах. Теперь у него не было надобности искать предлог для своего отсутствия: разве не служила добыча, которую он вез с собой, доказательством того, что он провел ночь на охоте?

ГЛАВА XIII

Селение кайнахов

Теперь, когда требование нашего рассказа ставит нас перед необходимостью постоянного обращения к индейцам, владеющим равнинами вдоль Миссури, мы познакомим читателя с основными обитателями этих земель.

Черноногие индейцы, как называют туземных жителей, были в ту эпоху, к которой относится наш рассказ, могущественным народом, делившимся на три племени. Все они говорили на одном наречии.

Первое племя — сиксики, или собственно черноногие.

Второе племя — кайнахи, или *кровавые*.

Наконец, третье племя — пиеганы.

Североамериканцы дают этим индейцам иные названия, но они не правы, мы точно придерживаемся произношения, которое слышали неоднократно от самих черноногих во время нашего пребывания в прериях.

Этот народ, соединив все три племени, мог выставить до восьми тысяч воинов, следовательно, общее население этих племен составляло приблизительно двадцать пять тысяч человек.

Но со временем оспа собрала обильную дань с индейцев и в значительной мере уменьшила их число по сравнению с приведенными нами цифрами.

Черноногие кочуют в прериях по соседству со Скалистыми горами и порой даже углубляются в горы между тремя рукавами Миссури — Галлатин-Ривер, Джеферсон-Ривер и Мэдисон-Ривер.

Пиеганы однако доходят и до Марин-Ривер для торговых сношений с американской компанией пушных промыслов; они ведут торг и с компанией Гудзонова залива, даже с мексиканцами в Санта-Фе.

Впрочем, этот народ, ведя постоянную войну с белыми, на которых нападает, когда только представится случай, вообще мало известен, его очень боятся за искусство красть лошадей, а главным образом за жестокость и вероломство.

В нашем рассказе мы имеем дело преимущественно с кайнахами; об этом племени мы и расскажем особенно подробно.

Вот откуда происходит название кайнахов «Кровавые индейцы».

Однажды, когда черноногие еще составляли один народ, они случайно встали станом на небольшом расстоянии от семи или восьми палаток индейцев саук. Последние похитили у кайнахов женщину, и между двумя этими племенами завязалась ссора. Кайнахи порешили между собой, что убьют соседей, и решение свое исполнили с неслыханным зверством.

Они прокрались среди ночи в палатки индейцев саук, умертвили несчастных, которые в это время спали, не пощадив ни женщин, ни детей, ни старцев, и, скальпировав своих

жертв, вернулись обратно в хижины, предварительно вымазав себе лицо и руки кровью.

Пиеганы стали укорять их за такой варварский поступок, от слов перешли к действиям, и завязался бой, результатом которого явилось разделение черноногих на три племени.

Кайнахи получили тогда название *кровавых индейцев*, которое сохранили до сих пор и ставят себе в заслугу, говоря, что никто не оскорбит их безнаказанно.

По правде сказать, кайнахи — самые беспокойные из черноногих, усмирить их очень трудно; всегда и во всех случаях они выказывают кровожадные, хищнические наклонности, которые не встречаются в такой мере у других индейских племен.

Три племени черноногих обычно живут далеко друг от друга. Серый Медведь должен был действовать очень тонко, а в особенности с большим терпением, чтобы соединить их и склонить к согласию встать под одно знамя.

Каждую минуту он должен был прибегать к уловкам, которые ему подсказывал находчивый ум, и быть крайне дипломатичным, чтобы предупредить конфликт, всегда готовый вспыхнуть между людьми, щекотливая надменность которых возмущалась малейшей тенью унижения.

После того, что произошло в стане переселенцев, Серый Медведь вознамерился ехать вместе с графом де Болье и его спутниками в главное летнее селение кайнахов, расположенное поблизости от форта Макензи, одного из главных складов американской компании пушных промыслов.

Не более года назад кайнахи построили возле форта селение.

Это соседство сначала встревожило американцев, но черноногие держали себя спокойно, вели честную торговлю с белыми, так что те вскоре успокоились и вспоминали о своих соседях только тогда, когда отправлялись в их селение покупать меха, продавать им водку или позабавиться при случае.

После того, как Серый Медведь продал Джону Брайту и его семейству громадный участок земли за один доллар, он напомнил графу его обещание ехать с ним в его селение, и молодой человек, хоть и досадовал в душе на необходимость принять приглашение, которое сильно смахивало на приказание, однако смирился с ним, не показывая неудовольствия, и, простившись с семейством переселенца, сделал вождю знак, что готов отправляться в путь.

Джон Брайт стоял, облокотившись руками на ружье, и следил глазами за кайнахами, которые по своему обыкновению удалялись вскачь. Вдруг один из всадников повернул назад и во весь опор помчался к лагерю американцев.

Изумленный переселенец узнал в нем Меткую Пулю, старого канадца-охотника.

Меткая Пуля круто осадил коня прямо перед ним.

— Вы забыли что-нибудь? — спросил Джон Брайт.

— Да, забыл, — ответил охотник.

— Что же?

— Сказать вам одно слово.

— О! — вскричал переселенец в изумлении. — Тогда говорите быстрее!

— На длинные речи у меня нет времени; отвечайте мне так же ясно и коротко, как я спрошу вас.

— Очень хорошо. Спрашивайте.

— Благодарны вы графу де Болье за то, что он сделал для вас?

— Более, чем в силах выразить.

— Что бы вы сделали для него в случае необходимости?

— Все.

— Гм! Обязательство нешуточное.

— Однако менее того, что я хотел бы сделать. Мое семейство, слуги, все, что я имею, в его распоряжении.

— Стало быть, вы преданы ему?

— На жизнь и на смерть!

— Хорошо.

— Во всякое время, днем ли, ночью ли, чтобы ни было, по его слову, по одному только знаку я готов на все.

— Вы клянетесь?

— Клянусь.

— Полагаюсь на ваше слово.

— Я не изменю ему!

— Я так и думал. Прощайте.

— Уже?

— Надо догонять товарищей.

— Вы в чем-то подозреваете вашего краснокожего знакомого?

— С индейцами надо всегда держаться настороже, — поучительно сказал охотник.

— Стало быть, вы соблюдаете осторожность.

— Пожалуй, что так.

— В любом случае рассчитывайте на меня.

— Благодарю. Прощайте!

— Прощайте.

Они расстались, обдумывая слова друг друга.

«Ей-Богу! — пробормотал переселенец, положив ружье на плечо и возвращаясь в лагерь. — Горе тому, кто коснется хоть одного волоса на голове человека, которому я стольким обязан!»

Когда охотник догнал индейцев, они стояли на берегу реки, которую готовились переходить вброд.

Разговаривая с графом, Серый Медведь только покосился на охотника, но ничего ему не сказал.

«Да-да, почтеннейший, — посмеиваясь, говорил про себя канадец, — мое отсутствие тебя беспокоило, ты хотел бы знать, почему я вдруг поскакал обратно, но я на твою горе вовсе не расположен удовлетворить твоё любопытство».

После переправы Меткая Пуля как ни в чем не бывало подъехал к молодому французу и своим присутствием помешал индейскому вождю продолжать начатую с графом беседу.

Так прошел добрый час, а спутники не обменялись ни единым словом.

Раздосадованный упорством охотника и не зная, как заставить его удалиться, Серый Медведь наконец решился уступить ему место и, вонзив шпоры в бока лошади, помчался вперед, оставляя двух белых наедине.

Охотник посмотрел ему вслед с насмешливой улыбкой, которая была ему так к лицу.

— Бедная лошадь! — заметил он. — Ей-то за что достается от раздосадованного хозяина?

— О какой досаде вы говорите? — спросил граф с рассеянным видом.

— Да о досаде вождя, который мчится впереди в клубах пыли.

— По-видимому, вы с ним стоите поперек горла один другому.

— Да, мы любим друг друга, как серый медведь и ягуар.

— То есть, как это?

— А так, что мы померились с ним когтями, а поскольку на первый раз когти оказались одинаковой длины, то мы оба настороже.

— Разве вы все еще сердитесь на него?

— Я? Нисколько! Да и боюсь я его не больше, чем он боится меня, но мы не доверяем друг другу, потому что хорошо знаем один другого.

— Ого! — воскликнул молодой человек со смехом. — Я вижу, под этим кроется что-то важное.

Меткая Пуля нахмурил брови и внимательно осмотрелся вокруг.

Индейцы, смеясь между собой, скакали позади на расстоянии двадцати шагов, один Ивон, хотя и ехал немного поодаль, мог слышать их разговор.

Меткая Пуля наклонился к графу, оперся рукой на переднюю луку его седла и шепнул:

— Не люблю я ягуаров в лисьей шкуре.

— Признаться, приятель, я вас не понимаю, — ответил молодой человек, — вы говорите загадками.

— Терпение! — сказал охотник, покачав головой. — Я сейчас объясню.

— Вы сделаете мне большое удовольствие, Меткая Пуля, — сказал молодой человек, улыбаясь. — С тех пор, как мы снова встретились с этим индейским вождем, вы постоянно принимаете таинственный вид, который сильно возбуждает мое любопытство, и я буду очень рад узнать наконец, в чем дело.

— Что вы думаете о Сером Медведе? — спросил охотник без обиняков.

— Ага! Вот оно, больное место!

— Совершенно верно.

— Так я отвечу вам, что этот человек кажется мне очень странным. В нем есть что-то, чего я не могу себе уяснить. Во-первых, действительно ли он индеец?

— Да, индеец.

— Верно, он много путешествовал, посещал белых, бывал в Соединенных Штатах?

Охотник отрицательно покачал головой.

— Он никогда не выезжал из своего племени.

— Однако...

— Однако, — с живостью перебил его Меткая Пуля, — он говорит по-французски, по-английски и по-испански не хуже вас, не правда ли? При своих воинах он прикидывается глубоким невеждой, подобно им он дрожит при виде одного из тысячи произведений нашей цивилизации: часов, спички и тому подобного, не так ли?

— Ваша правда.

— А когда он остается глаз на глаз с известными лицами, подобно вам, например, индеец внезапно преображается, и вы видите перед собой человека, образованного не хуже вас, глубокие, всесторонние познания которого просто поразительны.

— И это правда.

— Ага! Стало быть, раз вы находите это странным, как и я, то вы примете свои меры, господин Эдуард!

— Но что он может мне сделать?

— Пока не знаю, но будьте уверены, скоро узнаю. Он хитер, но ведь и я не так глуп, как кажусь; я сумею его подкараулить. Этот человек уже давно ломает комедию, на которую я до сих пор не обращал внимания, но он замешал нас в свою игру, и теперь я ему не дам спуска.

— Но где же он научился всему тому, что знает?

— О! Это целая долгая история, я сообщу ее вам при случае. Довольно того, если я скажу, что в его племени есть старейшина, называемый Белым Бизоном; это европеец, и он воспитал Серого Медведя.

— Ага, вот оно что!

— Странно, не правда ли, что европеец, умный и замечательно образованный человек, который должен был бы занимать высокое положение в своем отечестве, добровольно становится старейшиной дикарей?

— В самом деле, это крайне странно. Вы знаете этого человека?

— Часто видел; теперь он очень стар, волосы и борода у него совсем белые. Он высокого роста, имеет величественную походку, красив; вообще, в нем сказывается что-то великое и строгое, что внушает уважение и привлекает к нему против воли. Серый Медведь испытывает к нему глубокое благоговение и безграничную преданность, он повинуетя ему, как отцу.

— Кто бы это мог быть?

— Никто не знает. Я уверен, что Серый Медведь сам находится в неведении, как и все.

— Но откуда же он прибыл в племя?

— Неизвестно.

— Давно он там?

— Я сказал, что он воспитывал Серого Медведя и сделал из него европейца вместо индейца.

— Все это очень странно, — пробормотал граф, задумавшись.

— Не правда ли? Но это еще не все. Вы вступаете в мир вам неизвестный, случай поставил вас среди людей, которых вы совершенно не знаете, остерегайтесь, взвешивайте каждое ваше слово, наблюдайте за каждым вашим движением, господин Эдуард; индейцы — хитрые бестии, а тот, с кем вы имеете дело, хитрее их всех, он соединяет с лукавством краснокожего ум и испорченность европейца — качества, которые привил ему наставник. Серый Медведь движим замыслами неисчерпаемой глубины, его мысль — бездна. Он лелеет в уме какие-то планы. Берегитесь. Его настойчивые убеждения, попытки заставить вас ехать с ним в его селение, его великодушие с американским скваттером, тайное покровительство, которое он вам оказывает, прикидываясь, будто принимает за некое высшее существо, его добродушие — все дает повод предполагать, что без вашего ведома он хочет вовлечь вас в какое-то тайное предприятие, которое может окончиться для вас очень печально. Послушайтесь моего совета, господин Эдуард, не доверяйте этому человеку!

— Благодарю, мой друг, я буду осторожен, — сказал граф, пожимая честную руку канадца.

— Вы будете осторожны, — возразил тот, — но знаете ли вы, каким образом надо соблюдать осторожность?

— Признаться...

— Послушайте, — перебил его охотник, — сперва надо...

— Вождь направляется сюда! — вскрикнул молодой человек.

— Черт бы его побрал! — проворчал Меткая Пуля. — Не мог подождать еще одну минутку! Готов дать голову на отсечение, что этому краснокожему дьяволу покровительствует какой-нибудь дух, который предостерегает его в нужный момент; но все равно я сказал довольно, чтобы вы не поддавались на лживые изъяснения дружбы, да и я буду рядом и помогу вам.

— Благодарю; уверен, что ваша помощь мне понадобится.

— Я предостерегу вас, если это будет необходимо, а теперь мы должны следить за собой и не показывать вида, будто о чем-то догадываемся.

— Хорошо, хорошо. Он уже близко, молчите.

— Напротив, нужно разговаривать, молчание всегда истолковывают в дурную сторону. Смотрите отвечайте прямо на мои вопросы.

— Постараюсь.

— Вот наш приятель... надуем хитреца.

Взглянув исподлобья на индейца, который находился всего в нескольких шагах от них, охотник громко заговорил, переменив тон:

— Ничего не может быть легче того, о чем вы спрашиваете меня, господин Эдуард; я уверен, что вождь будет очень рад доставить вам это удовольствие.

— Вы думаете? — ответил граф, не зная, куда Меткая Пуля клонит.

Тогда канадец обратился к Серому Медведю, который в эту минуту подъехал к ним, храня молчание, хотя слышал последние слова охотников.

— Мой товарищ, — сказал он вождю, — много наслышан об охоте на канадских северных оленей и горит желанием присутствовать на одной из тех великолепных облавных охот, которые умеют устраивать одни только краснокожие.

— Серый Медведь будет рад исполнить желание своего гостя, — ответил вождь, кланяясь с индейской флегматичностью.

Граф вежливым поклоном изъявил признательность.

— Мы приближаемся к селению моего племени, — помолчав, снова заговорил индеец, — мы доедем до него через час. Бледнолицый увидит, как Серый Медведь умеет принимать друзей.

Черноногие, которые до той поры скакали врассыпную, теперь собирались и постепенно выстраивались в плотные ряды вокруг вождя.

Небольшой отряд приближался к берегу Миссури. Река текла вровень с берегами, поросшими высоким ивняком, из которого время от времени с большим шумом поднимались стаи розовых фламинго, испугнутых приближением всадников.

Достигнув поворота дороги, индейцы сдержали лошадей и взялись за оружие, как будто им предстоял бой; одни снимали чехлы из лосиной кожи, украшенные перьями, со своих ружей и заряжали их, другие готовили луки и стрелы.

— Разве эти люди боятся нападения? — спросил граф у Меткой Пули.

— И не думают бояться, — ответил тот, — просто мы находимся всего в нескольких шагах от селения, и в вашу честь они собираются въехать с торжеством.

— Какая прелесть! — вскричал молодой человек. — Я даже и не предполагал, когда ехал в прерию, что увижу такое оригинальное зрелище.

— Пока что вы еще ничего не видели, — насмешливо возразил охотник, — подождите, это только начало.

— Тем лучше, — весело откликнулся граф.

Серый Медведь сделал знак, и всадники мгновенно сомкнулись в плотные ряды.

В то же мгновение, хотя никого еще небыло видно, поблизости раздался оглушительный рев труб и барабанов. Воины испустили боевой клич и ответили, приложив к губам свои *иккохетас*, или боевые свистки из человеческой голени, которые носили на шее.

Тогда Серый Медведь стал во главе отряда, с графом по правую руку, охотником и Ивоном — по левую, и, обернувшись к своим воинам, потряс над головой ружьем и издал два или три пронзительных свистка.

При этом сигнале весь отряд пустился вскачь и обогнул поворот дороги с быстротой катящейся лавины.

Тут глазам графа представилось зрелище, преисполненное дикого величия: из селения, подобно урагану, навстречу прибывшим мчалась огромная толпа всадников, крича, ревя, размахивая руками и стреляя из ружей. Два отряда неслись навстречу друг другу во весь опор с неукротимой энергией.

На расстоянии десяти шагов друг от друга они остановились, и лошади точно сами собой стали плясать, гарцевать и выделять самые сложные и затейливые штуки.

Эта демонстрация наезднического искусства продолжалась в течение нескольких минут, затем два отряда встали в полукруг — один против другого, а в пространстве, оставшемся свободным между ними, собрались старейшины.

Началась церемония представления.

Серый Медведь держал длинную речь, в которой дал старейшинам отчет о своей экспедиции и ее исходе.

Старейшины слушали его с обычным индейским бесстрашием.

Когда он заговорил о встрече с белыми и о том, что произошло затем, они молча наклонили головы, только один

старейшина с благородной наружностью, по-видимому, самый старший и пользовавшийся наибольшим почтением среди товарищей, устремил на графа, когда Серый Медведь упомянул о нем, глубокий и пытливый взгляд.

Невольно смущенный пристальным взором, который тяготил его, граф наклонился к уху Меткой Пули и спросил у него шепотом, кто это.

— Белый Бизон, — ответил охотник, — европейец, о котором я вам говорил.

— Ага! — сказал граф и в свою очередь стал внимательно всматриваться в него. — Не знаю отчего, но сдается мне, что мы еще столкнемся с этим человеком.

Вскоре Белый Бизон заговорил:

— Добро пожаловать, братья; ваше возвращение — праздник для племени. Вы неустрашимые воины, и мы рады были услышать, каким образом вы исполнили возложенное на вас поручение.

Тут Белый Бизон обратился к белым, поклонился им и продолжал:

— Кайнахи бедны, но всегда оказывают иноземцам радушный прием. Бледнолицые — наши гости; все, что мы имеем, находится в их распоряжении.

Граф и его спутники поблагодарили старейшину, который приветствовал их столь торжественно, после чего два отряда слились в один и все вместе направились к селению, находившемуся в пятистах шагах от места церемонии, где их уже поджидала толпа женщин и детей.

ГЛАВА XIV

Прием

Подобно всем индейским селениям, которые лежат поблизости от американских плантаций, деревня кайнахов напоминала скорее крепость.

Как мы уже говорили, кайнахи недавно поселились тут по совету Серого Медведя.

Впрочем, место было выбрано отлично, и благодаря принятым мерам индейцы вполне ограждались от неожиданного нападения.

Хижины краснокожих были разбросаны по обе стороны небольшой безымянной речки.

Укрепления состояли из ретраншементов, наскоро воздвигнутых из срубленных деревьев.

Эти укрепления образовывали ограду с несколькими выступающими углами, которая замыкала тесное пространство и оставляла открытым только то место, где речка впадала в Миссури.

Парапет из нагроможденных друг на друга бревен и толстых ветвей, построенный за глубоким и широким рвом, довершал эту весьма внушительную систему обороны, подобную которой трудно было ожидать в прерии.

Пустое пространство посреди селения служило местом схода для старейшин; в центре площади возвышалась деревянная хижина в виде сахарной головы.

По обе стороны от этой хижины на широких подмостках сохли маис, просо и всякие зерна, запасаемые на зиму.

Не доходя до селения, на расстоянии полутора шагов стояло нечто вроде двух укреплений в виде стрел, обшитых ивовой плетенкой, снабженных бойницами и окруженных частоколом.

Они возвышались над местностью — над рекой и над равниной — и должны были служить для обороны селения, с которым имели сообщение посредством подземного хода.

В километре к северо-востоку от этих блокгаузов виднелось много *машоте*, или помостов, на которые кайнахи, подобно другим черноногим, сиу и дакота, складывают покойников.

Вдоль дороги к селению в землю были воткнуты длинные колья, на которых висели шкуры, скальпы и другие предметы, пожертвованные индейцами Повелителю Жизни, *Омагаук-Нуманчи*, или первому человеку, *Нуманк-Машани*.

Индейцы вступили в селение при криках женщины и детей, лае собак и оглушительном шуме барабанов, труб, рожков и боевых свистков.

Когда прибыли на площадь, отряд по знаку Серого Медведя остановился, и содом стих.

На площади был разложен огромный костер.

Перед костром стоял старый вождь, еще бодрый, высокого роста, приятной наружности и с грустью в лице; он был в трауре, о чем свидетельствовали его коротко подстриженные волосы, вымазанные глиной, и одежда, вся в лохмотьях.

В руке он держал дакотскую трубку с длинным плоским чубуком, украшенным желтыми блестящими гвоздями.

Старика звали Раздвоенная Нога; это был первый и самый знаменитый из кайнахских старейшин.

Как только отряд остановился, он сделал два шага вперед и величественным движением руки пригласил вождей сойти с лошадей.

— Мои сыновья приехали домой, — сказал он. — Располагайтесь на бизоновых шкурах вокруг огня совета.

Вожди молча повиновались и после почтительного поклона старейшине сели на землю, поджав под себя ноги.

Раздвоенная Нога заставил каждого поочередно затануться из трубки, не выпуская ее из рук, после чего передал трубку соседу по левую руку, тот сделал то же и так далее.

Когда трубка вернулась опять к старейшине, он вытряхнул пепел в огонь и, обратившись с доброй улыбкой к чужеземцам, сказал:

— Бледнолицые — наши гости, огонь и вода к их услугам.

После этих слов, которые заканчивали церемониал, присутствующие встали и ушли, не сказав ни слова, согласно индейскому обычаю.

Серый Медведь подошел к графу.

— Пусть мой брат следует за мной, — сказал он.

— Куда? — спросил молодой человек.

— В хижину, приготовленную для него.

— А мои товарищи?

— Для них готовы другие хижины.

Меткая Пуля сделал движение, мгновенно остановленное графом.

— Извините, вождь, — сказал он, — но с вашего позволения мои товарищи поместятся вместе со мной.

Охотник улыбнулся, тогда как на лице индейца отразилась тень недовольствия.

— Молодому бледнолицему вождю будет неудобно, — ответил Серый Медведь. — Он привык к просторным хижинам белых.

— Быть может, но будет еще более неудобно, если мои товарищи не останутся со мной, чтобы составить мне компанию.

— Гостеприимство кайнахов велико, они богаты и могут, хотя бы принимали большое число гостей, отвести каждому отдельную хижину.

— Я убежден в этом и благодарю вас за внимание, но не желаю этим воспользоваться: уединение пугает меня, я ум-

ру со скуки, если со мной не будет приятеля, с кем я мог бы перекинуться словом.

— Да исполнится желание молодого бледнолицего вождя; гость имеет право приказывать, его просьба — закон.

— Благодарю за снисхождение, вождь, я готов идти за вами.

— Пойдемте.

Со свойственной индейцам быстротой решения Серый Медведь подавил в своем сердце досаду, и на его бесстрастном лице не отразилось ни малейшего чувства.

Три человека последовали за ним, со значением переглянувшись между собой.

На той же площади, возле ковчега первого человека, находилась хижина довольно приятного вида.

К этому дому вождь и повел своих гостей.

У входа в хижину стояла женщина, устремив на приезжих взор, в котором проглядывали изумление и восторг.

Да женщиной ли было это ангельское создание с грациозными очертаниями фигуры, чье пленительное личико с румянцем стыдливости и наивного любопытства на щеках было обращено к графу с тревогой и робостью?

Этот вопрос задал себе молодой человек, глядя на очаровательное видение, похожее как две капли воды на одну из божественных дев мифологии древних славян.

Увидев ее, Серый Медведь нахмурил брови.

— Что делает тут моя сестра? — спросил он резко.

Словно очнувшись при этом внезапном вопросе от своего безмолвного созерцания, молодая девушка вздрогнула и опустила глаза.

— Цвет Лианы хотела приветствовать возвращение своего приемного отца, — кратко ответила она мелодичным, мягким голосом.

— Здесь не место для Цвета Лианы, я переговорю с ней после, пусть она идет к своим подругам, девушкам нашего племени.

Цвет Лианы покраснела еще сильнее, очаровательно наддула свои алые губки и дважды тряхнула головой с капризным видом; повернувшись, она понеслась прочь, легкая, как птичка, бросив графу на бегу последний взгляд, от которого сердце его тревожно забилося.

Он быстро поднес руку к груди, точно желая унять биение сердца, и следил глазами за милым ребенком, вскоре скрывшимся за хужиной.

«О-о! — подумал вождь про себя. — Неужели она с первого взгляда узнала человека, принадлежащего к проклятому племени, от которого она рождена, хотя прежде никого из них не видела?»

Потом он повернулся к белым, взгляды которых безотчетно чувствовал на себе, приподнял бизоновую шкуру, служившую занавеской у входа в хижину, и сказал:

— Войдем.

Они вошли.

Серый Медведь позаботился о том, чтобы хижину вычистили и снабдили всеми удобствами, какие только можно было вообразить. Там были целые горы мехов для постелей, хромой стол, несколько скамей на плохо обтесанных ножках и даже нечто вроде плетеного кресла с широкой спинкой.

— Бледнолицый вождь простит бедных индейцев, если они не могут принять его лучше, чем он того заслуживает, — произнес краснокожий со смесью иронии и смирения.

— Все отлично, — ответил, улыбаясь, молодой человек, — я, право, не ожидал таких удобств; впрочем, я уже довольно долго разъезжаю по прериям, чтобы привыкнуть обходиться без лишнего и довольствоваться необходимым.

— Теперь я прошу позволения бледнолицего вождя удалиться.

— Пожалуйста, вы здесь хозяин; прошу вас, не стесняйтесь, идите и занимайтесь своими делами. Что касается меня, то я немного отдохну, поскольку порядком устал.

Серый Медведь молча поклонился и ушел.

Как только он вышел, Меткая Пуля знаком заставил товарищей оставаться на месте и принялся за осмотр хижины, везде шаря и заглядывая в каждый угол.

Закончив этот обзор, который не привел ни к чему, кроме убеждения, что они действительно одни и что нигде не скрывается шпион, он вернулся на середину хижины и знаком подозвал графа и его слугу.

— Слушайте, — сказал он тихо, — мы в волчьей пасти по собственной вине, так будем же осторожны; в прерии даже листья имеют глаза, а деревья уши. Серый Медведь — хитрая bestия! Сдается мне, что он замышляет измену и хочет сделать нас жертвами.

— Ба-а! — беспечно возразил граф. — Как вы можете это знать, Меткая Пуля?

— Знать-то не знаю, однако совершенно уверен, мое чувство меня не обманет, господин Эдуард; я знаю кайнахов с давних пор. Нам надо выбраться отсюда как можно скорее.

— С какой стати такие подозрения, любезный друг? Я, напротив, уверен, что бедняги не помышляют ни о чем, кроме наилучшего приема для своих гостей. Мне все тут нравится.

Канадец с сомнением покачал головой.

— Я хочу знать, какова причина столь странного уважения, которое оказывают вам индейцы. Тут что-то нечисто, говорю вам.

— Да будет вам! Они боятся меня, вот и все.

— Гм! Серый Медведь едва ли боится чего-нибудь в этом мире.

— Однако послушайте, Меткая Пуля, я никогда не видел вас таким! Не знай я вас, прости Господи, я подумал бы, что вы трусили.

— И нескрываю, что трусил; ей-Богу! — трусил, страшно трусил!

— Это вы-то?

— Да, я, только не за себя — ведь вы понимаете, что с тех пор, как я рыщу по прериям, я давно был бы убит краснокожими, если бы они могли справиться со мной. На свой счет я абсолютно спокоен, уверяю вас, и будь я один...

— Что же тогда?

— Я бы несколько не смущался.

— За кого же вы боитесь?

— За вас.

— За меня? — воскликнул граф, лениво потягиваясь в кресле. — Много чести для этих негодяев! Я хлыстом обращу этих уродов в бегство.

Охотник покачал головой.

— Вы не хотите понять одного, господин Эдуард.

— Чего же?

— Того, что индейцы не таковы, как жители Европы, с которыми вы имели дело до сих пор.

— Полноте! Если послушать вас, охотников, так можно заключить, что жизнь ежеминутно висит на волоске и передвигаться по прериям следует только ползком, как крадутся дикие звери. Все это вздор, любезный друг. Я вам сто раз

говорил, что такие предосторожности бесполезны, что человек храбрый, который не робея идет навстречу опасности, всегда одержит верх над вашими воинственными краснокожими.

— Но я хочу открыть причину, почему они держатся с вами подобным образом!

— Лучше откройте мне кое-что другое.

— Что же?

— Кто эта прелестная девушка, которую мы мельком видели и которую Серый Медведь так грубо прогнал отсюда?

— Ну вот! Теперь еще влюбитесь! Только этого недоставало.

— А почему бы не влюбиться? Девушка очаровательна.

— Да, она очаровательна, граф, но послушайте меня и даже не думайте о ней.

— По какой причине, позвольте спросить?

— Потому что она не то, чем кажется.

— Вот тебе на! Сущий роман Анны Радклиф! Да мы просто не выходим из тайн.

— И чем дальше идем, тем мрачнее вокруг.

— Ой-ей-ей! Что-то не верится, почтеннейший друг... Дай-ка мне халат, Ивон.

Слуга повиновался.

Со времени въезда в селение достойный бретонец был в постоянной тревоге и дрожал всем телом. Все, что он видел, казалось ему необычайным и ужасным; он ждал, что с минуты на минуту их искрошат на мелкие кусочки.

— А ты, что ты думаешь об этом, Ивон? — спросил граф.

— Ваше сиятельство, ведь вы изволите знать, что я большой трус, — пробормотал бретонец.

— Да-да, это всем известно, а дальше?

— Я страшно боюсь.

— Разумеется.

— Если ваше сиятельство позволит, я перенесу все эти меха к двери и лягу поперек входа.

— Зачем же?

— Так как я страшно трушу, то крепко не засну, и если кто-нибудь явится ночью со злым умыслом, он должен будет перешагнуть через меня; само собой, я проснусь и предупрежу вас, чтобы вы смогли подготовиться к обороне.

Молодой человек откинулся на спинку кресла, хохоча во все горло. Меткая Пуля также засмеялся, несмотря на свою озабоченность.

— Надо признаться, — вскричал граф, глядя на своего слугу, который оторопел от веселости, казавшейся ему очень неуместной в такую критическую минуту, — надо признаться, Ивон, что ты самый необыкновенный трус, какого мне случалось встречать!

— Увы! — смиренно ответил слуга. — Я в этом, право, не виноват, храбрость мне не дана, ничего не поделаешь.

— Хорошо, хорошо! — проговорил молодой человек, не переставая смеяться. — Я не сержусь на тебя, мой бедный Ивон; раз уж это выше твоих сил, тебе надо мириться с этим.

— Увы! — повторил бретонец и глубоко вздохнул.

— Но оставим это. Ты ляжешь как захочешь и где хочешь, Ивон, я предоставляю это тебе.

Не отвечая, бретонец немедленно принялся перетаскивать меха ко входу в хижину, а граф продолжал разговаривать с охотником.

— Что касается вас, Меткая Пуля, — сказал де Болье, — то я и вам предоставляю полную свободу охранять нас, как вы сочтете наилучшим; я не буду мешать вам ни в чем и даже готов содействовать, если понадобится, но с одним условием.

— С каким?

— Вы должны предоставить мне возможность увидеть прелестную девушку, о которой я уже говорил вам.

— Берегитесь, господин Эдуард!

— Я хочу видеть ее, говорю вам, хотя бы мне самому пришлось разыскивать ее!

— Вы не сделаете этого, господин Эдуард!

— Сделаю, клянусь честью, и сделаю сейчас же, если вы будете говорить в таком духе.

— Вы передумаете.

— Я никогда не передумываю и всегда остаюсь в выигрыше.

— Но вы же не знаете, кто эта девушка!

— Вы сами сказали кто — просто девушка, и девушка очаровательная.

— Прекрасно, но вот что я вам скажу: ее любит Серый Медведь!

— А мне какое дело?

— Подумайте!
— Не хочу ни о чем думать; хочу ее видеть!
— Во что бы то ни стало?
— Во что бы то ни стало.
— Хорошо, тогда слушайте.
— Говорите, только коротко.
— Я расскажу вам историю этой девушки.
— Вы ее знаете?
— Знаю.
— Тогда дело другое. Начинайте, я весь превратился в слух.

Меткая Пуля придвинул скамью, сел с раздосадованным видом и после минуты размышления начал свой рассказ:

— Лет пятнадцать назад Серый Медведь, которому в то время было не более двадцати лет от роду, но который был уже знаменитым воином, отправился во главе пятидесяти лучших своих воинов в прерию попытаться напасть на белых. В то время кайнахи жили не здесь, компания пушных промыслов не проникла еще так далеко по берегам Миссури, и форта Макензи не существовало. Кайнахи охотились на свободе на обширных землях, которыми впоследствии американцы завладели, вытеснив оттуда краснокожих. Тогда селение кайнахов примыкало к южной границе этой территории и находилось в восьмидесяти милях отсюда. Серый Медведь в первый раз возглавлял экспедицию. Как и все молодые люди его лет в подобном случае, он сиял от гордости и горел нетерпением отличиться и доказать старейшинам своего племени, что достоин предводительствовать храбрыми воинами. Как только экспедиция выступила, он тотчас разослал шпионов по всем направлениям и запретил своим воинам курить, опасаясь, как бы огоньки трубок не выдали врагам его присутствия. С необычайной мудростью он принял все меры предосторожности, необходимые в подобном случае. Его экспедиция прошла блистательно: он захватил несколько караванов, ограбил и разрушил несколько плантаций, его воины вернулись с громадным количеством добычи и уздечками лошадей, увешанными скальпами. Сам Серый Медведь привез с собой слабенькую девочку двух-трех лет, которую бережно держал на руках или усаживал перед собой в седле. Этот ребенок и есть та самая высокая и красивая девушка, которую вы видели сегодня.

— А!

— Белая она или индианка, американка или испанка — этого никто не знает и не узнает никогда. Вам известно, что некоторые индейцы рождаются белыми; цвет кожи еще не признак, по которому можно было бы отыскать родителей девушки. Словом, вождь взял ее в приемные дочери. Но по мере того как девочка росла, она приобретала все большее влияние на него, которому он подчинялся против воли; наконец это влияние легло на него таким гнетом, что вождь племени встревожился. Впрочем, образ жизни Цвета Лианы... это ее имя...

— Знаю, — перебил граф.

— Я говорю, — продолжал охотник, — образ жизни этого ребенка всегда был странным, она не резвилась, не играла и не смеялась, как другие девушки ее возраста. Она по большей части грустна, задумчива, дика, бродит всегда одна в лугах, то носится по траве, усыпанной бриллиантовыми росинками, словно газель, то мечтает в лунную ночь, бормоча слова, которых никто не слышит. Порой издали видели — поскольку близко подойти никто не осмеливался — возле нее некую тень сопущенной головой, которая по целым часам неотлучно следовала за ней, но когда девушка возвращалась в селение и ее принимались расспрашивать, она только молча пожимала плечами или плакала.

— Это действительно странно.

— Не правда ли? Вот вожди и собрались вокруг огня совета; они решили, что Цвет Лианы околдовала своего приемного отца.

— Идиоты! — пробормотал граф.

— Быть может, — продолжал охотник, покачивая головой, — но дело в том, что они вознамерились бросить ее в прерии на растерзание диким зверям.

— Бедняжка!.. И что же?

— Серый Медведь и Белый Бизон, которые не были приглашены на совет, услышав об этом решении, немедленно отправились туда и лживыми словами сумели так обработать старейшин, что те не только отказались от мысли послать девушку на неминуемую гибель, но с этой минуты стали считать ее гением-хранителем их племени.

— А Серый Медведь?

— Все так же, как и прежде.

— Только-то?

— Только.

— Так вот что я вам скажу, любезный мой друг Меткая Пуля: в течение двух дней я узнаю, такая ли колдунья эта девушка, как вы говорите, и что мне о ней думать.

Охотник ответил невнятным ворчанием и, не говоря больше ни слова, растянулся на мехах и захрапел.

ГЛАВА XV

Белый Бизон

Выйдя из хижины, где расположились граф и его друзья, Серый Медведь направился к жилищу Белого Бизона.

Начинало темнеть; кайнахи, собравшись вокруг небольших костров, разведенных перед входом в каждую хижину, весело беседовали между собой и курили трубки.

Вождь отвечал кивком головы или приветливым жестом на дружелюбные поклоны воинов, встречавшихся на его пути, но нигде не останавливался и шел все быстрее по мере того как сгущался мрак.

Наконец он дошел до хижины, стоявшей почти в самом конце селения, на берегу Миссури.

Пытливо всмотревшись в окружающий его мрак, вождь остановился у этой хижины, собираясь войти.

Однако, уже взявшись за занавеску из бизоновой кожи, висящей у входа, он внезапно остановился и задумался, точно пытаясь собраться с мыслями.

Внешне эта хижина ничем не отличалась от других, она также была круглая, с кровлей в виде улья и сделана из переплетенных ветвей, скрепленных глиной и покрытых сверху циновками.

Однако после минутного размышления Серый Медведь приподнял занавеску, вошел и остановился на пороге, говоря по-французски:

— Добрый вечер, отец.

— Добрый вечер, дитя, я ждал тебя с нетерпением. Садись возле меня, нам надо поговорить.

Эти слова были сказаны на том же языке тихим голосом.

Серый Медведь сделал несколько шагов вперед и опустил входную занавеску.

Если по внешнему виду хижина, куда вошел молодой вождь, ничем не отличалась от других хижин в селении, то нельзя было сказать того же о ее внутреннем устройстве.

Все, что только может произвести на свет человеческая изобретательность, лишенная и орудий, и необходимых материалов для выражения своей мысли, хозяин этого жилища создал собственными руками. Внутреннее устройство его жилища представляло собой некое причудливое сборище всевозможных предметов, самых разнородных и, по-видимому, не слишком подходящих один к другому.

Вместо стекол в окна хижины была вставлена масляная бумага. В углу стояла кровать, посередине стол, несколько стульев и большое кресло у стола, все срубленное топором и неотесанное, — такова была мебель в этом странном жилище.

На полках помещалось штук сорок книг, по большей части отдельных томов, на веревках висели чучела животных, насекомые и тому подобное; наконец, множество предметов неопределенных, но содержащихся в строгом порядке и снабженных ярлыками, довершали обстановку этого своеобразного жилища, которое скорее походило на келью отшельника или тайное подземелье алхимика шестнадцатого века, чем на дом индейского вождя. Однако эта хижина принадлежала Белому Бизону, одному из главных старейшин кайнахов. Он-то и ответил Серому Медведю на его приветствие.

Но мы уже говорили, что этот вождь был европейцем и бесспорно сохранил в настоящей жизни дикаря воспоминания о своем утраченном прошлом.

Когда Серый Медведь вошел в хижину, Белый Бизон, сидя в кресле у стола, читал, подперев голову руками, большую книгу с пожелтевшими и потертыми страницами при свете глиняной лампы, которая сильно коптила и распространяла лишь дрожащий полусвет.

Старик поднял голову, снял очки, вложил их в книгу и закрыл ее, потом, подвинув свое кресло немного ближе, улыбнулся молодому человеку, указал ему на стул и сказал ласково:

— Ну, садись, дитя.

Вождь взял стул, придвинул его к столу и сел, не говоря ни слова.

Некоторое время старик молча всматривался в лицо молодого человека.

— Гм! Ты мне кажешься очень мрачным, — заметил он наконец. — Не таков бывает человек, когда достигает давно желаемого, как, полагаю, достиг этого ты. Что огорчает тебя? Уж не колеблешься ли ты теперь, когда так близок к успеху? Не начинаешь ли понимать, что дело, которое предпринял вопреки моим убеждениям, превышает силы одинокого человека, у которого одна опора — дряхлый старик?

— Быть может, — ответил вождь глухим голосом. — О! Зачем вы дали мне вкусить горькие плоды проклятого образования, которое было создано не для меня? Зачем, отец мой, вы вашими уроками сделали из меня человека непохожего на тех, кто меня окружает и с кем я осужден жить и умереть?

— Слепой, которому я показал свет солнца, — ты ослеплен его лучами, твои глаза еще слабы и не выносят его блеска, вместо невежества и тупости, в которой ты прозябал бы свой век, я развил в тебе единственное чувство, которое возвышает человека над животными, я научил тебя думать — и вот благодарность, до которой я дожил, вот награда за мои труды, за неусыпную заботу!

— Отец мой!

— Не оправдывайся, дитя, — перебил старик с оттенком горечи, — я должен был ожидать этого, я и ожидал; неблагодарность и эгоизм вложены провидением в сердце человека как защита. Без неблагодарности и себялюбия, этих главных свойств человека, общество не могло бы существовать. Я не сетую на тебя, я не имею права сетовать, ты человек, и потому ничто человеческое тебе не чуждо, как сказал один мудрец.

— Я не жалуюсь, не упрекаю вас, отец, я знаю, что ваши намерения были самыми добрыми, — возразил вождь. — К несчастью, ваши уроки вызвали действие совсем иное, чем вы ожидали. Развив мои способности, вы бессознательно, помимо моей воли развили мои потребности. Жизнь, которую я веду, мне в тягость; люди, окружающие меня, не могут меня понять и я их не понимаю. Невольно мои мысли устремлены в иной мир, мне грезятся наяву вещи странные, невозможные, я страдаю неизлечимой болезнью, определить которой не могу... Я безнадежно люблю девушку, которую ревную и которую не могу назвать своей, не совершив при этом преступления. О, отец мой! Как я несчастен!..

— Дитя мое! — воскликнул старик, пожав плечами с видом сожаления. — Это ты-то несчастен? Твои страдания мне смешны. Человек заключает в себе зародыши добра и зла; если ты страдаешь, то сам виноват. Ты молод, умен, силен, первый в племени, чего тебе еще надо для счастья? Ничего! Если ты твердо захочешь, то подавишь в своем сердце безумную страсть и, ничем не отвлекаясь, посвятишь себя славному призванию, которое предначертал себе сам. Что может быть возвышеннее, прекраснее, благороднее, чем избавить соплеменников от тяжелого ига и способствовать возрождению их нации?

— Увы! В силах ли я совершить это?

— А-а! Так ты сомневаешься?! — вскричал старик, ударив по столу кулаком и глядя собеседнику прямо в лицо. — Тогда ты погиб. Откажись от своих замыслов; на пути, подобном твоему, колебаться или останавливаться — это гибель!

— Отец мой!

— Молчи! — вскричал старик еще с большим жаром. — Слушай меня. Когда ты в первый разоткрыл мне свои планы, я всеми доводами пытался заставить тебя отказаться от них; я доказывал тебе, что твое решение преждевременно, что индейцы после продолжительного рабства упали слишком низко и теперь это всего лишь тень прежнего народа, что силиться пробудить в них благородство и великодушие — то же самое, что пытаться оживить труп!.. Ты не послушал меня, ты не хотел принимать моих доводов, ты бросился очертя голову в омут интриг и всевозможных заговоров, не правда ли?

— Правда.

— Ну, так теперь поздно отступать, надо идти вперед во что бы то ни стало! Пускай ты падешь, но по крайней мере падешь со славой, и твое имя, дорогое каждому, увеличит громадный список великих мучеников, которые пожертвовали собой ради отечества!

— Но дело еще не зашло настолько далеко, чтобы...

— Нельзя было отступать, не так ли? — перебил старик.

— Да, я думаю.

— Ошибаешься! Пока ты был занят своим делом, собирая союзников и готовясь к борьбе, неужели ты полагаешь, что я оставался в бездействии?

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что враги заподозрили твои замыслы, что они наблюдают за тобой. Если ты не упредишь их действия громовым ударом, они захватят тебя врасплох, расставив тебе западню, в которую ты непременно попадешь.

— Я-то! — вскричал вождь в порыве гнева. — Посмотрим, как это они сделают!

— Будь же деятельнее прежнего, не давай опередить себя, а главное, соблюдай величайшую осторожность. За тобой следят зорко, повторяю тебе.

— Откуда вы знаете?

— Не суть важно. Довольно того, что я это знаю. Положись на мою опытность; я бодрствую. Пусть изменники и соглядатаи пребывают в обманчивой безопасности. Если мы изобличим их сейчас, другие явятся на их место. Для нас лучше, чтобы мы знали, кто они. Таким образом от нас не ускользнет ничто, ни малейшее их действие. Мы будем знать, что они собираются предпринять, чего хотят, и в то время, как они тешат себя мыслью, будтознают все о наших планах, и раскрывают их тем, кто подкупает этих шпионов, они в нашей власти; мы можем снабжать их ложными сведениями, тщательно скрывая наши настоящие действия. Положись на меня. Их слепая уверенность составляет нашу безопасность.

— Вы всегда правы, отец мой, и я вполне полагаюсь на вас, но скажите мне, по крайней мере, имя этих изменников.

— К чему говорить тебе, если я их знаю? Когда настанет пора, я скажу.

— Хорошо.

Оба замолчали. Погруженные в свои мысли, они не заметили нахмуренной физиономии, которая высывалась из-под занавески у входа и уже довольно долго прислуживалась к их разговору.

Но человек, кто бы он ни был, который занимался подслушиванием, выказывал время от времени признаки неудовольствия и разочарования. Действительно, подкравшись, чтобы услышать разговор между двумя вождями, он не подумал об одном — о том, что не сможет понять ни слова. Серый Медведь и Белый Бизон говорили между собой по-французски — язык совершенно не понятный для подслушивающего. Итак, шпион обманулся в своих надеждах.

Однако он не унывал и все слушал, полагая, что с минуты на минуту они перейдут на туземное наречие.

— Теперь расскажи мне о том, как прошла твоя экспедиция, — продолжал старик. — Ты уехал в таком восторге и с надеждой, как говорил мне, привезти человека, который нужен тебе для главной роли в твоём заговоре.

— Вы видели его сегодня, отец мой, он здесь. Сегодня он вместе со мной въехал в селение.

— О-о! Объясни-ка мне это, дитя, — сказал старик с ласковой улыбкой и, расположившись в своём кресле удобнее, приготовился слушать.

В это же время он незаметным движением, делая вид, что слушает с глубоким вниманием, пододвинул к себе лежащие рядом с ним большие пистолеты.

— Продолжай, — сказал он, — я слушаю тебя.

— Месяцев шесть тому назад — не знаю, говорил ли я вам тогда — мне удалось поймать канадца-охотника, на которого я давно имею зуб...

— Постой, мне что-то смутно припоминается... Кажется, его прозвище Меткая Пуля?

— Вот именно. Я ненавижу этого охотника, который давно подсмеивался над нами и убивал у меня лучших воинов. Поймав его, я решил, что он умрет в пытках.

— Хотя я и не одобряю этого варварского обычая, но должен сознаться, что ты действовал правильно.

— Он также не протестовал, напротив, он подсмеивался над нами; словом, он взбесил нас до такой степени, что я велел немедленно приступить к пытке. Когда его смерть уже была неминуема, человек — или какой-то демон — внезапно появился среди нас и один, не обращая никакого внимания на опасность, которой подвергался, бросился к столбу пыток и отвязал пленника.

— Гм! Это был настоящий храбрец, верно?

— Да, но его отважный поступок стоил бы ему жизни, и тем не менее по данному мной знаку все мои воины и я сам пали перед ним на колени с изъявлением глубокого благоговения.

— Что ты такое говоришь?!

— Истину. Всмотревшись в лицо этого человека, я увидел на нем два удивительных знака.

— Какие?

— Рубец над правой бровью и черную точку под правым глазом.

— Странно! — прошептал старик в задумчивости.

— Но еще более странно, что этот человек точь-в-точь походит на того, кого вы мне описывали и чей портрет подробно изложен в этой книге, — прибавил вождь, указывая на нее рукой.

— Что же ты сделал?

— Вы знаете, как я хладнокровен и как быстро принимаю решения; я позволил этому человеку уехать вместе с моим пленником.

— Прекрасно. И что дальше?

— Я прикинулся, будто вовсе не стараюсь встретить его опять.

— Еще лучше, — похвалил старик, одобрительно кивнул головой и движением, мгновенным как мысль, взвел курок пистолета, который держал в руке. Раздался выстрел и вслед за ним ужасный крик; голова под занавеской мигом исчезла.

Оба вождя подскочили к занавеске, но за ней уже никого не было, и только лужа крови ясно указывала, что выстрел попал в цель.

— Что вы сделали, отец? — вскричал изумленный Серый Медведь.

— Ничего; дал урок, довольно чувствительный, вероятно, одному из тех негодяев, о которых только что говорил.

И он хладнокровно вернулся к своему креслу.

Молодой человек хотел пойти по следам раненого.

— Не делай этого, — остановил его старик, — довольно моего предостережения; продолжай свой рассказ, он до крайности занимателен, но теперь ты сам видишь, что времени терять нельзя, если хочешь победить.

— И не потеряю, будьте спокойны! — вскричал молодой вождь с гневом. — Однако я разыщу подлеца, клянусь вам!

— Напрасно... Говори дальше.

Серый Медведь со всеми подробностями рассказал о своей встрече с графом и о том, как он заставил графа согласиться ехать с ним в их селение.

На этот раз его рассказ ничем не прерывался; урок, данный шпиону Белым Бизоном, оказался достаточным, по крайней мере на первый случай.

Опыт с зажженной спичкой очень насмешил старика; развлекло его также описание невероятного удивления графа при внезапном открытии, что неотесанный дикарь, полудиот, как он воображал вначале, напротив, является чело-

веком, не уступающим ему самому ни в уме, ни в образовании.

— Что же мне теперь делать? — прибавил Серый Медведь, закончив свой рассказ. — Он здесь, но с ним Меткая Пуля — охотник-канадец, к которому он питает величайшее доверие.

— Гм! Все это очень важно, — ответил старик. — Во-первых, дитя, ты был неправ, что показался перед этим человеком тем, что ты есть на самом деле; ты был гораздо сильнее его, пока он считал тебя необразованным дикарем, ты увлекся гордостью, желанием поблистать в глазах европейца, изумив его; это твоя ошибка, большая ошибка, потому что теперь он будет тебя остерегаться.

Молодой человек молча опустил голову.

— Я постараюсь уладить это, — продолжал старик, — но сперва мне необходимо увидеться с Меткой Пулей и переговорить с ним.

— Вы ничего от него не узнаете, он предан графу.

— Тем более я нахожу нужным видеть его... В какой хижине ты поместил их, дитя мое?

— В бывшей хижине совета.

— Да, там им удобно... и легко слышать, что они говорят.

— Я так и думал.

— Еще одно замечание.

— Какое?

— Отчего ты не убил Степную Волчицу?

— Но ведь я ее не видел, меня в лагере не было... правда, я и так не убил бы ее.

Старик положил ему руку на плечо.

— Дитя, — сказал он строго, — когда несешь ответственность за судьбу целого народа, нельзя отступать ни перед чем; когда враг мертв, живые спят спокойно. Степная Волчица — твой враг, ты знаешь это, ее влияние на суеверных краснокожих громадно. Запомни слова человека опытного: если ты не убьешь ее, тогда она убьет тебя!

Серый Медведь презрительно улыбнулся.

— Ну вот! — вскричал он. — Эта полусумасшедшая старуха...

— Ах! — перебил его Белый Бизон. — Разве ты не знаешь, что за каждым великим событием почти всегда стоит женщина? Они убивают гениальных людей и губят из-за ни-

чтожных выгод и мелочных страстей самые прекрасные и смелые замыслы.

— Вы правы, быть может, — ответил Серый Медведь, — но я чувствую, что никогда не буду в состоянии обогреть руки кровью этой женщины.

Белый Бизон презрительно улыбнулся.

— Совестьливость, бедное мое дитя! — сказал он с видом сожаления. — Хорошо, я не настаиваю, но знай, что эта совестьливость — твоя гибель; кто хочет управлять другими, тот должен превратить свое сердце в камень, иначе планы его будут рушиться в самом зародыше, и враги поднимут его на смех. Величайшие гении гибли потому, что не хотели понять именно этого, что трудятся они для преемников, не для себя. Человек близорук, каким бы умным ни был. Сви-репый эгоизм, который все подавляет в нем, налагает непроницаемую повязку на его глаза и не дает ему осматриваться вокруг.

— Вместо того, чтобы помочь мне своими советами, вы как будто нарочно и с наслаждением приводите меня в отчаяние! Ваши теории раздирают мою душу, отец мой!

— Но разве я создал их? Нет, таков свет! Никто его не изменит. Было время, когда и я говорил так, как говоришь ты теперь, бедное дитя. Но я и мои последователи боролись с целой цивилизацией, которую хотели разрушить, чтобы заменить ее другой. Мы, титаны будущего, за совершенное нами громадное дело сегодня отвержены, осуждены на проклятие, но завтра мы будем мучениками, а для правнуков превратимся в благодетелей рода человеческого!.. Иди, мой бедный юноша, иди своей дорогой, твои замыслы — детские игры по сравнению с тем, что сделали мы с товарищами, когда одни, сильные лишь своим правом, бросили перчатку всей Европе, восставшей против нас, чтобы броситься на раздел наших плодороднейших земель и с дьявольским сме-хом делить между собой наши головы.

Старик невольно увлекся бурными чувствами, которые клокотали у него в душе, его глаза блистали, лицо сияло, жесты были исполнены величия, он мысленно перенесся к прежним дням борьбы и торжества.

Серый Медведь слушал его с безотчетным волнением, невольно подчиняясь неодолимому влиянию этого поверженного исполина, все еще великого после падения.

— Но что я говорю? Прости мне, дитя, я просто сумасшедший... — оборвал свою речь старик, бессильно откидываясь на спинку кресла. — Ступай, оставь меня теперь, завтра на заре, может быть, я сообщу тебе что-нибудь новое.

Знаком он указал молодому человеку, чтобы тот уходил. Привычный к таким внезапным переменам в настроении, Серый Медведь молча поклонился и вышел.

ГЛАВА XVI

Шпион

 истоletный выстрел не имел последствий, которых, без сомнения, ожидал Белый Бизон. Человек был ранен, правда, но поспешность, с какой старому вождю пришлось стрелять, конечно, помешала меткости выстрела, и подслушивающий отделался царапиной; пуля, направленная неточно, только содрала кожу с его головы и вызвала сильное кровотечение.

Однако это довольно грубое предостережение доказало шпиону, что он замечен и что оставаться тут долее — значит, неминуемо попасться в руки противника; разумеется, он стал улепетывать со всех ног.

Пробежав довольно далеко и полагая, что сбил с толку тех, кто вздумал бы гнаться за ним, он наконец остановился перевести дух и перевязать рану: хоть она и была пустяковой, но кровь так и струилась из нее.

Он с беспокойством осмотрелся.

Все вокруг казалось тихим и пустынным. Густой снег, который хлопьями валил уже с добрый час, вынудил индейцев разойтись по своим шалахам.

Выстрел не произвел ни малейшей тревоги; привыкнув к ночным схваткам в своих селениях, краснокожие не выходили на улицу.

Слышен был только лай собак да отрывистый хриплый вой диких зверей, рыщущих по прерии в поисках добычи.

Успокоенный тишиной в селении, шпион принялся торопливо перевязывать свою рану, радуясь в душе, что снег скрывает под собой кровавые следы, оставленные им.

— Ну, — пробормотал он вполголоса, — больше я ничего не узнаю сегодня. Дух Зла охраняет этих людей.

Он осмотрелся вокруг в последний раз и уже хотел уйти, как вдруг белая тень, скользя по снегу, словно призрак, промелькнула неподалеку от него.

— Это еще что? — пробормотал индеец, которым овладел суеверный страх. — Неужели *Дева черных часов* бродит по селению? Какое ужасное бедствие нам грозит?

Индеец наклонился вперед, вытянул шею и, как бы влекомый сверхъестественной силой, следил глазами за странным видением, неясные контуры которого уже терялись вдали среди мрака.

— Это существо не ходит, — пробормотал он в ужасе, — оно не оставляет следов на снегу. Не дух ли это, враждебный черноногим? Тут кроется тайна, и я хочу знать ее.

Побуждаемый любопытством, индеец забыл страх и смело бросился вслед за тенью.

Через несколько минут загадочное видение, тень или дух, остановилось и посмотрело во все стороны с очевидным недоумением.

Индеец едва успел притаиться за стеной хижины, но светлый луч месяца, проскользнув между облаков, на миг осветил лицо того, за кем он гнался.

— Цвет Лианы! — пробормотал он, едва сдержав крик изумления.

Действительно, это была она.

После минуты колебания девушка подняла голову, храбро подошла к хижине и твердой рукой подняла бизоновую шкуру у входа.

Она вошла внутрь и опустила за собой занавеску.

Индеец одним прыжком очутился у хижины, воткнул в стену свой нож по самую рукоять, повернул его раза два или три, чтобы расширить отверстие, потом приложил ухо к этой своеобразной слуховой трубе и стал прислушиваться.

В селении царила мертвая тишина.

Не успела девушка сделать хоть один шаг в хижине, как перед ней мгновенно поднялась тень, и чья-то рука опустилась на ее плечо.

Она машинально отступила.

— Чего вы хотите? — спросил грозный голос.

Вопрос был задан по-французски, и молодая индианка не могла понять его.

— Отвечайте — или я вас застрелю! — продолжал тот же грозный голос.

Щелкнул взведенный курок пистолета.

— О-о-а! — ответила девушка наудачу своим тихим, мелодичным голосом. — Я друг.

— Очевидно, это женщина, — пробормотал первый голос, — все равно, будем настороже. За коим чертом понадобилось ей прийти сюда.

— Эй! — вскричал вдруг Меткая Пуля, разбуженный этими разговорами. — Что тут происходит? С кем вы это общаетесь, Ивон?

— Да не знаю, право... кажется, с женщиной.

— Ха-ха-ха! — засмеялся охотник. — Прощу покорно! Смотрите не выпустите ее.

— Будьте спокойны, — ответил бретонец, — держу крепко.

Цвет Лианы стояла неподвижно, не делая ни малейшего усилия, чтобы освободиться.

Меткая Пуля встал, ощупью направился к огню и, присев на корточки, принялся раздувать его.

Это оказалось минутным делом; огонь тлел под золой, сухие ветви, подброшенные в него, мгновенно вспыхнули, яркое пламя взвилось и осветило хижину.

— Ба-а! — вскричал охотник в изумлении. — Добро пожаловать, девушка; что вам здесь нужно?

Индианка покраснела и ответила, опустив глаза:

— Цвет Лианы пришла навестить своих бледнолицых друзей.

— Сг-ранный час вы выбрали для посещения, дитя мое, — заметил канадец с насмешливой улыбкой. — Впрочем, все равно, — продолжал он, обращаясь к бретонцу, — отпустите ее, Ивон, этот враг, если только это враг, не очень опасен.

Бретонец повиновался, хотя и очень неохотно.

— Подойдите к огню, девушка, — сказал охотник, — вы окоченели от холода; когда вы отогреетесь, то сообщите мне причину вашего присутствия здесь в такой поздний час.

Цвет Лианы грустно улыбнулась и села у огня.

Меткая Пуля сел возле нее.

Индианка окинула быстрым взглядом внутренность хижины и увидела графа, погруженного в сладкий сон на ворохе мехов.

Вся жизнь Меткой Пули прошла в прериях, он знал краснокожих вдоль и поперек, знал, что две отличительные черты их характера — осторожность и благоразумие. Никогда

индеец не решится на какой-либо поступок, не оценив предварительно все его последствия; без уважительной причины он не сделает ничего, что противоречило бы индейским нравам и обычаям.

Итак, охотник подозревал, что цель прихода девушки очень важная, хотя не мог угадать по бесстрастному выражению ее лица, какой тайный мотив руководил ее действиями.

Краснокожих расспрашивать очень трудно. Хитростью и уловками от них ничего не добьешься — настолько это подозрительные натуры, всегда сдержанные и замкнутые в самих себе. Самый искусный судебный следователь наших стран не добился бы от них ни малейшего сведения и после самого строгого допроса индейца был бы вынужден признать себя побежденным.

Даже с теми, кто хочет высказаться, надо поступать до крайности осторожно: как только задашь им несколько вопросов, их недоверие пробуждается, прирожденная подозрительность берет верх, и губы смыкаются; сколько бы ни убеждали их говорить и насколько бы это ни было в их собственных интересах — все бесполезно.

Меткая Пуля прекрасно знал подозрительный нрав краснокожих. Разумеется, он не подал вида, что ждет от девушки каких-нибудь объяснений.

Знаком он приказал Ивону ложиться спать, что тот не замедлил исполнить после того, как охотник подмигнул ему успокоительно.

Девушка печально сидела у огня и грелась, искоса поглядывая на канадца.

Меткая Пуля закурил трубку и, отчасти скрытый в густых клубах дыма, казался полностью поглощенным своим приятным занятием.

Так они оставались друг против друга, не произнося ни слова.

Наконец Меткая Пуля вытряхнул об ноготь большого пальца левой руки пепел из своей трубки, заткнул ее за пояс и встал.

Не приписывая, по-видимому, значения этому действию канадца, девушка следила исподтишка за каждым его движением.

Она увидала, что он взял несколько шкур, отнес их в темный угол хижины и положил на полу, как бы для того, чтобы приготовить постель.

Когда канадец счел ложе достаточно мягким, он бросил на него покрывало и хладнокровно вернулся к огню.

— Мой бледнолицый брат приготовил постель, — произнесла Цвет Лианы, взяв его за руку, когда он уже брался снова за свою трубку.

— Да, приготовил, — ответил он.

— Зачем четыре постели для троих?

Меткая Пуля взглянул на нее с отлично разыгранным изумлением.

— Разве нас не четверо? — возразил он.

— Я вижу только двух бледнолицых охотников и моего брата, для кого же четвертая постель?

— Для моей сестры Цвета Лианы, полагаю, — ведь она пришла просить гостеприимства у бледнолицых друзей?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Женщины моего племени, — сказала она тоном оскорбленного достоинства, — спят в собственных хижинах и не ищут ночлега в хижинах воинов.

Меткая Пуля склонил голову с видом убеждения.

— Я ошибся, — ответил он почтительно, — положим, что я ничего не говорил, я вовсе не имел намерения опечалить мою сестру, но видя, что она входит так поздно в мою хижину, я думал, что она просит гостеприимства.

Молодая девушка тонко улыбнулась.

— Мой брат — великий воин бледнолицых, — сказала она, — его голова поседела, он очень хитер, зачем же он прикидывается, будто не знает, что привело Цвет Лианы в его хижину?

— Потому что действительно не знаю, — ответил охотник. — Откуда мне знать?

Индианка повернулась вполоборота к тому месту, где спал граф, и указала на него пальчиком, прелестно надув губки.

— Стекланный Глаз знает все, — сказала она. — Он, вероятно, предупредил моего брата-охотника.

— Я не отрицаю, — ответил Меткая Пуля, ничуть не смущаясь, — что Стекланный Глаз знает многое, но в этом случае он оставался нем.

— Правда ли это? — спросила она с живостью.

— С какой стати мне говорить неправду? Цвет Лианы нам не враг.

— Нет, напротив, я друг, откройте уши, мой брат.

— Говорите.

— Стекланный Глаз могуществен?

— Говорят, — уклончиво ответил честный охотник, не способный унизиться до лжи.

— Старейшины племени считают его высшим духом, который может располагать событиями по своей воле и, если захочет, даже изменить течение событий в будущем.

— Кто это сказал?

— Все говорят.

Охотник покачал головой и, сжав в своих руках крошечную ручку девушки, произнес добродушно:

— Вас обманывают, дитя, Стекланный Глаз такой же человек, как и все другие, у него нет особенной власти; не знаю, с какой целью старейшины вашего племени распустили такой смешной слух, но это ложь, и я не могу допустить, чтобы ее распространяли.

— Белый Бизон — самый мудрый старейшина черноногих, он владеет всеми знаниями своих отцов по другую сторону соленого озера, он никогда не ошибается, а не он ли уже давно объявил о прибытии Стекланного Глаза в наше племя?

— Возможно, хотя я и не понимаю, откуда он мог знать, если каких-нибудь три дня назад мы и сами еще не подозревали, что ступим ногой в это селение.

Девушка улыбнулась с торжеством.

— Белый Бизон знает все, — сказала она, — впрочем, уже тысячу лун и даже больше колдуны нашего народа предвещают появление человека, во всем сходного со Стекланным Глазом; его появление было предсказано так верно, что никто ему не удивился, все ждали этого.

Охотник убедился в бесполезности бороться долее с убеждением, так глубоко укоренившимся в сердце девушки.

— Хорошо, — сказал он, — Белый Бизон очень мудрый старейшина; чего же он не знает?

— Он знает все! Разве не он предсказал, что Стекланный Глаз станет во главе краснокожих воинов и навсегда избавит их от бледнолицых с востока?

— Справедливо! — подтвердил охотник, который понятия не имел о том, какие важные сведения сообщила ему девушка, но уже начинал подозревать обширный заговор, готовя-

щийся краснокожими со свойственной им глубокой хитростью; теперь он горел желанием вытянуть из индианки как можно больше сведений.

Цвет Лианы смотрела на него с простодушной радостью.

— Мой брат видит, что я знаю все, — сказала она.

— Правда, Цвет Лианы знает даже больше, чем я предполагал, теперь она может открыть мне без опасения, какую услугу желает получить от Стеклянного Глаза.

Индианка взглянула на молодого человека, который все еще спал.

— Цвет Лианы страдает, — сказала она тихо и робко, — облако нашло на ее дух и омрачило его.

— Цвету Лианы шестнадцать лет, — ответил, улыбаясь, старый охотник, — новое чувство пробуждается в ней, птичка поет в ее сердце, она невольно вслушивается в это сладкозвучное пение, которого еще не понимает.

— Правда, — прошептала девушка, вдруг задумавшись, — мое сердце печально... Разве любовь — страдание?

— Дитя, — задумчиво ответил охотник, — все существа созданы Повелителем Жизни таким образом, что всякое ощущение отзывается болью; радость, доведенная до крайности, переходит в боль. Цвет Лианы любит, сама того не подозревая, а любить — это значит страдать.

— Нет! — воскликнула девушка с движением ужаса. — Нет, я не люблю, по крайней мере так, как вы говорите. Напротив, я пришла просить вашего покровительства, чтобы оградить меня от человека, который меня любит, но любовь которого наводит на меня страх, и к которому я никогда не буду чувствовать ничего кроме благодарности.

— Уверены ли вы, бедное дитя, что именно это чувство питаете к тому человеку?

Она утвердительно кивнула головой.

Меткая Пуля молча встал.

— Куда вы идете? — спросила девушка с живостью.

Охотник обернулся к ней.

— Во всем, что вы мне сказали, — ответил он, — столько важного, что надо разбудить моего друга, чтобы он также мог выслушать вас и, если возможно, помочь вам.

— Будите, — сказала она, печально опустив голову на грудь.

Охотник подошел к молодому человеку и, наклонившись к нему, слегка коснулся его плеча.

Граф мгновенно проснулся.

— Что такое? Что вам надо? — вскричал он, вскакивая и быстро хватаясь за оружие, как свойственно человеку, который по своему образу жизни должен быть всегда настороже.

— Ничего такого, что могло бы испугать вас, господин Эдуард. Вот, девушка желает говорить с вами.

Граф взглянул в направлении, указанном охотником, и встретил взгляд индианки. Она пошатнулась, как от электрического удара, прижала руку к сердцу и опустила глаза, вся вспыхнув.

Граф бросился к ней.

— Что с вами? Чем я могу быть вам полезен? — вскричал он.

Она уже раскрыла рот для ответа, когда входная занавеска вдруг поднялась и человек, перешагнув через Ивона, очутился посреди хижины.

Это был шпион.

Очнувшись от сна, бретонец ринулся на него, но индеец удержал его своей сильной рукой.

— Слушайте! — сказал он.

— Красный Волк! — вскричала девушка, становясь перед ним. — Опустите оружие, — прибавила она, — это друг.

— Говорите, — обратился к индейцу граф, заложив за пояс пистолет, который было выхватил.

Индеец даже не подумал защищаться, он невозмутимо ждал минуты, когда сможет говорить.

— Серый Медведь идет сюда, — обратился он к девушке.

— О! Я погибла, если он найдет меня здесь!

— Я не боюсь этого человека! — надменно вскричал граф.

— Будьте осторожны, — вмешался Меткая Пуля. — Так вы друг, краснокожий?

— Спросите у Цвета Лианы, — презрительно ответил тот.

— Хорошо. Значит, вы пришли, чтобы спасти ее?

— Да, спасти.

— Вы и средство знаете?

— Знаю.

— Ничего не понимаю, — бормотал про себя Ивон, растерявшись от всего, что происходило, — ну и ночь!

— Торопитесь, — предостерегающе произнес граф.

— Он не должен видеть здесь ни Цвета Лианы, ни меня; мы заклятые враги с Серым Медведем, — продолжал Красный Волк. — Набросьте на девушку эти меха.

Цвет Лианы присела в уголок и вскоре скрылась под накиданными на нее мехами.

— Гм! Неплохая мысль, — пробормотал Меткая Пуля. — А вы как выберетесь отсюда?

— Увидите.

Красный Волк подошел вплотную к бизоновой шкуре, которая служила занавеской, и скрылся в ее складках.

— Ловко, ей-Богу! — похвалил Ивон. — Но как он выберется отсюда?

Не успел он договорить, как на пороге появился Серый Медведь.

— Уже встали! — воскликнул он в изумлении, окинув хижину подозрительным взглядом.

С этими словами он быстро подошел к графу, который ожидал его, стоя неподвижно посреди хижины.

Красный Волк воспользовался этим, чтобы незаметно выскользнуть наружу.

— Я пришел за вашими распоряжениями относительно охоты, — прибавил Серый Медведь.

ГЛАВА XVII

Форт Макензи

Построенный в 1832 году майором Митчеллом, главным агентом североамериканской компании пушных промыслов, форт Макензи стоит, как грозный часовой, в ста двадцати шагах от северного берега Миссури и в семидесяти милях от Скалистых гор, посреди равнины, отгороженной цепью холмов, которые тянутся по направлению от юга к северу.

Форт Макензи построен по образцу всех передовых постов цивилизации в западных прериях Соединенных Штатов: он образует четырехугольник, каждая сторона которого равна сорока пяти футам; ров шириной в пятнадцать футов и такой же глубины, два надежных блокауза и двадцать орудий — вот все средства для защиты этой крепости. Жилища в ней приземисты, с узкими окнами, в которых стекла заменяются листами пергамента. Плоские кровли домов покрыты дерном.

Двое ворот форта очень прочно построены и обшиты железом. Посреди площадки, которая оставлена свободной в центре форта, стоит мачта, и на вершине ее развевается

усеянный звездами флаг Соединенных Штатов. Его стерегут два орудия, поставленные у подножия мачты.

Равнина, окружающая форт Макензи, покрыта травой в три и более фута высотой. Эта равнина почти постоянно занята прикочевывающими сюда для торговли с американцами индейскими племенами — черноногими, ассинибойнами, мандан, плоскоголовыми, толстопузыми, воронами и кайнахами.

Индейцы с крайней неохотой позволяли белым селиться в их владениях, и первый агент, которого компания пушных промыслов выслала к ним, чуть бы лоне поплатился жизнью, исполняя это трудное поручение. Только терпением и хитростью удалось наконец заключить с индейцами мирный торговый договор, который они, впрочем, всегда были готовы нарушить при первом же предложении. Само собой, американцы всегда были настороже, считая себя как бы постоянно находящимися на осадном положении.

Время от времени еще случалось, несмотря на уверения индейцев в дружбе, что в форт приносили наемника или охотника компании, убитого и оскальпированного, но отплатить краснокожим за это было невозможно хотя бы из политических соображений. Тем не менее, надо сознаться, что такие убийства случались все реже. Индейцы, корыстолюбивые от природы, поняли наконец, что лучше жить в мире с бледнолицыми, которые в изобилии снабжали их водкой и деньгами взамен мехов.

В 1834 году фортом Макензи командовал майор Мелвилл — человек чрезвычайно опытный, который почти всю жизнь провел среди индейцев, воюя или ведя с ними торговлю, так что прекрасно знал все их замашки и хитрости. Генерал Джексон, в армии которого он служил офицером, высоко ценил его храбрость, знания и опыт. Майор Мелвилл соединял в себе редкую душевную энергию с необычайной физической силой, это был именно тот человек, кто мог внушать страх свирепым дикарям, с которыми имел дело, и справляться с собственными охотниками и наемниками компании, отъявленными мошенниками и бродягами, не знающими других доводов, кроме винтовки и ножа. Он основывал свою власть на неумолимой строгости и безупречной справедливости, которая во многом способствовала упрочению хороших отношений, существовавших между жителями форта и их коварными друзьями-индейцами.

Уже несколько лет мир, главным основанием которого однако было недоверие, казался прочно установлен между бледнолицыми и краснокожими.

Индейцы ежегодно прикочевывали к форту, располагались станом и мирно выменивали свои меха на водку, одежду и порох. Семьдесят человек, составлявшие гарнизон форта, стали пренебрегать обычными мерами безопасности, настолько они были уверены, что индейцы наконец отказались от своих хищнических привычек, благодаря уступчивости и хорошему обращению белых.

Вот каковы были отношения между белыми и краснокожими в тот день, когда рассказ вынуждает нас перенести читателя в форт Макензи.

Окрестности форта были очаровательны и чрезвычайно живописны.

На другой день после вышеприведенных событий в селеении кайнахов пирога с одним гребцом шла вниз по Лосиной речке, направляясь к американскому посту.

После множества изгибов речка, а с ней и пирога достигли Миссури; затем лодка круто повернула на северо-запад и пошла вдоль северного берега реки, по которому то и дело расстилались великолепные луга, по меньшей мере миль в тридцать шириной, где паслись многочисленные стада бизонов, антилоп и длиннорогих козлов, испуганно и мрачно глядевших, наострив уши, на безмолвно проходившую пирогу.

Но личность, мужчина или женщина, которая гребла, сидя в суденышке, по-видимому, так спешила к цели своего пути, что не давала себе времени стрелять в этих животных, хотя легко могла бы попасть в некоторых из них.

Устремив глаза вперед и склонившись над веслами, личность эта гребла все усерднее и усиленнее по мере приближения к своей цели; порой у нее вырывались глухие восклицания гнева и нетерпения, но она ни на минуту не приостанавливала быстрого хода пироги.

Наконец с ее сжатых губ сорвалось радостное восклицание, когда, после очередного изгиба реки, перед ее глазами внезапно предстала дивная картина местности.

Пологие ярко-зеленые склоны составляли главный фон картины; на переднем плане раскинулись заросли высоких стройных тополей и ракитника вдоль берега речки, извивающейся по лугу темно-синей лентой в мягком вечернем све-

те; немного далее, на вершине пригорка, возвышался форт Макензи, и над ним развевался большой звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов, позолоченный последними лучами заходящего солнца. С одной стороны форта селение индейцев, а с другой — табуны лошадей, пасшихся на свободе, придавали жизнь и движение этому мирному и одновременно величественному зрелищу.

Пирога все больше и больше приближалась к берегу; наконец она тихо врезалась в прибрежный песок под самыми пушками форта.

Личность, которая сидела в пироге, одним прыжком очутилась на берегу.

Теперь в ней легко было узнать женщину.

Это была Степная Волчица, как называли ее индейцы, — то загадочное существо, которое уже два раза появлялось в нашем рассказе.

Женщина несколько изменила свой костюм; хотя он и теперь походил на одежду индейцев, так как состоял из сшитых вместе лосиных и бизоновых шкур, однако значительно отличался покроем, и если с первого взгляда было трудно определить пол личности, которая носила его, то нельзя было не заметить, что она принадлежит к белой расе — по простоте, опрятности и, главное, по ширине одежды, образовавшей глубокие складки, в которые тщательно драпировалось странное существо, скрывавшееся под этим нарядом.

Выпрыгнув из пироги, Волчица крепко привязала ее к большому камню и, не обращая на нее больше внимания, большими шагами направилась к форту.

Было около шести часов вечера, меновая торговля с индейцами уже кончилась, краснокожие со смехом и песнями направлялись к своим бизоновым палаткам, между тем как наемники компании, собрав лошадей, неторопливо гнали их обратно в форт.

Солнце заходило за снежные вершины Скалистых гор и заливало небо багряными отблесками. По мере угасания дневного светила на земле сгущался мрак.

Песни индейцев, крики наемников, ржание лошадей и лай собак составляли странный хор, который навевал на сердце тихую грусть в этих дальних краях, перед лицом величественной природы, где во всем, в каждой мелочи незримо присутствовал перст Божий.

Волчица приблизилась к воротам форта в ту минуту, когда через них проходил последний наемник, гоня перед собой отставших от табуна лошадей.

На пограничных постах, где требуется постоянная бдительность, чтобы предупредить возможную измену, часовые с исключительной обязанностью обозревать безмолвные и пустынные равнины, расстилающиеся вокруг крепости на сколько хватает глаз, стоят день и ночь и неусыпно караулят, устремив глаза вдаль, готовые поднять тревогу при малейшем необычном движении людей или животных в этих бескрайних перерях.

Уже больше шести часов назад часовые заметили пирогу Волчицы; каждый ее шаг не остался незамеченным. Когда, привязав свою пирогу, Волчица подошла к воротам форта, она нашла их запертыми на запор — не потому, что лично внушала опасения гарнизону, но потому, что было строго запрещено без уважительного повода впускать кого-либо после захода солнца.

Волчица с трудом удержалась от движения неудовольствия, когда увидела, что ей придется провести ночь под открытым небом, — не потому, конечно, чтобы ей казалось страшным оставаться до утра на равнине, но по важным причинам, которые требовали ее немедленно входа в форт. Однако, не теряя надежды, она наклонилась, подняла с земли камень и два раза постучала в ворота.

Окошечко немедленно приоткрылось, и в отверстии заблестели два глаза.

— Кто там? — спросил грубый голос.

— Друг, — ответила Волчица.

— Гм! Это слишком неопределенно для такого позднего часа, — продолжал голос со зловещей усмешкой. — Кто вы такая?

— Женщина, белая женщина, как можно видеть по моей одежде и языку.

— Носейчасслишком темно, чтобы я мог рассмотреть вас как следует. Если у вас нет более веских доказательств, то прощайте, ступайте своей дорогой. До встречи завтра на заре!

И говоривший сделал движение, собираясь захлопнуть окошечко. Волчица остановила его твердой рукой.

— Еще минуту, — сказала она.

— Да что вам надо? — воскликнул голос с досадой. — Торопитесь, я не собираюсь разговаривать с вами тут всю ночь.

— Я хочу только задать вам один вопрос и попросить об услуге.

— Ого! — продолжал голос. — Как вы шустры! Разве это совсем немного? Ну ладно, говорите, однако я ничего не обещаю.

— В форте ли теперь майор Мелвилл?

— Быть может.

— Ответьте, да или нет.

— Ну, да, дальше-то что?

Волчица глубоко перевела дух, сорвала с безымянного пальца правой руки перстень и подала его вокошечко своему неизвестному собеседнику, говоря:

— Отнесите этот перстень майору; я подожду здесь ответа.

— Гм! Берегитесь! Комендант не любит, чтобы его беспокоили по пустякам.

— Делайте, что я вам говорю, я отвечаю за все.

— Плохое ручательство, — пробормотал голос из-за окошечка, — однако попробую рискнуть... Ждите тут.

Окошечко затворилось.

Волчица села на край рва и, опустив голову, закрыла руками лицо.

Уже совсем стемнело; вдали на равнине блистали, как маяки во мраке, костры, разведенные индейцами; вечерний ветер глухо гудел в волнующихся вершинах деревьев; временами рев диких зверей примешивался к звонкому хохоту краснокожих. Ни одной звезды не мерцало на небе, черном, как чернила; река глухо шумела в темноте; природа точно облеклась в саван — словом, все предвещало грозу.

Волчица ожидала неподвижная, как те гранитные сфинксы, которые целые тысячелетия бесстрастно стерегут вход в египетские храмы.

Прошло четверть часа. Наконец раздался стук отодвигаемых железных запоров, и ворота приоткрылись.

Волчица вскочила, словно распрямившаяся пружина.

— Входите, — сказал голос.

Она вошла.

Ворота были немедленно затворены за ней и заперты на запор.

Охранник, тот самый, с которым она говорила в окошечко, стоял перед ней с факелом в руке.

— Ступайте за мной, — обратился он к ней.

Она наклонила голову, не отвечая, и пошла вслед за провожатым.

Тот прошел через весь двор и, обернувшись к Волчице, сказал:

— Сюда; майор ожидает вас.

— Постучите, — ответила она.

— Нет, стучите сами, я вам больше не нужен. Я должен возвращаться на пост.

И, слегка поклонившись, он ушел, унося с собой факел.

Волчица осталась одна в кромешной темноте.

Она провела рукой по влажному лбу и сделала над собой неимоверное усилие.

— Так надо! — пробормотала она глухим голосом.

Она постучала в дверь.

-- Войдите! — ответили ей изнутри.

Она взялась за ручку, нажала на нее, дверь отворилась, и она оказалась лицом к лицу с пожилым человеком в военной форме, сидевшим у стола, на который он облакачивался, глядя на нее пристальным взором.

Этот человек сидел таким образом, что мог очень ясно видеть входившую, тогда как она, напротив, не могла рассмотреть его лица, скрытого в тени.

Волчица прошла несколько шагов по комнате, вооружаясь решимостью.

— Благодарю, что вы приняли меня, — сказала она, — я опасалась, что вы совсем утратили воспоминание обо мне.

— Если это укор, то я не совсем вас понимаю, — медленно возразил военный. — Вы обяжете меня, объяснившись точнее.

-- Разве вы не майор Мелвилл?

— Это действительно мое имя.

— То, что меня впустили в форт, доказывает, что вы узнали перстень, который я просила вам передать.

— Я узнал его, он напомнил мне о дорогом для меня существе, — сказал майор, подавив вздох. — Но как этот перстень попал в ваши руки?

С минуту Волчица грустно глядела на него, затем подошла ближе, взяла его руку, которую пожала с нежностью, и ответила со слезами в голосе:

— Гарри! Видно, страдания настолько изменили меня, что даже мой голос ничего тебе не напоминает!..

При этих словах военный побледнел как смерть; он вздрогнул, стремительно вскочил с места и, схватив в свою очередь обе руки женщины, впери в нее пытливый взор.

— Маргарет, Маргарет, сестра! — вскричал он вне себя. — Разве мертвые выходят из могилы?! Разве я вижу тебя?!

— Ах! — воскликнула она с невыразимой радостью и упала в его объятия. — Я знала, что ты меня не забыл!

Но потрясение было слишком сильным, чтобы бедная женщина, силы которой были подточены скорбью, могла его вынести. Привыкнув к страданиям, она не устояла против радости и упала без чувств на руки брата.

Майор подхватил ее и положил на диван, стоявший у стены. Он не стал звать никого на помощь и сам сделал все, чего требовало ее состояние.

Несчастная долго оставалась без чувств, в страшном нервном припадке; наконец она стала приходить в себя, открыла глаза и после нескольких бессвязных слов залилась слезами.

Брат не отходил от нее и следил озабоченным взглядом за тем, как она возвращается к жизни. Увидев, что кризис миновал, он взял стул, сел возле сестры и ласковыми убеждениями старался внушить ей если не надежду — так как не знал, что она выстрадала, — то по крайней мере бодрость.

Наконец бедная женщина подняла голову, решительно отерла впалые глаза, покрасневшие от слез, и обратилась к брату, который следил за каждым ее движением.

— Брат, — сказала она глухим голосом, — вот уже шестнадцать лет, как я выношу лютую пытку ежечасно, ежеминутно.

При этом ужасном признании майор содрогнулся.

— Бедная сестра! — прошептал он. — Что я могу сделать для тебя?

— Все, если захочешь.

— О! — воскликнул он с чувством и ударил кулаком по деревянному подлокотнику дивана. — Разве ты сомневалась во мне, Маргарет?

— Нет, раз пришла, — ответила она, улыбаясь сквозь слезы.

— Ты хочешь отомстить, не так ли? — продолжал он.

— Хочу.

— Кто твои враги?

— Краснокожие.

— Ага! Тем лучше, — заметил он с горькой усмешкой, — мне также надо свести счеты с этими дьяволами. К какому племени принадлежат твои враги?

— Это черноногие, племя кайнахов.

— О! — сказал он. — Мои старые знакомые — Кровавые индейцы! Давно я собирался заняться ими.

— Теперь у тебя будет предлог, Гарри, — ответила она с жаром, — и не думай, что его создала одна только ненависть. Нет-нет, я открою тебе страшный заговор против белых, в котором участвуют все местные племена индейцев; в скором времени ты обнаружил бы его сам.

— Да! — задумчиво сказал майор. — Не знаю отчего, но кое-что я уже подозревал в последнее время. Видно, предчувствие не обманывало меня. Говори, сестра, говори скорее, ради Бога! Ты пришла ко мне, чтобы насытиться местью ненавистным тебе красным дьяволам? Клянусь, я отомщу им так, что по прошествии ста лет их правнуки будут содрогаться от ужаса при воспоминании об этом.

— Благодарю, брат, и полагаюсь на твои слова, — ответила она. — Слушай меня теперь.

— Еще один вопрос, — перебил майор.

— Спрашивай.

— Имеет ли связь с заговором, который ты хочешь открыть мне, рассказ о твоих страданиях?

— Да, тесную связь.

— Если так, то расскажи мне все, что с тобой случилось после нашей разлуки. Теперь только десять часов, вся ночь у нас впереди.

— Ты этого хочешь?

— Разумеется! Исходя из твоего рассказа, я буду знать, как мне поступить с индейцами.

— Слушай же меня, брат, и будь ко мне снисходителен — я много страдала, как ты сам увидишь.

Майор молча пожал ей руку. Он взял стул и сел возле нее, но прежде запер дверь на задвижку, чтобы никто не смог помешать им.

— Говори, Маргарет, — сказал он, — расскажи мне все; я хочу знать подробно о всех муках, что ты вынесла за долгие годы нашей разлуки.

Исповедь матери

е сумею сказать почему, но есть минуты в жизни, когда — под действием ли внешних предметов или от состояния собственной души — нами вдруг овладевает безотчетная грусть, точно мы вдыхаем ее вместе с воздухом.

Брат и сестра, наедине, в маленькой комнатке, освещенной коптящей лампой, бессознательно подвергались этому тайному влиянию.

На дворе дождь стучал в окна, ветер завывал, врываясь в щели неплотно прикрытых рам и заставляя колебаться пламя лампы, время от времени снаружи раздавался неопределенный гул и терялся вдали, подобно вздоху.

Сторожевые собаки перекликались отрывистым лаем, который, словно мрачное эхо, подхватывали собаки краснокожих в прерии.

Все располагало к задумчивости и грусти.

После довольно продолжительного молчания Волчица, или Маргарет Мелвилл, если читатель предпочитает это имя незнакомки, так как оно теперь известно, заговорила наконец тихим, дрожащим голосом, вполне соответствовавшим состоянию природы.

В это время за окном уже разразилась одна из тех страшных гроз, которые представляют собой обычное явление в тех странах, но — благодарение Богу! — неизвестны у нас.

— Семнадцать лет назад, — начала она, — помнишь, Гарри, тебя только что произвели в прапорщики — ты был молод и восторжен, будущее представлялось тебе в самых ярких красках. Однажды вечером, в такую же грозу, ты приехал на нашу ферму, где мы жили с мужем, чтобы объявить о своем новом назначении и дружески проститься с нами на короткий срок, как ты полагал и — увы! — как надеялись мы. На другое утро, не слушая наших убеждений, ты обнял моих детей, пожал руку моему бедному мужу, который так любил тебя, и, поцеловав меня в последний раз, вскочил на лошадь и умчался во весь опор, исчезнув в облаке пыли. Боже! Кто бы мог сказать тогда, что нам суждено увидиться только после семнадцати лет разлуки на индейской земле и при таких страшных обстоятельствах? Видно, так было угодно Богу, да будет его святая воля!

— Представь, как болезненно сжалось мое сердце, — ответил майор, — когда по прошествии полугода, примчавшись к вам с такой радостью, я вдруг увидел, что незнакомый человек отворяет мне дверь вашего дома. На все мои расспросы он ответил только, что три месяца назад вы отправились на запад, намереваясь устроить новую плантацию на индейской границе. Напрасно я расспрашивал одного за другим всех ваших соседей, они забыли про вас, никто не мог — или не хотел, быть может — сообщить мне хотя бы малейшее сведение, и я был вынужден уехать обратно с тоской в душе по той же самой дороге, по которой всего несколько дней назад мчался, полный радостных ожиданий. С той поры, несмотря на все мои усилия, на все попытки, я ничего не мог узнать о вашей судьбе и снять покров тайны с тех ужасных событий, жертвами которых вы, вероятно, стали во время пути.

— Ты ошибаешься только наполовину, брат, при этом предположении, — продолжала она. — Два месяца спустя после твоего посещения мой муж, который давно хотел бросить нашу ферму, потому что земля становилась никуда не годной, как говорил он, и не возмещала затраченный на нее труд, поссорился довольно серьезно с одним из соседей по поводу межи на поле, которую, как он думал — или, лучше сказать, прикидывался, будто думал — сосед специально провел дальше, чем следовало. Этот спор легко было уладить, но муж искал предлога, чтобы уехать; предлог был найден, и он твердо вознамерился не упускать его. Сколько ему ни предлагали помириться, он ничего не хотел слушать. Втайне он подготовился к отъезду и однажды объявил, что мы отправляемся на следующий день. А когда мой муж, бывало, вбивал себе что-то в голову, оставалось только повиноваться; он никогда не отменял своего решения. В назначенное утро на заре мы покинули ферму. В первый день соседи провожали нас, но когда настал вечер, они горячо пожелали нам успеха в нашем предприятии, простились с нами и оставили нас одних. Со стесненным сердцем и невыразимой грустью в душе я рассталась навек с тем домом, где вышла замуж, где родились мои дети, где прошло столько лет безоблачного счастья. Напрасно муж утешал и ободрял меня, ничто не могло изгладить из моего сердца нежные и святыя воспоминания, которые я с любовью хранила в нем. Чем дальше мы уходили в прерии, тем сильнее становилась

моя грусть. Мой муж, напротив, видел все в розовом цвете, будущее принадлежало ему, наконец-то он мог действовать свободно, по собственному произволу; он делился со мной своими планами, старался заинтересовать меня ими и предлагал все усилия, хотя и тщетно, чтобы рассеять мои мрачные мысли. Между тем мы не останавливались ни на один день и уходили все дальше от последнего поселения соотечественников. Напрасно я доказывала мужу опасность нашего положения вдали от всякой помощи и в совершенном одиночестве. Он только смеялся над моими страхами и повторял, что индейцы далеко не такие страшные, какими их представляют, что нам нечего опасаться — вряд ли они когда-нибудь осмелятся напасть на нас. Мой муж был так убежден в этом, что пренебрегал самыми обычными мерами предосторожности на случай неожиданного нападения и каждое утро, когда мы выступали в дальнейший путь, говорил мне с насмешливым видом: «Видишь, Маргарет, что ты безумствуешь? Будь же, наконец, рассудительна, индейцы побоятся трогать нас»... Однажды ночью краснокожие прокрались в наш лагерь и застали всех спящими. С мужа они содрали кожу живьем, пока у его ног на медленном огне жгли его детей...

Бедная женщина едва говорила, голос с трудом выходил из ее стесненной груди; при последних словах ее волнение усилилось до того, что она была не в состоянии продолжать.

— Мужайся, — сказал ей майор, не менее взволнованный, но лучше владеющий собой.

Она собралась с силами и продолжала глухим прерывающимся голосом:

— По утонченной жестокости, все варварство которой было сначала для меня непонятно, эти язычники пощадили мою малютку-девочку. При виде пыток мужа и детей, при которых меня заставили присутствовать, у меня точно надорвалось сердце, я думала, что умру. Я страшно вскрикнула, упала навзничь и потеряла сознание. Не знаю, сколько времени я оставалась в этом положении. Когда я пришла в себя, то увидела, что нахожусь одна — индейцы, вероятно, считали меня мертвой и поэтому бросили. Я поднялась на ноги и бессознательно, как бы движимая силой свыше, пошла назад, шатаясь и падая на каждом шагу, к тому месту, где произошла кровавая трагедия. Мой путь длился целых три часа. Каким образом я очутилась в такой дали от лагеря, я

объяснить не могу. Наконец я добралась до него... Страшное зрелище представилось моему взору, и я упала без чувств на изуродованные, полусожженные трупы моих детей... Что еще я могу сказать тебе, брат? Отчаяние придало мне силы. Я вырыла могилу и, полумертвая от горя, предала земле мужа и детей — все, что любила на этой земле. Исполнив этот священный долг, я решила умереть там, где погибли дорогие мне существа. Но бывают мгновения в долгие ночные часы, когда во мраке мертвые говорят с живыми и приказывают им мстить за себя. Этот грозный голос я слышала во время одной страшной ночи, когда разъяренная стихия точно угрожала природе окончательным разрушением. С этой минуты я вооружилась мужеством и приняла решение жить для мести; с этой минуты я твердо и неотступно шла по избранной мною стезе. Я сделалась ужасом прерий, индейцы боятся меня как своего злого гения, они питают ко мне непреодолимый, суеверный страх, они даже называли меня Живой Степной Волчицей, потому что каждый раз, когда им угрожает катастрофа и страшная опасность нависает над их головами, появляюсь я. Вот уже семнадцать лет как я выжидая минуту мести, никогда не уставая, никогда не унывая, в уверенности, что настанет день, когда я стану коленом на грудь врага и подвергну его тем же адским пыткам, на которые он осудил меня.

На лице этой женщины отразилась такая жестокость, когда она произносила эти слова, что майор, при всей своей храбрости, почувствовал невольный трепет.

— А врагов своих ты знаешь? — спросил он спустя минуту. — Их имена тебе известны?

— Всех знаю, — ответила она хриплым голосом, — все имена наперечет.

— И они готовятся нарушить мир?

Маргарет зло усмехнулась.

— Нет, брат, они не будут нарушать мира, они просто нападут на тебя врасплох; они заключили между собой грозный союз, которому, по их мнению, ты противостоять не сможешь.

— Сестра, — вскричал майор, — назови мне подлых изменников, и клянусь тебе: будь они даже скрыты в глубине ада, я отыщу их и там, чтобы наказать. Мое наказание будет ужасным!

— Пока что я не могу назвать их, брат, но не беспокойся — вскоре ты узнаешь, кто они, и тебе не понадобится отыскивать их так далеко, я берусь привести их под выстрелы твоих солдат и охотников.

— Берегись, сестра, — сказал майор, покачав головой, — ненависть — плохая советчица в подобных делах; кто хочет захватить слишком много, тот часто рискует выпустить из рук все.

— О! — возразила она. — Свои меры я приняла уже давно. Они в моей власти, я могу захватить их, когда хочу — или, лучше сказать, когда придет час.

— Поступай же как знаешь, сестра, и рассчитывай на мое преданное содействие; эта месть близко касается и меня, я не упущу удобного случая.

— Благодарю.

— Прости меня, — продолжал майор после нескольких минут глубокого раздумья, — прости, если я вернусь к тягостным событиям, но ты, кажется, забыла упомянуть об одном важном обстоятельстве.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, брат.

— Сейчас объясню тебе; ты сказала, если мне не изменяет память, что твоя малютка-дочь не подверглась жестокой участи братьев и была спасена индейцем?

— Да, я говорила это, брат, — ответила она дрожащим голосом.

— Куда же девался этот несчастный ребенок? Жива ли она? Имеешь ли ты сведения о ней? Видела ты ее?

— Она жива, я ее видела.

— О!

— Да, человек, который ее спас, вырастил ее и даже взял в приемные дочери, — ответила Маргарет со злой усмешкой. — Знаешь ли ты, что он хочет сделать с дочерью того человека, палачом которого он был — ведь именно он, он один, привязав моего мужа к дереву, велел содрать с него кожу живьем у меня на глазах? Знаешь ли ты, что он хочет сделать с ней, брат?

— Говори, ради самого Бога!

— То, что я вынуждена сказать, так ужасно, так возмутительно, что у меня язык не поворачивается произнести это.

— Боже! — вскричал майор, невольно отступая перед сверкающим взглядом сестры.

— Так вот! — вскричала она с ужасным хохотом. — Моя дочь выросла, ребенок превратился в очаровательную девушку, и теперь этот человек, этот палач, этот демон, почувствовавший, что его лютое сердце ягуара смягчилось при виде ангела, полюбил ее безумной любовью и хочет взять себе в жены!

— Боже, какой ужас! — воскликнул майор.

— Чудовищно, не правда ли? — продолжала она, не в силах справиться с душившим ее судорожным, нервным смехом, который тяжело было слышать. — Он простил дочь своей жертвы! Да, он великодушен, он забыл о той лютой пытке, которой подверг отца, и теперь жаждет руки дочери.

— Да ведь это чудовищно, сестра! Такая гнусность и такой цинизм невозможны даже у индейцев!

— Неужели ты думаешь, что я обманываю тебя?

— Подобной мысли мне в голову не приходило, сестра. Этот человек — просто чудовище.

— Да, да, чудовище!

— Но ты видела свою дочь? Говорила с ней?

— И что же?

— Ты, вероятно, предостерегла ее от такой чудовищной любви?

— Я? — посмеиваясь, возразила Волчица. — Слова не молвила!

— Как?! — изумился майор.

— По какому праву заговорила бы я с ней об этом?

— Как, по какому праву? Разве ты ей не мать?

— Она этого не знает.

— О!

— И что случилось бы тогда с моей мстью? — продолжала она холодно.

Эти слова, в которых выразился весь характер женщины, находившейся перед ним, поразили ужасом сердце старого солдата.

— Несчастная! — вскричал он.

Презрительная улыбка появилась на губах Волчицы.

— Да, вот каковы все вы, горожане! Ваши души обмельчали от цивилизации! Вы сдерживаете свои чувства. Вас пугает величие ненависти со всеми ее порывами ярости, ее крайностями. Вы допускаете лишь месть в рамках закона!.. Брат, кто хочет достичь цели, тот средствами не брезгует. Мне нет дела, если на пути к моей цели я спотыкаюсь о

развалины или вязну ногами в крови. Я иду вперед с роковой стремительностью потока, который опрокидывает и сметает все преграды. Моя цель — месть! Кровь за кровь, око за око — вот закон прерий, который я усвоила, и я добьюсь этой мести, хотя бы для этого... Но, — прибавила она, внезапно остановившись, — к чему эти слова? Успокойся, брат, моя дочь надежнее ограждена собственным чувством, чем всеми советами, какие я могла бы ей дать: она не любит этого человека, я знаю; она сказала мне, что никогда не сможет его полюбить.

— Благодарение Богу! — вскричал майор.

— Я желаю одного, — продолжала она грустно, — после того, как отомщу, отыскать свою дочь, обнять ее, покрыть поцелуями и наконец сказать, что я — ее мать!

Майор тихо покачал головой.

— Берегись, сестра, — возразил он строго, — Господь сказал, что месть в Его власти. Берегись, чтобы после того, как ты решишь стать орудием провидения и действовать за него, тебя не постигла жестокая кара в твоих самых дорогих привязанностях.

— О, не говори так, брат! — вскричала она, вздрогнув от ужаса. — Ты сведешь меня с ума!

Майор молча опустил голову.

В продолжение нескольких минут брат и сестра стояли друг против друга, не говоря ни слова.

Оба размышляли. Волчица первая прервала молчание.

— Теперь, брат, — сказала она, — оставим на время, если ты не возражаешь, эту грустную тему разговора и займемся тем, что касается тебя, то есть обширным заговором индейцев.

— Признаться, сестра, — ответил майор и глубоко перевел дух, — я буду очень рад; у меня голова не на месте от всего, что я услышал. Еще немного — и я, ей-Богу, сойду с ума. Я до того взволнован, что за несколько часов едва буду в состоянии привести в порядок свои мысли.

— Спасибо тебе.

— Ночь на исходе, сестра. Нельзя терять ни минуты; я слушаю тебя.

— Велик ли гарнизон форта?

— В полном составе.

— Сколько же это составляет человек?

— Около семидесяти, не считая пятнадцати охотников, которые сейчас находятся вне форта, но немедленно будут призваны назад.

— Очень хорошо. Нужен ли тебе весь гарнизон для защиты форта?

— Смотря по обстоятельствам. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что хочу попросить у тебя человек двадцать.

— Гм! Для какой цели?

— Сейчас узнаешь. Ты здесь один и не можешь надеяться на помощь ни с какой стороны. Само собой, индейцы, пока будут осаждать форт, не допустят, чтобы у тебя сохранилось сообщение с фортами Кларк, Юнион и другими, разбросанными по течению Миссури.

— Да, я и сам боюсь этого, но что же делать?

— Слушай. Вероятно, тебе говорили, что на днях один американский скваттер поселился в трех-четыре милиях за фортом.

— Да, говорили. Какой-то Джон Брайт, если не ошибаюсь.

— Вот именно. Плантация этого человека сможет послужить тебе передовым постом, не правда ли?

— Разумеется.

— Воспользуйся временем, которое еще остается, чтобы под предлогом охоты за бизонами вывести из форта человек двадцать и скрыть их у Джона Брайта. Когда настанет минута действовать, они нападут на неприятеля с тыла. Краснокожие, оказавшись между двух огней, вообразят, будто к тебе идет подкрепление из других фортов.

— Но это же отличная мысль! — вскричал майор.

— Только выбери людей понадежнее, на которых можно положиться.

— Все люди преданы мне; ты увидишь их в деле.

— Тем лучше. Стало быть, это дело решено?

— Решено.

— А теперь, так как никто не должен подозревать о наших отношениях, иначе нам нельзя рассчитывать на успех, я попрошу тебя велеть открыть мне ворота.

— Так скоро! В такую страшную погоду!

— Это необходимо, брат, меня ждут срочные дела.

— Ты настаиваешь на этом?

— Прошу для нашей общей пользы.

— Так идем, сестра, и не сетуй на меня, что я тебя отпускаю.

Через десять минут, не обращая внимания на грозу, которая свирепствовала с прежней яростью, Волчица уже сидела в пироге и сильными ударами весла направляла суденышко прочь от форта Макензи.

ГЛАВА XIX

Охота

Когда Серый Медведь вошел в хижину, где поселились белые, под предлогом предупредить их, чтобы они готовились к охоте, его зоркий глаз вмиг исследовал все уголки, самые отдаленные и темные.

Индийский вождь со свойственной ему хитростью не мог не заметить некоторого смущения графа, но он понял, что обнаруживать подозрения было бы ошибкой с его стороны; итак, он не подал виду, что замечает стеснение, которое причинил своим присутствием, и продолжал разговор с той изысканной вежливостью, которой отличаются краснокожие, когда хотят дать себе такой труд.

Со своей стороны, граф и Меткая Пуля почти мгновенно взяли себя в руки.

— Я не надеялся найти моих бледнолицых братьев уже вставшими, — заметил индеец с улыбкой.

— Почему? — возразил граф. — Жизнь в прериях приучает мало спать.

— Итак, бледнолицые будут охотиться со своими краснокожими друзьями?

— Разумеется, если вы не имеете ничего против этого.

— Разве не я предложил Стеклянному Глазу устроить для него великолепную охоту?

— Справедливо, — ответил молодой человек, смеясь, — но берегитесь, вождь, я стал чертовски разборчив с тех пор, как нахожусь в прериях. Едва ли найдется такая дичь, за которой бы я не охотился, так как именно страсть к охоте привела меня в эти неведомые края. Предупреждаю вас, мне нужна какая-нибудь особенная дичь.

Серый Медведь гордо улыбнулся.

— Мой брат останется доволен, — сказал он.

— За каким же зверем мы будем гоняться? — спросил граф в изумлении.

— За страусом.

Граф изумился еще сильнее.

— Как, за страусом?! — вскричал он. — Но ведь это невозможно, вождь!

— Почему невозможно?

— Господи! Да потому, что здесь страусов нет.

— Страус действительно исчезает в этих краях; он бежит прочь от белых и встречается все реже с каждым днем, но в наших прериях страусов еще много, и брат мой убедится в этом через несколько часов.

— Очень хотелось бы.

— Хорошо, вскоре я зайду за вами.

Вождь вежливо поклонился и ушел, окинув хижину прощальным взглядом.

Едва за ним упала входная занавеска, как ворох мехов, скрывавший девушку, пришел в движение; выбравшись наружу, Цвет Лианы бросилась к графу.

— Слушай, — сказала она, взяв его за руку и нежно пожимая ее, — сейчас я ничего не могу объяснить, у меня нет времени, помни только одно: у тебя есть друг, Цвет Лианы будет охранять тебя.

И, прежде чем граф успел прийти в себя или ответить ей, или даже подумать о том, чтобы удержать ее, она убежала с легкостью газели.

Молодой человек рассеянно провел полбу рукой, не отрывая глаз от занавески, за которой скрылась индианка.

— Ах! — прошептал он наконец. — Неужели я напал на настоящую женщину?

— Это ангел! — сказал охотник, отвечая на его мысль. — Бедное дитя, она много выстрадала.

— Но теперь я здесь и заступлюсь за нее! — вскричал граф с восторгом.

— Сперва надо самим выкарабкаться из западни, граф, да постараться выйти целыми и невредимыми — дело будет нешуточное, могу вас уверить.

— Что вы хотите сказать, любезный друг?

— Довольно того, что я знаю, — возразил старый охотник, покачивая головой. — Теперь надо подумать о приготовлениях к охоте; наши краснокожие друзья не замедлят явиться, —

прибавил он с насмешливой улыбкой, которая внушила графу некоторое беспокойство.

Но впечатление, произведенное двусмысленными словами канадца, вскоре изгладилось горячим чувством любви, внезапно овладевшим сердцем молодого человека; он думал об одном — как бы скорее увидеть ту, которую уже любил всеми силами души.

У такого человека, как де Болье, наделенного пламенным сердцем, всякое чувство неминуемо должно было доходить до крайних пределов. Так случилось и на этот раз.

Не знаю, кто первый сказал, что любовь — временное помешательство. Такое определение чувства, которое принято называть одним из благороднейших в человеке, пожалуй, несколько грубо, но чрезвычайно метко.

Нельзя приказать себе любить, как нельзя и уклониться от любви; не знаешь, когда и откуда она является, точно так же как не знаешь, когда и почему она исчезает. Проникнув в сердце мужчины, она господствует в нем, безоговорочно подчиняя своему железному игу самые сильные характеры и заставляя их, смотря по обстоятельствам, совершать чудовищные низости или геройские подвиги.

Любовь рождается от слова, движения, взгляда; едва появившись на свет, она может вырасти в большое, великое чувство.

Графу было суждено испытать это на себе.

Едва прошло полчаса после ухода Серого Медведя, как снаружи раздался конский топот, и кучка всадников остановилась у входа.

Граф, Меткая Пуля и Ивон вышли из хижины.

Серый Медведь ждал их во главе шестидесяти отборных воинов в полном боевом наряде и вооружении.

— Едем, — сказал он.

— Когда угодно, — ответил граф.

Вождь сделал знак.

Три великолепные лошади, покрытые богатой сбруей в индейском вкусе, были мгновенно подведены путешественникам. Они вскочили в седло, и отряд помчался по направлению к прериям.

Было около шести часов утра. Ночная гроза очистила небо, которое теперь имело матово-голубой цвет; солнце уже появилось из-за горизонта и проливало потоки теплых лучей, насыщенных душистыми и едкими испарениями зем-

ли; воздух был удивительно прозрачен; легкий ветерок навевал свежесть, и стаи птиц всевозможных цветов и оттенков перелетали с места на место, издавая веселые крики.

Отряд всадников бодро мчался в высокой траве, поднимая вокруг облака пыли, извиваясь, словно длинная змея, по бесчисленным изгибам дороги.

Место, назначенное для охоты, находилось в десяти минутах езды от селения.

В прерии все равнины одинаковы; везде растет высокая трава, способная скрыть в себе всадника вместе с лошадью, кое-где — мелкий кустарник, а местами — высокоствольный лес, где величественные кроны деревьев достигают громадной высоты.

Такова была дорога к месту, где находились птицы, за которыми предстояла охота.

В те времена, к которым относится наш рассказ, страусы еще водились в достаточно большом количестве на лугах Арканзаса и в верховьях Миссури; охота за ними была одним из любимых развлечений краснокожих и охотников.

Вероятно, постепенное вторжение белых в эти места и громадные расчистки земель с помощью топора и огня вынудили страусов уйти в неприступные края Скалистых гор или песков Дальнего Запада.

Здесь мы скажем, без всякого притязания на ученость, несколько слов об этом странном животном, которое мало известно в Европе.

Страусы обычно живут малыми семьями по восемь-десять особей, разбросанными по окраинам болот или по берегам озера или рек; питаются они свежей травой.

Верные родной почве, они не удаляются от соседства с водой и в ноябре кладут свои яйца в самых диких и пустынных местах, имея в кладке, как правило, от пятидесяти до шестидесяти яиц. Высиживают яйца эти птицы только ночью, самцы и самки поочередно. Когда приходит пора детенышу вылупиться из яйца, страус разбивает носом скорлупу, которую немедленно облепляют мошки и разные другие насекомые, служащие пищей молодому выводку.

Страус западных прерий мало отличается от нанду в пампасах Патагонии и от африканского страуса.

Он имеет около пяти футов в высоту и около четырех с половиной в длину — от груди до кончика хвоста; его клюв очень острый и длинный — пяти с лишним дюймов.

Отличительная черта страуса — его необычайное любопытство.

В индейских селениях, где страусы живут как домашние животные, они часто подбираются к людям, беседующим между собой, и подолгу всматриваются в них пристальным взглядом.

В прериях такое любопытство часто ведет к их гибели, так как они тотчас бегут посмотреть на все, что кажется им странным.

Вот какой по этому поводу есть индейский рассказ, за достоверность которого мы не ручаемся.

Ягуары — большие охотники до мяса страусов. На их беду, как они ни прытки, а страуса догнать не в состоянии. Но ягуар хитрое животное — чего не возьмет силой, то доставит себе уловкой.

Вот хитрость, к которой прибегает ягуар в подобном случае: он ложится на землю, как мертвый, приподнимает хвост и быстро размахивает им во все стороны. Привлеченные зрелищем неизвестного им предмета, страусы простодушно подходят ближе; остальное угадать легко — птицы становятся добычей коварных обманщиков.

После довольно быстрой скачки в продолжение трех часов охотники прибыли на обширную, обнаженную песчаную равнину. Во время пути Серый Медведь и его белые гости едва обменялись несколькими словами; молодой вождь почти все время ехал впереди, тихо разговаривая с Белым Бизоном.

Возле ручья охотники спешили и пересели на свежих лошадей, которых вождь позаботился доставить сюда ночью, и теперь они успели отдохнуть, так что могли проделать длинный путь.

Серый Медведь разделил охотников на два равных отряда, сам стал во главе одного, а графу вежливо предложил возглавить другой.

Однако молодой француз, никогда еще не присутствовавший на подобной охоте, не имел понятия, каким образом она должна происходить, и потому отказался от чести, поблагодарив вождя за его любезное предложение.

Серый Медведь подумал с минуту и обратился к Меткой Пуле.

— Мой брат знает страусов? — спросил он его.

— Еще бы! — ответил канадец, улыбаясь. — Серого Медведя еще не было на свете, когда я уже охотился за страусами в прериях.

— Хорошо, — продолжал вождь, — тогда мой брат пойдет во главе второго отряда.

— С удовольствием принимаю ваше предложение, — ответил охотник, поклонившись.

После первых распоряжений началась охота.

По данному сигналу первый отряд, возглавляемый Серым Медведем, помчался в степь, описывая полукруг таким образом, чтобы погнать дичь к расположенному впереди оврагу.

Другой отряд, с Меткой Пулей во главе, рядом с которым находились граф и его слуга, выстроился в дугу, образовавшую другую половину круга.

При движении всадников этот круг постепенно сужался, когда впереди внезапно показалось с десятков страусов; самец, стоявший на карауле, пронзительным, точно боцманским, свистом предостерег свою семью об опасности.

В то же мгновение страусы пустились бежать без оглядки.

Охотники помчались за ними.

Равнина, до тех пор безмолвная и мертвая, вдругожила и теперь представляла собой самое странное зрелище.

Лошади неслись за несчастными птицами во всю свою прыть, поднимая за собой волны серой пыли.

Пришпоривая взмыленных лошадей, индейцы неслись на расстоянии двенадцати или пятнадцати шагов позади страусов; наклонившись вперед, они размахивали над головой своими страшными палицами и с размаху метали их в животных.

В случае промаха они нагибались до самой земли, не останавливая стремительной скачки, поднимали оружие и метали его снова.

В это время подняли еще несколько семейств страусов.

Охота приняла невиданный размах.

Крики и восклицания торжества переросли в оглушительный шум.

Палицы со свистом разрезали воздух, ударяя по шее, крыльям и ногам растерявшихся страусов. Обезумев от страха, животные пытались прибегать к разным хитростям, то и дело бросаясь из стороны в сторону, чтобы уйти от неумоли-

мых преследователей, и ударами крыльев силились отбиться от лошадей.

Несколько лошадей взвились на дыбы и, потеряв равновесие среди теснившихся вокруг них страусов, упали и увлекли в своем падении всадников.

Птицы воспользовались суматохой и пустились бежать, не подозревая об опасности, прямо в ту сторону, где их ждали другие охотники, встретившие их градом палиц.

Сбив птицу с ног, охотник сходил с лошади, добивал жертву, отрезал у нее крылья в знак торжества и опять принимался за гонку с еще большим пылом.

Страусы и охотники неслись, как *кордонасо*, этот страшный ураган мексиканских степей.

На равнине уже лежало около сорока страусов.

Серый Медведь окинул взором поле битвы и дал знак возвращаться.

Птицы, сумевшие спастись от этого ужасного нападения, сломя голову умчались на поиски верного убежища.

Убитые страусы были тщательно подобраны, так как мясо их очень вкусно, особенно грудинка, из которой индейцы готовят блюдо, славящееся своим изысканным и нежным вкусом.

Затем воины отправились отыскивать яйца, также очень ценный продукт, и собрали их большое количество.

Хотя охота длилась всего два часа, лошади были все в мыле и тяжело дышали; необходимо было дать им как следует отдохнуть, прежде чем возвращаться в селение.

Серый Медведь велел разбить лагерь.

Граф де Болье никогда не видел ничего подобного, никогда ему не доводилось присутствовать на такой странной охоте, хотя, разъезжая по равнинам, он ежедневно гонялся за различными животными, населявшими прерию. Разумеется, он увлекся этой охотой со всем пылом молодости, во весь опор мчался за страусами, и попадая в них, испытывал детскую радость.

Когда вождь дал сигнал к возвращению, граф с трудом оторвался от увлекательной забавы и неторопливым шагом вернулся к своим товарищам.

Вдруг индейцы громко вскрикнули и бросились к оружию.

Граф оглянулся в изумлении, и легкая дрожь пробежала по его телу.

Охота за страусами кончилась, но теперь начиналась другая, гораздо опаснее, как это часто бывает в тех краях.

Это была львиная охота.

Неожиданно появились два кугуара¹.

Граф мгновенно овладел собой, взвел курок карабина и приготовился вступить в бой с этим новым противником.

Серый Медведь также увидел диких зверей.

Знаком он приказал десяти воинам окружить Цвет Лианы, которую заставил ехать с ними — или, вернее, которая непременно хотела сопровождать их; потом, удостоверившись, что девушка в безопасности, по крайней мере на первый случай, он обернулся к стоявшему возле него воину и скомандовал:

— Спустить собак!

Отвязали штук двенадцать громадных собак, которые дружно выли при виде диких зверей.

Индейцы привыкли к тому, что охота за страусами может быть прервана подобными случайностями, поэтому всегда, отправляясь на свое любимое увеселение, они берут с собой собак, выдрессированных идти на льва.

В двухстах метрах от места, где расположились индейцы, два кугуара стояли настороже, устремив глаза на краснокожих.

Эти звери, очевидно еще молодые, были величиной с небольшого теленка, головы их походили на кошачьи, и мягкая, гладкая шерсть имела серебристо-серый цвет с черными крапинами.

— Вперед! — вскричал Серый Медведь.

— Вперед! — отозвались охотники.

Всадники и собаки со всех ног ринулись на львов с ревом, криками и лаем, от которых звери пришли в ужас.

Неподвижные и изумленные, ударяя себя по бокам сильным хвостом и глубоко вдыхая воздух, с минуту они точно окаменели, но вдруг повернулись и бросились бежать огромными прыжками.

Часть охотников помчалась следом за ними, чтобы отрезать отступление, тогда как другие, согнувшись в седле и управляя лошадей коленями, пускали в них стрелы или стреляли из винтовок. Однако они не могли остановить взбе-

---

¹ Felis discolor Линнея, или американский лев. — *Примеч. перев.*

шенных зверей. Кугуары то и дело оборачивались к собакам и вскидывали их на воздух, так что те с жалобным воем падали на землю. Тем не менее собаки, давно освоенные с этой охотой, снова поджидали удобного случая, чтобы вскочить кугуарам на спину и вонзить в них свои острые зубы, а те убийственным ударом лапы, вооруженной когтями, смахивали их, словно мух, и стремительно неслись дальше.

Один кугуар, раненный несколькими стрелами и окруженный собаками, упал со страшным ревом, взрыв песок судорожным движением когтей.

Канадец добил его, всадив пулю ему в глаз.

Но оставался второй кугуар, еще целый и невредимый, ловкие прыжки которого ставили охотников в тупик.

Утомленные собаки уже не смели подходить к нему близко.

Кугуар забежал в ту сторону, где стояла Цвет Лианы, круто свернул вправо, одним прыжком перемахнул через индейцев, двое из которых упали на землю с огромными рваными ранами, и встал прямо против молодой индианки.

Бледнее смерти, с померкшим взором, безотчетно вытянув руки вперед, Цвет Лианы испустила глухой крик и лишилась чувств.

Два крика ответили на ее крик, и в ту минуту, когда кугуар хотел броситься на девушку, два выстрела поразили его прямо в грудь.

Кугуар круто повернулся к новому противнику.

Перед ним стоял граф де Болье.

— Не трогайтесь с места! — вскричал он, знаком останавливая спешившихся к нему Серого Медведя и Меткую Пулю. — Этот зверь мой! Никто не убьет его, кроме меня.

Граф спешил и, с моноклем в глазу, широко расставив ноги, которыми крепко уперся в землю, держа винтовку наготове, прикладом к плечу, ждал неподвижный, как гранитная глыба, устремив на кугуара пристальный взгляд.

От этого страшного ожидания у присутствующих захватило дыхание.

Лев колебался; бросив последний взгляд на добычу, лежавшую в нескольких шагах от него, он с ревом ринулся на молодого француза.

Тот спустил курок.

Животное, судорожно изгибаясь, упало на песок. Граф подбежал к нему, держа наготове охотничий нож.

На мгновение человек и кугуар исчезли в клубах пыли, и в следующую секунду все было кончено; на ноги поднялся победитель — человек.

Цвет Лианы была спасена.

Она открыла глаза, осмотрелась испуганным взором и протянула графу руку.

— Благодарю, о, благодарю! — вскричала она и залилась слезами.

Серый Медведь подошел к девушке.

— Молчи! — грубо остановил он ее. — То, что сделал бледнолицый, мог сделать и Серый Медведь.

Граф презрительно улыбнулся, но ничего не ответил.

ГЛАВА XX

Индийская дипломатия

Серый Медведь не показал вида, что заметил улыбку графа.

— Теперь тебе лучше, — сказал он Цвету Лианы мягче, чем заговорил сначала, — садись на лошадь и возвращайся в селение, тебя проводит Красный Волк. Как знать, — прибавил он с тонкой индейской улыбкой, — нам могут встретиться другие кугуары, а ты их так боишься, что, думаю, я оказываю тебе услугу, прося удалиться.

Девушка опустила голову, все еще дрожа, и села на лошадь.

У Красного Волка вырвалось невольное движение радости, когда вожь назначил его девушке в провожатые, но Серый Медведь не заметил этого, весь поглощенный своими мыслями.

— Стойте! — вдруг прибавил Серый Медведь. — Живые кугуары пугают тебя, но ты ценишь их мех; я подарю тебе шкуры этих кугуаров.

Никто не сравнится с краснокожими в искусстве сдирать шкуру с животных; оба кугуара, над которыми уже реяли и вились ястребы, описывая в воздухе большие круги, вмиг лишились своей богатой шкуры, которая по знаку вожь была брошена на спину лошади за Красным Волком.

Почувяв сильный запах, издаваемый шкурами диких зверей, испуганная лошадь взвилась под всадником на дыбы и чуть не выбросила его из седла. Он едва усмирив животное.

— Теперь ступайте, — сухо приказал вождь, подкрепляя свое приказание повелительным жестом.

Цвет Лианы и Красный Волк мгновенно ускакали прочь.

Молодой вождь довольно долго следил за ними глазами, потом опустил голову на грудь, подавил вздох и, по-видимому, погрузился в мрачные размышления.

Через минуту он почувствовал чью-то тяжелую руку на своем плече.

Он поднял голову.

Перед ним стоял Белый Бизон.

— Что вам надо? — спросил индеец с досадой.

— Разве ты не знаешь? — ответил старец, пристально глядя на него.

Серый Медведь вздрогнул.

— Правда, — сказал он, — настала минута, не правда ли?

— Да, настала.

— Меры приняты?

— Все.

— Тогда пойдете... но где же они?

— Смотри туда.

С этими словами Белый Бизон указал пальцем на графа и двух его спутников, которые лежали на траве возле леса, зеленевшего в двухстах шагах от места, где расположились индейцы.

— А! Они решили отдалиться от нас, — с горечью заметил Серый Медведь.

— Разве это не лучше для нашего с ними разговора?

— Правда.

Быстрым шагом они направились к белым, не говоря больше ни слова.

Белые действительно отошли в сторону от индейцев — не из презрения к ним, но чтобы чувствовать себя свободнее.

Граф был возмущен сценой, которая произошла после того, как он убил второго кугуара, и грубостью молодого вождя с Цветом Лианы. Понадобилось все его умение владеть собой, чтобы сдаться на убеждения Меткой Пули и не разразиться упреками в адрес индейца за неслыханное, как ему казалось, обращение с бедной девушкой.

— Гм! Он действительно гнусный человек, — сказал граф, — я начинаю разделять ваше мнение, Меткая Пуля.

— Ба-а! Это только цветочки, ягодки впереди, если мы останемся еще хотя бы на неделю у этих чертей, — ответил охотник, пожав плечами.

Во время этого разговора канадец зарядил вновь винтовку, и пистолеты.

— Следуйте моему примеру, — предложил он, — никогда нельзя знать заранее, что может случиться.

— К чему такая предосторожность? Разве мы не под защитой наших хозяев?

— Положим, но все равно, послушайтесь моего совета, с индейцами никогда нельзя ручаться за будущее.

— Должно быть, в ваших словах есть доля правды: все, что я видел до сих пор, не внушает мне ни малейшего доверия.

Граф тотчас принялся заряжать ружья и пистолеты.

Что касается Ивона, то его ружье и пистолеты не были разряжены.

Два индейских вождя подошли к графу в ту минуту, когда он кончил заряжать последний пистолет.

— Ого! — сказал Серый Медведь по-французски, кланяясь с изысканной учтивостью. — Уж не заметили ли вы поблизости зверя, граф?

— Пожалуй, что заметил, — небрежно ответил де Болье и заложил за пояс пистолет после того, как тщательно засыпал порох на полку.

— Что вы имеете в виду?

— Не более того, что сказал.

— К несчастью, для меня это слишком тонко, я ничего не понимаю.

— Мне очень жаль, но я могу ответить на это только старым латинским изречением.

— И что же оно гласит?

— К чему мне говорить его, когда вы не понимаете по-латыни.

— Предположим, что понимаю.

— Хорошо; раз вам так хочется этого, я скажу: *si vis pacem, para bellum*.

— А что это значит? — невозмутимо осведомился Серый Медведь, в то время как Белый Бизон прикусил губу.

— Это значит... — начал было граф.

— Если хочешь мира, готовься к войне, — с живостью перебил его старый вождь.

— Совершенно верно, — заметил граф с поклоном и насмешливо улыбнулся.

Три человека стояли лицом к лицу, как опытные дуэлянты, которые изучают друг друга перед схваткой, и с первой минуты убедившись, что силы равны, становятся вдвое осмотрительнее и отступают, перед тем как нанести решительный удар.

Меткая Пуля не много понял из этой словесной пикировки, однако благодаря недоверчивости, которая лежала в основе его характера, украдкой перемигнулся с Ивоном, и оба, внешне совершенно спокойные, были готовы к любой случайности.

После слов графа воцарилось довольно продолжительное молчание. Прервал его Серый Медведь.

— Неужели вы думаете, граф, что находитесь у врагов? — спросил он тоном оскорбленного достоинства.

— Я этого не говорил, — возразил тот, — и не такова моя мысль, но, признаться ли вам, все, что происходит на моих глазах в последние дни, кажется мне очень странным, я не могу составить себе определенного мнения ни о людях, ни о вещах, а это невольно заставляет меня задумываться.

— О! — холодно заметил индеец. — И что же вы видите странного, граф? Потрудитесь сообщить мне.

— Не вижу препятствий, если вам так этого хочется.

— Вы доставите мне величайшее удовольствие, если объяснитесь, граф.

— Охотно — тем более, что всегда имел привычку открыто высказывать свои мысли и теперь не нахожу причины скрывать их.

Два индейских вождя молча поклонились. Граф продолжал, скрестив руки на дуле ружья, поставленного наземь, и глядя собеседникам прямо в глаза:

— Если уж вам так хочется, чтобы я высказал свою мысль, то вот она вся без утайки: мы находимся посреди американских прерий, то есть в самых диких местах нового материка; ваши отношения с белыми постоянно враждебны, вы, черноногие индейцы, сlyвете за самых непокорных, свирепых и диких краснокожих, иначе сказать — за наименее цивилизованных из всех туземных племен.

— Что же вы находите в этом странного? — воскликнул Серый Медведь. — Наша ли вина, если бледнолицые завоеватели после открытия Нового света преследовали нас, как

диких зверей, оттеснили в прерии и считали чуть ли не существами с инстинктами животных? Их надо винить в этом, а не нас. По какому праву упрекаете вы нас в унижении и варварстве, когда это дело рук наших гонителей, а не наша вина?

— Вы меня не поняли, вождь, и если бы не прерывали, а терпеливо дослушали до конца, то сами увидели бы, что я не только не упрекаю вас в этом унижении, но еще и сожалею о нем от всего сердца. Хотя я здесь всего несколько месяцев, однако не раз мог убедиться во многих прекрасных качествах вашего несчастного народа, несмотря на гнусную тиранию белых, на все средства, принятые ими для этой цели.

Вожди радостно переглянулись; великодушные слова молодого человека подавали им надежду на успех их дела.

— Простите меня и потрудитесь продолжать, граф, — ответил Серый Медведь, слегка наклонив голову.

— Я так и сделаю, — сказал де Болье. — Меня удивили не невежество и жестокость, повторяю, так как я думал, что оно гораздо больше, чем оказалось на самом деле, меня изумило то, что в прерии, среди свирепых индейцев, два человека, два вождя этих самых индейцев — не только люди цивилизованные, это слово не достаточно сильно, но люди, владеющие всеми тонкостями, всеми тайнами самой передовой цивилизации, говорящие на моем родном языке с безукоризненной чистотой — словом, индейцы как бы только по своему костюму. Мне странно то, что эти два человека, с непонятной для меня целью, попеременно, смотря по обстоятельствам, меняют образ действия, нравы, язык; они то дикари-индейцы, то люди с превосходным образованием. И вместо того, чтобы стараться вытащить своих соплеменников из невежества, в котором те погрязли, напротив, они грязнут в нем вместе с ними, прикидываются такими же невежественными и жестокими, соединяют в одном существе два противоположных начала и сосредоточивают в себе все степени великого человеческого общества. Признаться, господа, все это показалось мне не только странным, но даже испугало меня.

— Испугало! — вскричали одновременно оба вождя.

— Да, испугало, — с живостью подтвердил граф, — поскольку считаю, что такое притворство должно скрывать тайные интриги, какой-нибудь мрачный заговор; наконец, я опасюсь этого еще и потому, что ваша манера поведения со

мной, упорство, с каким вы силились завлечь меня в ваше селение, все пробудило во мне подозрения насчет ваших тайных целей.

— Что же вы подозреваете? — надменно спросил Серый Медведь.

— Боюсь, что вы хотите обманом вовлечь меня в какую-нибудь темную историю.

Эти слова, сказанные с убеждением, раздались, как громовой удар, в ушах смущенных вождей, они невольно пришли в ужас от пронизательности молодого француза и несколько мгновений не знали, что сказать в свое оправдание.

— Милостивый государь! — запальчиво вскричал наконец Серый Медведь.

Белый Бизон остановил его величественным жестом.

— Мне следует ответить на слова нашего гостя, — медленно промолвил он, — после такого прямого и честного объяснения он имеет право требовать от настoй же откровенности.

— Я вас слушаю, милостивый государь, — ответил граф с полным хладнокровием.

— Из двух человек, находящихся перед вами, один — ваш соотечественник.

— Ага! — тихо произнес де Болье.

— И этот соотечественник — я.

Граф холодно поклонился.

— Я подозревал об этом, — сказал он. — Тем больше у меня причин к недоверию.

Серый Медведь сделал резкое движение.

— Дай гостю высказаться, — остановил его Белый Бизон.

— Да мне и говорить-то особенно нечего; просто я думаю, что тот, кто добровольно отказывается от благодеяний цивилизации и соглашается на жалкое прозябание в прериях, кто разрывает все семейные и дружеские узы и по собственной воле уходит жить к индейцам, тот должен иметь на совести много позорных — если не преступных — деяний, раз угрызения побудили его осудить себя на такое ужасное искупление.

Старик нахмурил брови; смертельная бледность покрыла его лицо.

— Вы молоды, милостивый государь, и не имеете права возводить подобные обвинения на старика, поступки которого, жизнь, даже имя вам вовсе не известны.

— Это правда, — благородно сознался граф. — Простите меня за то, что я, быть может, невольно оскорбил вас.

— За что мне сетовать на вас? — грустно продолжал старик. — Вы — дитя, рожденное только вчера, глаза которого открылись среди ликований и веселья; в вашей спокойной и приятной жизни едва насчитывается несколько дней, протекавших в мире и благоденствии дорогой Франции, оплакиваемой мной ежедневно.

— Позвольте остановить вас на этом, милостивый государь! Мир, о котором вы говорите, не существует во Франции.

— Что вы хотите сказать?

— То, что возмущившийся народ вторично изгнал Бурбонов.

Глаза старика заблестели, нервный трепет пробежал по его телу; он схватил графа за руку.

— Ах!.. — воскликнул он с непередаваемым выражением в голосе. — Какое же правление теперь во Франции?

— Монархическое.

— Как монархическое? Но ведь вы сказали, что Бурбоны в изгнании!

— Старшая ветвь, но не младшая...

— Так герцог Орлеанский овладел наконец престолом? — вскричал старик, волнуясь все сильнее и сильнее.

— Да, овладел, — тихо ответил граф.

— О! — прошептал изгнанник, закрыв лицо руками. — Неужели мы боролись так долго, чтобы прийти к этому результату?

Молодой человек невольно испытывал сочувствие к этой загадочной личности, находившейся перед ним в глубокой скорби.

— Кто же вы, милостивый государь? — спросил он.

— Кто я? — с горечью повторил старик. — Один из разгромленных исполинов, заседавших в Конвенте 1793 года!

Граф отступил на шаг, выпустив руку, которую было взял.

— А! — воскликнул он.

Изгнанник бросил на него быстрый взгляд.

— Покончим с этим, — сухо и решительно сказал он, подняв голову, — вы в нашей власти, милостивый государь, всякое сопротивление напрасно, лучше примите наши условия.

Граф пожал плечами.

— Вы сбрасываете личину, — ответил он, — и мне это больше нравится. Но позвольте сказать еще одно слово, прежде чем я выслушаю вас.

— Я слушаю.

— Я — дворянин, как вам известно; стало быть, мы старые враги, и где бы ни встретились, мы не можем стоять иначе, как друг против друга; рядом — немыслимо!

— Да, они все одинаковы, — пробормотал старик, — можно сломить этих гордецов, но заставить погнуться — никогда...

Граф насмешливо поклонился, вставил монокль в глаз и скрестил на груди руки.

— Я жду, — сказал он.

— Время дорого, — продолжал бывший член Конвента, — всякие пререкания между нами — лишний труд, мы никогда не придем к согласию.

— Это, по крайней мере, ясно, — ответил граф, улыбаясь, — дальше!

— Дальше вот что: через два дня все индейские племена поднимутся одновременно по условленному знаку, чтобы свергнуть иго американцев.

— Мне-то какое дело? Не за тем же я приехал так далеко, чтобы заниматься политикой?

Старик едва сдержал гневный жест.

— К несчастью, вы не вольны поступать как вам заблагорассудится, вы должны покориться нашим условиям — но не мы вашим; вы примите их или умрете!

— Ого! Продолжаете действовать прежними средствами, как я погляжу. Но я вооружаюсь терпением; говорите, что вам надо от меня?

— Мы требуем, — сказал старик, намеренно придавая вес каждому слову, — чтобы вы возглавили экспедицию.

— Я?! Но почему именно я? В чем мои преимущества перед другими?

— Потому что только вы одни можете исполнить роль, которую мы вам назначили.

— Полноте, вы сошли с ума!

— Безумны вы, если до сих пор не поняли, что с тех пор, как повстречались с индейцами, вы были бы давно убиты, не распространяя мы старательно слухи, которые охраняли вас

и вызывали всеобщее благоговение, несмотря на вашу бессмысленную отвагу и самоуверенность!

— Э! Да это, видно, подготовлено издалека?

— Целыми веками.

— Черт побери! — вскричал граф прежним насмешливым тоном. — При чем же тут я, осмелюсь спросить?

— Признаться, — ответил Белый Бизон также насмешливо, — ваша роль не очень значительна, любой другой годилась бы нам для нее не хуже вас; на вашу беду, вы как две капли воды походите на человека — единственного, который может предводительствовать нами; но этот человек давно умер и едва ли воскреснет для того, чтобы вести нас на бой. Следовательно, вам придется занять его место.

— Прекрасно... а не будет ли с моей стороны нескромно осведомиться об имени человека, на которого я имею честь походить в такой поразительной степени?

— Нисколько, — холодно ответил старик, — тем более что вы, вероятно, уже слышали о нем. Это Монтесума.

Граф расхохотался.

— Полноте! — вскричал он. — Шутка остроумна, но я нахожу ее чересчур затянувшейся. Теперь я попрошу слова.

— Говорите.

— Что бы вы ни делали, к каким бы средствам ни прибегали, я никогда не соглашусь служить вам таким образом. А теперь, поскольку я ваш гость и нахожусь под охраной вашей чести, то требую пропустить меня.

— Вы твердо решили?

— Вполне.

— И не измените своего решения?

— Ни за что.

— Увидим, — холодно сказал старик.

Граф бросил на него презрительный взгляд.

— Дорогу! — повелительно воскликнул он.

Оба вождя переглянулись и пожали плечами.

— Дорогу! — повторил граф и взвел курок винтовки.

Серый Медведь свистнул.

В то же мгновение человек пятнадцать индейцев выбежали из леса и ринулись на белых очертя голову.

Хотя и застигнутые врасплох, однако три охотника дали храбрый отпор.

Они стали спиной к спине, крепко прижимаясь друг к другу плечами, и мгновенно образовали грозный треуголь-

ник, перед которым краснокожие были вынуждены отступить.

— Ого! — заметил Меткая Пуля. — Я думаю, мы посмеемся.

— Так-то так! — прошептал Ивон, набожно осеняя себя крестным знамением. — Но нас убьют.

— Вероятно, — ответил канадец.

— Уходим! — скомандовал граф.

Они стали отступать к лесу, единственному доступному для них убежищу, медленно, шаг за шагом, не разъединяясь и все так же направляя на индейцев дула своих винтовок.

Краснокожие храбры, даже отважны — этого нельзя ни отрицать, ни подвергать сомнению, — но их неустрашимость всегда рассчитана, они сражаются только имея перед собой цель и никогда не рискуют жизнью без видимой причины.

Они колебались.

— Я думаю, что мы поступили благоразумно, перезарядив наше оружие, — заметил граф, сохраняя бесстрастный вид.

— Еще бы! — отозвался Меткая Пуля с усмешкой.

— Все равно я сильно трушу, — сказал Ивон, у которого глаза блеснули и губы тряслись.

— Эх вы, Кровавые индейцы! — вскричал Серый Медведь, взводя курок своей винтовки. — Неужели троеблудных наводят на вас страх? Вперед, вперед!

Издав боевой клич, краснокожие ринулись на охотников.

Остальные индейцы уже сбегались со всех сторон на крики товарищей, чтобы принять участие в битве.

ГЛАВА XXI

Мать и дочь

Теперь мы должны оставить на несколько минут наших отважных путешественников в их критическом положении, чтобы сказать два слова об одном из важных действующих лиц этого рассказа, о котором мы давно уже не упоминали.

Тотчас после ухода индейцев Джон Брайт принялся устраивать свою плантацию с деятельностью американца, которую нельзя сравнить ни с какой другой.

Опасность, от которой он спасся лишь непостижимым для него чудом, заставила его задуматься не на шутку.

Он понял, что, отдаленному от всех, ему нельзя рассчитывать на чью-либо помощь; он должен самостоятельно принять меры против опасностей, которые, вероятно, будут угрожать ему, и прежде всего, следовательно, надо оградить жилище от нечаянного нападения.

Майор Мелвилл слышал о поселенце от своих наемников и охотников, но тот не подозревал, что находится всего в десяти километрах от форта Макензи. Приняв решение, Джон Брайт исполнил его немедленно.

Кто не видел, как селятся американцы, каким способом они с невероятной ловкостью срубают за несколько минут самые толстые деревья, тому это может показаться чудом.

Скваттер нашел, что не должен терять ни минуты, и с помощью сына и слуг немедленно принялся за дело.

Временный лагерь помещался, как мы уже сказали, на довольно высоком пригорке, откуда хорошо просматривались окрестности.

На этом самом месте поселенец вознамерился построить свой дом.

Начал он с того, что велел вбить вокруг расчищенной площадки на вершине пригорка ряд громадных кольев высотой в двенадцать футов, прочно связанных между собой скрепами.

Кончив эту первую стену укрепления, он заставил выкопать ров в восемь футов шириной и пятнадцать глубиной, земля из которого, сложенная валом позади него, образовала вторую ограду.

Потом внутри этой импровизированной крепости, недоступной без полевых орудий при неустрашимом гарнизоне, так как крутой склон пригорка, где оставили одну лишь узенькую извилистую дорожку, делал всякое нападение невозможным, Джон Брайт вырыл землю для фундамента своего будущего жилища.

Эти предварительные меры позволяли ему продолжать работу не спеша; теперь, благодаря его невероятной деятельности, ему нечего было опасаться нападения степных бродяг.

Жена и дочь усердно трудились, помогая ему в этих работах, — они больше всех оценили пользу такой защиты.

Бедные женщины, не привыкшие к тяжелым работам, нуждались в отдыхе. Джон Брайт не щадил себя больше других; он понял справедливость просьбы жены и дочери, и

так как на первый случай опасаться было нечего, то великодушно даровал целый день отдыха своей маленькой колонии.

События, которыми ознаменовалось прибытие скваттера в эти места, оставили глубокий след в душе миссис Брайт и ее дочери.

В особенности Диана сохранила воспоминание о графе де Болье, которое не только не изглаживалось с течением времени, но западало ей все глубже в сердце.

Рыцарский характер графа, его благородное поведение и, скажем правду, его красивая внешность — все способствовало тому, чтобы девушка, жизнь которой до сих пор протекала мирно и тихо, полюбила его всем своим неопытным сердцем.

Со времени отъезда молодого человека она не раз останавливалась посреди работы, поднимала голову, оглядывалась вокруг с тоской и потом снова принималась за свое дело, подавив вдох.

Матери проницательны, особенно те, которые действительно любят дочерей, как это было с миссис Брайт.

О чем не подозревали муж и сын, она угадала по одному только взгляду на бледное лицо бедной девушки, на задумчивый взгляд ее глаз, окруженных синевой.

Диана была влюблена.

Миссис Брайт осмотрелась вокруг. Никто не мог быть предметом такой любви. Сколько она ни припоминала, ей не приходило на память, чтобы дочь замечала кого-либо до отъезда из колонии, где она выросла.

И то сказать, когда маленький караван отправился в путь на поиски новой земли, Диана казалась весела, она щебетала, как птичка, нисколько, по-видимому, не заботясь о тех, кого оставила навсегда.

После всех этих размышлений мать вздохнула. Угадав, что дочь влюблена, она не могла уяснить себе, кто именно предмет этой страсти.

Миссис Брайт приняла решение расспросить дочь, как только останется с ней наедине. А тем временем она делала вид, будто ничего не замечает.

День отдыха, дарованный Джоном Брайтом своему семейству, предоставлял ей давно желаемый удобный случай. Она очень обрадовалась, когда муж объявил им о своем ре-

шении с вечера, после молитвы перед сном, которую обычно читали вместе.

На другой день с восходом солнца мать и дочь как всегда занялись приготовлением завтрака, пока слуги водили скот к реке на водопой.

— Жена, — сказал скваттер за завтраком, — мы с Уильямом намерены, поскольку сегодня работать не будем, объехать верхом окрестности, с которыми совершенно незнакомы.

— Не заезжайте далеко, друг мой, а главное, вооружитесь хорошенько, ведь в прериях случаются неприятные встречи.

— Не беспокойся. Хотя я и думаю, что нам нечего опасаться на первых порах, все-таки нужна осторожность. Не хотите ли вы с Дианой сопровождать нас? Вы могли бы узнать получше наше новое владение.

Глаза молодой девушки заблестели от радости при этом предложении, она уже раскрыла рот, чтобы ответить, когда мать остановила ее движением и взглядом и живо возразила:

— Уволь нас, любезный друг. У женщин, как тебе известно, всегда есть занятия. Во время вашего отсутствия мы приведем здесь в порядок то, чего не успели за предыдущие дни.

— Как хочешь, жена.

— Тем более, — продолжала она с улыбкой, — что мы, вероятно, надолго останемся здесь.

— Я думаю, — согласился скваттер.

— Стало быть, — заключила она, — у нас будет еще масса возможностей осмотреть наши новые владения, как ты их называешь.

— Справедливо изволите рассуждать, сударыня, я вполне разделяю ваше мнение. Итак, мы с Уильямом прокатимся одни. Прошу не тревожиться, если мы немного припозднимся.

— С условием, чтобы вы были дома к ночи.

— Будем непременно.

Заговорили о другом, но к концу завтрака Сэм, сам того не подозревая, навел разговор на интересную тему.

— Я говорю тебе, Джеймс, — спорил он со своим товарищем, — что этот молодой человек — француз, а не канадец, как ты утверждаешь.

— О ком вы говорите? — спросил скваттер.

— О том господине, который приехал с краснокожими и заставил их отдать наш скот.

— Не считая других услуг, которые он оказал нам. Если я теперь владелец плантации, то обязан этим только ему.

— Это предостойный джентльмен, — сказала миссис Брайт не без намерения.

— О! Разумеется, — прошептала Диана едва слышно.

— Он француз, — подтвердил Джон Брайт, — это не подлежит сомнению; канадцы, волчьи сыны, не способны поступать так, как он поступил с нами.

Джон Брайт от всей души ненавидел канадцев, подобно всем североамериканцам; почему — он не сумел бы сказать и сам, но эта ненависть была у него врожденной.

— Ба-а! — вскричал Уильям. — Разве не все равно, откуда он родом? Это честный и благородный человек, настоящий дворянин. Что касается меня, то я знаю некоего Уильяма Брайта, который с радостью бросится за него в огонь и в воду.

— Ей-Богу! — вскричал скваттер, ударив по столу кулаком. — Ты исполнил бы только свою обязанность и заплатил бы священный долг. Я готов многим пожертвовать, чтобы опять увидеться с этим славным малым и доказать ему, что я не какая-нибудь скотина неблагодарная!

— Хорошо сказано, отец! — воскликнул обрадованный Уильям. — Честных людей мало в этом мире, нельзя не ценить тех, с кем тебя сводит судьба. Только бы нам когда-нибудь встретиться! Я докажу ему, каков Уильям Брайт.

Во время этого разговора Диана ничего не говорила; вытянув шею, с сияющим лицом и улыбкой на губах она с наслаждением слушала отзывы о том, кого полюбила с первого взгляда, сама того не подозревая.

Миссис Брайт сочла за благоразумие перевести разговор на другую тему.

— Есть лицо, которому мы многим обязаны, — сказала она. — Без помощи женщины, которую Господь послал к нам так своевременно, мы были бы безжалостно умерщвлены индейцами. Неужели вы забыли про нее?

— Сохрани Бог! — с живостью вскричал скваттер. — Бедняжка оказала нам такую услугу, которой нельзя забыть.

— Но черт меня побери, если я понимаю, кто она! — вскричал Уильям.

— И я затруднился бы определить это. Сдается мне, что даже индейцы и охотники, которые рыщут по прериям, мало что могли бы рассказать нам о ней.

— Она только появилась и мгновенно исчезла, — заметил Джеймс.

— Положим, но ее появление, как мимолетно ни было, произвело потрясающее впечатление на индейцев.

— Один вид ее привел краснокожих в ужас; впрочем, что бы ни говорили об этой женщине, она всегда останется для меня добрым гением.

— Ей мы обязаны тем, что не подверглись жестоким пыткам.

— Да благословит Господь достойную женщину! — вскричал скваттер. — Если я когда-нибудь понадобится ей, она может с полной уверенностью обратиться ко мне, и я со всем своим достоянием буду к ее услугам!

На этом завтрак закончился. Все встали и вышли во двор. Сэм оседлал двух лошадей.

Джон Брайт с сыном взяли свои пистолеты, ножи и винтовки, вскочили в седло и, еще раз дав слово возвратиться пораньше, медленно спустились с пригорка по извилистой дорожке, которая вела на равнину.

Тогда Диана и ее мать принялись, как было условлено, приводить все в порядок.

Когда всадники скрылись с глаз за бесчисленными поворотами дорожки и миссис Брайт удостоверилась, что слуги сидят во дворе, занимаясь починкой порванной сбруи, она взяла шитье, села на раскладной стул и сделала дочери знак следовать ее примеру.

Диана повиновалась с некоторым опасением — никогда еще мать не обходилась с ней так таинственно, и она не знала, чему это приписать.

Некоторое время мать и дочь работали молча, сидя друг против друга.

Наконец миссис Брайт перестала шить и посмотрела на дочь.

Та не отрывалась от работы, делая вид, будто не замечает взгляда матери.

— Диана, — сказала миссис Брайт, — не хочешь ли ты сказать мне что-нибудь?

— Я, мама? — воскликнула девушка, подняв голову в изумлении.

— Да, ты, дитя.

— Право, мама, — возразила девушка слегка дрожащим голосом, — я не понимаю вас.

Миссис Брайт вздохнула.

— Да, — прошептала она, — так и должно быть; в жизни девушки обязательно наступает минута, когда невольно и почти бессознательно она имеет тайну от матери.

Бедная женщина вытерла передником навернувшиеся на глаза слезы.

Диана вскочила и с нежностью обняла мать.

— Тайну! У меня от вас тайна, мама?! О, можете ли вы предполагать это?

— Дитя, — ответила миссис Брайт с доброй улыбкой, — мать не обманешь... Вот где твоя тайна, — прибавила она, коснувшись пальцем ее груди, в которой сердце так и стучало.

Диана покраснела и отступила в смущении.

— Увы! — заговорила добрая женщина. — Я не упрекаю тебя, мое бедное дорогое дитя. Сама того не ведая, ты подчиняешься естественному закону природы. И я в твои годы была такой, как ты теперь; когда моя мать спросила о моей тайне, я ответила — точно как ты, — что у меня тайны нет; я и сама-то мало что понимала.

Девушка скрыла на груди матери лицо, орошенное слезами.

Миссис Брайт нежно откинула упавшие ей на лицо пряди волнистых белокурых волос и, поцеловав ее в лоб, сказала с выражением, свойственным только матери:

— Вытри слезы, мое дорогое дитя, не мучайся, скажи мне только, что ты чувствуешь.

— Увы! Милая мама, — ответила девушка, улыбаясь сквозь слезы, — я и сама не понимаю; мне грустно без причины, я скучаю, я тревожусь, мне все в тягость, все противно... и тем не менее, кажется, ничего не изменилось в моей жизни.

— Ошибаешься, детка, — возразила миссис Брайт с озабоченным видом, — сердце заговорило в тебе без твоего ведома, из беспечного и веселого ребенка ты превратилась во взрослую девушку, ты стала задумчива, ты побледнела, ты страдаешь.

— Увы! — прошептала Диана.

— Скажи мне, дитя, с каких пор на тебя напала тоска?

— Не знаю, мама.

— Припомни хорошенько.

— Я думаю, что...

Угадав причину колебания дочери, миссис Брайт прервала ее на полуслове.

— С прибытия сюда, не правда ли?

Диана подняла на мать свои большие голубые глаза, в которых выражалось глубокое изумление.

— Действительно, так, — прошептала она.

— Твоя грусть началась с того времени, когда уехали незнакомцы, оказавшие нам такую великодушную помощь?

— Да, с тех самых пор, — подтвердила девушка едва слышным голосом, опустив глаза и вся зардевшись.

Миссис Брайт с улыбкой продолжала этот странный вопрос:

— Когда ты увидела, что они удаляются, твое сердце сжалось, щеки побледнели, ты невольно затрепетала, и если бы я не поддержала тебя, потому что внимательно следила за тобой, моя бедняжка, ты бы упала. Ведь это так?

— Так, мама, — ответила девушка немного тверже.

— И человек, по которому ты грустишь, страдаешь, это...

— Ах, мама! — воскликнула девушка, бросаясь в объятия матери и скрывая на ее груди вспыхнувшее лицо.

— Так кто же это? — настаивала миссис Брайт.

— Эдуард!.. — произнесла девушка едва внятно и зарыдала в три ручья.

Миссис Брайт взглянула на дочь с глубоким сожалением, горячо поцеловала ее несколько раз и тихо сказала:

— Ты видишь, бедное дитя, — значит, у тебя была тайна, раз ты его любишь.

— Право, я не знаю, мама, — простодушно прошептала девушка.

Добрая женщина утвердительно кивнула головой, заставила девушку сесть на прежнее место и сама села на свой раскладной стул.

— Теперь, когда мы объяснились, Диана, — сказала она, — и между нами нет больше тайн, давай побеседуем, детка.

— Охотно, мама.

— Видишь ли, дитя, года и опыт, не говоря о том, что я тебе мать, дают мне право советовать тебе. Хочешь ли ты выслушать мои советы?

— О! Мама, вы знаете, как я вас люблю и уважаю!

— Знаю, милое дитя; я знаю также — потому что никогда не расставалась с тобой с тех пор, как ты родилась, — что у тебя великодушное, благородное сердце, способное на само-

отвержение. Я должна причинить тебе глубокое страдание, бедное мое дитя, но лучше растравить рану теперь, когда она еще не глубока, чем прибегать к лечению, как зло будет уже непоправимо.

— Увы!

— Эта зарождающаяся любовь, которая против твоей воли вкралась в твое сердце, не может еще быть очень сильной, скорее ее можно назвать пробуждением чувств к восприятию нежных и возвышающих душу впечатлений, которые служат украшением жизни и составляют отличительную черту женщины. Твоя любовь — на самом деле просто минутная восторженность, вспышка воображения, а не истинная страсть. Подобно всем юным девушкам, ты жаждешь неизвестного, ищешь свой еще не осуществившийся идеал, стремишься к цветистым полям будущего с тем избытком жизненных сил, с той потребностью в новых ощущениях, которая часто в твои годы заставляет смешивать голову с сердцем; но любить по-настоящему ты еще не можешь, — ты и не любишь. То чувство, которому ты отдалась теперь, рождено твоим воображением, сердце тут ни при чем.

— Мама! — перебила девушка.

— Милая Диана, — настойчиво продолжала мать, нежно пожимая ей руку, — дай мне помучить тебя теперь, чтобы избавить впоследствии от страшных терзаний, которые составили бы твое несчастье на всю жизнь. Тот, кого, как тебе кажется, ты любишь, не разделяет твоей любви, не ведает про нее, и ты, вероятно, больше никогда с ним не увидишься. Моим голосом говорит холодный и неумолимый рассудок, выводы рассудка всегда логичны и ограждают нас от многих страданий, тогда как страсть редко бывает последовательна и готовит нам одно лишь горе... Но даже предположим на минуту, что этот молодой человек любит тебя, — все равно ты не можешь выйти за него замуж!

— Но почему, если он любит меня, мама? — робко возразила Диана.

— Бедное безумное дитя! — вскричала мать с движением глубокого сострадания. — Ведь ты даже не знаешь, женат ли он? Но допустим на минуту, что он, как ты полагаешь, свободен, — ведь он дворянин, принадлежит к одному из древних и знатных родов в Европе, состояние его громадно; неужели ты думаешь, что он когда-нибудь откажется от положения в обществе и настолько сломит свою гордость

знатного дворянина, что женится на дочери бедного американского скваттера?

— Это правда, — прошептала Диана, закрыв лицо руками.

— Предположим даже невозможное; тогда неужели ты согласилась бы следовать за этим человеком и бросить здесь, в прериях, отца и мать одних, твоих родителей, которых твой отъезд свел бы в могилу от отчаяния, так как ты у них одна? Говори, Диана, отвечай мне, неужели ты согласилась бы на это?

— О! Никогда, никогда! — вскричала девушка вне себя. — Вас я люблю больше всего на свете!

— Хорошо, милое дитя; вот такой я хотела видеть тебя. Я рада, что мои слова нашли путь к твоему сердцу. Этот человек добр, он оказал нам большие услуги, мы крайне ему обязаны — но только и всего.

— Да... да... вы правы, мама! — шептала девушка со слезами на глазах.

— Ты должна видеть в нем только друга, брата, — продолжала мать с твердостью.

— Постараюсь... мама.

— Обещай мне это.

Девушка колебалась с минуту; вдруг она подняла голову и сказала твердо:

— Благодарю вас, мама; клянусь вам — не забыть его, это невозможно, но так тщательно скрывать свою любовь, что кроме вас о ней не будет подозревать никто!

— Приди в мои объятия, дорогое дитя! Ты все у меня понимаешь, ты добра и благородна.

Мать и дочь крепко обнялись.

В дверях показался Джеймс.

— Хозяин возвращается, миссис, — сказал он, — но с ним много людей.

— Вытри глаза, Диана, пойдем посмотрим, кто к нам пожаловал, — сказала миссис Брайт и, наклонившись к уху дочери, шепнула: — Мы поговорим о нем, когда будем наедине.

— О, мама! — вскричала Диана в восторге. — Как вы добры и как я вас люблю!

Они вышли и взглянули в сторону равнины. Действительно, там были видны, еще на довольно значительном рассто-

янии, человек пять, впереди которых ехали Брайты, отец и сын.

— Что это значит? — с беспокойством воскликнула миссис Брайт.

— Скоро узнаем, мама. Не пугайтесь, они, кажется, едут так спокойно, что нет повода к опасению.

ГЛАВА XXII

Ивон

граф и его товарищи, как мы уже говорили, приготовились к нападению индейцев. Оно оказалось ужасным.

С минуту происходила страшная схватка врукопашную, потом индейцы отступили, чтобы перевести дух и начать снова.

Десять трупов лежало у ног трех храбрецов, продолжавших стоять неподвижно и твердо, как гранитная глыба.

— Клянусь Богом! — вскричал граф, тыльной стороной правой руки отирая со лба крупные капли пота, смешанного с кровью. — Клянусь Богом, это славный бой!

— Да, славный, — беспечно отозвался Меткая Пуля, — однако бой на смерть!

— Не беда, когда смерть хорошая.

— Гм! Я не разделяю вашего мнения; пока остается возможность спастись, надо ею воспользоваться.

— Но возможности-то нет.

— Как знать! Предоставьте это мне.

— Очень охотно, но, признаюсь, я нахожу этот бой восхитительным.

— Действительно, он очень приятен, но будет еще приятнее, если впоследствии мы сможем рассказывать о нем.

— Вы правы, черт побери! Об этом я как-то не подумал.

— Зато я подумал.

Канадец наклонился к Ивону и шепнул ему пару слов на ухо.

— Хорошо, — ответил бретонец, — только бы мне не струсить.

— С Богом! — сказал охотник, улыбаясь. — Вы сделаете, что можете, не так ли?

— Так.

— Держите ухо востро, друзья мои! — вскричал граф. — Неприятель!

Действительно, индейцы опять готовились к нападению.

Серый Медведь и Белый Бизон хотели во что бы то ни стало овладеть графом — не только живым, но и без единой царапины; они запретили своим воинам прибегать к огнестрельному оружию и велели им только отражать удары.

Во время минутной передышки, которую нападающие дали белым, подбежали остальные индейцы, чтобы принять участие в бою. Охотников окружили по крайней мере человек сорок.

Только отчаянный смельчак или безумец мог противиться такой массе неприятеля. Однако трое белых, по-видимому, не думали просить пощады.

В то мгновение, когда Серый Медведь был готов дать сигнал ко вторичному нападению, Белый Бизон, до тех пор остававшийся в стороне, погруженный в мрачную задумчивость, вдруг остановил его.

— Подожди минуту, — сказал он.

— Для чего? — спросил вождь.

— Дай мне попытаться еще раз; быть может, они поймут, что сопротивление бессмысленно, и согласятся на наши условия.

— Сомневаюсь, — пробормотал Серый Медведь, качая головой, — они, кажется, твердо решили бороться до конца.

— Все лучше, если я испробую последнее средство, ведь ты знаешь, как важно для успеха наших планов овладеть этим человеком.

— К несчастью, он легко может дать себя убить.

— Этого-то я и хочу избежать.

— Поступайте как знаете, но я уверен, что все напрасно.

— Стоит попытаться.

Белый Бизон сделал несколько шагов вперед и таким образом очутился в пяти-шести метрах от графа. Тут он остановился.

— Что вам надо? — спросил молодой человек. — Если бы я случайно не вспомнил, что вы француз, я уже всадил бы вам пулю в грудь.

— Так стреляйте! Что вас удерживает? — грустно возразил изгнанник. — Не думаете ли вы, что я боюсь смерти?

— Довольно речей, отойдите — или я выстрелю в вас.

Граф прицелился.

— Я хочу сказать вам одно слово.

— Говорите скорее и уходите.

— Если вы сдадитесь, то вам и вашим товарищам будет дарована жизнь.

Граф захохотал.

— Полноте! — воскликнул он, пожимая плечами. — За дураков вы нас держите, что ли? Мы были в гостях у ваших товарищей, они бесстыдно нарушили закон гостеприимства по отношению к нам.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее, черт побери! Неужели вы так долго жили среди индейцев, что забыли французов? Мы скорее умрем, чем сделаем подлость!

— Пусть ваша кровь падет на вашу голову.

— Пусть будет так, гнусный перебежчик, сражающийся с дикарями против братьев по крови!

Это жестокая обида поразила старика прямо в сердце. Он бросил на молодого человека страшный взгляд, побледнел как смерть и отошел, шатаясь, точно пьяный, бормоча вполголоса:

— О! Эти дворяне! Ехиднино отродье!

— Ну что? — спросил его Серый Медведь.

— Отказался наотрез, — ответил старик коротко.

— Я был в этом уверен... Теперь наша очередь.

Приложив к губам длинный свисток из человеческой голени, он извлек из него резкий и продолжительный звук, на который индейцы ответили страшным воем, ринувшись, как легион демонов, на трех человек, которые встретили их, не отступив ни на шаг.

Бой завязался ужаснее, отчаяннее прежнего. Белые схватили свои винтовки за дуло и оборонялись ими, как дубинами.

Ивон совершал чудеса храбрости, поднимая и опуская приклад своей винтовки с равномерностью маятника; при каждом его ударе валился человек, и он бормотал про себя:

— Уф! Еще один! Святая Дева! Боюсь, сейчас на меня нападет трусость!

Между тем цепь вокруг них все суживалась, упавшие индейцы сменялись другими, которых в свою очередь толкали вперед вновь прибывающие.

Охотники устали, их руки уже не опускались с такой же силой, удары не имели прежней меткости, кровь ударяла им в голову, глаза налились кровью, в ушах шумело.

— Мы погибли!.. — прошептал граф.

— Не унывайте! — рявкнул Меткая Пуля, разmozжив голову очередному индейцу.

— Мне изменяет не бодрость духа, нет, но силы, — ответил молодой человек задыхающимся голосом.

— Вперед! Вперед! — все повторял Серый Медведь, как демон носясь вокруг трех осажденных.

— Пора, Ивон! — крикнул Меткая Пуля.

— Прощайте! — вскричал бретонец и, размахивая над своей головой грозной палицей, ринулся в самую толпу индейцев.

— Идите за мной, граф, — продолжал Меткая Пуля.

— С Богом! Идемте! — ответил тот.

Они исполнили вдвоем маневр, на который отважился бретонец с противоположной стороны.

Трус Ивон в эту минуту, по-видимому, совсем забыл, что струсит, как он выражался; у него словно выросло сто рук, чтобы валить бесчисленных противников, то и дело возникавших на его пути, и прокладывать себе между ними широкий проход. На счастье бретонца большая часть воинов ударилась в погоню за более важной дичью, то есть за графом и канадцем, которые в свою очередь удваивали усилия, и так уже исполинские.

Все отбиваясь, Ивон достиг кромки леса шагах в трех или четырех от места, где были привязаны три их лошади.

Вероятно, этого-то бретонец и добивался. Как только он увидел себя на одной линии с лошадьми, то вместо продвижения вперед он стал отступать шаг за шагом, чтобы добраться до них.

Он не переставал отбиваться с той холодной решимостью, которая отличает бретонцев и делает их опасными противниками.

Внезапно, сочтя себя находящимся довольно близко к желаемой цели, бретонец нанес последний удар ближайшему индейцу, который отлетел на десять шагов с разmozженным черепом, с разбега громадным прыжком вскочил на лошадь графа, стоявшую к нему ближе других, дернул поводья, отвязал их от камня, на который они были наброшены, вонзил шпоры в бока благородного животного и умчался как

стрела, опрокинув по пути двух индейцев, которые смело бросились ему наперерез.

— Ура! Спасены, спасены! — крикнул он громовым голосом и скрылся в лесу, куда черноногие не посмели за ним последовать.

Краснокожие остолбенели от такой ловкой выходки и удивительного бегства.

Крик Ивона, вероятно, был сигналом, условленным с Меткой Пулей; едва охотник услышал его, как быстрым движением остановил руку графа, который замахнулся, чтобы нанести удар.

— Что вы делаете, черт побери! — вскричал тот, оборачиваясь с гневом.

— Спасая вас, — холодно ответил канадец. — Бросьте оружие... Мы сдаемся! — крикнул он.

— Вы мне объясните ваше поведение, надеюсь? — вспыхнул граф.

— Будьте спокойны, вы сами одобрите меня.

— Ну хорошо, пусть будет по-вашему.

С этими словами граф опустил винтовку.

Индейцы, которых героический отпор охотников заставлял держаться на расстоянии, мгновенно кинулись на них, как только увидели, что белые безоружны.

Серый Медведь и Белый Бизон поспешили к месту всеобщей свалки.

Двое белых уже лежали на песке. Вождь вмешался.

— Вы мой пленник, граф, — сказал он, — и вы также, Меткая Пуля.

Граф презрительно пожал плечами.

— Посчитайте, чего вам стоит победа, — возразил охотник, указывая с насмешливой улыбкой на бесчисленные трупы, которыми была усеяна равнина.

Индеец сделал вид, будто не слышит его.

— Дайте честное слово, что не уйдете, господа, — сказал Белый Бизон, — и вас сейчас же развяжут и вернут вам оружие.

— Вероятно, это очередная ловушка, которую вы расставляете нам, — ответил граф надменно.

— Ба-а! — заметил Меткая Пуля, значительно взглянув на товарища. — Дадим слово на двадцать четыре часа, а там увидим.

— Слышите, господа, — сказал граф, — этот охотник и я, мы даем слово на двадцать четыре часа. Согласны вы на это? Само собой, что по истечении этого срока мы вольны взять наше слово назад.

— Или дать его снова, — добавил канадец с улыбкой. — Чем мы рискуем, давая его?

Два вождя тихо посовещались между собой.

— Мы согласны, — сказал наконец Серый Медведь.

По его знаку мигом перерезали веревки, которыми были связаны пленники.

Они встали на ноги.

— Гм! Приятно владеть своими членами, — сказал Меткая Пуля, потягиваясь с наслаждением. — Ба! Я знал, что и на этот раз они меня не убьют.

— Вот ваше оружие и лошади, господа, — сказал вождь.

— Позвольте, — заметил граф, хладнокровно вынимая из кармана часы, — теперь половина восьмого; до половины восьмого же завтрашнего дня мы связаны честным словом.

— Очень хорошо, — ответил Белый Бизон с легким поклоном.

— А теперь вы куда нас уведете? — спросил охотник, посмеиваясь.

— В селение.

— Спасибо!

Они сели на лошадей и последовали за индейцами, которые только их и ждали, чтобы отправиться в обратный путь.

Спустя десять минут равнина, где произошло столько событий в течение дня, погрузилась в мир и безмолвие.

Мы предоставим графу и охотнику вернуться под усиленным конвоем в селение краснокожих и поспешим по следам бретонца.

После своего бегства с поля битвы Ивон пустил лошадь во весь опор прямо, куда глаза глядят, чтобы не терять драгоценное время на розыски дороги — для него хороши были все, лишь бы ускакать как можно дальше от противников, из рук которых он так счастливо вырвался.

Однако, промчавшись около часа по лесу, он мало-помалу стал сдерживать лошадь, успокоенный безмолвием, которое царило вокруг.

Пора было дать бедному животному перевести дух — оно уже изнемогало вследствие невероятных усилий, которых от него требовали.

Бретонец воспользовался этой минутной передышкой, чтобы осмотреть и перезарядить свое оружие.

— Я не храбр, — шептал он про себя, — но — ей-Богу! — первому негодяю, который попытается стать мне поперек дороги, как говорит мой бедный хозяин, я всажу пулю в лоб! Это так же верно, как и то, что мое имя Ивон.

И это было истиной, мы в том порука.

Проехав еще несколько шагов, бретонец осмотрелся, остановил лошадь и сошел с нее.

— К чему ехать дальше? — продолжал он рассуждать сам с собой. — Лошади надо отдохнуть, да и сам-то я не прочь слегка поразмяться. Разве не все равно, где остановиться?

С этими словами он расседлал животное, чемоданчик своего хозяина положил у подножия дерева и принялся разводить огонь.

— Как быстро темнеет в этом проклятом краю! — пробормотал он. — Чуть больше восьми часов, а уже не видать ни зги.

Разговаривая таким образом сам с собой, Ивон собрал довольно большое количество хвороста, после чего вернулся к тому месту, которое избрал себе для ночлега, сложил сухие ветки в кучу, поджег и, встав на колени, стал раздувать огонь изо всех сил.

Через минуту он поднял голову, чтобы перевести дух, но вдруг страшно вскрикнул и чуть не упал навзничь.

В трех шагах по ту сторону костра он увидел двух субъектов, которые молча его рассматривали.

После первой минуты изумления бретонец вскочил на ноги и взвел курки пистолетов.

— Тыфу пропасть! — вскричал он. — Как вы меня напугали! Все равно, посмотрим, кто кого одолеет!

— Успокойтесь, брат мой, — ответил нежный голос на плохом английском языке, — мы не хотим ему зла.

В качестве бретонца Ивон коверкал английский язык почти также бегло, как говорил по-французски. Услыхав эту речь, он наклонился вперед и стал всматриваться.

— О! — воскликнул он. — Индианка.

— Да, я, — ответила Цвет Лианы, подходя ближе.

Ее товарищ последовал за ней; бретонец узнал в нем Красного Волка.

— Добро пожаловать к моему скудному становью, — сказал Ивон.

— Благодарю, — произнесла девушка.

— Как вы попали сюда?

— А вы как? — ответила она вопросом на вопрос.

— О! Что касается меня, — сказал он, качая головой, — то это грустная история.

— Что хочет сказать мой брат? — вмешался Красный Волк.

Ладно, ладно, это не ваше дело, а мое, — возразил бретонец. — Скажите мне сперва, что вас-то привело сюда, а там я посмотрю, могу ли доверить вам то, что случилось с моим хозяином и со мной.

— Мой брат осторожен, — ответила Цвет Лианы, — он прав, осторожность нужна в прериях.

— Гм! Желал бы я, чтобы мой хозяин вас слышал, быть может, он не был бы тогда в том положении, в каком находится теперь.

Цвет Лианы вздрогнула.

— О-о-а! Не случилось ли с ним беды? — воскликнула девушка прерывающимся голосом.

Ивон посмотрел на нее.

— Вы за него переживаете?

— Он храбр! — вскричала индианка с жаром. — Сегодня утром он убил кугуара, который угрожал жизни Цвета Лианы. У нее есть сердце, оно помнит, — прибавила девушка с чувством.

— Это правда, это сушая правда, молодая девушка, он спас вам жизнь... но все равно, сперва расскажите, какими судьбами мы встретились здесь в чаще леса.

— Слушайте же, раз непременно хотите знать.

Бретонец утвердительно наклонил голову. Ко всем своим выдающимся качествам Ивон присоединил упрямство андалусского лошака. Когда этот почтенный субъект вобьет что-нибудь себе в голову, ничто не может заставить его отступить. Впрочем, следует отдать ему справедливость, что в настоящем случае он имел весьма основательные причины не доверять индейцам.

— После того, как Стекланный Глаз храбро убил кугуара, — продолжала Цвет Лианы взволнованным голосом, — великий вождь Серый Медведь разгневался на свою дочь и велел ей возвращаться в селение в сопровождении Красного Волка.

— Все знаю, — перебил Ивон, — я был при этом, потому-то и нахожу странным, что вы здесь, когда должны бы ехать по дороге в селение.

Индианка обворожительно надула губки по своему обыкновению.

— Бледнолицый любопытен, как старая баба, — сказала она с досадой, — зачем ему знать тайны Цвета Лианы? В ее сердце сладко поет птичка и влечет ее против воли по следам бледнолицего, который спас ей жизнь.

— А! — воскликнул бретонец, угадав приблизительно, что девушка имела в виду. — Это другое дело.

— Вместо того, чтобы ехать обратно в селение, — пояснил Красный Волк, — Цвет Лианы захотела вернуться к Стеклянному Глазу.

Бретонец задумался и долго молчал. Индеец и девушка смотрели на него молча, терпеливо ожидая, чтобы тот объяснился.

Спустя несколько минут Ивон поднял голову и плутовато взглянул на девушку.

— Так вы его любите? — переспросил он, устремив на нее свои серые глазки.

— Да, люблю, — ответила индианка, опустив взор.

— Очень хорошо; слушайте же меня внимательно, я сильно ошибаюсь, если мой рассказ не займет вас в высшей степени.

Слушатели наклонились к нему и приготовились слушать во все уши.

Ивон рассказал тогда с мельчайшими подробностями о разговоре своего господина с двумя вождями, о споре, возникшем из него, затем о бое и, наконец, о своем собственном бегстве.

— Я бежал, — сказал он в заключении, — но — Бог свидетель — не для того, чтобы спасти себя. Правда, я трус, однако не задумаюсь пожертвовать жизнью для своего хозяина. Бежать мне посоветовал Меткая Пуля, чтобы постараться найти помощь.

— Хорошо! — вскричала девушка. — Бледнолицый храбр. Что он хочет сделать?

— Хочу спасти своего хозяина, черт побери! — решительно ответил бретонец. — Только вот не знаю, как за это взяться.

— Цвет Лианы знает, она поможет бледнолицему.

— Вы говорите правду, девушка?

Индианка улынулась.

— Бледнолицый последует за Цветом Лианы и Красным Волком, — сказала она, — его приведут к такому месту, где он встретит друзей.

— Ладно! А когда вы сделаете это, красавица? — спросил он, между тем как его сердце забилося от радости.

— Когда бледнолицый приготовится в путь.

— Тогда немедленно, ей-Богу! — вскричал бретонец, стремительно вскочив на ноги и бросаясь к своей лошади.

Цвет Лианы и Красный Волк оставили своих лошадей неподалеку в чаще леса.

Спустя десять минут Ивон и двое его провожатых удалялись от прогалины, где произошла их встреча.

Было около полуночи.

— Мой бедный хозяин! — шептал про себя бретонец. — Удастся ли мне спасти тебя?

ГЛАВА XXIII

План кампании

Ночь была темная, мрачная; все предвещало грозу. Ветер уныло завывал в ветвях. При каждом порыве бури деревья встряхивали своими влажными верхушками и мгновенным ливнем шумели по кустам.

Небо приняло грозно-мрачный свинцовый оттенок.

Такая тишина царила в этом пустынном краю, что можно было услышать падение сухого листа или шелест ветки, задетой мимоходом каким-нибудь невидимым животным.

Ивон и его спутники пробирались по лесу, со всеми предосторожностями разыскивая дорогу во мраке, полулежа на лошадях, чтобы ветви не хлестали их в лицо на каждом шагу, и пристально всматриваясь вперед, хотя в темноте было почти невозможно ничего рассмотреть.

Прошло около двух часов, прежде чем они выбрались из леса, так как вынуждены были кружить; наконец они выехали на равнину и почти мгновенно очутились на берегу Миссури.

Река, в которой вода прибыла от дождей и снега, шумно катила свои желтоватые волны.

Беглецы поехали вдоль берега по направлению к юго-западу. Теперь уже не могло быть сомнения, куда им следовало направиться, — река ясно указывала дорогу, можно было больше не опасаться сбиться с пути.

Достигнув места, где песчаный мыс вдавался в реку на протяжении нескольких метров, так что с его окончности, несмотря на темноту, можно было благодаря прозрачности воды различать предметы на некотором расстоянии, Красный Волк сделал знак спутникам, чтобы они остановились, и сам сошел с лошади.

Цвет Лианы и бретонец сделали то же самое.

Ивон был не прочь отдохнуть немного, а главное, узнать кое-что, прежде чем отправиться дальше. Увлеченный в первую минуту безотчетным желанием спасти своего господина как можно скорее и всеми средствами, какие ему представятся, он не колеблясь последовал за своими странными провожатыми, но, когда одумался, недоверие пробудилось в нем сильнее прежнего; бретонец не хотел дольше оставаться с людьми, которых встретил, не удостоверившись в их честных намерениях чем-нибудь положительным, что служило бы неопровержимым доказательством.

Одно то, что они индейцы и, следовательно, соплеменники тому, кто захватил его господина в плен, уже достаточно оправдывало его недоверие к ним, а с тех пор, как они ехали вместе, ничто не доказало ему преданности, которой они хвастались, — напротив, эти люди все время хранили мрачное молчание.

Подобно большей части людей, хотя и живших долгие годы в Америке, Ивон знал индейцев только по лживым отзывам их врагов. К несчастью, с тех пор как он находился в прериях по роковому стечению обстоятельств, дурное мнение, которое бретонец составил себе о краснокожих по этим отзывам, только усилилось, подкрепляемое фактами.

Как только он сошел с лошади и снял с нее уздечку, чтобы она пощипала молодые побеги на кустах, наш бретонец решительно подступил к Красному Волку и хлопнул его по плечу. Индеец, который пристально смотрел на реку, обернулся.

— Чего хочет бледнолицый? — спросил он.

— Поговорить с вождем.

— Время неудобно для разговоров, — поучительно сказал индеец. — Бледнолицые подобны многогласному дрозду, их язык вечно в движении. Пусть мой брат подождет.

Ивон не понял колкости.

— Нет, — возразил он, — нам надо поговорить сейчас.

У индейца вырвалось нетерпеливое движение, которое он, однако, тотчас поборол.

— Уши Красного Волка открыты, — сказал он. — *Болтливая Сорока* может говорить.

Краснокожим трудно произносить имена чужеземцев, с которыми их сводят случайности охоты или торговли, поэтому они обычно заменяют их прозвищами, исходя из характера или наружности человека, которого хотят обозначить.

Ивона черноногие прозвали Болтливой Сорокой; мы воздержимся от суждения, насколько это прозвище было метко.

Бретонца, по-видимому, не оскорбили слова Красного Волка; поглощенный мыслью, которая крайне заботила его, он оставался равнодушен ко всему другому.

— Выдали мне словоспасти Стеклянного Глаза, — сказал он.

— Дал, — коротко ответил индеец.

— Я принял ваше предложение беспрекословно, целых три часа я следовал за вами, не говоря ни слова, но, прежде чем отправиться дальше, я должен узнать, какие средства вы намерены употребить, чтобы освободить его из рук врагов.

— Брат мой глух? — спросил индеец.

— Не думаю, что глух, — возразил Ивон, немного обидевшись на такой вопрос.

— Тогда пусть слушает.

— Я слушаю.

— И ничего не слышит?

— Хоть бы что-нибудь, должен я сознаться.

Красный Волк пожал плечами.

— Бледнолицые бесхвостые лисицы, — сказал он с презрением, — они слабее детей в лугах. Посмотрите, — прибавил он, указывая рукой на реку.

Ивон взглянул в указанном направлении, приставив руку козырьком над глазами, чтобы лучше видеть.

— Ну что? — спросил индеец через минуту. — Увидел мой брат?

— Ничего не вижу! — решительно вскричал бретонец. — Пусть черт свернет мне шею, если я в состоянии различить что-либо!

— Так подождите немного, — ответил индеец со свойственным ему хладнокровием, — скоро увидите и услышите.

— Гм! — пробормотал бретонец, не совсем довольный объяснением. — Что я увижу и услышу вскоре?

— Тогда мой брат узнает.

Ивон собрался было настаивать, но вождь взяв его за руку, быстро заставил отступить назад и спрятал его за группу деревьев, где Цвет Лианы уже успела скрыться.

— Молчите! — прошептал Красный Волк так повелительно, что бретонец, убедившись в важности требования, отложил свои дальнейшие расспросы до более удобного времени.

Прошло несколько минут.

Красный Волк и Цвет Лианы, наклонившись вперед и слегка раздвинув листья, пытливо всматривались вдаль в направлении реки, затаив дыхание.

Невольно заинтересованный таким необычным поведением, Ивон последовал их примеру.

Вскоре до его слуха донесся какой-то шум, но до того слабый и невнятный, что в первую минуту он сомневался, не почудилось ли ему. Тем не менее шум понемногу становился явственнее и наконец стал определенно звуком весла, осторожно опускаемого в воду. Вскоре на реке появилась черная точка, сперва едва заметная, но мало-помалу все увеличивавшаяся в размере.

Бретонец больше не сомневался, что эта черная точка — пирога.

На некотором расстоянии от них пирога остановилась посреди реки, и шум затих.

Вдруг среди ночной тишины раздался трижды повторенный крик сороки, которому подражали с таким совершенством, что бретонец невольно поднял глаза на верхние ветви дерева, за которыми притаился. При этом сигнале пирога направилась к мысу и причалила к нему спустя несколько мгновений.

Но прежде чем сойти на берег, личность, находившаяся в пироге, дважды подняла кверху свое весло. Снова раздался крик сороки с тремя переливами.

Тогда лицо, бывшее в пироге, по-видимому совершенно поняв то, что хотело знать, вышло на берег, вытащило суде-

нышко из воды и направилось прямо к группе деревьев, которые служили наблюдательным пунктом спутникам Ивона и ему самому.

Красный Волк и Цвет Лианы, по-видимому считая бесполезным ожидать дольше, вышли из своего убежища, предвзительно предупредив бретонца, чтобы тот не показывался.

Тот остерегся бы сделать это, но со свойственной ему предусмотрительностью взвел курки пистолетов, взял по одному в каждую руку и, успокоенный такой мерой предосторожности, хладнокровно ждал, что будет.

В новом действующем лице читатель, вероятно, уже узнал миссис Маргарет, которую индейцы называли Лживой Степной Волчицей, не более часа назад расставшуюся с майором Мелвиллом в форте Макензи, где она имела с ним разговор, приведенный выше.

Хоть Маргарет и не ожидала встретить тут Цвет Лианы, однако она вовсе не казалась изумлена присутствием девушки и ласково кивнула головой. Девушка ответила улыбкой.

— Что нового? — спросила Маргарет у индейца.

— Много нового, — сказал тот.

— Говори.

Красный Волк рассказал все, что произошло на охоте, как он узнал это и как Ивон спасся бегством, чтобы отыскать помощь для своего господина.

Маргарет выслушала этот длинный рассказ с совершенным бесстрашием на лице, поблекшем от горя и покрытом сетью морщин. Когда Красный Волк замолчал, она задумалась на несколько минут и потом подняла голову.

— Где этот бледнолицый? — спросила она.

— Здесь, — ответил индеец, указывая на деревья.

— Пусть подойдет.

Вождь бросился было передать ее приказание, но бретонец услышал последние слова, произнесенные по-английски, рассудил, что они относятся к нему, вышел из своего тайника, заткнув пистолеты за пояс, и подошел к группе у берега.

Занималась заря, мрак быстро исчезал, и красноватая черта на горизонте предвещала, что солнце скоро взойдет.

Волчица так пристально устремила на бретонца свой дикий взгляд, как будто хотела проникнуть в самые сокровенные тайники его души.

Ивону не в чем было упрекать себя — скорее, он мог бы даже похвалиться своим образом действия. Конечно, он вынес этот взгляд ничуть не робея.

Оставшись довольной своими безмолвными наблюдениями, Волчица смягчила суровое выражение лица и, стараясь придать голосу некоторую мягкость, сказала бретонцу:

— Выслушай меня внимательно.

— Слушаю.

— Ты предан своему господину?

— Лягу костями за него, — твердо ответил Ивон.

— Хорошо. Стало быть, я могу положиться на тебя?

— Можете.

— Ты ведь понимаешь, что вчетвером мы не можем помочь твоему хозяину?

— Действительно, это трудно.

— Мы также хотим отомстить Серому Медведю.

— Очень хорошо.

— Нами давно уже приняты меры к тому, чтобы достигнуть этой цели; теперь время настало, но следует предупредить наших союзников.

— Это верно.

Она сняла с пальца перстень.

— Возьми этот перстень. Ты умеешь грести, надеюсь?

— Я бретонец, а это все равно что моряк.

— Тогда садись в эту пирогу и не теряя ни минуты поднимись вверх по реке до форта.

— Гм! Это далеко?

— Ты будешь там через час, если поторопишься.

— Будьте спокойны.

— В форте спроси коменданта, майора Мелвилла, отдай ему этот перстень и расскажи то, чему был свидетелем.

— Это все?

— Нет. Майор даст тебе отряд солдат, с которым ты вернешься к нам, в стан Джона Брайта. Ты найдешь его?

— Думаю, что найду, тем более что он, кажется, расположен на берегу реки.

— Ты должен проехать мимо него по пути в форт.

— А что мне делать с пирогой?

— Бросишь ее.

— Когда мне отправляться?

— Сейчас; солнце взошло, надо торопиться.

— А вы что будете делать?

— Я уже сказала, что мы отправимся к Джону Брайту и там будем ожидать тебя.

Бретонец задумался.

— Теперь вы меня выслушайте, — сказал он. — Я не имею привычки противиться приказаниям, когда считаю их справедливыми. Не думаю, чтобы в таком важном случае вы хотели посмеяться над беднягой, который от горя совсем потерял голову и был бы рад пожертвовать жизнью, чтобы спасти своего господина.

— Ты прав.

— Я исполню то, что вы сказали.

— Тебе следовало бы уже приступить к исполнению.

— Пожалуй, но я должен прибавить еще одно слово.

— Я слушаю.

— Если вы обманываете меня, если не поможете мне спасти моего господина, то, хоть я и известный трус, я клянусь, что прострелю вам голову! Где бы вы ни спрятались от меня, даже в недрах земли, я и там отыщу вас, чтобы сдержать свою клятву, слышите?

— Как не слышать!.. Теперь ты все сказал?

— Все.

— Так ступай.

— Иду.

— До свидания!

Бретонец поклонился, подошел к пироге, спустил ее на воду, вскочил в нее, взял весло и удалился так быстро, что должен был достигнуть цели своего пути в самый скорый срок.

Бывшие спутники провожали его глазами, пока он не скрылся за поворотом реки.

— А что мы будем делать? — спросила Цвет Лианы.

— Пойдем совещаться с Джоном Брайтом.

Маргарет села на лошадь Ивона, Цвет Лианы и Красный Волк сели на своих лошадей, и все трое помчались во весь опор.

По счастливой случайности это был тот самый день, который выбрал скваттер, чтобы дать своим домочадцам отдых.

Он выехал, как мы уже сказали, в сопровождении сына, чтобы осмотреть собственные владения.

После довольно большого объезда, во время которого скваттер при виде собственных плодородных земель и великолепных деревьев в лесу неоднократно приходил в восторг,

понятный одним только землевладельцам, Брайты уже готовились вернуться к своему укрепленному стану, когда Уильям указал отцу на трех всадников, приближавшихся к ним во весь опор.

— Гм! — заметил Джон Брайт. — Индейцы! Неприятная встреча. Спрячемся за кустарник и посмотрим, что им надо.

— Позвольте, отец, — возразил молодой человек, — я думаю, это будет лишней предосторожностью.

— Почему так, мальчик?

— Среди них две женщины.

— Это ни о чем не говорит, — сказал скваттер, сделавшийся чрезвычайно осторожным после нападения краснокожих. — В этих проклятых племенах, как тебе известно, женщины сражаются не хуже мужчин.

— Положим, но теперь они распустили в знак мира бизоновую шкуру.

— Ты прав, мальчик, — промолвил скваттер немного погодя, — подождем их здесь... к тому же, если не ошибаюсь, я вижу среди них старую знакомую.

— Женщина, которая спасла нас, не правда ли?

— Именно она. Странная встреча, ей-Богу! Бедняга! Я рад ее видеть.

Спустя десять минут всадники уже подъехали к ним.

После первых приветствий заговорила Волчица.

— Узнаете вы меня, Джон Брайт? — осведомилась она.

— Конечно, узнаю, достойная женщина, — ответил скваттер с чувством. — Хотя я и видел вас недолго и при страшных обстоятельствах, но помню вас очень хорошо и с сердечной признательностью; будьте спокойны, у меня одно желание, чтобы вы доставили мне случай доказать вам это на деле.

Удовольствие блеснуло во взоре Волчицы.

— Вы говорите искренне? — спросила она.

— Испытайте меня, — ответил Джон с живостью.

— Хорошо, я не ошиблась в вас, теперь я радуюсь тому, что сделала, когда вижу, что оказанная мной услуга не упала на неблагоприятную почву.

— Говорите, что мне делать.

— Не здесь; мне надо сообщить вам нечто очень важное, это потребует долгих объяснений, а здесь вовсе не место для беседы.

— Хотите заехать ко мне? Там нам никто не помешает.

— Если вы позволите.

— Как! Если позволю, достойная женщина?! Разумеется, мой дом и все, что в нем находится, с хозяевами в придачу, в вашем распоряжении.

Маргарет грустно улыбнулась.

— Благодарю, — сказала она, подавая ему руку.

Джон Брайт радостно пожал протянутую руку.

— Так пойдемте, — сказал он, — здесь нам больше нечего делать.

— Поедем, — ответила Маргарет.

Они поскакали по направлению к стану.

Ехали молча, каждый был поглощен собственными мыслями и не думал заговаривать со спутниками.

До стана оставалось уже совсем небольшое расстояние, когда они вдруг увидели человек двадцать верхом, по-видимому охотников, которые выезжали из густого леса, тянувшегося направо от дороги.

— Это еще что? — вскричал в изумлении Джон Брайт, притянув поводья, чтобы остановить лошадь.

— Эге! — заметила Волчица, не отвечая скваттеру. — Француз поторопился...

— Что вы хотите сказать?

— Потом все объясню, теперь же примите этих добрых людей, да порадушнее.

— Гм! Пожалуй, отчего бы и не принять, — заметил Джон Брайт с некоторым недоверием. — А все-таки мненано знать сперва, кто они и что им здесь нужно.

— Это такие же американцы, как и вы, Джон Брайт; я потребовала их у коменданта форта, где они несут службу в гарнизоне, и он прислал их сюда.

— О каком форте и о каком гарнизоне вы говорите, почтенная женщина? Клянусь честью, я ничего не понимаю!

— Как! Вы до сих пор не знаете ваших соседей?

— У меня есть соседи? — с неудовольствием вскричал скваттер.

— В пяти милях, самое большое, стоит форт Макензи, которым командует храбрый военный, майор Мелвилл.

При этом объяснении лицо скваттера повеселело: сосед был ему не соперник, но защитник. Итак, все оказывалось к лучшему.

— Вот он что! Я засвидетельствую ему свое почтение, — сказал Джон, — таким знакомством в прерии пренебрегать нельзя.

Майор Мелвилл немедленно выслал отряд, которого потребовала его сестра, но сообразив, что обычные солдаты едва ли исполнят так хорошо замышляемое внезапное нападение, он отправил человек двадцать лесных наездников и наемников из самых храбрых и опытных, под командой верного офицера, который давно служил компании, знал прерии вдоль и поперек и был прекрасно осведомлен о хитростях коварного неприятеля, с которым придется иметь дело.

Съехались они с маленьким отрядом у подножия холма. Джон Брайт радушно встретил присланное подкрепление, хотя еще не знал, на что оно ему понадобится.

Ивон сиял от радости; теперь достойный бретонец был уверен, что спасет своего господина, когда располагал таким количеством превосходных винтовок. Все его подозрения улетучились, он рассыпался в изъявлениях благодарности и в извинениях перед Степной Волчицей и двумя ее индейскими друзьями.

Как только все въехали в стан и охотники разместились там со всеми удобствами, Джон Брайт вернулся к своим гостям и после закуски, которую предложил им, сказал:

— Теперь я жду ваших объяснений.

Так как вскоре мы на деле увидим план, который был разработан на этом совещании, то считаем лишним излагать его здесь в подробностях.

ГЛАВА XXIV

Стан черноногих

А ва дня прошло со времени событий, переданных нами в предыдущей главе.

В селении кайнахов дело идет к ночи.

Там сильная суeta: готовится экспедиция.

Ночь стоит светлая, звездная.

Перед каждой хижинной разведены костры, распространяющие яркий красноватый свет, от которого светло во всем селении.

Оно представляет собой странное и поразительное зрелище со своим суетливым населением, которое кишит и снует во все стороны, озаренное красными отблесками костров.

Граф де Болье и Меткая Пуля, с виду совершенно свободные, тихо разговаривали между собой; они сидели на земле, прислонившись спиной к стене хижины.

Давно уже вышел срок, в течение которого граф обязался быть пленником на слово, однако индейские вожди удовлетворялись тем, что отняли у охотника и у него оружие, по-видимому не обращая на них больше никакого внимания.

На большой площади разведены два огромных костра. Вокруг первого, разложенного перед хижинной совета, сидят Белый Бизон, Серый Медведь, Красный Волк и еще трое или четверо главных вождей племени.

Вокруг другого костра человек двадцать воинов безмолвно курят трубки.

Таков был вид селения кайнахов в тот день, когда мы снова приступаем к нашему рассказу, часов в девять вечера.

— Зачем позволять бледнолицым блуждать по селению? — спросил Красный Волк.

Серый Медведь улыбнулся.

— Разве у белых ноги газели или, может, орлиный глаз, чтобы отыскать свой затерянный след в прерии?

— Мой отец прав, если говорит о Стеклянном Глазе, — настаивал Красный Волк, — но Меткая Пуля одарен храбростью краснокожих.

— Да, один он старался бы бежать, но он не бросит своего друга.

— Друг может следовать за ним.

— У Стеклянного Глаза мужественное сердце, но слабые ноги, он не умеет ходить по прерии.

Красный Волк опустил голову, как будто убежденный, и больше не возражал.

— Настал час выступления, союзные нам народы идут теперь к месту сходимки, — мрачно сказал Белый Бизон. — Девять часов, сова прокричала два раза, и луна всходит.

— Хорошо, — ответил Серый Медведь, — сейчас станут выкуривать лошадей, а там и в путь отправимся.

Красный Волк пронзительно свистнул.

При этом сигнале двадцать всадников вихрем примчались на площадь и, гарцуя, направились к тому костру, вокруг которого двадцать воинов, сидя на корточках, обнаженные до пояса, молча курили.

Эти воины, тоже кайнахи, оказались без лошади по какой-нибудь случайности — вследствие боя или болезни;

всадники были их приятелями, каждый из которых перед экспедицией хотел подарить коня своему другу.

Гарцуя вокруг курильщиков, которые, по-видимому, не обращали на них внимания, каждый всадник высмотрел того, кому хотел отдать лошадь, и удары кнута посыпались на голые плечи бесстрастных воинов.

При каждом ударе всадники выкрикивали имя своего приятеля и прибавляли:

— Презренный нищий! Ты желаешь получить мою лошадь, даю тебе ее, но ты век будешь носить на плечах кровавые следы моего кнута!

Эта процедура продолжалась с четверть часа; хотя кровь струилась по их телу, воины выносили пытку без крика, без стога, они были холодны и неподвижны, точно статуи из флорентийской бронзы.

Наконец Красный Волк свистнул опять, и всадники исчезли так же быстро, как появились.

Пострадавшие встали как ни в чем ни бывало и с сияющими лицами твердыми шагами направились каждый к великолепному, полностью оседланному коню, которого держал под уздцы бывший палач, снова превратившийся в приятеля.

Вот что черноногие разумеют под выражением «выкуривать лошадей».

Когда улеглась суматоха по случаю этого полушутовского-полутрагического эпизода, глашатай взобрался на кровлю хижины совета.

Все жители селения безмолвно стеклись на большую площадь.

— Час пробил! Час пробил! Час пробил! — закричал глашатай. — Воины, беритесь за копыта и ружья; кони нетерпеливо бьют копытом, и враги погружены в сон! К оружию! К оружию! К оружию!

— К оружию! — вскричали воины в один голос.

Серый Медведь в сопровождении воинов на таких же ретивых конях, как и он сам, появился посреди площади и грозным голосом испустил боевой клич черноногих.

При этом все схватились за оружие, вскочили в седло и встали рядами вокруг вождей, которые за десять минут очутились во главе пятисот отборных воинов на отличных конях и вооруженных с ног до головы.

Серый Медведь осмотрелся вокруг с торжеством. Глаза его случайно остановились на двух пленниках, которые все еще сидели, преспокойно беседуя между собой и, по-видимому, равнодушные ко всему, что происходило.

При этом виде вождь нахмурил свои густые брови; он наклонился к Белому Бизону, который стоял возле него, и шепнул ему что-то на ухо.

Старик ответил утвердительным знаком и направился к пленникам, между тем как Серый Медведь, став во главе отряда, отдал приказание двигаться в путь и ускакал, оставив за собой не более десятка всадников, предназначенных в случае необходимости оказать Белому Бизону вооруженную помощь.

— Господа, — произнес старик сухо, но с вежливым поклоном, — не угодно ли вам сесть на лошадей и следовать за мной?

— Это приказание, милостивый государь? — надменно спросил граф.

— К чему этот вопрос?

— К тому, что я не имею привычки повиноваться кому-либо.

— Всякое сопротивление с вашей стороны, — возразил старейшина, — не только безумно, но и скорее вредно, чем полезно для ваших интересов. Итак, садитесь на лошадей без дальнейшего промедления.

— Вождь прав, — вмешался Меткая Пуля, взглянув на графа со значением. — К чему упрямиться? Ведь сила на их стороне!

— Однако... — начал было молодой человек.

— Вот ваша лошадь, — с живостью перебил охотник. — Мы повинемся вождю, — сказал он вслух и прибавил шепотом: — Вы с ума сошли, господин Эдуард? Как знать, не представится ли нам случай совершить побег?

— Однако...

— Да садитесь же, садитесь на лошадь!

Наполовину убежденный, граф наконец поддался настояниям охотника. Когда пленники вскочили в седло, всадники окружили их и увлекли вскачь вслед за колонной, которую вскоре догнали, после чего поехали впереди нее.

Несмотря на сопротивление графа де Болье, Серый Медведь и Белый Бизон не отказались от своего плана выдать

его за Монтесуму и заставить предводительствовать союзными войсками.

Их план лишь слегка изменился: поскольку граф не хотел добровольно оказывать им содействие, то они вынудят его к этому насильно. Вот каким образом они думали поступить. Им удалось уверить индейцев, принимавших участие в охоте, что битва, вынесенная графом, битва, поразившая их изумлением — так упорно и храбро сопротивлялись два человека целой полусотне воинов — просто хитрость, желание выказать наглядно во всем блеске свои силу и могущество.

Из-за своего невежества краснокожие крайне легковжны. Грубый обман Серого Медведя, который любого цивилизованного человека заставил бы только презрительно пожать плечами, у этих до бессмыслия униженных людей имел величайший успех и еще возвысил в их глазах доблесть графа, которого они видели на свободе в селении и, по-видимому, в хороших отношениях с вождями, не стараясь понять тому причину.

Дело зашло чересчур далеко; день заговора уже был назначен, вожди не могли уведомить союзников о перемене распоряжений и принять другие меры, чтобы заменить пророка, обещанного миссурийским племенам.

Если по прибытии на место сборища не представить человека, которого ожидают увидеть, все отряды разойдутся, а замысел разрушится навски.

Необходимо было предупредить подобную катастрофу.

Вот на каком решении остановились Серый Медведь и Белый Бизон — решении отчаянном в полном смысле, но к которому они прибегли, полагаясь на случай относительно его успеха.

Как бы там ни было, но остановиться на полпути они не могли. Эти два вождя дикарей были не единственными избретами политических интриг, вынужденными в критическую минуту волей-неволей отдаться на произвол рокового божества, которое древние называли богом неизвестного, а мы — просто случаем.

Граф де Болье и его спутник должны были во все время экспедиции ехать впереди войска, не вооруженные, со стороны абсолютно свободные, но под тщательным присмотром десяти доверенных воинов, которые не удалялись бы от них ни на шаг и разmozжили бы им голову при малейшем подозрительном движении.

Этот план был нелеп и с другими людьми, а уж с индейцами оказался бы и вовсе невозможным с первых же минут, однако именно его невероятие представляло некоторую возможность на успех, думалось вождям, главным образом по смелости замысла и еще больше потому, что у графа, как они полагали, не было рядом друзей, которые попытались бы выручить его.

Бегство бретонца поначалу встревожило Серого Медведя, но труп в одежде Ивона, наполовину растерзанный хищными зверями, который нашли в том самом лесу, где скрылся Ивон, вернул вождю всю прежнюю самоуверенность, доказав ему, что нет никакого повода опасаться преданности бедного слуги.

За три часа до выступления отряда вождь велел тайно удавить, по указанию Белого Бизона, пятерых шпионов.

Красный Волк, к которому Серый Медведь и Белый Бизон имели безграничное доверие и храбрость которого не подлежала сомнению, был вождем небольшого отряда, предназначенного караулить пленников. Итак, положение вещей оказывалось вполне удовлетворительным.

Два вождя ехали шагов на пятьдесят впереди колонны, разговаривая вполголоса между собой и окончательно согласовывая мелкие детали плана действия.

Белый Бизон изложил в нескольких словах их положение и надежды.

— Наш замысел отчаянный, — говорил он, — случай может уничтожить его, случай же может принести нам успех. Все зависит от первого нападения. Если, как я полагаю, мы захватим врасплох американский гарнизон и завладеем фортом Макензи, нам и граф не понадобится, мы уберем его и уверим воинов, что он вернулся на небо, потому что мы остались победителями, а в противном случае — ну, тогда посмотрим, все решится за несколько часов. До тех пор не стоит унывать. Будем действовать осторожно.

Серый Медведь молча бросил взгляд на Цвет Лианы, которая с беспечным видом ехала сбоку от колонны. Она просила позволения сопровождать отряд, и вождь с радостью согласился.

Индийские воины ехали в безмолвии длинной вереницей по одной из тех извилистых тропинок, которые испокон веков пролагаются на равнинах ногами диких зверей.

В серебристых лучах месяца индейцы издали казались исполинской змеей, которая развивала по равнине свои чудовищные кольца.

Ночь была светлая и теплая, небо, усеянное мириадами звезд, проливало на эту картину мягкий и печальный свет, в полном соответствии с величественной и первобытной природой прерии.

Часов около четырех утра Серый Медведь остановился на вершине лесистого пригорка, посреди громадной прогалины, которая поглотила весь отряд, так что он исчез бесследно.

Форт Макензи возвышался мрачный и величественный на расстоянии пушечного выстрела.

Индейцы подошли чрезвычайно осторожно, и американский гарнизон не обнаруживал ни малейшего признака тревоги.

Серый Медведь велел раскинуть палатку и вежливо пригласил своих пленников войти в нее.

Те повиновались.

— К чему такая любезность? — осведомился граф.

— Разве вы не гость? — возразил вождь с насмешливой улыбкой и удалился.

Граф и его товарищ, оставшись одни, опустились на шкуры, предназначавшиеся им для постели.

— Что нам делать? — в унынии прошептал граф.

— Спать, — беспечно ответил охотник. — Я сильно ошибаюсь, если скоро мы не узнаем чего-нибудь нового.

— Да услышит вас Бог!

— Аминь! — заключил Меткая Пуля, смеясь. — Ба-а! И на это раз мы еще не умрем.

— Надеюсь, — сказал граф, чтобы ответить что-нибудь.

— А я так уверен. Ей-Богу, было бы любопытно, — вскричал охотник со смехом, — чтобы меня, так давно слоняющегося по прерии, убили эти краснокожие скоты!

Молодой человек невольно подивился в душе наивной самоуверенности, с какой канадец выражал свое оригинальное мнение.

В эту минуту пленники слышали поблизости легкий шум.

— Тише! — предостерег Меткая Пуля.

Они стали прислушиваться. Приятный голос запел нежно и грустно прелестную песнь черноногих, которая начинается словами:

Отдаю тебе сердце во имя Повелителя Жизни.
Я несчастлив, и никто надо мной не сжалится,
А все же велик Повелитель Жизни для меня.

— О! Я узнаю этот голос, приятель, — радостно прошептал граф.

— И я узнаю, ей-Богу! Это Цвет Лианы.

— Что она хочет сказать?

— Она предупреждает нас о чем-то.

— Ты думаешь?

— Цвет Лианы любит вас, господин Эдуард.

— Бедное дитя, и я люблю ее, но... о жалость!

— Ба-а! После дождя проглянет солнце.

— Если бы я мог увидеться с ней!

— К чему? Когда понадобится, она сумеет показаться.

Будьте спокойны, дикарки или цивилизованные — все женщины одинаковы. Но — тсс! Кто-то идет!

Они бросились на шкуры и прикинулись спящими.

Человек тихо приподнял одну полу палатки. Луч месяца проник в образовавшееся отверстие, и пленники узнали Красного Волка.

Индеец внимательно огляделся, но, вероятно, успокоенный тишиной, которая царила вокруг, опустил за собой полу палатки и сделал два шага вперед.

— Ягуар силен и смел, — сказал он вслух, как бы говоря сам с собой, — лисица хитра, но храбрый человек сильнее ягуара и хитрее лисицы, когда имеет в руках оружие, чтобы обороняться. Кто сказал, что Стекланный Глаз и Меткая Пуля дадут умертвить себя, как робкие газели?

И, не глядя на пленников, вождь опустил к своим ногам две винтовки, на которых висели пороховницы, мешочки с пулями и два длинных ножа, а затем вышел из палатки так спокойно и хладнокровно, как будто сделал самую простую вещь на свете.

Пленники в изумлении переглянулись.

— Что вы думаете об этом? — пробормотал охотник, оторопев.

— Западня, должно быть, — ответил граф.

— Гм! Западня или нет, но раз оружие тут, то я его забираю.

Канадец проворно спрятал ружья и ножи под шкуры.

Едва он успел скрыть это оружие, как пола палатки у выхода опять поднялась.

Пленники едва успели вернуться на свои места.

Человек, который вошел на этот раз, был Серый Медведь; он держал в руке горевшую окотовую ветвь, свет от которой озарял его озабоченное лицо и придавал ему мрачное выражение.

Вождь вырыл ножом яму в земле, воткнул в нее свой факел и подошел к пленникам, которые смотрели на его приближение, не трогаясь с места.

— Господа, — сказал Серый Медведь, — я просил бы вас уделить мне минуту внимания.

— Говорите, мы ваши пленники, следовательно поневоле вынуждены слушать, что вы скажете, — сухо ответил граф и слегка приподнялся на локтях, тогда как Меткая Пуля небрежно встал и пошел прикурить трубку от горевшего факела.

— С тех пор как вы мои пленники, господа, — продолжал вождь, — у вас, кажется, не было повода жаловаться на мое обращение с вами.

— Это как посмотреть на дело; во-первых, я не допускаю, что законно являюсь вашим пленником.

— О, граф! — возразил Серый Медведь, усмехнувшись. — Стоит ли говорить о законности с несчастным индейцем? Ведь вы знаете, что мы этого слова не понимаем.

— Правда. Продолжайте.

— Я пришел...

— Зачем? — нетерпеливо перебил граф. — Объяснитесь.

— Я хочу предложить вам условие.

— Мне?

— Да, вам.

— Гм! Откровенно говоря, ваше обращение со мной не внушает мне большого доверия.

Индеец сделал протестующее движение.

— Все равно, — прибавил граф, — посмотрим, о чем вы говорите.

— Я не хотел бы связать вас так, как вы были скручены, когда попали в плен.

— Очень вам признателен.

— Но в эту минуту мне необходимы все мои воины, и я никого не могу оставить, чтобы караулить вас и вашего товарища.

— Что же это значит?

— То, что я требую вашего честного слова не стараться бежать в течение двадцати четырех часов.

— Какое же тут условие?

— Позвольте, я сейчас дойду до этого.

— Хорошо, я жду.

— Взамен того я обязуюсь...

— Ага! — заметил граф. — Посмотрим, что вы там обязуетесь сделать. Это любопытно!

— Я обязуюсь, — продолжал вождь все так же хладнокровно и бесстрастно, — возвратить вам свободу по истечении этих двадцати четырех часов.

— И моему товарищу?

Индеец утвердительно кивнул головой.

Граф расхохотался во все горло.

— А если мы не примем этого условия? — поинтересовался он.

— Если нет?

— Ну да.

— Примете, — возразил индеец, насмешливо улыбаясь.

— Положим, но предположите на миг противное.

— Тогда вас обоих привяжут на рассвете к столбу пыток и будут истязать до заката солнца.

— Ого! Это ваше последнее слово?

— Последнее. Через полчаса я приду за вашим ответом.

Вождь повернулся, чтобы выйти.

Граф вскочил, как ягуар, и очутился на ногах перед индейцем, держа в одной руке нож, в другой ружье.

— Минутку! — вскричал он.

— О-о-а! — воскликнул вождь, скрестив руки на широкой груди и глядя на пленников с насмешливым видом. — По моему, вы приняли меры.

— Еще бы не принять, черт побери! — посмеиваясь, возразил Меткая Пуля. — Теперь наша очередь предписывать условия, если не ошибаюсь.

— Быть может, — холодно ответил Серый Медведь, — но у меня нет времени на пустую трату слов, пропустите меня, господа.

Меткая Пуля бросился к входу.

— Полноте, вождь, — сказал он, — не может же все это кончиться таким образом; мы не старые бабы, которых легко напугать! Прежде чем нас привяжут к столбу пыток, мы вас убьем.

Вождь презрительно пожал плечами.

— Вы с ума сошли, — сказал он, — пропустите меня, старый охотник, не вынуждайте к насильственным мерам.

— Нет-нет, вождь, — посмеиваясь, возразил Меткая Пуля, — мы не расстанемся таким образом! Тем хуже для вас, — зачем вы сунулись в волчью пасть?

Серый Медведь сделал нетерпеливое движение.

— Вы непременно хотите этого, — произнес он, — ну, так смотрите.

Он поднес к губам свисток из человеческой голени, который висел у него на шее, и пронзительно свистнул несколько раз.

Мгновенно бока палатки были распороты, и не успели европейцы опомниться и сообразить, что произошло, как чернокожие воины уже ринулись к ним, обезоружили их и связали.

Вождь все стоял со скрещенными на груди руками и бесстрастно взирает на происходящее.

Кайнахи с занесенными топорами как будто ожидали, устремив глаза на своего вождя, последнего приказа, последнего знака.

Это была ужасная минута ожидания; при всей храбрости пленников, нападение, жертвой которого они сделались, было так внезапно, так стремительно, что они чувствовали невольную внутреннюю дрожь.

Вождь наслаждался своим торжеством несколько мгновений, но затем повелительно поднял руку.

— Ступайте, — сказал он, — да возвратите оружие этим воинам, они гости Серого Медведя.

Черноногие скрылись так же быстро, как появились.

— Ну что? — спросил вождь слегка насмешливо. — Поняли вы меня наконец? Полагаете ли вы и теперь, что я в вашей власти?

— Хорошо, милостивый государь, — сухо ответил граф еще под живым впечатлением пережитых минут, — я вынужден признать то преимущество, которое случай дает вам надо мной; всякое сопротивление бесполезно, поэтому я соглашаюсь на этот раз исполнить вашу волю, но не иначе, как с двумя условиями.

— Принимаю их заранее, граф, — ответил Серый Медведь с поклоном.

— Не говорите опрометчиво, милостивый государь, вы даже не знаете, чего я потребую от вас.

— Я жду вашего объяснения, граф.

— Раз уж нет иного выхода, я буду во главе вашего войска, но один, без оружия, и в предстоящей мрачной трагедии ни за что не соглашусь на какую-либо другую роль, которую вы вздумали бы навязать мне.

Вождь нахмурил брови.

— А если я не согласен, граф? — возразил он глухим голосом.

— Если не согласны, — ответил граф с самым спокойным видом и ровным голосом, — я прибегну к верному и вполне действенному средству, чтобы заставить вас согласиться.

— К какому, граф?

— Я пушу себе пулю в лоб на виду у всех ваших воинов.

Вождь бросил на него ехидный взгляд.

— Хорошо, — сказал он спустя минуту, — я согласен. Посмотрим теперь, каково ваше второе условие.

— Будете ли вы победителем или побежденным — а, надо сказать, я желаю последнего...

— Благодарю, — перебил вождь с насмешливым поклоном.

— Так вот, после сражения, каков бы ни был его исход, — продолжал граф, — вы будете честно биться со мной на равном оружии.

— О! Да вы предлагаете мне то, что у вас, белых, называется поединком, как вижу?

— Вам это неприятно?

— Напротив, принимаю это предложение, и очень охотно; у нас, кайнахов, также в традиции решать личные ссоры подобным образом.

— Стало быть, вы согласны на мои условия?

— Согласен, граф.

— Но кто же поручится мне, — продолжал молодой француз, — что вы говорите правду, а не обманываете меня?

— Я тому порука, — произнес громкий голос.

Все трое обернулись. У входа в палатку стоял неподвижно Белый Бизон.

При неожиданном появлении этого странного человека, черты которого дышали теперь величием, граф подчинился ему почти невольно и молча наклонил голову.

— Господа, — продолжал Серый Медведь, — вы свободны в черте стана.

— Спасибо, — ответил Меткая Пуля сердито, — но я-то ничего вам не обещал.

— Вы? — равнодушно переспросил вождь. — Можете оставаться или уходить, мне все равно.

Отвесив графу де Болье чинный поклон, вожди немедленно вышли.

ГЛАВА XXV

Перед нападением

ыйдя из палатки, вожди несколько минут шли рядом, не обмениваясь ни единым словом; оба казались погружены в глубокие размышления, вызванные, вероятно, предстоящими важными событиями, исход которых решал судьбу индейских племен в этой части американского материка.

Они достигли возвышенного пункта на пригорке, откуда открывался прекрасный вид далеко вокруг.

Ночь была тихая и благоухающая, в воздухе ни малейшего ветерка, ни одной тучки на темно-голубом небе, усеянном блестящими звездами; величественное безмолвие царствовало в прерии, где, однако, в эту минуту скрывались несколько тысяч человек, только и ожидавших слова или знака, чтобы приступить к резне.

Идущие машинально остановились и бросили задумчивый взгляд на величественную картину, расстилавшуюся у их ног.

На расстоянии трех ружейных выстрелов, у берега реки, волны которой казались при лунном свете широкой серебряной лентой, форт Макензи, мрачный и безмолвный, резко выделялся черным силуэтом, и сплошная тень его массивных сооружений простиралась далеко. Легкое дуновение ветра таинственно пробегало по кудрявым верхушкам деревьев и заставляло глухо содрогаться листву, а далее, словно величественная рама этой дивной картины, снежные вершины высоких пиков и зубчатых хребтов окаймляли пейзаж.

— На рассвете, — прошептал Серый Медведь, отвечая скорее на собственную мысль, чем обращаясь к спутнику, — эта гордая крепость будет принадлежать мне! Краснокожие

станут властелинами там, где еще владычествуют теперь их жестокие гонители.

--- Да, — машинально ответил Белый Бизон, — овладеть фортом ты можешь, но сумеешь ли удержать его в своих руках? Победить ничего не значит. Сколько раз краснокожие побеждали белых, а все же те поработили индейцев, их иго тяготеет над ними; они истребили, они рассеяли индейцев подобно тому, как осенний ветер разметает сухие листья.

— Правда, — со вздохом сказал молодой предводитель, — так было всегда с той минуты, когда белые ступили ногой на эту несчастную землю. Какое таинственное влияние постоянно покровительствовало им против нас?

— Вы сами, мой милый, — возразил Белый Бизон, грустно качая головой, — вы сами себе величайшие краги. Никому кроме себя вы не можете приписывать ваших постоянных поражений. Вечно вы режетесь из-за пустых ссор, вечно воюете друг с другом, а белые не преминули тайно подстрекать наследственную вражду, которой искусно воспользовались, чтобы расправиться с вами по частям.

— Да, вы говорили мне это не раз, и, как видите, я воспользовался наставлением: теперь все миссурийские индейцы соединились в одно целое, они повинуются одному вождю, идут под одним знаменем. Поверьте, этот союз принесет обильные плоды, мы прогоним этих хищных волков из наших пределов, мы оттесним их назад в их каменные города, и впредь одни мокасины краснокожих будут ступать по этим равнинам и эхо гор на берегу Миссури пробудится только от веселого смеха индейцев или боевого клича черноногих.

— Никто не обрадуется сильнее меня такому результату, я горячо желаю видеть свободными тех, у кого пользовался братским гостеприимством, но — увы! — кто может предвидеть будущее? Вожди, которых тебе удалось стараниями и терпением соединить для великого национального подвига, эти самые вожди интригуют исподтишка, боятся исполнять твою волю и завидуют той власти, которую сами дали тебе над собой. Берегись, чтобы они тебя не бросили!

— Я не дам им времени на это, уже несколько дней я слежу за всеми их проделками, знаю все их планы. До сих пор я молчал из осторожности, мне не хотелось рисковать успехом предприятия, но как только я овладею вот этой крепостью —

о! поверьте, я заговорю тогда во всеуслышание, мой голос приобретет вес, моя власть — силу, которую вынуждены будут признавать самые беспокойные умы; победа сделает меня великим и грозным, я раздавлю пятой тех, кто втайне замышляет козни и не колеблясь восстанет против меня, если бы я потерпел поражение. Идите, отец мой, пусть все готовят к приступу при моем первом сигнале; осмотрите посты, наблюдайте за движениями неприятеля, через два часа раздастся мой боевой клич!..

Белый Бизон посмотрел на вождя со странным выражением, где дружба, страх и удивление поочередно одерживали верх, потом положил ему руку на плечо и сказал с глубоким чувством:

— Дитя, ты безумец, но безумец великодушный; дело перерождения, о котором ты мечтаешь, невозможно, но восторжествуешь ты или падешь, твоя попытка не пройдет бесследно; твой путь оставит на этой земле за собой светлый луч, который когда-нибудь в будущем послужит маяком для тех, кто после тебя примется за дело освобождения родного племени.

После минутного безмолвия — более красноречивого, чем любые слова, — они крепко обнялись. Наконец они расстались, и Серый Медведь остался один.

Молодой вождь вполне понимал трудности своего положения. Он видел, сколь справедливы замечания его приемного отца, но теперь поздно было отступать, следовало идти вперед во что бы то ни стало. Мы объяснили подробно в одной из предыдущих глав те причины, которые, так сказать, вынудили Серого Медведя поспешить с исполнением его замысла, теперь же, когда настала минута открытой борьбы, всякое колебание, всякий страх исчезли из сердца молодого предводителя и заменились холодной, непоколебимой решимостью, при полной свободе мысли, чтобы искусно разыграть решительную партию, от которой зависела судьба его племени.

После ухода Белого Бизона он сел на выступ скалы, облокотился на колени и, подперев руками голову, устремил взгляд на равнину. Вождь впал в глубокую задумчивость.

Уже давно он сидел словно в забытьи, лишь смутно сознавая окружающую его действительность, когда чья-то рука легко опустилась на его плечо.

Вождь вздрогнул, как от электрического разряда, и быстро поднял голову.

— О! — воскликнул он с душевным волнением, которого не мог побороть. — Цвет Лианы здесь, в такой час!

Девушка кротко улыбнулась.

— Чему изумляется мой брат? — возразила она своим нежным мелодичным голосом. — Он знает, что Цвет Лианы любит бродить ночью, когда дремлет природа и голос Великого Духа слышен явственнее. Мы, молодые девушки, любим мечтать ночью при грустном свете, который тихо проливают звезды в тумане; он иногда точно делает осязаемыми наши мысли.

Вождь молча вздохнул.

— Вы печальны? — тихо спросила Цвет Лианы. — Вы — главный вождь нашего народа, самый славный воин нашего племени; что может заставить вас вздохнуть?

Серый Медведь взял крошечную ручку, которую девушка не отнимала у него, и нежно пожал ее в своих руках.

— Разве не знает Цвет Лианы, — сказал он наконец, — отчего я страдаю, когда нахожусь рядом с ней?

— Откуда же мне знать? Хотя мои братья называли меня *девой прекрасной любви* и предполагают, будто я общаюсь с духами воздуха и вод, увы! — я просто несведущая девушка. Я хотела бы знать причину вашей печали — тогда, быть может, мне удалось бы излечить ее.

— Нет, — возразил вождь, качая головой, — это не в твоей власти, дитя, для этого надо, чтобы твое сердце отвечало на биение моего, чтобы птичка, так сладко поющая в груди молодых девушек и шепчущая им на ухо такие нежные слова, прилетела и к тебе.

Девушка улыбнулась и покраснела; она опустила глаза и сделала усилие, чтобы высвободить руку, которую Серый Медведь все держал в своих руках.

— Птичка, о которой говорит мой брат, уже прилетела ко мне, я видела ее, я слышала ее пение.

Вождь вскочил, и глаза его сверкнули.

— Ты любишь? — вскричал он, сильно взволнованный. — Кто из молодых воинов нашего племени сумел тронуть твое сердце и внушить тебе любовь?

Цвет Лианы заодно покачала прелестной головкой, улыбка слегка раскрыла ее свежие коралловые губки.

— Не знаю, то ли вы называете любовью, что чувствую я, — возразила она.

Серый Медведь помолчал.

— Почему и не быть этому? — тихо продолжал он с усилием. — Законы природы неизменны, никто не в состоянии уклониться от них. И для этого ребенка должен пробить час любви. По какому праву мне восставать против этого? Разве нет у меня в сердце священного чувства, перед которым меркнет всякое другое? Человек в моем положении настолько выше обыкновенных страстей, цель его так велика, что он не может поддаваться чувству любви к женщине. Тот, кто метит в избавители и преобразователи народа, сам уже не принадлежит к человеческому роду. Будем же достойны дела, за которое взялись, и предадим забвению безумную и безнадежную страсть... Эта девушка не может мне принадлежать, все становится между нами; следует быть сй отцом — и не более!

Он в унынии опустил голову на грудь и в течение нескольких минут оставался погружен в мрачные размышления.

Цвет Лианы смотрела на него с нежным состраданием; она не могла расслышать того, что вождь говорил про себя вполголоса, и ничего не поняла из его слов, но питала к нему горячую дружбу и страдала при виде его страданий. Не зная, чем утешить его, она ожидала с нетерпением, чтобы он наконец вспомнил об ее присутствии и заговорил с ней.

Наконец он поднял голову.

— Моя дочь не назвала мне того из наших молодых воинов, которого она предпочитает другим.

— А вождь не угадал? — робко спросила она.

— Серый Медведь вождь, он отец своих воинов, но он не подстерегает их поступки и мысли.

— Тот, о ком я говорю, не кайнах, — возразила девушка.

— А! — в изумлении вскричал Серый Медведь, пылливо взглянув ей в лицо. — Это один из моих гостей?

— Его пленников, хочет сказать мой брат... — прошептала девушка.

— Что это значит, Цвет Лианы? Тебе ли, ребенку, едва родившемуся на свет, судить и объяснять мои действия? Ах! — прибавил он, нахмурив брови. — Теперь я понимаю, отчего бледнолицые были вооружены, когда я вошел к ним с час назад; не нужно теперь называть мне того, кто любим моей дочерью, я знаю его.

Девушка зарделась и опустила голову.

— Хорошо, — продолжал вождь сурово, — ты вольна любить, кого хочешь, но любовь не должна побуждать тебя изменять своему народу для бледнолицых. Цвет Лианы — дочь кайнахов!.. Для этого сообщения она пришла ко мне?

— Нет, — боязливо ответила девушка, — мне приказала прийти особа, которая сама придет, чтобы открыть мне в присутствии вождя важную тайну.

— Важную тайну? — повторил Серый Медведь. — Что это за особа?

— Ее называют Степной Волчицей, но со мной она всегда была добра, кротка и ласкова, несмотря на свою ненависть к индейцам.

— Странно!.. — пробормотал вождь. — Так ты ждешь ее?

— Жду.

— Она назначила тебе свидание?

— Да, назначила.

— Ведь она сумасшедшая! — вскричал вождь. — Разве ты не знаешь этого, бедное дитя?

— К кому милостив Великий Дух, у того он отнимает разум, чтобы тот не чувствовал страдания скорби, — кротко возразила девушка.

Уже в течение нескольких секунд в листве слышался едва уловимый шелест, но опытное ухо вождя подметило бы его, если бы он не был поглощен разговором с молодой девушкой.

Вдруг ветви мгновенно раздвинулись и несколько человек, приведенных Степной Волчицей, бросились на вождя, опрокинули его на землю, прежде чем он успел опомниться от неожиданного нападения, и крепко скрутили его.

— Сумасшедшая! — вскричал Серый Медведь.

— Да, да, сумасшедшая! — повторила женщина прерывающимся голосом. — Наконец-то я дождалась мести! Она в моих руках! Благодарю, — обратилась она к двум-трем сопровождавшим ее людям, — теперь я покараю его; он не уйдет, не бойтесь.

Три человека ушли молча; хотя в одежде индейцев, они скрывали свое лицо под плотными масками из ягуаровой шкуры, и не было никакой возможности узнать их.

На вершине пригорка теперь осталось всего три лица: Цвет Лианы, Маргарет и Серый Медведь, который с глухим стоном силится порвать узы.

Волчица пожирала глазами врага, лежащего у ее ног, и в ее взоре блистала невыразимая радость.

Цвет Лианы стояла неподвижно возле вождя и глядела на него задумчиво и грустно.

— Да, — говорила Волчица с выражением удовлетворенной ненависти, — рычи, пантера, грызи свои узы, которых не перегрызешь, наконец ты в моих руках! Теперь моя очередь терзать тебя, отплатить тебе за те страдания, которые ты причинял мне. О! Никогда я не отомщу тебе сполна, тебе — палачу всего моего семейства. Бог справедлив! Око за око, зуб за зуб, подлец!

Она подняла с земли упавший кинжал, который лежал у ее ног, и стала колоть его по всему телу.

— Отвечай, говори, слышишь ты, как холод стали проникает в твоё тело? — продолжала она. — О! Я хотела бы убить тебя тысячу раз, если бы можно было наносить тысячу смертей в одно и то же время!

Вождь презрительно улыбнулся. В порыве бешенства Волчица занесла над ним кинжал, но Цвет Лианы перехватила ее руку.

Маргарет обернулась, словно тигрица, но, узнав девушку, выронила оружие из трепещущих рук, и в лице ее мгновенно отразились кротость и неизмеримая любовь.

— Ты! Ты здесь! — вскричала она. — Бедное дитя, ты не забыла о назначенном мной свидании, Бог прислал тебя!

— Да, — ответила девушка, — Великий Дух видит все, моя мать добра, Цвет Лианы любит ее, зачем так терзать человека, который заменил отца безродной сестре? Вождь всегда был добр к Цвету Лианы; простите его.

Маргарет посмотрела на милую девушку с тупым оцепенением, потом вдруг черты ее лица исказились, и она захохотала пронзительным, порывистым смехом.

— Как! — вскричала она резким голосом. — Ты, ты, Цвет Лианы, просишь за этого человека?

— Он был мне отцом, — просто ответила девушка.

— Да ведь ты не знаешь его!

— Он всегда был добр.

— Молчи, дитя, не проси Волчицу, — мрачно сказал вождь. — Серый Медведь воин, он сумеет умереть.

— Нет, вождь не должен умереть, — твердо возразила индианка.

Серый Медведь усмехнулся.

— Отомщен-то я, — сказал он.

— Собака, молчи! — крикнула на него Волчица и каблукком ткнула ему в лицо. — Молчи — или я вырву твой ехидный язык!

Индеец презрительно усмехнулся.

— Моя мать пойдет со мной, — сказала девушка, — я развяжу вождя, чтобы он вернулся к своим воинам, которые идут на бой.

Она подняла с земли кинжал и встала на колени возле пленника.

Теперь Волчица остановила ее руку.

— Прежде чем освободить его, ты должна выслушать меня, дитя.

— После выслушаю, — возразила девушка, — вождю следует быть со своими воинами во время боя.

— Умоляю тебя, Цвет Лианы, во имя того, что я сделала для тебя, выслушай меня пять минут, — настаивала Волчица. — После, когда я кончу говорить, если ты непременно захочешь освободить этого человека, клянусь, я не буду препятствовать тебе в этом.

Девушка долго смотрела на нее и наконец ответила своим тихим и приятным голосом:

— Говорите, я слушаю.

Глубокий вздох облегчения вырвался из стесненной груди Волчицы.

Наступила тишина.

Только и было слышно, что глухое мычание пленника.

— Ты права, — сказала наконец Волчица грустным голосом, — этот человек опекал тебя, был добр к тебе и взрастил тебя, — как видишь, я отдаю ему справедливость... Но рассказывал ли он тебе, как ты попала в его племя?

— Нет, никогда! — прошептала девушка с грустью.

— Тогда я открою тебе тайну, которой он не смел открыть... В такую же ночь, как эта, человек, которого ты называешь отцом, напал во главе шайки свирепых воинов на твоего настоящего отца, захватил его со всем семейством, и пока твои два брата по приказанию этого чудовища жарились живые на костре, с твоего отца, привязанного к соседнему дереву, сдирали кожу живьем!

— Какой ужас! — вскричала девушка, мгновенно вскочив.

— А если ты не веришь мне, — продолжала Волчица пронзительным голосом, — сорви со своей шеи мешочек, сделанный из кожи твоего несчастного отца, и ты найдешь в нем то единственное, что сохранилось от него на земле.

Нервным движением девушка сорвала с шеи ладанку и судорожно сжала ее в руке.

— О! — воскликнула она. — Нет, нет, это невозможно, такое зверство немыслимо!

Вдруг она вытерла слезы, пристально посмотрела на Волчицу и вскричала со страшным выражением в голосе:

— Вы-то, вы откуда знаете об этом? Кто вам сказал, тот солгал!

— Я сама присутствовала при этом, — холодно возразила Волчица.

— Вы присутствовали? Вы?! Вы видели эту ужасную смерть?

— Видела. Я была при этом.

— Зачем? — вскричала девушка вне себя. — Отвечайте, зачем?

— Зачем? — повторила Волчица с невыразимым величием. — Зачем? Потому что я твоя мать, дитя!

При этом неожиданном открытии девушка мгновенно изменилась в лице, она будто онемела, глаза ее широко раскрылись, она вся затряслась от нервного трепета. С минуту она тщетно силилась вскрикнуть, потом вдруг разразилась рыданиями и упала в объятия Маргарет, вскричав душераздирающим голосом:

— Моя мать! Моя мать!

— Наконец! — иступленно взревела Волчица. — Наконец ты мне возвращена! Теперь ты моя!

Несколько мгновений мать и дочь, поглощенные собственными чувствами, забыли про весь мир.

Серый Медведь хотел воспользоваться этим случаем, чтобы спастись.

Он стал тихо откатываться в сторону, чтобы достигнуть таким способом края склона.

Вдруг девушка увидела его, подняла голову, как бы ужаленная змеей, и подбежала к нему.

— Стой! — крикнула она.

Вождь замер в неподвижности; судя по голосу девушки, он счел себя погибшим и покорился своей участи с тем фатализмом, который лежит в основе характера индейцев.

Однако он ошибался.

Цвет Лианы, вся бледная, устремляла горящий взор то на мать, то на человека, лежавшего у ее ног, и спрашивала себя в душе, ей ли, благодетельствованной вождем, принадлежит право мстить ему за смерть своего отца; она чувствовала, что рука ее не достаточно сильна, сердце не достаточно жестоко для подобного поступка.

В течение нескольких мгновений три действующих лица этой страшной сцены оставались погружены в грозное безмолвие, нарушаемое только глухим и таинственным шепотом ночи.

Серый Медведь не боялся смерти, но он трепетал при мысли, что оставит неоконченной славную задачу, за которую взялся; он стыдился, что попал в ловушку, расставленную ему сумасшедшей. Вытянув шею вперед, он тоскливо следил, нахмутив брови, за теми чувствами, которые попеременно отражались на лице девушки, как в зеркале, чтобы по ним определить, есть ли хоть один шанс на спасение его жизни, драгоценной для тех, кого он хотел освободить.

Хоть он и покорился своей участи, однако надежды не терял; напротив, он усиленно боролся до последней минуты.

Наконец Цвет Лианы подняла голову. Ее прекрасное лицо имело необыкновенное выражение, оно сияло торжеством, ее кроткие голубые глаза точно лучились.

— Дайте мне пистолеты, которые у вас в руке, — обратилась она к матери голосом мелодичным и выразительным.

— Что ты хочешь сделать, дитя? — спросила Волчица, невольно подчиняясь ее влиянию.

— Отомстить за отца, — ведь вы за этим велели мне прийти?

Волчица молча подала ей оружие. Девушка взяла его и движением быстрее мысли швырнула в бездну.

— Несчастная! — вскричала миссис Маргарет. — Что ты сделала?

— Отомстила за отца! — ответила девушка с неподражаемым величием.

— Но ведь это убийца твоего отца, несчастная!

— Знаю, вы сказали мне; но он был добр ко мне, он лелеял мое детство. Он повиновался ненависти, которую его племя питает к бледнолицым, когда умертвил моего отца, но он заменил его мне по мере сил и переломил свою натуру индейца, чтобы охранять меня и поддерживать. Нас рассудил

Великий Дух — тот, чье око непрестанно устремлено на землю.

— Несчастливая! Несчастливая! — повторяла Волчица, ломая руки в приступе отчаяния.

Девушка наклонилась к вождю и перерезала узы. Серый Медведь вскочил на ноги, как ягуар.

Волчица сделала движение, как будто хотела броситься на него, но остановилась.

— Еще не все кончено между нами! — вскричала она. — О, во что бы то ни стало я отомщу!

Она бросилась в лес и скрылась там через мгновение.

— Серый Медведь, — продолжала девушка, обращаясь к вождю, который стоял возле нее спокойный и бесстрастный, как будто ничего особенного не произошло, — я предоставляю мечь Великому Духу, женщина может только плакать. Прощай, я любила тебя как отца, которого ты отнял у меня, я не в силах ненавидеть тебя, но постараюсь забыть.

— Бедное дитя! — ответил вождь, глубоко тронутый. — Я должен казаться тебе очень виноватым. Увы! Только теперь я понимаю всю гнусность своего поступка, быть может, я когда-нибудь заслужу твое прощение.

Цвет Лианы улыбнулась с грустью.

— Простить тебя не в моей власти, — сказала она. — Один лишь Ваконда имеет на то право.

И, бросив на него последний взгляд, исполненный печали, она медленно удалилась и вошла в лес, погруженная в свои думы.

Серый Медведь долго следил за ней глазами.

— Не правы ли христиане? — пробормотал он, когда остался один. — Неужели на земле действительно существуют ангелы?

Он покачал головой и внимательно всмотрелся в небо, где звезды начинали бледнеть.

— Час настал! — тихо сказал он. — Буду ли я победителем?

ГЛАВА XXVI

Красный Волк

ля пояснения событий, которые должны следовать теперь, нам необходимо сделать несколько шагов назад и вернуться в палатку, где временно помещались граф де Болье и Меткая Пуля.

Два белых были сильно разочарованы исходом их разговора с Серым Медведем, однако граф, как истый дворянин, не мог не признать со свойственным ему благородством, что в этом случае выгодная роль осталась за индейским вождем, смелость, а главное, величие которого внушали ему невольное удивление. Что касается Меткой Пули, то достойный охотник не задумывался так глубоко; взбешенный своей неудачей, а еще более пренебрежением вождя к нему, он придумывал самые страшные планы мести, выходя из себя от бешенства.

Граф забавлялся несколько минут проделками товарища, который расхаживал взад и вперед, бормоча себе что-то под нос, сжимая кулаки, поднимая глаза кверху и стуча оземь прикладом винтовки с комичным отчаянием; но наконец молодой человек не выдержал и разразился громким хохотом.

Охотник стал как вкопанный и осмотрелся вокруг, чтобы узнать причину несвоевременной веселости графа.

— Что случилось, господин Эдуард? — спросил он. — Что вас так рассмешило?

Разумеется, этот вопрос, заданный с испугом, только заставил графа расхохотаться еще сильнее.

— Ах! Дружище, — вскричал он, — ведь я смеюсь над вашим уморительным видом и сумасбродными проделками, за которыми я наблюдаю вот уже добрых двадцать минут.

— Можно ли обращать это в шутку, господин Эдуард? — возразил Меткая Пуля.

— По-видимому, вы принимаете это близко к сердцу, любезный друг. Никогда не видел я вас таким взволнованным. Можно подумать, что вы лишились той гордой самоуверенности, которая помогала вам пренебрегать всеми опасностями.

— Нет, нет, господин Эдуард, вы ошибаетесь, мое мнение на этот счет составлено давно, я твердо уверен, что эти красные черти никогда не исхитрятся убить меня; но, видите

ли, меня бесит то, что они так ловко надули меня, это задевает мое самолюбие, знаете ли, вот я и ломаю голову, чтобы придумать средство сыграть с ними шутку в свою очередь.

— Думайте, приятель; если возможно что-либо сделать, я помогу вам. Но пока мне остается сидеть сложа руки и оставаться безучастным, — я связан словом.

— Как! — вскричал Меткая Пуля в изумлении. — Вы останетесь здесь, чтобы содействовать их дьявольским фокусам?!

— Придется, любезный друг, раз уж я обещал.

— Ну, само собой, вы обещали, иначе и сделать нельзя было, но слово, данное индейцу, не в счет, господин Эдуард. Краснокожие — идиоты! Что они смыслят в чести? В подобной ситуации Серый Медведь вовсе не считал бы себя связанным относительно вас, будьте уверены.

— Возможно, любезный друг, хотя я и не разделяю вашего мнения: Серый Медведь человек необыкновенный, он одарен редким умом.

— На что служит ему этот ум? На то разве только, чтобы превзойти своих соплеменников в хитрости и коварстве?.. Поверьте мне, не церемоньтесь, раскланяйтесь с ним по-французски, как говорят на юге, и наплюйте на все; краснокожие первые одобряют ваш поступок.

— Любезный друг, — твердо ответил граф, — напрасно распространяться на этот счет. Мы, дворяне, дав слово, подчиняемся ему безусловно, кто бы ни был тот, кому наше слово дано, и какого бы цвета ни была его кожа.

— Как хотите, господин Эдуард, это дело ваше, я не вправе давать вам советы или навязывать свое мнение, вы лучше меня рассудите, как вам надо поступать. Будьте спокойны, больше я не скажу вам ни слова об этом.

— Спасибо, друг.

— Все это прекрасно, но что же нам теперь делать?

— Как! Что нам делать? Что вам делать, хотите вы сказать?

— Нет, господин Эдуард, я сказал именно то, что хотел сказать; вы же понимаете, что я не оставляю вас одного в этом гнезде ехидн?

— Напротив, любезный друг, вы сделаете это немедленно.

— Я?! — вскричал охотник и расхохотался во всю глотку.

— Да, вы, мой друг, так надо.

— Ба-а! Почему же надо, когда вы остаетесь?

— Именно потому и надо.

Охотник задумался на минуту.

— Должен вам сказать, что я ничего не понимаю, — сказал он наконец.

— Но дело ясно, — возразил граф.

— Гм! Может быть, но только не для меня.

— Разве вы не понимаете, что нам надо отомстить за себя?

— О! Что касается этого, то я все понимаю как нельзя лучше.

— Как же мы достигнем этой цели, если вы упрямитесь и не желаете уходить?

— Да ведь вы же останетесь, — упорствовал охотник.

— Это совсем другое дело. Я остаюсь потому, что связан словом, а вы вольны уйти или оставаться. Вам надо пользоваться этим и тотчас уходить. Когда вы выберетесь на волю, отыщите приятелей, что будет не трудно в прерии; думаю, что мой честный Ивон, несмотря на свою трусость, вероятно, также хлопочет о моем избавлении. Повидайтесь с ним и решите что-нибудь. Я не могу уйти отсюда, это правда, но я и не могу запретить моим друзьям освободить меня! Если им это удастся, то мое слово будет снято с меня и ничто не помешает мне следовать за ними. Теперь вы понимаете?

— Понимать-то понимаю, господин Эдуард, но должен признаться, что не решаюсь оставить вас одного среди этих краснокожих дьяволов.

— Не беспокойтесь на этот счет, Меткая Пуля, я не подвергаюсь никакой опасности, они питают ко мне такое благоговение, что мне нечего опасаться с их стороны. Впрочем, Серый Медведь сумеет защитить меня в случае необходимости. Итак, любезный друг, послушайте меня и уходите скорее. Вы больше поможете мне, если уйдете, чем будете упорно находиться здесь, где ваше присутствие в случае опасности мне скорее навредит, чем пойдет на пользу.

— Вам лучше знать, граф, и раз вы требуете этого, то я уйду, — ответил охотник, грустно качая головой.

— Главное, будьте осторожны, выходя из стана; смотрите, чтобы вас не убили!

Охотник презрительно улыбнулся.

— Вы знаете, что краснокожие не могут справиться со мной, — возразил он.

— А я забыл! — сосмехом ответил граф. — Ну, прощайте, дружище! Не оставайтесь тут дольше. Желаю успеха!

— До свидания, господин Эдуард, позвольте мне пожать вашу руку. Как знать, сведет ли нас еще судьба!

— Нет, мы должны обняться, любезный друг, — возразил граф, — ведь мы братья!

— С радостью! — вскричал просиявший канадец и бросился в раскрытые объятия графа.

Они крепко обнялись и наконец расстались. Граф лег на кучу шкур, которые служили ему постелью, а канадец, осмотрев свое оружие, в последний раз кивнул на прощание молодому человеку и вышел из палатки.

Меткая Пуля медленно прошел стан с винтовкой в руке, высоко подняв голову и гордо осматриваясь вокруг. Индейцы, по-видимому, не обращали никакого внимания на присутствие среди них канадца и дали ему преспокойно уйти.

Когда охотник отошел на два ружейных выстрела от стана, он приостановился и стал размышлять, как ему поступить, чтобы выручить графа. В несколько минут его решение было принято, и он направился к укреплению скваттера тем беглым шагом быстрее лошадиной рыси, которым ходят люди, освоенные с прерией.

Когда Меткая Пуля дошел до плантации, Джон Брайт держал совещание с Ивоном и охотниками, которых прислал майор Мелвилл. Появление Меткой Пули вызвало громкое радостное «ура».

Американцы находились в порядочном затруднении. Как бы подробны ни были сведения, которые собрала миссис Маргарет о намерениях Серого Медведя и замыслах индейцев, все-таки ее отчет майору Мелвиллу был очень неполон по той естественной причине, что старейшины великого совета союзных племен держали свои совещания в глубочайшей тайне и Красный Волк, несмотря на свою проницательность и ловкость, с трудом уловил одну лишь небольшую часть плана, которым должны были руководствоваться вожди.

Разведчики, разосланные по всем направлениям, вернулись с грозными сведениями о передвижениях черноногих; индейцы, казалось, вознамерились теперь нанести решительный удар; все миссурийские племена отзывались на призыв Серого Медведя и теперь прибывали одно за другим, чтобы примкнуть к союзным силам, которые вначале состояли из тысячи человек, но мало-помалу достигли грозной

цифры в четыре тысячи и, по всей вероятности, не останавливаются на этом числе.

Невидимый неприятель окружил форт Макензи со всех сторон и преграждал всякое сообщение с другими фортами компании. Положение майора было крайне опасным.

Охотники находились в большом недоумении и уже несколько часов держали большое совещание, но не придумали еще никакого способа, достаточно действенного и удобоисполнимого, чтобы заставить индейцев снять осаду с форта.

Белые достигли владычества в Америке только посредством неприязни, которую разжигали между первобытными народами этого материка. Где туземцы действовали дружно, свропейцы потерпели поражение, как, например, в Чили, где арауканы до сих пор составляют независимую республику и храбро отстаивают свои права; и семинолы в Луизиане только в последнее время были покорены после ожесточенной войны, веденной по всем правилам. Да много еще индейских народов могли бы мы назвать, если бы понадобилось подтвердить фактами наше мнение.

На этот раз краснокожие, казалось, осознали важность искреннего и крепкого союза.

Вожди соединившихся народов точно предали забвению вражду и зависть, существовавшие между различными племенами, чтобы истребить общего врага. Разумеется, несмотря на свою храбрость, американцы трепетали при мысли о предстоящей губительной войне с неприятелем, ожесточенным долгими притеснениями, когда пересчитывали, сколько их, и убеждались в своей малочисленности и бессилии против громадных полчищ, готовившихся подавить их.

Совещание, прерванное на минуту прибытием Меткой Пули, продолжалось с прежним жаром.

— Ей-Богу! — вскричал Джон Брайт, с гневом ударяя кулаком по колену. — Надо сознаться, что мне не везет, — как ни кинь, а все клин! Едва я успел устроиться тут, где все предвещало мне самые приятные перспективы, как вдруг против воли оказался увлечен в войну с этими проклятыми язычниками. Кто знает, как все это закончится? Для меня ясно только то, что мы оставим тут наши скальпы. Нечего сказать, большая радость для человека мирного, у которого только одна забота — честным трудом взрастить свою семью!

— Не о том теперь речь, — возразил Ивон, — надо освободить моего хозяина во что бы ни стало! Как?! Вы боитесь драться, когда это почти ваше ремесло и весь свой век вы только этим и занимаетесь, а я, известный трус, нисколько не боюсь рисковать скальпом, чтобы спасти своего господина?..

— Вы не поняли меня, дружище Ивон, я не боюсь драться с краснокожими — сохрани меня Бог бояться поганцев, которых презираю. Но позволительно, я думаю, честному и трудолюбивому землепашцу, как я, сокрушаться о последствиях войны с этими дьяволами. Я очень хорошо знаю, чем обязан вашему господину и, конечно, не задумаюсь бежать к нему на помощь, что бы из того ни вышло. Моим небольшим достоянием я обязан ему. Я не забыл этого, ей-Богу! И дам убить себя, но долг свой исполню!

— Ну вот, так-то лучше! — вскричал обрадованный Ивон. — Я знал, что вы не способны отступить.

— К несчастью, — вмешался Меткая Пуля, — все это нисколько не приближает нас к цели. Я не вижу средства помочь нашим друзьям. Эти краснокожие черти нагрянут на вас, как туча саранчи в июле; сколько ни убивай их, а они все-таки осият нас численностью.

Эта печальная истина, вполне сознаваемая присутствующими, погрузила их в безмолвную грусть. Нельзя обсуждать физическую невозможность, ей можно только покориться. Американцы ожидали неминуемой катастрофы, и отчаяние их было соразмерно собственному бессилию. Вдруг снаружи раздался крик «к оружию!», повторенный несколько раз. Все вздрогнули, схватились за винтовки и выбежали на двор.

Крик, прервавший совещание, был призывом Уильяма, сына скваттера.

Джон Брайт все еще занимал вершину пригорка, на котором устроил свой лагерь по прибытии в эту местность; благодаря работам североамериканцев пригорок превратился в настоящий форт, способный выдержать не только внезапное нападение бродяг и воров, но даже устоять против значительных сил.

Все обратили свой взор на равнину, волнистая поверхность которой открывалась взору на пять или шесть миль вокруг. Охотники убедились с тайным страхом, что Уильям не ошибся, — многочисленный отряд индейцев в полном

боевом снаряжении мчался по равнине и быстро приближался к плантации.

— Черт побери! — пробормотал Меткая Пулясквозь зубы. — Дело дрянь. Ну, я должен сознаться, что эти проклятые нехристи порядком научились тактике; если так пойдет и дальше, они вскоре заткнут нас за пояс.

— Вы думаете? — откликнулся Джон Брайт с беспокойством.

— Как не думать! — ответил охотник. — Очевидно, что они собираются напасть на нас, их план так же ясен для меня теперь, как будто они сами сообщили мне его.

— Ага! — с любопытством вскричал Ивон.

— Сами судите, — продолжал охотник, — индейцы хотят разом напасть на все посты белых, чтобы поставить их в невозможность помогать друг другу; это очень логично с их стороны, таким образом они одолеют нас без труда и перебьют поодиночке... Гм! Человек, который предводительствует ими, страшный противник для нас! Нам надо примириться с нашей судьбой, ребята, — мы погибли, это для меня так ясно, как будто скальпель уже на наших волосах. Остается одно — оказать перед смертью храбрый отпор!

От этих слов, произнесенных охотником свойственным ему ровным и хладнокровным тоном, мороз пробежал по коже присутствующих.

— Один я, быть может, спасусь от общей участи, — беспечно прибавил Меткая Пуля.

— Ба-а! Это почему же, старина? — полюбопытствовал Ивон.

— Потому, черт побери, — с усмешкой сказал тот, — что индейцы не могут убить меня, как вам известно.

— А! — воскликнул изумленный Ивон, глядя на приятеля с восторгом.

— Да, это так, — заключил Меткая Пуля, поставив ружье прикладом на землю и опираясь руками на дуло.

Между тем краснокожие быстро продвигались вперед. Их было по крайней мере полтораста человек, и почти все имели ружья, что означало отборное войско. Шагов на десять впереди отряда ехали два всадника — вероятно, вожди.

На расстоянии полутора выстрелов от укреплений индейцы остановились, некоторое время совещались между собой, затем от них отделился всадник, пустил лошадь вскачь и,

когда подъехал к частоколу на расстояние пистолетного выстрела, махнул в воздухе бизоной шкурой.

— Эй, Джон Брайт! — насмешливо сказал Меткая Пуля. — Это относится к вам, как командиру гарнизона. Краснокожие желают вступить в переговоры.

— Ух! — вскричала американец. — Меня так и подмывает всадить вместо ответа пулю в мерзавца, который там гарцует!

С этими словами он поднял винтовку.

— Сохрани вас Бог! — остановил его охотник. — Вы не знаете краснокожих: пока не раздалось первого выстрела, еще есть возможность уговорить их.

— Знаете, старина, что вам следовало бы сделать? — произнес вдруг Ивон.

— Что же, мой осторожный приятель? — спросил канадец.

— Ведь вы не боитесь, что краснокожие убьют вас, так пойдите и переговорите с ними; пожалуй, вы еще уладите дело.

— Да-да! Это прекрасная мысль! Почем знать, что из этого выйдет? Сейчас же иду, это и в самом деле будет лучше!.. Вы идете со мной, Ивон?

— Почему бы и нет? — заметил тот. — С вами я не трушу.

— Решено. Отпирайте нам ворота, Джон Брайт, а главное, смотрите в оба во время нашего отсутствия, при первом подозрительном движении стреляйте в язычников.

— Будьте спокойны, старый охотник, — сказал тот, крепко пожимая ему руку. — Я не хотел бы, чтобы с вами случилось несчастье, вы — ей-Богу! — молодец!..

— Думаю, что так оно и есть, — со смехом ответил канадец, — но главным образом я озабочен относительно вот этого славного малого, а за себя мне опасаться нечего.

— Все равно, я глаз не спущу с этих чертей.

— Вреда это не принесет.

Ворота отворили; Меткая Пуля с Ивоном сошли с пригорка и направились к всаднику, который ожидал их, сидя на лошади с гордой осанкой.

— Ага! — прошептал Меткая Пуля, когда приблизился к нему настолько, что смог разглядеть его лицо. — Я думаю, наше дело не так плохо, как я полагал вначале.

— Почему вы так думаете? — спросил Ивон.

— А вы взгляните на этого индейца; разве вы не узнаете Красного Волка?

— В самом деле, это он. Но что из этого?

— То, что я не считаю Красного Волка таким врагом, как казалось бы с первого взгляда.

— И вы уверены, что не ошибаетесь?

— Тише! Сейчас мы увидим.

Три человека чинно раскланялись по индейскому обычаю, приложив правую руку к сердцу, а левую протянув вперед ладонью кверху и растопырив пальцы.

— Мой брат желанный гость своих бледнолицых друзей, — сказал Меткая Пуля, — не согласится ли он сесть у огня совета и выкурить трубку в моем вигваме?

— Сам охотник решит, пришел ли Красный Волк как друг, — возразил индеец.

— Хорошо, — сказал канадец. — Разве Красный Волк опасался измены со стороны своих белых друзей, что привел с собой такую многочисленную рать?

Черноногий тонко улыбнулся:

— Красный Волк — вождь кайнахов, — сказал он, — язык его не раздвоен, слова, исходящие из его груди, идут от сердца. Вождь хочет помочь своим бледнолицым друзьям.

— О! — воскликнул Меткая Пуля. — Вождь говорил хорошо, его слова приятно звучали в моих ушах. Чего желает мой брат?

— Сесть у огня совета бледнолицых, чтобы объяснить им причину, почему он здесь.

— Хорошо! Мой брат пойдет к бледнолицым один?

— Нет, другое лицо придет с вождем.

— Кто же это лицо, кому великий вождь оказывает такое доверие?

— Степная Волчица.

Меткая Пуля едва удержался от радостного движения.

— Хорошо! — повторил он. — Мой брат может прийти со Степной Волчицей; бледнолицые примут их радушно.

— Не возвестит ли мой брат охотник своим друзьям о нашем посещении?

— Да, вождь, я сейчас же пойду исполнять это поручение.

Переговоры были закончены, и после новых взаимных поклонов три человека разошлись.

Меткая Пуля и бретонец поспешно вернулись в укрепление.

— Победа! — вскричал охотник, входя. — Мы спасены!

Все столпились вокруг него, сгорая от нетерпения услышать подробности переговоров. Канадец удовлетворил всеобщее любопытство не теряя ни минуты.

— Ого! — заметил Джон Брайт. — Если старуха с ними, то мы действительно спасены.

И он весело потер руки.

После своей горестной неудачи с ловушкой, расставленной Серому Медведю, миссис Маргарет не впала в уныние, но, напротив, возгорелась еще более сильной жадой мести. Не теряя ни минуты на пустые сожаления, что ей не удалось достигнуть своей цели, она немедленно принялась за новые меры, твердо намерившись нанести решительный удар. Она была ослеплена яростью и стремилась вперед, несмотря ни на какие последствия.

Не прошло и десяти минут после того, как она оставила Серого Медведя, как она уже выезжала из лагеря в сопровождении Красного Волка, который по ее приказанию взял с собой воинов, находившихся под его началом. Все они направились к плантации скваттера.

Едва Меткая Пуля успел объяснить друзьям то, что они желали знать, как миссис Маргарет и Красный Волк въехали в укрепленный стан, где были встречены с величайшим дружелюбием, особенно Джоном Брайтом, который от всего сердца радовался, что его плантации не угрожает опасность и гроза разразится где-нибудь в другом месте.

Вернемся теперь в форт Макензи, где происходили чрезвычайные события.

ГЛАВА XXVII

Нападение

Белый Бизон и Серый Медведь составили план сражения с редким искусством.

Едва оба вождя расположились станом в прогалине, как они вступили в переговоры с предводителями других племен, стоявших лагерем неподалеку. Они хотели таким образом скоординировать общие действия, чтобы напасть на американцев со всех сторон в одно и то же время.

Хотя краснокожие до крайности хитры, но американцы успели обмануть их благодаря темноте и безмолвию, царст-

вовавшим в форте, на стенах которого нигде не блестели штыки часовых.

Оставив лошадей, уже не нужных им теперь, индейцы легли наземь, поползли в высокой траве, как пресмыкающиеся, и таким образом подобрались к самому валу форта.

Все казалось вымершим и безмолвным, но на самом деле две тысячи неустрашимых воинов коварно прокрадывались во мраке, собираясь штурмом брать крепость, где сорок храбрцев ожидали только сигнала вступить в бой.

Когда все приказания были отданы и последние воины, за исключением тех, которые стерегли пленников, сошли с пригорка, Серый Медведь, заметивший некоторое зловещее колебание в рядах союзных предводителей, решился на последнее средство, чтобы заручиться содействием графа. Мы видели, что из этого вышло.

Оставшись один, Серый Медведь дал сигнал к приступу. Индейцы понеслись на пригорок, как вихрь и, размахивая оружием, с громкими воплями ринулись на форт.

Вдруг раздался страшный залп, и форт Макензи, словно новый Синай, появился опоясанный дымом и ослепительными молниями.

Сражение началось.

Вся равнина, насколько мог охватить взор, покрылась многочисленными боевыми отрядами индейцев, которые все стекались к одному центру, неустрашимо идя вперед и то и дело направляя залпы из ружей на форт; с того места, где цепь холмов примыкала к Миссури, постоянно прибывали все новые и новые пиеганы.

Группами от трех до двадцати человек неслись они вскачь на взмыленных лошадях, что заставляло думать, что они прибыли издалека; черноногие были в боевом наряде, в различных украшениях и с разнородным оружием — с луком и колчаном на спине, с ружьем в руке, — при своих талисманах, с головами, увенчанными перьями, некоторые из которых были великолепными орлиными перьями, черными и белыми, и с развевающимся плюмажем.

Они сидели на красивых пополах из пантеровых шкур, подбитых красной материей; верхняя часть их тела была обнажена, только полоска волчьей шкуры перекинута через плечо; их щиты украшались перьями и разноцветным сукном.

В этом наряде индейцы имели величественный и грозный вид, который поражал воображение и внушал страх.

Некоторые из них, подгоняя усталых лошадей кнутом, чтобы скорее достигнуть места битвы, примчались тотчас на высоты с пением и боевым кличем.

На пригорке и около форта борьба казалась всего ожесточеннее. Черноногие укрывались за высоким частоколом, который вбили в землю во время ночи, и отвечали на огонь американцев таким же дружным огнем, криками подбадривая друг друга и призывая мужественно стоять против их неумолимых врагов.

Впрочем, отпор был так же энергичен, как и нападение, и борьба, по-видимому, должна была продлиться долго.

Уже вся равнина была усеяна множеством тел; лошади, освободившись от седоков, с громким ржанием разбежались в разные стороны, и стон раненых сливался по временам с вызывающими криками штурмующих.

Тотчас вслед за тем, как был подан сигнал, Серый Медведь бегом бросился к палатке, где находился его пленник.

— Теперь пора! — сказал он.

— Я готов, — ответил граф. — Идите, а я буду постоянно находиться возле вас.

— Так пойдемте.

Они вышли вместе и бросились вперед, чтобы встать во главе сражающихся.

Граф де Болье не был вооружен, как объявил об этом заранее; он гордо поднимал голову, когда пуля со свистом пролетала мимо его уха, и улыбался смерти, которую, быть может, призывал в душе. Несмотря на свое презрение к людям белой расы, индеец против воли восхищался таким неподдельным, таким возвышенно-стоическим мужеством.

— Вы храбрый человек, — заметил он графу.

— А вы разве сомневались? — просто ответил тот.

Между тем борьба становилась с каждой минутой все ожесточеннее.

Индейцы с львиным рыком устремлялись на палисад, которым был обнесен форт, и давали убивать себя, не отступая ни на шаг.

Ров был почти доверху наполнен их телами.

Американцы, вынужденные защищаться одновременно со всех сторон, отстреливались с методичным спокойствием

людей неустрашимых, которые без колебаний жертвовали жизнью, зная, что им неоткуда ожидать помощи.

С самого начала боя Белый Бизон взял отряд отборных воинов, занял пригорок, который возвышался над фортом Макензи, и тем еще более затруднил и без того критическое положение защитников укреплений, подвергавшихся страшному и метко направленному огню; число их было так мало, что огонь неприятеля причинял им невосполнимые потери.

Стоя у флагштока с развевающимся флагом, скрестив руки на груди, весь бледный и стиснув зубы, майор Мелвилл видел, как его люди падают один за другим, и в ярости топал ногой, что не может им помочь.

Вдруг страшный крик отчаяния раздался изнутри строений; обезумев от ужаса, жены солдат и наемников выбежали толпой на двор, спасаясь от неприятеля, которого еще не было видно.

Белый Бизон с отрядом индейцев обогнул форт и открыл потайной вход, который, как полагал майор, никому не был известен и в случае такого приступа, когда всякое сопротивление невозможно, должен был служить путем отступления для гарнизона.

С этой минуты гибель американцев была неминуема; с ними не сражались, их просто резали.

Майор бросился к строениям во главе нескольких храбрецов.

Индейцы перелезали через палисад со всех сторон, так как защитников больше не оказывалось.

Наконец небольшое число американцев, оставшихся в живых, собралось вокруг мачты, на которой развевался усеянный звездами флаг Соединенных Штатов; они прилагали все усилия, чтобы дорого продать свою жизнь, так как более всего опасались попасть живыми в руки жестоких противников.

Индейцы отвечали грозным боевым кличем на «ура» неприятеля и накидывались на него, словно волки, размахивая над головами окровавленными топорами.

— Сложите оружие! — крикнул Серый Медведь, ворвавшись на поле битвы.

— Никогда! — возразил майор, бросаясь на него с маленькой горсткой оставшихся в живых солдат.

И снова бой возобновился, ожесточеннее и неумолимее прежнего.

Индейцы стали бросать во все стороны зажженные факелы, от которых крыши строений мгновенно загорались и вспыхивали ярким пламенем.

Майор Мелвилл понял, что победа окончательно ускользает у него из рук, и попытался совершить отступление.

Но это было дело не легкое. Нечего было и думать перелезть через палисад, а единственный выход — ворота — стерегли черноногие; искусно заняв позицию, они отталкивали копьями тех, кто пытался воспользоваться этим проходом.

Однако другого выхода не было. Майор собрал своих последних солдат для отчаянной попытки и с невообразимой яростью ринулся вперед напропалую, чтобы пробиться, если возможно, сквозь толпу врагов.

Произошло ужасное сражение — лучше сказать не сражение, а бойня; схватывались врукопашную один на один, грудь с грудью, резались кинжалами, рвали друг друга ногтями и зубами, кто падал, тот не вставал, раненых мгновенно добивали.

Эта возмутительная резня продолжалась около четверти часа, две трети американцев пали, остальные наконец прорвались сквозь толпу врагов и пустились бежать, преследуемые по пятам индейцами, которые теперь приступили к ужасной охоте за людьми.

Никогда еще краснокожие не боролись с белыми так ожесточенно и так стойко. Их воодушевляло присутствие среди них графа, безоружного и улыбающегося, который казался неуязвимым, хотя находился вместе с их предводителем в самой гуще сражения и пули так и свистели вокруг него. Они действительно считали его давно ожидаемым Моктекусом, чье появление наконец возвратит им свободу, отнятую у них белыми.

Они не сводили глаз с молодого француза, приветствовали его громкими криками радости и прилагали все усилия, чтобы покончить со своими противниками.

Серый Медведь бросился к американскому флагу, схватил его за древко и взмахнул им над головой.

— Победа! Победа! — вскричал он восторженно.

Черноногие откликнулись ревом на этот крик и рассыпались во все стороны, чтобы приступить к грабежу.

В форте осталось только несколько человек. В их числе находился и майор.

Старый служака не хотел пережить свое поражение.

Индейцы бросились к нему со страшными криками, собираясь изрубить его на куски.

Старик стоял спокойно, не делая ни единого движения, чтобы защищаться.

— Стойте! — крикнул граф и, обратившись к Серому Медведю, сказал: — Неужели вы хладнокровно дадите умертвить этого храброго воина?

— Нет, если он отдаст мне свою шпагу.

— Никогда! — с жаром вскричал старик, величественным движением переломил о колено свою шпагу, окровавленную до самого эфеса, швырнул обломки к ногам вождя и, скрестив руки, бросил презрительный взгляд на победителя, говоря:

— Теперь убейте меня, я не могу защищаться!

— Bravo! — воскликнул граф и, не думая о последствиях своего поступка, бросился к майору и крепко пожал ему руку.

Серый Медведь смотрел на этих двух людей с выражением, которого нельзя передать словами.

— О! — с прискорбием прошептал он про себя. — Сколько бы мы ни разбивали их, победить нам не удастся никогда. Эти люди могущественнее нас, они рождены быть нашими повелителями.

Он поднял руку над головой.

— Довольно! — произнес он громким голосом.

— Довольно! — повторил граф. — Пощады побежденным!

При всем уважении индейцев к их предводителю, они едва ли послушались бы его теперь, но графу они повиновались мгновенно вследствие суеверного благоговения к нему. Они опустили оружие, и резне был положен конец.

В мгновение ока американцы были обезоружены, и краснокожие завладели фортом.

Серый Медведь взял свое знамя из рук воина, который нес его, несколько раз поднял его вверх и укрепил на место американского флага при иступленных рукоплесканиях толпы, которая в упоении восторга едва верила своему торжеству.

Белый Бизон не терял ни минуты, чтобы упрочить за собой мирное владение фортом, завоевание которого стоило таких усилий союзникам и таких потоков крови.

Когда вожди восстановили некоторый порядок среди воинов, когда потушили пожар, угрожавший форту, когда, наконец, были приняты все меры предосторожности, чтобы оградить себя от внезапного возвращения американцев, хотя последнее предположение и казалось маловероятным, Серый Медведь и Белый Бизон удалились в комнату, принадлежавшую раньше майору; граф отправился вслед за ними.

— Наконец-то, — весело вскричал молодой вождь, — мы доказали гордым американцам, что они могут быть побеждены!

— Ваша слабость составляла их силу, — ответил Белый Бизон. — Вы начали хорошо, теперь надо продолжать; победить — это еще не все, надо уметь пользоваться победой.

— Извините, что перебиваю вас, господа, — сказал граф, — но я думаю, что настало время свести наши счета.

— Что вы подразумеваете под этим? — надменно поинтересовался Белый Бизон.

— Сейчас объясню, — ответил граф и обратился к Серому Медведю: — Надеюсь, вы отдадите мне справедливость, — сказал он, — что я сдержал данное вам слово; несмотря на скорбь, несмотря на отвращение, я не уклонился от обещанного ни разу, вы всегда видели меня возле себя холодным и бесстрастным, не так ли? Скажите сами, вождь.

— Это справедливо, — холодно ответил Серый Медведь.

— Хорошо. Но теперь моя очередь требовать исполнения вашего слова.

— Потрудитесь выразиться точнее, граф; в последние часы я был и действующим лицом, и свидетелем таких необычайных событий, что мог забыть то, что обещал вам.

Граф презрительно улыбнулся.

— Я ожидал уверток, — сухо заметил он.

— Вы меня не поняли. Я действительно мог забыть, хотя все-таки готов исполнить всякое справедливое требование с вашей стороны.

— Положим, я допускаю это; позвольте в таком случае напомнить вам наши условия.

— Буду очень рад.

— Я обязался находиться при вас без оружия в время боя, следовать за вами всюду и постоянно находиться впереди сражающихся.

— Совершенно справедливо, и я должен сознаться, что вы благородно исполнили эту опасную задачу.

— Очень хорошо; я сделал только то, что мне повелевала честь. Вы со своей стороны обязались, каков бы ни был исход сражения, возратить мне свободу и честно выйти со мной на бой за низкую измену, жертвой которой я сделался, и за ту гнусную роль, которую вы заставили меня выполнять без моего ведома.

— Ого! — вскричал Белый Бизон, нахмутив брови и стукнув кулаком по столу. — Неужели ты действительно дал такое обещание, дитя?

Граф оглянулся на старика с неизъяснимым презрением.

— Мне кажется, прости Господи, — произнес он, — вы сомневаетесь в честном слове дворянина.

— Полноте, милостивый государь, — возразил с усмешкой революционер, — с кем это вы говорите о чести, о дворянстве? Вы забываете, видно, что вы в прерии, что перед вами дикари, как вы называете нас. Разве мы признаем ваши глупые различия каст? Разве мы приняли ваши законы и нелепые предрассудки?

— То, к чему вы относитесь с таким пренебрежением, милостивый государь, — с живостью возразил граф, — до сих пор было оплотом цивилизации и двигателем прогресса... но бросим это, с вами мне не о чем говорить, я обращаюсь к вашему приемному сыну; ему надо ответить «да» или «нет», а там я буду знать, как мне поступить.

— Хорошо, — ответил Белый Бизон, пожав плечами, — пусть говорит мой приемный сын; мне также, смотря по тому, что он ответит, будет ясно, что я должен делать.

— Позвольте, — остановил его Серый Медведь, — это дело касается одного меня, и вы, мой друг, нанесете мне смертельную обиду, если вмешаетесь в него как бы то ни было.

Белый Бизон презрительно улыбнулся, но не возразил.

Серый Медведь продолжал, обращаясь к графу:

— Я не стану прибегать к уверткам; вы сказали правду: я действительно обещал вам свободу и честный бой. Я готов сдержать свое слово.

— Ого! — заметил Белый Бизон.

— Ни слова! — повелительно остановил его индеец. — Ни слова, мой друг! Дайте мне доказать этим европейцам, которые так чванятся и так гордятся своей мнимой цивилизацией, что краснокожие не лесные звери, как воображают они, и что правила чести, которыми руководствуются на всех ступенях общества, встречаются даже у тех народов, которых силятся изображать варварами... Вы свободны, граф. Если вы потребуете, я немедленно лично выведу вас с полной безопасностью за черту укреплений. Что же касается боя, я готов исполнить ваше требование так, как вы сами того пожелаете.

— Благодарю, — ответил граф с легким поклоном, — я рад, что вы приняли такое решение.

— Теперь, когда между нами все выяснено, позвольте мне прибавить пару слов.

— Я вас слушаю.

— Может быть, я лишний? — насмешливо спросил Белый Бизон.

— Напротив, — со значением возразил Серый Медведь, — ваше присутствие в настоящую минуту нужнее, чем когда-либо.

— Вот как? Что же произойдет? — с насмешкой спросил старик.

— Сейчас узнаете, — сказал вождь все так же холодно и невозмутимо, — дайте себе труда выслушать меня.

— Говори.

Какое-то мгновение Серый Медведь как будто собирался с мыслями, после чего продолжал слегка дрожащим голосом, несмотря на все свои усилия скрыть тайное волнение:

— Вследствие событий, передавать которые долго и которые вам, вероятно, будут малоинтересны, я сделался опекуном ребенка, который теперь превратился в прелестную девушку. Я лелеял ее с детства и люблю как отец. Вы знаете ее, кажется; ее имя — Цвет Лианы.

Граф чуть заметно вздрогнул и вместо ответа утвердительно кивнул головой.

— Предприняв теперь, — продолжал Серый Медведь, — экспедицию чрезвычайно опасную, которая может окончиться моей смертью, я не могу более печься об этом ребенке; для меня горестно оставить ее в племени одну, без покровителя и без опоры, если счастье изменит мне... Я знаю, что она любит вас, граф. Я доверяю ее вам открыто,

честно, я верю в ваше благородство; хотите быть ее покровителем? Я знаю, что вы никогда не употребите во зло власть, которую я передаю вам. Я всего лишь неотесанный дикарь, чудовище, быть может, с точки зрения вашей цивилизации, но поверьте, граф, уроки замечательного человека, который поучал меня своими наставлениями, не пропали даром; мое сердце не так глухо, как можно бы думать, ко всем добрым чувствам.

— Хорошо, сын мой! — вскричал Белый Бизон в порыве радости. — Теперь я узнаю моего воспитанника. Я горжусь тобой. Кто умеет так замечательно владеть собой, тот достоин повелевать другими.

— Вы довольны, — ответил вождь, — тем лучше... А вы, граф, что скажете?

— Я принимаю священный залог, который вы передаете мне, вождь, и буду достоин вашего доверия, — с чувством ответил граф. — Не мне судить ваши действия, но поверьте, чтобы ни случилось, я всегда буду защищать вашу память и вслух заявлять о благородстве вашей души.

Не отвечая, вождь хлопнул в ладоши, дверь отворилась, и Цвет Лианы вошла в сопровождении индианки.

— Дитя, — сказал Серый Медведь, ничем не выдавая того неимоверного усилия, которого ему стоило побороть свои чувства, — твое присутствие среди нас отныне немислимо; ты сама знаешь причины. Этот вождь бледнолицых соглашается заботиться о тебе. Следуй за ним, и если когда-нибудь вспомнишь о своем пребывании у кайнахов, не проклинай ни их, ни их вождя, потому что все они были к тебе добры.

Девушка покраснела, на ее глаза навернулись слезы, нервный трепет пробежал по ее телу; не говоря ни слова она встала возле графа.

Серый Медведь с грустью улыбнулся.

— Следуйте за мной, — сказал он, — я выведу вас из лагеря.

Он вышел в сопровождении графа и молодой девушки.

— Ведь мы вскоре увидимся, благородный граф? — закричал вслед графу де Болье Белый Бизон.

— Надеюсь, — просто ответил тот.

Серый Медведь вывел графа и его спутницу из форта и повел их по равнине между группами краснокожих, которые почтительно расступались, чтобы дать им дорогу.

Шли молча около получаса. Наконец вождь остановился.

— Здесь вам больше нечего опасаться, — произнес он, подходя к густому кустарнику, ветви которого раздвинул. — Вот две лошади, приготовленные для вас; возьмите также оружие — как знать, не понадобится ли оно вам? А теперь, если все еще хотите сразиться со мной, то я к вашим услугам.

— Нет, — великодушно ответил граф, — между нами уже не может быть боя; я не в состоянии питать вражду к человеку, которого честь велит мне уважать. Вот вам моя рука, она никогда не поднимется на вас! Я протягиваю ее вам искренне и без коварства. К несчастью, две наши расы разделяет такая глубокая ненависть, что, вероятно, мы вскоре окажемся противниками, но если я и буду сражаться с вашими братьями, я тем не менее останусь лично вашим другом.

— Большого я и не требую, — ответил вождь, пожимая протянутую ему руку. — Прощайте, и будьте счастливы!

Он повернул назад и большими шагами направился обратно по той же дороге, по которой они пришли. Спустя минуту он скрылся во мраке.

— Поехали, — обратился граф к девушке, задумчиво смотревшей вслед человеку, которого она так долго любила как отца, а теперь не чувствовала в себе сил ненавидеть.

Они сели на лошадей и поскакали прочь, на ходу еще раз оглянувшись на огни в лагере черноногих.

ГЛАВА XXVIII

Каждому по заслугам

Ночь была темная, холодная и печальная, на небе не сияло ни звездочки. Молодые люди с величайшим трудом пробирались сквозь чащу кустарника и лиан, где ноги лошадей путались на каждом шагу.

Разумеется, они продвигались вперед очень медленно и все время хранили молчание, оба погруженные в мысли о странном положении, в которое попали, и о необычайных событиях, которых были свидетелями и участниками.

Так они ехали около часа, когда вдруг в кустарнике поднялся шум, два человека бросились к лошадям и, схватив под уздцы, заставили их остановиться.

Цвет Лианы вскрикнула от испуга.

— Эй, вы, разбойники! — крикнул граф, взводя курок пистолета. — Назад — или я прострелю вам голову!

— Черт побери! Не делайте этого, граф, вы рискуете убить друга, — немедленно ответил знакомый голос.

— Меткая Пуля! — в изумлении вскричал граф.

— А вы как думали! — откликнулся тот. — Не вообразили ли вы, чего доброго, что я вас бросил?

— Мой хозяин, мой добрый хозяин! — вскричал Ивон, выпустив повод лошади Цвета Лианы, за который было ухватился, и бросаясь к молодому человеку с криком радости.

Граф, также обрадованный встречей со старым слугой, позволил ему обнять себя и горячо отвечал на его изъявления преданности.

— Но послушайте, — сказал де Болье, когда первое волнение, вызванное неожиданной встречей, несколько утихло, — за каким чертом вы тут засели в кустах, как лесные разбойники?

— Поедем в наш стан, господин Эдуард, и мы все расскажем.

— Согласен. Показывайте дорогу.

Вскоре достигли входа в пещеру, где при колеблющемся свете угасающего костра они увидели порядочное число белых охотников и мулатов, а среди них граф узнал Джона Брайта, его сына, жену и дочь.

Достойный переселенец оставил плантацию под присмотром двух своих слуг и, опасаясь за жену и дочь на время своего отсутствия, предложил им сопровождать его. Хотя предложение и казалось странным, однако они приняли его с радостью. Цвет Лианы тотчас подошла к двум жёнщинам и встала возле них.

Меткая Пуля, переселенец, а более всех Ивон — все горели нетерпением узнать, что же произошло с графом и как ему удалось уйти из стана краснокожих.

Де Болье охотно удовлетворил их любопытство, тем более что сам хотел скорее узнать, почему его приятели засели в засаде так близко к форту.

Как предвидели охотники, так и случилось: едва краснокожие завладели фортом, как между ними начались раздоры. Некоторые индейские вожди были недовольны, что Серый Медведь, один из самых молодых вождей, приписывал победу одному себе и захватил все выгоды, сопряженные с ней, расположившись только со своим племенем в форте, который все племена завоевали ценой большой крови и невероятных усилий. Среди них начинало распространяться

тайное неудовольствие; человек шесть из самых могущественных вождей даже грозились по прошествии менее чем двух часов после битвы немедленно уйти со своими воинами и оставить Серого Медведя одного продолжать войну с белыми как ему заблагорассудится.

Красному Волку не встретилось больших затруднений для измены, которую он замышлял. Едва наступила ночь, как он пробрался в стан со своими воинами и раздул огонь, который только тлел под пеплом, но вскоре вспыхнул пожирающим пламенем благодаря средствам подкупа, которыми располагал вождь.

Из всех пагубных привычек, которые европейцы привили коренным жителям Америки, самой страшной и самой губительной была, бесспорно, страсть к водке и крепким напиткам вообще. За исключением команчей, трезвость которых вошла в пословицу и которые положительно отказывались до сих пор пить что-либо кроме речной воды, все индейцы без ума от крепких напитков.

У этих первобытных народов опьянение страшно и достигает размеров бешенства.

Задумав нанести вред Серому Медведю и, кроме того, слепо повинаясь наущениям миссис Маргарет, Красный Волк разработал гнусный план, который мог возникнуть только в голове индейца.

Джон Брайт привез с собой довольно большое количество виски. Красный Волк взял его, погрузил на санки и таким образом явился в лагерь союзников.

Узнав, с каким товаром он прибыл, индейцы не задумываясь оказали ему самый дружеский прием.

Наставляя их и описывая Серого Медведя человеком, который действовал из одних только личных выгод и с целью удовлетворить ненасытное честолюбие, Красный Волк великодушно отдал индейцам привезенную им водку.

Краснокожие с радостью приняли щедрый подарок и тотчас приступили к распитию. Когда Красный Волк увидел, что они достигли желаемой степени опьянения, он предупредил своих союзников о возможности попытаться занять форт, захватив неприятеля врасплох.

Охотники сели на лошадей, направились к форту и в двухстах шагах от него засели в лесу в ожидании сигнала.

Проходя лагерь на обратном пути в форт, Серый Медведь заметил волнение, царившее среди его союзников; несколь-

ко некрасивых эпитетов неприятно поразили его слух. Хотя он не думал, чтобы американцы после жестокого урока были в состоянии в тот же самый день перейти к немедленным наступательным действиям, но подозревал измену, хорошо зная нравы своих соплеменников, и решил соблюдать величайшую осторожность, чтобы избежать столкновения, последствия которого могли быть губительны для успеха его замыслов. Волнуемый мрачным предчувствием, молодой вождь прибавил шагу, чтобы скорее достигнуть форта, но в ту минуту, как он отворял ворота, чья-то рука тяжело опустилась ему на плечо и грубый голос произнес у самого его уха:

— Серый Медведь изменник!

Вождь обернулся, как ужаленный змеей, и, взмахнув над головой своим тяжелым топором, нанес дерзкому страшный удар, но тот ловко отскочил в сторону и в свою очередь замахнулся топором на противника, который отвел удар рукояткой своего оружия; затем они с остервенением ринулись друг на друга и схватились врукопашную.

Было что-то необычайно страшное в этой ожесточенной борьбе двух человек, безмолвных, как призраки, бешенство которых прорывалось наружу лишь в свисте порывистого дыхания.

— Умри, собака! — вдруг вскричал Серый Медведь, всадив свой топор острием в череп противника, который рухнул наземь с душераздирающим криком.

Вождь наклонился к нему.

— Красный Волк! — прошептал он. — Я подозревал это.

Едва уловимый шелест внезапно послышался в траве и напомнил вождю об опасности его положения; исполинским скачком он отпрыгнул назад, очутился за воротами форта и быстро захлопнул их за собой.

Необходимо было скрыться за укрепление.

Едва он исчез из вида, как человек двадцать, стремившихся к нему со всех ног, почти ударились лбом о ворота с глухим возгласом ярости и разочарования.

Но тревога уже поднялась, общее сражение было неизбежно.

Не успел Серый Медведь сделать и пары шагов в форте, как с горечью убедился, что победа, купленная им так дорого, ускользает из его рук.

Кайнахи по собственному побуждению сделали в форте то, чему поддались на равнине черноногие вследствие козней Красного Волка.

После взятия форта они разошлись во все стороны; разумеется, вскоре они напали на крепкие напитки, выкатили на двор бочки и разбили их, пользуясь для такого непростительного нарушения дисциплины отсутствием Серого Медведя и сном Белого Бизона, который в этот день утомился до крайности и прилег вздремнуть. Только влияние этих двух человек могло бы удержать их в границах долга.

Началась страшная оргия, индейская оргия со всеми возмутительными эпизодами убийства и резни. Как мы уже говорили, опьянение для краснокожих — это сумасшествие, доведенное до последнего пароксизма бешенства и неистовства; произошло ужасное побоище, следствием которого явилась огромная куча раненых и просто спящих беспробудным сном индейцев среди двора.

— О! — в отчаянии прошептал вождь. — Что сделаешь с такими людьми?

Он бросился в комнату, где оставил Белого Бизона.

Старый вождь спал мирным сном, откинувшись на спинку кресла.

— Беда! Беда! — закричал молодой человек, бросаясь к нему и сильно встряхивая, чтобы разбудить.

— Что такое? — вскричал старик, поднимая голову и открывая глаза. — Что с тобой?

— Со мной-то ничего. Но мы погибли! — воскликнул Серый Медведь.

— Погибли?! — изумленно повторил Белый Бизон. — Но что произошло?

— Наши воины мертвецки пьяны, все шестьсот человек. Наши союзники поднимаются против нас, и нам остается только умереть.

— Там умрем, но умрем как люди мужественные! — ответил старик, вставая.

Он расспросил Серого Медведя, который передал ему в двух словах подробности того, что произошло.

— Положение опасно, но еще не все погибло, надеюсь, — заключил Белый Бизон, внимательно выслушав рассказ вождя. — Соберем несколько человек, способных владеть оружием, и попытаемся дать отпор.

Вдруг раздался страшный залп из ружей, к которому при-
мешивались боевые крики и громкое «ура».

— Завязался решительный бой! — вскричал Серый Мед-
ведь.

— Вперед! — ответил старик.

Они бросились вон из комнаты.

Положение было крайне опасным.

Пользуясь опьянением караульных, майор Мелвилл раз-
бил двери своей темницы и с двадцатью американцами храб-
ро напал на краснокожих, между тем как охотники,
оставшиеся снаружи, пытались перелезть через палисад.

Индейцы прерий, не зная о смерти Красного Волка и по-
лагая, что действуют согласно его наставлениям, продвига-
лись сплошной массой к форту, чтобы овладеть им.

Серому Медведю приходилось бороться в одно и то же
время с неприятелем внутри форта и неприятелем вне его,
но он не отчаивался; напротив, его энергия как будто росла
с опасностью, он был везде, попевал повсюду, ободрял од-
них, журил других, словом — всем вливал в душу свое пла-
менное рвение.

Услышав его голос, многие из воинов вскакивали на ноги
и примыкали к нему. Снова разгорелась жестокая битва.

Между тем охотники, подстрекаемые графом и Меткой
Пулей, прилагали невероятные усилия, хватались за неров-
ности вала и с упорным ожесточением лезли один через
другого, чтобы взобраться на палисад и проникнуть в форт.
Хотя и несколько озадаченные неожиданностью, поскольку
думали, что застигнут неприятеля врасплох, охотники би-
лись с невообразимой стойкостью, то и дело бросаясь на
приступ под смертоносным огнем; они решились, по-види-
мому, скорее дать убить себя, но не отступить ни на шаг.

В продолжение двух часов, пока еще было темно, сраже-
ние продолжалось без явного преимущества ни с одной, ни с
другой стороны, но когда на горизонте показалось солнце,
дело мгновенно приняло иной оборот.

Во мраке индейцы не могли рассмотреть, с кем они бьют-
ся, но едва занялся рассвет, как их взорам представился
сражающийся в первых рядах среди их врагов и беспощадно
валивший краснокожих тот самый человек, на которого они
более всего полагались, которого их вожди и колдуны пред-
вещали им как знамение победы.

Индейцы смешались и, несмотря на усилия вождей, попятись назад.

Граф, окруженный Меткой Пулей, Ивоном, переселенцем и его сыном, бил индейцев, как на бойне, он мстил за измену, жертвой которой сделался, и при каждом ударе валил их, словно зрелые колосья.

Наконец граф достиг ворот форта, но там наткнулся на отборное войско под командой Белого Бизона, отступавшее в полном боевом порядке лицом к неприятелю, ожесточенно преследуемое майором Мелвиллом, который уже завладел фортом.

Настала минута — мы не скажем колебания, но остановки в сражении между двумя неприятельскими отрядами; каждый сознавал, что судьба битвы зависит от того, кто из них одержит верх.

Вдруг показался Серый Медведь, вне себя от горя и бешенства. Размахивая знаменем, которое держал в руке, и коленями управляя великолепным конем, он ворвался в плотные ряды неприятеля с тщетной надеждой ободрить своих воинов и восстановить равный бой. С коня и всадника струились кровь и пот, на искаженном лице вождя уже лежала печать смерти, но в нем еще сияла восторженность, глаза метали молнии, и дрожащей рукой он заносил топор, окровавленный до самой рукояти.

За ним следовали человек двадцать преданных воинов, также раненых, но, подобно ему, твердо решившихся не пережить своего поражения.

Домчавшись до передовых постов американцев, Серый Медведь остановился, нахмурил брови, судорожная улыбка мелькнула на его губах, он гордо поднял голову, привстал на стременах и медленно обвел вокруг себя пристальным взором.

— Братья черноногие! — вскричал он громким голосом. — Вы не умеете быть победителями, так научитесь, по крайней мере, умирать. За мной, мои верные воины!

И, вонзив шпоры в бока лошади, которая заржала от боли, он ринулся на американцев с кучкой воинов, которые сопровождали и поклялись не бросать его. Это небольшое число людей, обречших себя на смерть, было поглощено массой охотников и скрылось среди них. Несколько мгновений длилась глухая борьба, ужасное побоище, резня, которую трудно передать пером, исполинский бой пятнадцати полунагих

человек с тремьями, потом волнение мало-помалу утихло, опять восстановилось спокойствие, и ряды охотников вновь сомкнулись.

Черноногие герои легли костями, устроив себе кровавые похороны: сто двадцать американцев пали на поле битвы, покрыв собой тела врагов.

Лишь один отряд Белого Бизона еще сопротивлялся, но пробил и его последний час — майор Мелвилл преследовал его с тыла, граф де Болье нападал на него с фронта. Произошла страшная схватка. Индейцы упорно сопротивлялись и дорогой ценой уступали белым победу, но, стесненные со всех сторон, падая под меткими выстрелами охотников, они вскоре пришли в замешательство, бросились в разные стороны и пустились бежать.

Только один человек остался на месте действия, холодный и бесстрастный.

Это был Белый Бизон. Опираясь на свою длинную саблю, бледный, но с гордым взглядом, он и теперь еще смотрел на противников с выражением вызова, хотя не мог уже более с ними биться.

— Сдавайтесь! — крикнул Меткая Пуля, бросаясь к нему. — Сдавайтесь — или я убью вас без пощады!

Вождь презрительно улыбнулся и не удостоил охотника ответом.

Неумолимый охотник схватил свою винтовку за дуло и взмахнул ею над головой.

Граф быстро остановил его руку.

— Оставьте, Меткая Пуля! — вскричал он.

— Зачем вы его удерживаете? — холодно промолвил старик.

— Я не хочу, чтобы он вас убил, — возразил молодой человек.

— Стало быть, вы убьете меня, граф де Болье? — заметил старик язвительно.

— Нет, — с презрением ответил молодой человек. — Бросьте оружие, я дарю вам жизнь!

Изгнанник взглянул на него со злобной ненавистью.

— Вместо того чтобы приказывать мне бросить оружие, — насмешливо спросил он, — почему вы не пытаетесь отнять его у меня?

— Потому что щажу вашу старость, щажу ваши седые волосы.

— Щадите? Сознайтесь лучше, благородный граф, что вы трусите.

При этом кровавом оскорблении молодой человек затрепетал, лицо его покрылось смертельной бледностью.

Американцы окружили их и с беспокойством ждали, что из этого выйдет.

— Кончим скорее, — крикнул майор Мелвилл. — Убейте бешеное животное!

— Позвольте только одну минуту, — обратился к нему граф. — Я один кончу это дело.

— Как хотите, граф.

— Так вы желаете сразиться со мной? — спросил де Болье у изгнанника, который все время оставался бесстрастным.

— Да, — ответил старик сквозь зубы, — я хочу биться на смерть, это будет борьба не двух человек, но двух начал, я ненавижу вашу касту, как вы ненавидите мою.

— Согласен!

Граф взял две сабли из рук тех, кто стоял к нему ближе, и бросил одну из них к ногам изгнанника. Тот наклонился, чтобы взять ее, но в ту минуту, когда он хотел поднять голову, Ивон прицелился в него из пистолета и выстрелом раздробил ему череп.

Молодой человек обернулся к своему слуге в порыве бешенства.

— Несчастный! Что ты наделал?! — вскричал он.

— Что прикажете, сударь, убейте меня, если хотите, — наивно возразил бретонец, — но — ей-Богу! — это было выше моих сил, я так струсил!

Изгнанник был убит наповал и унес с собой в могилу тайну своего имени.

— Полно, полно! — вмешался майор. — Не сердитесь на бедного малого, он думал поступить как лучше, и что касается меня, то я разделяю его мнение.

Этот случай не имел других последствий.

Пока во дворе форта происходила эта сцена, Джон Брайт, спешивший как можно скорее успокоить жену и дочь, отправился их отыскивать, но напрасно он обошел все строения в форте, где они скрывались еще за несколько минут до этого, — их нигде не оказалось.

Бедный переселенец вернулся с расстроенным лицом и с отчаянием в сердце сообщить майору об исчезновении его жены и дочери, вероятно похищенных индейцами.

Не теряя времени, майор приказал десяти охотникам отправляться на розыски.

Но в ту минуту, когда маленький отряд уже выезжал на разведку, они появились в сопровождении Меткой Пули и двух охотников-американцев. Маргарет и ее дочь были с ними.

Едва Цвет Лианы увидела графа, как вскрикнула от радости и бросилась к нему с восклицанием:

— Спасен!

Но вдруг она покраснела, задрожала и в смущении бросилась обратно к матери.

Граф подошел к ней, взял за руку и нежно пожал ее.

— Разве вы не любите меня больше, Цвет Лианы, теперь, когда я свободен? — тихо спросил он.

Молодая девушка подняла голову и взглянула на него глазами, полными слез.

— О! Все так же, все так же! — ответила она.

— Видишь, дитя мое! — тихо сказала миссис Брайт бедной Диане.

— Мама, — твердо возразила девушка, — ведь я уже сказала, что забуду его.

Жена переселенца покачала головой, но ничего не ответила.

Индейцы бежали, не оставив после себя и следа.

Несколькими часами позже все в форте приняло обычный вид.

В тот же вечер Джон Брайт по настоянию жены простился с графом и майором и вернулся на свою плантацию.

***

Зима прошла без особых событий. Жестокий урок, преподанный индейцам, послужил им на пользу.

Цвет Лианы, признанная дядей, осталась жить в форте Мэкензи.

Она была задумчива и грустна; часто она стояла неподвижно часами, облокотившись на парапет и глядя вдаль на равнину и леса, которые снова покрывались листвой. Мать и добрый майор, которые души в ней не чаяли, не знали, чему приписать ее мрачную тоску. Когда ее расспрашивали, она постоянно отвечала, что нисколько не тоскует.

Однако в один прекрасный день ее лицо просияло и веселая улыбка опять появилась на нем.

Три путешественника прибыли в форт. Граф де Болье, Меткая Пуля и Ивон возвращались из дальней поездки в Скалистые горы.

Тотчас по прибытии граф подошел к молодой девушке и так же, как три месяца назад, взял ее за руку.

— Любите вы меня еще, Цвет Лианы? — спросил он и теперь.

— О, все так же! — тихо ответила бедная девушка, очень робкая с тех пор, как рассталась с прериями.

— Благодарю, — произнес граф и, обратившись к майору и его сестре, которые глядели на него с беспокойством, прибавил, не выпуская руки девушки: — Прошу у вас ее руки.

Брак совершился спустя неделю. Переселенец и его семейство присутствовали при венчании. За месяц до того Диана вышла замуж за Джеймса, но когда произнесла обычное «да», она невольно вздохнула.

— Вот видите, Ивон, индейцы не могут убить белых, как бы ни старались, — сказал Меткая Пуля Ивону при выходе после церемонии венчания.

— Я и сам начинаю так думать, — ответил тот, — но все равно, любезный друг, я век не привыкну к этому страшному краю, трусость так и одолевает меня.

— Шутник! — прошептал канадец. — Все такой же, как и был.

***

Чтобы удовлетворить любопытство некоторых читателей, которым непременно надо знать все, мы прибавим следующее в виде замечания в скобках.

Спустя несколько месяцев после 9 термидора несколько членов Конвента, несмотря на важную роль, которую играли в этот день, были сосланы во Французскую Гвиану; двум из них, Колло-д'Эрбуа и Билло-Варенну, удалось бежать из Сирнамари. Они скрылись в прериях, где вынесли ужасные страдания. Колло-д'Эрбуа погиб. Мы рассказали историю его товарища.

СОДЕРЖАНИЕ

МИССУРИЙСКИЕ РАЗБОЙНИКИ

<i>ГЛАВА I</i> Читатель знакомится с героем этой истории	7
<i>ГЛАВА II</i> Как капитан Пьер Дюран расстался со своим другом	16
<i>ГЛАВА III</i> Сэмюэль Диксон дает прекрасные советы своему брату	26
<i>ГЛАВА IV</i> О человеке, который макал сухари в воду и припеваючи ел сардинки	35
<i>ГЛАВА V</i> Как канадец и Оливье, рассказав друг другу историю своей жизни, заключили наступательный и оборонительный союз против всех	44
<i>ГЛАВА VI</i> Каким образом Храбрец и его друг держали большой совет и что из этого вышло	54
<i>ГЛАВА VII</i> Каким образом Сэмюэль Диксон застрелил оленя и что из этого вышло	64
<i>ГЛАВА VIII</i> Каким образом Джордж Диксон стал неожиданным хозяином Оленьей долины	75
<i>ГЛАВА IX</i> Здесь Диана терпит нападение врага, с которым, несмотря на его свирепость, ладит ее собака Дардар	87
<i>ГЛАВА X</i> Какая неожиданная встреча состоялась у Сэмюэля Диксона и Джорджа Клинтона и что из этого вышло	97
<i>ГЛАВА XI</i> Что за человек тот раненый, которому Джордж Клинтон предложил убежище	107
<i>ГЛАВА XII</i> Каким образом Оливье прибыл в селение гуронов племени Бизонов и какой прием встретил его в доме отца и деда его друга Меткой Пули	116

<i>ГЛАВА XIII</i> Здесь объясняется причина присутствия трех охотников в хижине Джорджа Клинтона	126
<i>ГЛАВА XIV</i> Капитан Том Митчелл высказывается.....	134
<i>ГЛАВА XV</i> О чем шла речь у переселенца с братом и что из этого вышло.....	143
<i>ГЛАВА XVI</i> Неожиданное появление новых личностей	152
<i>ГЛАВА XVII</i> Каким образом Том Митчелл стал заступником обиженных.....	162
<i>ГЛАВА XVIII</i> Один крайне скучный разговор между заслуженными мошенниками	171
<i>ГЛАВА XIX</i> Том Митчелл является в необыкновенном виде.....	180
<i>ГЛАВА XX</i> Том Митчелл признает, что нет лучшей затеи, чем быть честным человеком	189
<i>ГЛАВА XXI</i> Славная охота.....	198
<i>ГЛАВА XXII</i> Каким образом капитан Том Митчелл становится вершителем судеб своих врагов и друзей	207
<i>ГЛАВА XXIII</i> Описание обрядов индейской свадьбы	215
<i>ГЛАВА XXIV</i> Каким образом Лагрэнз принял неожиданных гостей и что из этого вышло....	224
<i>ГЛАВА XXV</i> Как вершится правосудие в прериях	232
<i>ГЛАВА XXVI</i> Последняя битва.....	240

МЕТКАЯ ПУЛЯ

<i>ГЛАВА I</i> Лагерь охотников.....	249
<i>ГЛАВА II</i> Найденный след	263
<i>ГЛАВА III</i> Переселенцы.....	275
<i>ГЛАВА IV</i> Серый Медведь	284
<i>ГЛАВА V</i> Незнакомка.....	297
<i>ГЛАВА VI</i> Оборона лагеря.....	308
<i>ГЛАВА VII</i> Индейский вождь	318

<i>ГЛАВА VIII</i>	Изгнанники	330
<i>ГЛАВА IX</i>	Цвет Лианы	342
<i>ГЛАВА X</i>	Большой совет	353
<i>ГЛАВА XI</i>	Американское гостеприимство	363
<i>ГЛАВА XII</i>	Степная Волчица	375
<i>ГЛАВА XIII</i>	Селение кайнахов	385
<i>ГЛАВА XIV</i>	Прием	396
<i>ГЛАВА XV</i>	Белый Бизон.....	406
<i>ГЛАВА XVI</i>	Шпион	415
<i>ГЛАВА XVII</i>	Форт Макензи.....	423
<i>ГЛАВА XVIII</i>	Исповедь матери	432
<i>ГЛАВА XIX</i>	Охота	440
<i>ГЛАВА XX</i>	Индейская дипломатия	449
<i>ГЛАВА XXI</i>	Мать и дочь.....	458
<i>ГЛАВА XXII</i>	Ивон	468
<i>ГЛАВА XXIII</i>	План кампании	477
<i>ГЛАВА XXIV</i>	Стан черноногих	486
<i>ГЛАВА XXV</i>	Перед нападением	498
<i>ГЛАВА XXVI</i>	Красный Волк.....	509
<i>ГЛАВА XXVII</i>	Нападение.....	518
<i>ГЛАВА XXVIII</i>	Каждому по заслугам	529

Г. Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 19

Редактор Е. Серегина

Художественный редактор И. Сайко, С. Шальмов

Технический редактор Е. Серегина

Корректор В. Лизунова

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 29.11.93. Формат 84х108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 31,3.
Тираж 50 000 экз. Заказ 989.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва,
Автозаводская ул., 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации Российской Федерации.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

